НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

майко в.в.

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X-XII вв.

NATIONAL UKRAINIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY CRIMEAN BRANCH

V.V. MAIKO

EASTERN CRIMEA IN THE SECOND HALF OF THE X-XII CENTURY

УДК 904'18(477.75)"09/11" ББК
M
Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв
V.V. Maiko Eastern Crimea in the second half of the X-XII century
ISBN
В работе впервые проведен комплексный анализ материальной культуры населения Восточного Крыма второй половины X—XII вв. На основании археологических материалов и письменных источников сделано предположение о том, что появление новой провинциально-византийской археологической культуры, не имеющей подосновы в предшествующей салтово-маяцкой, датируется серединой X в. В отличие от нее, она демонстрирует совершенно другой характер и степень византинизации. Обоснован вывод о том, что проанализированная археологическая культура относится к кругу синхронных культур причерноморских византийских провинций и оставлена населением Причерноморского региона, которое постоянно находилось в орбите экономического и культурного влияния Византийской империи. Специфику ей придает географическое положение региона на хазаро-русско-византийском пограничье. Для специалистов археологов, музейных работников, преподавателей и студентов ВУЗов.
The complex analysis of material culture of population of East Crimea of the second half of X-XII century is first conducted in-process. On the basis of archaeological materials and writing sources is done supposition that appearance of the new Provincially-Byzantine archaeological culture, not having the real cause in preceding saltovo-majaki archaeological culture, dated the middle of X century. In the difference of them, it demonstrates completely another character and degree of Byzantinization. A conclusion is reasonable that the analyzed archaeological culture behaves to the circle of synchronous cultures of the Byzantine provinces of Black sea region and left by the population of the Black sea region, that constantly was in the orbit of economic and cultural influence of the Byzantine Empire. A specific of culture is given by the geographical location of region in Khazar-Rus-Byzantine border. The book is dedicated for the specialists of archaeology, museum workers, lecturers and students of Universities.
Утверждено к печати Ученым советом Крымского филиала Института археологии НАН Украины
The monographs is approved by the Scientific Council of the Crimean branch of Archaeology Institute, National Ukrainian Academy of Sciences
РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Д.и.н., проф. А.И. Айбабин Д.и.н., проф. С.Б. Сорочан Д.и.н. Ю.М. Могаричев Член-корр. НАНУ, д.и.н., проф. А.П. Моця Член-корр. НАНУ, д.и.н. А.П. Толочко На обкладинці: загальний вигляд розкопу VI в портовій частині середньовічної Сугдеї УДК 904'18(477.75)"09/11" ББК

ISBN.....

СОДЕРЖАНИЕ

введение	9
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	13
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ	23
2.1. ПИСЬМЕНННЫЕ ИСТОЧНИКИ	23
2.2. СФРАГИСТИЧЕСКИЕ, ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ	41
ИСТОЧНИКИ	
2.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	45
ГЛАВА 3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ	53
3.1. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ	53
3.2. ФОРТИФИКАЦИЯ	57
3.3. ЗОЛЬНИКИ	62
3.4. ХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ	65
3.5. НЕКРОПОЛИ	68
ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	87
4.1. КЕРАМИКА	87
4.1.1. Тарная керамика	87
4.1.2. Кухонная керамика	99
4.1.3. Столовая посуда	103
4.1.4. Импортная поливная керамика	112
4.1.5. Раннегончарная кочевническая керамика	115
4.2. ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ	117
4.3. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА. РЕМЕСЛЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ И	123
БЫТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ	
4.3.1. Земледельческие орудия и ремесленные предметы	123
4.3.2. Бытовые изделия и предметы для игр	124
4.4. НАХОДКИ, СВЯЗАННЫЕ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ПОРТА	133
4.5. УКРАШЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА	138
4.5.1. Браслеты и стеклянные изделия	138
4.5.2. Серьги	147
4.5.3. Перстни, кольца, подвески и спирали	149
4.5.4. Пуговицы-подвески и бубенчики	150
4.5.5. Накладки, копоушки, ворварки, обручи	153
4.5.6. Бусы	156
4.5.7. Элементы костюма	159
4.6. ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА	165
4.6.1. Энколпионы	165
4.6.2. Кресты-медальоны и кресты-тельники	171
4.6.3. Медальоны	174
4.6.4. Иконы	179
4.6.5. Элементы церковной утвари	180
4.6.6. Обрядовые предметы, амулеты	182
ГЛАВА 5. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
SUMMARY	222
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	223
BIBLIOGRAPHY CHICOV COVPA HIELHIЙ	265
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ABBREVIATIONS	265
ИЛЛЮСТРАНИИ	266

CONTENT

INTRODUCTION	9
CHAPTER 1. HISTORY OF STUDY	13
CHAPTER 2. SOURCES OF STUDY	23
2.1. WRITE SOURCES	23
2.2. SFRAGISTIC, EPIGRAPHIC AND NUMISMATIC SOURCES	41
2.3. ARCHAEOLOGICAL SOURCES	45
CHAPTER 3. ARCHAEOLOGICAL OBJECTS	53
3.1. DWELLINGS AND ECONOMIC BUILDING	53
3.2. FORTIFICATION	57
3.3. ASH-PITS	62
3.4. CHRISTIAN TEMPLES	65
3.5. NECROPOLISES	68
CHAPTER 4. MATERIAL CULTURE	87
4.1. CERAMICS	87
4.1.1. Packing-case ceramics	87
4.1.2. Kitchen ceramics	99
4.1.3. Table-ware	103
4.1.4. Imported watering ceramics	112
4.1.5. Early-pottery nomad ceramics	115
4.2. ARMAMENT AND HORSE EQUIPMENT	117
4.3. AGRICULTURAL TOOLS. HANDICRAFT OBJECTS AND DOMESTIC WARES	123
	123
4.3.1. Agricultural instruments and handicraft objects 4.3.2. Domestic wares and objects for games	123
4.4. FINDS RELATED TO FUNCTIONING OF PORT	133
4.4. FINDS RELATED TO FUNCTIONING OF FORT 4.5. DECORATIONS AND ELEMENTS OF SUIT	138
4.5.1. Bangles and glass wares	138
4.5.2. Ear-rings	138
4.5.2. Ear-rings 4.5.3. Finger-rings, rings, pendants and spirals	147
	150
4.5.4. Buttons-pendants and adenophoras	150
4.5.5. Protective straps, ear cleaners, metallic stripe, hoops 4.5.6. Beads	
4.5.7. Elements of suit	156
4.6. ARTICLES OF CHRISTIAN CULT	159 165
4.6.1. Encolpions	165
4.6.2. Crosses-medallions and crosses on body 4.6.3. Medallions	171
4.6.4. Icons	174
4.6.5. Elements of church utensil	179 180
	182
4.6.6. Ceremonial objects, amulets CHAPTER 5. RECONSTRUCTION OF POLITICAL HISTORY	189
SUMMARY	207
BIBLIOGRAPHY	223
ABBREVIATIONS	265
ILLUSTRATIONS	266

ВВЕДЕНИЕ

Историческое развитие различных регионов средневековой Таврики в средневизантийское время (X-XII вв.) освещено в литературе очень неравномерно. Наименее исследованным оказался восточный регион полуострова. Если в предшествующее время памятники т.н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры этой части Крыма, свидетельства письменных источников изучены и обобщены в исторических построениях сравнительно неплохо (Баранов, 1990; Айбабин, 1999; 2003), то эпоха, наступившая после их исчезновения и до вхождения Таврики в состав улуса Золотой Орды в середине XIII в. с полным привлечением всего комплекса источников, прежде всего археологических, никогда не рассматривалась. Связано это с тем, что материальная культура этого региона полуострова во всех ее составляющих в комплексе никогда не анализировалась.

Причин этому несколько. Во-первых, это объективная узость источниковой базы. В предшествующее салтово-маяцкое время степень заселенности восточного Крыма была очень высока. В настоящее время количество известных только по разведкам и раскопкам памятников составляет более 100. После их исчезновения в этой части средневековой Таврики жизнь продолжается только в двух крупнейших городских центрах Боспоре и Сугдее. При этом ни один известный археологический комплекс Сугдеи и Боспора салтово-маяцкого времени не переживает середину X в. До сегодняшнего дня, кроме единичных кочевнических погребений, ни одного сельского или другого городского поселения не обнаружено. Безусловно, необходимо учитывать недостаточную археологическую изученность региона. Но это не объясняет данный феномен, учитывая, что в юго-западной части и на южном берегу Крыма и на Тамани сельские поселения этого времени в небольшом количестве, но есть. Однако и здесь на рубеже X-XI вв. значительная часть населения концентрируется в сравнительно крупных укрепленных поселениях, а количество собственно селищ по сравнению с предшествующим временем резко сокращается (Иванов, 2013, с. 175).

Интересную информацию для размышления могут дать недавние наблюдения Г. Атанасова и Н.Д. Русева. Основываясь на археологической ситуации, авторы приходят к выводу о том, что в это же самое время были оставлены и десятки поселений VIII-IX вв. у Днестра и Днестровского лимана, что подтверждается отсутствием на них материалов второй половины X-XI вв. Сходные процессы отмечаются и на Валашской равнине. При этом следов насильственного уничтожения поселений так же не зафиксировано. Опираясь на эти данные, а так же сообщения письменных источников исследователями высказано предположение, что часть населения Поднестровья, Приазовья и Северного Причерноморья с санкции болгарского царя организованно было переселено в земли к югу от Дуная, а так же в Добруджу, что являлось частью антивизантийской политики Семеона Великого (893-927). Обезлюдевшие степи севернее Дуная достались печенегам. Исходя из болгаро-печенежского договора, болгары уступали свои территории за Дунаем и к северу от «Траянова» вала кочующим печенегам в обмен на обязательства охранять северную и северо-восточную границы царства, что позволяет представить их в качестве федератов. Являлся ли уход населения на юг и поселение печенегов однократным актом конца IX – начала Х вв. или это был более продолжительный процесс, растянувшийся почти до середины Х в сказать трудно. Однако еще до середины Х в. этот процесс завершился (Атанасов, Русев, 2011, с. 28-30).

Вероятно, и в Таврике главную роль играл так же печенежский фактор. Согласно сведениям Константина Багрянородного, в середине X в. угроза со стороны печенегов была одной из главных забот внешнеполитической деятельности Византии на северных границах империи. Эта опасность сохранялась и в течение первой половины XI в. Заинтересованные в развитии торговли, кочевники не мешали развитию приморских городских центров, каковыми и являлись Сугдея и Боспор. Труднодоступными были горные территории южнобережья, Херсонес и его округа, единственные из местностей Таврики, находились под постоянным контролем Византии. В крымских же степях, судя по отдельным известным на сегодняшний день погребениям, в течение ста лет безраздельно властвовали печенеги.

Во-вторых, это субъективная узость источниковой базы. Материалы интересующего нас времени Сугдеи и Боспора, до сих пор по большей части не опубликованы, а опубликованные – анализируют только отдельные сюжеты, не позволяющие представить процесс развития этого региона Крыма в целом. Не изменяют положение дел и несколько кратких работ энциклопедического характера, к сожалению, исходя из формата издания, слабо проиллюстрированных (Айбабин, 2003, с. 74-81).

Тем не менее, источниковая база может быть расширена за счет сравнения материалов Сугдеи и Боспора и синхронных памятников других частей средневековой Таврики и сопредельных территорий. В качестве таковых, безусловно, необходимо упомянуть Херсонес. Он, как известно, является наиболее изученным памятником провинциально-византийской городской культуры Таврики, прежде всего в средневизантийский период. Сравнение характера застройки городской территории, основных составляющих элементов городской инфраструктуры, самих объектов и непосредственно археологического материала, позволяет реконструировать соответствующие элементы культуры восточного Крыма, которые изучены значительно хуже. В качестве дополнительного археологического источника необходимо привлекать материалы исследований городов и поселений южного берега Крыма, которые так же археологически изучены значительно лучше восточных. Из пограничных и культурно родственных территорий следует упомянуть археологические памятники Тамани, Северного Кавказа, Балкан.

Таким образом, необходимо максимальное расширение источниковой базы. Во-первых, за счет максимально полного использования всех археологических материалов восточного Крыма. Во-вторых, за счет сравнительного анализа одновременных памятников всей средневековой Таврики и сопредельных территорий. В-третьих, за счет привлечения всех существующих письменных свидетельств и других категорий источников (сфрагистических, эпиграфических, нумизматических) для анализа процесса исторического развития восточного Крыма.

При таком подходе, появляется возможность впервые определить особенности культуры, ее общие и специфические черты по сравнению с другими регионами средневекового Крыма и сопредельных территорий. Это позволяет более обосновано реконструировать все стороны жизнедеятельности населения и те исторические процессы, которые протекали на этой территории средневековой Таврики в рассматриваемый хронологический период.

Географические рамки исследования очерчивают территорию восточного Крыма, включая и его юго-восточную часть (Клюкин, Корженевский, Щепинский, 1990, с. 3; Айбабин, 1999, с. 9). Этот район полуострова начинается примерно от с. Морское Судакского горсовета и продолжается до Боспора-Керчи. В связи с отсутствием четких географических критериев (Подгородецкий, 1988, с. 150, рис. 8; Гаврилов, 2010, с. 262), основанием для определения западной и северной границы является факт массового распространением памятников салтово-маяцкой культуры, среди которых наиболее западным и является комплекс объектов у с. Морское. Данные территориальные границы обусловлены, прежде всего, тем, что в предшествующее время именно эта часть полуострова имела присущие только ей тенденции развития материальной культуры. Таким образом, появляется уникальная возможность наиболее ярко проследить смену провинциально-византийских культур на одной территории.

Хронологические рамки исследования охватывают т.н. средневизантийский период. В византийской истории и археологии нижняя хронологическая граница этого периода является спорной и определяется в зависимости от экономического, социального развития или церковной истории империи. Традиционно в советской, российской и современной отечественной историографии в экономической истории Восточного и Северного Причерноморья и Средиземноморья выделяется период IX-XII вв. связанный с ростом торговых связей региона и установлением экономической зависимости от средиземноморской и черноморской торговли. Он совпадает с началом правления в Византии Македонской династии. Однако данная дата условна, что признается специалистами и для каждой из провинций империи, безусловно, нуждается в корректировке.

Исходя из археологической ситуации, нижняя хронологическая граница средневизантийского этапа, вторая половина IX в. в восточном Крыму приходится на период существования салтово-маяцкой культуры. Последняя, как известно, отличается очень высокой степенью византийского влияния. Тем не менее, это самостоятельная археологическая культура, имеющая в

средневековой Таврике достаточно четко очерченную территорию существования и присущие только ей особенности и тенденции развития.

Материальная культура, которая будет рассмотрена в монографии, сменяет в восточном Крыму салтово-маяцкую и не имеет в ней генетической подосновы. Это уже не просто археологическая культура с сильными византийскими влияниями, а один из вариантов провинциально-византийской культуры, распространенной не локально, как предшествующая, а на всей территории Византийской империи. Следовательно, только после окончательного прекращения существования салтово-маяцкой культуры Крыма мы можем говорить о начале провинциально-византийской культуры в этой части полуострова.

При этом необходимо отметить, что на современном этапе исследований нельзя с точностью указать дату прекращения существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К сожалению, практически на всех исследованных сельских памятниках восточного, северозападного и центрального Крыма отсутствует достаточное количество датирующих находок. К тому же, обусловленная множеством объективных и субъективных причин, она, наверняка, была растянута во времени. Тем не менее, стратиграфия портовой части Сугдеи позволяет сделать два объективных вывода. Во-первых, между наиболее поздними салтово-маяцкими горизонтами и слоями с материалами провинциально-византийской культуры нет стерильной прослойки, т.е. периода запустения не было. Во-вторых, в этих двух слоях встречены византийские и херсоновизантийские монеты середины X в.

Верхняя хронологическая граница – рубеж XII-XIII вв., с исторической точки зрения связана с более конкретными событиями. Это распад Византийской империи после взятия крестоносцами Константинополя и прекращение существования Тмутараканского княжества, которые оказывали на восточный Крым самое существенное влияние. Этот хронологический рубеж традиционно считается и окончанием средневизантийского периода. Материальная культура восточного Крыма первой половины XIII в., хотя и является провинциально-византийской, но по всем показателям существенно отличается от той, которая будет рассмотрена в данной работе.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность сотрудникам отдела Древнерусской и средневековой археологии Института археологии НАНУ во главе с А.П. Моцей и коллегам из отдела средневековой археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины, выступившими рецензентами данной работы, защищенной в качестве докторской диссертации в Институте археологии НАН Украины в октябре 2012 г. Хочется поблагодарить так же ведущих крымских специалистов по византийской и средневековой археологии Восточной Европы А.И. Айбабина, А.Г. Герцена, В.Е. Науменко, ученых Института археологии НАН Украины Г.Ю. Ивакина, Института истории Украины НАН Украины А.П. Толочко, Института востоковедения НАН Украины О.Б. Бубенка, Харьковского Университета С.Б. Сорочана, М.В. Фомина, Черновицкого Университета С.В. Пивоварова, Государственного Эрмитажа В.Н. Залесскую, Е.В. Степанову, Екатеринбургского Университета А.И. Романчук, В.П. Степаненко, Института археологии РАН В.С. Флёрова, В.Н. Чхаидзе, внимательно ознакомившихся с работой и высказавших целый ряд полезных замечаний.

ГЛАВА 1 **ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ**

В истории изучения восточного Крыма второй половины X-XII вв. можно пока выделить два основных этапа. Первый условно датируется серединой 50-концом 80-х гг. XX в. Выделять в отдельный этап раскопки в Керчи в 1864 г. А.Е. Люценко, в 1911 г. на Предтеченской площади (Науменко, Пономарев, 2009, с. 317), и в 1925 г. Ю.Ю. Марти памятников интересующего нас времени, исходя из эпизодического характера работ и крайне небольшой вскрытой площади, нет смысла. В 1929 г. Л. Новиковой впервые в Судаке были произведены раскопки некрополя второй половины X-XII вв. (Новикова, 1929, с. 131-137). Однако они, опубликованные далеко не полностью, не получили широкой известности и не повлияли в дальнейшем на историю изучения этого региона полуострова в послевоенное время.

При этом, конечно, надо учитывать, что вопросы истории восточного Крыма в средневизантийский период упоминались при анализе исторических событий связанных с историей Хазарского каганата, Византийской империи, Древней Руси и, прежде всего, Тмутараканского княжества начиная со второй половины XIX в. Рассмотрение этого сложного, объемного и противоречивого историографического блока, частично проведенного в литературе (Гадло, 2004), не входит в непосредственные задачи нашего исследования. Коротко она будет рассмотрена при анализе письменных источников по интересующей нас теме. Главное, что при этом главными источниками выступали письменные, и только совсем недавно, в комплексе с сфрагистическими, нумизматическими и эпиграфическими. Тем не менее, совершенно очевидно, что без привлечения археологических источников все многочисленные исторические концепции носят исключительно гипотетический характер.

Начало археологическому изучению этого региона Таврики положили раскопки середины 50-х гг. XX в. В 1956-63 гг. Т.И. Макаровой была полностью раскопана часть жилого квартала Боспора, состоящего из пяти домов, расчлененных улицами. К сожалению, материалы этих раскопок, кроме кратких упоминаний (Макарова, 1965, с. 70-76), были опубликованы значительно позднее (Макарова, 1982, с. 91-107; 1998, с. 344-393; 1991, с. 121-146; 2003, с. 68-73; 2005, с. 346-354). Однако и после этих работ собственно археологические находки, полученные при проведении раскопок городского квартала, практически не введены в научный оборот. Тогда же исследовательницей было высказано предположение о том, что обнаруженные постройки и сопровождавший их материал датируются со второй половины IX в. и связаны с византийским периодом в истории города (1982, с. 99; 1998, с. 357). При этом, учитывая относительно небольшую площадь исследований, датировка его первой половиной ІХ в. была не окончательна и полностью не доказана. Судя по византийскому амфорному материалу, кухонной, белоглиняной поливной керамике и индивидуальным находкам датируется он второй половиной X - началом XI вв. Тем не менее, значение этих раскопок было велико. Это были первые работы позволившие представить материальную культуру восточного Крыма интересующего нас времени. Именно с этого времени и устанавливается традиция рассматривать данные материалы как византийские греческие.

Параллельно с раскопками городского квартала начались исследования храма и прихрамового некрополя церкви Иоанна Предтечи в Керчи. В 1957-58 гг. их организовал Восточный отряд Горно-Крымской экспедиции Института археологии УССР под руководством Е.В. Веймарна (Баукова, 2009, с. 383). В 1963-64 гг. их продолжила совместная экспедиция Института археологии СССР, УССР и Керченского историко-археологического музея под руководством И.Б. Зеест и А.Л. Якобсона (Зеест, Якобсон, 1965, с. 62-69). В составе экспедиции принимали участие, в частности, М.А. Фронджуло и Т.И. Макарова. Под руководством последней работы на объекте продолжались с перерывами до 1980 г. В 1967 и 1970 гг. в них принимали участие Д. Кирилин и М.М. Никитенко. Последние небольшие по объему охранные исследования в 1988 г. произвел керченский ученый В.Н. Холодков (Баукова, 2009, с. 385-386). К сожалению и эти материалы,

за исключением отдельных раритетных вещей, были частично опубликованы спустя много лет. Тем не менее, они положили начало дискуссии о времени возведения храма Иоанна Предтечи, продолжающейся и до сегодняшнего дня.

В связи с масштабными археологическими изысканиями столичных экспедиций в Керчи, активизировались исследования и местных ученых. Помимо участия сотрудников музея в составе столичной совместной экспедиции, в 1957-59 гг. охранные раскопки городских некрополей интересующего нас времени проводила С.Я. Берзина. К сожалению, материалы их так же только относительно недавно были частично введены в научный оборот (Пономарев, 2004а, с. 291). После середины 60-х гг. и до конца 80-х гг., исключая эпизодические охранные работы (Федосеев, Столяренко, Куликов, 2006, с. 4-6), активные раскопки памятников Боспора второй половины X-XII вв. не проводились.

Первые стационарные археологические изыскания интересующих нас памятников в Судаке начались только в 1963 г. Именно с этого времени М.А. Фронджуло приступил к раскопкам в портовой части средневековой Сугдеи. Работы ученого с небольшими перерывами продолжались до 1976 г. За это время удалось не только полностью изучить городскую застройку интересующего нас времени на участке двух раскопов, но и получить огромное количество разнообразного материала. С 1965 по 1974 гг. ученым были полностью или частично исследованы шесть городских некрополей второй половины X-XII вв. с общим количеством погребенных более 300. Однако и тут проявилась та же проблема, что и с материалами раскопок Боспора. Кроме чрезвычайно краткого упоминания в обобщающей статье (Фронджуло, 1974, с. 139–150), они до начала 90-х гг., даже небыли обработаны, не говоря уже о введении в научный оборот. К сожалению, кроме датировки материалов средневизантийским временем, какая-либо их атрибуция М.А. Фронджуло произведена не была. До конца 80-х гг. отдельные материалы второй половины Х-ХІІ вв. в Сугдее были получены А.И. Айбабиным и И.А. Барановым. Первым исследователем в 1978 г. изучался городской некрополь с обрядом погребения не типичным для христианского населения. Вторым – четыре некрополя, ремесленные и жилые постройки. К сожалению, большинство этих материалов не введено в научный оборот до сих пор.

Таким образом, к концу 80-х гг. сложилась достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны был накоплен значительный пласт самого разнообразного материала. С другой стороны о нем было мало что известно. Авторы раскопок, занимавшиеся в основном проблемами крымской медиевистики более раннего времени, не стремились к его полной публикации. Атрибуция полученных находок не производилась, традиционно считалось, что это средневизантийский археологический материал. Датировка его не разрабатывалась, особенности материальной культуры не анализировались, типологические схемы отдельных категорий находок не производились.

При этом синхронные жилые и погребальные сооружения южного берега Крыма, изучение которых проводилось с начала XX в., были хорошо известны и частично опубликованы. К концу 80-х гг. были закончены, правда, еще не введены в научный оборот, раскопки торжища в Партенитах. Активно исследовались горизонты второй половины X-XI вв. в Алустоне. Разрабатывалась, правда в самых общих чертах, типология керамического комплекса (Паршина, 1974, с. 56-91), и, конечно, были кратко обобщены и опубликованы синхронные материалы Херсонеса (Якобсон, 1979) и памятников юго-западного Крыма (Якобсон, 1970).

Ситуация стала резко меняться в самом начале 90-х гг. XX в., в связи с чем, можно выделить второй этап археологического изучения восточного Крыма второй половины X-XII вв.

Во-первых, резко активизировались полевые археологические исследования объектов Сугдеи и Боспора. С 1990 г. начались планомерные изучения Судакского зольника, а с 1993 по 1996 гг. широкомасштабные раскопки в портовой части. Они дали бесценный стратифицированный материал, позволивший рассмотреть все составляющие материальной культуры этой части полуострова рассматриваемого хронологического периода.

Одновременно с этим с 1990 г. масштабные раскопки на Боспоре начал и А.И. Айбабин. Исходя из полученного материала, исследователь в общих чертах поддержал предложенную концепцию Т.И. Макаровой. По мнению ученого, которое опирается на датировки этой исследовательницы (Макарова, 1982, с. 91-107) и отрывочные сведения письменных источников (Цукерман, 1998, с. 663-688), хазарская цитадель была разгромлена еще в третьей четверти ІХ в., а сам город стал византийским в последней четверти этого столетия (Айбабин, 1999, с. 222). Однако, ссылаясь на материалы раскопок Т.И. Макаровой, А.И. Айбабин не поддает их критиче-

скому анализу. На наш взгляд, полученные материалы свидетельствуют о том, что в слое, перекрывшем разрушенный дом салтово-маяцкого времени, обнаружен достаточно выразительный комплекс находок второй половины X - начала XII вв. Данный керамический набор является характерным для восточного Крыма именно этого времени, что подтверждают датированные монетами синхронные закрытые комплексы Сугдеи. Поскольку этот материал происходит из слоя перекрывающего постройку, то совершенно понятно наличие в нем некоторого фрагментированного материала более раннего времени.

Несмотря на дискуссионность некоторых теоретических положений, данные исследования так же имели огромное значение. Благодаря им стало совершенно очевидно, что, во-первых, полученный материал идентичен раскопанному Т.И. Макаровой на площади городского квартала, во-вторых, полностью идентичен материалу, который был получен в ходе раскопок Сугдеи, в-третьих, удалось получить ценнейшие данные для реконструкции исторической топографии Боспора второй половины X-XII вв.

Начало второго этапа ознаменовалось и началом публикации материалов раскопок интересующих нас памятников восточного Крыма. В связи с подготовкой Международного конгресса византинистов в г. Москве, Институтом археологии УССР был издан сборник материалов «Византийская Таврика», в котором впервые в сжатом виде были обобщены результаты раскопок Т.И. Макаровой на Боспоре (1991, с. 121-146), Е.А. Паршиной – торжища в Партенитах (1991, с. 64-100), И.А. Баранова – склепа на участке барбакана средневековой Сугдеи (1991, с. 101-107). Кроме того, с 1992 г. началась систематическая камеральная разборка материалов раскопок Сугдеи М.А. Фронджуло. Последняя производилась А.В. Джановым и автором. Появилась и возможность сравнительного анализа. В 1991 г., по материалам раскопок предшествующих лет на южном берегу Крыма О.И. Домбровского вышла монография В.Л. Мыца, посвященная анализу укреплений Таврики X-XV вв. (Мыц, 1991).

Получение нового чрезвычайно разнообразного и богатого материала позволило И.А. Баранову впервые в 1994 г. попытаться обобщить археологическую информацию о территории восточного Крыма в интересующий нас промежуток времени. Это обобщение было сделано им в докторской диссертации в качестве одного, небольшого по объему ее раздела. К сожалению, сами материалы были приведены фрагментарно. Тем не менее, ученый высказал концепцию о том, что археологическая культура восточного Крыма интересующего нас времени связана с тюркскими древностями Северного Кавказа и Прикаспия (Баранов, 1994, с. 6). Но, при этом, во-первых, автор рассматривал эту культуру как один из вариантов государственной культуры Хазарского каганата. Во-вторых, по мнению исследователя, она по всем показателям существенно отличается от салтовской, что было очевидно. В-третьих, она является материальной культурой неуловимых археологически т.н. этнических хазар Крыма. Исходя из этого, пришлось ее хронологические рамки сужать до второй половины IX- первой половины X вв., что явно противоречило артефактам.

К сожалению, занимаясь более ранним периодом крымской медиевистики, автор так и не успел аргументировать и опубликовать большинство положений своей концепции. Вместе с тем, считать ее «вариантом государственной культуры Хазарии» и археологическим эквивалентом т.н. этнических хазар, нет абсолютно никаких оснований. В настоящее время выделена археологическая культура курганов с квадратными ровиками, связанная с хазарами. Однако эта культура в Крыму не фиксируется и этнически, а, тем более, хронологически с культурой восточного Крыма второй половины X-XII вв. не связана. Попытка И.А. Баранова считать могилы Сугдеи и Таманского полуострова второй половины X-XII вв. с иудейскими элементами, принадлежащим этническим хазарам, так же не аргументирована ничем. Во-первых, такие могилы в Сугдее единичны (всего две) и иудейские надгробья в них использованы вторично. Погребения в окрестностях Фанагории и на Тамани, вероятнее всего, хронологически более ранние и принадлежат иудейской общине. Тем не менее, при создании концепции, ученый впервые попытался систематизировать имевшийся в его распоряжении материал, что было значительным шагом вперед в изучении данной проблемы.

В течение 90-х гг. XX в. продолжалось активное накопление материалов интересующего нас времени. Постепенно они вводились в научный оборот. Были предложены типологии составляющих керамического комплекса (Баранов, Майко, 1996, с. 63-72; Баранов, Майко, 1997, с. 21-23), частично проанализированы ремесленные, хозяйственные и жилые сооружения (Баранов, 1994а,

с. 48-61; Баранов, Майко, Джанов, 1997, с. 38–45; Джанов, Майко, 1998, с. 160-181). Впервые были опубликованы ценнейшие сфрагистические материалы, происходящие из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи (Баранов, Степанова, 1997, с. 83-87; Степанова, 1995, с. 14-15; Stepanova, 1999, р. 47-58). Однако это были только отдельные публикации, целостного представления об археологической культуре восточного Крыма второй половины X-XII вв. еще не сложилось.

В 1997 г. автором впервые был поставлен вопрос о том, какие исторические события можно связать с появлением в восточном Крыму рассматриваемой археологической культуры (Майко, 1997, с. 109-121). В 1998 г. в кандидатской диссертации в более развернутом виде была предложена концепция, объясняющая исчезновение салтовской культуры в связи с походом хазарского полководца Песаха, описанном в т.н. Кембриджском Анониме (Майко, 1998). Для ее аргументации была сделана попытка обобщить имеющийся в распоряжении материал второй половины Х-ХІІ вв. восточного Крыма, в первую очередь Сугдеи. Однако данная работа, являясь только одной главой диссертации, далеко не исчерпывала всей проблематики. К тому же в то время в попытках этнической интерпретации культуры восточного Крыма второй половины X-XII вв. под влиянием концепции И.А. Баранова искусственно преобладала тюркская, «северокавказская» атрибуция. Аргументировать это было сложно, проблема значительно упрощалась, выводы были лишены объективности. Тем не менее, версия о том, что одной из причин исчезновения салтовских памятников полуострова мог быть поход Песаха, получила развитие в ряде работ (Айбабин, 1999, с. 222, 227; Науменко, 2001, с. 354; Пономарев, 2003, с. 273; Зинько, Пономарев, 2005, с. 417). На современном этапе исследований, очевидно, что поход Песаха, если таковой и был, являлся лишь одной из множества объективных и субъективных причин прекращения существования салтово-маяцкой культуры Крыма. Возможно, последним толчком в достаточно длительном периоде ее затухания, который занял всю первую половину Х в.

На рубеже веков окончательно сформировалась и точка зрения А.И. Айбабина. Исходя из концепции ученого и К. Цукермана (Цукерман, 1998, с. 663-688) о вытеснении венграми хазар из восточного Крыма во второй половине IX в., ученый считает, что рассматриваемая в работе культура населения восточного Крыма, сменяет в этом регионе полуострова салтово-маяцкую, но является исключительно византийской (Айбабин, 1999, 352 с.; 2000, с. 168-185). Эта версия получила подтверждение и в обобщающей работе (Айбабин, 2003, с. 74–81). При этом автор не исключает, что исчезновение салтово-маяцкой археологической культуры в Крыму связано с походом Песаха (Айбабин, 1999а, с. 7; 2002, с. 33). При этом, к сожалению, материалы раскопок интересующего нас времени практически не приведены.

В последние годы значительное внимание историческим проблемам Таврики в интересующий нас промежуток времени уделяет и В.Е. Науменко. Данный этап в истории Крыма он называет «фемным» (Науменко, 2011, с. 162-164; 2011а, с. 165) и провозглашает комплексный историко-археологический подход к его изучению (Науменко, 2013а, с. 169-206). По мнению исследователя выделенные, начиная с 841 г. и по конец XI в. исторические периоды отражают лишь изменение структуры византийской власти на полуострове. К сожалению, упомянутые в работах археологические материалы, исходя из современного уровня изучения, не могут дать дополнительной информации для выяснения политической подчиненности восточной Таврики как во второй половине IX, так и в первой половине X вв. И даже решение этой проблемы не решает вопрос этнической принадлежности жителей данной части Таврики.

В плане разработки периодизации и относительной хронологии комплексов восточного Крыма второй половины X-XII вв., определенную роль сыграла и обобщающая статья А.В. Сазанова, посвященная подробному анализу стратиграфической картины Боспора на протяжении всей средневековой эпохи, в том числе и второй половины X-XII вв. (Сазанов, 1998, с. 50-88). Сложнее обстоит дело с сопоставлением рассматриваемых в работе керамических сосудов и комплексов с конкретными стратиграфическими горизонтами средневекового города. Исходя из стратифицированной хронологической колонки Судакского городища, приведенные в работе сосуды интересующего нас времени относятся к единым для всей средневековой Сугдеи стратиграфическим слоям 40-х гг. X - начала XII вв. Совершенно аналогичная ситуация наблюдается и при анализе стратиграфической картины Алустона и Партенит. Исходя из этого, хронологические рамки существования 3 и 4 по А.В. Сазанову слоев Керчи, представляются не совсем обоснованными. Исходя из состава керамических комплексов, характерных для этих периодов,

они носят явную примесь более раннего материала, что, как известно, характерно для крупного средневекового города.

За прошедшее десятилетие XXI в. изучение культуры восточного Крыма второй половины X-XII вв. несколько снизилось. Масштабные раскопки на Боспоре комплексов этого времени прекратились. В Сугдее в портовой части работы возобновились только в 2006 г., но наиболее яркие материалы интересующего нас времени были получены только в 2007 и 2009 гг. Зато начались стационарные подводные исследования в бухте пос. Новый Свет и мыса Меганом экспедиции Киевского Национального университета под руководством С.М. Зеленко, которые продолжаются и до сегодняшнего дня. В ходе этих раскопок получены уникальные комплексы двух затонувших кораблей (Зеленко, 2001, с. 82-92). Эти материалы до конца далеко еще не обработаны и только частично введены в научный оборот.

Огромное значение для датировки времени смены археологических культур в восточном Крыму имели разработки В.В. Булгакова, посвященные анализу византийской амфорной тары. Были аргументировано установлены хронологические рамки существования всех известных типов сосудов, впервые подробно проанализированы помещенные на амфорах клейма и дипинто (Булгаков, 2000а; 2001, с. 153-164; 2001а, с. 147-152). На наш взгляд после выхода этих публикаций нет смысла дискуссировать о том, что основные типы византийских амфор, встреченных в материалах памятников восточного Крыма интересующего нас времени, массово появляются в середине X в.

В последние годы активизировалась и публикация материалов раскопок. В 2007 г. были монографически изданы материалы всех исследованных на то время городских некрополей Сугдеи, в том числе и X-XII вв. (Майко, 2007). Вышло несколько обобщающих работ посвященных Сугдее X-XII вв. (Майко, 1999, с. 40-49; Майко, 2004б, с. 201–244). Проанализированы кочевнические и древнерусские элементы в культуре населения этого региона полуострова (Майко, 2008, с. 311-321; Майко, 2008а, с. 20-28). Продолжается публикация сфрагистического материала (Степанова, 2005, с. 537-545; Stepanova, 2003, р. 123-130; Булгакова, 2008, с. 296-330) и других изделий мелкой византийской свинцовой пластики (Кузьминов, 2004, с. 442-446).

Продолжается введение в научный оборот и некоторых материалов Боспора. В нескольких обобщающих вариантах были изданы материалы раскопок Т.И. Макаровой городского квартала Боспора и храма Иоанна Предтечи (2003, с. 68–73; 2005, с. 346–354). Частично опубликованы и материалы раскопок начала 90-х гг. ХХ в. В частности, граффити на византийских амфорах (Балонкина, 1996, с. 17-18; Занкин, 2001, с. 46-51), начат анализ коллекции стеклянных браслетов (Безкоровайная, 2001, с. 136–138), византийских сфероемкостных амфор (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 308-317), впервые полностью опубликованы все известные моливдовулы (Степанова, 2007, с. 364-374).

Для изучения Боспора большое значение имела вышедшая в 2004 г. статья Л.Ю. Пономарева, где впервые был дан анализ городских некрополей города интересующего нас периода времени (2004а, с. 286-292). Этапной можно назвать и небольшую работу В.Е. Науменко и Л.Ю. Пономарева посвященную составлению перечня всех изученных памятников Боспора второй половины X-XII вв. (Науменко, Пономарев, 2009, с. 311-321). Это прекрасная база для продолжения исследований.

В качестве промежуточного подведения итогов можно рассматривать разделы А.И. Айбабина и Т.И. Макаровой в средневековом томе запланированной ранее 20-ти томной Археологии СССР «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века». Однако энциклопедический характер издания привел к тому, что в небольшом объеме его 4 главы дать полностью материалы раскопок Боспора-Корчева было невозможно (Макарова, 2003, с. 68-73). Восточная часть полуострова рассмотрена крайне бегло и даже не вынесена в подзаголовок двух остальных разделов, посвященных юго-западному, степному Крыму и Херсонесу (Айбабин, 2003, с. 74-86).

Суммируя все вышеизложенное можно отметить, что в настоящее время существуют две основные точки зрения на историю и культуру восточного Крыма второй половины X-XII вв.

Первая была впервые представлена в коллективной монографии Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова и А.К. Шапошникова (2007) и затем развита в последующих работах (Сазанов, Могаричев, 2008, с. 572-589; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009). Суть ее сводится к тому, что культуру населения восточного Крыма, на основании материалов, получен-

ных при раскопках Боспора, следует считать исключительно византийской. В ее основе лежит «ромейский» компонент. Различия между западной и восточной частями полуострова заключаются в усилении «варварского компонента по мере удаления от Херсонеса. Материальная культура Сугдеи развивалась преемственно на протяжении всей эпохи средневековья вплоть до генуэзского времени. (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 165). На протяжении всей раннесредневековой истории Сугдея оставалась провинциально-византийским городом, принадлежность которого империи абсолютно очевидна. Справедливости ради надо отметить, что в общих чертах эта концепция впервые была разработана С.Б. Сорочаном, так же считающим Сугдею на протяжении всей раннесредневековой эпохи типичным провинциально византийским городом (2004, с. 117–159; 2005). К сожалению, дискуссия усложняется тем, что все представители этой концепции ставят знак равенства между термином «византийский» и «греческий ромейский». Однако, совершенно очевидно, что термин провинциально-византийский город, культура и т.д. никоим образом не является этнической характеристикой. Разноэтничность византийских провинций, особенно отдаленных – бесспорный факт.

Исходя из этого, если считать провинциально-византийскую культуру населения восточного Крыма второй половины X-XII вв. этнически греческой-ромейской, то кроме отсутствия прямых аналогий на территории других регионов империи и Константинополе, невозможно найти в письменных источниках объяснение факта массового заселения византийцами-греками двух городских центров восточного Крыма Сугдеи и Боспора в середине X в. С другой стороны, даже если и признать факт переселения ромеев в эту часть Таврики, это никаким образом не объясняет факт исчезновения огромного количества салтовских поселений. При этом надо учесть, что согласно археологическим источникам, сильно византинизированные и христиани-зированные салтовцы Таврики и так поддерживали империю. Их зависимость от каганата была номинальной, и завоевывать их не было смысла.

Второй и наиболее спорной составляющей рассматриваемой концепции С.Б. Сорочана, А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричева (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 145-155; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2008, с. 572-589) является вопрос хронологических рамок культуры восточного Крыма анализируемого времени. Для обоснования ее нижней хронологической границы авторы совершенно обоснованно выделяют пять основных и два дополнительных археологических критериев. Эти же критерии используются и для установления времени прекращения существования салтово-маяцких памятников восточного Крыма. Ученые согласны с автором в том, что появление рассматриваемой в диссертации археологической культуры непосредственно связано с исчезновением салтовской.

Однако, как следует из применения данных критериев к анализу археологической ситуации, главными из них оказываются хронология причерноморских амфор, «протоворотничковых» амфор причерноморского типа местного производства и процентное соотношение в комплексах высокогорлых кувшинов.

К сожалению, в обосновании критерия причерноморских амфор (Сазанов, Могаричев, 2008, с. 573) какая-либо аргументация отсутствует, в монографии 2007 г. этот критерий вообще не расшифровывается (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 105). Исходя из таблицы (Сазанов, Могаричев, 2008, с. 576), авторы четко датируют время прекращения существования этих амфор второй половиной IX в. Таким образом, получается, что факт присутствия причерноморских амфор на салтовских памятниках свидетельствует о датировке последних не позже второй половины IX в. Материалы первой половины X в., за исключением Сугдеи и Керчи, на салтовских памятниках, авторы исключают. С другой стороны исследователи совершенно справедливо датируют время появления византийских «воротничковых» амфор серединой X в., на салтовских памятниках не встреченных. Таким образом, для всего восточного Крыма, за исключением двух городов, получается хронологическая лакуна более чем в 50 лет. Искусственность этого построения, на мой взгляд, очевидна. Исчезновение причерноморских амфор предполагает прекращение функционирования печей, их производящих. Если амфоры есть в Сугдее, в комплексах датированных монетами, и на Боспоре в первой половине Х в., значит, функционируют и печи. Исходя из массовости производства местной тары, предположить их работу в первой половине X в. только для двух городов невозможно.

С другой стороны существование не совсем удачно условно названных «протоворотничковых» причерноморских амфор археологический факт. Они подражали не столько классическим воротничковым амфорам, сколько наиболее раннему варианту «сфероемкостных» амфор, который четко датируется первой половиной X в. (подробнее см. анализ амфорной тары в главе 3 настоящей работы). Последние так же зафиксированы в горизонтах Сугдеи первой половины X в.

В-третьих, нельзя процент встречаемости в археологических комплексах салтовомаяцкой культуры Таврики высокогорлых кувшинов с плоскими ручками считать хронологическим индикатором. Выделение на этом основании комплексов середины-второй половины IX в. и утверждение об отсутствии материалов первой половины X в. преждевременно. Количество этих импортных в салтовское время для полуострова сосудов зависело от потребностей каждого конкретного хозяйства. Основную функцию тарной керамики выполняли, безусловно, причерноморские амфоры.

Так же преждевременно пытаться строить хронологию существования комплексов второй половины IX-X вв. на отдельных фрагментах белоглиняной поливной керамики без учета ее археологизации в Таврике для каждого конкретного случая. Яркий пример этому определение верхней хронологической границы существования городища на плато Тепсень. Анализ белоглиняной керамики взятой из одного комплекса, который при всем желании трудно назвать закрытым, позволил ученым отнести ее исключительно к ранним экземплярам, датирующимся второй половиной IX в. Трудности с верхней, как, впрочем, и нижней хронологической границей ее бытования и относительная редкость встречаемости в Таврике, отмечалась в литературе (Смокотина, 2003, с. 173-176). Таким образом, проанализированная керамика, являвшаяся для салтовцев раритетной, свидетельствует только о том, что во второй половине IX в. городище существовало.

Подобные методические ошибки позволили А.В. Сазанову и Ю.М. Могаричеву четко выделять горизонты второй половины IX и говорить об отсутствии материалов первой половины X вв. практически во всем восточном Крыму, что, на мой взгляд, при отсутствии датированных закрытых комплексов, на сегодняшний день невозможно. Таким образом, вывод исследователей о прекращении существования салтовских памятников Крыма во второй половине IX в. можно считать преждевременным.

В рамках высказанной концепции, для обоснования предложенной хронологии А.В. Сазанов и Ю.М. Могаричев начали дискуссию о стратиграфической ситуации в Сугдее в предшествующий и интересующий нас промежуток времени (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 123-126, 148-150). В следующей коллективной монографии, в главе подготовленной А.В. Сазановым, анализ стратиграфии и истории Сугдеи дан настолько полно (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 104-174), что подобных аналогов в современной археологической литературе мне не известно. При этом стоит заметить, что в относительно стройной структуре данной монографии посвященной всестороннему анализу такого важнейшего агиографического источника, как Житие Стефана Сурожского, эта глава выглядит искусственной и ненужной вставкой. Если и писать об археологической ситуации, то в первую очередь анализировать материалы времени пребывания в городе Святого Стефана. Несколько смущает только тот факт, что автор этой главы никогда археологические раскопки в Судаке не производил и не принимал в них участие, с археологической ситуацией на месте и отчетной документацией не знакомился и с авторами раскопок не консультировался.

Нет смысла дискутировать по всем выдвинутым исследователем положениям. Необходимо просто еще раз подчеркнуть тот факт, что в стратиграфии раскопа 1994 г. в портовой части Сугдеи, как и на остальных раскопах в этой части средневекового города четко фиксируется четыре основных раннесредневековых горизонта. Опуская детальный анализ археологических комплексов, неоднократно стававший предметом публикаций, и не являющийся предметом данной работы, напомню, что первый слой содержал лепную керамику и амфоры с мелкозональным рифлением раннего варианта и датировался до середины VIII в., второй – не содержащий высокогорлых кувшинов и поливной керамики условно датировался до середины IX в., третий – включавший фрагменты высокогорлых кувшинов и причерноморские амфоры – второй половиной IX – первой половиной X вв. Повсеместно, не только в портовой части, но и на всей территории города этот горизонт перекрыт слоем второй половины X-XI вв. Никакой стерильной прослойки, предполагающей запустение, между последними двумя горизонтами нет. Разделение горизонта второй половины X-XI вв. на раскопе 1994 г. в портовой части Сугдеи на два этапа до середины и после середины X в. (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 149-150;

Могаричев и др., 2009, с. 107-108) выглядит искусственным и полностью не соответствующим археологической ситуации на раскопе. Однако именно на этом стратиграфическом нонсенсе А.В. Сазановым и построена вся концепция стратиграфической истории Сугдеи, и, как выясняется, всего крымского полуострова. Анализ отдельных керамических находок, вырванных из контекста археологического комплекса, не может служить никаким аргументом. Единственное рациональное зерно в искусственном сложнейшем нагромождении синхронизированных стратиграфических колонок заключается в том, что в итоге ученый приходит к мысли о том, что исторические судьбы и тенденции развития Херсонеса, Боспора, Сугдеи и Партенит были сходными (Могаричев и др., 2009, с. 165).

Вторая концепция предложена автором в настоящей работе. Неоспоримых фактов, на которые можно опереться при ее обосновании, исходя из современного состояния изученности данной проблемы, к сожалению не много. Тем не менее, они есть. Во-первых, нет сомнений в том, что огромное количество сельских салтовских поселений Керченского полуострова, восточного и частично юго-западного и северо-западного Крыма прекращает свое существование постепенно в течение нескольких десятилетий и больше не возрождается. Во-вторых, в течение этого времени полностью прекращается функционирование хорошо налаженного местного производства амфорной тары, носившего товарный характер. Следовательно, основное направление хозяйственной деятельности местного населения, связанное с виноградарством и виноделием, более не существует и на протяжении всего средневековья не возрождается. Местная амфорная тара повсеместно заменяется импортной византийской. Указанные положения хорошо иллюстрируются археологическими материалами. Мы имеем случаи запустения поселений, археологический материал из наиболее поздних горизонтов объектов относительно беден. В то же время известны памятники, археологические комплексы которых носят следы поспешного оставления их жителями ввиду какой-то опасности, природной или политической, сказать сложно. Существуют и комплексы, носящие следы гибели в пожарах. Отдельного рассмотрения заслуживают памятники полуострова, где жизнь продолжается и после прекращения функционирования салтовских объектов. Таковых для восточного Крыма только два – Сугдея и Боспор.

К сожалению, до сегодняшнего дня среди всех поздних салтово-маяцких горизонтов Таврики датированными являются только слои в портовой части средневековой Сугдеи, где они обнаружены с монетами середины X в. Определить время исчезновения салтовской культуры полуострова на основании только этих материалов преждевременно. Наверняка, как уже указывалось, этот процесс был растянут во времени. Вероятнее всего, к середине X в. большая часть сельских салтовских объектов уже не существовала. Не исключено, что процесс запустения поселения начался уже в конце IX в. и продолжался всю первую половину следующего столетия.

Стоит, однако, отметить, что исследователи неоднократно обращали внимание на присутствие единичных материалов второй половины X в. на некоторых салтовских памятниках восточного Крыма (Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 584). Речь идет о находках трех бронзовых монет Иоанна Цимисхия, происходящих из подъемного материала 20-х гг. прошлого века, а так же о находке византийской амфоры второй половины X в. из подводных исследований вблизи Киммерика. Сфероемкостные амфоры позднего варианта, предположительно второй половины XI в. обнаружены и на дне моря южнее Нимфея (Зинько, Пономарев, 1999, с. 198, рис. 3, 1,2). Тем не менее, обнаружение данных экземпляров, включая и экземпляр из района Киммерика, вероятнее всего, связано с деятельностью порта Боспора, поскольку материалы второй половины X-XII вв. на самом Нимфее, пока не обнаружены. Стоит упомянуть и монету плохой сохранности Василия II и Константина VIII, происходящую из раскопок 30-х гг. прошлого века городища Тиритака (Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 578). Однако судить на этом основании о том, что жизнь на указанных сельских поселениях продолжается после середины X в., рано. Необходимы масштабные работы, особенно относительно раннесредневекового поселения на г. Опук.

На территории крымского южнобережья памятников переживающих середину X в. несколько больше. Это Алустон, Партениты и небольшое количество сельских поселений и связанных с ними некрополей. В юго-западном Крыму это Эски-Кермен, Бакла, Мангуп, часть т.н. «пещерных городов»; продолжается жизнь в Херсонесе и его ближайшей округе. Не исключено, что какое-то поселение второй половины X-XI вв. существовало и в Керкинитиде и, возможно, в районе Сакской Пересыпи. Об этом свидетельствуют находки византийских «сфероемкостных»

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

амфор, известных из подводных исследований в Евпаторийском порту и на территории городища Кара-Тобе.

Безусловно, археологическая культура, которая будет рассмотрена в работе, является одним из вариантов провинциально-византийской культуры Крыма. Особенности и критерии выделения этого варианта достаточно полно проанализированы на примере Херсонеса. Однако восточный Крым имеет свои особенности. Этническая же характеристика провинциально-византийской культуры — задача совершенно другая. На имеющихся в нашем распоряжении материалах, и почти полном отсутствии антропологических источников, решить ее пока сложно. Таковы современные объективные археологические реалии, на которых и построена предлагаемая в работе концепция.

Таким образом, второй историографический этап изучения восточного Крыма, начавшийся в начале 90-х гг. прошлого века, продолжается. К настоящему времени накоплен значительный археологический материал, как «разбросанный по публикациям», так и огромный неопубликованный. Значительный шаг вперед сделан и при анализе данных письменных, сфрагистических, эпиграфических и нумизматических источников. Все это позволяет впервые с привлечением всего комплекса данных рассмотреть историю восточного Крыма во второй половине X-XII вв. и попытаться подвести, таким образом, черту под вторым историографическим этапом.

Для объективного рассмотрения истории восточного Крыма данного хронологического периода перейдем к анализу письменных, сфрагистических, эпиграфических, нумизматических и археологических источников.

ГЛАВА 2 ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ

Рассмотрим данные письменных, сфрагистических и нумизматических источников по интересующей нас проблеме.

2.1. Письменные источники. Рассмотрение сложного и противоречивого комплекса письменных источников по интересующей нас проблеме неоднократно становилось предметом специальных источниковедческих и исторических исследований. Сразу необходимо оговориться, что весь огромный и сложнейший массив письменных свидетельств по истории Хазарии, Византии, Руси и их взаимоотношений в середине X-XII вв. не является непосредственно темой данной главы, тем более что автор не является специалистом в области анализа письменных источников. Эта работа в значительной степени проделана и проделывается, как отечественными, так и зарубежными специалистами на протяжении более 150 лет. Для нас представляют интерес, оригинальные сообщения, связанные с рассматриваемым в работе регионом Таврики. Традиционно письменные источники разделены на византийские, арабские, древнерусские, армянские и условно называемые «Еврейские» или «Хазарские».

Византийские источники. Наиболее полная и достоверная информация содержится в главном, дошедшем до нас сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». При анализе данного документа использовано наиболее современное и полное русскоязычное издание 1989 г. Как известно произведение состоит из предисловия с наставлением об обязанностях правителя, и трех основных частей: 1) отношения между Византией и различными чужеземными народами, в ракурсе возможного использования конфликтов между ними на благо Империи; 2) требования этих народов о подарках, политических браках и т.д. и описание этих народов с исторической и географической точки зрения; 3) внутренние изменения, происшедшие в Византийской империи. Для реконструкции исторических событий в восточном Крыму наиболее важны глава 11 «О крепости Херсон и крепости Боспор». Здесь следует подчеркнуть, что, исходя из текста источника, только в случае нападения алан и необходимости разделять силы при походе на Херсон и области, хазары «будут вынуждены соблюдать мир». Таким образом, опасность нападения хазарского войска на территорию Таврики во времена Константина оставалась абсолютно реальной. Иначе трудно объяснить заинтересованность имперской администрации в дружбе с эксусиократором Алании.

Еще более известны пассажи в главах 1, 6, 37 о пачинакитах. В главе 1 речь идет о «народе пачинакитов, соседствующих с областью Херсона», в главе 6 - ,о «другом народе из тех же самых пачинакитов, находящихся рядом с областью Херсона», в главе 37 – о Пачинакии, которая к «Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе». О печенежском факторе, как одном из важнейших во внешней политике Византийской империи середины-второй половины Х в., неоднократно упоминалось в литературе. С другой стороны хорошо известно и то, что материалы, которые безоговорочно можно связать с печенегами середины – второй половины X в., в культурных напластованиях Сугдеи и Боспора единичны. Как и в случае с Тмутараканскими находками (Плетнева, 2001, с. 97-107), это единичные находки керамики в заполнении жилых построек в портовой части городища. Спорно и отнесение к печенегам единичных погребальных сооружений, открытых на территории посада средневековой Сугдеи. К сожалению, не составляют и десятка печенежские погребения в степной части восточного Крыма. По мнению М.В. Бибикова, печенеги, вклинившись между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, лишь ненадолго прервали их экономические связи (Константин Багрянородный, 1989, с. 282, прим. 14). Традиционно в другом народе пачинакитов исследователи, исходя из обстоятельств расселения, указанных Константином Багрянородным, видят представителей печенежского племени из рода «Чабана Була» (Вулацапон) (Сорочан, 2005, с. 1201). По мнению С.Б. Сорочана уровень интересов печенегов на полуострове вполне вписывался в схему «мирного сосуществования»

и не нарушал ромейского статуса «Корсунской страны» (2005, с. 1202). В Таврике наблюдалась «чересполосица» владений, свойственная «контактным зонам» империи, «слоеный пирог» из народов и племен, зависимых и полузависимых от Византии территорий. Однако, доказать это археологически пока невозможно.

Для правильного понимания особенностей исторических реалий Древней Руси середины X в. важно упоминание Константином Багрянородным в трактате «О церемониях» различных рангов княжеских родственников, в том числе «архонтисс» и послов «других архонтов России» (Константин Багрянородный, 1934, с. 47-48; Платонова, 1999, с. 166). Для нашей темы особую ценность они имеют в плане объяснения титулатуры в кембриджском Анониме князя Руси H-l-g-u.

Ценным и мало исследованным источником являются письмо Константина Багрянородного в ответ на недавно полученное им послание митрополита Кизикского Феодора, личного друга императора и письмо митрополита Никеи Александра митрополиту Никомидии Игнатию. Оба письма относительно недавно были тщательно проанализированы Г.Г. Литавриным (1999, с. 38-44; 2000, с. 365-367). Оба документа, косвенным образом упоминающие поход киевского князя Игоря 941 г., по мнению исследователя, свидетельствуют о более значительных его масштабах и менее тяжелых для Руси последствиях, чем это казалось совсем недавно (1999, с. 38-44). Для нашей темы они важны в плане объяснения достоверности событий, изложенных в Кембриджском Анониме, и, самое важное, возможности для князя Руси H-l-g-u, продолжить поход в Персию для захвата города Бердаа.

Следующим источником, сведения которого чрезвычайно важны для реконструкции исторической ситуации в Таврике в первой половине X в. являются неоднократно проанализированные письма Патриарха Николая Мистика (901-907; 912-927 гг.), который играл важную политическую роль в качестве регента в период малолетства Константина Багрянородного. Документы хранятся в библиотеке Апостолика в Ватикане. Общеизвестно, что письма, адресованные Херсонскому архиепископу и неизвестному стратигу, содержат уникальную информацию об организации христианских епархий в Таврике, в том числе и в восточной. Однако рассмотрение этих событий не входит в задачи нашей работы.

Для нас представляет наибольший интерес неоднократно цитированное письмо Патриарха (Алемань, 2003, с. 259-260), адресованное Болгарскому царю Семиону (893-927) о возможном антиболгарском союзе между Романом I Лакапином (920-944) и различными степными народами. Письмо большинством специалистов справедливо датируется 922 г. (Алемань, 2003, с. 259). В этом письме речь идет о возможном союзе империи, в том числе, и с росами. Таким образом, византийская практика заключения военных союзов против противников Империи была к середине X в. не нова для византийской дипломатии. Меньше информации содержится в другом, не менее известном письме Патриарха к Болгарскому царю. Это письмо в последний раз проанализировано С.Б. Сорочаном (2005, с. 1478-1480). Для нашей темы представляет интерес то, что один из главных фигурантов сообщения Херсонесский стратиг Иоанн Вога, происходил из кочевнической, возможно печенежской среды. Есть, однако, менее аргументированное мнение о связи его с хазарской верхушкой (Сорочан, 2005, с. 1479, прим. 1164).

Важным источником для реконструкции политической ситуации в Крыму во второй половине X в. является т.н. Эскуриальный Тактикон Икономидиса. Как известно, Византийские тактиконы - специфические документальные источники, отражающие порядок и процедуру приемов при византийском императорском дворе. В 1959 г. Николас Икономидис обнаружил в Эскуриальском хранилище рукописей неизвестный до того тактикон, составленный в 971—975 гг., и в 1972 г. издал его. Для нашей темы представляет несомненный интерес то, что тактикон отмечает множество мелких провинций, отсутствовавших в более ранних списках; среди них морская фема Евксинского Понта (Oikonomides, 1972, р. 358), задачей которой, был контроль над Черным морем (против русских), фема Боспора (Киммерийского) (Oikonomides, 1972, р. 363). В настоящее время с появлением этого тактикона связывается административная реформа в Таврике, которая ознаменовала после победы над Святославом вхождение юговосточного и восточного Крыма в состав Византийской империи.

Важным источником для реконструкции истории христианских епархий восточного Крыма второй половины X-XII вв. служат и церковно-географические просопографические документы византийского времени, составляющие, в том числе, Notitiae episcopatuum. Это, прежде всего списки имен епископов, подписавшихся на вселенских и поместных соборах.

Первый раз они детально были рассмотрены известным географом и статистиком церковного востока, членом Сен-Жерменского церковного кружка Мишелем Ле Киеном в его энциклопедическом труде «Христианский восток, разделенный на 4 патриархата» (Le Quien, 1740; Darrouzes, 1981), изданном посмертно в Париже в 1740 г. Пред началом описания каждого патриархата на основании собранного материала; автор дал исторический очерк, где в порядке перечисления привел все известные митрополичьи и епископские кафедры с указанием занимавших их лиц.

В 1863 г. при издании Сугдейского синаксаря Антонин (Капустин) впервые опубликовал сведения, касающиеся патриархов Сугдеи, в том числе и интересующего нас времени (Антонин, 1863, с. 624). Автор, указал на географические неточности Ле Киена и привел список предстоятелей Сугдеи. В частности упомянуты Константин, подписавшийся под актом патриарха Сисиния II (966-969 гг.), Арсений, присутствовавший на Синоде Великой церкви в патриаршество Алексея Студита (1025-1043 гг.) и двое неизвестных, один из которых присутствовал при составлении акта при патриархе Николае Грамматике (1084-1111 гг.), другой – при составлении акта 10 марта 1154 г. при патриархе Луке Хрисоверге.

Среди отрывочных сведений византийских авторов несомненный интерес представляет неоднократно цитированное сообщение <u>Иоанна Скилицы</u> и соответственно <u>Кедрина</u> о восстании 1015 г. под предводительством Георгия Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г. (Joannis Scylitzae, 1973, р. 354; John Skylitzes, 2010, р. 336; Georgius Cedrinus, 1838, р. 464). Вероятно, Георгий Кедрин был хорошо знаком с ситуацией, сложившейся в это время в восточном Крыму. При проведении подводных археологических разведок в Судакской бухте была обнаружена его печать: (Stepanova, 2003, р. 127). Это одно из немногих политических событий в истории Таврики начала XI в., отмеченное письменными свидетельствами, безусловно, заслуживает пристального внимания. Наиболее полно историография изучения этого сообщения изложена в одной из последних работ В.П. Степаненко (2008, с. 27-35). Подробный источниковедческий анализ деятельности одного из главных фигурантов этого исторического события, а именно Варды Дуки по прозвищу Монг, произведен А.С. Моховым (2012, с. 50-51). В литературе неоднократно производились попытки отождествления и другого персонажа – брата Владимира Сфенга (Филипчук, 2009, с. 58-70)¹.

Процитируем источник в переводе В.П. Степаненко (2008, с. 27). «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем Василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении».

Относительно места восстания, наиболее аргументированная точка зрения изложена В.П. Степаненко (2008, с. 28-35). Обоснованно критикуя точку зрения о локализации восстания в Херсонесе, ученый отмечает невозможность отождествления архонта Хазарии источника со «сфрагистическим» стратигом Херсона Горгием Цулой. Относительно сущности восстания в последнее время все большее число авторов склоняется в пользу того, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму. Более подробно эта точка зрения рассмотрена у В.П. Степаненко (1993, с. 125-126; 2008, с. 34).

Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с Тмутараканскими козарами и управляемая местной тюркской администрацией в лице Георгия Цуло не была обычной провинцией византийской империи. Скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать набирающую все большей самостоятельности администрацию в восточной части полуострова, все менее зависимую от имперских чиновников.

Важнейшим памятником по истории восточного Крыма в целом и греческой общины Сугдеи в частности, является т.н. Сугдейский синаксарь. Памятник был обнаружен в середине XIX в. в библиотеке православной академии Св. Троицы на острове Халки начальником греческого лицея в Стамбуле И.Ф. Патроклом. До настоящего времени он там и хранится.

Сам синаксарь, содержащий 219 листов до наших дней сохранился не полностью – в нём отсутствуют листы с чтениями на сентябрь, октябрь, ноябрь и половину декабря (утраченная

¹ Там же и историография вопроса.

часть составляет 28.8 %). Сам Синаксарь написан не позднее XI в. в Константинополе. После того, как рукопись попала в Сугдею, к ней были подшиты еще два листа с текстом краткого Жития преподобного Стефана Сугдейского, которое в греческом варианте известно только в этом списке. Согласно данным Синаксаря рукопись находилась в монастыре Богородицы Скутариотиссы (Щитодержательницы). Современными исследователями этот монастырь сопоставляется с археологическим памятником в урочище Димитраки близ средневековой Сугдеи (Джанов, 2010, с. 573).

Текст книги литургического назначения представляет собой сборник чтений в память Святых распределённых по дням церковного года, а также службу вкратце Великого Поста и Пасхи. Как правило, такой текст помещался в сборнике после текста евангельских и апостольских чтений. За время пребывания рукописи в Сугдее на её полях было сделано множество заметок, в основном некрологов. Эти заметки, содержавшие краткие сведения об усопшем, играли роль монастырских obituaria и русских синодиков. Помимо данных об усопших обитателях монастыря на полях имеются заметки исторического характера, проливающие свет на многие, ранее неизвестные страницы истории города, а также дополнения и исправления к основному тексту синаксаря, необходимые в местной литургической практике. Основной текст таких записок предваряется стандартной формулой «в тот же день мы празднуем...». Подобным же образом вносились изменения в церковную службу во всем православном мире (Красносельцев, 1895, с. 633).

Впервые текст заметок на полях Сугдейского синаксаря был опубликован архимандритом Антонином Капустиным в 1863 г. в V Томе "Записок Одесского общества истории и древностей" (Антонин, 1863, с. 597-601). В 1965 г. в Афинах был опубликован текст докторской диссертации греческой исследовательницы М. Нистазопуло, которая была полностью посвящена позднесредневековой Сугдее (Νιστσζοπουλου, 1965). Первая часть книги была посвящена краткому обзору истории Сугдеи-Солдайи в XII-XV вв. на основании уже известных к тому времени науке фактов с дополнениями, извлечёнными из заметок Сугдейского синаксаря. Во второй, наиболее важной части работы, были рассмотрены различные стороны жизни греческой общины Сугдеи-Солдайи: административное устройство в до-генуэзский период, этническая и демографическая ситуация. Автором была аргументирована концепция о сохранении традиций греческого города в поствизантийский период. Центральное значение при этом отводится сохранению православной иерархии и реликтов местной византийской администрации. При публикации греческого оригинала приписок, исследовательницей, на основании сравнения почерка недатированных и датированных приписок, была сделана попытка датировки первых с частичной реконструкцией первоначального несохранившегося текста. В 2009 г. авторским коллективом во главе с Ю.М. Могаричевым греческий текст приписок, реконструированный М. Нистазопулу, был переиздан с новым переводом их на русский язык (Могаричев и др., 2009, с. 282-297). Подробно само содержание приписок авторами не рассматривалось, комментарии к ним были минимальны и посвящались этимологии упомянутых в источнике личных имен.

В настоящее время Приписки справедливо считаются одним из наиболее ценных, хотя и специфических источников по истории средневекового Крыма, особенно восточного. Для нашей темы наибольший интерес представляют две из них, значащиеся у первого публикатора под №№ 170 и 150.

Прежде всего, обратим внимание на приписку № 170 за 24 июля. В переводе на русский язык Антонина (Капустина) текст ее гласит «Въ тотъ же день память святыхъ новоявленныхъ мучениковъ, въ Россійскихъ странахъ, Давида и Романа, умерщвленныхъ собственнымъ (ихъ) роднымъ братомъ окаяннымъ Сфатопулкомъ» (Антонин, 1863, с. 620). Как указывал автор, заметка была написана рыжими чернилами, претерпела правку и уже во второй половине XIX в. была трудноразличима. М. Нистазопуло датировала ее между 1337 и 1339 гг. В переводе 2009 г. текст практически идентичен «в этот самый день (поминовение) русских святых новоявленных мучеников в российской стране, Давида и Романа, убиенных их собственным братом, злосчастным Сфатопулком» (Могаричев и др., 2009, с. 292). Еще В.Г. Васильевский отмечал, что в данном случае речь идет новоявленных мучениках, названных их христианскими именами, то есть о традиции празднования, установившейся не позднее начала XII в. (Васильевский, 1915, с. CLXVII-CLVIII). На мой взгляд, не исключено, что появление вставки о праздновании праздника Славянских Святых является признаком миссионерской деятельности в Сугдее и на Боспоре в XI в. православного Тмутараканского монастыря.

Следующая приписка № 36 (150) за 29 января имеет для истории восточного Крыма и Сугдеи особое значение. Процитируем ее полностью в русском переводе Антонина (Капустина) «Въ тотъ же день празднуется (снятіе) осады поганыхъ Узбековъ... Константина Мономаха... города Сугдеи.» (Антонин, 1863, с. 601). Уже автор первой публикации отмечал, что текст приписки сильно поврежден и с трудом поддается реконструкции. Однако у Антонина не было сомнений в том, что под узбеками подразумеваются узы русских летописей. Намного больше вопросов вызывало присутствие имени Мономах. Марией Нистазопуло, которая справедливо датировала приписку около 1327 г., текст сохранившегося греческого оригинала был существенно реконструирован. В русском переводе 2009 г. он звучит следующим образом «В этот самый день торжественно празднуется у нас раздор (усобица) (у) беззаконных (татар). Узбек осаждает (ся) в элиполисе (?) или гелиполисом (вид мощной осадной машины), копье(?)... был... вблизи..., который... Мономаха... и удалились прочь из города Сугдаи.» (Могаричев и др., 2009, с. 290).

Как уже отмечалось (Джанов, Майко, 1998, с. 175-178), нет никакого сомнения, что время написания текста приписки определено М. Нистазопуло верно. Тем не менее, события, упомянутые в записи, не могут быть отнесены к 1327 г., поскольку к этому времени Сугдея не имела крепостных сооружений, сохранялись лишь укрепления цитадели. Согласно тому же Сугдейскому синаксарю в 1322 г. правитель Крыма Толак-Темир без боя занимает город (Νιστσζοπουλου, 1965, р. 132, № 147). Этот факт позволяет утверждать, что уже к тому моменту внешняя линия обороны Сугдеи была разрушена. По мнению И.А. Баранова произошло это, очевидно, в 1309 г. во время антиордынского восстания в восточном Крыму (Баранов, 1989, с. 56). 25 апреля 1327 г. в Сугдею вновь входит отряд Толак-Темира, который разрушает цитадель города — последний оплот горожан (Νιστσζοπουλου, 1965, р. 132, № 153). В заметке, сообщающей об этом событии, применен термин τό χάστρον, одинаково приемлемый для обозначения крепости, замка или цитадели. Во всяком случае, в 20-е гг. XIV в. Сугдея почти полностью находилась во власти татарского правителя Крыма, а ее христианское население и не помышляло о сопротивлении татарам (Васильевский, 1915, с. СХСШ-СХСV). Из этого следует, что 29 января 1327 г. нападение на город с применением осадных машин не могло произойти.

При любом решении вопроса о датировке события, в заметке, во-первых, речь идет о местном церковном празднике, учрежденным по случаю счастливого избавления от угрозы «нечестивых узбеков». Во-вторых, там упоминается имя Мономах, которое, несомненно, относится к византийскому императору Константину IX Мономаху (1042-1054 гг.). В-третьих, этноним, упомянутый в приписке οί Ουζπέχοι, все же обозначает узов – кочевников XI в. Вероятнее всего у писца первой половины XIV в. греческий термин оі Ουζοι, традиционно применявшийся для обозначения узов-торков (Michael Attaliata, 1853, р. 83), превратился в оі Ουζπέχοι узбеков, поскольку он близок однокоренному имени хорошо известного и правящего в то время хана Золотой орды Узбека (1312-1341 гг.). Сам же факт осады узами Сугдеи мог быть известен ему из местных городских хроник, преданий или других книг богослужебного назначения.

При Константине IX Мономахе (1042-1054 гг.), Византийская империя претерпела целый ряд поражений от печенегов, хлынувших на Балканы. В то же сааме время, когда печенеги оказались за Дунаем, хозяевами Причерноморских степей стали узы. Если верить анализируемой Приписке в предложенной интерпретации, то они могли предпринять нападение на византийские владения в Таврике между 1048-1054 гг. то есть между годом ухода печенежской орды за Дунайскую границу и годом смерти императора. Возможно с этим нападением узов связаны разрушения крепости Херсона и последовавший за этим ее ремонт стратигом Львом Алиатом в 1059 г. Инцидент в Сугдее закончился для жителей города благополучно, и тем более это событие стало памятным для них в такой степени, что был учрежден особый церковный праздник.

Восточные источники. Этот чрезвычайно богатый и разнообразный комплекс сообщений неоднократно становился предметом пристального изучения. Исходя из накопленного за более чем столетний период материала, их источниковедческий и исторический анализ тема неиссякаемого множества самостоятельных исследований. В данном случае коротко упомянем только о тех сведениях, которые, во-первых, подтверждают данные Кембриджского Анонима о «каспийских» походах руссов 944-945 гг., во-вторых, позволяют судить о том, повлияли или нет походы Святослава и его сына Владимира «на хазар» с изменением ситуации в восточной Таврике и на Тамани, в-третьих, уточняют сведения о политической ситуации на Боспоре в первой половине – середине X в.

Т.н. «каспийские» походы русов, представлявшие в середине X в. уже политические мероприятия Древнерусского государства, довольно подробно изложены восточными авторами по следам свежих событий. Арабский писатель Ибн Мискавейх (начало XI века) определяет дату похода в 943/944 году, а сирийский историк XIII века Бар-Эбрей сообщает, что набег на Бердаа состоялся «в том же году, когда воцарился Мустакфи, сын Муктафи (халиф аббасидской династии)», то есть в 944/945 гг. Ибн Мискавейх оставил очень подробное описание этих событий со слов их непосредственных участников. Упоминается оно и у арабского учёного аль-Марвази. Все эти сведения неоднократно анализировались отечественными и зарубежными специалистами, что избавляет от повторений. Подробным образом они проанализированы в статье И.Г. Коноваловой (1999, с. 111). Исследовательница, справедливо подчеркивая, что исследование русских походов на Каспий следует вести с учетом всего контекста международных отношений того времени, концентрирует внимание на русско-хазарских отношениях. По мнению И.Г. Коноваловой (1999, с. 119) в историографии последнего времени наметилась тенденция рассматривать каспийские походы русов как предприятие, преследовавшее и экономические, и политические цели, но направлявшееся не из Киева, а из других центров. Исследовательница логично предполагает, что именно после похода русов на Бердаа хазарские владыки перестали пропускать русские войска в Каспийское море, и изменение хазарской политики по отношению к русам, привело, в конечном итоге, к походу Святослава (1999, с. 120). Таким образом, сведения восточных авторов лишний раз подтверждают достоверность сведений о восточном походе, упомянутом в Кембриджском Анониме без даты. Они, совместно с сообщениями Аль-Масуди, позволяют считать достоверным фактом существование хазарского гарнизона на пути в Каспий в устье рукава моря Найтас, по крайней мере, в середине Х в.

Источниковедческий анализ сообщений арабских авторов о походе или походах на хазар Киевского князя Святослава и Владимира насчитывает множество работ. В последнее время историография их изучения коротко и емко изложена в работе И.Г. Коноваловой (2000, с. 226-235). Напомним в общих чертах, каковыми мы располагаем объективными сведениями. Это рассказы арабских писателей Ибн-Хаукаля (Хв.), Ибн-Мискавейха (ХІв.) и его продолжателя Ибн ал-Асира (ХІв.), краткое сообщение ал-Мукадаси (Хв.). Ибн Мискавейх и Ибн-ал-Асир, с упоминанием 354 г., сообщают о нападении «турок» на страну Хазар и о помощи со стороны Хорезма. По Ибн Хаукалю в 358 г. х. (25 ноября 968 – 13 ноября 969 г.) русские дружины опустошили территорию, населенную булгарами, буртасами и хазарами, взяли хазарскую столицу Итиль, и, спустившись вниз по Волге на Каспий, предали разграблению прибрежные поселения.

Легко заметить, что все перечисленные источники ничего не сообщают, о каком бы то ни было «крымском факторе» в походе или походах Святослава и Руси в широком смысле. Совершенно молчат они и о захвате киевским князем Тмутаракани и, тем более, Боспора. Даже, если рассматривать гипотетическую реконструкцию С.П. Толстова о том, что киевский князь, спускаясь по Днепру, обогнул Крым (1948, с. 253, карта 4), надо признать, что никаких боевых действий на полуострове не было. Версия А.В. Гадло, который полагал, что Святослав, пытаясь открыть еще одну дорогу на Русь через крымские степи, специально запланировал поход и штурмом захватил Тмутаракань и Боспор (2004, с. 150), логична. Однако она от начала и до конца гипотетична, доказать или опровергнуть ее невозможно. Ссылка на наличие пожаров времен Святослава в Тмутаракани и на Боспоре не является аргументом. Как будет показано ниже, эти пожары вероятнее всего датируются временем до Святослава. «Крымский след» пытается отыскать только С.А. Чарный. Согласно его построений, которые не подтверждаются абсолютно ничем, после разгрома хазарской армии у Саркела, Святослав, выйдя в Азовское море, подчинил Тмутаракань, зихов и Восточную Таврику (2000, с. 29). Датируя окончание похода Святослава 966 г. (2000, с. 30), автор говорит о том, что посольству Калокира к киевскому князю предшествовала война Византии и руссов, предметом спора которой была Восточная Таврика, занятая руссами во время похода на хазар. При этом приводится ссылка на сведения Льва Диакона и Яхьи Антиохийского. Однако, совершенно очевидно, что у византийского автора нет даже намека на это (Лев Диакон, 1988, с. 35-37). У Яхьи Антиохийского речь идет только о войне, которую русы вели с Никифором перед тем как начались военные действия против болгар: «Болгары воспользовались случаемъ, когда царь Никифоръ былъ занять воеваньемъ земель мусульманскихъ (966 г. прим. В. Розена); и опустошали окраины его владеній и производили набеги на сопредельныя имъ его страны. И пошелъ онъ на нихъ и поразилъ ихъ и заключилъ миръ съ русами — а были они въ войне съ нимъ — и условился съ ними воевать болгаръ и напасть на нихъ.» (Розен, 1883, с. 177).

Таким образом, можно смело утверждать, что поход или походы Святослава, несмотря на все фантастические реконструкции, имели мало отношения к Крымскому полуострову. Вероятнее всего, не была взята и Тмутаракань. Детальный разбор литературы относительно трех дат (944, 965, 987-989 гг.) основания «русской» Тмутаракани и, соответственно разрушения города, приведен в обобщающей историографической работе В.Н. Чхаидзе (2006б, с. 140-142). Автор справедливо склоняется к точке зрения о возникновении «русской» Тмутаракани в конце 80-х гг. Х в. Вероятно, готовясь к войне на Балканах, киевский князь не собирался сталкиваться с Византией на крымской почве.

Более неопределенной выглядит ситуация с походом «на козар» Владимира. Сохранилось лишь отдельные туманные упоминания о нем, в частности сообщение крупнейшего арабского географа ал-Мукаддаси (947—1000 гг.), писавшего в конце 980-х годов о том, что хорезмский эмир ал-Мамун «обратил ее (Хазарию) в ислам. Затем... войско из ар-Рума, которых (воинов) зовут ар-Рус напало на них и овладело их страной».

Древнерусские источники. Среди крупиц информации о восточном Крыме второй половины X-XII вв., содержащихся в древнерусских письменных источниках, самого пристального внимания заслуживает, в первую очередь, отрывок <u>ПВЛ и Новгородской Первой Летописи</u> Младшего извода, начальная часть которой, как считается, восходит ко второй половине XI в., повествующих о походе Киевского князя Святослава на «ясы и касогы». Летопись сообщает о походе Святослава в статье 6473 (965) г.: «Иде Святославь на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ. И съступиша ся бить. И бывши брани. Одоле Святославъ Козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя (и) Ясы победи и Касогы» (ПСРЛ, 1997, с. 65).

Исходить в этом вопросе, на мой взгляд, следует из того, что по справедливому замечанию А.П. Новосельцева в ПВЛ речь идет только о поражении хазарского войска, потере Саркела и военных действиях против ясов и касогов, в это время практически независимых от каганата (Новосельцев, 1990, с. 220). Ряд авторов считает, что сообщение ПВЛ о походе киевского князя позднейшая вставка. Как известно, главным аргументом в пользу этого служит искусственный разрыв в летописном повествовании о походе на вятичей. По мнению А.А. Шахматова в первоначальном варианте словосочетание «на Волгу» относилось к отдельному сюжету о хазарском походе, и звучало примерно так: «И иде Святослав на Волгу на Казары. Слышавше же казары...» (Шахматов, 2001, с. 91). В.Я. Петрухин связывает появление интересующего нас отрывка со вставками Никона, бывавшего в Тмутаракани и знавшего положение дел (Петрухин, 2003, с. 194-1982). Автор намекает, что в данном случае речь может идти и о походе Владимира (Петрухин, 2010, с. 525). При этом исследователь отмечает, что в слоях пожаров второй половины X в. на таких городищах как Самосделка (горизонты хазарского времени) и Таматарха нет вещей, в основном предметов вооружения, торевтики, украшений скандинавского облика, которые остав ляли воины Святослава при взятии крепостей Дунайской Болгарии, славянских городищах в бассейне Десны и в Белой Веже (Петрухин, 2009, с. 212).

Таким образом, объективный подход свидетельствует о том, что, как и восточные авторы, древнерусские летописцы так же ничего не знали о боевых действиях Святослава в Крыму и в Тмутаракани.

Относительно похода «на козары» Владимира сохранилось только чрезвычайно краткое сообщение в известном сочинении «Память и похвала Иакова мниха»: «на Козары шед, победи я (их) и дань на них положи». Это недатированное сообщение не раз подвергали сомнению, полагая, что Владимиру в нем приписан поход его отца Святослава. Однако, как мы видим, оно подтверждается синхронными арабскими источниками, согласно которым после сокрушительного разгрома Каганата, тот в какой-то мере восстановился благодаря помощи связанного с ним с давних пор сильного мусульманского государства Хорезм, хотя для этого Каганату пришлось объявить себя исламским. Это произошло в конце 970-х или даже в начале 980-х годов, уже после гибели Святослава. С этим сообщением непосредственно связано и упоминание о походе Владимира в ПВЛ «В лето 6493 (985 г.) Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ

² Там же и основная историография проблемы участия Никона в летописании, начиная с работ А.А. Шахматова.

своимъ, в лодиях, а торъки берегомъ приведе на коних: и победи болгары.». По мнению И.Г. Коноваловой в середине X в. происходит активизация Руси на восточном направлении. Исходя из хронологии ПВЛ, исследовательница датирует поход Владимира не ранее 985 и не позднее 986 гг. (2000, с. 234), не исключая, что походы на Волжскую Булгарию и Хазарию были одновременны. Для нас важно то, что целью похода являлось недопущение мусульманизации, прежде всего Подонья и Приазовья. Крымский фактор в это время пока еще не выходил на первое место. Была ли взята в ходе этого похода Тмутаракань неизвестно. По мнению А.В. Гадло отсутствие в ПВЛ упоминания о походе Владимира на Тамань сделано умышленно и находится в связи с дальнейшими событиями, связанными с христианизацией Руси (1990, с. 23-24).

Нельзя не упомянуть и чрезвычайно известный и такой же спорный пассаж ПВЛ при выборе веры Князем Владимиром о «се слышавши Жидове Козаристии приидоша». В последнее время все более популярной становится точка зрения о том, что это могли быть представители торговой еврейской хазарской диаспоры Киева. При этом конечно, главным аргументом служит т.н. «Письмо Киевских евреев» и упоминание в нем тюркских по происхождению имен (Бубенок, 2010, с. 460-461³). Данная версия никоим образом не опровергает и наиболее аргументированной версии о том, что делегация могла быть направлена и из Тмутаракани, очевидно в это время входящей уже в орбиту интересов Древнерусского государства (Чхаидзе, 2005б, с. 14). В этой связи хочется подчеркнуть, что все перечисленные в ПВЛ посольства являлись государственными (Брайчевский, 1989, с. 150), что, на мой взгляд, делает предпочтительней «Тмутараканский» вариант. Косвенным образом в пользу этого свидетельствует и широко известный факт упоминания в ПВЛ хазар только в связи с событиями так или иначе связанными с Тмутараканью (Бубенок, 2010, с. 460-461).

Для нашей темы важен тот факт, что, вероятно, поход Владимира 985-986 гг., как и походы его отца, не затронул восточную Таврику. Однако, вхождение Тмутаракани в состав Древней Руси, не могло не сказаться на усилении политического влияния последней на этот регион полуострова, которое еще более усилилось после похода 988 г. на Корсунь.

В течение второй половины XI в. в ходе междоусобной борьбы за Тмутаракань и влиянии на византийские территории юго-западной Таврики, походы против Херсонеса в 1077 и 1095 гг. осуществлялись Владимиром Мономахом и Глебом Святославичем. Подробный анализ сохранившихся летописных и эпических упоминаний об этих походах приведен в работе С.Н. Азбелева (2005, с. 121-129), что избавляет от повторений. Однако и они не оказали существенного влияния на ход исторического развития восточной части полуострова.

Специфическими древнерусскими источниками, имеющими самостоятельное значение, являются договоры Руси и Византии X в. Для правильного понимания термина архонт в исторических реалиях Руси середины X в. наибольший интерес представляют договора, зафиксированные в ПВЛ под 6453 (944) и 6479 (971) гг. Как известно, оба они дошли в списках, датируемых не ранее последней четверти XIV в. Дискуссия вокруг этих документов, продолжается уже более столетия. Историография проблемы изучения Договоров, как самостоятельных источников, коротко изложена в работе Н.И. Платоновой (1999, с. 164-168). Это касается источниковедческих вопросов о времени самих переводов, синхронных событиям или сделанных на столетие позже; о специфике исторических фактов X в. подвергавшихся, как минимум, двойной трансформации; а так же филологических — о качестве перевода, о том «русском» языке, на котором говорили послы и т.д. Все это не имеет непосредственного отношения к теме диссертации.

Наиболее важен вывод исследовательницы о том, что согласно тексту Договора 944 г. на Руси в первой половине – середине X в. существовало несколько ветвей дома Рюрика, не упомянутых в ПВЛ (1999, с. 166). Известным подтверждением этому является упоминание Константином Багрянородным в трактате «О церемониях» различных рангов княжеских родственников, в том числе «архонтисс» и послов «других архонтов России». Из 24 княжеских имен упомянутых в преамбуле Договора 944 г. – 16 имеют скандинавское происхождение (Валеев, 1982).

Завершением формирования централизованной княжеской власти, которое началось еще в начале X в., было исчезновение упоминаний о древнерусской знати на страницах Договора 971 г. Эволюция процесса ярко отражена в титулатуре великокняжеских родственников, которая, как известно, изменяется от «великих и светлых князей» 911 г. до «всякого княжья» 944 г. и полного

³ В этой работе приведен и краткий анализ историографии исследования.

исчезновения со страниц официальных документов. Однако это не значило, что древнерусская княжеская знать не могла действовать самостоятельно, собирать дань и руководить отдельными воинским подразделениями, даже и во времена Владимира.

«Еврейские» источники. Напомним, что в этот сложный и неоднозначный комплекс письменных источников входят самые разнообразные документы. Во-первых, это знаменитая еврейско-хазарская переписка и, вероятно, связанный с ней Кембриджский Аноним. Во-вторых, самостоятельное значение имеет т.н. Киевское письмо, датируемое второй половиной Х в., обнаруженное в 1962 г. Н. Голбом среди фрагментов той же Каирской генизы, откуда происходит и Кембриджский Аноним и впервые опубликованное Н. Голбом и О. Прицаком (1982, р. 240). В данном случае нет смысла анализировать этот документ, поскольку содержащаяся там ценнейшая информация прямого отношения к теме нашего исследования не имеет. В-третьих, это целый ряд т.н. Приписок на полях Крымских библий (Хвольсон, 1866, с. 20-188), как проанализированных с критических позиций (Гаркави, 1876, с. 1-28), так и частично использованных в исторических построениях (Баранов, 1990, с. 153; Ачкинази, 1994, с. 83-84; Ачкинази, 1997, с. 17-18; Ачкинази, 2000, с. 46-53; Майко, 1999а, с. 176-181). В-четвертых, сообщения еврейских путешественников более позднего времени (Новосельцев, 1990, с. 8; Ачкинази, 2000, с. 55) и некоторые произведения еврейской исторической литературы, в частности т.н. «Книга Иосиппон». И.В. Ачкинази упоминал еще один интересный комплекс источников (2000, с. 47). Это свидетельства ученыхкараимов X-XI вв., происходящие из караимских кругов времени существования Хазарии и характеризующие, пусть и не всегда объективные представления о хазарском прозелитизме этого периода. Помимо ценной информации о караимской или ортодоксально иудейской сути хазарского иудаизма, они содержат некоторые косвенные данные и о самой Хазарии этого времени (Ankori, 1959).

Их детальный источниковедческий анализ, в частности и вопросы доказательства подлинности или фальсификации, тема отдельной масштабной и далеко не завершенной работы. Большинство исследователей склоняется в точке зрения о возможности использования комплекса еврейско-хазарской переписки как исторического источника. Тем не менее, до сегодняшнего дня высказываются и резко негативные точки зрения. Например, резкая критика еврейско-хазарской переписки, как исторического источника изложена в монографии М.Б. Кизилова. Автор считает эти документы средневековыми географическими произведениями X-XI вв. в которых реальные сведения о хазарах переплетаются с позднейшими дополнениями, в том числе беспочвенными фантазиями (Кизилов, 2011, с. 67-68).

Рассмотрим коротко каждый из этих блоков. <u>Еврейско-хазарская переписка.</u> История обнаружения и публикации письма Хасдая-ибн-Шафрута, краткой и пространной редакции Ответного письма хазарского царя Иосифа многократно становились предметом специальных изучений. Несмотря на время создания документов, в настоящее время они признаются большинством исследователей подлинными историческими источниками.

Однако, существует и довольно обоснованное мнение о том, что весь этот комплекс источников является сфальсифицированным, начиная с первого публикатора. Резко негативную оценку по отношению ко всем документам еврейско-хазарской переписки высказывает в целой серии публикаций известный украинский филолог В.А. Бушаков. Автор не сомневается в том, что они сфальсифицированы И. Акришем и А. Фирковичем. Особо детально проанализирована Пространная редакция ответного письма Иосифа (2005, с. 118-128). Источником фальсификаций А. Фирковича исследователь считает 42 главу трактата Константина Багрянородного, сообщения арабских историков, в частности Ибн-аль-Факиха, а так же монографию Д. Хвольсона 1869 г. Несмотря на логичность и убедительность изложения, многие построения так же гипотетичны и предполагают выдающийся научный кругозор и историческую компетентность караимского патриарха.

Из трех связанных между собой документов для нас, конечно, представляет интерес наиболее спорная часть Пространной редакции ответного письма Иосифа, повествующая о перечне крымских городов подвластных Хазарии. Напомним его. Описывая границы Хазарии, автор письма говорит о том, что «С западной стороны - Ш-р-кил (Саркел - Белая Вежа), См-к-р-ц, К-р-ц (Керчь), Суг-рай (Сугдея - Судак), Алус (Алушта), Л-м-б-т, Б-р-т-нит (Партенит), Алубиха (Алупка), Кут, Манк-т (Мангуп), Бур-к, Ал-ма, Г-рузин (Херсон). Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины (Черного моря), к западной (его) стороне» (Коковцов, 1932,

с. 84-103). Источниковедческий анализ этого перечня неоднократно опубликован разными авторами (Сорочан, 2005, с. 1578-1580)⁴. Большинством исследователей признается, что появление данного перечня, мягко говоря, связано с энтузиазмом А. Фирковича, открывшего этот документ (Петрухин, 2009, с. 208). В лучшем случае считается, что данный перечень является попыткой описать идеальные границы своего государства, не соответствующие историческим реалиям времени составления документа.

Не вступая в эту сложную и запутанную дискуссию, с точки зрения археологии можно отметить только следующие объективные моменты. Во-первых, на всех перечисленных памятниках, в том числе и на Мангупе, отмечены синхронные и однотипные археологические материалы середины-второй половины X в. не связанные с предшествующими салтовскими древностями. Таким образом, дискуссия о том, существовали они или нет во времена царя Иосифа, бесперспективна. Во-вторых, эти артефакты и объекты, в подавляющем большинстве не позволяющие судить об этносе, не могут доказать или опровергнуть и политическую принадлежность указанных городов и поселений. При этом отметим, что если считать перечень фальсификацией, необходимо, во-первых, согласиться с гипотетическим предположением о том, что большая часть Таврики контролировалась в середине X в. Византией. Во-вторых, надо признать, что подделка Фирковича, в частности о существовании Мангупа, как бы его не называть, в середине X в. частично подтверждается археологическими материалами, которые караимскому патриарху, конечно, были неизвестны.

Следующий блок документов включает в себя т.н. Приписки на полях Библий. Как известно, история их обнаружения непосредственно связана с политическими событиями. Это известная попытка созданного во второй половине 1830-х гг. Одесского общества истории и древностей, при поддержке генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова получить сведения о происхождении крымских караимов. Таким образом, это изначально был государственный заказ, использованный караимским патриархом для решения животрепещущих проблем караимских общин. История обнаружения приписок, их источниковедческий, исторический и филологический анализ неоднократно становились предметом специальных рассмотрений, особенно во второй половине XIX в., что избавляет от повторений. В настоящее время, основываясь на безусловной фальсификации первой части т.н. «Манджлисского документа», который лег в основу «концепции» А. Фирковича, все приписки считаются незаурядным плодом его творчества.

В данной связи хочется сказать следующее. К сожалению, нельзя достичь благих целей, пользуясь неправедными методами. Безусловная фальсификация А. Фирковичем надгробных эпитафий и «Манджлисского документа» ставит под сомнение огромный массив ценнейших источников по истории средневековой Таврики. Как известно рукописная коллекция караимского исследователя насчитывает около 300 рукописей с приписками. Тем не менее, наиболее полно обработавшие их В.Л. Вихнович и В.В. Лебедев установили, что некоторые даты Приписок исправлены переписчиками за сотни лет до собиравшего их А. Фирковича (1992, с. 138). Интересно, что сходство приемов подделки дат отмечено именно у тех документов, которые не имеют отношения к истории Таврики. Эти документы могли быть куплены А. Фирковичем у владельца, подделавшего их с целью получить с покупателя как можно больше денег (Лебедев, 1974, с. 11; Лебедев, 1987, с. 61). Добавим ко всему вышеизложенному, что, по мнению специалистов, из всех рукописей, составивших два собрания А. Фирковича, только несколько десятков вызывают сомнения (Вихнович, Лебедев, 1992, с. 138-139).

Абстрагируясь от огромного и часто субъективного историографического багажа, как и в случае с перечнем крымских городов из Пространной редакции письма Иосифа, проанализируем правдивость тех из Приписок, которые датируются серединой – второй половиной X в. с точки зрения археологической ситуации.

Так в Приписке 57 речь идет о подарке Пятикнижия с данной припиской хазарскому вельможе, во второй (№ 58) - о бегстве под покровительство обращенных в иудаизм «кадариев» части евреев из деревни Таш-Ярган. Приписки датируются соответственно 969 и 970 гг. (Хвольсон,

⁴ Там же и историография публикации источника.

1866, с. 75). В данном случае вопрос вызывает только наименование самой деревни⁵. Существование хазарских вельмож во второй половине X в. в Крыму, находившихся на службе у Византии, факт, подтверждаемый современными эпиграфическими и сфрагистическими данными, которые, конечно, небыли известны А. Фирковичу.

Не противоречит исторической и археологической ситуации Приписка 59, уже упоминавшаяся в литературе (Баранов, 1990, с. 152). В ней говориться, что Иосиф, учитель иудаизма и переписчик Библий из Сугдеи, закончил переписывать эту Библию в 977 г. в Сугдее «под владычеством печенегов, которые покорили (это место) наших братьев кадариев» (Хвольсон, 1866, с. 66-67). С вероятным контролем печенегами в середине – второй половине X в. практически всех степных районов Таврики, согласно большинство специалистов. Об этом совершенно определенно в середине X в. говорит Константин Багрянородный. В какой форме осуществлялся этот контроль, сказать сложно, возможно, в течение какого-то промежутка времени Сугдея выплачивала печенегам дань или контрибуцию. Ни доказать, ни опровергнуть данное предположение, исходя из сведений письменных источников и археологической ситуации нельзя, однако, логически, оно приемлемо. В какой степени А. Фиркович воспользовался данными Константина Багрянородного, и вообще, был ли он с ними знаком, сказать невозможно. О принадлежности Сугдеи хазарам или византийцам до покорения города печенегами, на основании археологического материала судить нельзя. Однако, исходя из данных Кембриджского документа, неизвестного А. Фирковичу, хазарская принадлежность Сугдеи более обоснована.

Наиболее сложная ситуация с т.н. «Манджлисским документом». Как уже отмечалось, это безусловная фальсификация. Однако не исключено, что во всем этом запутанном документе есть рациональное зерно. Речь идет не обо всем документе, а о событиях середины Х в. Фальсификацией считается принадлежность Боспора хазарам, наличие хазарского царя и посольство Владимира⁶. Рассмотрим по порядку каждое из этих сведений. О принадлежности Боспора в 986 г. хазарам судить сложно. Однако в документе события, повествующие о проживании на Боспоре автора документа и посольстве Владимира, разделены по времени. О последнем событии говорится только то, что оно произошло во время проживания на Боспоре автора письма. Таким образом, речь может идти и о принадлежности Боспора хазарам в середине Х в., что вполне вероятно. Нет четкого указания на то, что упоминаемый хазарский царь Давид, находится на Боспоре. С другой стороны версия о существовании автономной Тмутаракани со своим правителем до похода 985-986 гг. Владимира имеет право на существование (Гадло, 1990, с. 21; Новосельцев, 1990, с. 133). Не исключено, что именно о нем и идет речь в документе. Не исключен и вариант о наличие на Боспоре чиновника, происходившего из хазарской знати, и только номинально подчиненного Византийской империи7. О посольстве Владимира к хазарам для знакомства с иудейской религией помимо этого сообщения неизвестно ничего. Однако если согласиться с тем, что территория Тамани с центром в Тмутаракани только при Владимире вошла в состав

⁵ Согласно подробным филологическим исследованиям В.А. Бушакова, это название образовалось из составных существительного Таş место и yarğan колоть, раскалывать (место, где кололи камень) и имеет тюркское происхождение (2001, с. 15).

⁶ Коротко напомним, что резкая критика документа А.Я. Гаркави построена в основном на признании фальсификацией первой составной части этого сложного источника, логически и хронологически не связанной с рассказом о посольстве к Владимиру. Во-вторых, при анализе Свитка автор основывается на умозрительном заключении о низком уровне развития Хазарии и ее политической слабости в Х в., о невозможности контроля над Матархой, несоответствия города Сафарад Боспору и некоторых названий не современных дате источника (Гаркави, 1876, с. 26-28). Что касается основных посылок, то они слабо подкреплены, как письменными источниками, так и анализом исторической ситуации. Относительно последних замечаний, можно отметить, что они являются, по мнению А.Я. Гаркави, второстепенными и следуют как дополнение к основным.

⁷ Эти сведения о наличии на Боспоре хазарского «царя», если признать их достоверными, находят своеобразное подтверждение и в армянской редакции Жития Св. Стефана Сурожского, где, как известно, дважды упоминается хазарский царь Вирхор, проживавший в Керчи (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 64). Сведения о нем относятся к более раннему времени и не в одном другом источнике не упоминаются. Однако, даже сторонниками византийской принадлежности Боспора, он интерпретируется, в том числе, и как хазарский представитель на Боспоре (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 210).

Руси, не исключен интерес киевского князя к этим новым землям. Кроме того, известно, что посольства были посланы во все государства, представлявшие на выбор религии. Конечно, большое сомнение вызывает употребление названия Сафарад (Боспор).

Таким образом, при составлении «Манджлисского документа», нельзя исключить факт использования A. Фирковичем каких-то достоверных намеренно утраченных и частично модернизированных сведений, относительно событий второй половины X в.

Безусловно, абсолютизировать сведения Приписок нельзя. Это очень сложные и субъективные документы. Однако использованные в работе примеры, как я пытался показать, в некоторой степени подтверждаются археологическими материалами и анализом исторической ситуацией, т.е. теми сведениями, которые А.Фирковичу известны небыли.

Интересным и важным источником является т.н. «Книга Иосиппон» еврейский хронограф середины Хв., составленный в южной Италии или Сицилии (Петрухин 1994). В основу хронографа был положен созданный в IV в. латинский перевод «Иудейских древностей» и пересказ «Иудейской войны» Иосифа Флавия (отсюда название — «Иосиппон»). «Иосиппон» стал чрезвычайно популярен в средневековом мире: помимо собственно еврейских списков (фрагменты и полные версии XII-XV вв.), уже в XI в. был известен арабский перевод. На русском языке текст, основанный на т.н. Константинопольской редакции (изданной Брейтхауптом, 1710), был опубликован А. Я. Гаркави (1874). Ныне на него опирается большая часть исследователей. По мнению В.Я. Петрухина «Иосиппон» нуждается в подробном текстологическом исследовании и комментировании (1994, с. 51). Особый интерес, согласно исследователю, представляют «тюркские», в частности «хазарские», сюжеты — как ввиду близости некоторых данных «Иосиппона» документам еврейско-хазарской переписки (Коковцов, 1932, с. 26), так и в силу предположений о том, что перевод «Иосиппона» на Руси мог быть сделан при посредстве хазар. Последние исследования К. Цукермана (2013, с. 242-246) еще раз со всей очевидностью показывают влияние Книги Иосиппон не только на Кембриджский Аноним, но и на ПВЛ, в частности, в вопросе о названии хазар. В русской летописи, как и в еврейском хронографе, употребляется форма Козаре, козар (Гаркави, 1874, с. 306).

Единственный, на мой взгляд, письменный источник, позволяющий связать политические события, которые привели к смене материальной культуры в восточном Крыму, является широко известный Кембриджский Аноним. Обнаружен он был в конце XIX века вместе с другими бесценными документами в «Каирской Генизе» - хранилище древней синагоги - ученым из Кембриджа Соломоном Шехтером и был доставлен им в библиотеку Кембриджского университета в 1896 г. Документ очень плохо сохранился: это письмо (или копия письма) примерно в сто строк на древнееврейском языке; начало и конец отсутствуют, так что невозможно понять, кто его написал и кому. Каган Иосиф упоминается в нем как современник и величается «моим господином», Хазария фигурирует как «моя страна», так что появляется повод предположить, что письмо написано хазарским евреем - придворным кагана Иосифа при жизни последнего, то есть практически в то самое время, когда велась «Хазарская переписка». Традиционно считается, что оно адресовалось Хасдаю ибн Шафруту и было передано в Константинополе неудачливому посланцу Хасдая Исааку бар Натану, который вернулся с ним в Кордову (в Каир оно попало после изгнания евреев из Испании). В любом случае, в самом документе содержатся доказательства того, что он был создан не позднее XI века, а, скорее всего, еще при жизни Иосифа, в X веке.

Его краткой и пространной источниковедческой оценке был посвящен целый ряд отдельных работ (Schechter, 1912-1913, pp. 181-219; Коковцов, 1913; Коковцов, 1926, с. 121-124; Коковцов, 1932, с. 117-120; Новосельцев, 1990, с. 216- 217; Голб, Прицак, 1997, с.140-146; Zuckerman, 1995, р. 237-270; Майко, 1999б, с. 109-121; Гадло, 2004, с. 141-145; Сорочан, 2005, с. 1544-1551; Тортика, 2005, с. 295-299; Кизилов, 2011, с. 81-84; Петрухин, 2011, с. 119-126; Науменко, 2013, с. 44-46), что избавляет от повторений. Упоминается он с 1912 г. практически во всех работах так или иначе связанных с Хазарией. Отметим, что интерес к документу с течением времени не ослабевает и все большее число специалистов, несмотря на живучесть некоторых скептических оценок (Новосельцев, 1990, с. 217; Кизилов, 2011, с. 83), считает его историческим документом.

Нельзя не отметить, что существует не менее значительная по объему историография попыток исторического истолкования изложенных в документе событий (Ю.Д. Бруцкус, В.А. Мошин, Н.Я. Половой, И.А. Баранов, К. Цукерман, А.А. Тортика), относительно ранней историографии частично изложенная в работе Б.Г. Горянова (1945, с. 262-277). Отметим, что при

этом все исследователи относились к документу, как к историческому источнику. Однако никем из них, за исключением отдельных замечаний Ю.Д. Бруцкуса, не ставились в зависимость изложенные в Кембриджском Анониме события середины X в. и исчезновение салтовской культуры Крыма. Только относительно недавно, после публикации автором работы 1997 г. (Майко, 1997, с. 109-121), стала дискутироваться проблема перспективности привлечения археологических материалов для объяснения изложенных в документе событий.

Как известно, Кембриджский Аноним содержит зачастую уникальную информацию практически по всем ключевым моментам политической и идеологической истории Хазарии. Прежде всего, документ привлекался для анализа причин и механизма принятия иудаизма Хазарией и его караимской или раввинистической формы. Для нашей темы представляет интерес именно тот небольшой по объему отрывок Анонима, где повествуется о русско-хазаро-византийских отношениях в середине X в. и о событиях происшедших в это время на полуострове. Разбор других событий, изложенных в документе, в частности о времени принятия хазарами иудаизма, тема отдельного исследования. Отмечу лишь, что свидетелем их в отличие от конфликта середины X в. автор документа не был.

Процитируем перевод источника сделанный П.К. Коковцовым (1932, с. 78-79) с некоторыми современными вставками и реконструкциями: «...(Так же и) во дни царя Иосифа, моего господина, (аланы были)⁸ (В.М.) (ему подмогой)⁹, когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа¹⁰. (И когда стало известно это) дел(о) моему господину, он ниспроверг множество необрезанных¹¹. А Роман (злодей послал) так же большие дары X-л-гу царю Руссии¹², и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пошел он ночью к городу¹³ С-м-к-раю¹⁴ и взял его воровским

⁸ В последнем издании русского перевода текста Кембриджского Анонима (Голб, Прицак, 1997, с. 141) данный пропуск реконструируется Н. Голбом как "... И еще, в дни Иосифа царя, моего господина, *[он искал]* его помощи, когда гонение обрушилось во время дней Романа злодея. ...". По мнению автора, реконструировать с полной вероятностью связано ли подлежащее (он) с царем алан или же с самим Иосифом, не представляется возможным (Голб, Прицак, 1997, с. 146, прим. 48).

⁹ Реконструкция С. Шехтера (Коковцов, 1932, с, 82, прим 33).

¹⁰ В.Е. Науменко насильственное крещение иудеев логично связывается с изгнанием византийского духовенства из Алании после алано-хазарской войны 931-32 гг. (2013. с. 44-45). Подтверждением этому справедливо служит письмо 932 г. венецианского дожа Петра II к германскому императору Генриху I (Науменко, 2013, с. 45).

¹¹ У Н. Голба «он избавился от множества христиан» (Голб, Прицак, 1997, с. 147, прим. 51). С.Б. Сорочан совершенно справедливо полагает, что изложенный в документе факт гонения на иудеев, несмотря на замечание П.К. Коковцова, мог произойти в любой период правления Романа І. Мотивом противостояния могла быть попытка поставить епископа в Хазарии, о чем свидетельствуют Письма патриарха Николая Мистика. Таким образом, события, изложенные в этой части документа, совершенно не обязательно связаны с последующим заключением договора между Романом и Н-i-g-u. Учитывая поврежденность текста в начале следующего предложения, не исключено, что это рассказ о более поздних событиях 940-941 гг. (Сорочан, 2005, с. 1545-1546, прим. 1565, 1567, 1568).

¹² Поскольку этот центральный персонаж повествования является ключевой фигурой в понимании документа, остановимся на этой проблеме далее, после анализа документа.

¹³ Термин город или резиденция более подходит в данном случае, нежели буквальный перевод «область, провинция» (Сорочан, 2005, с. 1546, прим. 1569).

¹⁴ Историография вопроса о вариантах написания названия города от S-m-b-г-jj до S-m-k-г-с изложена у С.Б. Сорочана (2005, с. 1546, прим. 1570). О проблеме локализации этого города, коротко рассмотренной А.П. Новосельцевым (1990, с. 132-133), высказано в основном две точки зрения. Согласно первой, он располагался на берегу Керченского пролива (Гумилев, 1993, с. 193), точнее на месте Тмутаракани (Коковцов, 1913, с. 12; Бруцкус, 1922, с. 52; Артамонов, 1962, с. 373; Новосельцев, 1990, с. 133; Цукерман, 1996, с. 70). А.В. Гадло считал, что это еврейско-хазарская передача названия Тамтаракай-Тмутаракань (Гадло, 1989, с. 15). И.А. Баранов, справедливо разделял К-р-ц и С-м-к-р-ц, локализуя их соответственно на двух берегах Керченского пролива (1994, с. 13-14). С другой стороны, ряд авторов связывает его с предместьем Керчи (Моѕіп, 1931, р. 320; Гадло, 2004, с. 140-141), что связано у первого ученого с предлагаемой концепцией атрибуции князя русов Helgou Анонима, или непосредственно с остатками фортификационных объектов на территории упомянутого города (Макарова, 1982, с. 99).

способом, потому что не было там начальника¹⁵, раб-Хашмоная¹⁶. И стало это известно Бул-ш- μ^{17} , т.е. досточтимому¹⁸ Песаху¹⁹ и пошел он во гневе на города Романа²⁰ и избил и мужчин и женщин. И взял он три города, не считая большого количества селений²¹. И оттуда он пошел на (город) Шуршун²² (...) и воевал против него (...) И они вышли из страны наподобие червей²³ (...) Израиля, и умерло из них 90 человек²⁴ (...)²⁵

Но он заставил их платить дань²⁶. И спас (...) (от)²⁷ руки Русов и (поразил) всех оказавшихся из них (там) (и умертвил ме)чом. И оттуда он пошел войною на X-л-гу и воевал $(...)^{28}$ месяцев,

- ²⁰ С.Б. Сорочан настаивает на буквальном понимании источника, т.е. о принадлежности городов Византийской империи (2005, с. 1547-1548, прим. 1576). Тем не менее, на мой взгляд, исходя из археологических реалий, речь идет о византинизированных праболгарских поселениях и городах. В любом случае, доказать это на примере данного источника невозможно, да и на достоверность изложенных событий это не влияет.
- ²¹ Использован перевод А.П. Новосельцева (1990, с. 115), больше отвечающий археологическим реалиям Таврики середины X в. У П.К. Коковцова «большого множества пригородов» (1932, с. 79), у Н. Голба "деревень" (Голб, Прицак, 1997, с. 141).
- ²² По единодушному мнению исследователей Херсон. Подробнее историография вопроса изложена в работе М.Б. Кизилова (2011, с. 81, прим. **). По мнению М.В. Ступко и Е.Я. Туровского, осонованному на новом археологическом материале, в X в. в Херсоне, по крайней мере, в южной части города было два пожара. При этом ранний датируется не позднее 60-х гг. X в. и однозначно не связан с походом Владимира (Ступко, Туровский, 2013, с. 21-22).
- ²³ Традиционна точка зрения о заимствовании данного плохо сохранившегося пассажа из Библии (Коковцов, 1932, с. 85). К. Цукерман предполагает, что в данном случае речь идет о подкопе защитников города в попытке отразить нападение (2003, с. 72).
- 24 У Н. Голба речь идет о погибших осажденных, а у К. Цукермана, соответственно, об осаждающих. Подробнее см. (Сорочан, 2005, с. 1548, прим. 1580).
- 25 Коньюктура Н. Голба «он не окончательно разгромил их» (Голб, Прицак, 1997, с. 141, л. 2, об., 3), по мнению С.Б. Сорочана (2005, с. 1548, прим. 1581) гипотетична.
- ²⁶ По мнению С.Б. Сорочана речь, вероятно, идет о контрибуции (2005, с. 1548, прим. 1582). В.Е. Науменко так же считает, что осада Херсонеса завершилась выдачей Песаху денежной контрибуции, а так же пленных жителей Самкерца и укрывавшихся в крепости Руссов (Науменко, 2013, с. 45).
- 27 По реконструкции Н. Голба «(хазар) (от)...» (Голб, Прицак, 1997, с. 141, л. 2, об., 4). По мнению К. Цукермана речь идет о захваченных H-l-g-u пленных (2003, с. 72). Приводимый С.Б. Сорочаном текст (2005, с. 1548), в деталях отличается от текста П.К. Коковцова (1932, с. 78-79).
- ²⁸ Реконструкция Н. Голба «четыре месяца» (Голб, Прицак, 1997, с. 133), по мнению С.Б. Сорочана гипотетична (2005, с. 1549, прим. 1585).

¹⁵ У Н. Голба «командующий» (Голб, Прицак, 1997, с. 164).

¹⁶ Варианты интерпретации: имя собственное, занимаемая должность, прославляющий эпитет для еврейского военачальника, рассмотрены С.Б. Сорочаном (2005, с. 1547, прим. 1572). Исследователь справедливо полагает, что его связь с Песахом (Князькин, 2002, с. 52) сомнительна.

¹⁷ Историография идентификации вероятнее всего должности или звания Песаха сложна и противоречива. Она рассмотрена в указанных работах П.К. Коковцова, М.И. Артамонова, Н. Голба и О. Прицака, А.П. Новосельцева (Сорочан, 2005, с. 1547, прим. 1573) Подробнее библиография приведена (Чхаидзе, 2005, с. 170-171). На мой взгляд, исходя и из археологической ситуации наиболее приемлемая точка зрения, связывающая должность Бул-ш-ци с главой прикубанских болгар (Артамонов, 1962, с. 371) или с главой военной и гражданской администрации Хазарского каганата в области Приазовья с центром в Таматархе (Сорочан, 2005, с. 1547, прим. 1573), что, однако, не бесспорно (Чхаидзе, 2005, с. 172). Исходя из этого, не исключено, что Песах действительно был правителем области, включавшей, прежде всего, Тмутаракань, а так же юго-восточный Крым и Керченский пролив. В любом случае, согласно сведений Аль-Масуди, в Таматархе находился крупный и боеспособный хазарский контингент, оказавшийся способным разгромить руссов Н-1-g-и в Крыму. К. Цукерман прямо заявляет, что он был правителем Боспора (Цукерман, 1996, с. 70), с чем категорически не согласен С.Б. Сорочан (2005, с. 1547, прим. 1575).

¹⁸ Дискуссия и историография вопроса о термине «а-м-к-р» «досточтимый» коротко изложена в работе М.Б. Кизилова (2011, с. 82).

¹⁹ Историография имени коротко изложена у С.Б. Сорочана (2005, с. 1547, прим. 1575).

и Бог подчинил его Песаху 29 . И нашел он $(...)^{30}$ добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и воюй с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошел тот против воли и воевал против Кустантины 31 на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его....».

Для доказательства историчности документа необходимо решить несколько основных вопросов. Во-первых, это вопрос о существовании алано-хазарского союза после хазароаланской войны 932 г. упомянутого в первой части данного отрывка Кембриджского Анонима. Помимо письменных источников, раскопками фиксируется разрушение в это время христианских храмов в аланском царстве (Каминский, Каминская, 1996, с. 175). По мнению целого ряда исследователей (Белецкий, Виноградов, 2005, с. 140) церковное строительство в Алании вряд ли возобновилось раньше 40-х гг. Х в., а аланы были вынуждены отказаться от христианства не добровольно, но вследствие военного поражения от хазар. Рост статуса Аланской кафедры и повышение статуса самого аланского правителя происходило до середины Х в. Как уже указывалось, косвенным подтверждением этого являются письма Патриарха Николая Мистика, сообщение Аль-Масуди и известный пассаж Константина Багрянородного об отсутствии союза алан с Византией в середине Х в. тщательно проанализированное в литературе (Половой, 1960, с. 348).

Второй и наиболее важный вопрос это проблема идентификации князя руссов H-l-g-u. Как уже указывалось (Майко, 1999б, с. 40-49), в историографии идентификации имени Х-л-гу выделяется три основных направления³². Основоположники первого С. Шехтер и П.К. Коковцов считали, что Х-л-гу есть скандинавская форма имени Олега Вещего (Коковцов, 1913, с. 152-153). Используя различную аргументацию, эту точку зрения поддержал и поддерживает целый ряд специалистов. Среди новых работ можно назвать капитальное исследование Н. Голба и О. Прицака, переизданное в 1997 г. на русском языке с новыми комментариями и послесловием В.Я. Петрухина (Golb, Pritsak, 1982, р. 137; Голб, Прицак, 1997), а так же отдельные пассажи монографии А.П. Новосельцева (1990, с. 35, прим. 22). Отдельного рассмотрения заслуживает обширная статья К. Цукермана, опубликованная в 1995 г. во Франции и переизданная позже в более краткой редакции в России и Украине (Zuckerman, 1995, р. 259-270; Цукерман, 1996, с. 68-80; Цукерман, 2003, с. 53-84). Автор вновь возрождает это, уже несколько подзабытое направление. Главным аргументом исследователя является предположение о том, что киевский князь Олег правил с 911 по 941 гг., что совершенно не соответствует данным ПВЛ. Согласно предлагаемой концепции во время похода Руси 941 г. существовало двоевластие, нашедшее, по мнению К. Цукермана, отражение в письменных источниках. После поражения от византийцев «Олегова» Русь не вернулась в Киев, а совершила поход на Бердаа. Согласно предлагаемой хронологии Игорь, таким образом, правил всего пять лет 941-945 гг. (Цукерман, 1996, с. 73-77). Вместе с тем, исследователь сам отмечает, что как установилось это двоевластие неизвестно, примеры подобного двоевластия в русской истории отсутствуют и совершенно не отражаются в письменных источниках, т.ч. предложенная новаторская концепция, влекущая за собой практически полный пересмотр всей первоначальной русской истории, нуждается в более серьезной дополнительной аргументации и пока окончательно не доказуема.

Второе направление представлено точкой зрения Ю. Бруцкуса. Автор видел в X-л-гу киевского князя Игоря, современника описываемых событий и действительно князя Киевской

²⁹ По другому варианту «смирил его перед Песахом» (Сорочан, 2005, с. 1548). Исследователь считает, что, исходя из сохранившегося отрывка документа, совершенно не ясно, куда был направлен далее поход Песаха.

³⁰ У Н. Голба «и он (пошел дальше и н)ашел» (Голб, Прицак, 1997, с. 142, л. 2, об., 6-7).

³¹ Н. Голб и О. Прицак, вслед за П.К. Коковцовым (1932, с. 85), считали, что речь идет о Черноморских владениях Византии (1997, с. 164). У С.Б. Сорочана - «Константинополя» (2005, с. 1549), там же (2005, с. 1549, прим. 1590) и аргументация.

³² Обзор основной литературы до начала 60-х гг. XX в. см. (Половой, 1961, с. 99-100).

Руси в период правления Романа I. По мнению автора, имени Игорь соответствовала полная скандинавская форма Helgu Inger, т.е. Хельги Младший, в отличие от Хельги Старого т.е. Олега Вещего (Бруцкус, 1922, с. 31).

Две предыдущие точки зрения, особенно концепция К. Цукермана, получили своеобразное развитие в ряде научно-популярных работ (см. напр. Алексеев, 1999). Их авторы, основываясь исключительно на умозрительных заключениях о несоответствии в хронологии правителей Руси первой половины Х в., считают, что было два Олега. Один Олег «Вещий», умерший в 912-913 гг., другой Олег, возможно, его сын, правил Русью до 941 г., на долю же княжения Игоря, возможного сына или племянника Олега «Нового» приходится небольшой промежуток правления с 941 по 945 гг. Исходя из современного состояния исследования ПВЛ, ни подтвердить, ни опровергнуть данную версию невозможно.

Представители третьего направления видят в X-л-гу князя т.н. Причерноморской Руси (основную литературу см. (Половой, 1961, с. 99-100)). Интересно, что совсем недавно это полностью ошибочное направление вновь возрождается в околонаучных кругах. Речь идет о диссертационном исследовании Я.Л. Радомского (2004). Само название работы «Этнический состав Причерноморской Руси» вызывает недоумение. Для автора нет сомнений в том, что Хельгу – князь Причерноморской Руси. Поскольку какая-либо серьезная аргументация отсутствует, нет смысла вести дискуссию.

В рамках этого направления высказана наиболее обоснованная, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой X-л-гу являлся либо воеводой в дружине Игоря, либо вождем наемной варяжской дружины в войске Игоря (Половой, 1961, с. 100; Артамонов, 1962, с. 377) либо подвластный Игорю воевода, известный по Начальной русской летописи (Сорочан, 2005, с. 1546, прим. 1568), либо «синтезированный образ Олега Вещего и Игоря» (Князькин, 2002, с. 52). В последнее время она поддержана В.Я. Петрухиным. По мнению автора, отождествление Олега и Xelgou, основанное на сходстве имени и отдельных мотивов нарративных источников, можно отнести к историографическим недоразумениям. Отсутствие упоминания Xelgou в договоре Игоря 944 г. объясняется тем, что его в это время уже, вероятно, не было в живых (Петрухин, 1998, с. 107). Автор совершенно справедливо подчеркивает, что имена Олег и Игорь были распространены, часто одновременно, и в русских и в скандинавских княжеских родах (Петрухин, 2000, с. 222-229; Петрухин, 2010, с. 524). Конкретизируя все известные данные, В.Я. Петрухин считает Хельгу одним из архонтов Руси времен Игоря, который правил в Чернигове (Петрухин, 2011, с. 125-126), с чем согласились и другие специалисты (Тортика, 2005, с. 297).

В исторических реалиях Руси первой половины-середины Х в. находит полное объяснение и титул одного из главных фигурантов документа. О том, что у русов при Олеге и Игоре было несколько князей «архонтов», свидетельствует текст договоров 911 и, особенно, 944 гг. Как уже отмечалось, наиболее важен вывод исследователей о том, что согласно тексту Договора 944 г., на Руси в первой половине - середине Х в. существовало несколько ветвей дома Рюрика, не упомянутых в ПВЛ (Платонова, 1999, с. 166). Известным подтверждением этому является упоминание Константином Багрянородным в трактате «О церемониях» различных рангов княжеских родственников, в том числе «архонтисс» и послов «других архонтов России» (Платонова, 1999, с. 166). Из 24 княжеских имен упомянутых в преамбуле Договора 944 г. – 16 имеют скандинавское происхождение (Валеев, 1982). Это именно та знать, о которой пишет Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» «... выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полудия...» (Константин Багрянородный, 1989, с. 50-51). Яркой иллюстрацией этой практики служит факт одновременного собирания дани с древлян дружиной Игоря и Свенельда (Петрухин, 1995, с. 145). По мнению Н.А. Скабалановича архонт это человек, обладающий определенной военной властью, т.е. имеющий в своем распоряжении некоторые военные силы (Скабаланович, 2004, с. 320). Суммируя все вышеизложенное можно предположить, что Х-л-гу играл в истории Руси примерно ту же роль, что после него Свенельд (Семенов, 2002, с. 90-91).

Как уже указывалось, историография объяснения изложенных в Анониме событий значительна. Постараемся коротко суммировать основные точки зрения. По мнению Л.Н. Гумилева, не подкрепленному, правда, историческими документами, но не лишенному логики, война Византии против Хазарии началась в 939 г. В 939 или в начале 940 г. Хельгу внезапным ночным нападением взял С-м-к-рай. В то же время, другая русская рать под предводительством Свенельда покорила уличей, находившихся в союзе с Хазарией. Взят город Пересечен после трехлетней

осады и уличи обложены данью в пользу Свенельда. Таким образом, поход Хельгу в Крым рассматривается автором как одно из звеньев продуманной политики Руси (Гумилев, 1993, с. 193). Предположение выглядит интересным т.к. в конце 30-х гг. Х в. по мнению О.В. Сухобокова и С.П. Юренко от Киева отсоединяются восточные северяне и радимичи левобережной Днепровской лесостепи, находившиеся в непосредственной близости к Хазарии. Окончательное их присоединение к Киевской Руси происходит только в период княжения Владимира (Сухобоков, Юренко, 1999, с. 288). Правда это предположение выглядит гипотетично и пока, на основании археологического материала, не может быть доказано. Однако, в его русле логичным выглядит предположение Н.Я. Полового о том, что, вероятно с ведома киевского князя Игоря, этот поход носил завоевательный характер. По мнению ученого русы оставались в Таврике как минимум осень-весну 940/941 гг. (Половой, 1961, с. 99). Логично предположить, что, воспользовавшись просьбой Романа I, Игорь, при помощи дружины Helgou намеревался закрепиться на Крымском побережье, значительно расширив сферу влияния молодого древнерусского государства. Аналогичный характер носил и предпринятый при Игоре поход русов 943 г. в Бердаа под руководством Свенельда, где русы выступали уже союзниками Хазарии и Алании (Половой, 1960, с. 349-350). Именно последние два похода по мысли исследователя послужили основанием для известного запрещения каганом Иосифом «пропускать русские корабли». Высказанные более 50-ти лет назад Н.Я. Половым вышеизложенные соображения носят, безусловно, гипотетический характер и нуждаются в дополнительном обосновании.

Несколько другая реконструкция событий предложена была в свое время Ю.Д. Бруцкусом, В.А. Мошиным, И.А. Барановым, В.Л. Мыцом и В.Е. Науменко. Согласно мнению первого, поход Неlgou, поддержанный христианизированным местным тюркским населением полуострова, датировался 932 г., а ответная карательная акция Песаха 935 г. (Бруцкус, 1922). И.А. Баранов считал, что поход Песаха датируется так же 935 г. и служит продолжением военной компании Хазарского каганата против византийских войск Романа I, начатой разгромом последних под стенами Валендара (В-л-н-д-р) в районе Тамани или Боспора в 933/34 гг. (Баранов, 1990, с. 152). В русле этой концепции выглядят и исторические построения В.Л. Мыца и С.Б. Адаксиной, правда, не такие категоричные как у предшествующих авторов. По мнению исследователей, поход Х-л-гу на Тамань датируется 932 г. В 933/34 г. Роман I в ответной акции постарался овладеть в Таврике Климатами, но потерпел поражение под крепостью Вилендар от тюрок, обитавших к западу от Алании. В 935г. состоялся поход черных булгар, союзников хазар под руководством Песаха, а в 940 г. русы совершили набег на Боспор и захватили крепость Самкерц (Мыц, Адаксина, 1999, с. 125). Предложенная концепция выглядит стройной и логичной за исключением того, что о факте существования двух походов русов в Таврику, умалчивает даже Кембриджский Аноним.

С другой стороны, на чем основана локализация И.А. Барановым города В-л-н-д-р, остается не ясным, поскольку у Аль-Масуди указание о его месторасположении очень неопределенное «на северных границах империи, между горами и морем» (Минорский, 1963, с. 193). Из текста перво-источника совершенно ясно другое. Во-первых, это греческий город, где располагался и византийский гарнизон, и туда беспрепятственно можно было послать подкрепления. Во-вторых, речь идет о нападении четырех тюркских племен во главе с царем печенегов. Этническая атрибуция нападавших до конца не выяснена, но речь идет о независимых или частично зависимых от Хазарии племенах, наверняка печенегах, и собственно хазары, известные арабским историкам, среди них не указаны (Новосельцев, 1990, с. 107-108; Кузовков, 2002, с. 91–95). Исходя из этого, связь города В-л-н-д-р с Боспором или Таманью маловероятна. На мой взгляд, эти события, очевидцем которых Аль-Масуди, безусловно, не был (Новосельцев, 1990, с. 218), мало связаны с событиями, описанными в Кембриджском Анониме.

В.Е. Науменко, основываясь на логичном предположении о том, что войска русов Хельгу могли состоять и из «северных наемников» на византийской службе, так же датирует поход Песаха около 935 г., когда контингент русов-наемников еще находился на службе империи (Науменко, 2013, с. 45).

По мнению В.А. Мошина, основанному на сообщениях Аль-Масуди о преследованиях евреев Романом I в 943 г., поход Helgou датировался именно этим годом. Будучи, согласно концепции автора, князем Причерноморской Руси, последний осадил соответственно не С-м-к-р-ц, а К-р-ц-Керчь взял ее и вернулся в свои владения (Мошин, 1927, с. 41-60; Mosin, 1931,

р. 309-325). Как уже указывалось, обе даты похода Helgou противоречат точному описанию Анонимом похода русов на Византию 941 г.

И.О. Князькин, основываясь на отсутствии упоминаний о походе H-l-g-u в византийских и древнерусских источниках, считает, что последний следует рассматривать только в русле взаимоотношений Константинополя и Киева. Смысл его, по версии исследователя, заключался только в необходимости воздействия на «черных болгар», беспокоивших своими набегами крымские владения ромеев. Основанием для этого служит известный Договор 944 г. «Черных Болгар» ученый локализует на территории Тамани. Аргументом в пользу неспособности Хазарии серьезно влиять на политические события является относительная «легкость» походов Руси на Каспий 943-944 гг. Таким образом, сведения Кембриджского анонима нельзя рассматривать, как исторические (Князькин, 2002, с. 52-53). В этом довольно стройном историческом построении единственное слабое звено, на котором и строиться вся концепция, это гипотетическая локализация «черных болгар» на территории Тамани с центром в Тмутаракани и сопоставление их с Тмутараканской Русью, на которую и призван воздействовать поход Руси Киевской. Вопрос о локализации «черных болгар» один из наиболее противоречивых. По мысли В.Н. Чхаидзе, подробно рассмотревшего его в одной из работ (2005, с. 171-172), версия о существовании в Прикубанье автономной от каганата Черной Булгарии со своим правителем, продолжает оставаться рабочей гипотезой (2005, с. 172). Вместе с тем, по справедливому мнению А.А. Тортики, методом исключения для локализации Черной Болгарии остается только один район – восточная часть северного Приазовья, примыкающая к нижнему Дону и с севера ограниченная течением Северского Донца (2012, c. 30).

По мнению И.Г. Семенова поражение русского флота у Иерона, близ Константинополя, вынудило Игоря вернуться со своим войском в Киев. В это же время Хельгу высадился в Малой Азии и в течение трех месяцев грабил местное население, а после того, как его отряд был заблокирован византийцами и со стороны моря, и со стороны суши, он под покровом ночи ушел в открытое море. Ряд фактов позволяет предполагать, что он отправился к хазарам в Таматарху. Там Хельгу провел более полутора лет и около середины 943 года, пополнив свой отряд добровольцами из хазар (у Низами Гянджеви они названы герками или арками), буртасов, алан и лезгов (дагестанцев), он вышел в Каспийское море, а оттуда по Куре — к самому богатому закавказскому городу того времени — Бердаа (943 год). Пока Игорь готовился к новому нападению на Византию, Хельгу воевал у стен Бердаа и в следующем, 944 году погиб (Семенов, 2002, с. 91).

Наиболее полно события, изложенные в Кембриджском Анониме, прокомментированы А.В. Гадло. По справедливому мнению исследователя, основанному на топографии Керченского пролива и присутствии там Хазарской заставы, большой воинский отряд незаметно подойти к Керчи и Тмутаракани незамеченным не мог (2004, с. 141). Следовательно, отряд Хельгу был небольшой и не представлял серьезной угрозы для хазар. Судя по реконструкции ученого, не доказуемой, но логичной во всех звеньях, после осады частью войска Песаха См-к-рая, Хельгу удалось бежать через северное устье Керченского пролива в Азовское море, где его и настиг хазарский полководец. Наиболее оригинальной частью концепции ученого является утверждение того, что целью похода Песаха, совершенно самостоятельного военного предприятия, был византийский Херсон. При этом каганат правильно учел факт ожидания империей масштабного похода Игоря и невозможности Византии отвлекать силы на противостояние хазарской армии.

Армянские источники. Чрезвычайно ценным армянским источником является Армянская версия Жития Святого Стефана Сурожского. В последние годы она полностью введена в научный оборот и тщательно прокомментирована (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 53-75), что избавляет от ненужных повторений. Коротко остановимся на тех отрывках документа, которые для нашей темы представляют наибольший интерес. Речь идет, конечно, о походе Пролиса. Процитируем его в переводе Т.Э. Саргсян (Могаричев, 2007, с. 186). «Спустя

времена³³, некий Пролис³⁴, из злого и неверного народа,³⁵ пришедши с войском, разрушил Керчь и страну его, и отправился оттуда³⁶ в Шрсон (Херсон), и разрушил тот, и взял в плен и мужчин и женщин и детей, и других мечу предал. Оттуда пошел с войском в Сухту (Сугдею) и как поступал в других гаварах, так поступил и в этом гаваре...».

Ю.М. Могаричев, наиболее полно прокомментировавший этот эпизод, справедливо полагает, что, поход Бравлина-Правлиса датируется серединой X в. Главными аргументами в пользу этого, по мнению ученого, служат, во-первых, его несомненная привязка к чуду с Царицей Анной, которая гипотетически сопоставляется с женой киевского князя Владимира³⁷. Во-вторых, значительный хронологический разрыв между смертью Святого Стефана и этим событием. Однако наиболее интересный и важный для нас аргумент, это несомненная связь описываемых в документе событий и сведений о походе Песаха проанализированного выше Кембриджского Анонима (Могаричев, 2007, с. 181-191). Эта догадка исследователя подкрепляется тем фактом, что нападавшие не связаны с Русью и поход был направлен с территории Тамани или Приазовья.

Стройность предложенной концепции не нарушает и анализ причин попадания в текст Жития данного чуда. Как известно, факт повторной переработки Жития Святого Стефана в конце X — начале XI вв. в связи с окончательной выработкой его культа, признается специалистами (Ivanov, 2006, р. 109-113). Вероятно именно тогда, данный сюжет наказания варваров за причиненные страдания христианам, типичный для агиографии, и попал в протограф Армянской редакции. Записан он был, как и Кембриджский Аноним по «свежим следам», а исторической канвой послужил реальный поход хазарского полководца Песаха.

При таком подходе, Армянская редакция Жития Святого Стефана Сурожского, признающаяся сейчас наиболее приближенной к первоначальному протографу, полностью подтверждает сведения Кембриджского Анонима и делает поход Песаха в Таврику исторической реальностью.

2.2. Сфрагистические, эпиграфические и нумизматические источники.

Сфрагистические источники. Специфическим историческим источником, необходимым при анализе ситуации в восточном Крыму, являются моливдовулы. Как известно, в Сугдее обнаружено одно из самых их крупных скоплений в Крыму. Постепенно этот архив вводится в научный оборот и анализируется, заполняя лакуны в истории Сугдеи, Боспора и всей анализируемой части полуострова. Последний раз в обобщенном виде Судакские моливдовулы проанализированы Е.В. Степановой (Могаричев и др., 2009, с. 175-192). Однако, абсолютизировать его нельзя, весь комплекс печатей, происходящий из подводных исследований в Судакской бухте, можно рассматривать только как подъемный материал. К счастью, он постоянно увеличивается.

Ко второй половине X-XI вв. относятся самые разнообразные печати протоспафариев и стратигов Херсона, чиновников высокого ранга самой метрополии, в частности протоспафария и стратига фраксийцев Иоанна, дуки Филиппополя Григория Куркуаса, высшей византийской знати. Встречены и редкие печати монаха Феодула, вестарха Георгия Кедрина, собиравшего сведения при составлении исторического труда, личные печати (Могаричев и др., 2009, с. 185-187).

³³ Ориентируясь на особенности употребления временных терминов в средневековых армянских рукописях, Ю.М. Могаричев, полагает, что выражение «Спустя времена» предполагает продолжительный отрезок времени. Таким образом, между смертью Стефана и походом прошло много времени и выражение Славянской редакции Жития «минуло мало лет» нельзя рассматривать буквально (Могаричев и др., 2009, с. 211-212).

³⁴ Ю.М. Могаричев, исходя из фонетических особенностей армянского и греческого языка, совершенно обосновано считает, что Бравлин и Пролис-Правлис, славянский и армянский вариант одного и того же имени (Могаричев и др., 2009, с. 211).

это выражение исключает славянскую или русскую принадлежность нападавших (Могаричев 2007, с. 186).

³⁶ Направление похода, исходя из данных источника, шло с востока, с территории Тамани и Приазовья (Могаричев, 2007, с. 186).

³⁷ Историография проблемы отождествления этого исторического персонажа подробно изложена (Могаричев и др., 2009, с. 211-213).

Следующие три группы печатей особо ценны, ибо непосредственно связаны с Сугдеей. Вопервых, это две печати архиепископа Сугдеи Петра (Могаричев и др., 2009, с. 184, рис. 7а, 7б). При этом отметим, что в составе Херсонесского архива недавно обнаружена печать архиепископа Сугдеи Льва (Алексеенко, Самойленко, 2008). Поскольку обе печати датируются второй половиной X в. именно с этого времени Сугдейские патриархи стали носить титул архиепископа (рис. 197).

Во-вторых, это шесть печатей стратигов Сугдейской фемы. Четыре из них протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия отлиты в одной матрице, (Баранов, Степанова, 1997, с. 83-87; Stepanova, 1999, р. 49-50; Булгакова, 2008, с. 315-316, № 30). По мнению В.И. Булгаковой, Георгий принадлежал к известному византийскому армянскому роду Муселе, потерявшему к середине XI в. свое былое могущество (2008, с. 315-316). Две так же, вероятно, отлитые в одной матрице – печати Иоанна патрикия и стратига Сугдеи (Степанова, Фарбей, 2006, с. 303, № 2; Булгакова, 2008, с. 314-315, № 29). Несомненно, что типологически оба типа печатей близки по времени и датируются первой половиной XI в. Таким образом, они однозначно свидетельствуют о существовании фемы в Сугдее в первой половине XI в. (рис. 197).

Особую группу находок составляют свинцовые печати Тмутараканских князей, найденные во время подводных исследований в Судакской бухте. В настоящее время насчитывается три т.н. печати Олега-Михаила с легендой «Господи помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Одна из них опубликована и тщательно проанализирована Е.В. Степановой: (Stepanova, 2003, р. 127; Степанова, 2005, с. 541, рис. 1, 8). Другая – В.И. Булгаковой (2008, с. 321, № 40). В этой же работе автор упоминает еще одну находку печати Михаила, происходящую из порта Сугдеи (Булгакова, 2008, с. 322). Аналогии этим моливдовулам хорошо известны, по современным сведениям их насчитывается 13, причем две происходят с территории Боспора, девять обнаружены в Тмутаракани в разные годы (Чхаидзе, 2012, с. 49), а одна, уникальная и достаточно спорная, находится в коллекции А.Е. и И.Е. Шереметьевых (Алфьоров, 2013, с. 28-31). К Тмутараканским печатям Боспора второй половины XI в. можно добавить давно известную печать посадника Ратибора и, возможно, спорную печать Михаила Матарха (Степанова, 2007, с. 365). По сведению В.Н. Чхаидзе печатей Михаила Матарха в настоящее время известно уже семь (2012, с. 49). Проблема установления личности собственника печатей с легендой «Господи помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» является одной из наиболее дискуссионных на протяжении последних 60-ти лет. Ее историография детально изложена в нескольких работах (Степаненко 1993, с. 254–263; Степанова, 2005, с. 542-545; Гадло, 1988, с. 194-213). По мнению исследователей, после 1083 г., когда Олег Святославович вернулся в Тмутаракань после четырехлетнего плена, влияние Византии на эти территории усилилось. Следует обратить внимание и на находку в порту Сугдеи печати еще одного тмутараканского князя Давида Игоревича (1081-1083 гг.) недавно опубликованную В.И. Булгаковой (2008, с. 320-321, № 39). Это пока единственная печать этого князя в Крыму (рис. 197).

Для правильного понимания сущности исторических событий, происходивших в Таврике в начале XI в., огромное значение имеют находки печатей представителей рода Цул. Они достаточно подробно проанализированы Н.А. Алексеенко (1995) и А.Ю. Виноградовым (2009, с. 267). В настоящее время на территории Таврики известны печати восьми представителей этого семейства (Цула-бег, Игнатий, Феофилакт, Михаил, Лев, Георгий, Георгий, стратиг Боспора, не обязательно идентичный предыдущему, Мосик), занимавших важные должности, спафария, протоспафария и, даже, стратига фемы. Печать с изображением грифона, происходящая из Херсонесского архива, опубликована Н.А. Алексеенко и датируется первой половиной XI в. (2009, с. 270).

Совсем недавно в научный оборот введены еще две печати крымского семейства не известного в перечне византийских фамилий. Обе они так же с изображением грифона принадлежат Анастасию Мосхулу (Алексеенко, 2009, с. 269-270). Сфрагистический тип печатей и особенности шрифта предполагает их датировку концом X — рубежом X-XI вв., По мнению Н.А. Алексеенко присутствие среди представителей этих родов личных имен негреческого происхождения, лишний раз подтверждает тезис об их местном происхождении, и возможно, даже, о варварском хазарском патрониме. Исследователь предполагает активное участие представителей семейства Мосхулов в управленческом аппарате Таврики рубежа X — первой половины XI вв.

Эпиграфические источники. Это пока чрезвычайно редкая категория источников по истории восточного Крыма интересующего нас периода. Представлена она всего двумя памятниками, про-

исходящими их Херсонеса и Мангупа. Первый – давно известная надпись на мраморном карнизе, найденном в Херсонесе. Как известно в надписи фигурирует имя стратига Херсона и Сугдеи патрикия Льва Алиата. В.В. Латышев, издавший этот памятник (1896, с. 16-18), считал, что речь идет о вхождении Сугдеи в Херсонскую фему (1895, с. 186-187). По мнению Е.В. Степановой речь идет только об объединении двух фем под командованием одного стратига (Могаричев и др., 2009, с. 187).

Второй памятник так же известен уже давно, однако его верное прочтение и интерпретация сделаны были совсем недавно. Речь идет о надписи на крепостной стене главной линии обороны Мангупа в Табана-Дере. Исходя из всех палеографических особенностей и тщательного натурного анализа А.Ю. Виноградов произвел передатировку надписи с 1503 на 994-995 гг. Согласно ученому, надпись следует читать следующим образом: «Построена эта стена во дни местоблюстителя Цула-бега, сына Полета, в 6503 году» (2009, с. 263). Данное прочтение чрезвычайно важно не только для истории Мангупа, но и для других регионов Таврики. При анализе этого источника нельзя не согласиться с А.Ю. Виноградовым в том, что местоблюстительтопоторит не мог не подчиняться стратигу Херсона. Таким образом, присутствие в конце Х в. на Мангупе византийского гарнизона, безусловно (Виноградов, 2009, с. 265). Вероятно, стена и была построена при назначении в крепость гарнизона в связи с расширением византийского присутствия в горном Крыму. Несомненный интерес представляет и личное имя топоторита Цула-бег. По мнению исследователя его можно отождествить с известным по сфрагистическим находкам середины-второй половины Х в. Цулой – императорским спафарием Херсона. Остальные же известные представители этого рода, известные в достаточно короткий промежуток времени с 995 до 1016 г., вероятно, являлись его сыновьями (Виноградов, 2009, с. 268). В этой связи трудно согласиться с выводом о том, что основоположник крымских Цул, тем более с приставкой бег, является прибывшим из Фессалоник потомком императорских чиновников этого города.

Из числа эпиграфических памятников следует исключить эпитафии на надгробных памятниках кладбищ в Иосафатовой долине и на Мангупе. История их изучения и копирования А. Фирковичем хорошо известна. В отличие от приписок на полях рукописей, ситуация тут однозначная. Все раннесредневековые эпитафии являются плодом творчества караимского исследователя. В последние годы была проделана огромная работа по копированию, атрибуции и публикации практически всех известных эпитафий Чуфут-Калинского и Мангупского кладбищ (Федорчук, 2007/2008). Однозначно установлено, что старейшие сохранившиеся надписи датированы 1364 и 1387 гг. (Федорчук, 2007/2008, с. 9), проанализированы и методы подделки. Сходная картина наблюдается и на Мангупском кладбище, где из тысячи надгробий у 222 имеются эпитафии середины XV — конца XVIII вв. Несколько десятков из них были «состарены» Фирковичем на 600 лет посредством превращения буквы п в п. (Федорчук, 2007/2008, с. 10). В последнее время Н.В. Кашовской впервые проанализированы эпитафии на кавказских надгробных памятниках горских иудеев середины XIX в., послуживших прототипами для фальсификаций караимским патриархом надписей и дат (Кашовская, 2013, с. 26).

Нумизматические источники. Своеобразным, но исключительно ценным для датировки источником является немногочисленный нумизматический материал. В заполнении некоторых жилых комплексов Сугдеи обнаружено 9 византийских и херсоно-византийских монет времени самостоятельного правления Константина VII и периода, когда соправителем императора являлся его сын Роман II (945-959 гг.) (Баранов, Майко, 1999, с. 128-129). В последнее время херсоно-византийские монеты Крыма интересующего нас времени вновь детально проанализированы Н.А. Алексеенко (2011, с. 9-34) и В.А. Сидоренко (2012, с. 37-43). Последний исследователь высказал предположение о существовании в Херсоне в средневизантийское время не только муниципальной, но и храмовой чеканки, каждая из которых развивает самостоятельную линию монетных типов (Сидоренко, 2013, с. 267-292). Кроме того, не исключается и существование монет, производившихся неофициально частными литейщиками.

Рассмотрим монеты Сугдеи. Во-первых, это 6 медных херсоно-византийских монет с крестообразными монограммами Константина VII и Романа II (948-959 гг.) (Wroth,1908, pl. LIV, 3) с гладким кольцевым ободком, относимых к V монетному выпуску Константина Багрянородного (948-959 гг.) (Анохин, 1977, табл. XXVIII, 428, 430), (945-959 гг.) (Сидоренко, 2012, с. 42), либо ко времени правления Романа II (959-963 гг.) (Ступко, Туровский, 2010, с. 196) (рис. 196, 2,3). Типологически близкая монета, плохой сохранности, найдена при строительстве дома в

с. Дачное Судакского района и исследовании церкви Иоанна Предтечи в Керчи в 1963 г. Принципиально важно то, что Сугдейские экземпляры обнаружены непосредственно на полах сооружений и в горизонтах пожаров, отделяющих салтово-маяцкие слои от горизонтов с находками характерными для рассматриваемой археологической культуры. Во-вторых, бронзовая херсоновизантийская монета Константина VII (913-919 гг.) (Толстой, 1991, с. 136, табл. 77, 47) (рис. 196, 4), относимая к первому монетному выпуску императора (913-919 гг.) или (913-921 гг.) муниципальных выпусков (Сидоренко, 2012, с. 42), либо к заключительному периоду правления этого императора (945-959 гг.) (Ступко, Туровский, 2010, с. 196). Судакская монета имеет отверстие для подвешивания, что свидетельствует о ее длительном употреблении. На участке куртины XV Судакской крепости в культурном слое, перекрывающим салтово-маяцкий горизонт, обнаружена крупная медная монета Константина VII чеканки Константинополя (945 г.) (Толстой, 1991, с. 136, табл. 77, 46) (рис. 196, 5). Аналогичная монета была обнаружена в качестве подъемного материала на Тиритаке. По мнению большинства специалистов, эти монеты были выпущены в обращение в период между 27 января и апрелем 945 г. На южном склоне крепостной горы в Сугдее, слева от дороги на пляж в подъемном материале в 1964 г. найден золотой солид Константина VII и Романа II (945-959 гг.) (Толстой, 1991, с. 136, табл. 77, 52) (рис. 196, *I*). Определить дату окончательного прекращения существования салтово-маяцкой культуры восточного Крыма помогает и херсоно-византийская монета Романа I (920-944 гг.), обнаруженная в Керчи в 1956 г. на т.н. Ново-Эспланадном раскопе. Аналогичная монета с линейным ободком и крестообразной монограммой «Р омега М А» на концах обнаружена и в подъемном материале в Сугдее.

Помимо указанных монет ко второй половине X в. относится анонимный фоллис Иоанна Цимисхия (969-976 гг.) (Толстой, 1991, с. 139, табл. 79, № 7/1) обнаруженный в культурном слое на участке раскопа III в портовой части Сугдеи (рис. 196, 6).

К XI в. относится всего несколько монет, большая часть из которых найдена, к сожалению, в подъемном материале. Шестью экземплярами представлены монеты периода совместного правления Василия II и Константина VIII. Пять из них херсоно-византийской чеканки относятся ко второму выпуску (1016-1025 гг.) (Анохин, 1977, табл. ХХІХ, 445, 447) или храмовым выпускам (989-1025 гг.) (Сидоренко, 2012, с. 43). М.В. Ступко и Е.Я. Туровский, склоняясь к наиболее поздней дате чеканки, отмечают крупный их типоразмер, свидетельствующий о двойном номинале по отношению ко всем остальным предшествующим выпускам (Ступко, Туровский, 2010, с. 197-198). Две монеты этого типа найдены при проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи (рис. 196, 7,8) (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 293), две – в подъемном материале Сугдеи (рис. 196, 9), одна – при строительстве дома в с. Дачное Судакского района (рис. 196, 10). Шестая монета, происходящая из подъемного материала Сугдеи (рис. 196, 11), являющаяся анонимным фоллисом с изображением Иисуса Христа с кресчатым нимбом на аверсе и четырехстрочной легендой, украшенной в верхней части четырьмя точками – на реверсе, отчеканена в Константинополе (Wroth, 1908, pl. LVI, 13). По современным типологиям монета относится к анонимным фоллисам класса А-3, вероятнее всего варианта 41а, которые датируются 1016/20-1028 гг. (Йотов, 2004, с. 330 табло ІІІ, 18).

Остальные монеты представлены единичными экземплярами. Это три монеты херсоновизантийской чеканки с «ро-омегой» на лицевой стороне и, вероятнее всего, крестом на Голгофе с двумя точками — на обратной. Не исключено, что они могут относиться к выпуску Романа III (1028-1034 гг.) (Сидоренко, 2012, с. 43). Однако, исходя из сохранности, это не более, чем предположение. Одна из них происходит из подъемного материала Сугдеи, (рис. 196, *13*), две остальные обнаружены при проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи (рис. 196, *12*,14). Правда одну из них (рис. 196, *14*) авторы находки отнесли к чеканке Романа IV (1067-1071) (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 293), а другую — где реконструирована монограмма имени `Rw(manÒj) (рис. 196, *12*), к Херсонесским монетным выпускам конца XI — начала XII вв. (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 293).

В заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи обнаружен анонимный византийский фоллис, относимый, согласно существующим типологиям к классу В (рис. 196, 15). Большинством современных исследователей он датируется временем правления Романа III (1028-1034 гг.) (Йотов, 2004, с. 331 табло IV, 42). Однако в последнее время, на основании археологического контекста их обнаружения на Балканах, вновь высказана точка зрения о начале их чеканки не ранее 1034/35 гг. (Atanassov, 2004, с. 289-298). Напомним, что к чеканке Михаила IV (1034-

1041 гг.) эти анонимные фоллисы были в свое время отнесены И.И. Толстым (Толстой, 1991, с. 142, табл. 80, № 2).

Несомненный интерес представляет обнаруженный в подъемном материале Сугдеи фоллис с изображением Иисуса Христа на лицевой стороне и креста с монограммой IC XC NI КА между лучами — на оборотной (рис. 196, 16). К сожалению, сохранность монеты не позволяет с уверенностью ее определить, однако подобное оформление реверса получает наибольшее распространение в период правления дочери Константина VIII Феодоры (1055-1056 гг.) (Wroth, 1908, pl. LX, 6,7) и харатерно для анонимных фоллисов класса С (Йотов, 2004, с. 337 табло XI, 65). Последние датируются 1034-1041 гг. (Thompson, 1954, р. 73-115), 1042-1050 гг. (Grierson, 1973, р. 634-706) или 1034-1055 гг. (Oberländer-Târnoveanu, 1994, р. 71-106).

Интересна и обнаруженная в подъемном материале Сугдеи монета периода совместного правления Романа IV и Михаила VII (1067-1071) (рис. 196, 17). На лицевой стороне помещено погрудное изображение Иисуса Христа без нимба с формулой IC XC NI KA, на оборотной − в секторах креста с расширенными концами с крестообразной перевязью в средокрестии крупные буквы С R Р Д (Sear, 1987, р. 366, № 1866; Wroth, 1908, pl. LXII, 5,6). По мнению исследователей с XI в. представление о Христе − небесном императоре, начинают уступать место представлению Его в качестве небесного архиерея, основателя и главы церкви. В течение X-XI вв., начиная с правления Михаила VII, образ Христа на всех номиналах сопровождается монограммой IC XP, как это было принято в византийской иконографии (Бутырский, 2003, с. 43).

Помимо указанных монет в подъемном материале Сугдеи обнаружены и анонимные фоллисы X-XI вв. К сожалению, все они плохой сохранности, что затрудняет определение. На трех из них (рис. 196, 18-20) на аверсе в ободке из крупных точек помещено погрудное изображение Иисуса Христа, а на реверсе - поясное изображение Богородицы Оранта. На анонимном фоллисе, происходящем из подводных исследований в Судакской бухте на реверсе помещен крест на Голгофе (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 293).

Одна из наиболее поздних монет — византийский фоллис с изображением императора Михаила VII (1071-1078 гг.) с лабарумом в правой руке у плеча на аверсе и Иисуса Христа — на реверсе со звездой справа и слева, обнаруженный в портовой части Сугдеи (Sear, 1987, р. 370, № 1878; Wroth, 1908, pl. LXIII, 1-3). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что рассматриваемые объекты Сугдеи функционировали во второй половине X-XII вв.

Чрезвычайно ценными источниками являются обнаруженные в Сугдее и на Боспоре серебряная и бронзовая монеты Тмутараканского княжества первой половины XI в., выпущенные в подражание золотым солидам Романа III и Константина VIII (Голенко, 1961, с. 218, рис. 1, 4; Бабаев, 2009). Одна из них, наиболее известная, серебряная, связываемая с чеканкой Олега-Михаила 1078 г., присутствовала в составе погребального инвентаря нижнего яруса одной из плитовых могил храма Иоанна Предтечи (Кропоткин, Макарова, 1973, с. 250-254; Макарова, 2003, с. 134, табл. 48, 15, 4,5). Другая, бронзовая, найденная в слое X-XI вв. в портовой части Сугдеи на участке раскопа III (Джанов, Майко, 1998, с. 178), хранится ныне в фондах Национального заповедника «София Киевская» (Опимах, 2004, с. 150-151). Единственная известная мне аналогия этим монетам на территории Крыма происходит из раскопок Н.П. Туровой в пещере Изограф близ Ялты³⁸.

2.3. Археологические источники.

Исходя из вышеизложенного, главными источниками для изучения восточного Крыма во второй половине X-XII вв. остаются археологические. Источниковую базу составляют все известные на сегодняшний день археологические материалы X-XII вв., происходящие из многолетних исследований Судакской крепости и ее округи, Боспора-Керчи и его округи, пос. Новый Свет, мыса Меганом. Для сравнительного анализа различных регионов Таврики в этот период использованы материалы раскопок южнобережных (Алустон, Партениты, Лучистое, сельские памятники этого региона), юго-западных (Бакла, Эски-кермен, Тепе-кермен) памятников и материалы X-XII вв. Херсонеса. Кроме археологических коллекций, находящихся на хранении в фондах КРУ Центральный музей Тавриды и его филиале Алуштинский музей, НЗ «София

³⁸ Выражаю глубокую признательность Н.П. Туровой за неопубликованную информацию.

Киевская» и его отдела «Судакская крепость», Керченского и Бахчисарайского историко-культурных заповедников, в работе использованы разнообразные архивные материалы (отчеты и полевые материалы), находящиеся в архиве Института археологии НАН Украины и его Крымском филиале, Национального заповедника «Херсонес Таврический», Национального заповедника «София Киевская» и его отдела «Судакская крепость», Керченского историко-культурного заповедника.

В целом, на сегодняшний день перечень археологических источников восточного Крыма второй половины X-XII вв. выглядит следующим образом.

Сугдея и ее округа.

- 5³⁹. <u>Квартал I</u> расположен в центральной части средневековой Сугдеи между башней Якобо Торселло и Безымянной башней № 5. В 1982, 1999-2000 и 2001 гг. исследовался И.А. Барановым, В.В. Майко, А.В. Джановым, А.В. Кузьминовым и Е.А. Айбабиной. Ко второй половине X-XII вв., помимо культурного слоя, отмеченного по всей исследованной площади, относятся 4 помещения, три из которых, вероятно, образуют единый комплекс усадьбы, пристроенной непосредственно к крепостной стене. Получены материалы для реконструкции фортификации средневекового города указанного хронологического периода (Баранов, Майко, Кузьминов, 1999, с. 52-53; Баранов, Майко, Фарбей, 2001, с. 75-76; Айбабина, Бочаров, 2003, с. 11; Майко, 2012, с. 161-170).
- 6. <u>Барбакан.</u> В 1969-1973, 1977-1978 гг. М.А. Фронджуло и И.А. Барановым исследовано сооружение, возможно храм и некрополь, включавший 3 плитовые могилы и каменный склеп, датированные X-XII вв. (Баранов, 1991, с. 103; Баранов, 1994, с. 48-61; Майко, 2007, с. 248).
- 16. <u>Участок куртины XVII</u> расположен между башней Паскуале Джудичи и городской цистерной № 2. В 1929 г. М.А. Тихановой на участке квадрата 4 в заполнении хозяйственной ямы отмечен культурный слой X-XII вв. (Скржинская, 2006, с. 82-83,149).
- 8. <u>Участок куртины XV</u> расположен между Полукруглой башней и Безымянной башней № 3. В 1987, 1990-93, 2001 гг. И.А. Барановым, В.В. Майко и Е.А. Айбабиной, помимо культурного слоя, отмеченного по всей исследованной площади, частично исследован городской зольник X-XII вв. Получены материалы для реконструкции фортификации средневекового города указанного хронологического периода (Баранов, Майко, 2001, с. 98-110; Майко, 2002, с. 48-58; Майко, 2012, с. 161-170).
- 8. <u>Участок куртины XIV</u> расположен между Безымянной башней № 3 и башней Лукини ди Фиески ди Лавани. В 1985-88 гг. И.А. Барановым исследованы 4 каменные склепа городской знати VIII-IX вв., верхние горизонты заполнения которых датируются X-XII вв. (Баранов, 2003, с. 4–17; Майко, Сударев, 2010, с. 428-444).
- 9. <u>Цитадель.</u> В 1927, 1989, 2009 гг. Ю.В. Готье, И.А. Барановым, В.В. Майко и А.В. Джановым исследовано заполнение и культурный слой храма на первом ярусе Георгиевской башни, а также связанный, вероятно, с ними прихрамовый некрополь включавший 7 плитовых и грунтовых могил, датированных XI-XII вв. (Готье, 1927, с. 48; Готье, 1928, с. 502; Эрнст, 1930, с. 76, 84; Баранов, 1989, с. 55; Майко, 2007, с. 250-252; Майко, Джанов, Фарбей, 2010, с. 274-277).
- 14. <u>Портовая часть раскоп І.</u> В 1964/65, 1996 гг. М.А. Фронджуло, В.В. Майко и А.В. Джановым исследованы 2 жилые постройки, вероятно относящиеся к одной усадьбе и остатки пода печи-тандыра, а так же связанный с ними культурный слой. (Фронджуло, 1974, с. 139-150).
- 13. <u>Портовая часть раскоп III.</u> В 1967-68, 1994 гг. М.А. Фронджуло, В.В. Майко и А.В. Джановым исследованы две долговременные жилые постройки и двор усадьбы, а также закрытые комплексы X-XII вв. и связанный с ними культурный слой (Фронджуло, 1974, с. 139-150; Баранов, Джанов, Майко, 1997, с. 38–45; Джанов, Майко, 1998, с. 160-181).
- 12. <u>Портовая часть раскоп V.</u> В 1993-94 гг. И.А. Барановым, В.В. Майко и А.В. Джановым частично исследована жилая усадьба, состоящая, вероятно, из трех помещений и остатки двух построек, датированных второй половиной X-XII вв., а так же связанный с ними культурный слой (Баранов, Майко, 1994, с.43-47; Баранов, Майко, Джанов, 1997, с. 39).

-46-

³⁹ Номера археологических памятников в тексте главы соответствуют их номерам на иллюстрациях (рис. 1a; рис. 3).

- 13. <u>Портовая часть раскоп VI.</u> В 2006-2010 гг. В.В. Майко исследована усадьба, состоящая из жилого комплекса и полуподвального помещения, а так же остатки постройки и связанный с ними культурный слой X-XII вв. (Майко, Джанов, Фарбей, 2010а, с. 278-281).
- 13. <u>Портовая часть раскоп VII.</u> В 2013 г. В.В. Майко начато исследование двух построек X- первой половины XIII вв., образующих с домами, обнаруженными на площади раскопа III, единовременную застройку террасы портовой части Сугдеи. Вероятно один из домов пристроен к т.н. Приморскому укреплению.
- 13. <u>Портовая часть раскоп VIII.</u> В 2011-12 гг. В.Д. Гукиным и А.В. Джановым исследованы остатки крупной постройки и связанный с ней культурный слой XI-XII вв. (Гукин, Ахмадеева, Майко, Джанов, Фарбей, 2011, с. 91; Гукин, Майко, Джанов, Фарбей, Захаров, 2012, с. 39).
- 11. <u>Портовая часть раскоп IX.</u> В 2007 г. В.В. Майко и А.В. Джановым исследованы остатки жилого комплекса и связанный с ним культурный слой XI-XII вв. (Майко, Джанов, Фарбей, 2009, с. 198-201).
- 10. <u>Портовая часть.</u> В 1995 г. В.В. Майко и А.В. Джановым в северной части портовой территории Сугдеи в срезе западной балки, ограничивающей ручей, впадающий в море обнаружена крупная печь датированная XI-XII вв. (Джанов, Майко, 1998, с. 160-181).
- 15. Подводные исследования в бухте средневековой Сугдеи. В 1988-2007 гг. И.А. Барановым, В.В. Кузьминовым, В.В. Булгаковым, В.И. Булгаковой, А.М. Фарбеем получен уникальный материал, связанный с деятельностью городского порта. Значительная часть мелкой свинцовой, бронзовой и серебряной византийской пластики, бытовых изделий, нумизматического и сфрагистического материала, датируется второй половиной X-XII вв. (Кузьминов, 2004, с. 442-446; Булгаков, Булгакова, 2012, с. 285-310).
- 1,2,4,7. Северо-восточный участок посада. В 1928, 1964-66, 1994, 1999 гг. Л. Новиковой, М.А. Фронджуло, И.А. Барановым, В.В. Майко, А.В. Джановым частично исследовано 6 долговременных некрополей, содержавших погребальные сооружения, более 300 из которых датируются второй половиной X-XII вв. На площади некрополя Судак-I раскопано 59 захоронений, втом числе с погребальным инвентарем X-XII вв. (Фронджуло, 1974, с. 139-150; Майко, 2007, с. 12-23). Этим же временем датируется большая часть погребений некрополя Судак-II (Фронджуло, 1974, с. 139-150; Майко, 2007, с. 24-144). Исключительно X-XII вв. датируется некрополь Судак-XI, расположенный в нижней части северного склона г. Полвани-Оба (Новикова, 1929, с. 131-137; Майко, 2007, с. 205). Отдельные захоронения XI-XII вв., в том числе с иудейской символикой обнаружены на площади некрополей Судак-IV и Судак-X по ул. Приморской (Майко, 2007, с. 146-148,205). Вероятно, в это время использовался и каменный склеп на участке некрополя VIII-IX вв. Судак-VI (Баранов, Майко, Джанов, 1997, с. 39; Майко, 2007, с. 172, рис. 114).
- 3. Северо-западный участок посада. В 1965, 1976, 1978, 2007-2008 гг. М.А. Фронджуло, А.И. Айбабиным, В.В. Майко и А.В. Джановым частично исследован долговременный некрополь Судак-IX, на площади которого изучено 187 захоронений. К периоду XI-XII вв. относится около 5 грунтовых христианских погребений с характерным для этого времени инвентарем, а так же, возможно, 5 грунтовых подбойных кочевнических могил с деревянными конструкциями (Айбабин, Долгополова, 1979, с. 287-288; Майко, 2007, с. 187-204; Майко, Джанов, Фарбей, 2010, с. 274-276).

Ближайшая округа Сугдеи.

- В ходе раскопок разных лет археологический материал интересующего нас времени обнаружен и на ряде памятников ближайших окрестностей Сугдеи (рис. 2).
- 2. Село Дачное Судакского района. В середине 70-х гг. XX в. М.А. Фронджуло при проведении археологических разведок и небольших охранных раскопок обнаружен культурный слой X-XII вв., содержавший нумизматический и археологический материал указанного времени.
- 29. <u>Пгт Новый Свет. Пещерный монастырь.</u> Расположен по дороге из г. Судака в пгт Новый Свет, на склонах гор Сокол и Соколенок, на узкой площадке на обрывистом утесе, примыкающем с востока к Новосветовской бухте в обрыве вертикальной скалы, примерно в 100 м к западу от разрушенного здания погранзаставы и в 20 м ниже шоссе. Высота пещер над уровнем моря примерно 80 м. Большая часть сооружений обрушилась в море. Известен с конца XIX в. Впервые описан П.П. Лезиным в начале 20-х гг. XX в., затем О.Н. Бадером в 1936 г. Обследовался Ю.В. Готье в

1927 г. (Готье, 1927, с. 43). В 1995 г. обмеры пещерного храма произведены А.В. Джановым, а в 1999-2003 гг. В.Г. Туром (Тур, 2003, с. 329-330). От первого храма, расположенного на высоте около 10 м от подножия скалы, сохранились северная стена и фрагмент торцовой, а так же часть пола длиной 6,5 м. На расстоянии 1,5 м от восточной стены алтарная ограда обозначена сохранившейся подрубкой. Вдоль восточной стены вырублены 2 ступени и в центре ниша. Вход в храм обозначен в центре с южной стороны тремя вырубленными ступенями. В верхней части северной стены вырублены два, а на западной стене - один крест. На осыпи и между обломками обрушившейся скалы обнаружены мелкие фрагменты керамики XII-XVI вв. времени функционирования храма (Тур, 2003, с. 329-330). В 1977 г. скалолазы в одной из обвалившихся естественных пещер, входящих в комплекс, обнаружили верхнюю часть высокогорлого кувшина с ленточной ручкой X в. Известна свинцовая печать XI в. из района монастыря. Таким образом, не исключено, что комплекс возникает еще во второй половине X в. Еще один храм и группа пещерных сооружений расположены примерно в 200 м к западу от первых. От второго храма сохранились небольшие фрагменты оштукатуренных стен. В XIX в. сохранялось название монастыря посвященного Св. Георгию.

Безусловно, с увеличением объема торговли и активным функционированием порта Сугдеи связаны уникальные скопления археологического материала, относящегося как с корабельными стоянками, так и к кораблекрушениями, обнаруженными в пгт Новый Свет и возле мыса Меганом.

4,5. <u>Пгт Новый Свет</u> Судакского района. В 1988-1992, 1998-2012 гг. И.А. Барановым и С.М. Зеленко при проведении подводных археологических исследований в бухте пгт Новый Свет и в районе мыса Меганом обнаружено, вероятно, два затонувших корабля второй половины X-XI вв. Получен уникальный по богатству и разнообразию комплекс амфорной тары и бытовых изделий (Зеленко, 2001, с. 82-92).

Юго-восточный Крым

Отдельные находки средневизантийского периода, в основном предметы христианского культа обнаружены и на ряде памятников юго-восточного Крыма (рис. 2). Однако культурного слоя, связанного с ними, тем более каких-либо археологических объектов пока не обнаружено. Не исключено, что эти раритетные предметы существовали длительное время и могут быть связаны с более поздним хронологическим периодом. Однако, до проведения раскопок на этих памятниках, все выводы будут носить предварительный характер.

- 1. <u>Поселение у с. Русское Белогорского района.</u> В подъемном материале поселения в разные годы встречены христианские раритеты (энколпионы), а так же предметы конского снаряжения XI-XIII вв. Археологический контекст находок не ясен (Майко, Гаврилов, Гукин, 2009, с. 237-263; Майко, Гаврилов, 2011, с. 20).
- 6. <u>Поселение Бакаташ II в пригороде Солхата (Старый Крым).</u> В 2003-04 гг. М.Г. Крамаровским и В.Д. Гукиным при проведении археологических раскопок золотоордынского поселения и некрополя второй половины XIII-XIV вв. в пригороде средневекового Солхата обнаружены отдельные находки христианских раритетов XI-XII вв. (Крамаровский, Гукин, 2006, с. 58, илл. 7; Крамаровский, Гукин, 2006а, с. 298, табл. 178, 1,2; Гукин, 2008, с. 342-350).
- 38. <u>Урочище Кизилташ.</u> В подъемном материале поселения встречен византийский энколпион с гравированным изображением. Археологический контекст находки не ясен (Майко, Гаврилов, 2013, с. 213-217).
- 37. <u>Городище на плато Тепсень близ пос. Коктебель.</u> В 1886 г. при земляных работах на территории городища местными жителями обнаружен бронзовый древнерусский энколпион с изображениями, выполненными чернью. Находка, исходя из аналогий, может датироваться второй половиной XII первой половиной XIII вв. (Кропоткин, 1957а, с. 257-258).

Боспор и его округа.

В настоящее время Л.Ю. Пономаревым и В.Е. Науменко на территории Боспора выделяются 5 отдельных районов городища, где обнаружены материалы второй половины X-XII вв. (Науменко, Пономарев, 2009, с. 317-318) (рис. 3).

<u>Юго-западный район</u> включает в себя раскоп Д.С. Кирилина и А.Б. Занкина на месте строительства магазина «Детский мир» (перекресток улиц Ленина и Дубинина). В настоящее время опубликованы только граффити на византийских амфорах, происходящих из раскопа (Занкин, 2001, с. 46-51) и в тезисном плане охарактеризованы стеклянные браслеты (Безкоровайная, 2001, с. 136–138).

<u>Юго-восточный район.</u> В 1977 г. В.Н. Холодковым в ходе охранных работ в стратиграфии раскопа зафиксирован горизонт каменного завала с керамикой второй половины X-XII вв. В 2004 г. Н.Ф. Федосеевым в ходе охранных работ в долговременной стратиграфии раскопа зафиксирован слой второй половины X-XII вв. (Федосеев, Столяренко, Куликов, 2006).

Восточный район. В настоящее время наибольший по площади и наиболее полно опубликованный участок средневековой застройки Боспора. Первые раскопки на Предтеченской площади были проведены в 1911 г. (Науменко, Пономарев, 2009, с. 317). В 1956-63 гг. с перерывами городской квартал, расположенный здесь, изучался Т.И. Макаровой. Открыты остатки пяти домов, в плане образующих единый комплекс, расположенный по двум сторонам улиц, пересекающихся под прямым углом (Макарова, 1998, с. 344-398). В 1963-64 гг. И.Б. Зеест и А.Л. Якобсон провели исследование еще одного городского квартала, где открыты остатки двух сооружений (Зеест, Якобсон, 1965, с. 62-69).

В 1957-58, 1963-64гг. и до 1980 г. с перерывами Е.В. Веймарном, Т.И. Макаровой и М.А. Фронджуло в этом районе были проведены масштабные исследования некрополя и храма Иоанна Предтечи. На территории восточного района частично исследованы еще три некрополя. Некрополь 1 расположен у северо-восточной подошвы г. Митридат, по ул. 51-й Армии и ул. Театральной к северо-западу от ограды Керченской гимназии № 2. В 1864, 1925, 1957-59 гг. А.Е. Люценко, Ю.Ю. Марти и С.Я. Берзиной здесь раскопано более 15 плитовых могил с погребальным инвентарем X-XII вв. (Науменко, Пономарев, 2009, с. 315; Пономарев, 2004, с. 287-291; Науменко, Пономарев, 2013, с. 296). Некрополь 2 — расположен в районе перекрестка ул. Дубинина и ул. Советской и Кооперативного переулка. В 1957, 2001 гг. здесь исследовано более 5 плитовых могил (Науменко, Пономарев, 2009, с. 315; Науменко, Пономарев, 2013, с. 296). Некрополь 3 — расположен по ул. Свердлова у северо-восточной подошвы г. Митридат. В 1974 г. 1 грунтовую и 3 плитовые могилы здесь изучила Н.В. Молева (Науменко, Пономарев, 2009, с. 316; Науменко, Пономарев, 2013, с. 296).

К рассматриваемому хронологическому периоду относится и материал засыпки трех рыбозасолочных цистерн позднеантичного и раннесредневекового времени к востоку от абсиды храма Иоанна Предтечи (Науменко, Пономарев, 2009, с. 318).

<u>Северо-западный участок.</u> В разные годы здесь отмечен культурный слой второй половины X-XI вв. (Науменко, Пономарев, 2009, с. 317).

Северный участок. Второй по площади исследованный участок застройки средневекового Боспора. Охранными работами 1956-57 гг. здесь был отмечен культурный слой раннесредневекового времени. В 1990-91 гг. масштабные работы были проведены А.И. Айбабиным. Исследованы остатки 7 жилых и хозяйственных объектов, возможно образовывавших городской квартал, и 3 хозяйственные ямы (Айбабин, 2000, с. 168-185).

26. <u>Подводные исследования</u> на дне Керченского пролива. В разные годы при проведении подводных исследований обнаружены византийские амфоры разных типов второй половины X-XI вв. (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 308-317).

Керченский полуостров.

В ходе раскопок разных лет материалы интересующего нас времени обнаружены и в окрестностях Боспора. Как и в случае с Сугдеей, это либо отдельные находки, в основном нумизматические, не связанные с культурным слоем и археологическими объектами, либо подводные скопления материала, связанные с активным функционированием Боспорского порта.

21,22. Гора Опук. В шурфе, заложенном на поселении в 1927-28 гг. Ю.Ю. Марти обнаружено три бронзовые монеты Иоанна Цимисхия. Из подводных исследований вблизи Киммерика, про-исходит находка византийской амфоры второй половины X в. Во время проведения исследований салтовского поселения на южном склоне г. Опук обнаружены фрагменты византийской амфоры X-XI вв. (Пономарев, 2004б, с. 168; Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 584).

- 19. <u>Нимфей.</u> При проведении подводных исследований южнее городища обнаружены сфероемкостные амфоры позднего варианта, предположительно второй половины XI в. (Зинько, Пономарев, 1999, с. 198, рис. 3, 1,2).
- 17. <u>Тиритака.</u> В.Ф. Гайдукевичем в 1938 г. при проведении раскопок обнаружена монета Василия II и Константина VIII (Пономарев, 2004б, с. 168; Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 578), а так же 3 стеклянных браслета (Иванина, 2008, с. 61).
- 14. <u>Городище Артезиан.</u> В последние годы Артезианской экспедицией под руководством Н.И. Винокурова на городище Артезиан близ с. Чистополье в салтовском слое была обнаружена монета Иоанна Цимисхия.

Кочевнические погребения X-XIII вв.

Отдельный пласт археологических памятников составляют кочевнические погребения. К сожалению, исходя из современного уровня знаний, а так же в ряде случаев фрагментарности находок и отсутствия датирующего материала, установить точную их дату сложно. Не однозначна и их этническая атрибуция. В целом большинство погребений можно датировать в широких хронологических рамках второй половины X — первой половины XIII вв.

- 7. <u>Коклюк.</u> В 1981 г. В.А. Колотухиным между селами Наниково и Отважное Кировского района на плато Коклюк в 1 км к востоку от административной базы планеризма ЦАГИ в кургане 1 обнаружены впускные сильно разрушенные кочевнические погребения с богатым погребальным инвентарем. Исходя из его хронологии, А.И. Айбабин датирует захоронения концом XII-XIII и второй половиной XIII-XIV вв. (Айбабин, 2003, с. 74-81; Айбабин, 2003а, с. 278-280).
- 9. <u>Ближнее</u> (Ближнее Боевое) Феодосийский горсовет. В 1963 г. А.А. Щепинским в с. Ближнее Боевое в курганах эпохи энеолита-бронзы и античного времени обнаружено несколько впускных кочевнических погребений с богатым погребальным инвентарем. Исходя из его хронологии, А.И. Айбабин датирует захоронения концом XII-XIII вв. (Черепанова, Щепинский, 1966, с. 8, 76, 79; Федоров-Давыдов, 1966, с. 258; Айбабин, 2003, с. 74-81; Айбабин, 2003а, с. 278-280; Гаврилов, 2010, с. 268).
- 10. <u>Приморский</u> Феодосийский горсовет. В 1963 г. А.А. Щепинским в с. Ближнее Боевое в курганах эпохи энеолита-бронзы и античного времени обнаружено несколько впускных кочевнических погребений с богатым погребальным инвентарем и женское каменное изваяние. Исходя из его хронологии, А.И. Айбабин датирует захоронения концом XII-XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 258; Айбабин, 2003, с. 74-81; Айбабин, 2003а, с. 278-280).
- 16. <u>Васильевка</u> (совр. восточный район с. Приозерного на берегу Чурубашского озера). В раскопанном кургане в каменном склепе обнаружены сабля, пара стремян, удила, 2 наконечника стрел и нож (случайная находка 1894 г.) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 258). Погребение может датироваться половецким временем.
- 24. <u>Керчь.</u> В 1894 г. Ю.А. Кулаковским на виноградниках Томазини в разрушенном погребении обнаружены сабля, наконечник стрелы, 2 кувшина и кости лошади (Федоров-Давыдов, 1966, с. 258; Пономарев, 2004б, с. 164-168). Погребение может датироваться половецким временем.
- 28. <u>Илурат.</u> В 2001 г. В.А. Хршановским на территории Илуратского некрополя в заполнении склепа 216 обнаружен погребальный комплекс второй половины XII первой половины XIII вв., связанный, по мнению автора, с черными клобуками (Пономарев, 2013, с. 385).
- $12. \, \underline{\text{Семеновка.}}\, B\, 1980\, \Gamma.\, C.A.\, Бессоновой близ с.\, Семеновка обнаружены нижние части двух каменных половецких изваяний (Айбабин, 2003, с. 74-81; Пономарев, 2004б, с. 164-168).$
- 11. <u>Ленино.</u> В 1961 г. А.М. Лесковым близ с. Ленино обнаружено единичное впускное погребение XII начала XIII вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 258; Пономарев, 2004б, с. 164-168).
- 15. <u>Михайловка.</u> В 1970 г. Б.Г. Петерсом в кургане курганной группы у с. Михайловка, обнаружено впускное погребение в каменном ящике античного времени, где оказалось двенадцатым. Погребенный лежал головой на юго-запад. Справа от него были обнаружены сабля и два наконечника железных стрел (Петерс, Ефимов 1971, с. 260; Пономарев 2004б, с. 164-168; Пономарев, 2013, с. 385). Погребение может датироваться половецким временем.
- 23. <u>Кыз-Аульский некрополь.</u> В 1995 г. в склепе 1 Н.Ф. Федосеевым и Н.И. Сударевым исследовано сильно разрушенное средневековое мужское погребение, которое, судя по сохранившемуся погребальному инвентарю, может датироваться XII первой половиной XIII вв. (Сударев,

- Федосеев, 2007, с. 145). В 2001 г. Н.Ф. Федосеевым в яме, выкопанной в засыпи полуразрушенной камеры одного из склепов Кыз-Аульского античного некрополя, который в VI в. и середине VIII первой половине X вв., использовался как жилище, был обнаружен фрагмент ручки сероглиняного сосудика украшенной вдавленным орнаментом в т.н. "пышном" или "роскошном" стиле (Федосеев, Пономарев 2002, с. 225-228; Пономарев 2004б, с. 164-168).
- 20. <u>Кряжи холмов у озера Элькен.</u> В 1928 г. Ю.Ю. Марти обнаружено впускное погребение в одном из курганов. Погребенный был уложен головой на юг. У его ног находился медный казан с приклепанным дном и железной дужкой. Рядом были найдены фрагменты удил и костяной пластины (Пономарев 2004, с. 164-168). Погребение может датироваться половецким временем.
- 14. <u>Чистополье-І.</u> В 1994 г. в курганной группе из 7 курганов на северной окраине поселка Чистополье обнаружено женское захоронение № 2, впущенное в насыпь кургана эпохи бронзы, содержащее сосуд, изготовленный из нижней части коричнево глиняного кувшина XI-XII вв. (Винокуров, 1997, с. 65; Пономарев, 2004, с. 164-168; Пономарев, 2013, с. 385).
- 18. <u>Героевское.</u> В 1876 г. у с. Эльтиген в насыпи кургана № 3, раскопаны кости человека и лошади. У правой руки погребенного обнаружено кремневое огниво и железное кресало, которые, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 250), считаются одним из индикаторов кочевнических погребений (Черепанова, Щепинский, 1968, с. 197,199).
- 8. <u>Кринички.</u> В 1957 г. Таврским отрядом Крымской палеолитической экспедиции в потревоженной насыпи кургана обнаружена костяная орнаментированная застежка второй половины X-XII вв., связанная, возможно, с разрушенным погребением (Кропотов, Лесков 2006, с. 30-31, рис. 6, 32; Сейдалиев, 2009, с. 380-381).
- 27. <u>Имарет.</u> В 2011 г. на территории поселения Имарет в верховье балки Янтык в 2 км к югу от села Изюмовка Кировского района (Гаврилов, 2008, с. 343) А.М. Фарбеем, А.В. Джановым и В.А. Захаровым обнаружен каменный антропоморф, относящийся, вероятно, к типу плоских стеловидных статуй, сделанных на плитах песчаника в технике низкого барельефа (Плетнева, 1974, с. 61-63). Типологически близкие стеловидные изваяния (Гераськова, 1991, вклейка 5, 1-3; Красильников, Тельнова, 2000, с. 332, табл. III, 30,101) являются наиболее ранними экземплярами средневековых кочевнических каменных статуй и датируются второй половиной X-XII вв.
- 13. <u>Белинское.</u> В 2011 г. на территории некрополя городища «Белинское» в склепе 18 античного времени обнаружено коллективное, совершенное в три этапа захоронение кочевников, состоящее из 8 частично разрушенных и перемешанных костяков. В слое захороненных обнаружен богатый погребальный инвентарь XI-XII вв. (Зубарев, Леонтьева 2012, с. 169-176).
- 30. <u>Луговое.</u> В насыпях курганов скифского времени С.С. Бессоновой исследованы погребения кочевников средневекового времени (Пономарев, 2013, с. 386).
- 31. <u>Ерофеево.</u> В 1966 г. в 2 км от села обнаружен фрагмент половецкого каменного изваяния (Артеменко, 2008, с. 51-52, рис. 2; Пономарев, 2013, с. 386).
- 32. <u>Золотое.</u> В 1976 гг. А.А. Масленниковым и Л.А. Бердниковой в районе села исследованы грунтовые погребения с кочевническим инвентарем XII-XIII вв. (Пономарев, 2013, с. 386).
- 33. <u>Ильичево.</u> В 1960-1967 гг. отряды Керченской Новостроечной экспедиции ИА АН УССР под руководством Э.В. Яковенко и А.М. Лескова провели раскопки курганных некрополей по трассе Северо-Крымского канала. В кургане № 3 курганной группы на северо-западной окраине с. Ильичево обнаружено средневековое погребение кочевника (Пономарев, 2013, с. 386).
- 34. Останино. В 1960-1967 гг. отряды Керченской Новостроечной экспедиции ИА АН УССР под руководством Э.В. Яковенко и А.М. Лескова провели раскопки курганных некрополей по трассе Северо-Крымского канала. В курганах 11 и 14 курганной группы близ южной окраины с. Останино исследованы средневековое кочевнические погребения (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 165, 168). Из кургана 12 происходит нижняя часть половецкого каменного изваяния (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 167; Пономарев, 2013, с. 386).
- 35. <u>Аджимушкай.</u> В 1973 г. в 1 км от поселка в известняковом карьере обнаружен фрагмент половецкового каменного изваяния (Артеменко, 2008, с. 51-52, рис. 1; Пономарев, 2013, с. 386).
- 36. <u>Акташское озеро.</u> В ходе раскопок Акташского курганного некрополя скифского времени обнаружено 4 впускных погребения средневековых кочевников (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 6; Пономарев, 2013, с. 386).

ГЛАВА 3 **АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ**

Как уже указывалось, в связи с отсутствием материалов сельских памятников, базовыми археологическими памятниками для рассмотрения особенностей восточного Крыма в указанный хронологический промежуток времени являются Сугдея и Боспор (рис. 1-5). Полученные в ходе их многолетних раскопок материалы, достаточны для первой попытки раскрытия всех сторон жизнедеятельности населения этой части полуострова во второй половине X-XII вв. Прежде всего, проанализируем средневековую городскую инфраструктуру.

В последние годы все большее значение придается археологическому изучению византийского города и динамики его развития: планированию при строительстве городов, развитию городских кварталов; роли стационарной литургии (и сакральной топографии) в структурировании городской сети.

Исходя из специфики византийских городских археологических памятников, она включает жилые и хозяйственные сооружения, фортификацию, городские зольники, культовые постройки и городские некрополи. При этом, попытаемся выделить особенности перечисленных элементов, сравнивая их с синхронными составляющими археологических памятников других регионов Таврики, прежде всего Херсонеса и сопредельных территорий.

3.1. Жилые и хозяйственные сооружения.

На сегодняшний день, исходя из слабой археологической изученности провинциально-византийских городов восточной Таврики, четко выделять жилые, хозяйственные и ремесленные постройки тяжело. При этом наверняка помещения, составлявшие одну усадьбу, были многофункциональными (Голофаст, 2009, с. 292). По справедливому замечанию Н.М. Богдановой ряд простейших ремесленных операций, не требующих специальных орудий и умений, выполнялись жителями самих усадеб. В Херсонесе в рамках одной усадьбы повсеместно наблюдается совмещение мастерских с жилыми и подвально-кладовыми помещениями. Ремесло сочеталось с промыслами, сельским и подсобным домашним хозяйством, определить приоритетное занятие жителей одного квартала тяжело (Богданова, 1995, с. 111; Голофаст, 2009, с. 293).

В настоящее время наиболее полное представление о жилых и хозяйственных сооружениях восточного Крыма дают материалы раскопок в портовой части Сугдеи и городских кварталов на Боспоре (рис. 4,5). В Сугдее наиболее яркие комплексы были получены на территории раскопов II, III, V и VI (рис. 4). Общее количество исследованных жилых и хозяйственных сооружений составляет – 16 в Сугдее и 9 на Боспоре. Материалы раскопок жилых и хозяйственных сооружений Сугдеи только частично введены в научный оборот (Фронджуло, 1974, с. 141; Баранов, 1989, с. 48, рис. 1; Баранов, Майко, Джанов, 1997, с. 39; Баранов, Майко, Фарбей, 2001, с. 75-76; Айбабина, 2002, с. 14-16). Материалы раскопок Боспора опубликованы полнее (Макарова, 1998, с. 344-398; Айбабин, 2000, с. 168-185; Федосеев, Столяренко, Куликов, 2006; Науменко, Пономарев, 2009, с. 317-318), но так же далеко не полностью.

Безусловно, данное количество далеко не достаточно для статистических выводов. Однако, есть возможность, во-первых, сравнить конструктивные особенности обнаруженных сооружений, выделить их основные типы, предположить их функциональное назначение и попытаться проследить, насколько это возможно, характер застройки городской территории. Во-вторых, такой немногочисленный материал требует безусловного сравнительного анализа с синхронными постройками других регионов Таврики. В-третьих, для обоснования смены археологических культур необходимо их сопоставление с предшествующими постройками салтово-маяцкой археологической культуры Крыма.

При этом, конечно, надо учитывать, что, исходя из сохранности объектов, выделенные конструктивные особенности, типология и функциональное назначение анализируемых построек

восточного Крыма носят предварительный характер. По мере накопления материала они будут дополняться и совершенствоваться.

<u>Конструктивные особенности</u> домов наиболее ярко иллюстрируют постройки в портовой части Сугдеи и городских кварталов на Боспоре. Основываясь на этом можно выделить два основных варианта домов.

Вариант 1. Сооружения представлявшие собой двухкамерные постройки с хозяйственным двором. Стены сложены на глинисто-грязевом растворе, но, в отличие от домов предшествующего времени, с использованием только элементов кладки «в елку». Тем не менее, этот технический прием оставался обязательным при возведении постройки. В северо-западном или северовосточном углах одного из помещений располагалась печь-тандыр. В некоторых случаях прослежено последовательное возведение на одном и том же месте нескольких печей-тандыров. Иногда печь располагалась и на территории хозяйственного двора, примыкающего к дому. Конструктивно они подобны домам IX – первой половины X вв. Характерным отличием сооружений второй половины X-XII вв. являлось появление вторых этажей. Остатки каменных маршей лестниц зафиксированы как при раскопках в портовой части Сугдеи, так и на территории Боспорского городского квартала. При этом традиционно первый этаж использовался в качестве хозяйственного, а второй – жилого. В современной археологической литературе продолжается дискуссия о наличие и характере вторых этажей. Например, Херсонесские кварталы разных частей города отличались, по мнению Л.А. Голофаст, количеством двухэтажных сооружений (2009, с. 294). Дома этого варианта составляют застройку квартала на Боспоре возле Храма Иоанна Предтечи, на Рыночной площади и в Кооперативном переулке Керчи. В Сугдее они зафиксированы на участке раскопа I, III и V.

Вариант 2 — однокамерные двухэтажные постройки, сложенные в аналогичной технике с хозяйственным помещением и хозяйственным двором, огражденным каменной кладкой. Печь традиционно помещалась в северо-восточном или северо-западном углах самого помещения. На площади хозяйственного двора, как и у построек первого варианта, чаще всего размещались пифосы. Постройки этого варианта зафиксированы пока только в Сугдее на площади раскопов III, V, VI. Дома подобной конструкции на салтово-маяцких памятниках восточного Крыма пока не зафиксированы.

В качестве примера сооружения этого варианта можно привести полностью раскопанный дом на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи. Первоначально он представлял собой крупное прямоугольное в плане помещение (помещение Б), стены которого сложены с использованием элементов кладки «в елку» (рис. 14). Северная, частично восточная и западная стены установлены непосредственно на скальный выход (рис. 15, 3,4). Далее, вследствие падения скалы, панцири западной и восточной стен были установлены на культурный слой предшествующего времени. Южная стена основного помещения сложена без использования элементов кладки «в елку». В восточной части она поставлена на выступающий скальный выход, в западной — на культурный слой предшествующего времени и кладку дома первой половины X в. (рис. 15, 1,2). В этой стене располагался и вход в помещение, возле которого был размещен пифос. С южной стороны к основному помещению примыкал хозяйственный двор, огражденный кладкой с южной стороны. В качестве каменного забора использовались южная часть кладки восточной стены основного помещения. На площади хозяйственного двора находились два пифоса (пифос 2 и 3) (рис. 14). Проход на его территорию с западной стороны оставался открытым.

С западной стороны к основному помещению Б примыкало хозяйственное сооружение А (рис. 14). Вход в него осуществлялся сверху с уровня скалы. Все его стены пристроены к скальному выходу (рис. 19). Пол помещения А находился на 0,80 м ниже фундамента его западной стены. Примерно на уровне пола помещения на расстоянии 1.80 м от его восточной стены обнаружена кладка (кладка 2) (рис. 18), пристроенная непосредственно к скальному выходу. Возможно, образованное этой кладкой пространство как раз и использовалось как полуподвал в помещении А.

<u>Возведение построек</u> в Сугдее и на Боспоре имело ряд объективных особенностей. В отличие от строительства на Боспоре домов на ровной поверхности, в Сугдее жилые дома второй половины X-XII вв. в портовой части возводились на искусственных террасах южного склона Крепостной горы часто на месте уже существовавших городских сооружений предшествующего времени. Характер использования ранних построек в каждом конкретном случае имел естественное своеобразие. Тем не менее, можно пока говорить о трех основных вариантах.

Вариант 1 — частичная перестройка дома-пятистенки предшествующего времени в однокамерную постройку с мощеным хозяйственным двором, огражденным или не огражденным стеной. Данный вариант наиболее ярко иллюстрирует дом, исследованный на площади раскопа V в портовой части Сугдеи (рис. 10, a, δ). При его возведении был использован дом-пятистенка VIII — первой половины X вв. Заполнение помещения a (рис. 10) было выбрано до уровня фундамента кладок, где и зафиксированы отдельные фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры. Основную часть заполнения составляли горизонты, содержащие археологический материал второй половины X-XII вв. При этом, южная стена дома, наиболее плохо сохранившаяся, была перестроена. Новая стена, в северной части поставленная на камни стены предшествующего времени, не повторила направления предыдущей. Она отклонена в сторону примерно на 30° (рис. 11, I). Помещение δ не выбиралось, а по периметру сохранившихся верхних рядков кладки было частично вымощено небольшими сланцевыми плитками. Таким образом, получился своеобразный мощеный двор примерной площадью $4 \times 6.7 \text{ м}$.

Второй пример, иллюстрирует постройка (дом 1) в западной части раскопа III в портовой части Сугдеи (рис. 6). В данном случае до основания было разобрано лишь южное помещение, а северное использовалось в качестве жилого. При этом в восточной стене последнего были заложены дверной проем и окно, поскольку их стало неудобно использовать после сооружения лестницы. Последняя вела, очевидно, на второй этаж и в проулок вышележащей террасы. Вход в помещение располагался в южной стене постройки. В северо-западном углу здесь зачищены остатки большой печи-тандыра. В юго-западной части помещения находился пифос. Южное помещение первоначального дома-пятистенки было использовано, вероятно, как открытая веранда и хозяйственный двор, в северо-восточном углу которого располагалась печь. Печьтандыр была устроена и с внешней стороны хозяйственного двора.

Вариант 2 — полная перестройка предшествующего дома-пятистенки. В данном случае наиболее показателен дом 2 в восточной части раскопа III в портовой части Сугдеи (рис. 6). Здесь жилая постройка IX — первой половины X вв. была разобрана до уровня двух рядков кладки. На месте северного ее помещения в первой четверти XI в. возводится однокамерная постройка (дом 1). Западная и восточная ее стены сложены с использованием элементов кладки «в елку» (рис. 7, 1,2). В качестве северной стены использовалась стена укрепления позднеантичного времени (рис. 7, 3). В северо-восточном углу нового помещения располагалась печь. Такое же отопительное сооружение было устроено во дворе у восточной стены. Возведенная постройка стала двухэтажной. Вероятно, в нижней нежилой части находился домашний иконостас, расположенный в специально сооруженной нише восточной стены.

Второй пример – остатки монументальной постройки X-XII вв. на площади раскопа 1963 г. на Рыночной площади в Керчи (рис. 28). Здесь одно из помещений первоначального домапятистенки (дом 1) было полностью перекрыто новым помещением (дом 2). При этом расстояние между фундаментом новой кладки и предшествующей составило 0.25 м (рис. 29). Другое
помещение раннего дома не использовалось и было перекрыто вымосткой хозяйственного двора
с каменным обрамлением, сохранившимся с северной стороны. Расстояние между плитами
вымостки и первоначальной кладкой составило 0,15 м.

Третий пример – остатки помещений 1, 5, 6, составлявших, вероятно, единую усадьбу, на площади раскопа 1990-91 гг. в Кооперативном переулке в Керчи (рис. 27). Исследования показывают, что стены первоначального помещения 1 раннесредневекового времени во второй половине X-XI вв. были частично разобраны и достроены с использованием предшествующих в качестве фундамента. Рядом с помещением 1 в это время возводится двухэтажное помещение 5, а перестроенное помещение 1 используется в качестве полуподвала. Рядом с помещением 5 возникает хозяйственный двор с пифосами, огражденный достаточно мощной кладкой (помещение 6).

Вариант 3 – использование крепостных сооружений предшествующего времени. При возведении жилых и хозяйственных построек в Сугдее внутри периметра крепостных стен, в качестве северной стены использовалась крепостная куртина (рис. 23). В данном случае в виде исключения стены ставились на культурный слой предшествующего времени.

Постройки всех вышеприведенных вариантов со следами незначительного ремонта существовали без видимых изменений в течение второй половины X-XII вв. Однако известны случаи и повторной перестройки в первой половине – середине XI в. Они зафиксированы в портовой части Сугдеи на участке раскопа III. Так однокамерный дом с хозяйственным двором был полностью

разобран, а на его месте возводится новый однокамерный двухэтажный дом, не повторивший направление стен предыдущего.

Как уже указывалось, функционально большинство двухэтажных исследованных построек использовалось, как жилые и хозяйственные. Подтверждает это исследованный на территории Сугдеи внутри периметра крепостных стен двухкамерный дом-пятистенка, пристроенный к крепостной стене (рис. 23). Внутри южного подквадратного в плане помещения было расположено шесть пифосов. Один из них находился в северо-западном углу, остальные вдоль южной стены и внутреннего панциря куртины, являвшегося западной стеной. Таким образом, исключительно хозяйственное предназначение пифосария — несомненно.

Вероятнее всего в состав этой усадьбы входила еще одна постройка, расположенная к северо-востоку от описанного выше двухкамерного дома. Реконструировать ее тяжело, т.к. она полностью оказалась перекрыта подвалом Лоджии генуэзского времени. Исследованная площадь сооружения составляет 3,5 х 4 м, что соответствует размерам подвала Лоджии. Пол рассматриваемого помещения, глинобитный плотный с подмазкой из жидкой глины. Местами он прокалился до красна, вследствие пожара. Пол перекрывал завал из крупного бута от обрушившейся стены этой постройки. Сама стена, вероятно, находится под стенами Лоджии. На полу постройки обнаружены многочисленные фрагменты высокогорлых кувшинов, большая часть которых, принадлежит, вероятно, одному сосуду. В слое же перекрывающем пол постройки найдены многочисленные фрагменты стенок оранжевоглиняных амфор Константинопольского производства с дуговидными ручками. Следовательно, постройка прекратила свое существование не позднее середины XIII в. Помимо керамической тары, на полу постройки обнаружены фрагменты черепицы-керамиды, втоптанные в пол и являвшиеся, вероятно, его отместкой. Под северной стеной подвала Лоджии обнаружены изделия связанные с периодом функционирования рассматриваемого сооружения. Наиболее яркие из них – фрагменты орнаментированных накладок из слоновой кости шкатулки, четко датируются рубежом XI-XII вв. Для датировки помещения необходимо так же отметить, что оно пристроено к мощной кладке, сложенной из блоков обработанного песчаника в технике кордонной кладки на извести. В восточной части эта кладка перекрыта стеной Лоджии. Длина прослеженного участка составляет 2 м при максимальной высоте одного сохранившегося рядка кладки 0,4 м. Совершенно очевидно, что это фрагмент внутреннего панциря крепостной стены, прослеженной на участке т.н. квартала 1. Таким образом, данное сооружение, как и помещение с пифосами, было пристроено к первоначальной крепостной стене при ее перестройке и ремонте. В качестве рабочей гипотезы автор раскопок И.А. Баранов интерпретировал данное сооружение, как косторезную мастерскую (1982, с. 4-6). Но кроме находок изделий из слоновой кости других аргументов в пользу этого предположения нет. К сожалению, конструктивные особенности сооружения и его функциональную принадлежность определить сложно.

Характер застройки внутригородской территории можно пока восстановить только фрагментарно, в самых общих чертах. Например, на Боспоре большинство исследованных домов составляли городской квартал, разделенный перпендикулярными улицами, примыкающий к Храму Иоанна Предтечи. В портовой части Сугдеи дома располагались на искусственных террасах южного склона Крепостной горы, спускавшихся к морю. Здесь в силу ограниченности пространства активно использовались сооружения, как фортификационные, так и жилые более раннего времени. Активно практиковалось и сооружение домов на свободных террасах, таким образом, происходило расширение застройки портовой части. Между террасами существовали небольшие переулки, повторявшие рельеф горного склона. На территории внутри крепостного пространства существовала практика пристройки домов к существующей крепостной стене, стены жилых построек более раннего времени использовались только в качестве фундаментов. Вероятнее всего, здесь, как и на Боспоре использовалась квартальная застройка. В Партенитах, на южном берегу Крыма, исходя из рельефа местности, наблюдается характер застройки склона горы, совершенно аналогичный Сугдее.

В целом, во второй половине X в. наблюдается тенденция увеличения заселенности городских кварталов не только на памятниках восточного Крыма, но и на других территориях (Паршина, 2002, с. 91). Однако трудно согласиться с тем, что рост городов проходил только в рамках старых крепостных стен, за счет увеличения скученности построек. Как уже указывалось, раскопки в портовой части Сугдеи красноречиво свидетельствуют о том, что активно про-исходило освоение и не застроенных территорий.

Таким образом, материалы раскопок жилых и хозяйственных построек населения восточного Крыма позволяют говорить о нескольких строительных приемах, примененных во второй половине X-XII вв. Во-первых, использование домов предшествующего времени с достройкой существующих стен, не нарушавших конструктивные особенности сооружений. Во-вторых, частичная перестройка существовавших домов, ремонт и перепланирование стен, сооружение вторых этажей, которые, в целом, в большей или меньшей степени меняли первоначальный облик. В-третьих, строительство новых жилых и хозяйственных сооружений, часто с использованием элементов кладки «в елку». Главное их отличие от построек салтово-маяцкой культуры Крыма это наличие двух этажей, использование только элементов кладки «в елку» и разнообразные хозяйственные пристройки, в том числе подвалы и полуподвалы.

Проанализированные выше жилые и хозяйственные постройки имеют много общих черт с аналогичными строениями известными на синхронных южнобережных памятниках. Например, в Партенитах в аналогичных постройках т.н. второго строительного периода, который справедливо датируется второй половиной X-XII вв. так же использован строительный материал старых усадеб (Паршина, 2002, с. 91). Здесь так же зафиксированы различные ремонты, перестройки, заклады дверных проемов, неоднократные укрепления покосившихся стен помещений в пределах одной усадьбы. Одним из ярких примеров является помещение В, входящее, по мнению Е.А. Паршиной, в состав усадьбы. Восточная и северная его стены устроены на остатках предшествующей постройки, сложенной техникой кладки «в елку». При этом с целью расширения помещения, они смещены на восток на 0,15-0,20 и 0,40-0,50 м (Паршина, 1985, с. 10-12). Аналогичная ситуация зафиксирована и для смежных помещений Ж и 3 другой усадьбы (Паршина, 1985, с. 12-13).

Совершенно аналогичная ситуация зафиксирована и на городище Эски-Кермен. Здесь на площади жилого квартала, расположенного на главной улице, напротив пещерного каземата так же наблюдается синхронная перепланировка городских кварталов, в том числе уничтожение старых и строительство на их месте новых построек, даже строительство на месте одного из помещений – характерной для средневизантийского периода квартальной христианской часовни (Айбабин, 2012, с. 5; Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 8, рис. 1).

Аналогичные тенденции прослежены и при анализе городской планировки Тмутаракани последней трети X в. Исследователями отмечается, что новая городская квартальная планировка нарушила раннесредневековую планировку Таматархи, что характеризуется, в первую очередь, несовпадением ориентации жилых и хозяйственных помещений. Строения и здесь приближаются к домам провинциально-византийского типа (Чхаидзе, 2013, с. 443).

Подводя итоги, отметим, что, на сегодняшний день материалы раскопок провинциально-византийских городов восточного Крыма пока не позволяют с уверенностью говорить о существовании здесь городских кварталов херсонесского типа, ядром которого являлись жилые усадьбы с хозяйственными сооружениями и христианскими часовнями. Элементы квартальной планировки прослежены только на участке раскопок возле храма Иоанна Предтечи на Боспоре. Городская застройка на площади раскопа 1963 г. на Рыночной площади и 1990-91 гг. в Кооперативном переулке Керчи сохранилась фрагментарно и явно недостаточно для подобных выводов. Возможно, существовала городская застройка на территории внутри крепостного пространства в Сугдее. Однако и здесь она прослежена пока только частично на участке т.н. квартала I, который примыкал к первоначальной крепостной стене. Рельеф портовой части этого средневекового города диктовал соответствующие приемы планировки жилых, хозяйственных и культовых построек, исключавшие возможность организации крупных компактных городских кварталов.

3.2. Фортификация.

Источником для изучения фортификации населения восточного Крыма в рассматриваемый хронологический период являются только крепостные сооружения Сугдеи и Боспора (Майко, 2012, с. 161-170). Дополнительные данные может дать только сравнительный анализ синхронных укреплений других регионов полуострова, прежде всего Херсонеса, а так же анализ фортификационных приемов, применявшихся на Балканах и в центральных провинциях Византийской империи. Относительно Боспора ситуация усложнена тем, что неоднократно опубликованные фрагменты двух параллельно расположенных кладок, шириной от 1 до 1,1 м, расположенных на расстоянии 0.5 м одна от другой, прослежены на участке всего в 15,3 м (Макарова, 1998,

с. 356-357). Как известно, обе стены сложены на глине с использованием элементов кладки «в елку». И.А. Баранов полагал, что пространство между кладками, забутованное на глине, связывало их воедино, делая своеобразными панцирями одной стены толщиной более 2,5 м (1990, с. 54). В пользу фортификационной принадлежности служили и две кладки, пристроенные к одному из фасадов. Однако в стратиграфии культурных напластований между двумя кладками никакой забутовки не прослеживается. Это четко видно на опубликованной фотографии Т.И. Макаровой (1998, с. 357, рис. 9). Во-вторых, пристроенные кладки только условно можно считать контрфорсами. С такой же долей вероятности они могут являться остатками и постройки, пристроенной к одной из кладок. Таким образом, с полной уверенностью относить описанные стены к фортификационным сооружениям до новых открытий на Боспоре преждевременно. Ясно другое. Исходя из стратиграфической картины и археологического материала, обе стены перекрыты слоем пожара середины X в. и более не возобновлялись.

Основываясь на этом, единственным источником для рассмотрения данного вопроса являются фортификационные сооружения Сугдеи. Система кладки первоначальных фортификационных сооружений Сугдеи изучена достаточно полно. Детально описаны особенности строительных приемов, состав раствора. В настоящее время идет активная дискуссия о времени сооружения первоначальной фортификации Сугдеи. А.В. Джанов, основываясь на радиоуглеродном анализе строительного раствора, характере кладки и исторической ситуации, считает, что первоначальные стены возведены в начале III в. н.э. (Джанов, 2006, с. 334-335), а на протяжении хазарского периода до середины X в. перестраивались, в частности, внешний панцирь. И.А. Баранов датировал время возведения стен второй половиной IX – серединой X в. (1990, с. 55-56). Второй половиной X в. датирует время постройки куртины на площади т.н. квартала I Е.А. Айбабина (2002, с. 23). В данном случае перед нами не стоит задача установления времени возведения первоначальных крепостных стен, что является темой отдельного исследования. Нет сомнения, что в середине X в. они уже существовали. В данном случае главное внимание будет уделено перестройкам и организации обороны города во второй половине X-XI вв.

Тем не менее, в вопросе о том, кто и когда начал возводить первоначальные крепостные стены, необходимо учитывать два объективных момента.

Первый - это знаки на блоках оборонительных стен. Данная коллекция знаков представлена небольшим количеством экземпляров вследствие недостаточной изученности и плохой сохранности фортификации Сугдеи. Ближайшую им аналогию составляет коллекция из 46 блоков известняка, происходящих из раскопок Мангупа. Эти последние знаки, достаточно полно опубликованные, представляют не только единичные изображения, но и знаки, образующие монограммы (Герцен, 1990, с. 114-119). По сравнению со знаками Сугдеи они более разнообразны как по технике исполнения, так и по морфологии начертания. Детально изучавший их А.Г. Герцен выделяет две морфологические и восемь т.н. «патронимических» групп разнообразных знаков (Герцен, 1990, с. 118-119). Аналогичные Сугдейским знаки широко известны, не только в Крыму (Баранов, 1990, с. 57, рис. 20), но и за пределами полуострова. Встречены они практически на всех укрепленных пунктах Хазарии (Саркел и Маяцкое городища на Дону, Хумаринское на Северном Кавказе) (Флёрова, 2001, с. 59, рис. 13) и Первого Болгарского царства (Плиска, Преслав) (Димитров, 1993, с. 70, рис. 1). Исследуя разнообразные знаки на камнях оборонительных стен городища Маяки, Е.В. Флёрова выделила специальную группу знаков, оставленных мастерами, возводившими крепость. Все они, как справедливо указывает исследовательница, в отличие от знаков-граффито нанесены массивными орудиями (Нахапетян, 1988, с. 98, рис. 6, 86).

Основная масса знаков Сугдеи происходит с небольшого фрагмента стены на участке куртины XV, единственного изученного достаточно полно, на северо-восточном участке обороны. В основном это изображения различного рода двузубцев и трезубцев, иногда в виде «птичьей лапки», отличающихся как размерами, так и прорисовками деталей (рис. 30). В литературе уже отмечалось, что это характерно, прежде всего, для Хазарии и Ирана (Флёрова, 2001, с. 57). Отметим и наличие блока с тремя типологически близкими тамгообразными знаками (рис. 30, 2). Существование однотипных знаков, выполненных в разной технике, имеющих разные пропорции и размеры, но восходящих к одному прототипу связывается исследователями с распадом рода на семьи и наличием семейных тамг. Это же подтверждает и наличие камней с несколькими изображениями родственных знаков (Нахапетян, 1988, с. 102).

Исключение составляет крупный блок в кладке откоса воротного проема второй половины X-XI вв. на площади т.н. квартала I. На нем изображено два знака. Один из них представляет черту, а другой – не имеет прямых аналогии среди тамгообразных знаков Сугдеи, однако близок знакам арамейского алфавита (рис. 30, 9). На этом же участке обнаружен и вторично использованный в генуэзское время каменный блок с четко прочерченным двузубцем к основанию которого примыкает знак в виде угла (рис. 30, 8). Особо отметим замковый каменный блок, происходящий из портовой части Сугдеи. На внешней его стороне выдолблен солярный знак в виде свастики в четырехугольном обрамлении (рис. 30, 3). Этот камень, прислоненный к внешнему панцирю северной стены дома предшествующего этапа, был поставлен на торец и обращен солярным знаком в сторону мощеной площадки второй половины X в. Последняя, примерными размерами 1.7 х 2.5 м находилась непосредственно к северу от внешнего панциря северной стены упоминавшегося дома. С севера эта площадка была ограничена кладкой, уходящей в борт раскопа и до конца не исследованной. Добавим, что из материалов раскопок Плиски происходит крупный фрагмент плинфы с аналогичным изображением свастики, датируемый, исходя из археологического контекста XI в. (Henning, 2007, taf. 3, № 31).

Другим фактом является нахождение в кладке первоначальной крепостной стены на участке куртины XV ниже воротного проема второй половины X-XII вв. разнообразных византийских надгробий второй половины VII-VIII вв., использованных вторично в качестве строительного материала.

Но, вернемся к фортификации Сугдеи и ее особенностям во второй половине X-XII вв. В настоящее время крепостные стены средневекового города изучены на пяти самостоятельных участках общей длиной более 70 м. К сожалению, на участке городской цистерны № 1 (малой) раскопками И.А. Баранова открыт только небольшой участок внутреннего панциря, сложенного в т.н. «кордонной технике» (Баранов, 1989, с. 51, рис. 5; 1990, рис. 19). Представляет интерес тот факт, что на цемянковом растворе сложен сам панцирь, в то время как забутовка — на глине. Малоинформативными оказались и раскопки аналогичной первоначальной крепостной стены и с внутренней стороны куртины XIII генуэзского времени к западу от башни Конрадо Чигала. Исследованный здесь фрагмент субструкции и частично внутреннего панциря первоначальной стены, оказался чрезвычайно сильно разрушенным. Небольшой участок внутреннего панциря куртины, изученный в портовой части Сугдеи к западу от портовой башни Фредерико Астагуэрро, позволил сделать вывод о том, что эта часть городища так же была ограждена крепостной стеной.

Наибольшая информация была получена при изучении крепостных стен города на площади т.н. квартала I и на участке куртины XV Судакской крепости. И.А. Барановым довольно полно описаны конструктивные особенности крепостной стены на участке куртины XV, однако крепостные сооружения интересующего нас промежутка времени практически не введены в научный оборот. Материалы раскопок фортификационных объектов на площади квартала I за исключением отдельных упоминаний (Баранов, Майко, Кузьминов, 1998, с. 53; Баранов, Майко, Фарбей, 2001, с. 75-76; Айбабина, Бочаров, 2003, с. 11), так же еще ожидают публикации. Исходя из этого, остановимся на их характеристике подробнее.

Крепостная стена на площади квартала I была впервые зафиксирована раскопками И.А. Баранова в 1977-78 гг. В 1994-2000 гг. было исследовано два самостоятельных участка, южный 8.25 м длиной и северный – 10,25 м. В 2001 г. северный участок Е.А. Айбабиной был раскопан полностью (Айбабина, Бочаров, 2003, с. 11) (рис. 31). Именно он и дал наиболее яркие материалы, свидетельствующие о перестройке первоначальной фортификации во второй половине X-XI вв. Техника кладки первоначальной куртины совершенно аналогична исследованной на других участках. Это использование орфостатной системы кладки при сооружении внутреннего панциря, в отличие от более грубого внешнего, выложенного обычной регулярной кладкой, использование для фундаментов крупных необработанных каменных блоков с заполнением щелей между ними мелкими камнями, наличие над панцирем плоских сланцевых нивелировочных плит. Кладка сохранилась на высоту 3,10 м, включая фундаменты, ширина ее составляет 2,0 м. Для нас представляет наибольший интерес то, что у северного угла внутреннего панциря крепостная стена сохранилась уступами. На этом участке она была дополнена довольно хаотичной кладкой из разномерного известняка и песчаника на известковом растворе с использованием элементов кладки «в елку». О капитальном ремонте стен свидетельствуют и открытые на

этом участке куртины два воротных проема. Первоначальный располагался над верхней линией фундаментов и был исследован в северо-западном углу раскопа частично. Порог его выложенный плитками сланца на известковом растворе был частично заведен под кладку бокового южного откоса, который сохранился на высоту трех рядков кладки. Ширина открытой части проема составила 1,40 м. Вероятнее всего, во второй половине X в. первоначальный воротный проем был заложен иррегулярной кладкой из разномерных камней известняка и песчаника на известковом растворе с использованием элементов кладки «в елку». Общая исследованная высота этой новой кладки составила 2,24 м. Наиболее важно то, что кладка достройки куртины и закладки воротного проема совершенно идентичны и, скорее всего, единовременны (рис. 32).

Несомненный интерес представляет второй воротный проем, расположенный в центральной части исследуемой куртины. В удовлетворительном состоянии сохранился только северный его откос. Западный край этого откоса, примыкающий к внешнему панцирю куртины, был зачищен исследованиями 1996 г. (Баранов, Майко, 1997, с. 16). Расположен он в 3,85 м от кладки, к которой, вероятно, пристроена первоначальная куртина и представлял собой массивный песчаниковый блок размерами 1,1 х 0.65 м, под который были заведены крупные сланцевые плиты вымостки воротного проема, уложенные в два рядка (рис. 33,34). На блоке были прочерчены два тамгообразных знака, анализ которых был дан выше. Восточный край откоса был открыт в 1996 г. (Баранов, Майко, 1997, с. 16) и полностью исследован раскопками 2001 г. (рис. 32). Его сохранившаяся высота несколько меньше, но в целом совпадает с блоком в западной части откоса и составляет 0,50 м. Здесь сохранилась подпорная плоская большого размера известняковая плита, уложенная горизонтально. На ней так же зафиксированы две плоские плиты порога. Одна из них аналогично заведена под кладку сохранившегося откоса. В верхней части на этом участке откос воротного проема был перекрыт кладкой более позднего времени, относящейся к жилому комплексу, датированному археологическим материалом не ранее середины XIII в. Ширину воротного проема установить сложно. К сожалению, южный их откос не сохранился. Однако ширина куртины может быть установлена четко и составляет 2,25 м. Таким образом, организация данного воротного проема может быть датирована второй половиной X-XI вв., что совпало по времени и с капитальным ремонтом всей куртины. Синхронность воротного проема и описанного выше жилищно-хозяйственного комплекса, включающего пифосарий, подтверждается тем, что южная его кладка находится непосредственно возле ворот, не перекрывая их. Обнаруженная на пороге плиты воротного проема монета рубежа XIII-XIV вв. подтверждает, на мой взгляд, не время его строительства, а время разборки крепостной стены. Эта дата соответствует и дате разборки фортификационных сооружений на участке куртины XV Судакской крепости, о чем речь пойдет ниже.

Следы перестройки, правда, не такие яркие, зафиксированы и на южном участке данной куртины. К сожалению, здесь исследован только фрагмент внешнего панциря крепостной стены, однако и его южная часть сложена небрежно из камней меньшего размера и явно носит следы ремонта. К этому участку внешнего панциря под прямым углом пристроены две довольно мощные кладки. Не исключено, что это остатки башни второй половины X-XI вв. Однако подтвердить или опровергнуть это предположение сложно, т.к. раскопки предполагаемой башни небыли завершены. Тем не менее, в кладке самой куртины фиксируется заложенный в более позднее время воротный проем, который, вероятно, вел в башню (рис. 35).

Таким образом, перед нами яркая картина серьезного ремонта и частичной перестройки первоначальных крепостных стен с использованием, однако, основной части куртины для защиты города.

Наибольшая информация, свидетельствующая не только о ремонте и перестройке, но и об организации обороны во второй половине X-XI вв. получена при изучении наибольшего фрагмента крепостной стены на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 36). Как уже упоминалось, этот участок куртины достаточно полно описан в литературе. Для нас наибольший интерес представляют раскопанные на этом участке две привратные башни догенуэзского времени, впервые зафиксированные в Сугдее. Восточная башня в отличие от крепостной стены, сложена из бута на известковом растворе с наполнителем из крупного песка и гальки. Однако она, так же как и оборонительная стена, поставлена на рыхлый грунт, в частности на горизонты зольника, который продолжал накапливаться и после строительства башни. Западная и восточная стены пристроены к крепостной куртине без перевязи. В плане сооружение представляет собой почти правильный

квадрат, 5.75 х 5.50 х 6.50 м, толщина стен от 1,1 до 1.25 м (рис. 37,38). Лучше всего сохранилась восточная стена, где ее максимальная высота составляет 1,0 м. Здесь заметны следы использования элементов кладки «в елку». Возможно, они присутствовали и в конструкции западной стены башни. Однако, исходя из ее сохранности, об этом судить трудно. Стены башни не перевязаны друг с другом. Этот факт, а так же расположение объекта на рыхлом золистом грунте свидетельствует о поспешности строительства.

Заполнение башни выше уровня пола и основания ее стен представляло собой коричневый гумусированный грунт, переходящий под южной стеной в плотный серо-зеленый суглинок, насыщенный бутом (рис. 38). На расстоянии 0,5 м от уровня пола внутренняя часть башни была забита сплошным каменным завалом, вероятно, от рухнувших стен. В каменном завале обнаружены фрагменты высокогорлых кувшинов, белоглиняной поливной керамики группы GWW-II, стеклянных браслетов. Установить время строительства башни достаточно просто. Как уже указывалось, фундаменты ее северной стены покоились на первоначальных горизонтах зольника, которые достаточно четко датируются второй половиной X в. Время же разрушения объекта совпало с окончанием накопления зольника. Поскольку в нем не обнаружено материалов позже начала XII вв., примерно в это время башня приходит в запустении и, вероятно, разрушается.

Вторая башня расположена на расстоянии 12,25 м на запад от вышеописанной. От нее сохранился только участок западной стены и расположенный параллельно ей на расстоянии 4 м фрагмент восточной стены. Обе кладки пристроены к крепостной куртине. Обе стены сложены на глинистом растворе из хорошо подогнанных блоков сланца. Северная часть этих кладок, как и северная стена самой башни, срезаны при разборке стены на рубеже XIII-XIV вв. и при планировании генуэзской обороны.

После разборки крепостной стены и башни на их месте возникает некрополь, связанный с храмом расположенным с внутренней стороны этого участка куртины. Благодаря нумизматическому материалу, возникновение некрополя датируется концом XIII — началом XIV вв., т.е. временем разборки фортификационных сооружений золотоордынской администрацией. Наличие первоначальных могил прихрамового некрополя, расположенных внутри башни и частично перекрывших саму куртину, позволило И.А. Баранову утверждать, что анализируемые остатки византийской башни являются христианским храмом. Однако все известные в Сугдее храмы сложены на известковом растворе, а в их заполнении обязательно фиксируются фрагменты фресковой росписи. К тому же если считать это сооружение храмом, то он расположен всего в 6 м к северу от упомянутого выше храма. Учитывая высокую плотность застройки средневековой Сугдеи, такое вряд ли возможно. Таким образом, перед нами, несомненно, еще одна башня аналогичная по конструктивным особенностям и синхронная проанализированной выше.

При зачистке участка куртины между башнями в 1990 г. был обнаружен восточный откос воротного проема (рис. 39). По мнению И.А. Баранова этот воротный проем перекрыл первоначальные крепостные ворота. К сожалению, следы их ниже открытого, обнаружить не удалось. Открытый же воротный проем расположен на 1,80 м выше уровня фундаментов крепостной стены. Ширина открытого восточного откоса ворот совпадает с шириной стены и составляет 2.5 м, его высота не превышает трех рядков кладки. Он сооружен из хорошо подобранных блоков известняка и сланца. Проезжая часть ворот была выложена плоскими плитками сланца и снивелирована при помощи дополнительных плиток.

Подводя итог анализу фортификации средневековой Сугдеи второй половины X-XII вв. необходимо еще раз подчеркнуть, что предшествующая система фортификации использовалась и в данный период практически в полном объеме. Однако на всех исследованных участках отмечены следы серьезных ремонтов, перестроек, а на участке куртины XV строительство оборонительных башен. Вероятнее всего таких башен было достаточно много. Однако, кроме двух проанализированных выше, других пока не обнаружено. При этом следует заметить, что первоначальных башен, синхронных самым ранним крепостным куртинам в Сугдее пока так же не обнаружено. Не исключено, что именно со второй половины X в. оборона Сугдеи приспосабливается к фортификационным требованиям развитого средневековья.

Аналогичные процессы происходят и на территории южного берега Крыма. По мнению В.Л. Мыца появление на укреплениях горной Таврики во второй половине X в. наиболее типичных межстенных прямоугольных башен связано, прежде всего, с влиянием византийской и подражавшей ей болгарской фортификации (Мыц, 1991, с. 32-33).

Наибольшая информация о фортификационных приемах средневизантийского времени в Таврике получена, безусловно, при раскопках Херсонеса. В последнее время в комплексе она в обобщающем виде коротко проанализирована Л.А. Голофаст (2009, с. 275-278). Как и в Сугдее наиболее поздние следы ремонта ранних крепостных стен датируются XI-XII вв. Отмечена и присущая Судакской фортификации небрежность ремонта и перестройки, исключавшая красоту и монументальность оборонительных построек. С привлечением данных письменных источников подробно проанализирована и сходная ситуация, когда в нарушение принципов византийской фортификации к крепостным стенам непосредственно пристраивались жилые и хозяйственные сооружения.

Таким образом, фортификационные приемы, зафиксированные в провинциально-византийских городах восточной Таврики, в частности Сугдеи, полностью повторяют аналогичные приемы, отмеченные при раскопках Херсонеса. Появление их было связано, вероятно, в первую очередь, с усилением военной опасности со стороны кочевников.

3.3. Зольники.

Еще одной категорией памятников, которые нельзя не упомянуть, являются крупные зольники. Атрибуция их сложна и неоднозначна. Судакский зольник был открыт в 1987 и частично исследован в 1990/93 гг. Он с внешней стороны примыкает к оборонительной стене второй половины IX в. (Баранов, Майко, 2001, с. 98-110). Примерная его площадь составляет не менее 250 м². В плане сооружение представляет собой земляной холм высотой 5.5 м, полукругом примыкающий к крепостной стене. По оси север-юг памятник исследован на 8.6 м, что составляет около половины его протяженности, по оси запад-восток - на 8.40 м (рис. 40).

В стратиграфии восточного борта раскопа, делящего памятник пополам по оси север-юг, зафиксировано несколько культурных горизонтов. В верхней части по линии е-ж под слоем XIV в. расположен горизонт серого пепла смешанного со светло-коричневой глиной. Этот не четко выраженный слой расчленен несколькими, расположенными одна под другой прослойками углей и золы (рис. 41, 1). Под ним, в южной части расположен слой золы без видимых примесей песка и серой глины (рис. 41, 2). Далее расположен достаточно мощный оранжевый горизонт насыщенный печиной и пережженной глиной (рис. 41, 3). Под ним слой аналогичной горизонту 2 (рис. 41, 4), слой желто-оранжевой глины с примесью песка и печины (рис. 41, 5) и расположенные последовательно слой аналогичный слою 3 (рис. 41, 6) и горизонту 5 (рис. 41, 7). Далее тонкая прослойка углей отделяет горизонт 7 от слоя желтого песка смешанного с золой и углями (рис. 41, 8). Ниже падающий практически отвесно толстый горизонт углей и золы (рис. 41, 9), за ним мощный слой коричневой глины с примесью углей (рис. 41, 10). Подстилает горизонт 10 слой зеленоватой глины с обильными примесями печины и углей, вероятно, он связан с зольником более раннего времени (рис. 41, 11). Горизонты зольника по линии д-г в нижней его части частично являются продолжением вышеописанных слоев по линии е-ж. Вверху расположен слой 12 (рис. 41, 12), являющийся продолжением слоя 1, но расчлененный здесь не только более мощными прослойками углей, но и двумя толстыми слоями коричневой глины с примесью углей (рис. 41, 13). Такой же слой коричневой глины, но с большей концентрацией золы, подстилает слой 12 (рис. 41, 14). Далее идет слой желто-оранжевой глины с прослойками серой золы (рис. 41, 15) и один из самых мощных оранжевый горизонт золы и печины, являющийся продолжением слоя 3 (рис. 41, 16). Под ним слой с большей концентрацией песка, переходящий в серо-коричневый горизонт с большими примесями золы (рис. 41, 17). Далее расположен слой углей, расчлененный горизонтом светлого пепла (рис. 41, 18) и слой желтого песка с примесью серой золы (рис. 41, 19). Далее самый мощный горизонт углей, расчлененный прослойками золы, коричневой с углями глины и смешанного с золой песка (рис. 41, 20), являющийся продолжением слоя 9. Ниже - не менее мощный слой коричневой глины, продолжающий слой 10 (рис. 41, 21). Подстилает указанные горизонты слой являющийся продолжением слоя 11 (рис. 41, 22). Важной стратиграфической особенностью является то, что в плавно падающих упомянутых горизонтах и, прежде всего углей и золы, фиксируются горизонтальные площадки, не повторяющие рельеф склона. Они явно имеют искусственное происхождение. В слое 1 длина площадки составляет 0.7 м, в слое 12 и 18 соответственно 1.48 и 0.8 м. В слое 20 зафиксированы две горизонтальные площадки, одна из которых наиболее яркая и выразительная для данного памятника. Высота и угол падения слоя 1 ниже горизонтальной площадки – невелики, что придает пологий характер сползания всему горизонту. Слои 12, 20 круто спускаются вниз по склону. В стратиграфии северной и южной стены раскопа на участке зольника (рис. 42,43), делящего памятник примерно пополам по оси запад-восток, выявлено несколько культурных горизонтов каждый из которых сопоставляется со слоями восточной стены раскопа.

Подводя итог стратиграфической характеристике зольника Сугдеи, необходимо отметить разную мощность каждого из описанных горизонтов, разный характер составляющего их грунта и разные углы их падения, зачастую не совпадающие с естественными углами падения склона оврага. Наибольшая мощность горизонтов зольника зафиксирована на участках горизонтальных площадок.

Наиболее близким Судакскому является зольник, исследованный на территории средневекового Алустона (рис. 44, 45). Общая исследованная площадь Алустонского зольника составляет не менее 100 кв м. Первоначально он изучался В.Л. Мыцом в раскопе 5 между хазарской оборонительной стеной и башней Орта-Куле (Мыц, 1986, с. 315). В 1993 г. исследования продолжились, было раскопано 55 кв м его площади (Адаксина и др., 1994, с. 13). Мощность культурных напластований, связанных с объектом, составляет 0.5-1 м. Отметим, что верхняя часть зольника срезана при строительстве помещений XIII-XV вв.

Характерной особенностью объекта является тот факт, что он расположен за пределами городской территории и примыкает непосредственно к крепостной стене IX-X вв. Последняя сложена из бута на глине. В кладку попали фрагменты белоглиняной поливной керамики, высокогорлых кувшинов, стенки и ручки причерноморских амфор. Внешний панцирь сложен из более крупного бута с ровной лицевой гранью. Ширина стены 1.45-1.55 м при сохранившейся высоте 0.30-0.80 м. От оборонительной стены зольник простирается на 15 м к востоку. Основная масса заполнения зольника представляет собой слой светло-коричневого зеленоватого грунта. Его дополняют различной мощности прослойки угольков, серого золистого грунта, грунта с большим количеством раковин морских моллюсков. Нижняя часть слоя отличается наличием в ней значительного количества разно мерного камня, раковин моллюсков и керамики.

В стратиграфии южного борта раскопа 1993 г. выделено несколько различных горизонтов и прослоек. Рассмотрим их снизу вверх по мере накопления. Прежде всего, отметим, что часть зольника Алустона перекрыла плитовый некрополь второй половины IX - первой половины X вв. Самый нижний горизонт представляет слой светло-коричневого цвета (рис. 44, 1). В верхней части он достаточно рыхлый, в нижней - более плотный с большим содержанием камня среднего и мелкого размера (рис. 44, 1а). Количество последних по мере сползания слоя с запада на восток увеличивается. В восточной части стратиграфии под этим слоем обнаружен участок переотложенного материкового грунта (рис. 44, 2). Выше расположен горизонт светло-коричневого плотного грунта с сильным зеленым оттенком. Этот горизонт менее мощный и прослежен только в западной части описываемой стратиграфии (рис. 44, 3). Над этим горизонтом в восточной части западной половины стратиграфии расположен слой светло-коричневого рыхлого грунта, расчлененного прослойкой (рис. 44, 4). Выше последней этот горизонт становиться более плотным и приобретает ярко выраженный зеленоватый цвет (рис. 46, 4а). Выше расположен горизонт, состоящий из светло-коричневого плотного зеленоватого грунта с известковой крошкой (рис. 44, 5). На этом уровне он зафиксирован только в западной части стратиграфии. Далее расположен один из самых мощных горизонтов светло-коричневого плотного грунта с зеленоватым оттенком (рис. 44, 6). В западной половине стратиграфии, поверх этого слоя расположен горизонт коричневого рыхлого грунта с красноватым оттенком (рис. 44, 8). По мере сползания он приобретает светло-коричневый цвет (рис. 44, 8). Именно этот горизонт прорезан в западной части двумя ямами. В начале восточной части стратиграфии он падает вниз почти под прямым углом и далее тянется неровной лентой, вновь падающей вниз. Не исключено, что падения этого слоя имеют искусственное происхождение. В восточной половине стратиграфии поверх этого горизонта расположен слой светло-коричневого плотного суглинка с красноватым оттенком (рис. 44, 7,7а). Особо следует подчеркнуть, что в этой же половине стратиграфии поверх падающего слоя 8 расположена локальная достаточно мощная прослойка прокаленного коричневого грунта (рис. 44, 9). Аналогичная прослойка расположена рядом поверх слоя 7. Далее расположен слой светлокоричневого рыхлого грунта с красноватым оттенком (рис. 44, 10) близкий по составу горизонту 7. И, наконец, последний самый верхний горизонт это слой светло-коричневого плотного грунта с большим количеством камня (рис. 44, 11). В верхней своей части он расчленен тонкой прослойкой аналогичной прослойкам 9, после которой он приобретает более рыхлую структуру, зеленоватый оттенок и слегка насыщен известью (рис. 44, 12).

В стратиграфии другого южного борта этого же раскопа зафиксированы почти те же самые горизонты. Опишем их сверху вниз. Первым отмечен слой плотного грунта с зонами прокала до красно-коричневого цвета (рис. 45, 1,1). Он в принципе идентичен слою 8 в предшествующей стратиграфии, но гораздо сильнее насыщен прокаленной землей. Ниже этого слоя под фундаментами кладок 393 и 394, расположена тонкая прослойка золы с угольками не встреченная ранее (рис. 45, 1,2). Ниже в восточной части расположен достаточно мощный слой серого уплотненного грунта зеленого оттенка. Интересно наличие в нем угольков и двух золистых прослоек (рис. 45, 1,4). По направлению к западу, он достаточно резко переходит в прослойку, содержащую прокаленный до красноватого оттенка грунт (рис. 45, 1,5). В западной части стратиграфии выше этой прослойки залегает слой светло-серого золистого грунта с зеленоватым оттенком (рис. 45, I, J). Аналогичную слою 3 структуру имеет и следующий достаточно мощный горизонт (рис. 45, I, I), отделенный от него в восточной части крупной линзой содержащей золистый грунт с большим содержанием ракушки и керамики (рис. 45, 1,6). Как и в описанной выше стратиграфии южного борта раскопа 1993 г., на данном участке последним горизонтом является слой светло-серого с зеленоватым оттенком глинистого грунта с большим количеством камня (рис. 45, I, δ). В западной части зафиксирован известковый натек (рис. 45, 1,9).

Большой интерес представляет стратиграфия западного борта раскопа. Здесь первым зафиксирован небольшой участок светло-серого уплотненного грунта с зеленоватым оттенком (рис. 45, 2,I). Ниже расположен уже хорошо известный нам слой светло-серого уплотненного грунта так же зеленоватого оттенка (рис. 45, 2,I). Он расчленен прослойкой образующей горизонтальную искусственную площадку, на которой отмечена линза прокаленного красно-коричневого грунта (рис. 45, 2,2). Аналогичные линзы отделяют этот горизонт от выше и ниже лежащего. Последний представлен горизонтом, состоящим из уплотненной земли светло-фиолетового цвета с зонами прокала до красно-коричневого цвета (рис. 45, 2,5). Ниже расположен равномерный мощный горизонт так же серого уплотненного грунта с зеленоватым оттенком (рис. 45, 2,6). В южной части стратиграфии он перекрыт слоем прокаленного грунта с большим содержанием золы и углей (рис. 45, 2,3) и слоем красно-коричневого прокаленного грунта (рис. 45, 2,4a). Наибольшим по величине горизонтом является слой светло-серого уплотненного грунта (рис. 45, 2,7), расчлененного крупной линзой состоящей из углей и прокаленных частиц (рис. 45, 2,9). Традиционно, подстилающим горизонтом является слой серо-желтого с зеленым оттенком глинистого грунта с большим количеством камня (рис. 45, 2,8).

Идентичный и синхронный Судакскому и Алустонскому зольникам памятник открыт раскопками Е.Я. Туровского, А.А. Филиппенко и М.В. Ступко на территории Херсонесского городища. Это так же чрезвычайно мощный и насыщенный материалами объект, который предварительно датируется серединой X в. Его исследования продолжаются и в настоящее время, материалы пока до конца не обработаны и не введены в научный оборот.

В нескольких работах (Баранов, Майко 2001, с. 98-110) было высказано предположение о том, что Судакский зольник является земляным святилищем с ритуальными площадками. Аргументом в пользу этого послужил тот факт, что при достаточно полной изученности примыкающей к зольнику площади городища, отсутствуют какие-либо архитектурные детали или капитальные сооружения, с которыми можно было бы связать столь мощный зольник.

На площади раскопа II 2001 г. Е.А. Айбабиной со стороны внутреннего панциря крепостной куртины остатки застройки обнаружены (Айбабина, 2002, с. 30-33). Однако, исследованное помещение 1 пристроено к раскопанному в 1989 г. И.А. Барановым двухкамерному жилому дому второй половины XIII-XIV вв., составляя с ним единое целое. При этом кладка, сложенная техникой кладки «в елку» (кладка 5), с этим помещением вряд ли связана. Основание этой кладки, открытое еще в 1989 г. не совпадает с направлением кладки 5 «в елку». Последняя относится к дому, расположенному, исходя из рельефа местности, выше по склону. Подстилает же помещение 1 2001 г. горизонт второй половины X-XI вв., перекрывающий, в свою очередь помещение 2 второй половины IX — первой половины X вв. и расположенные к северу от него очажные пятна. Это помещение 2 синхронно мастерской, исследованной западнее данного комплекса в 1991 г. Таким образом, жилых сооружений X-XII вв. на этом участке не обнаружено.

Предположение о том, что зольник мог накопиться в процессе расчистки сгоревших помещений предшествующего времени на этом участке, вряд ли оправдано. Во-первых, в горизонтах зольника отсутствует материал салтовского времени. Во-вторых, следов мощных пожаров, свидетельствующих о гибели зданий этого квартала города, не обнаружено. Как уже упоминалось, комплекс ремесленной постройки на участке куртины XV носит следы «брошенности». Археологическая ситуация свидетельствует о том, что материалы из заполнения остались не тронутыми. В-третьих, зольник накапливался длительное время, в течение второй половины X-XI вв. Немаловажно и то, что действительно в равномерно сползающих по склону горизонтах Судакского зольника фиксируются искусственный площадки. Развивая это положение, была высказана гипотеза о том, что появление указанного зольника, безусловно, связанного с культом огня, является следствием влияния зороастрийского ритуала (Джанов, 1996, с. 187-189), что требует, безусловно, дальнейшей аргументации.

Несмотря на все вышеизложенное, атрибуция таких памятников как зольники сложна и неоднозначна. Большинство исследователей ставят в прямую зависимость процесс накопления зольника с функционированием того или иного культового сооружения (Русяева, 2006, с. 95-103; Масленников, 2007, с. 406-457). Проанализированные зольники салтово-маяцких поселений Таврики, в частности на территории Керченского полуострова, свидетельствуют о том, что их накопление, по большей части, было связано с бытовой деятельностью (Пономарев, 2012-2013, с. 182-203). Ряд специалистов придерживается мнения, что, часть зольников связана не с ритуальными действиями, а с производственной деятельностью (Бобринский, Волкова, Гей, 1993, с. 18). С резкой критикой интерпретации Судакского зольника как культового объекта выступил А.В. Сазанов (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 152). Автор считает его обычным мусорным зольником, аналогии которому хорошо известны в античных городах, правда, каких, исследователь не уточняет. Таким образом, до получения дополнительных материалов связывать Судакский зольник с культовым объектом пока преждевременно.

3.4. Христианские храмы.

К сожалению, до сегодняшнего дня христианские храмы восточного Крыма, время возведения которых приходится на вторую половину X-XI вв., изучены чрезвычайно слабо. За все годы исследований их обнаружено всего четыре, два в Сугдее и два на Боспоре. Отнесение к культовым постройкам сооружения, исследованного на территории барбакана средневековой Сугдеи И.А. Барановым, остается спорным. При этом для анализа культового христианского строительства населения данного региона средневековой Таврики нельзя использовать хорошо известные постройки городища на плато Тепсень и других памятников, поскольку последние хронологически связаны с салтово-маяцким периодом в истории полуострова. Основная масса исследованных в окрестностях и на территории средневековой Сугдеи храмов, датируются не ранее середины XIII в. и связаны с другим периодом крымской медиевистики.

Лучше других сохранился храм, вокруг которого началось формирование некрополя Судак-II. Объект исследован в 1965 г. М.А. Фронджуло (1974, с. 146-147). Сохранились фундаменты небольшого однонефного базиликального типа храма, сложенного из песчаника на глинистом растворе, что предполагает наличие стропильного перекрытия. К первоначальному сооружению во второй половине X-XI вв. был пристроен обводной коридор, охвативший постройку с трех сторон (северной, западной и южной). Стены пристройки сложены техникой кладки «в елку» (рис. 47, 3; рис. 67).

На территории некрополя Судак-I в западной его части обнаружены остатки фундаментов северо-западного угла христианской часовни. Сохранившаяся длина северной и западной стен составляет соответственно 2.90 и 1.50 м (Джанов, Майко, Фарбей, 2004, с. 89). Судя по датировке погребения 57 расположенного возле юго-западного угла храма, сам он, вероятно, синхронен ему.

Как уже отмечалось, спорным остается отнесение к культовым постройкам сооружения исследованного на территории барбакана средневековой Сугдеи. Объект частично и чрезвычайно схематично опубликован раскопавшим его И.А. Барановым (1991, с. 101-107; 1994, с. 53, рис. 4). От постройки сохранились две параллельные кладки стен, сложенных на известковом растворе с деревянными прокладками (рис. 46). Последние наиболее полно удалось проследить на участке кладки 2. В ее панцирях были уложены продольные деревянные прокладки из круглых в сечении бревен диаметром около 0, 3 м. Через каждые 1, 8 м продольные прокладки были «пе-

ревязаны» поперечными, остатки которых уходили под плиты вымостки А, расположенной за пределами помещения. Вероятнее всего, деревянные конструкции стен скреплялись при помощи длинных кованых гвоздей. Толщина обеих стен, сохранившихся на высоту трех рядков кладки, составила около 0.9 м. При помощи деревянной балки обе стены на уровне пола были перевязаны при помощи так же деревянного бруса толщиной около 20 см. Судя по совпадению уровней прокладок в фассировке стен 1 и 2, деревянные прокладки соединялись между собой при помощи пазов, хотя их самих и не удалось проследить из-за плохой сохранности дерева. С запада кладка 1, сохранившаяся в длину на 5.5 м, была обрезана до основания лестницы, ведущей в «осадный колодец» позднесредневекового времени. С востока — разрушена стеной барбакана генуэзского времени. Кладка 2 полностью параллельна кладке 1, и так же с восточной стороны перекрыта стеной барбакана, сохранившаяся длина составляет 5,6 м. С западной стороны к кладке 2 под тупым углом пристроена кладка 3, длиной 3,4, отходящая в южном направлении. Несмотря на одинаковые технические приемы, использованные для ее возведения, судить о том, синхронна ли она кладке 2, сложно.

С внешней южной стороны кладки 2 обнаружена каменная вымостка А (рис. 46). Как уже отмечалось, связана ли она с постройкой, ограниченной кладками 1 и 2, сказать сложно. Деревянная поперечная прокладка, связывающая кладки 1 и 2, восточным концом уходила под каменные плиты сохранившейся вымостки, и была перекрыта последними непосредственно по дереву. В тех местах, где плиты вымостки не перекрывали деревянную прокладку, она была уложена на субструкцию из мелкой плотно утрамбованной гальки. Подсыпка из гальки была зафиксирована и там, где плиты вымостки не сохранились.

Раскопанное сооружение однозначно атрибутировалось И.А. Барановым, как христианский храм (1991, с. 101-107; 1994, с. 53). В пользу этого, по мысли исследователя, свидетельствовало то, что, во-первых, кладки стен 1 и 2 были тщательно оштукатурены с внутренней стороны. Во-вторых, при разборке слоя известковой крошки между этими кладками обнаружены in situ остатки полихромной росписи на штукатурке. Расписная штукатурка была прослежена на всей площади между кладками 1 и 2. Однако сильная фрагментарность находок не позволила восстановить какой-либо сюжет. С внешней стороны стены барбакана генуэзского времени, перекрывшей объект, на месте предполагаемой абсиды при раскопках были зафиксированы следы слоя разрушения, насыщенного известью. Самый главный аргумент заключался в том, что возле сооружения с восточной и западной стороны были исследованы плитовые могилы и склеп, образующие некрополь. Исходя из погребального инвентаря, захоронения четко датируются второй половиной X-XII вв. В заполнении самой же анализируемой постройки, как следует из текста отчета, выразительного материала получено не было.

Тем не менее, однозначная атрибуция данного сооружения, как христианского храма и, особенно, его датировка, все же требует дополнительной аргументации. Во-первых, вызывает недоумение ориентация сооружения, расположенного по оси северо-восток — юго-запад со значительным отклонением от оси запад-восток. Во-вторых, совершенно непонятно, каково функциональное назначение кладки 3, вероятно перевязанной с основной конструкцией. Образовывала ли она еще одно помещение с сохранившимся фрагментом вымостки А или нет установить невозможно (рис. 46). В-третьих, зафиксированные деревянные конструкции в рассматриваемый хронологический период в восточном Крыму, ни в жилых, ни в хозяйственных, ни в культовых сооружениях, пока неизвестны. Напротив они используются в первой половине XIII в. (жилое помещение В на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи) и, особенно часто, в разнообразных постройках XIV-XV вв.

Это практически вся имеющаяся на сегодняшний день информация о христианских культовых постройках Сугдеи. Не исключено, конечно, что более ранние христианские сооружения находились на месте более поздних храмов Параскевы и объекта на участке куртины XV Судакской крепости. Напомню, что под их фундаментами археологическими раскопками зафиксированы плитовые могилы, перекрытые дошедшими до наших дней храмами. А раз так, то должны были существовать и храмы, с которыми эти погребения были связаны. Однако, это не более чем предположение.

Единственным крестово-купольным храмом интересующего нас времени в восточном Крыму является церковь Иоанна Предтечи на Боспоре (рис. 47, 4). Объект достаточно полно проанализирован в литературе. Коротко напомним, что, согласно общепринятому мнению, он ил-

люстрирует переходную форму, сочетающую базиликальную и крестово-купольную конструкции, получившую распространение в азиатских областях Византийской империи и ее столице — Константинополе. Церковь представляет собой четырехстолпный трехабсидный крестово-купольный храм, увенчанный полусферическим куполом на высоком барабане. Купол при помощи парусов опирается на крестообразные своды, которые поддерживаются четырьмя крестчатыми в плане столбами. Всю конструкцию несут на себе четыре мраморные колонны с византийско-коринфскими капителями, взятыми из более раннего храма. Подобные случаи известны в Херсоне, когда крестово-купольные храмы, построенные в IX-X вв., украшались мраморными деталями из полуразрушенных христианских храмов юстиниановского времени. Небольшие размеры церкви Иоанна Предтечи так же характерны для византийского зодчества средневизантийского времени не только в провинции, но и в самом Константинополе, когда храм терял былую публичность и его возведение было рассчитано на индивидуальный или семейный культ.

Кроме описанного храма Иоанна Предтечи на сегодняшний день на территории Боспора известен только один храм, время функционирования которого можно с уверенностью отнести ко второй половине X-XI вв. Совсем недавно В.Е. Науменко и Л.Ю. Пономаревым он был введен в научный оборот. Это совершенно не известные до недавнего времени материалы раскопок 1833 г. Е.П. Шевелева т.н. «храма 1833 г.» (Науменко, Пономарев, 2010, с. 88-89; Науменко, Пономарев, 2013, с. 295-309) (рис. 47, 1). Последний, по мнению авторов, представлял собой трехнефную базилику и располагался не более чем в 100 м от храма Иоанна Предтечи. Определить время возведения этого храма, исходя из отсутствия материалов раскопок, практически невозможно, но вероятнее всего, во второй половине X-XII вв. он функционировал. При этом датировать его постройку ранневизантийским временем можно только гипотетически. Не аргументировано и положение о существовании на месте храма Иоанна Предтечи раннесредневековой базилики (Науменко, Пономарев, 2012, с. 342). Учеными высказано предположение о связи именно этого «храма 1833 г.» с храмом Святых Апостолов, упомянутым монахом Епифанием.

Среди наиболее близких аналогий описанным одноабсидным однонефным храмам Сугдеи, следует упомянуть памятники Крымского Южнобережья. За исключением крупных монастырских центров, подавляющее большинство культовых построек составляют так же одноабсидные однонефные церкви (Мыц, 1991, с. 34, рис. 14). По мнению автора, это указывает на то, что количество молящихся в них лиц было ограничено. Интересны в этом плане и синхронные Балканские храмы. Анализ одноабсидных церквей без притвора Добруджи показывает, что наиболее близка нашим сооружениям церковь № 1 поселения у с. Цар Асен (Атанасов, 1994, с. 65, табл. I, 3). Типологически близка и церковь № 2 этого же поселения (Атанасов, 1994, с. 66, табл. II, 5). Обе они датируются концом X — первой четвертью XI вв. и, вероятно, существовали одновременно. При этом отмечено, что небольшие размеры и архитектурная простота форм храма не свидетельствует о том, что они принадлежали бедным общинам. Внутреннее их убранство было довольно богатым.

Автор считает появление этих церквей в Добрудже результатом миграции населения Таврики после запустения салтовских поселений на полуострове в связи с набегами печенегов (Атанасов, 1994, с. 59-60). Появление же в Крыму подобных храмов связывается с каппадокийским малоазийским влиянием.

Наибольшую информацию о христианских культовых постройках средневизантийского периода в Таврике содержат, безусловно, материалы раскопок синхронных городских кварталов Херсонеса. Исследователями установлено, что в подавляющем большинстве это небольшие одноабсидные часовни размерами не более 6 х 3,75 м с расстоянием между плечами до 2,6 м (Рыжов, 2004, с. 161-163; Голофаст, 2009, с. 284-285). Именно такие домашние культовые сооружения, сложенные как на известковом растворе, так и на глине, были обязательной составной частью городских усадеб. Именно они и являются отличительным признаком культового строительства средневизантийского периода в Крыму. Склеп и погребения, как правило, располагались внутри храма под плитами его пола.

Характерным отличием известных пока культовых сооружений Сугдеи является то, что это не квартальные часовни, а храмы, вокруг которых располагались крупные городские некрополи. Общие черты наблюдаются только в размерах постройки и в том, что коробовый склеп (храм на участке некрополя Судак-II) находился так же под полом сооружения. В качестве квартальной церкви, предположительно и с серьезными оговорками, можно рассматривать только постройку

на участке барбакана Сугдеи. Однако в этом случае склеп, как и плитовые погребения, находились не под плитами пола, а возле нее. Правда, такие небольшие прихрамовые некрополи встречены и в материалах Херсонеса, где, однако, до конца X в. не составляют большинства (Голофаст, 2009, с. 284-285). По мнению М.В. Фомина в Херсонесе постепенное сокращение загородного некрополя и распространение погребений внутри и возле квартальных часовен приходится только на вторую половину X-XI вв. (Фомин, 2009, с. 363). По мнению А.В. Иванова, кладбища внутри периметра крепостных стен, как новый элемент исторической топографии Херсонеса, появляются на рубеже X-XI вв. (2012, с. 212). На сегодняшний день подобных внутригородских некрополей в Херсонесе известно семь. В основном некрополи появляются на месте базилик предшествующего времени, чему предшествовала либо капитальная перестройка раннего культового сооружения, либо строительство новой церкви, значительно меньшей по размерам. В это же время внутригородские кладбища, вписанные в городские кварталы, обносятся каменными оградами.

Можно ли считать объект на территории барбакана Сугдеи центром небольшого городского монастыря, сказать сложно. В настоящее время вопрос о выделении городских монастырей средневизантийского времени даже в Херсонесе, остается открытым. Критерии для этого остаются дискуссионными. Кроме того, сооружений, с которыми рассматриваемая Сугдейская часовня могла составлять комплекс, раскопками не обнаружено. Как уже отмечалось, на площади раскопанных городских кварталов Боспора квартальных храмов так же не обнаружено. В качестве приусадебного храма херсонесского квартального варианта часовен можно условно рассматривать только постройку в портовой части Сугдеи (Джанов, 1997, с. 223-226), однако она значительно меньших размеров и датируется не ранее первой половины XIII в.

3.5. Некрополи.

Единственным источником для анализа погребального обряда населения восточного Крыма в рассматриваемый период являются городские некрополи Сугдеи и Боспора. Некрополи Сугдеи, за исключением раскопок последних лет, опубликованы полностью (Майко, 2007). Однако, исходя из публикационного характера монографии, статистические выводы небыли сделаны. Безусловно, все эти некрополи нельзя рассматривать в отрыве от синхронных погребальных сооружений, обнаруженных в других частях средневековой Таврики. Кроме того, необходимо привлечение материалов некрополей второй половины X-XII вв. сопредельных территорий, прежде всего Таманского полуострова и Балкан.

Источниковая база для рассмотрения вопроса включает материалы раскопок 12 некрополей Сугдеи (Судак-I, Судак-II, Судак-IV, Судак-VI, Судак-VII, Судак-VIII, Судак-IX, Судак-X, Судак-XI, некрополи на территории барбакана, куртины XIV и цитадели) (Майко, 2007) и 4 некрополей Боспора (возле храма Иоанна Предтечи и 3 на территории городища) (Пономарев, 2004а, с. 286-292; Науменко, Пономарев, 2009, с. 315-317) (рис. 48-53,73-75). Общее документированное число погребений составляет 458 (387 Сугдея и 71 Боспор) из них плитовые могилы и склепы составляют 295 (224 могилы Сугдея и 71 Боспор), а грунтовые – соответственно 108, исследованные в Сугдее. Документированные грунтовые погребения интересующего нас времени на Боспоре, пока не выделены. Из 224 плитовых могил Сугдеи, 5 составляют склепы предшествующего времени, использованные для повторных погребений во второй половине X-XII вв. Погребальный обряд в них будет проанализирован отдельно. К сожалению, 71 плитовое захоронение Боспора, подавляющее большинство из которых, образуют могилы возле храма Иоанна Предтечи, опубликованы достаточно полно, однако все же недостаточно для их использования при статистическом анализе погребального обряда. Таким образом, в данном случае мы используем 332 могилы некрополей Сугдеи, что так же составляет достаточное для статистических выводов количество.

Погребальная практика населения восточного Крыма в рассматриваемый хронологиче-

ский период представлена пятью основными типами погребальных сооружений⁴⁰. Во-первых, это наиболее распространенные <u>плитовые захоронения</u> самой разнообразной формы (9 некрополей Сугдеи и 4 Боспора). Вариантом погребений этой группы являются погребения в плитовых могилах, камни обкладок которых установлены в вырубленную в скале могильную яму (рис. 63,64). Этот вариант представлен пока только некрополем, раскопанным на территории цитадели Сугдеи⁴¹ (рис. 53). Во-вторых, <u>грунтовые погребения</u> различной конструкции, обнаруженные на трех некрополях Сугдеи совместно с плитовыми. В-третьих, строительство <u>каменных склепов</u> разнообразной формы, которые, судя по погребальному инвентарю, возникают не ранее второй половины X в. (прихрамовый некрополь на территории барбакана Сугдеи). В-четвертых, использование для захоронений погребальных сооружений, в основном <u>склепов</u>, более раннего времени (3 некрополя Сугдеи). Пятая группа погребальных сооружений резко отличается от перечисленных выше. Это <u>грунтовые и подбойные грунтовые могилы</u> с использованием разнообразных деревянных конструкций. Обнаружены они в виде компактного скопления пока только на территории некрополя Судак-IX (рис. 70).

Предваряя характеристику погребальных сооружений и погребального обряда, необходимо отметить, что погребальный обряд населения восточного Крыма предшествующего времени, второй половины VIII – первой половины X вв. изучен достаточно полно. На сегодняшний день исследовано семь некрополей (Морское, Судак-II, VI, VII, IX, Кордон-Оба), а так же несколько разновременных могильников городища на плато Тепсень, позволяющих проследить эволюцию обряда захоронения салтовцев Крыма в направлении его христианизации. Осмысление новой традиции захоронений, как составной части византинизации, было разным, от полного принятия обряда и сооружения плитовой могилы, до частичного его воспроизведения в языческом захоронении с элементами плитового. Тем не менее, расположение и количество костяков в погребении оставалось стабильным. В подавляющем большинстве случаев это одиночные погребения. Не более 5% от общего количества погребений составляют парные захоронения, одноярусные могилы с погребением взрослого и ребенка и двух ярусные погребальные сооружения по одному костяку в каждом ярусе. Пятью экземплярами представлены могилы, где предшествующий погребенный был сдвинут к одной из стенок при совершении повторного погребения. Земляной склеп некрополя Судак-VI, как и земляной и каменный склеп некрополя Судак-IX, дошедшие до нас в сильно разрушенном виде, являлись, вероятно, коллективными долговременными городскими погребальными сооружениями. Сказанное справедливо и по отношению к первоначальным костякам каменных склепов на участке куртины XV Судакской крепости. Реконструировать обряд первоначального погребения или погребений в каменном склепе на территории некрополя Судак-II, сложно. Исключение составляют каменный склеп некрополя Судак-VI, где при совершении парного погребения были сдвинуты кости трех ранее погребенных. Однако, судя по находке в заполнении керамики второй половины Х в., не исключено, что это произошло и в более позднее время.

Сказанное в полной мере подтверждают и исследования раннесредневековых некрополей салтовского времени Керченского полуострова. Из 22 плитовых и биритуальных могильников этой части Таврики (Пономарев, 2002, с. 145; Пономарев, 2004, с. 445-451) абсолютное боль-

⁴⁰ В данной работе мы не рассматриваем погребальный обряд печенежско-торческо-половецкого населения Восточного Крыма. К сожалению, до настоящего времени полученные материалы, кроме отдельных упоимнаний в общих разделах и публикаций отдельных вещей (Айбабин 2003, с. 74-81; Айбабин 2003а, с. 278-280), небыли систематизированы и обобщены. Среди них выделить погребения второй половины X-XI вв. чрезвычайно сложно. Большинство же известных захоронений относится к половецкому времени. По картографированию половецких каменных изваяний выделены постоянные половецкие кочевья в районе Феодосии и на Керченском полуострове (Айбабин 2003а, с. 278). Эта кочевая культура, безусловна подверженная тем же влияниям, что и культура оседлого населения, все же составляла совершенно отдельный культурный феномен. Его изучение тема отдельного исследования.

⁴¹ О датировке этого некрополя второй половиной X-XII вв. свидетельствует не только погребальный инвентарь, зафиксированный при раскопках 2009 г. (Майко, Джанов, Фарбей, 2010, с. 274-277), а так же результаты исследований экспедиции ГАИМК 1928 г. В материалах отчета о раскопках этого года сохранились, к сожалению, только упоминания о том, что с внешней стороны южной стены храма на первом ярусе башни на глубине 1-1,2 м найдены многочисленные, иногда раздробленные черепа, обломки стеклянных браслетов и немного бронзы (Скржинская, 2006, с. 69).

шинство составляют одиночные захоронения. И здесь только в единичных случаях, только при нехватки места при одновременном захоронении двух покойников, одного из них могли развернуть на бок (Пономарев, 2004, рис. 8). При повторном захоронении, совершенном через определенный срок, за который мягкие ткани подвергались гниению, кости верхней части скелета предыдущего покойника и его череп, могли сдвинуть и аккуратно уложить в виде «подушки» в изголовье другого погребенного. Подобная практика зафиксирована на могильнике Эльтиген-I и Новониколаевском могильнике (Пономарев, 2004, рис. 10).

Гото-аланские некрополи юго-западного и южного Крыма демонстрируют сходные тенденции развития. Практически единственным типом погребального сооружения здесь до середины Х в. является земляной склеп, содержавший от одного до нескольких ярусов погребенных и относительно богатый погребальный инвентарь. Случаи использования грунтовой могилы единичны, обряд захоронения в плитовых могилах практически неизвестен. Редкое исключение составляют погребения Баклинского городища обнаруженные на христианском некрополе к западу от «храма 2003 г.» (Юрочкин, 2009, с. 284-285). Так в плитовом погребении 10 от первоначальных плит перекрытия сохранилась только одна в северо-восточной части погребального сооружения. Под ней располагалась ойнахойя баклинского типа, однако, необычной морфологии. Тулово сосуда шаровидное, шейка практически отсутствует, горло воронковидное высокое (Юрочкин, 2009, с. 306, рис. 9, 3). Самое главное то, что костяка в могиле не обнаружено. Учитывая то, что могила не была ограблена в древности, автор раскопок связывает этот факт с перезахоронением погребенного. В могиле 11 вместе с основным костяком обнаружен череп от предшествующего погребенного или, возможно, более позднего погребения. В любом случае перед нами один из наиболее ранних примеров проникновения совершенно нового погребального обряда, который на протяжении второй половины X-XI вв. становится господствующим в средневековой Таврике, в том числе и в восточной его части (рис. 78).

Вернемся к характеристике основных типов погребальных сооружений и погребального обряда населения восточного Крыма второй половины X-XII вв.

Плитовые погребения, являющиеся «визитной» карточкой погребального обряда населения средневековой Таврики, составляют подавляющее большинство и у населения восточного Крыма в рассматриваемый хронологический период. Как уже указывалось, плитовые погребения интересующего нас времени обнаружены на территории 9 некрополей Сугдеи и 4 некрополей Боспора. Для статистических же выводов и сравнительного анализа с плитовыми захоронениями салтово-маяцкого и позднесредневекового времени воспользуемся материалами наиболее изученных некрополей Судак I, II и VII. Рассмотрим конструкцию погребального сооружения, охарактеризуем расположение костяков в могиле и попытаемся выделить хронологические типы плитовых могил.

Предваряя анализ плитовых могил, отметим несколько необходимых историографических вводных замечаний. В вопросе о времени и причинах появления плитовых могил в Таврике существует несколько точек зрения. Более подробно эта дискуссия рассмотрена в работах И.А. Баранова (1990, с. 106-109) и А.И. Айбабина (1993, с. 128-130). В русле концепции М.А. Фронджуло, подобный обряд погребения был унаследован местным населением от позднеантичного Боспора (Фронджуло, 1974, с. 150). Такого же мнения придерживается и О.А. Махнева (Махнева, 1968, с. 166-168). И.А. Баранов считал главной причиной появления в Крыму плитовых могил иконопочитательскую эмиграцию малоазийских греков в середине VIII в. Появление плитовых могил на Боспоре он относил к VII в., а в материалах южнобережных памятников — не ранее середины VIII в. (Баранов, 1974, с. 151-161; Баранов, 1990, с. 108). Наиболее обоснованная точка зрения была высказана А.В. Гадло и А.И. Айбабиным и поддержана другими исследователями. Они считают, что причиной появления в Крыму плитовых могил с середины VI в. явилось с одной стороны — проникновение греческого населения после включения Таврики в состав Византийской империи, с другой — естественная христианизация местного населения (Гадло, 1969, с. 10-14; Айбабин, 1990, с. 69; 1993, с. 121-134; Белый, Белый, Лобода, 1993, с. 160-174; Герцен, Могаричев, 1992, с. 182-183). А.И. Айбабин обоснованно считает, что появление плитовых могил на Боспоре следует относить к середине VI в., а на южнобережье — ко второй половине VII в. (1993, с. 129). Совершенно очевидно, что их использовали представители всех этнических групп.

Попытки создания морфологической типологии плитовых могил, предпринятые как отечественными, так и зарубежными исследователями (Махнева, 1968, с. 165-167; Jelovina, 1976,

р. 180-181; D'Andria, 1978, р. 157-180; Jelovina, 1980, р. 177-181; Preda, 1980; Wiseman, 1967, р. 402-428; Янков, 1994, с. 125-126; Дончева-Петкова, 1993, с. 134-137; Чхаидзе, 2006, с. 65), не позволяют в настоящее время выделить устойчивых ни морфологических, ни хронологических типов. Проникнув на территорию полуострова в уже сформировавшемся виде, обряд погребения в плитовых могилах оставался практически неизменным на протяжении всей эпохи средневековья. Единственным путем хронологического членения этого типа погребальных сооружений остается корреляция характера погребального сооружения и погребального инвентаря. Усложняется данное обстоятельство и тем, что последний, крайне малочисленен и в большинстве случаев имеет широкие хронологические рамки бытования. К тому же, совершенно очевидно, что морфологически разные плитовые захоронения могли сосуществовать в один хронологический промежуток времени. Необходимо, естественно, учитывать и косвенные данные: характер взаим ного расположения могил (перекрытие, пристройки, вторичное использование и т.п.) и месторасположение на территории могильника.

Вернемся к анализу плитовых погребений населения восточного Крыма второй половины X-XII вв. <u>Конструктивно</u> плитовые погребения можно разделить на три типа и несколько вариантов. Критериями типологии выступают, во-первых, форма каменного ящика, во-вторых, материал, использованный для его сооружения, в-третьих, наличие или отсутствие известкового раствора.

Тип I - прямоугольные плитовые захоронения, сложенные из обработанных блоков песчаника на известковом растворе (рис. 55). Почти все погребения одноярусные или двухъярусные, встречаются и парные захоронения. Следов повторного проникновения с нарушением анатомического порядка костяков не фиксируется (18 могил, некрополь Судак-II). Вариант I,2 — парные могилы, сооруженные в аналогичной технике (2 могилы, некрополь Судак-II).

Тип II - прямоугольные плитовые захоронения, сложенные из обработанных блоков песчаника на известковом растворе. Каменные блоки обкладки ящика устанавливались в предварительно вырубленную в скальной породе глубокую яму. Среди этих погребений одиночных могил не встречено. Фиксируются исключительно костницы и могилы со следами повторного проникновения с нарушением анатомического порядка костяков (7 могил, некрополь на территории цитадели Сугдеи).

Тип III - плитовые захоронения подпрямоугольной формы, несколько сужающиеся к ногам. Восточная короткая и длинные стенки чаще всего сложены из поставленных на ребро крупных монолитных плит сланца. Западная же короткая стенка, сложенная из пиленых блоков песчаника, поставленных вертикально, представляет собой полукружие различной конструкции, в связи с чем, можно выделить пять вариантов (Майко, Фарбей, 1997, с. 101-103). Вариант 1 — в изголовье расположены от 3 до 6 блоков песчаника (9 могил некрополь Судак-II). Вариант 2 — аналогичные блоки образуют и начало длинных стенок (3 могиля некрополь Судак-II). Вариант 3 — западной стенкой могилы является пиленый блок (редко 2) песчаника, имеющий овальное углубление с внутренней стороны (11 могил некрополи Судак-I, II, VII, XI). Вариант 4 — обе короткие стенки могилы сложены в виде полукруга (2 могилы некрополь Судак-II). Вариант 5 — склепы по конструкции аналогичные могилам варианта 1. Полукружие составляют блоки песчаника в пять рядов (3 могилы, некрополь Судак-II). Обряд погребения разнообразный с преобладанием одиночных одноярусных погребений.

Тип IV - трапециевидные из блоков песчаника в т.ч. на известковом растворе, иногда доложены стенки, в одном случае в обкладке — черепица — (12 могил, некрополи Судак-I, II). Единичными экземплярами представлены трапециевидная широкая из блоков песчаника, поставленных на ребро, перекрытая деревом могила, предназначенная для троих погребенных (м. 221, некрополь Судак-II) и трапециевидная широкая могила, сооруженная из массивных плит (м. 253, некрополь Судак-II). Обряд погребения разнообразен.

Тип V – прямоугольные из плит (34 могилы) или блоков (21 могил) сланца (встречены на всех некрополях). Стенки в некоторых случаях доложены для совершения последующих погребений. Обряд погребения разнообразен. Вариант V,2 – аналогичные могилы, сложенные из блоков песчаника с деревянным перекрытием – (3 могилы, некрополь Судак-II).

Тип VI – ладьевидные или овальные могилы, сложенные из блоков песчаника в т.ч. на известковом растворе и оштукатуренные, стенки иногда доложены для последующих погребений

(14 могил, некрополь Судак-II). Вариант VI, 2 -сырцовая могила ладьевидной формы, перекрытая деревом (м. 243, некрополь Судак-II).

Тип VII — склепы. Вариант 1 — прямоугольные склепы на известковом растворе в том числе, сложенные с использованием элементов кладки «в елку» (6 могил, некрополи Судак-II, VII). Вариант 2 — склеп в виде парной могилы с полуокружиями на известковом растворе в т.ч. с крестами в нишах камня изголовья (2 могилы некрополь Судак II, некрополи 1-4 Боспора).

<u>Характер</u> расположения костяков в могиле позволяет выделить следующие основные варианты погребального обряда в плитовых могилах. При этом никакой зависимости между конструкцией погребального сооружения и погребальным обрядом не прослеживается. Исключение составляют только каменные склепы, о которых речь будет идти ниже. Главным критерием для выделения типов погребального обряда послужил факт повторного проникновения в могилу. Представленные варианты основаны на характере повторного проникновения.

Тип I – могилы без следов повторного проникновения (рис. 78).

Вариант I_1 – одиночные погребения взрослых людей (89 могил) – 51,15% от общего количества плитовых могил. Вариант I_2 – парное единовременное погребение взрослого и ребенка, реже двух взрослых или двух детей (5 могил) – 2,87%. Вариант I_3 – представлен единственным единовременным погребением трех взрослых, для захоронения которых была сооружена не типичная широкая плитовая могила (1 могила) – 0,57%.

Тип II – могилы со следами повторного проникновения без нарушения анатомического порядка предшествующих погребений (рис. 78).

Вариант II_{1a} – двухъярусное захоронение по одному костяку в каждом ярусе (21 могила) – 12,07 %. Вариант II_{16} – трехъярусное захоронение по одному костяку в каждом ярусе (4 могилы) – 2,28%. Вариант II_{18} – многоярусные захоронения, в которых прослежено от 4 до 6 ярусов погребенных по одному костяку в каждом ярусе (3 могилы) – 1,71%.

Вариант II_{2a} — двухъярусные погребения по 2 костяка в каждом ярусе (1 могила) — 0,57%. Вариант II_{26} — двухъярусные погребения. В верхнем ярусе парное погребение взрослых или взрослого и ребенка, в нижнем — один костяк взрослого или, в единичном случае взрослого с двумя детьми (4 могилы) — 2,28%.

Тип III – могилы со следами повторного проникновения с частичным нарушением анатомического порядка погребений (рис. 79).

Вариант III_1 – одноярусные погребения, включающие два костяка. Один из них находится в анатомическом порядке, другой – сдвинут вправо или влево от основного погребения с частичным соблюдением анатомического порядка (7 могил) – 4,02%. Вариант III_2 – двухъярусное погребение, где верхний ярус образует парное погребение взрослого и ребенка, а нижний – сдвинутый к длинной стенке могилы костяк с частичным соблюдением анатомического порядка (1 могила) – 0,57%.

Тип IV – могилы со следами повторного проникновения с нарушением анатомического порядка погребений (рис. 79).

Вариант IV_1 — добавление частично перемешанных костей от более ранних погребений к основному погребению в анатомическом порядке. Постепенное превращение погребения в костницу. Вариант IV_{1a} — одноярусные погребения, где вокруг основного костяка, находящегося в анатомическом порядке, зафиксированы отдельные хаотически разбросанные кости от 2-5 более ранних погребений (2 могилы) — 1,15%. Вариант IV_{16} — двухъярусное погребение, где верхний ярус составляют перемешанные кости, вероятно, от 3 детских костяков, а нижний — первоначальное одиночного захоронение взрослого (1 могила) — 0,57%.

Вариант IV_2 — добавление костяка в анатомическом порядке к частично перемешанным костям. Использование костницы в качестве погребального сооружения. Вариант IV_{2a} — одноярусное погребение, представляющее собой костяк в анатомическом порядке, к востоку от него скопление разрозненных костей. При этом размеры погребальной камеры значительно больше основного погребения подростка (1 могила) — 0,57%. Вариант IV_{26} — двухъярусное погребение, где верхний ярус составляет костяк в анатомическом порядке, а нижний — скопление частично перемешанных костей от 2-4 погребенных (4 могилы) — 2,28%. Вариант IV_{26} — двухъярусное погребение, где верхний ярус составляет единовременное парное погребение, а второй — скопление разрозненных костей от 3-4 погребений (1 могила) — 0,57%. Вариант IV_{26} — трехъярусное погребе-

ние, где два верхних яруса образуют одиночные погребения в анатомическом порядке, а нижний – скопление разрозненных костей в западной части могилы (1 могила) – 0,57%.

Вариант IV_{3a} – одноярусные погребения, где вокруг черепа основного погребения расположены от 2 до 4 черепов от более ранних погребений. Иногда черепа расположены и в области ног основного погребенного (7 могил) – 4,02%. Вариант IV_{36} – двухъярусное погребение, где верхний ярус составляет костяк в анатомическом порядке, а нижний – костяк в анатомическом порядке, возле черепа которого расположены 5 черепов от предшествующих погребений (1 могила, некрополь Судак-II) – 0,57%. Вариант IV_{3B} – трехъярусные погребения, где верхний ярус составляет костяк в анатомическом порядке с 2 черепами от более ранних погребений, а два нижних – одиночные погребения в анатомическом порядке (1 могила, некрополь Судак-II). К этому варианту относится и 1 могила некрополя Судак-IV. Нижний ее ярус составляет одиночное погребение. Второй – парное, один костяк сдвинут возле черепа основного погребения – 5 черепов от последующих или предыдущих. Третий – одиночное погребение— 1,14 %.

Тип V – костницы.

Вариант V_1 – одноярусные погребения с разрозненными костями с частичным соблюдением анатомического порядка от 3-5 погребенных (5 могил) – 2,85%. Вариант V_2 – скопление перемешанных разрозненных костей, иногда с частичным соблюдением анатомического порядка. Выделение ярусов затруднительно (6 могил) – 3,42%. Вариант V_3 – четырехъярусное погребение, где первоначальный ярус образует одиночное погребение в деревянном гробу, последующие два яруса – одиночные погребения в анатомическом порядке. Последний ярус – разрозненные кости от 10-11 погребенных (1 могила) – 0,57%. Вариант V_4 – отдельные мелкие разрозненные кости. «Очищенные» могилы для последующих захоронений (4 могилы) – 2,28%.

Подводя итоги статистическому анализу обряда погребения можно сделать однозначный вывод о том, что со второй половины X в. наблюдается значительное разнообразие вариантов повторного проникновения в могилу с частичным или полным нарушением анатомического порядка погребенных. Если до середины X в. подобный обряд практически был неизвестен, то со второй половины этого столетия он становится общепринятым не только для населения восточного Крыма, но и для всех регионов средневековой Таврики.

Выделение хронологических типов плитовых могил достаточно условно. Тем не менее, анализ погребального сооружения, его месторасположения на некрополе и, естественно, погребальный инвентарь, позволяет четко выделить один из самых ранних типов могил второй половины X — первой четверти XI вв. Прежде всего, это прямоугольные плитовые захоронения типа I и II (рис. 55). На территории некрополя Судак-II они образуют в некоторых местах порядовку. Сюда же следует отнести и все погребения расположенные на площади пристройки к храму этого некрополя. Важно напомнить, что парные погребения, аналогичные могиле 218-219 могильника Судак-ІІ, известны и на Балканах, где, согласно погребальному инвентарю, датируются до середины X в. (Jelovina, 1980, T. CX). К ранней группе относятся могилы 8, склеп, перекрытый плитовыми и грунтовыми могилами, могилы 15, 91, 93, 138, 141, 160, 174, 253 некрополя Судак-ІІ. Критериями для ранней датировки является, во-первых, перекрытие могилой 58 некрополя Судак-ІІ очага салтово-маяцкого времени; во-вторых, наличие отдельных вещей характерных для салтово-маяцких погребений восточного Крыма: крупных глазчатых бус (м. 253), ворварки, бронзового браслета с расширяющимися концами, бубенчика (мм. 91, 141, 160); в-третьих, преобладание в ожерельях "рельефных" глазчатых бус, датируемых в рамках второй половины X — первой четверти XI вв. (ожерелья первой хронологической группы); в-четвертых, перекрытие или перестройка могил плитовыми могилами более позднего времени. В частности, перекрытие и перестройка могилы 8 захоронениями, датируемыми не ранее середины XI в. и перекрытие плитовой могилы 24 погребением 16 в заполнении которого, были обнаружены стеклянные браслеты.

Достаточно четко выделяется следующий хронологический тип погребений, наиболее многочисленный (рис. 56-59). Основанием для этого служит и конструкция погребального сооружения и многочисленный погребальный инвентарь. Это могилы типа III и VI. Безусловно, им синхронна и часть погребений типов IV и V, а так же некоторые склепы типа VII. Последние, однако, имеют широкие хронологические рамки бытования.

Критериями для выделения этого хронологического типа служат: во-первых, присутствие в захоронениях стеклянных браслетов; во-вторых, присутствие крупных бронзовых бубенчиков

с крестообразной щелью, в-третьих, находки предметов киевского производства, в-четвертых, находки парных сережек с уплощенными концами и биконической пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок; в-пятых, наличие ожерелий второй хронологической группы, основу которых, составляют мелкие подтреугольные и уплощенные бусины бордового стекла с тремя выпуклыми глазками или "клетчатые" бусы. Все перечисленные находки, которые, конечно, с трудом можно считать хронологическими реперами, существуют в рамках второй половины XI — первой половины XII вв. Вероятно, этим временем следует датировать и данную хронологическую группу погребений. Отметим, что среди нее, безинвентарных погребений почти нет. Интересно отметить, что использование элементов кладки «в елку», как, например, в склепе типа VII, отмечено и в гробнице 5 прихрамового некрополя крестообразного храма Мангупа, датирующейся в рамках второй половины Х в. (Мыц, 1990, с. 239, рис. 11, 5,6). Рассматривая аналогии этой хронологической группы некрополя необходимо упомянуть ранний горизонт плитовых захоронений некрополя у церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Макарова, 2003, с. 71-72) и погребения Беловежского некрополя (Артамонова, 1963, с. 9-215). Все они датируются концом X — началом XII вв. Более дробное хронологическое членение захоронений внутри этой группы — дело будущего.

Среди выделенных плитовых погребений некрополя Судак-II уникальной пока для Сугдеи остается могила 227 (рис. 62, *1*). Камень обкладки северной стенки захоронения в изголовье содержал прочерченное изображение миноры (семи свечника) и тюркской тамги. Эта плита неоднократно становилась предметом публикаций. Последний раз она упомянута в монографии М.Б. Кизилова. Однако автор ошибочно говорит о двух плитах с семисвечником из Судака, на самом деле речь идет об одной и той же плите (Кизилов 2011, с. 43).

Типологически близкие могиле 227 «с минорой» погребения раскопаны А.Е. Люценко в 1867 г. в Керчи (КБН, 1965, N745, 746, 777) и на Фанагорийском городище (Люценко, 1880, с. 573-580). На последнем некрополе обнаружено более 50 надгробий с семисвечниками, четыре из которых имели надписи на древнем иврите, а 26 - тамгообразные знаки на оборотной стороне плит. В.В. Григорьев и В.Г. Тизенгаузен, а следом за ними М.И. Артамонов и И.А. Баранов, атрибутировали знаки на Таманских надгробьях как тюркские родовые тамги, и на этом основании связали надгробья с минорой и тамгами с хазарами, принявшими иудаизм. Кроме Керчи и Фанагории, аналогичные надгробья известны на Мангупе, Алустоне, Партенитах, в Херсонесе. Существует и противоположная точка зрения, высказанная в монографии М.Б. Кизилова. Исследователь считает, что плиты с иудейской символикой связаны исключительно с этническими евреями, а не хазарами, даже те, которые датируются VIII-IX вв. Тамги на плитах, по мнению автора, так же не обязательно принадлежат хазарам, и типичны для многих народов (Кизилов, 2011, с. 47).

В этой связи необходимо упомянуть еще одну уникальную для Сугдеи плитовую могилу. Это пока единственное погребение, образующее некрополь Судак-IV. Могила ориентирована по оси северо-запад — юго-восток с небольшим сезонным отклонением в сторону севера и юга (Фронджуло, 1968, с. 13) (рис. 62, 2). С внутренней стороны сланцевой плиты, являющейся западной длинной стенкой захоронения, квадратным письмом прочерчено слово на иврите К сожалению, это слово практически не поддается переводу, т.к. написано человеком, не знавшим грамматику иврита, и не исключено, что вверх ногами. Такая ситуация может быть характерна для тюрок (хазар), принявших иудаизм. Однако аналогии подобным надписям в Крыму мне неизвестны.

Описывая крайне незначительные иудейские элементы в материальной культуре жителей восточного Крыма, необходимо упомянуть фрагмент прямоугольного сланцевого изделия со скошенной гранью. На верхней стороне тонкой линией процарапана звезда Давида и тюркская тамга (рис. 62, 3). Обнаружен он на участке куртины XV Судакской крепости в слое X-XI вв. На нижней стороне имеется неровный паз. Как уже указывалось, объяснить назначение подобного изделия в настоящее время трудно.

Грунтовые погребения. Для статистических выводов и сравнительного анализа с грунтовыми захоронениями салтово-маяцкого и позднесредневекового времени так же использованы материалы наиболее изученных некрополей Судак I, II и VII. По предложенной схеме, рассмотрим конструкцию погребального сооружения, охарактеризуем расположение костяков в могиле и попытаемся выделить хронологические типы грунтовых могил (рис. 82,83).

По <u>конструкции</u> погребального сооружения грунтовые могилы можно разделить на следующие основные типы и варианты по мере усложнения самой конструкции могилы (рис. 82.83).

Тип I – грунтовые. Вариант 1 - одноярусные одиночные могилы, составляющие подавляющее большинство (некрополи Судак I, II, VII). Своеобразным, крайне немногочисленным вариантом 2 являются аналогичные захоронения, совершенные на покровных плитах плитовых могил. Вариант 3 – аналогичные двухъярусные могилы по 1 костяку в каждом ярусе.

Тип II – грунтовые, перекрытые поперечными деревянными плахами. Вариант 1 – наиболее многочисленный в данной группе, одноярусные одиночные погребения. Аналогичный вариант 2 составляют захоронения совершенные на покровных плитах плитовой могилы. Вариант 3 – грунтовые, перекрытые деревом двухъярусные и трехъярусные.

Тип III – грунтовые, перекрытые деревянными плахами и каменными плитами. Тип IV – грунтовые, перекрытые каменными плитами. Тип V – грунтовые, частично обложенные камнем. Вариант 1 – одноярусные одиночные. Вариант 2 – аналогичное погребение, совершенно на покровных плитах плитовой могилы. Вариант 3 – двухъярусные по 1 костяку в каждом. Тип VI – грунтовые, частично обложенные камнем и перекрытые деревом, одноярусные одиночные и парные.

Обряд погребения в грунтовых могилах достаточно стабильный. В основном это одиночные одноярусные погребения. Однако и тут наблюдается та же тенденция, характерная и для плитовых могил. Значительно в меньшем количестве, но фиксируется повторное проникновение в могилу с частичным и полным нарушением анатомического порядка погребенных (рис. 82,83).

Тип I – могилы без следов повторного проникновения, составляющие подавляющее большинство

Тип II — могилы о следами повторного проникновения без нарушения анатомического порядка предшествующих погребений, представлены тремя вариантами. Вариант II_{1a} — двухъярусное захоронение по одному костяку в каждом ярусе. Вариант II_{16} — трехъярусное захоронение по одному костяку в каждом ярусе. Вариант II_{26} — двухъярусные погребения. В верхнем ярусе парное погребение взрослых или взрослого и ребенка, в нижнем — один костяк взрослого.

Остальные типы погребального обряда, зафиксированные при анализе плитовых могил, в грунтовых встречаются в единичных случаях.

Тип III — могилы со следами повторного проникновения с частичным нарушением анатомического порядка предшествующих погребений. Представлены вариантом III_1 — одноярусные погребения, включающие два костяка. Один из них находится в анатомическом порядке, другой — сдвинут вправо или влево от основного погребения с частичным соблюдением анатомического порядка.

Тип IV — могилы со следами повторного проникновения с нарушением анатомического порядка предшествующих погребений представлены тремя вариантами. Вариант IV $_1$ — добавление частично перемешанных костей от более ранних погребений к основному погребению в анатомическом порядке. Постепенное превращение погребения в костницу. Вариант IV $_{3a}$ — одноярусные погребения, где вокруг черепа основного погребения расположены от 2 до 4 черепов от более ранних погребений. Иногда черепа расположены и в области ног основного погребенного. Вариант IV $_{3a}$ — трехъярусные погребения, где верхний ярус составляет костяк в анатомическом порядке с 2 черепами от более ранних погребений, а два нижних — одиночные погребения в анатомическом порядке.

Каменные склепы. Единственный каменный склеп, содержавший погребальный инвентарь второй половины X-XI вв., был пока исследован в Сугдее при раскопках прихрамового некрополя на территории барбакана (рис. 65).

Материалы раскопок склепа частично опубликованы (Баранов, 1991, с. 103-106). Склеп представлял собой каменное сооружение прямоугольной формы ориентированное по оси югозапад — северо-восток с входом с южной стороны. Пол склепа земляной, высота до основания свода 1 м, о чем позволяют судить два рядка камней его основания в западной стене. От восточной стены сохранился один ряд кладки, северная — разрушена до основания. Лучше всего сохранилась южная стена, в которой находился вход с дромосом. У входа в склеп была положена плита длиной 0,63 и шириной 0,15 м. В привходовой части уровень пола находился на 0, 2 м ниже уровня современной ему дневной поверхности.

Склеп был поврежден при проведении ремонтных работ в послевоенное время. В это время был проломлен свод и, вероятно, снесена северо-восточная часть сооружения. К тому же, верхний ряд костяков, состоявший не менее чем из пяти погребенных, был потревожен при проведении архитектурных зондажей стен барбакана в послевоенное время. Несколько лучше сохранились костяки второго нижнего яруса. Верхняя часть погребенных сохранилась в анатомическом порядке, кости ног всех погребенных — разрушены и фрагментированы. Три костяка нижнего яруса лежали на подсыпке из мелкой гальки, толщиной до 0,05 м, на спине, головой на запад в вытянутом положении. Данный склеп конструктивно находит аналогии среди погребальных сооружении более раннего времени открытых на участке куртины XIV и на площади некрополей Судак-II и Судак-IX. И.А. Барановым приведены многочисленные аналогии данному типу погребальных сооружений и высказана мысль о том, что данный тип является церковным склепом-криптой (1991, с. 106). Отсутствие материалов более раннего времени позволяет с уверенностью отнести время его возведения ко второй половине X-XI вв.

Использование погребальных сооружений более раннего времени. Четвертый вариант погребальной практики населения восточного Крыма, наиболее ярко зафиксированный в Сугдее, представлен активным использованием погребальных сооружений более раннего времени. Речь идет о повторных погребениях в каменных склепах VIII – первой половины X вв.

Прежде всего, необходимо упомянуть о подобных захоронения в склепах на участке куртины XIV Судакской крепости (рис. 66).

Материалы раскопок склепов неоднократно публиковались. Однако только в работе В.И. Баранова рассмотрены захоронения позднего горизонта (2003, с. 4–17). Погребения более позднего горизонта, перекрывавшие первоначальные, были обнаружены в склепах 2-4. Погребения верхнего горизонта склепа № 2 были отделены от нижнего горизонта прослойкой гумусированного грунта. Костяки верхнего яруса оказались сильно потревожены при строительстве на месте склепа мастерской XIII-XIV вв. При зачистке они представляли собой беспорядочное скопление костей концентрировавшихся возле южной и западной стенки погребальной камеры. Анатомического порядка в расположении костей не прослежено.

Наиболее информативными оказались поздние захоронения склепа № 3. Все они ориентированы на запад. Костяки уложены с понижением к югу, т.е. максимальное количество погребенных было в привходовой части, наиболее пострадавшей от грабителей. Лучше всего сохранились погребения у южной стены. Исходя из стратиграфической ситуации, костяки верхнего горизонта были разделены автором исследований на два яруса. Анатомического порядка не прослежено, однако практически все черепа находились возле западной стенки, а кости нижних конечностей — соответственно возле восточной. Без привязки к конкретным костякам в описанных двух ярусах захороненных обнаружен многочисленный погребальный инвентарь, который можно датировать в рамках второй половины X-XI вв.

Синхронные погребения были обнаружены и внутри склепа № 4. Погребения верхнего горизонта ориентированы головой на запад. Они повреждены при ограблении склепа в XIII в. и детали погребального обряда прослеживаются плохо. Из 13 погребений верхнего яруса анатомический порядок прослеживается лишь у 4 костяков, находившихся в привходовой части погребальной камеры. В северо-западном углу погребальной камеры рядом с отдельно лежащим черепом обнаружен хорошо сохранившийся двусторонний деревянный гребень. Других находок в погребениях верхнего горизонта не обнаружено. Однако здесь отмечен ранее неизвестный погребальный обряд. И здесь, как и в заполнении склепа 2 между костяками верхнего и нижнего горизонта зафиксирована стерильная прослойка тонко отмученного черного гумусированного грунта. Как отмечает в отчете И.А. Баранов (1989, с. 7) у восточной стены склепа в 1.2 м от входа на ногах погребенных было устроено кострище, диаметром около 1.0 м в котором сжигалось какое-то маслосодержащее вещество, сохранившее свой запах к моменту зачистки. К сожалению, фотографии кострища и его месторасположение в камере склепа в отчете и доступной мне полевой документации исследователя не имеется.

Верхняя хронологическая граница функционирования склепов устанавливается на основании находки в верхнем горизонте склепа № 3 медной джучидской монеты 1280 г. Т.е. обнаружение склепов относится ко времени строительства на их месте мастерских. И.А. Баранов справедливо полагал, что к этому времени сведения о существовании здесь погребальных объектов уже не были известны. Таким образом, позже начала XIII в. склепы не использовались.

Таким образом, вероятнее всего, межу первоначальными погребениями в склепах и захоронениями верхних горизонтов существует определенный временной интервал. Среди немногочисленного погребального инвентаря костяков нижнего горизонта, вещей, существующих со второй половины IX - первой половины X вв. почти нет. Вероятно, с середины IX в., а, может быть, и раньше, склепы не использовались. Второй период их функционирования приходится на вторую половину X - XI, возможно начало XII в., что было связано со значительными изменениями, происшедшими в истории Сугдеи и всего восточного Крыма.

Достаточно информативные материалы были получены и при исследовании каменного склепа второй половины IX – первой половины X вв. на территории некрополя Судак-II (рис. 67).

Этот уникальный в своем роде для Сугдеи памятник неоднократно упоминался в литературе. По мнению И.А. Баранова, склеп был связан с погребением известного по письменным источникам хазарского тархана Юрия, крещенного Св. Стефаном Сурожским (Баранов, 1994, с. 28). Основанием для этого послужило то, что элементы конструкции склепа, и, прежде всего, дромос, схожи с салтовскими склепами, исследованными на участке куртины XIV Судакской крепости. Противоположную точку зрения высказал в последнее время С.Б. Сорочан. По мнению исследователя, отрицающего существование в Крыму праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры, склеп І типичный провинциально-византийский ромейский мартирий (Сорочан, 2004, с. 138; 2005а, с. 434, рис. 122). Без данных антропологического анализа первоначального погребения, и та, и другая точка зрения будут не более чем гипотезами. К сожалению антропологически С.И. Круц изучались только черепа раннего горизонта погребений в склепах на участке куртины XIV Судакской крепости. До сегодняшнего дня, кроме тезисного упоминания, (Круц, 1991, с. 68) материалы неопубликованы. Так или иначе, перед нами погребальное сооружение характерное для населения, оставившего материальную культуру юго-восточного, восточного, юго-западного и северо-западного Крыма VIII — первой половины X вв. Несомненна и знатность погребенного. Это подчеркивает тот факт, что над склепом, сразу после его сооружения был возведен христианский храм, в пристройке к которому использованы элементы кладки "в елку". Согласно данным погребального инвентаря склеп возникает в период второй половины IX — первой половины Х вв. Для нас представляют наибольший интерес более поздние захоронения второй половины X-XI вв. Обратимся к их анализу подробнее.

Погребальный обряд, ввиду плохой сохранности костяков восстановить сложно. Первый ярус составляли два костяка расположенные вдоль северной и южной стенок погребального сооружения. Глубина их от уровня верхней точки свода склепа составляла 90-92 см. Под погребенными зафиксированы остатки подстилки, возможно, рогожи. Под ними зачищены остатки шести и семи погребенных. Кости перемешаны. Второй ярус составляли совершенно перемешанные группы костяков с частичным соблюдением анатомического порядка располагавшиеся вдоль южной и северной стенок погребального сооружения. На глубине 1.35 м от верхней точки свода в этом ярусе зачищены остатки и деревянного гроба от захоронения. Первоначальный ярус, судя по полевой документации, составляло расположенное в центре основное погребение, ориентированное, как и сам склеп, по оси запад-восток. С.Б. Сорочан, не исключает, что это погребение, может быть и наиболее поздним, при совершении которого, предшествующие костяки были сдвинуты в стороны (Сорочан, 2004, с. 138), но этому, к сожалению, противоречат данные стратиграфии заполнения склепа. Костяк вытянут, руки сложены параллельно на поясе. Справа и слева обнаружено большое количество перемешанных костей (рис. 68). Черепа, а их по подсчетам автора раскопок было около 80 (Фронджуло, 1974, с. 149), концентрировались в восточной части. Вероятно, склеп функционировал длительное время, во всяком случае, до середины XII в. Погребальный инвентарь немногочисленен, но характерен для средины – второй половины X-XI вв.

Вероятно населением Сугдеи второй половины X-XI вв. использовался и каменный склеп обнаруженный на территории некрополя Судак-VI. Напомню, что открытый здесь каменный склеп прямоугольной формы был сложен из камней песчаника на известковом растворе в три рядка кладки (рис. 69). Внутренняя поверхность стенок была оштукатурена. В верхней части заполнения склепа было обнаружено более позднее грунтовое погребение (могила 66), ориентированное головой на восток. Череп погребенного не сохранился. Под этим погребением, в восточной части погребального сооружения зафиксированы следы деревянных балок от возможного перекрытия и каких-то деревянных конструкций. По всей площади заполнение объекта на этом уровне содержало многочисленные фрагменты черепицы-керамиды и каллиптеров.

Вероятно, это остатки двускатной черепичной крыши, обрушившейся или намеренно разбитой для совершения более поздних погребений. В этом же слое был зафиксирован костяк, ориентированный головой на запад. От него сохранились только отдельные сильно перемешанные кости. Среди них обнаружены фрагменты двух железных ножей, три бронзовые пуговицыподвески и разогнутое бронзовое кольцо. В этом же слое заполнения зафиксированы фрагменты высокогорлых кувшинов, кухонного сосуда, ойнахойи с двумя ручками, отходящими от края венчика, верхняя часть белоглиняной поливной тарелки группы GWW-II (рис. 69, 4) и фрагменты кухонных сосудов второй половины X в. (рис. 69, 3). К сожалению, проследить наиболее поздние погребения оказалось сложным ввиду уничтожения при проведении современных строительных работ верхних горизонтов заполнения склепа.

Таким образом, совершенно очевидно, что жители Сугдеи второй половины X-XII вв. хорошо знали месторасположение некрополей предшествующего времени. Практически все исследованные капитальные погребальные сооружения VIII — первой половины X вв. использовались и в последующее время.

Итак, мы рассмотрели четыре варианта христианской погребальной практики населения восточного Крыма в рассматриваемый хронологический период. Однако, без детального антропологического анализа, к сожалению, до сегодняшнего дня не произведенного, делать на этом основании какие-либо этнические выводы сложно.

Погребения в подбойных грунтовых могилах. Этот вариант погребений резко отличается от описанных выше христианских и впервые зафиксирован на некрополе Судак-IX, который расположен к юго-западу от гостиницы Горизонт на месте автостоянки. Прежде чем перейти к характеристике этой погребальной практики, необходимо несколько вводных замечаний.

Могильник был обнаружен М.А. Фронджуло в 1965 г. В 1976 г. им исследован сильно разрушенный строительными работами каменный склеп с коробовым перекрытием VIII — первой половины X вв. В 1978 г. исследование могильника продолжил А.И. Айбабин (Айбабин, Долгополова, 1979, с. 287-288). Им зафиксировано на трех раскопах около 100 грунтовых и плитовых могил. Часть погребений была потревожена современными строительными работами, что позволяло в большинстве случаев фиксировать только форму могильной ямы и в некоторых случаях ее перекрытие. В 2007-2008 гг. значительная часть некрополя (87 могил) исследована Судакской экспедицией под руководством автора (рис. 70). А.И. Айбабин датирует могильник концом XIII — первой половиной XIV вв. и, исходя из присутствия подбойных погребальных сооружений, связывает со смешанным печенежско-половецким населением, находившимся под властью Золотой Орды (2003, с. 81).

Необходимо сразу подчеркнуть, что некрополь занимает большую площадь и является долговременным и неоднородным. Первоначальные погребальные сооружения (земляной и каменный склепы, плитовая могила) относятся к периоду VIII — первой половины X вв. Выделяется большая группа захоронений первой половины XIII — первой половины XIV вв. связываемая с оседавшими в городе половцами, спасавшимися от монгольского нашествия и постепенно принимавшими христианство. Наиболее многочисленна группа поздних погребений разнообразных по конструкции погребального сооружения, датирующихся в рамках середины XIV-XV вв.

Предложенное хронологическое членение некрополя затруднено крайней малочисленностью погребального инвентаря. Обнаруженные же артефакты в большинстве случаев имеют широкие хронологические рамки бытования. Тем не менее, хронологические реперы есть. Наиболее ясная картина с первой и последней хронологической группами. Первая датируются погребальным инвентарем, типичным для VIII – первой половины X вв.

Для датировки последней наиболее многочисленной группы важно то, что практически все могилы на участке раскопа 2007 г. впущены в слой, содержавший материал середины XIV в. связанный с остатками тандыра и двумя хозяйственными ямами. В заполнении хозяйственной ямы 1 обнаружен клад из 13 монет 40-х гг. XIV в. Кроме того, на площади раскопа 1 А.И. Айбабина 1978 г., который находится ближе всего к раскопу 1, были обнаружены захоронения с монетами первой четверти XV в. Не противоречит дате и малочисленный погребальный инвентарь.

Нас интересуют, прежде всего, погребения второй хронологической группы, концентрирующиеся в юго-западной части некрополя (рис. 71). Оснований для их датировки, к сожалению, меньше всего. Погребальный инвентарь представлен бронзовым и железным перстнями и бронзовой серьгой «в виде вопроса», которые датируются XIII-XIV вв. По конструкции погре-

бальных сооружений среди этой группы выделяются два основных варианта. Первый - ямные погребения, где, в отдельных случаях одна или обе ноги согнуты в коленях. Второй – подбойные могилы, где вертикальный дромос перекрыт деревянными можжевеловыми палками, изготовленными из распущенного бревна. В зависимости от глубины могильной ямы их можно разделить на три группы (рис. 72).

Первая представлена двумя погребениями, где расстояние от костяка до перекрытия составляет от 0.25-0.28 до 0.30-0.35 м. Вторую составляют 11 захоронений аналогичной конструкции, но расстояние от костяка до перекрытия составляет от 0.40 до 0.50 м. Это погребения младенцев, детей и подростков. Костяки в вытянутом положении. Кости рук слегка согнуты в локтях и вытянуты вдоль тела, ноги чаще всего слегка раздвинуты в коленях. В могиле 79 зафиксированы фрагменты бересты. Выделяется захоронение № 87, где погребен взрослый человек. Расстояние от костяка до перекрытия составляет 0.85-0.90 м. Третья — представлена 18 захоронениями аналогичной конструкции, но расстояние от костяка до перекрытия составляет от 0.60 до 0.80 м. Погребенные уложены в деревянные гробы, днище которых составлено из сплошных или отдельных (м. 74) поперечных или продольных (м. 82) деревянных досок сбитых железными коваными гвоздями. За исключением двух (№№ 77,83), остальные захоронения подростков.

На мой взгляд, есть все основания выделить во второй хронологической группе некрополя, самый ранний пласт погребений. Аргументом в пользу этого является то, что согласно плану раскопа 3 2008 г. захоронения №№ 58-62 образуют достаточно ровный ряд и синхронны. Этот ряд образуют в основном грунтовые погребения и подбойные могилы с наименьшей глубиной могильной ямы. Не исключено, что некоторые мелкие подбойные могилы являются грунтовыми захоронениями, впущенными в верхнюю засыпь глубоких подбойных могил третьего варианта. В районе шейных позвонков погребенного в могиле 61 обнаружен фрагмент черепицы обращенной изображением к покойнику с прочерченной между лучами креста христианской формулой «Іс Xc NI KA» (Майко, Джанов, Фарбей, 2010, с. 275) (рис. 188, 4). Территориально, наиболее близкие материалы обнаружены при раскопках прихрамового некрополя монастыря Димитраки, датирующегося первой половиной XIII-XIV вв., к западу от Сугдеи. Так в заполнении грунтовой могилы 4 в районе грудной клетки погребенного обнаружен фрагмент черепицы с процарапанным крестом (Баранов, 2010, с. 612, рис. 12, 1). Более того, при раскопках этого комплекса в 1983 г. обнаружен и фрагмент каллиптера с процарапанной формулой «Іс Xc NI KA».

В средневековой Таврике обряд подкладывания на верхнюю часть груди, под подбородок, реже на нижнюю часть головы захороненного фрагмента черепицы, часто специально оббитой, наиболее ярко отмечен в юго-западной ее части в материалах раскопок некрополя в с. Гончарном (бывш. Варнутка). Напомним, что здесь было зафиксировано два яруса погребенных: верхний, грунтовые и частично обложенные камнями могилы и нижний - плитовые. В погребальном инвентаре и засыпи могил верхнего горизонта (в частности могилы 4) были обнаружены стеклянные браслеты от разрушенных погребений (Якобсон, 1970, с. 139). По наблюдениям А.Л. Якобсона из 54 могил, 27 имели фрагменты черепицы, на груди или в нижней части черепа (Якобсон, 1970, с. 140). Аналогичный обряд отмечен в могильнике Лучистое на участке с погребениями конца XII - середины XVIII вв. (Айбабин, Хайрединова, 2013, с. 8). За пределами Крыма аналогии данному обряду, который А.Л. Якобсон почему-то считал языческим (Якобсон, 1970, с. 141), известны и на раннеордынском могильнике Мамай-Сурка в Причерноморских степях (Ельников, 2001; Ельников, 2006). Здесь у более чем 30% погребенных в районе подбородка отмечены фрагменты амфорной керамики с процарапанными крестами с внутренней или внешней стороны. Форма фрагментов треугольная. Прямоугольная или пятиугольная (Ельников, 2005, с. 60). Появление этого элемента обряда, не зафиксированного на других погребальных памятниках нижнего Поднепровья, связывается автором с перемещением в этот район Никитинской переправы какой-то части оседлого населения юго-восточного Крыма (Ельников 2005, с. 60).

Именно на некрополе в с. Гончарном обнаружена и оббитая в виде неправильного овала черепица так же с процарапанным крестом и граффити I X N K (IC XP NI KA) (Якобсон, 1970, с. 140, рис. 91, 1) (рис. 188, 2). Типологически близкое изделие с формулой IC XI N KA было обнаружено и в заполнении костницы под абсидой часовни городища Эски-Кермен (Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 451, рис. 19, 9) (рис. 188, 1). Судя по находкам в заполнении этого первоначального погребального объекта стеклянного браслета (Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 451, рис. 19, 7), бубенчика с рифленой нижней частью без крестообразного выреза (Айбабин, Хай-

рединова, 2011, с. 452, рис. 20) и гравированного византийского энколпиона с каплевидными лучами архаичного вида (Айбабин, Хайрединова, 2011, с. 454, рис. 22), он может датироваться в рамках второй половины X-XII вв. Широкое распространение данного обряда и в более позднее время демонстрирует находка стенки амфоры с дуговидными ручками с процарапанным крестом и формулой IC X N K из погребения священника в средневековом храме на горе Аю-Даг, где она располагалась в верхней части грудной клетки, перекрывая низ черепа (Тесленко, Лысенко, 2006, с. 143, рис. 4, 4) (рис. 188, 3). По мнению авторов, этот фрагмент сосуда символизировал воздух (плат), которым традиционно покрывалось лицо священнослужителя (Тесленко, Лысенко, 2006, с. 137). Аналогичная христианская формула IC XP NI KA прочерчена и на фрагменте красноглиняного сосуда, происходящего из раскопок 2005 г. позднесредневекового могильника на холме Кильсе-Баир в с. Голубинка Бахчисарайского района⁴².

Самое главное заключается в том, что ряд погребений №№ 58-62, в западной части частично перекрывает так же ровный ряд синхронных подбойных погребений №№ 64, 74, 75, 84-87. Этот ряд составляют исключительно глубокие подбойные погребения, в том числе с использованием деревянных гробовин. Для датировки этого первоначального ряда погребений чрезвычайно важна находка в восточной части детского захоронения № 84 в верхнем слое заполнения могилы целого тонкостенного кухонного сосуда с уплощенной ручкой и каплевидным венчиком. Венчик сосуда был частично поврежден при проведении современных строительных работ, а само изделие раздавлено. Нет сомнений в том, что это горшок типа 3 по нашей типологии (подробнее см. главу 4.1) второй половины X-XI вв. (рис. 72, 7). Безусловно, основная масса могил на этом участке раскопа относится к середине XIII — первой половине XIV вв., какие еще захоронения, кроме отмеченного выше ряда, можно отнести к ранним, сказать пока трудно. В любом случае перед нами явная преемственность в погребальном обряде между тюркоязычными племенами разных периодов.

Определенным аргументом в пользу наличия на территории некрополя группы захоронений второй половины X-XII вв. является детское грунтовое погребение 27. Сама могила оказалась сильно разрушенной. Однако в составе погребального инвентаря был обнаружен бронзовый крест и четыре крупные бусины, в том числе Египетского фаянса. В целом погребальный инвентарь датируется в рамках второй половины X-XI вв. и аналогичен по составу бус погребениям некрополя Судак-II. К этому стоит добавить, что согласно Отчету о раскопках некрополя А.И. Айбабина, строители, разрушившие перед началом работ несколько десятков погребений, в одной из могил нашли три стеклянных браслета (Айбабин, 1978, с. 2).

Таким образом, есть некоторые основания выделять группу ранних грунтовых подбойных погребений с деревянными конструкциями, которую можно датировать, вероятнее всего, в рамках второй половины X-XII вв. и связывать с проживавшими в городе кочевниками. Напомним, что в портовой части Сугдеи материалы кочевнического круга в небольшом количестве обнаружены, о чем речь будет идти в следующей главе.

Итак, перед нами пять вариантов погребальной практики населения восточного Крыма, появившиеся во второй половине X в. и существовавшие на протяжении как минимум двух с половиной столетий. Боле того, эта погребальная практика продолжалась в Таврике всю средневековую эпоху. Существенных различий между конструкцией могил, погребальным обрядом населения Сугдеи и Боспора не прослеживается. Топографически со второй половины X в. все некрополи Сугдеи занимают северо-западную и северо-восточную часть посада Сугдеи.

Чрезвычайно важен вывод Л.Ю. Пономарева о том, что до середины X в. городские некрополи Боспора располагались на вершине и склонах г. Митридат. Однако во второй половине X в. происходят кардинальные изменения городской топографии. Границы города сокращаются, и некрополи перемещаются ближе к ним. По мнению исследователя, указанные некрополи очерчивают южную границу Боспора этого времени (Пономарев, 2004а, с. 291). Хронологическая связь указанных погребений с могилами первого и нижнего яруса второго горизонтов некрополя храма Иоанна Предтечи не вызывает сомнений. Таким образом, городские некрополи Боспора позволяют в общих чертах примерно наметить граница города во второй половине X-XI вв.

⁴² Выражаю глубокую признательность В.Ю. Юрочкину за возможность ознакомления с неопубликованными материалами раскопок.

Согласно исследованиям Л.Ю. Пономарева и В.Е. Науменко к X в. южная граница проходила вдоль северной и восточной подошвы г. Митридат (перекресток улиц Ленина и Дубинина до перекрестка улиц Свердлова и Театральной); западная граница фиксируется вдоль улицы Дубинина; северная — Кооперативный переулок, перекресток улицы Кирова и Адмиралтейского проезда. Порт и припортовая часть, включавшие храм Иоанна предтечи находились, по мнению авторов, в районе Таманской пристани (Науменко, Пономарев, 2009, с. 312-313).

Как уже отмечалось исследователями, одной из ярких особенностей погребальных сооружений Боспора является наличие на внутренней стороне блоков в изголовье могилы арковидных ниш (Майко, Пономарев, 2011, с. 236-239). Единственное их типологическое членение для погребальных памятников VIII — первой половины X вв. было проведено Л.Ю. Пономаревым, разделившим ниши, в зависимости от формы, на четыре варианта. Три из них с полуциркульным сводом отличаются вертикальными или наклонными стенками и наклонными стенками и карнизом-ободком. Четвертый вариант — ниши трапециевидной формы. Появляется данный элемент погребальной конструкции на салтовских некрополях Керченского полуострова VIII — первой половины X вв. Так на могильниках Эльтиген-I, Новониколаевском и Тиритакском зафиксированы ниши с полуциркульным сводом и вертикальными, реже наклонными стенками и только на Михайловском некрополе ниши с наклонными стенками и карнизом-ободком и трапециевидные (Пономарев, 2004, рис. 6; Пономарев, 2012-2013а, с. 157, рис. 1).

По мнению Л.Ю. Пономарева ниши в торцевых плитах, которые устанавливали в изголовье погребенного, имели сакральное значение. В качестве исключения можно упомянуть только могилу № 3 Михайловского могильника, где ниша была и на второй торцевой плите, но в отличие от изголовной, ее только слегка наметили (Ольховский, Петерс, 1991, с. 152, рис. 1,5). По мнению В. М. Корпусовой, арочная форма ниш имела христианскую символику портала, входа в сакральное пространство вечной жизни (Корпусова, 2002, с. 136). За пределами Керченского полуострова плиты с нишами на салтовских некрополях зафиксированы на могильниках Тепсеня и Судак VI (Майко, Фарбей, 1995, рис. 2,3).

Во второй половине Х в. на Боспоре эта традиция сохраняется. Правда, ниши в плитах меняются и приобретают разнообразную христианскую символику. Типологическое их членение пока не производилось, однако на основании опубликованных и архивных материалов четко выделяются два основных варианта. Первый – одинарные ниши с вертикальными или наклонными стенками и прочерченным простым или с расширяющимися лучами или с «вилкообразным» окончанием крестом (рис. 76, 2,5). Уникальным случаем, представлен циркульный крест, образованный окружностями, из предполагаемого погребения священнослужителя (некрополь храма Иоанна Предтечи). Двойные ниши, отличительная особенность захоронений второй половины Х-ХІ вв. Представлены они как простыми экземплярами с полукруглым сводом и вертикальными стенками (рис. 76, 1), так и нишами, украшенными разнообразными крестами. Из фондов Керченского историко-культурного заповедника происходит двойная ниша, сохранившаяся наполовину, украшенная на колонне, разделяющей нишу, вырезанным крестом с расширяющимися лучами в полукруге (рис. 76, 4). Над этим крестом расположен простой прочерченный крест. Другая подобная ниша из фондов указанного заповедника уникальна наличием в самих нишах крестов разных типов: простого прочерченного, концы которого выполнены в виде трехлистника и прочерченного с расширяющимися концами, аналогичного кресту в предыдущей нише. Однако в данном случае крест не прорезан, а только намечен по контуру. В верхней части колонны, разделяющей ниши, прочерчен еще один крест с «вилкообразным» окончанием лучей (рис. 76, 3).

Прочерченные с внутренней стороны на блоках изголовья кресты в этот период времени встречены и без ниш, что является, еще одной характерной особенностью погребений Боспора второй половины X-XI вв. Подобные блоки с крестами, в том числе с «вилкообразным» окончанием лучей известны в фондах Керченского историко-культурного заповедника (рис. 76, 6). Интересный случай демонстрирует парная плитовая могила 229-230 некрополя Судак-II (рис. 76, 7). В данном случае совершенно однотипные кресты с расширяющимися лучами, концы которых украшены шариками, прочерчены на полукруглых блоках в изголовье каждой могилы.

Как уже отмечалось выше, в погребальной практике населения восточного Крыма во второй половине X в. происходят значительные изменения. Для лучшего их понимания необходимо сравнить погребальный обряд населения этого региона полуострова и остальной части Таврики. Наиболее изученные, опубликованные, информативные и синхронные Судакским не-

крополям памятники в юго-западном Крыму представлены могильниками городищ Эски-Кермен, Тепе-Кермен и Бакла. Для сравнения городских и сельских некрополей юго-западного Крыма важны материалы раскопок некрополя у с. Голубинка.

Так же, как и в восточном Крыму здесь происходит кардинальная смена погребального обряда. Исследователи по-разному датируют это событие, о чем речь шла в первом параграфе этой главы, но сомнений в смене погребальной практики нет. На некрополе Эски-Кермена подбойные могилы и склепы исчезают и на смену им приходят вырубные гробницы и склепы. Мало того, появляется новый некрополь на самом плато, состоящий из усыпальниц, вырубленных в храмах и рядом с ними. Как и в восточном Крыму, впервые в погребальной практике отмечается способ захоронения в усыпальницах с последующим перезахоронением в костницах, заимствованный, по мнению А.И. Айбабина, из Сирии и Малой Азии (1991, с. 48).

Помимо конструкции погребального сооружения указанные могилы отличаются и составом погребального инвентаря. Именно в них, наряду с находками, имеющими широкие хронологические рамки бытования, найдены стеклянные браслеты и деревянные гребни. Последние появляются в Таврике не ранее середины X в.

А.И. Айбабин, лучше всего знакомый с особенностями указанных некрополей Эски-Кермена, относит эти изменения к началу III этапа функционирования городища и датирует третьей четвертью IX в. (1991, с. 48). Подобная датировка, как уже отмечалось, основана на концепции исследователя о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму и исчезновения салтово-маяцкой культуры полуострова. Приводимая в качестве датирующего материала черепица и фрагмент высокогорлого кувшина, обнаруженные в захоронениях, не подтвердить, ни опровергнуть предложенную датировку не в силах. Единственным датирующим материалом становятся стеклянные браслеты. Поскольку в салтово-маяцких погребениях полуострова они не известны, то, соответственно их нижняя хронологическая граница должна совпадать с тем временем, когда салтовские памятники в Таврике исчезают. Таким образом, А.И. Айбабин и датирует время их появления второй половиной IX в. Других аргументов для датировок рассматриваемых погребений Эски-Кермена нет. Причины смены погребального обряда ученый видит в укоренении христианского мировоззрения. Однако этот, безусловно, емкий термин не позволяет конкретизировать механизм этой смены. Должны были быть очень веские причины для подобной смены погребальной практики, либо, должно было появиться новое население, привнесшие их в готовом виде.

Сходная картина наблюдается и при анализе христианских некрополей <u>Баклы.</u> В качестве наиболее яркого примера уместно привести результаты раскопок христианского комплекса в 500 м к западу от цитадели городища (Петровский, Труфанов, 1995, с. 136-142, 236-251). Здесь, как и в Сугдее, четко зафиксировано два этапа использования монастырского комплекса. К интересующему нас времени относится последний этап, представленный несколькими вариантами погребальной практики. Во-первых, использование погребальных сооружений более раннего времени. Это высеченный в скале склеп VII с первоначальной костницей. В натечном стерильном грунте склепа отмечен ярус погребенных среди погребального инвентаря которых присутствуют и материалы, четко датируемые второй половины X-XI вв. (бубенчики с крестообразной щелью, бронзовый браслет, орнаментированный насечками) (Петровский, Труфанов, 1995, с. 240, рис. 4). В качестве погребальных сооружений используется и часть первоначальных монастырских хозяйственных помещений, высеченных под выступом скалы. В частности помещения №№ 10 и 11 (Петровский, Труфанов, 1995, с. 137).

Для второго этапа функционирования монастырского комплекса, как и для всех анализируемых памятников юго-западного Крыма, характерно появление новой погребальной практики представленной, погребениями в грунтовых и вырубленных в скале ямах, но, прежде всего, плитовыми захоронениями. Показательно, что новый некрополь, расположенный рядом со склеповым, возникает после прекращения функционирования храма первого периода. В конструкции могил отмечено использование архитектурных деталей храма, а в заполнении присутствуют фрагменты фресок. Кроме того, некоторые могилы, как плитовые, так и вырубные, перекрывают пристройку к храму, выполненную техникой кладки «в елку» (Петровский, Труфанов, 1995, с. 140). Две вырубные могилы перерезают и заполнение винодавильни, входящей в комплекс первоначальных сооружений монастыря. Возникает и новый храм, представленный скальной часовней, высеченной в останце первой верхней террасы.

Таким образом, нет сомнений в том, что перед нами новый этап существования монастырского комплекса, эволюционно не связанный с предшествующим. Расхождения заключаются только в датировке произошедших перемен. Единственным хронологическим критерием и в данном случае являются стеклянные браслеты. Следуя датировке А.И. Айбабина, авторы исследований предлагают рубеж IX-X вв. (Петровский, Труфанов, 1995, с. 141). Однако в погребальных сооружениях первого уровня отмечены украшения, появление которых в восточном Крыму датируется не ранее второй половины X в. (мелкие «трехбугорчатые» и орнаментированные рельефными линиями глазчатые бусы, бубенчики с крестообразной щелью, расписные стеклянные браслеты). Как уже отмечалось, это связано с датировкой времени прекращения функционирования салтовской культуры Крыма. На мой взгляд, хронологически новый этап истории рассматриваемого Баклинского христианского монастыря датируется не ранее второй половины X в. и по времени совпадает с аналогичными переменами, происходившими и в восточном Крыму. С такой хронологией перемен в погребальном обряде населения Баклинского городища, как и всей Крымской Готии, согласен и В.Ю. Юрочкин. Как отмечает исследователь, к Х в. материальная культура крымских готов меняет свой облик. Погребения в склепах сменяются многоярусными безинвентарными могилами, высеченными в скале, или плитовыми. Такая традиция, как и конструкция самих храмов – типична для провинций Византийской империи. Затронул этот процесс в первую очередь духовную сторону жизни. Эти временем датируется начало формирования общности «крымских греков», считавших себя греками не по происхождению, а по вероисповеданию и ощущавших себя, прежде всего, частью населения Византии (Юрочкин, 2006, с. 50-51).

Погребальные сооружения Тепе-Кермена, демонстрируют нам только один вариант. Это использование погребальных сооружений предшествующего времени. Яркий пример этого скальная мемория, расположенная над входом в «храм с баптистерием» в 6 ярусе пещер (Петровский, 2002, с. 87). Первоначально сооружение, частично повредившее свод «храм с баптистерием», предназначалось для двух погребенных и только с середины X в. мемория используется для перезахоронения жителей Тепе-Кермена погребенных в вырубных могилах у входа в «храм с крещальней». Заполнение мемории представлено плотным серым грунтом насыщенным мелкими костными останками. В нем обнаружены бронзовые бубенчики и фрагменты стеклянных браслетов. Основная масса погребенных, в количестве не менее 40, была обнаружена в сером грунте. Среди сопровождавшего их немногочисленного погребального инвентаря присутствуют предметы, датировка которых ранее середины Х в. проблематична. С данной датировкой с некоторыми оговорками согласен и автор раскопок (Петровский, 2002, с. 93). Это бубенчик с крестообразной щелью (Петровский, 2002, с. 89, рис. 6, 15), преобладающие бубенчики с горизонтальной прорезью с тремя горизонтальными рельефными линиями (Петровский, 2002, с. 89, рис. 6, 4,10-14,16), фрагмент дна стеклянного сосуда с налепами-шишечками (Петровский, 2002, с. 90, рис. 7, 37) и, конечно, фрагменты стеклянных браслетов (Петровский, 2002, с. 90, рис. 7, 40-43).

Важность изменений, произошедших в погребальном обряде подчеркивает и некрополь у с. Верхняя Голубинка, расположенный на пологой площадке, на второй надпойменной террасе левого берега р. Бельбек (Романчук, Омелькова, Пелевина, Ковалёв, 1979, с. 395; Омелькова, 1980, с. 294; Майко, 2012в, с. 43-44). При этом в отличие от некрополей Сугдеи, Боспора, Херсонеса, Эски-Кермена, Тепе-Кермена и Баклы данный могильник нельзя рассматривать, в качестве городского или монастырского. Он наверняка связан с сельским поселением, т.е. влияния урбанистических процессов на изменение погребального обряда здесь не было. Маловероятно и то, что некрополь связан с монастырским комплексом.

Конструкция плитовых погребальных сооружений типична для юго-западной Таврики. Все захоронения многоярусные с многократным повторным проникновением в могилу. При этом здесь наиболее ярко в рамках одной могилы отмечается сосуществование разнообразных элементов этого нового для полуострова обряда (Иванов, 2012, с. 219-220).

Погребальные сооружения с одиночным погребением не встречены вообще. Статистический анализ показывает (рис. 83), что наибольшее количество ярусов могил образуют погребения без нарушения анатомического порядка захороненного (одиночные погребения и одновременные парные и тройные погребения). Вторую условную группу образуют ярусы могил, где вместе с одним или двумя костяками, находящимися в анатомическом порядке, были погребены отдельные черепа или части скелетов от предшествующих погребенных. Третью группу образуют ярусы могил, состоящие из сильно разрушенных и частично перемешанных костяков,

где, в большем или меньшем количестве, фиксируются части скелетов в анатомическом порядке. Вероятнее всего, данные ярусы нельзя рассматривать в качестве костниц, что уже отмечалось в литературе (Иванов, 2012, с. 219-220). Четвертую группу образуют немногочисленные ярусы, где четко зафиксировано повторное перемещение костей. Именно они и позволяют говорить о проникновении элементов афонского погребального обряда в средневековую Таврику. Наиболее ярким примером является ярус 4 погребения 6, в котором в западной части могилы обнаружено 6 черепов, а в восточной − в хаотическом порядке исключительно берцовые кости нескольких костяков. В средней части могилы костей не обнаружено. Во втором ярусе этой же могилы зафиксировано 11 черепов, лежавших вплотную друг к другу, а в восточной части могилы скопление костей ног. Между ними располагался костяк в анатомическом порядке. Кроме него в средней части могилы других костей не выявлено. Только одно погребальное сооружение № 9 условно можно рассматривать в качестве костницы.

Показательна ситуация и для некрополей крымского южнобережья. Случаи использования погребальных сооружений предшествующего времени и возникновение новых ярко иллюстрируют материалы <u>Лучистинского</u> некрополя, опубликованные наиболее полно. Речь идет о двух последних хронологических группах могильника 13-й и 14-й (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 67-72). Сразу необходимо оговориться, что погребений составляющих данные группы очень мало.

Напомним, что к погребениям 13-й группы, верхняя хронологическая граница которой приходится на рубеж IX-X вв., отнесены склепы 16, верхний горизонт склепа 29, могилы 149 и 263. Артефакты, послужившие хронологическими критериями, приведены полностью. Однако, сопоставление их с данными салтовских памятников восточного Крыма позволяет высказать следующие соображения. На мой взгляд, хронология вещей, обнаруженных в склепе 16 и в верхнем горизонте склепа 29 шире и может быть поднята до середины Х в. Данный факт не бесспорен и требует, конечно, дополнительной аргументации. Предложенная же А.И. Айбабиным узкая датировка базируется на концепции о времени прекращения функционирования салтовской культуры Крыма. Зачисление же в эту группу могил 149 и 263, на мой взгляд, ошибочно. Это совершенно другой тип погребального сооружения и другой набор вещей. Наличие в могиле 149 браслета, изготовленного из темно-синего стекла, яркое этому свидетельство. В салтовских памятниках Таврики артефакты для них характерные никогда не встречены вместе со стеклянными браслетами, каким бы временем не датировать момент начала их поступления на полуостров. Как будет показано в соответствующем разделе, в восточном Крыму стеклянные браслеты появляются не ранее середины Х в. Таким образом, можно высказать предположение, что погребения 13-й хронологической группы датируются концом IX - первой половиной X вв.

Только погребения 14-й группы относятся к интересующему нас отрезку времени. Как и в Сугдее они представлены двумя типами. Во-первых, это использование склепов более раннего времени. Наиболее яркий пример этого склеп 6, ставший эталонным при выделении 14-й группы. Как и в Судакских склепах ко второй половине X-XII вв. относятся захоронения 1 яруса, перекрывающие последовательно расположенные могилы 12-й и 13-й групп и отделенные от них стерильной прослойкой толщиной 20 см. По наблюдениям автора раскопок в верхнем ярусе на высоте 0.62 м от уровня пола найдены частично потревоженные кости принадлежащие 10 погребенным. В анатомическом порядке сохранилось только самое верхнее погребение взрослого (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 75). Состав погребального инвентаря датируется не ранее второй половины Х в. Исключение составляют лишь салтовский бубенчик и серьги с колесикомпронизкой (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 146, табл. 12, 6; с. 147, табл. 13, 8). Возможно, они происходят из нижних горизонтов и попали в данный слой случайно, при совершении последних захоронений. Безусловно, эта хронологическая группа существует длительное время. В склепе 6 хоронили на протяжении всего XII в. Впервые на некрополе появляются могилы (149, 263), которые относятся к другому историческому периоду и демонстрируют появление нового типа погребальных сооружений.

Таким образом, материалы наиболее поздней хронологической группы некрополя у с. Лучистое (верхний горизонт склепа 6, могилы 149 и 263), как и в Сугдее, показывают появление у населения двух вариантов погребальной практики. Согласно датировки стеклянных браслетов, появляется эта группа в середине X в. и существует на протяжении следующих двух столетий.

Исходя из датированных монетами погребальных комплексов, все обнаруженные в склепе 6 вещи датируются X-XII вв.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что главным отличием христианского в своей основе погребального обряда населения восточного Крыма второй половины X-XI вв. является появление практики разнообразных многоярусных могил, повторных захоронений, в том числе и частей скелета, использование костниц. По справедливому мнению А.В. Иванова в последнем случае более приемлем термин не костница, а многократно использованная могила. Не исключено, что в пределах одного погребального сооружения практиковались разные формы обряда. В отдельных случаях это может объясняться тем, что новые могилы, во всяком случае, в Херсонесе, возводились на мете старых культовых комплексов, что требовало перезахоронение предшествующих костных остатков (Иванов, 2012, с. 219-220). Для восточной Таврики можно считать установленным, что данные изменения совпали с исчезновением салтово-маяцкой культуры полуострова и могут быть датированы серединой X в.

К сожалению, на имеющихся в нашем распоряжении материалах реконструировать облик города средневизантийского времени в восточном Крыму пока невозможно. Тем не менее, ясно, что он имел очень много сходных черт в планировке провинциально-византийских городов Причерноморья и Средиземноморья и, прежде всего, Херсонеса. Вместе с тем, имелись и определенные отличия. Если конструктивные особенности жилых и хозяйственных построек в целом идентичны, то классических херсонесских жилых кварталов в Сугдее и на Боспоре пока не обнаружено. Точно так же, как и в Херсонесе четко судить о функциональной принадлежности того или иного сооружения, их количестве в рамках одного квартала сложно. Не известны в восточном Крыму на сегодняшний день квартальные храмы, являющиеся отличительной особенностью городской застройки средневизантийского периода в Херсонесе. В Сугдее культовые сооружения находились на территории крупных городских некрополей, вынесенных за пределы крепостных стен. Вместе с тем, фортификационные мероприятия, связанные с ремонтом и усовершенствованием ранних крепостных стен, полностью идентичны Херсонесским. Общими элементами городской планировки, до этого не отмеченными исследователями, является организация общегородских зольников, вынесенных за пределы крепостных стен. Тенденции изменения погребального обряда, связанные с широким распространением повторного проникновения в могилу, аналогичны происходящим на всей территории Таврики второй половины X-XII вв.

Исследователями установлено, что Херсонес, как и города крымского южнобережья, не были центрами товарного аграрного производства. Они служили, прежде всего, в качестве центров транзитной торговли Южного и Северного Причерноморья. Раскопки городских кварталов Херсонеса показывают, что жители в основном занимались коммерческой и ремесленной деятельностью, а не сельским хозяйством (Рабиновиц, Седикова, Хеннеберг 2009, с. 201). Вероятнее всего, провинциально-византийские города восточного Крыма в силу аналогичного географического расположения на берегу моря, выполняли те же функции.

ГЛАВА 4 **МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

Описание материальной культуры населения восточного Крыма рассматриваемого хронологического этапа логично начать с самого массового материала - керамики.

4.1. Керамика.

4.1.1. Тарная керамика. Предваряя описание тарной керамики, отметим, во-первых, что крупные красноглиняные гладкостенные и реберчатые пифосы, столь характерные для салтово-маяцких памятников полуострова, в анализируемых комплексах встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Исключение составляют шесть пифосов, обнаруженных в хозяйственном помещении дома на участке квартала I Судакской крепости (раскопки 2001 г. Е.А. Айбабиной) (рис. 85) и три пифоса в помещении Б архитектурно-археологического комплекса в портовой части Сугдеи (раскопки 2006-2010 гг.). В основном это крупные сосуды с яйцевидным рифленым туловом и массивным т-образным уплощенным венчиком и аналогичные по морфологии изделия с гладким туловом. Выделить их характерные особенности по сравнению с пифосами второй половины IX – первой половины X вв. затруднительно. Сказанное справедливо и по отношению к фрагментам черепицы, обнаруженной в виде мелких фрагментов во всех горизонтах второй половины X-XII вв. Сугдеи и Боспора. Известные на сегодняшний день черепицы и калиптеры рассматриваемого хронологического периода, аналогичные обнаруженным при раскопках южнобережных памятников, не имеют, на мой взгляд, существенных отличий от экземпляров предшествующего времени.

Вторым характерным отличием керамических комплексов второй половины X-XII вв. восточного Крыма в частности и всей Таврики в целом, является неоднократно отмеченное специалистами значительное преобладание т.н. высокогорлых кувшинов по сравнению с амфорной тарой. Это так же нехарактерно для салтово-маяцких памятников Крыма.

Что касается амфорной тары, то следствием постепенного упадка в первой половине X в. поселений салтово-маяцкой культуры Таврики, явилось прекращение хорошо налаженного местного производства амфор, носившего товарный характер. Это совпало с началом производства в Византии и проникновением в Крым совершенно новых типов амфор. Появление последних связывается некоторыми исследователями с изменением в конструкции кораблей, перевозивших их (Bakirtzis, 1989, р. 73-77). Таким образом, самой характерной особенностью керамических комплексов Сугдеи этого времени является наличие новых для полуострова импортных византийских амфор. В настоящее время, исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, можно выделить четыре типа и пять соответствующих им вариантов этих амфор⁴³.

Тип 1 – значительно преобладающий в количественном отношении над другими, представлен хорошо известными оранжево и красноглиняными амфорами с венчиком в виде «отложного воротничка», грушевидным корпусом с небольшим перехватом и массивными уплощенными ручками (рис. 86-90). Они были достаточно широко распространены на территории Византийской империи, в особенности на побережье Черного моря и на востоке Балканского полуострова (Вакіттгіз, 1989, р.75; Barnea, 1989, р.134; Gunsenin, 1989, р.272; Brusic, 1979, р. 44; Bjelajac, 1989, р. 1140). Встречены они так же и при раскопках византийских городищ Таврики: Херсонеса, Партенит, Боспора, Алустона, Сугдеи (Якобсон, 1979, с. 110; Мыц, 1991, с. 86-88; Майко, 2001, с. 118-122) и Тмутаракани (Чхаидзе, 2008, с. 159, рис. 87). В Крыму появление таких амфор относят к середине X в. Несколько позднее они проникают в Подонье. В Саркеле они встречены

⁴³ В.В. Булгаковым выделяется еще один тип сероглиняных амфор XI-XII вв. (Булгаков, 2001, http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/bulgakov.htm). По мнению автора, характерной их особенностью является пористость черепка, слоистая его структура и крупные включения в виде мелкодробленой керамики. К сожалению, говорить определенно об этом типе пока рано. Представленный материал, в частности про-исходящий из Судака, единичен и сильно фрагментирован и не позволяет представить морфологию типа.

уже в русско-хазарских слоях, относящихся ко времени после 945 г. (Плетнева, 1959, с. 245). На Нижний Дунай и в Добруджу они попадают не ранее рубежа X-XI вв. (Вагнеа, 1989, р. 133; Дончева-Петкова, 1993а, с. 257, Abb. 17), а в городах Киевской Руси встречены в комплексах XI в. (Ивакин, Степаненко, 1985, с. 90).

Наиболее представительная коллекция подобных амфор в восточном Крыму получена благодаря подводным исследованиям в бухте пос. Новый Свет и у мыса Меганом. Вероятнее всего, и в одном и в другом случае они составляли груз одного корабля. Интересно отметить, что в обоих случаях амфоры данного типа значительно преобладали над «сфероемкостными» (Зеленко, 2001, с. 84-90). Судя по опубликованным материалам, здесь представлены амфоры разных морфологических вариантов от сосудов со слегка поднятыми над венчиком ручками до изделий с высокоподнятыми ручками и отогнутым уплощенным манжетовидным венчиком (рис. 87-89). Нельзя не упомянуть и о двух клеймах обнаруженных на амфорах из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет (Зеленко, 2001, с. 86, рис 4 1,2). Типологически они близки. Одно слабо прочерченное в виде незамкнутого овала на плече сосуда, второе — в виде небольшого кружка на горле. Автор справедливо приводит единственные известные им аналогии в материалах Измира и кораблекрушения в Средиземном море в Серче-Лимани (Gunsenin, 1990, fig. 43; Doorninch, 1989, р. 254, fig. 3, 28).

Долгое время в русскоязычной литературе бытовало мнение, что появление амфор этого типа относится ко второй половине IX в. Аргументом в пользу этого утверждения служил прекрасный комплекс из дворца и монастыря Святого Георгия в квартале Манганы Константинополя, где они использовались в кладке свода для облегчения нагрузки на несущие конструкции. Основные постройки дворца относятся ко времени правления императора Василия I, отсюда и весь комплекс амфор долгое время датировался периодом его царствования (Якобсон, 1979, с. 43,109). Тем не менее, весь X в. и первую половину XI в. дворец не использовался и постепенно разрушался. Капитальная перестройка дворца, равно как и строительство монастыря Св. Георгия была предпринята императором Константином Мономахом (1042-1054 гг.). Во время этих строительных работ амфоры и попали в кладку сводов.

Центр производства амфор типа 1 остается до настоящего времени невыясненным. Не исключено, что он был и не один. Интересным свидетельством в пользу этого являются два целых ранних сосуда, опубликованные Н.П. Туровой (2010, с. 254-257). Происходят они из подводных исследований в районе южного берега Крыма и находятся в фондах Ялтинского музея. По мнению автора, сосуды изготовлены в двух разных центрах (Турова, 2010, с. 256). Исходя из того, что все же наиболее ранние находки встречены в регионе северо-восточного побережья Черного моря, можно предположить, что попасть туда они могли по направлению из Малой Азии через Кавказ и Тамань. Из малоазийского региона амфоры впервые появились в Крыму и лишь спустя 50 лет оказались на Балканах. По мнению В.В. Булгакова возможным центром их производства мог быть Трапезунд (2001, с. 163-164). Большой процент подобных амфор в археологических комплексах Таманского городища и Боспора позволил В.Н. Чхаидзе даже выдвинуть предположение о возможном изготовлении на Тамани местного подражательного варианта воротничковым амфорам (2008, с. 160). Основание для этого конечно есть. Действительно, клейма на этих амфорах за исключением единичных простейших кругов и овалов, отсутствуют. С другой стороны практически на каждый экземпляр наносилось сложное граффити. На других типах амфор их несравненно меньше. Значит, их производили в области не подконтрольной Константинопольскому эпарху. Как известно граффити ставились на товарах, поступавших на рынок из центров производства не связанных со столицей Империи. С другой стороны, наличие практически только на этом типе амфор единичных дипинти (в настоящее время в восточном Крыму и на Тамани их известно три) свидетельствует о том, что в редких случаях товары, идущие в Таврику из Трапезунда, Константинопольским чиновникам удавалось как-то фиксировать и отмечать.

К сожалению, все воротничковые амфоры Тмутаракани В.Н. Чхаидзе рассматривает в отрыве от археологических комплексов, в которых они обнаружены. Безусловно, все они не синхронны. В средневековой Сугдее процент этих амфор так же чрезвычайно велик, примерно совпадая с Тмутараканью и Боспором. Вероятно, до открытия гончарных печей по их производству, говорить о местной традиции преждевременно. Это тем более вероятно, что согласно обоснованному мнению В.В. Булгакова данные амфоры являются специфическим черноморским видом торговой тары. До 75% они составляют в керамических комплексах Херсонеса (Якобсон,

1979, с. 109), Партенита (Паршина, 1991, с. 79), Саркела (Плетнева, 1959, с. 270; Артамонова, Плетнева, 1998, с. 601). До 98% составляют находки грушевидных амфор в материалах XII в. описанной Константином Багрянородным Кесарийской переправы на нижнем Днепре - транзитном пункте на торговом пути из этих причерноморских центров на Русь (Булгаков, 2000а, (http://archaeology.kiev. ua/journal/ 040700/ bulgakov.htm).

Практически во всех известных типологиях амфор этого типа они традиционно делятся на два-четыре хронологических варианта. Наиболее ранние, представлены амфорами с грушевидным туловом, практически без перехвата в нижней части и уплощенными массивными ручками. Последние расположены под венчиком почти перпендикулярно по отношению к горлу сосуда. Более поздние - представлены аналогичными амфорами, у которых похожие в сечении ручки несколько приподняты над венчиком. В нижней части тулова, украшенного иногда своеобразным волнистым орнаментом, намечается перехват. И.В. Волков подразделяет их еще на два хронологически последовательных варианта, отличающихся степенью приподнятости над венчиком ручек и степенью выраженности перехвата на тулове (Волков, 1992, с. 149, рис. 5, 1-3). По мнению исследователя, сосуды последнего подварианта доживают до XII в. Однако в Таврике в комплексах XII в. подобные амфоры мне неизвестны. В.Н. Чхаидзе, подробно рассмотрев историографию их типологического членения, предлагает технологическую типологию, основанную на различном характере глин сосудов (2008, с. 158). Самая дробная типология воротничковых амфор была предложена В.В. Булгаковым (Булгаков, 2000a, (http://archaeology. kiev.ua/journal/040700/bulgakov. htm), разделившим весь массив материала на четыре морфологические совокупности, включающие 8 вариантов. Автор чрезвычайно подробно рассматривает различные типологические схемы данных амфор, разрабатывавшиеся на протяжении более 50 лет, что избавляет от повторений. Поскольку все варианты встречены в восточном Крыму, рассмотрим их подробнее.

К первоначальные типам принадлежат два варианта амфор с возвышающимся над ручками воронкообразным горлом. Корпус часто лишен грушевидного перегиба, ручки массивные уплощенные. На тулове присутствуют полосы рифления на плечиках и в придонной части. Ниже плечей часто расположен орнамент в виде прерывающейся широкой волны. Отметим, что наибольшее количество амфор этих вариантов обнаружено пока на территории Таманского городища.

Следующие два варианта соответствуют третьему этапу. Они характеризуются уже возвышающимися над горлом ручками. Корпус амфор приобретает грушевидный перегиб в нижней части. У раннего варианта подъем ручек незначительный, венчик сохраняет массивность. Постепенно происходит уменьшение массивности воронковидного завершения горла, связанное с последовательным подъемом ручек, смещением места их закрепления к верхней части горла.

Характерным отличием следующих двух вариантов четвертого этапа является уже значительный подъем ручек и, как следствие, уплощение венчика. Корпус амфор отличается развитым грушевидным перегибом, приобретает вытянутые очертания. В археологических комплексах населения восточного Крыма хорошо представлены именно эти варианты амфор с венчиком в виде «отложного воротничка». Это малолитражные сосуды с вытянутым ангобированным туловом и хорошо выраженным перехватом в нижней его части. На плечах и в придонной части тулова имеется регулярное плавное рифление из 5 или 6 полос. Ручки, овальные в сечении, высоко подняты над венчиком. Хорошая коллекция таких амфор, представленная 10 экземплярами, происходит из Сугдеи (Джанов, Майко, 1998, с. 169, рис. 8). Хронологически, амфоры этого варианта, возникшие не ранее рубежа X-XI вв., самые поздние. Они являются переходными от описываемых сосудов к веретенообразным амфорам с гребенчатым рифлением и высокоподнятыми над венчиком овальными в сечении, массивными ручками XII-XIV вв. В археологических комплексах населения восточного Крыма второй половины X в. амфоры этого варианта в процентном соотношении уступают описанным выше вариантам. Видимо, они только начинали входить в употребление.

Наиболее поздняя находка подобной амфоры зафиксирована в поде печи, зачищенной в 1996 г. в портовой части Сугдеи на площади раскопа I (рис. 22, 5). Датировать его сложно. Вместе с амфорой были обнаружены белоглиняная ойнахойя с маленьким горлом на плоско-вогнутом дне (рис. 22, 1), константинопольская амфора с клиновидным венчиком (рис. 22, 3) и бордовоглиняный тарный кувшин (рис. 22, 4). Судя по закрытым керамическим комплексам средневековой Сугдеи датированным медными монетами хана Берке со стремявидной тамгой (Баранов, Майко, 2001а, с. 200, рис. 4, 3), подобные кувшины появляются в середине XIII в.

Процесс постепенного изменения состава тарной керамики на протяжении XI — начала XII вв. позволяет нагляднее представить стратиграфия заполнения помещения А дома второй половины X-XI вв. в портовой части Сугдеи (раскопки 2009 г.). Так в субструкции первоначального пола были обнаружены амфоры с венчиком «в виде отложного воротничка» и ручками, приподнятыми над ним. Здесь же встречены и отдельные фрагменты подобных амфор наиболее позднего варианта. В заполнении же помещения обнаружены только воротничковые амфоры самого позднего варианта и т.н. переходные типы амфор от воротничковых к амфорам веретенообразным с высокоподнятыми ручками. Последние, разделенные на две основные группы, представляют несомненный интерес в плане эволюции этой категории тарной керамики. В данном случае говорить о вариантах преждевременно.

Группа 1 представлена небольшими тонкостенными сосудами с туловом близким к веретенообразному с мелким гребенчатым рифлением (рис. 91, 4), как у амфор с высокоподнятыми ручками. Однако, в отличие от последних, тулово у них в верхней части на месте перехода к шейке имеет более крупное рельефное рифление. Отличаются они, помимо технологии изготовления, и слабо выраженным манжетовидным венчиком и овальными в сечении ручками.

Группу 2 переходных амфор образуют небольшие, но довольно толстостенные светлоглиняные изделия с небольшим грушевидным туловом, близким к амфорам с манжетовидным венчиком, но имеющие на нем гребенчатое частое рифление (рис. 91, 5). Ручки высоко подняты над слабо выраженным манжетовидным венчиком. Подобная манжетовидная амфора позднего варианта, происходящая из археологической коллекции Аланского музея в Турции, датируется XI-XII вв. и относится исследователями к позднему египетскому типу (Sibella, 2002, р. 17, fig. 25).

Таким образом, пути эволюции амфор с венчиком в виде отложного воротничка были разнообразные. Их трудно представлять исключительно в виде постепенной эволюционной линии. Яркое представление об амфорах этой переходной группы дает экземпляр из фондов Генического краеведческого музея. Судя по публикации (Науменко, Пономарев, 2008, с. 210, рис. 3), тулово сосуда, изготовленного из плотной глины оранжевого цвета с примесью извести, грушевидное с мелким гребенчатым рифлением очень близко константинопольским т.н. «сфероемкостным» амфорам. Верхняя же часть с высокоподнятыми ручками совершенно аналогична веретенообразным амфорам с гребенчатым рифлением позднего классического варианта. При этом еще присутствует слабо выраженный манжетовидный, а не округлый, как у классического позднего варианта, венчик. Не удивительно, что авторы публикации приводят немногочисленные аналогии данным гибридным переходным амфорам как среди типов «сфероемкостных», так и среди экземпляров веретенообразных сосудов (Науменко, Пономарев, 2008, с. 206-207).

Данные амфоры отнесены В.В. Булгаковым к финальным вариантам 7 и 8 данного типа амфор (Булгаков, 2000а, (http://archaeology.kiev.ua/journal/ 040700/ bulgakov.htm), которые как раз и характеризуются широким грушевидным корпусом, близким к сфероемкостным типам. Ручки амфор приобретают угловатый перегиб, располагаются на корпусе близко к максимальному расширению. Корпус покрыт бороздчатым рифлением.

Хронологическая таблица всех вариантов воротничковых амфор, составленная В.В. Булгаковым на основании анализа датированных монетами закрытых комплексов, достаточно условна, но общие хронологические рамки типа, середина X – рубеж XI-XII вв. даны, безусловно, верно.

Тип 2 - оранжевоглиняные амфоры с грушевидным рифленым ангобированным туловом, маленьким горлом и овальными в сечении ручками, расположенными под венчиком, наиболее часто в современной литературе называемые «сфероемкостными» (рис. 95-97). Анализируемые амфоры получили широкое распространение на Балканах (Barnea, 1989, р. 132; Bjelajac, 1989, р. 112). В Крыму они встречаются реже. Помимо Херсонеса, Боспора и Сугдеи целые экземпляры происходят из Партенит, Ласпи (Паршина, 2001, с. 104-107), подводных исследований в портовой части Сугдеи, Боспора и Керкинитиды и некоторых южнобережных памятников. Помимо этого целый экземпляр «сфероемкостной» амфоры раннего варианта второй половины X в. происходит из округи поселения Кара-Тобе. Это ставит чрезвычайно важный и совершенно неизученный вопрос о присутствии материалов второй половины X-XI вв. в северо-западном Крыму. В качестве импорта они так же достаточно хорошо известны в древнерусских материалах и, прежде всего, в Киеве (Зоценко, 2001, с.189-191).

Центр их производства надежно локализован в районе Саркей и Газики на побережье Мраморного моря у подножья горы Ганос в 140 км к юго-западу от столицы Византийской империи,

где они функционировали с первой половины-середины X до середины XIV вв. (Gunsenin, 1990, р.1288-1289). В современной археологической литературе они подразделяются на два хронологических варианта: с овальным и клиновидным венчиком (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 143; Вјеlajac, 1989, р. 112). Однако, это деление достаточно условно.

Как и в случае с воротничковыми амфорами, наиболее дробная типология была предложена В.В. Булгаковым. К начальным вариантам 1-2 отнесены сосуды с ручками, отходящими под прямым углом от венчика. Слабопрофилированное горло заметно возвышается над ручками. Наиболее представительная коллекция этих чрезвычайно редких амфор для восточного Крыма получена при раскопках наиболее поздних салтовских комплексов в портовой части Сугдеи (Баранов, Майко, 2000, с. 96, рис. 4, 3-5). В последнее время эти ранние Константинопольские амфоры еще раз проанализированы на материалах VIII — первой полвины X вв. Партенита (Паршина, 2012, с. 10-12). Судя по нумизматическому материалу, верхняя их хронологическая граница приходится на середину X в. В количественном отношении они значительно уступают морфологически схожим местным амфорам причерноморского типа. В рассматриваемых комплексах населения восточного Крыма они не встречены. Второй вариант отличается креплением ручек на середине цилиндрического горла. Наиболее яркий археологически целый экземпляр известен при раскопках горизонтов середины X в. в Партенитах (Паршина, 2002, с. 98, рис. 7; Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 1). Фрагменты таких горловин происходят и из археологических комплексов Сугдеи.

Варианты 2-6 выделяемые В.В. Булгаковым наиболее распространены в археологических комплексах восточного Крыма. Характеризуются они, прежде всего несколько приподнятым над ручками горлом. Ручки имеют угловатый изгиб и тенденцию к постепенному повышению. Морфологически эти амфоры разнообразны, есть сосуды с ярко выраженным перехватом и раздутой верхней частью тулова, встречаются экземпляры с менее выраженным перехватом и широким дном. В рамках выделенных вариантов наблюдается эволюционные процессы, связанные с уменьшением горла и его желобчатости и постепенным возвышением над ним угловатых ручек. На большинстве амфор восточного Крыма этих вариантов (Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 7,8) венчик каплевидный или валикообразный, иногда, даже, имеет воротничковые очертания (Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 4). В восточном Крыму археологически целые формы и крупные определимые фрагменты происходят из раскопок портовой части Сугдеи (Майко, 2001, с. 121, рис. 1, 6; Майко, Джанов, Фарбей, 2008, рис. 222), среди материалов кораблекрушений в Новосветовской бухте (Зеленко, 2001, с. 83, рис. 2, 3-6) и со дна Керченского пролива (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 315, рис. 2). Раскопки последних лет дали несколько подобных амфор с вытянутым туловом, выраженным перехватом и дном, тяготеющим к остродонному. Происходят они из Сугдеи (Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 3) и со дна Керченского пролива (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 317). Интересно, что одна такая амфора обнаружена при исследовании гончарной печи в Херсонесе (Борисова, 1960, с. 314, рис. 1). Возможно, в данном случае действительно речь идет об одном из вариантов ранних константинопольских амфор. Согласно многочисленным аналогиям, датированным нумизматическим материалом, все приведенные варианты справедливо датируются В.В. Булгаковым от середины X до второй четверти XI в.

Более поздние варианты, которые можно соотнести с вариантами 7,8 по В.В. Булгакову в восточном Крыму отличаются, прежде всего, клиновидным, реже с небольшим валиком венчиком и ручками, отходящими непосредственно от его края, последние несколько возвышаются над венчиком, или находятся не его уровне. Высота горла не превышает размер верхнего прилепа ручки. Морфологически эти варианты так же разнообразны. Есть сосуды с практически цилиндрическим горлом и прямостоящим уплощенным венчиком. Есть изделия, где венчик слегка отогнут и в верхней части имеет клинообразное окончание (Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 6). В последнее время Н. Гюнзенин выделила три зоны производства амфорной тары в Константинопольском районе Газики. Наиболее близкие профилировки описанным выше самым поздним венчикам и ручкам сфероемкостных амфор, обнаруженным в портовой части Сугдеи на раскопе VI, обнаружены в зоне 2 (Günsenin, 1995, р. 176, fig. 13).

Археологически целые формы и крупные определимые фрагменты происходят из подводных исследований на дне Керченского пролива (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 316, рис. 3), кораблекрушения в Новосветовской бухте (Зеленко, 2001, с. 83, рис. 2, 1) и у мыса Меганом (Зеленко, 2001, с. 88, рис. 7), где они составляют большинство.

Среди этих вариантов амфор присутствуют сосуды с клеймами. Для восточного Крыма их обнаружено пока пять. Два на фрагментах верхних частей из раскопок портовой части Сугдеи (Джанов, Майко, 1998, с. 173. рис. 10, 2,3; Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 9), одно – из раскопок зольника на участке куртины XV Судакской крепости (Майко, 1999, с. 54. рис. 4, 2), одно – на горле амфоры со дна Судакской бухты (Зеленко, 2001, с. 90, рис. 10) и одно – на горле амфоры со дна Керченского пролива (Пономарев, Бейлин, 2005, с. 317, рис. 4). Все они неоднократно упоминались в литературе. Первая группа клейм, получившая наибольшую известность (Джанов, Майко, 1998, с. 173. рис. 10, 2; Паршина, 2001, с. 114, 56), представляет собой оттиск, заключенный в полукруглую рамку. Большую часть изображения на клейме занимает буква W, по краям которой расположены две буквы Ј (рис. 96, 5). Данная лигатура расшифровывается как личное имя Иоаннис. Как неоднократно упоминалось, клейма, заключенные в рамку такой же формы, встречались на амфорах найденных при исследовании дворца в квартале Манганы. Оттуда же происходят клейма содержащие омегу (Demanjel, Mambory, 1939, fig. 201, 5,95,159). Наиболее полная аналогия происходит из крепости Диногеция в Румынии (Barnea, 1967, fig. 159, 5). К этой группе относится и клеймо обнаруженное на дне Керченского пролива, так же неоднократно опубликованное (Паршина, 2001, с. 114, 55; Пономарев, Бейлин, 2005, с. 317, рис. 4). Согласно последним авторам это ретроградное клеймо в виде монограммы состоящей из двух букв «І» и ««», заключенных в круглую рамку, диаметром 2,8 см (рис. 97, 6). Согласно авторской концепции о механизме клеймения амфор, Е.А. Паршина предположила, что это имя императора Иоанна II Комнина (1118-1143), хотя датировка Судакского экземпляра, согласно археологическому контексту, не может быть позднее второй половины XI в.

Третье клеймо отличается округлой рамкой с круговой монограммой состоящей из четырех букв «фи», «омеги», «сигмы» и «ни» зафиксировано на горле амфоры со дна Судакской бухты (Зеленко, 2001, с. 90, рис. 10; Паршина, 2001, с. 114, 51) (рис. 95, 9). Совершенно аналогичные клейма известны и горлах амфор из Киева (Зоценко, 2001, с. 189, мал. 25) и Силистры (Чангова, 1959, с. 252, обр. 7, 2; Тодорова, 2010, с. 630, обр. 1, 4). По мнению В.Н. Зоценко клеймо из Силистры, исходя из подквадратной рамки обрамления, хронологически более раннее. Е.А. Паршина расшифровывает его как имя византийского императора Никифора II (1078-1081), что вполне вероятно, а В.Н. Зоценко как сокращенную евангельскую формулу $\Phi\Omega\Sigma$ $Z\Omega$ N «свет жизни» (2001 с. 189). Е. Тодорова расшифровывает его как Θ εσσαλονίκη (Солунь) и считает, что амфоры с данными клеймами использовались при конструкции сводов храма Святой Софии в Солуни (Тодорова, 2010, с. 634).

От четвертого клейма сохранилась только нижняя часть (Майко, 1999, с. 54. рис. 4, 2) (рис. 100, 3). К сожалению, провести его атрибуцию сложно. Ясно только, что это монограмма имени Константин, но какого варианта сказать трудно. Этот тип монограмм чрезвычайно широко представлен на амфорах этого типа (Булгаков, 2001, с. 147-152; Паршина, 2001, с. 113, 28-36). Известен пока и единственный штамм для нанесения подобных клейм (Майко, 1999, с. 52, рис. 2, 11), происходящий из раскопок Преслава в Болгарии. Интересным фактом является то, что ниже клейма расположено граффити в виде монограммы Иисус Христос, такое же граффити расположено и ниже клемма амфоры из раскопок Киевского Подола (Зоценко, 2001, с. 189, мал. 24).

Пятое клеймо обнаружено на горле амфоры из портовой части средневековой Сугдеи. Это оттиск, выполненный в виде шестилучевого знака, заключенного в круг (Джанов, Майко, 1998, с. 173 рис. 10 3) (рис. 96, 6). Аналогии клейму известны в Константинополе (Gunsenin, 1990, fig. 43), встречаются они и в Киевском Поднепровье (Джанов, Майко, 1998, с. 167).

Историография клеймения византийских амфор этого типа обширна и не раз рассматривалась в литературе. Высказывались различные точки зрения о назначении и хронологии амфорных клейм, не раз приводились попытки их типологического членения. Последний раз проблематика, связанная с клеймением византийских амфор, рассмотрена в работах Е.А. Паршиной и В.Н. Чхаидзе (Паршина, 2001, с. 104-117; Чхаидзе, 2005а, с. 95-117).

Как уже указывалось, на мой взгляд, контроль над производством и выборочное клеймление амфор осуществлял эпарх Константинополя или чиновники его ведомства. Каждый из них, вне сомнения, имел собственную матрицу для клеймления сосудов, чем и объясняется разнообразие известных в литературе клейм. Штампы, помимо различных символических изображений могли содержать монограммы личного имени чиновника или царствующего императора, как это прак-

тиковалось в ранневизантийское время на серебряной посуде (Якобсон, 1979, с. 74-75). В нашем случае, на плечиках амфор, вероятно, были оттиснуты монограммы личного имени чиновника.

Наиболее поздние варианты данных «сфероемкостных» амфор, которые имеют некоторые общие черты с вариантами 9,10 по В.В. Булгакову, обнаружены в портовой части Сугдеи в виде фрагментов верхних частей. Венчик у них ярко выраженный клиновидный или манжетовидный, довольно большого диаметра, горло практически отсутствует, ручки приподняты над венчиком и отходят непосредственно от его манжетовидного края. Судить о морфологии их тулова, исходя из фрагментарности изделий пока сложно.

Общая хронология существования сфероемкостных амфор, за исключением ранних вариантов, в рамках середины X – последней четверти X вв., предложенная B. Вулгаковым, не вызывает особых споров.

В заключение рассмотрения амфор типа 2 отметим, что в настоящее время в Таврике за исключением двух ранних вариантов отсутствуют комплексы ранее середины X в. где бы они были обнаружены. В предшествующих салтово-маяцких древностях они не известны. Таким образом, их появление в Крыму, как и амфор типа 1 — важный хронологический индикатор времени прекращения существования салтовских памятников полуострова.

Tun 3 – желтоглиняные крупные рифленые амфоры с грушевидным туловом. Отличительной их особенностью, помимо состава теста, являются массивные уплощенные ручки, отходящие непосредственно от края венчика (рис. 96, 10-12). Последний, округлой формы, имеет ярко выраженный паз для крышки. Единственная дробная типология совокупности желтоглиняных этих амфор была предложена В.В. Булгаковым (2000a, http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm), выделившим интересующие нас сосуды в отдельный наиболее ранний тип. На современном этапе исследований характерной особенностью светлоглиняных массивных амфор автор считает плоско-вогнутое дно. Однако пока известен только один экземпляр подобной амфоры, где дно сохранилось полностью (Паршина, 2001, с. 107, рис. 4, 2). Херсонесский экземпляр сохранился без дна. К тому же он имеет заметный перехват в нижней части тулова, отсутствующий у турецкого сосуда. Крупный фрагмент нижней части, происходящий из Сугдеи (Майко, 2001, с. 121, рис. 1, 9), так же с заметным перехватом на тулове имеет, вероятнее всего, округлое дно, аналогичное сфероемкостным экземплярам. В экспозиции археологического музея Преслава (Болгария) известна аналогичная целая амфора (о.ф. 1410), изготовленная из оранжевой глины так же с округлым дном. Исходя из этого, на мой взгляд, преждевременно в качестве главного типообразующего признака считать плоско-вогнутое дно. Следует напомнить, что в комплексах Сугдеи известны амфоры причерноморского типа первой половины X в. на плоско-вогнутом дне (Баранов, Майко, 1996, с. 86, рис. 2, 5), так же, как и причерноморские амфоры с зональным рифлением первой половины – середины VIII в. так же на плоско-вогнутом дне (Майко, 2001a, с. 18, мал. 2, 9). В археологических комплексах Сугдеи второй половины Х в. данные амфоры представлены так же крупными фрагментами, позволяющими, по аналогии, реконструировать профиль сосуда. В целом, данные амфоры редки для Таврики. Несколько из фрагментов из раскопок Партенит недавно опубликованы Е.А. Паршиной (2012, с. 23,25). Как уже указывалось, единственный археологически целый экземпляр, правда, без дна, обнаружен в Херсонесе в комплексе с высокогорлым кувшином с ленточной ручкой и кувшинчиком характерным для второй половины X в. (Якобсон, 1950, с. 117, рис. 38, 7; 1979, с. 72, рис. 43, 7). Центр производства амфор этого типа, как и территория распространения, пока окончательно не выяснены. По мнению И.В. Волкова, относящего эти амфоры к т.н. группе клейм «А В», возможным местом их производства является Гесперия либо Эгейский бассейн (Волков, 2001, с. 131-135). С такой точкой зрения не согласен В.Н. Чхаидзе, считающий, что производство этих амфор, несомненно, близких сфероемкостным, не обязательно связано с определенным центром (Чхаидзе, 2005а, с. 101). Не следует в этой связи забывать и значительное количество клейм известных в настоящее время именно на этом типе амфор (Чхаидзе, 2005а, с. 102). Е.А. Паршина соотносит с этим типом амфор клейма византийских императоров от Василия I до Константина Багрянородного (867-945 гг.) (Паршина, 2001, с. 112). Уточнить происхождение амфор сложно и по той причине, что во второй половине X в. эти амфоры, безусловно, встречаются. Однако выделить узкие хронологически комплексы, относящиеся к концу этого столетия, на материалах Сугдеи пока не представляется возможным. В восточном Крыму амфоры типа 3 впервые появляются в поздних салтово-маяцких комплексах первой половины X в. в виде мелких фрагментов. Верхнюю хронологическую границу их

бытования, как уже указывалось, в настоящее время определить трудно. Вероятно, она приходится на вторую половину – конец X в. Существуют ли они в следующем столетии, сказать сложно.

Тип 4 — представлен реконструируемой амфорой из заполнения жилого комплекса в портовой части Сугдеи (Джанов, Майко, 1998, с. 170, рис. 9, 6) (рис. 96, 9). Отдельные фрагменты подобных амфор, в основном верхних и нижних частей обнаружены в виде мелких фрагментов в зольнике на участке куртины XV Судакской крепости. Наиболее представительная коллекция подобных амфор в Крыму обнаружена в качестве голосников, а так же в основании парусов и в заполнении пазух сводов под крестообразным объемом во время реставрационных работ в церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Никитенко, 2002, с. 198-200). Недавно они и обнаруженные позже два экземпляра были детально проанализированы Е.Д. Артеменко (2010, с. 8-12). Это небольшие по размерам амфоры (50-60 см высотой, максимальным диаметром 20-28 см), изготовленные из плотной хорошо отмученной глины бурого или красно-бурого цвета с обильным включением чешуек слюды. Веретенообразный слегка рифленый корпус оканчивается округлым дном. Венчик уплощен и косо срезан, иногда с небольшим валиком. Горло расширяется в верхней части, петлевидные ручки уплощены и отходят от края венчика.

В литературе эти амфоры обычно сопоставляются с конически-вытянутыми амфорами, хотя на лицо и морфологическое их сходство с т.н. малыми желтоглиняными амфорами. Территория их распространения проанализирована достаточно полно (Паршина, 2001, с. 107; Булгаков, 2004, с. 5-12). В частности рассмотрение этой группы амфор, в составе которой выделено несколько типов, на материалах Южной Руси предпринята в последнее время В.Ю. Ковалем (2012, с. 48-49). Достаточно полно проанализированы и клейма на этих амфорах (Булгаков, 2004, с. 7-8; Паршина, 2001, с. 107; Чхаидзе, 2005а, с. 103). По мнению В.В. Булгакова они использовались, прежде всего, для транспортировки оливкового масла (2004, с. 8). Центр их производства так же остается пока не выясненным. Однако несомненная их морфологическая связь с маломерными желтоглиняными (Волков, 2001, с. 133, рис. 3), может свидетельствовать и об одном центре производства. К сожалению, их малочисленность на территории восточного Крыма не позволяет судить определенно и об их хронологии. Тем не менее, в Сугдее они встречены исключительно в комплексах второй половины X-XI вв. В комплексе кораблекрушения у Серчи-Лимани они датируются в рамках конца X – начала XI вв. (Doorninck, http://www.diveturkey.com/inaturkey/serce/ amphoras.htm). Вероятнее всего, эти амфоры существуют все же достаточно длительное время. Например, в трупосожжениях курганного могильника на реке Жане на Черноморском побережье Северо-западного Кавказа подобная, правда желтоглиняная амфора встречена с материалами второй половины XII в. (Успенский, 2012, с. 109, рис. 4, 23). Этим же временем может датироваться и аналогичная оранжевоглиняная амфора из трупосожжения с конем близ Геленджика⁴⁴.

Заканчивая описание амфорной тары необходимо отметить, что на всех типах византийских амфор восточного Крыма присутствуют разнообразные граффито, причем в очень больших количествах. Только Судакская и Боспорская коллекция в настоящее время насчитывает более сотни экземпляров.

Решение проблемы граффити на средневековых крымских амфорах, как справедливо указывают многие исследователи, находится в настоящее время на стадии накопления материала (Зеленко, 2001, с. 90; Майко, 2012б, с. 69-82). Вместе с тем, ни у кого не вызывает сомнений, что различные знаки и буквы на средневековой, прежде всего тарной керамике, являются ценным источником для реконструкции тех или иных аспектов жизнедеятельности оставившего их населения. В этом плане значительным шагом вперед явилась публикация всего свода граффито на тарной керамике из раскопок Партенит и их соотнесения с буквами греческого алфавита и типами амфор (Паршина, 2012, с. 37-42).

Изучение этой многоплановой темы для любого исторического периода, в том числе и раннего крымского средневековья, наталкивается на ряд объективных трудностей, что не раз отмечалось в археологической литературе. Во-первых, совершенно очевидно, что тема это междисциплинарная, требующая знаний не только конкретного археологического материала, но и специальной филологической подготовки, связанной в нашем конкретном случае со знанием греческого языка и смысла древних византийских лигатур. Во-вторых, фрагментарность многочислен-

 $^{^{44}}$ Раскопки 2008 г. Выражаю глубокую признательность Н.И. Судареву за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

ных граффити не всегда позволяет дать их верную реконструкцию и соответственно атрибуцию. В-третьих, даже обладая целыми изображениями, невозможно в большинстве случаев определить, связаны ли они с именем владельца сосуда или мастерских где их производили, с вместимостью или содержимым того или иного сосуда, с этническим или родовым происхождением мастера или владельца. Возможны и любые другие варианты. Усложняет ситуацию и отсутствие стандартизации средневековых тарных, прежде всего крымских сосудов. Совершенно очевидно, что при работе с граффити, необходимо учитывать тот факт, нанесены ли они по сырой или сухой глине, что связано с тем, принадлежат ли они мастеру или пользователю изделия. На стадии накопления материала важную информацию содержит соотнесение каждого из зафиксированных граффити с определенным типом тарного сосуда в тот или иной хронологический период. Возможно, есть смысл и в фиксации месторасположения граффити на том или ином сосуде.

Синхронные граффити на аналогичных амфорах восточного Крыма, происходящих из Керчи и салтово-маяцких памятников Керченского полуострова, уже рассматривались в литературе (Балонкина, 1996, с. 17-18; Занкин, 2001, с. 46-51). Начато осмысление знаков и букв на средневековых амфорах Херсонеса (Дюженко, 2001, с. 93-103). В этой же работе можно ознакомиться и с краткой историографией проблемы атрибуции Херсонесских средневековых граффити. Повторим еще раз, что, данная типология носит предварительный характер и построена по простейшему принципу разделения всех знаков по степени их усложнения, т. е. на собственно простейшие знаки, буквы, лигатуры, слова, изображения и т.д. Безусловно, этот принцип не всегда соответствует действительному значению того или иного знака.

Отдельную категорию граффити составляют знаки на светлоглиняных амфорах с грушевидным рифленым туловом и массивными уплощенными ручками, отходящими непосредственно от валикообразного венчика с ярко выраженным пазом для крышки. В современной археологической литературе они известны как амфоры группы клейм АВ (Волков, 2001, с. 131-135). Клейма на этой достаточно редкой для Таврики группе амфор неоднократно становились предметом специального рассмотрения. Граффити же на них специально не изучались. Судакская коллекция насчитывает, к сожалению, всего три экземпляра. Два из них обнаружены на ручках амфор, одно — на плече сосуда. Один из знаков, исходя из его неполной сохранности, является, очевидно, трудно атрибутируемой греческой лигатурой (рис. 99, 7). Основу второго составляет стилизованная буква «А», вершиной которой является прямой угол (рис. 99, 8). Третий знак, присутствующий на плече амфоры является, возможно, фрагментом слова. Различить можно только буквы «А» и, вероятно, «q» (рис. 99, 6).

Четвертое граффито, обнаруженное на фрагменте ручки амфоры именно этого типа, является пока уникальным для памятников Таврики этого времени. Сам фрагмент ручки был найден в заполнении зольника на участке куртины XV Судакской крепости в 1990 г. В данном случае перед нами знак в виде двух букв славянского алфавита «Аз» и «Буки», разделенных крестом, под которыми расположено трудно атрибутируемое граффити, возможно в виде паруса судна (рис. 98, 3). Это граффити несколько раз упоминалось в литературе, и было неоднократно опубликовано (Майко, 2008, с. 313, рис. 1, 7; Майко, 2009, с. 288, рис. 2, 7). По мнению И.А. Баранова, основанному на датировках данных амфор в рамках второй половины ІХ в., это древнейшее свидетельство деятельности Константина Философа в Крыму по созданию славянской азбуки (Баранов, 1991а, с. 156-157). Ранее мной высказывалась точка зрения о том, что появление граффити связано с проникновением дружин руссов Х-л-гу Кембриджского Анонима на полуостров во время похода последнего в Таврику 940-941 гг. (Майко, 2001, с. 121). Однако в настоящий момент в связи с публикацией древнерусских надписей на византийских амфорах Тамани (Медынцева, Чхаидзе, 2008, с. 101-102), наиболее аргументированной выглядит точка зрения о появлении древнерусских граффито на Тамани и в Сугдее в связи с деятельностью древнерусского монастыря Тмутаракани. В любом случае, интерпретация этого знака во многом зависит от хронологии типа амфор, на которых оно обнаружено. Как уже указывалось, в салтовских комплексах, по крайней мере, Сугдеи, данные амфоры появляются в первой половине Х в. в виде отдельных фрагментов и существуют до середины ХІ в. Горизонты Судакского зольника, где была обнаружена ручка, однозначно датируются первой половиной XI в., что позволяет сузить датировку публикуемого граффити и, таким образом, конкретнее рассматривать его атрибуцию.

Остальные граффити зафиксированы на стенках амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» и ранних амфор константинопольского производства т.н. типа Ганос с клиновидным венчиком и ручками, расположенными под ним и отходящими, в большинстве случаев, перпендикулярно к горлу амфоры. Отметим, при этом, что на амфорах первого типа граффити значительно больше. При этом знаки на амфорах обоих типов принципиально ничем не отличаются. Это дает возможность рассматривать их в комплексе без необходимого разделения по типам амфор. Подчеркнем, что публикуемые граффити обнаружены в большинстве случаев на стенках амфор, значительно меньше их зафиксировано на ручках сосудов.

Предваряя описание непосредственно граффити, нельзя не упомянуть об уникальных метках-дипинти на стенках амфор с венчиком в виде «отложного воротничка». Одно из них было обнаружено в 1990 г. при исследовании уже упоминавшегося зольника на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 98, 1) (Булгаков, 2001, с. 162). В данном случае оно четко датируется второй половиной Х в. К сожалению, дипинти, нанесенное черной краской, сохранилось фрагментарно, что не позволяет произвести его однозначную интерпретацию. Во всяком случае, в опубликованном каталоге константинопольских меток-дипинти, точные аналогии отсутствуют (Булгаков, 2001, с. 153-164). Второй фрагмент амфоры с дипинти обнаружен в 2009 г. при раскопках в портовой части средневековой Сугдеи. Метка в виде четко прописанных греческих букв нанесена на горле сосуда красной краской. К сожалению и оно сохранилась фрагментарно (рис. 98, 2) (Майко, 2010, с. 431, ил. 1, 2). В литературе бытует мнение, что за пределами Константинополя подобные находки не встречаются (Булгаков, 2001, с. 153-164). Однако, находка второго фрагмента подтверждает мысль В.В. Булгакова о непосредственных торговых контактах Сугдеи с Константинополем. Лишним доказательством спорадических торговых связей Северного Причерноморья (Таврика и Тамань) с Трапезундом посредством Константинополя является и метка-дипинто из нескольких отдельных букв на воротничковой амфоре из раскопок Тмутаракани (Чхаидзе, 2003, с. 45-50; Чхаидзе, 2008, с. 159, рис. 87, 4).

Все граффити на амфорах с венчиком в виде «отложного воротничка» и ранних константинопольских амфорах типа Ганос с клиновидным венчиком традиционно распределены на: 1) знаки, 2) буквы греческого алфавита и лигатуры, 3) греческие слова, в большинстве случаев представляющие именные основы и 4) рисунки. Рассмотрим все граффити по мере их усложнения.

Первую, наименее многочисленную группу составляют отдельные знаки. К простым знакам можно отнести изображения креста (рис. 102, 11) и знака, образованного двумя разомкнутыми линиями между которыми помещено 9 параллельных черточек (рис. 102, 14). Не исключено, что это своеобразный счетный знак. Только один раз на стенке константинопольской амфоры с грушевидным рифленым туловом и клиновидным венчиком зафиксирована пентаграмма (рис. 99, 15). Встречены и более сложные знаки, атрибутировать которые, из-за неполной сохранности пока сложно (рис. 102, 3, 13). Зафиксированы и знаки, так же сохранившиеся фрагментарно, которые можно рассматривать и как сложные греческие лигатуры (рис. 102, 1; рис. 101, 23).

Вторую традиционно наиболее многочисленную группу образуют отдельные греческие буквы, буквенные сочетания и самые разнообразные лигатуры. Чаще всего встречены буквы «Н» (рис. 101, 3,4,6-8,13) и «N» (рис. 101, 5,10-12,14,16,18), часто стилизованные и усложненные дополнительными линиями и черточками. Несколько раз они присутствуют и в сочетании друг с другом (рис. 99, 11; рис. 102, 2), что уже отмечалось в литературе (Дюженко, 2001, с. 97). В одном случае зафиксировано четкое сочетание буквы «Н» и «О» (рис. 100, 4). Не исключено, что в одном случае буква «N» сочетается с буквой «n», расположенной выше (рис. 102, 10). Двумя экземплярами представлена буква «В» (рис. 101, 9, 19). В одном случае в сочетании с другой буквой, возможно так же «В». Смыкаясь вершинами, они образуют своеобразный прямой угол (рис. 101, 9). Дважды встречена и буква «К» (рис. 101, 1, 2), один раз в сочетании с буквой «п» (рис. 101, 2). Дважды, возможно в виде лигатуры, встречена и буква «D». В одном случае две аналогичные буквы смыкаются вершинами (рис. 102, 4), в другом – основанием буквы «D» является буква «пи» (рис. 101, 24). В свою очередь буква «пи» отмечена только один раз в сочетании с плохо сохранившейся буквой, расположенной справа (рис. 99, 14). Не исключено, что изображением именно буквы «пи» является сильно стилизованный знак с отходящим от него знаком, напоминающим трезубец (рис. 99, 10). Единичными экземплярами представлены греческие буквы «е» (рис. 101, 17), стилизованная «S» (рис. 101, 21) и, возможно, лигатура, состоящая из букв «rn» с «титлом» над ними (рис. 101, 15). Отдельную группу граффити составляют лигатуры, основой которых являются буквы «Q» и «R». Представлены варианты единичного изображения «f» с расположенной справа буквой, сохранившейся частично (рис. 99, 12) и собственно сложные лигатуры типологически похожие одна на другую и отличающиеся дополнительными линиями и черточками (рис. 99, 5,9; рис. 102, 12). Отдельную группу лигатур составляет две хорошо известные монограммы имени Иисуса Христа. Ода из них обнаружена на стенке амфоры, происходящей из Кара-Тобе. Это христограмма с достаточно редким изображением т-образного креста, центральный луч которого заканчивается стилизованным якорем. Слева от лигатуры помещены, вероятно, две греческие буквы «IP» (рис. 100, 1) (Майко, 2012а, с. 103-106). Аналогичная христограмма известна на стенке высокогорлого кувшина из Партенит (Паршина, 2012, с. 15, рис. 76, 23). На христограмме другого типа из Сугдеи справа от монограммы находятся остатки клейма, атрибутировать которое из-за чрезвычайно плохой сохранности сложно (рис. 100, 3). Возможно, это клеймо с именем «Константин». К сожалению, достаточно много греческих лигатур из-за плохой сохранности атрибутировать пока невозможно (рис. 101, 20,22,23; рис. 102, 5-9).

Третью, так же традиционную группу составляют греческие слова. Однако расшифровать некоторые из них из-за плохой сохранности либо очень сложно (рис. 100, 5,6), либо невозможно дать однозначный перевод (рис. 99, 16). В двух случаях четко просматриваются буквы «Тн», третью различить сложно (рис. 99, 1) и буквы «Nнп», усложненные дополнительными черточками (рис. 99, 17). Однозначно атрибутируются только слова «Стефан» (рис. 99, 3) и знак, обозначающий, возможно, цифру 500 (рис. 99, 2). Интересно, что этот последний знак известен и на античных амфорах греческого производства.

Для сравнительного анализа буквенных греческих граффити интересную информацию предоставляет надпись на амфоре из ялтинского музея (Турова, 2010, с. 255). Граффити предположительно (по прорисовке) читается как Σ аукі́тης Ка λ υβήτης «Санкит Кущник». По мнению исследовательницы, первое слово явно не греческого происхождения, но оформлено по модели греческих мужских имен первого склонения. Второе слово является устойчивым эпитетом преп. Иоанна Кущника.

Четвертую группу составляет пока единственное достаточно реалистичное изображение корабля (рис. 100, 2). Исходя из его датировки (середина X в.) и аналогий, известных благодаря раскопкам средневекового монастыря на г. Аю-Даг, некоторые исследователи считают его свидетельством похода дружин русов Н-л-гу Кембриджского Анонима в Таврике (Тесленко, 2000, с. 125-129). Однако для подобного вывода аргументов явно недостаточно.

Только двумя экземплярами представлены амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка», сохранившиеся в археологически целом виде. Это позволяет рассмотреть в комплексе все помещенные на них граффити. На одной амфоре (рис. 93, 5) присутствуют три знака в виде различных по исполнению двузубцев, расположенные под ручками сосуда (рис. 93, 3, 4). На тулове зафиксированы знаки в виде креста (рис. 93, 1) и, расположенных под ним, греческой буквы «В» и сложного знака образованного многочисленными пересекающимися линиями (рис. 93, 2). Под ручкой другой амфоры (рис. 93, 6) расположен типологически близкий вышеописанному сложный знак в виде пересекающихся линий (рис. 93, 7) и, возможно, греческие буквы «п» и «|», образующие лигатуру (рис. 93, 8).

В отдельную своеобразную хронологическую группу выделены граффити обнаруженные на стенках и ручках самого позднего варианта амфор с венчиком в виде «отложного воротничка». Граффити принципиально ничем не отличаются от проанализированных выше. Они представлены различными знаками в виде лесенки (рис. 94, 11), квадрата с прочерченными диагоналями (рис. 94, 8) и пересекающихся линий (рис. 94, 7). Отдельную, наиболее многочисленную категорию составляют греческие буквы и лигатуры. В двух случаях это буква «Н» (рис. 94, 5,10), в другом – стилизованная «N» (рис. 94, 9), в третьем –стилизованная «А» (рис. 94, 4). Отдельную группу граффити составляет изображение буквы «В» в сочетании с другими буквами и трудноразличимыми знаками (рис. 94, 3,6) и два одинаковых граффити в виде двух букв «В», расположенных под прямым углом одна по отношению к другой (рис. 94, 13,14). И, наконец, на одной из амфор этого варианта (рис. 94, 12) зафиксированы два граффити. Одно в виде трезубца, другое, вероятно, является фрагментом лигатуры, где четко различимы только две последние буквы «Т» и «пи» (рис. 94, 2).

Таким образом, подавляющее большинство проанализированных граффити свидетельствую о знании жителями восточного Крыма греческого языка как в период середины VIII - первой половины X вв., так и во второй половине этого столетия и середины следующего. Вместе с тем, на сосудах всех типов обоих хронологических периодов присутствуют и граффити

в виде двузубцев и трезубцев, являющихся, по мнению большинства специалистов, тюркскими родовыми знаками.

С другой стороны, до сих пор сложно сказать, что именно обозначала эта знаковая система, помешенная на стенках и ручках сосудов. Нельзя не отметить в этой связи, что подавляющее большинство граффити зафиксировано все же на тарной керамике, поступавшей в Таврику с территории византийской империи. Не исключено, что все же большая часть граффити связана именно с организацией и осуществлением товарной деятельности.

Второй категорией тарной керамики являются хорошо известные для полуострова высо-когорлые кувшины с ленточными ручками (рис. 103-106). Традиционно они рассматриваются в связи с четырьмя основными проблемами, типичным для любой категории керамики: территория распространения, морфологические особенности и типология, хронологические рамки бытовая и центр или центры производства. В последнее время во всех этих проблемах достигнуты неплохие опубликованные результаты, что избавляет от повторений.

Территория их распространения довольно ограничена и включает, прежде всего, Таманский полуостров, Крым, в том числе и подводные находки, служившие грузом кораблей, Северо-Западное Причерноморье, Кубань, Подонье и Приазовье. Известны их находки на территории Древней Руси, а так же при проведении подводных исследований в Черноморском и Азовском регионах, так же и экземпляры обнаруженные при раскопках кварталов в столице Византийской империи (Чхаидзе, 2008а, с. 403-404; Науменко, 2009, с. 54-57; Науменко, 2010, с. 327).

Как уже неоднократно отмечалось, данные сосуды вошли составной частью во все обобщающие типологии тарной керамики Крымского полуострова и Тамани. Историография вопроса подробно изложена в недавних работах В.Н. Чхаидзе и В.Е. Науменко (Чхаидзе, 2008а, с. 399-403; Науменко, 2009, с. 50-57). Предпринимавшиеся в литературе попытки произвести их морфологическую и хронологическую типологию, ориентируясь в частности на усложненный характер профилировки венчика и особенности морфологии тулова (Сазанов, 2001, с. 231-241), на мой взгляд, не дали положительных результатов, с чем согласны и другие исследователи (Науменко, 2009, с. 57). Историография попыток типологического членения высокогорлых кувшинов, в том числе с целью выделения хронологических типов детально изложена в работе В.Н. Чхаидзе (2008а, с. 401). Действительно, материалы раскопок последних лет портовой части средневековой Сугдеи свидетельствую о том, что в одном и том же закрытом комплексе существовали самые разнообразные варианты венчиков данных сосудов от простого, с едва намеченным наружным валиком, до сложнопрофилированного с двойным профилированным наружным валиком. В настоящее время, обладая огромными коллекциями высокогорлых кувшинов, можно говорить о разнообразных морфологических типах тулова изделий от раздутых приземистых до вытянутых узких. Однако строить, основываясь на этом, какие-либо типологии мне кажется преждевремен-

Хронологические рамки бытования тарных высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками (Науменко, 2009, с. 51) на примере Херсонеса и Боспора детально рассмотрены В.Е. Науменко (2009, с. 54-56). На современном этапе исследований можно с полной уверенностью утверждать, что появляются они в Таврике в третьей четверти IX в. и активно используются до последней четверти XI в. (Науменко, 2009, с. 57). Попытки удревнения нижней хронологической границы высокогорлых кувшинов Таманского городища и поиск морфологического прообраза самой формы изделия, детально проанализированы В.Н. Чхаидзе (2008а, с. 400-401). На мой взгляд, несмотря на обилие неопубликованного материала, они представляют только историографический интерес. В данном случае намного важнее установить, когда же начинается их численное преобладание в составе тарной керамики археологических комплексов полуострова. И если так, был ли это единый процесс для всей Таврики, или он имел локальные хронологические отличия для ее разноэтничных регионов. Археологические реалии со всей очевидностью доказывают, что для салтово-маяцких комплексов всех частей Крыма находки высокогорлых кувшинов значительно уступают местной амфорной таре. Вместе с тем в следующий хронологический период они наоборот составляют большинство тарных сосудов. Из этого можно сделать пока только один вывод. Исчезновение массового местного производства амфорной тары является маркером увеличения процента высокогорлых кувшинов в геометрической прогрессии.

Большинство исследователей согласно с тем, что центр или центры их производства находились на Таманском полуострове, возможно и на территории Керченского полуострова (Науменко,

2009, с. 53-54; Чхаидзе, 2008а, с. 401-40245). В пользу их северокавказского происхождения говорит нефтяная смола, которой пропитаны внутренние поверхности большинства кувшинов. Проведенный его химический и люминесцентный анализы подтверждает близость этой нефти месторождениям Таманского полуострова (Науменко, 2010, с. 324-328). О разработке открытых месторождений нефти в районе Зихии и Таматархи в середине Х в. сообщает Константин Багрянородный (Константин Багрянородный, 1989, с. 272-273). Как известно, нефть являлась главной и по сути дела единственной составляющей при изготовлении т.н. «греческого огня». Прекращение широкого использования высокогорлых кувшинов по сути дела совпало с постепенным выходом этого вида «огнестрельного оружия» из употребления к началу XII в. Связано это было с общим упадком византийской армии и флота, а так же сокращением доступа империи к Таманским месторождениям в связи с половецкой экспансией (Науменко, 2010, с. 327). В.Н. Чхаидзе считает, что высокогорлые кувшины могли использоваться не только для транспортировки нефти (2008а, с. 402). Нельзя не отметить, что в последние годы археологические комплексы в портовой части Сугдеи свидетельствуют о том, что в первой половине XI в. в составе тарной керамики не менее 3/4 составляют высокогорлые кувшины. Технологически они самые разные. От грубых толстостенных форм до тонкостенных сосудов очень высокого качества изготовления. Очень разнообразен состав теста и обжиг изделий. Процент черносмоленых фрагментов невелик. Поскольку мастерских по производству кувшинов до сих пор не найдено, пока можно предполагать их производство и в Сугдее.

Граффити на высокогорлых кувшинах встречаются относительно редко. Как и в случае с амфорной тарой, изучение их находится на стадии накопления материала. До настоящего времени, за исключением знаменитой сложной для атрибуции надписи на стенке кувшина из Тмутаракани, граффити на этой категории тарной керамики, происходящей из Тмутаракани и Саркела, в комплексе анализировались только в работе В.Н. Чхаидзе (2008а, с. 402). Помимо этого в последнее время разнообразные граффито на высокогорлых кувшинах тщательно проанализированы на материалах Партенит (Паршина, 2012, с. 13-16). Все встреченные на высокогорлых кувшинах восточного Крыма граффити процарапаны по сухой глине.

Группа 1 — сложносоставные знаки, атрибутировать которые сложно. Не исключено, что один из них представляет собой фрагмент греческой лигатуры (рис. 104, 4). Оба они присутствуют у основания ленточных ручек. Группа 2 — греческие буквы и лигатуры, зафиксированные как на стенках, так и на днищах сосудов. В одном случае это буква «Н» (рис. 104, 5), в другом — стилизованное изображение буквы «В» (рис. 104, 3), в третьем — лигатура, основу которой составляют, возможно, буквы «FHR» (рис. 103, 3), хотя правомерны и другие варианты. Не исключено, что это фрагмент именной основы, атрибутируемой как QeÒgnostoz. Группа 3 — различные по технике исполнения трезубцы (рис. 104, 6), в одном случае с нижним основанием. Оба зафиксированы на днищах. Морфологически они ничем принципиально не отличаются от трезубцев на амфорах причерноморского типа. Уникальным экземпляром представлено единственное клеймо в виде буквы «К» (рис. 103, 5), присутствующее на горле высокогорлого кувшина, обнаруженного М.А. Фронджуло при раскопках горизонта дома-пятистенки второй половины X — начала XI вв. на участке т.н. Приморского укрепления. Аналогии этому клейму мне неизвестны.

4.1.2. Кухонная керамика. Самой выразительной частью керамического комплекса населения восточного Крыма является кухонная посуда. Предпринятые в литературе попытки ее типологического членения (Borisov, 1989, р. 135-260; Борисов, 1988, с. 28-33; Димитров, 1993, с. 113; Баранов, 1994, с. 12-13, Баранов, Майко, 1996, с. 63-72; Майко, 1999, с. 43-46; Науез, 1992, р. 117-119; Нессель, 2006, с. 100-104), не исчерпывают всего многообразия данной категории керамики на территории Таврики. С другой стороны, накопленный к настоящему времени материал, позволяет дополнить предложенную ранее типологию кухонной посуды населения восточного Крыма середины X - XI вв. В основу типологии положен комплексный подход, базирующийся на особенностях функционального назначения, морфологии и технологии изготовления сосуда. Выделено три типа горшков, два типа ойнахой, три типа кувшинов, крышки и миски.

Тип 1 - горшки с плавно отогнутыми уплощенными венчиками, имеющими, иногда, тонкий паз для крышки, высокой шейкой, коническим или шарообразным туловом. На днищах, имеющих,

⁴⁵ Там же и основная историография проблемы места производства высокогорлых кувшинов.

иногда, небольшой бортик, хорошо заметны следы формовки на песчаной подсыпке. Тесто относительно рыхлое с примесями мелкого песка и пиритов (рис. 107-110). Основные размеры горшков 0.16-0.18 х 0.19-0.21 м. Известны и совсем маленькие сосуды не более 0.12 м высоты, а так же крупные формы 0.20-0.22 м высотой. Наиболее представительная коллекция подобных горшков за пределами восточного Крыма известна в Херсонесе (Нессель, 2006, с. 125, рис. 21).

Характерной особенностью горшков этого типа является ленточная ручка, прилепленная непосредственно к краю венчика. Нижний прилеп - на плечиках сосуда. На одной из таких ручек зафиксировано не очень четкое граффито в виде креста. По технологии изготовления данные ручки полностью идентичны ручкам высокогорлых кувшинов. На плечиках сосудов часто встречается орнамент в виде одной или двух горизонтальных линий. Согласно технологической методике изучения керамики А.А. Бобринского, эти горшки соответствуют РФК-3 (Бобринский, 1978, с. 49). На полу помещения Б дома второй половины X-XI вв. в портовой части Сугдеи (раскопки 2009 г.) встречен археологически целый подобный сосуд, отличающийся более высокой техникой изготовления (рис. 109, 3). При совпадении основных морфологических параметров, состава глины и характера ручки стенки изделия тонкие, подобные стенкам сосудов типа 2. Вариантом Іб этих горшков являются единичные формы с двумя ленточными ручками, аналогии которым известны в Херсонесе (Нессель, 2006, с. 125, рис. 21, 1). Среди них выделяется очень крупное изделие, обнаруженное в заполнении упомянутого выше помещения Б с линейным орнаментом на плечиках, имеющее так же две массивные ленточные ручки (рис. 109, 2). Вариантом Івсовершенно аналогичные по технике изготовления сосуды, но с высоким цилиндрическим горлом и носиком слива на венчике (рис. 108, 6,8; рис. 109, 1). По морфологии они близки ойнахойям. Типологически близкие сосуды этого варианта обнаружены в крепости Алустон (Мыц, 1991, с. 84, рис. 33, 3) и Херсонесе (Нессель, 2006, с. 123, рис. 19, 6).

Остальные типы кухонной посуды изготовлены из хорошо отмученной плотной глины с практически незаметными примесями песка и пиритов. Цвет сосудов разнообразный, от красного до коричневого. Согласно упомянутой методике А.А. Бобринского они соответствуют РФК-5, РФК-5,6.

Тип 2 - горшки с т-образным венчиком различной профилировки. Шейка практически отсутствует. Тулово шарообразное, в некоторых случаях приближающееся к яйцевидному. Ручка сосудов плоская, широкая, чаще всего с канелюрами, прилеплена непосредственно к краю венчика, нижний прилеп - в придонной части тулова. Днище сосудов линзовидное, несколько выпуклое. В придонной части часто встречается пролощенная полоса, присутствующая, иногда, и на самом дне по его радиусу (рис. 111,112). Основные размеры 0.14-0.18 х 0.16-0.18 м. Вариантом 2б горшков этого типа являются аналогичные сосуды с туловом, покрытым плавным регулярным рифлением. На стеках двух горшков прочерчены граффито в виде букв греческого алфавита. Вариант 2в представлен пока единственным сосудом с гладким туловом и двумя плоскими ручками, имеющими на месте верхнего прилепа своеобразный орнамент в виде трех декоративных пальцевых вмятин, образующих треугольник. Этот уникальный сосуд находится в экспозиции археологического музея г. Варны (Болгария). Согласно типологии Дж. Хейса горшки этого типа относятся к депозиту 39, датирующемуся не ранее середины X в. (Hayes, 1992 р. 183, fig. 63, 4,5).

Тип 3 - горшки с т.н. каплевидным венчиком, шарообразным или яйцевидным туловом. Шейка, как и у горшков типа 2 практически отсутствует, аналогичны придонная часть тулова и дно. Схожи и другие морфологические показатели (рис. 113-115). Исходя из особенностей профилировки венчика, сосуды типа 3 предварительно разделены на 5 вариантов. Вариант 3а - наиболее многочисленный, составляют сосуды собственно с каплевидным венчиком, разных размеров и туловом, чаще всего покрытым регулярным рифлением, начиная от плечиков и до придонной части горшка. Ручка плоская, широкая с канелюрами, прилеплена непосредственно к краю венчика. Отличительной ее особенностью является ярко выраженный пальцевой прилеп в верхней части. Нижний прилеп, как и у горшков типа 2 - в придонной части сосуда. Вариант 3б составляют так же аналогичные горшки, но с большей шейкой, более крутыми и подчеркнутыми плечиками. Венчик у них плавно отогнут и уплощен, расположен практически вертикально (рис. 113, 5,7). У сосудов этого варианта встречено как гладкое, так и рифленое тулово, покрытое тонким слоем ангоба. Ручка плоская с канелюрами и ярко выраженным пальцевым прилепом, иногда, немного приподнята над венчиком. Вариант 3в образуют аналогичные по всем пока-

зателям горшки на венчиках которых ярко выражен паз для крышки в виде широкой полосы (рис. 114, 2,3). Вариант 3г составляют близкие сосуды, встреченные в единичных экземплярах, имеющие манжетовидный венчик с канеллюрами с внешней, и пазом для крышки - с внутренней стороны. Верхний прилеп ручки расположен немного ниже края венчика. Тулово покрыто мелким регулярным рифлением (рис. 113, 10). Вариант 3д составляют сосуды с плоским, почти вертикальным, косо срезанным венчиком и большей чем у других вариантов шейкой. Тулово шаровидное, гладкое или рифленое. Отличительной их особенностью является линейный орнамент, нанесенный на шейке или плечиках белым ангобом (рис. 113, 8). Диаметр венчика примерно равен диаметру дна. Отличия — небольшие размеры сосудов 0.07-0.09 м и круглая в сечении ручка, приподнятая над венчиком. Согласно типологии Дж. Хейса горшки этого типа относятся к депозиту 40, датирующемуся второй половиной X-XI вв. (Науеs, 1992 р. 186, fig. 66, 37-40). На Балканах данный тип кухонных сосудов не получил широкого распространения. Так среди материалов археологического комплекса близ с. Дядово, подобные горшки, отнесенные к типу II вариант С, (Вогізоу, 1989, р. 159, fig. 183, b), встречены относительно редко.

Вторую категорию кухонной посуды составляют ойнахойи. Они представлены двумя типами. Технологически ойнахойи совершенно идентичны горшкам типов 2 и 3.

Тип 4 - составляют сосуды известные в Сугдее только во фрагментах (рис. 118, *1,2,16,17*). Единственная целая форма происходит из подводных исследований в бухте пос. Новый Свет среди скопления материала второй половины X в. (рис. 119, *1*). Характерной особенностью формы является низкое горло в форме трилистника, шаровидное с мелким регулярным рифлением тулово сосуда с противоположной от ручки стороны сильно приплюснуто, образуя плоскость на которой сосуд может лежать. Уплощенная ручка с отверстием на месте верхнего прилепа отходит непосредственно от края венчика. В придонной части расположена еще одна горизонтальная ручка для подвешивания⁴⁶. Из материалов раскопок Партенит происходит совершенно аналогичный археологически целый сосуд данного типа (Паршина, 1991, с. 82, рис. 7; Паршина, 2002, с. 99, рис. 8) (рис. 119, 2). Крупные фрагменты типологически близких ойнахой известны и в материалах заполнения жилого дома на поселении близ с. Передовое в юго-западном Крыму (раскоп 3) (Якобсон, 1970, с. 42, рис. 10, 4) (рис. 119, 3), а так же Херсонеса (Нессель, 2006, с. 122, рис. 18, 3,4).

Тип 5 - ойнахойи с шаровидным туловом, широкой цилиндрической шейкой и почти прямым плоским венчиком, край которого немного отогнут. Носик слива подпрямоугольной формы, ярко выраженный. По справедливому мнению В.А. Нессель, он имеет форму квадрифолия или многолепестковой розетки (2006, с. 102). Как и у ойнахой типа 4 на плечиках часто присутствует орнамент в виде рельефной полосы или валика, часто профилированного. Ручка уплощенная, довольно широкая с ярко выраженным пальцевым прилепом в верхней части, расположена сразу под венчиком. Нижний прилеп - в придонной части. Характерной особенностью этого типа ойнахой, помимо ручки, является неширокое плиточное дно с ярко выраженными концентрическими полосами от гончарного круга с внутренней стороны. Поверхность ойнахой покрыта тонким слоем ангоба, вероятно, из той же глины, что и сам сосуд (рис. 118, 3-6). Основные размеры 0.10-0.14 х 0.10-0.14 м. И в данном случае вариант 56 составляют аналогичные ойнахойи с волнообразным туловом. Наиболее представительная коллекция подобных ойнахой, помимо Сугдеи, происходит из раскопок Херсонеса (Нессель, 2006, с. 128, рис. 24, 1-6), где они справедливо выделены в самостоятельный тип (Нессель, 2006, с. 102).

Из-за фрагментарности находок, труднее всего типологически расчленить следующую категорию керамики – кувшины (рис. 118). Предварительно выделено 3 типа.

Тип 6 - составляют сосуды, у которых диаметр дна немного меньше диаметра плечиков. Тулово гладкое или рифленое. Горло высокое, расчлененное в верхней части ребром. Носик слива разного типа: острый небольших размеров, ярко выраженный большой или небольшой трапециевидный. Ручка плоская широкая с канелюрами. Верхний прилеп с остатками пальцевого или инструментального прилепа разного типа, напоминающего орнамент, расположен несколько ниже края венчика. Нижний прилеп в придонной части сосуда. На плечиках, а иногда и на шейке, встречается орнамент в виде нескольких рельефных профилированных полос. Найдено всего

⁴⁶ Выражаю признательность С.М. Зеленко за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок.

два фрагмента кувшинов этого типа с разным вариантом волнистого орнамента на плечиках (рис. 118, 7,8). Наибольшее представление о морфологии подобно орнаментированных кувшинов дают материалы раскопок Херсонеса (Нессель, 2006, с. 124, рис. 20, 1,2). Как уже указывалось, размеры сосудов разные. Исходя из фрагментарности находок, точные морфологические соотношения установить пока затруднительно.

Тип 7 - образуют кувшины с туловом, приближающимся к грушевидному. Дно широкое плоское. Шейка так же расчленена рельефным ребром или валиком, носик слива аналогичен кувшинам предыдущего типа. Схожи и другие морфологические показатели, в том числе и ручка. По морфологическим особенностям эти кувшины приближаются к аналогичным сосудам с лощеной поверхностью т.н. «аланского облика». Подобный целый кувшин обнаружен при раскопках Плиски (Болгария) (Джингов, 1992, с. 115, обр. 17).

Тип 8 - образуют небольшие кувшинчики, у которых диаметр дна несколько меньше или равен диаметру плечиков. Тулово цилиндрическое, плечики расположены на середине высоты (рис. 118, *11-13*). По морфологии они подобны кувшинам типа 6. На одном из фрагментов обнаружено граффито. Встречены и сосуды с линейным орнаментом, нанесенным белым ангобом, клиновидным прямым венчиком и приподнятой над ним круглой в сечении ручкой (рис. 118, *9*, *15*, *19*). Вариантом 8б является пока единственный сосуд с волнообразным туловом (рис. 118, *10*). Аналогичные миниатюрные кувшинчики всех выделенных вариантов известны в материалах раскопок Алустона (рис. 4.118, *20*) и Херсонеса (Нессель, 2006, с. 128, рис. 24, 9-11).

Тип 9 - крышки конической формы (рис. 116,117). У них плоская широкая горизонтальная ручка с канелюрами. На местах прилепов – остатки пальцевого вдавления. Венчик округлый профилированный, иногда с линейным орнаментом или рельефной полосой на шейке. Характерной особенностью этих крышек является небольшой своеобразный кольцевой поддон, образованный вследствие нанесения на верхнюю часть сосуда орнамента в виде пальцевых защипов или защилов, выполненных при помощи инструмента по всему его внешнему радиусу. По соотношению диаметра венчика и донышка выделено два варианта. Вариант 9а составляют большие крышки конической формы, у которых это соотношение составляет 0.14-0.16 х 0.30-0.32 м при высоте 0.10-0.11 м (рис. 116, 10-12). Вариант 9б образуют экземпляры меньших размеров, у которых соотношение диаметров составляет 0.16-0.18 х 0.24-0.26 м при высоте 0.09-0.10 м (рис. 116, 7-9). Вариант 9в представляют единичные фрагменты аналогичной по всем показателям посуды, но без концентрического пальцевого или инструментального орнамента по внешнему радиусу крышки. Археологически целая подобная крышка происходит из археологических раскопок торжища в Партенитах (рис. 117, 1). Вариант 9г образует единственный экземпляр крышки с двумя петлевидными ручками, уплощенными в разрезе. Тулово шлемообразное гладкое, верхний прилеп ручки расположен почти у самого верха сосуда, нижний - непосредственно под венчиком (рис. 116, 4).

Необходимо отметить, что подобные крышки, известные в Херсонесе (Нессель, 2006, с. 131, рис. 27, 19,21,22; Рыжов, Седикова, 1999, с. 326, рис. 10-11), составляют в керамических комплексах не более 2% от общего количества подобной категории посуды. В комплексах же восточного Крыма подобные крышки встречены намного чаще. Интересные аналогии рассмотренным крышкам известны в керамическом комплексе Лигурийского города Савонна, где выделяется группа изделий (группа В. 4) (Archeologia urbana..., 2001, р. 121-130), морфологически идентичных нашим с разной профилировкой венчика, правда без защипов по краю (Archeologia urbana..., 2001, р. 125, fig. 49, № 411-420). Данное обстоятельство может свидетельствовать о некоторых сходных чертах развития керамического комплекса не только Причерноморского, но и Средиземноморского регионов в середине X – XI вв.

Тип 10 - последнюю категорию посуды составляют миски (рис. 116). Процент их в общей численности керамического материала очень незначительный. Предварительно выделено четыре варианта, представленные единичными экземплярами. Вариант 10а образуют небольшие мисочки конической формы с округлыми венчиками, основные размеры Дв - 0.14, Н - 0.06-0.08 м (рис. 116, 6). Вариант 10б образуют так же конические миски больших размеров. Основные пропорции Дв -0.26, Н - 0.08 м (рис. 116, 1). Типологически близкие миски известны в значительно больших количествах в материалах раскопок Херсонеса (Нессель, 2006, с. 129, рис. 25, 1-6). Вариант 10в составляет маленькая мисочка конической формы на плиточном дне с небольшой округлой псевдоручкой, прилепленной непосредственно к краю венчика (рис. 116, 5). Вариант 10г составляет

единственный фрагмент миски сферической формы с остатками петлевидной ручки, один прилеп которой, расположен с внутренней, а другой - с внешней стороны венчика сосуда. Ручка приподнята над уровнем венчика примерно на 2-2.5 см. Край венчика косо срезан.

Знаки на тонкостенной кухонной посуде населения восточного Крыма этого времени составляют отдельную крайне малочисленную категорию граффити (Майко, 1999, с. 55-60, рис. 5-10). Три обнаруженных знака представляют собой различные буквы греческого алфавита и зафиксированы в двух случаях на стенках (рис. 111, 2,4) и в одном - на ручке сосудов (рис. 114, 5). В двух случаях можно с уверенностью утверждать, что это буква «В» и стилизованная буква «U», в одном – предположительно две стилизованные буквы «г». Кроме того, на ручках кухонных сосудов, типа 1, присутствуют граффити в виде креста (Майко, 1999, с. 56, рис. 6, 1) (рис. 108, 1) и в виде греческой лигатуры (рис. 109, 2). В качестве аналогии интересно вспомнить о единственном подобном сосуде (горшок типа 3 по нашей типологии), происходящем из раскопок С.Б. Адаксиной на территории монастыря Святых Апостолов Петра и Павла в Партенитах (рис. 114, 9). На его стенках примерно на уровне плечей присутствует трехстрочная греческая надпись, прочерченная по сырой глине. Однострочная греческая надпись прочерчена и у верхнего прилепа широкой ленточной ручки. Атрибутировать эти надписи пока сложно (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2001, с. 85, рис. 86). Подчеркнем еще раз, что в отличие от букв на сосудах из Сугдеи, данная надпись прочерчена до обжига сосуда. Граффити в виде трех греческих букв АήА зафиксировано и на аналогичном тонкостенном сосуде из раскопок западного загородного храма Херсонеса (Романчук, 2004, рис. 10, 2).

Рассматривая кухонную керамику населения восточного Крыма, необходимо остановиться на двух важных моментах: где изготовлялась и где обжигалась эта разнообразная посуда. В 1994 г. в портовой части средневековой Сугдеи в культурном слое X-XI вв. вместе с описываемой керамикой были найдены три больших фрагмента каменных гончарных кругов, изготовленных из местного сланца. Диаметр их 0.45 и 0.50 м при толщине 0.10-0.12 м. Вероятно, они относятся к ножным гончарным кругам и, таким образом, свидетельствуют о местном производстве описываемой керамики. К сожалению, до настоящего времени гончарные мастерские, с которыми можно было бы связать производство анализируемой керамики, на полуострове не обнаружены. Что касается обжига данной кухонной посуды, то на этот вопрос ответить так же сложно, поскольку печей для обжига, как и мастерских, пока не обнаружено. Однако на некоторых фрагментах сосудов разных типов и вариантов фиксируются хаотические пятна поливы, иногда, такие же пятна и полосы (подтеки). Расположены они на разнообразных частях сосуда. Исходя из этого, можно предположить, что кухонная керамика, обжигалась в одних печах с местной поливной столовой посудой. По мнению С.Б. Сорочана (2012, с. 219) для средневизантийского периода, как и более раннего, можно говорить об одновременном, параллельном существовании как узкоспециализированных мастерских, рассчитанных на производство строительной и тарной керамики, так и тех, где совмещали производство амфор со столовой и кухонной посудой.

4.1.3. Столовая посуда. Это сосуды, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины светло коричневого, зеленовато-бежевого, но, чаще всего, бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность в подавляющем большинстве покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы. Данная лощеная посуда длительное время связывалась с салтово-маяцкой культурой Подонья и Приазовья, датировалась в рамках второй половины VIII - первой половины X вв. и вошла своеобразной составной частью в разнообразные типологии керамического комплекса указанной культуры в целом. Некоторые кувшины, в частности обнаруженный в Саркеле, даже стали ее своеобразным маркером. Под воздействием авторитета М.И. Артамонова и С.А. Плетневой, все, крайне незначительные находки этих сосудов традиционно относили к салтовской культуре с соответствующими для нее датировками. Это в первую очередь касалось подобных сосудов на территории Крымского полуострова, ибо за его пределами, кроме Саркела, данная керамика в виде нескольких реконструируемых форм и мелких фрагментов была обнаружена только в Таматархе, где ее отнесли к салтовскому периоду жизни города (Чхаидзе, 2008, с. 195-200). О находке верхней части подобного кувшина в слоях конца X - начала XI вв. древнерусского городища Воинь (Довженок, Гончаров, Юра, 1966, табл. XII, 3), за исключением констатации факта А.Л. Якобсоном (1979, с. 80), вообще не упоминалось, так как трудно было предположить

функционирование кувшина VIII-IX вв. столь длительное время. Так находки подобных лощеных сосудов в Партените, на основании Саркельских аналогий были отнесены к салтовскому времени (Паршина, 1991, с. 77-78). Безусловно салтовским считал аналогичный саркельскому Херсонесский кувшин И.А. Баранов, включивший его в типологию столовой лощеной посуды крымского варианта салтовской культуры с соответствующими датировками (Баранов, 1990, с. 100, рис.35, 5; Вагапоv, 1990, р. 41, taf. 7, 5). Никаких сомнений не возникает и у А.И. Айбабина при датировке и этнической атрибуции подобного керченского сосуда (Айбабин, 1999, с. 223, рис. 87, 6).

Необходимо добавить, что, во-первых, технологически, крымские и аналогичные им Саркельские и Тмутараканские сосуды совершенно не похожи на лощеные салтово-маяцкие. Сразу хочу оговориться, что в данном случае нет смысла приводить анализ хорошо известной салтовской лощеной посуды, библиография работ о которой насчитывает не один десяток наименований. Отметим только, что лощеная столовая салтовская керамика неоднократно становилась предметом специального изучения как с точки зрения создания разнообразных морфологических типологий, так и технологии изготовления. Тем не менее, по утверждению В.С. Флёрова, специально занимавшегося этим вопросом, технология лощеной посуды, исходя из объективных и субъективных причин, до конца не изучена (Флёров, 2000, с. 111-119). Однако и при таком состоянии исследования совершенно очевидно, что она кардинальным образом отличается от рассматриваемых сосудов. Сближает их только наличие лощения и то в большинстве случаев различного. Напомним, что в отличие от типичной лощеной салтовской керамики, и саркельские и крымские сосуды изготовлены из хорошо отмученной и обожженной глины светло-коричневого, зеленовато-бежевого, но чаще всего бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность сосудов в подавляющем большинстве покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы.

Для установления хронологических рамок бытования рассматриваемой столовой керамики необходимо, прежде всего, проанализировать территорию ее распространения и хронологию комплексов, где встречаются данные сосуды.

Территория распространения анализируемой керамики достаточно ограничена. В Крыму единичные целые формы известны только в Херсонесе (Баранов, 1990, с. 100, рис. 35, 5; Вагапоv, 1990, р. 41, taf. 7, 5), Керчи (Айбабин, 1999, с. 223, рис. 87, 6; Сазанов, 1998, с. 58, рис. III, 20) и Партенитах (Паршина, 1991, с. 77-78; Паршина, 2002, с. 99, рис. 8), в виде мелких фрагментов она зафиксирована на Мангупе⁴⁷ и Алустоне. В частности на Мангупе фрагмент подобного кувшина с орнаментом в виде кружков и линий обнаружен в материалах раскопок 1999 г. в слое «разрушения» 4 участка хозяйственного двора к северо-востоку от помещения 1 здания 14 на площади квадрата О раскопа XI в (Герцен, 2000, рис. 64, 6).

За пределами полуострова данная керамика встречена в причерноморских портовых пунктах, таких как Тмутаракань на Тамани (Плетнева, 1963, с. 41, рис. 24, 10; Чхаидзе, 2008, с. 196, рис. 110, 8-10) и Несебр и Варна на Балканах (Българите..., 2004, с. 62, № 49). Кроме того, отдельные сосуды обнаружены в материалах крепостей, находившихся на пересечении важных водных речных магистралей. Яркий пример этого Саркел (Артамонов, 1958, с. 32, рис. 19, 3; Плетнева, 1967, с. 117, рис. 28, 3; Плетнева, 1959, с. 213, рис. 1, 1,2; Шелковников, 1959, с. 279, рис. 3), древнерусская крепость Воинь (Довженок, Гончаров, Юра, 1966, табл. XII, 3; Якобсон, 1979, с. 80), Диногеция в Румынской Добрудже (Сотя, 1967, fig. 104, 11, 12, 14-16).

Проанализируем археологический контекст находок этих сосудов. Наиболее ясная картина со знаменитым Херсонесским кувшином (Баранов, 1990, с. 100, рис. 35, 5). Как известно, он найден в помещении IV квартала III совместно с монетами Романа I и Константина VII, и даже монетами Василия II (Якобсон, 1959, с. 314; Сазанов, 1998, с. 57). Сопровождавший находку керамический материал, в частности амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» при отсутствии амфор причерноморского типа и т.н. баклинских ойнахой, свидетельствует о том, что датируется он не ранее второй половины X в. При этом, основываясь на практически полном отсутствии подобной керамики в Херсонесе, А.Л. Якобсон считал его привозным, не указывая, но, очевидно, подразумевая Саркел (Якобсон, 1959, с. 314).

⁴⁷ Выражаю признательность А.Г. Герцену и В.Е. Науменко за возможность познакомиться с неопубликованными материалами.

Сложнее обстоит дело с датировкой Керченского сосуда (Айбабин, 1999, с. 223, рис. 87, 6; Сазанов, 1998, с. 58, рис. III, 20). А.В. Сазанов датирует его появление не ранее последней трети X в. (1998, с. 57). Судя по опубликованной стратиграфической ситуации (Айбабин, 2000, с. 168-185), он происходит из слоя, перекрывшего раннесредневековый дом, сложенный техникой кладки «в елку». Исходя из этого, вероятно, сосуд связан с той частью т.н. слоя серовато-коричневого суглинка в заполнении помещения 1, исследованного в 1990-1991 гг. А.И. Айбабиным, где обнаружен достаточно выразительный комплекс находок второй половины X - XI вв. Он является характерным для восточного Крыма именно этого времени, что подтверждают датированные монетами синхронные закрытые комплексы Сугдеи. Поскольку этот материал происходит из слоя перекрывающего постройку, то совершенно понятно наличие в нем некоторого фрагментированного материала более раннего времени в частности амфор причерноморского типа и наиболее поздних кухонных салтовских горшков. Основная же часть салтово-маяцкой кухонной керамики относится к заключительному периоду функционирования дома.

Спорной остается ситуация с сопоставлением данных сосудов с конкретными стратиграфическими горизонтами средневекового Боспора. Помимо рассмотренного кувшина, в Керчи, благодаря раскопкам Т.И. Макаровой обнаружены фрагменты подобной керамики. Происходят они из комплексов, датированных последней третью или второй половиной X в. (Сазанов, 1998, с. 69, табл. 7). Другое дело, что нижняя хронологическая граница этих комплексов Боспора отнесена к концу IX в., что, на мой взгляд, трудно доказуемо. Рассмотренный же выше кувшин отнесен уже к следующему хронологическому периоду конца X - середины XI в. (Сазанов, 1998, с. 71, табл. 11). Исходя из стратифицированной хронологической колонки Судакского городища, рассматриваемые в работе лощеные сосуды, относятся к единому для всей средневековой Сугдеи стратиграфическому слою 40-х гг. X - XI вв. (Майко, 2004, с. 201-244). Исходя из этого, хронологические рамки существования, да и сам факт выделения упомянутых выше двух слоев Керчи, представляются не совсем обоснованным. На наш взгляд, материальная культура Боспора должна иметь примерно те же тенденции развития, что и материальная культура Сугдеи близкой и по этническому составу населения и по основным этапам исторического развития.

Как уже указывалось, помимо Боспора, крайне немногочисленные и сильно фрагментированные обломки рассматриваемой характерной лощеной посуды были обнаружены в Алустоне и Мангупе. Один целый подобный по технологии сосуд и мелкие фрагменты исследованы в Партенитах. Однако при их датировке ситуация усложняется рядом объективных и субъективных факторов. Во-первых, общеизвестный факт сложности стратиграфической картины всех трех долговременных памятников. Во-вторых, интересующие нас материалы раскопок первых двух памятников, к сожалению пока не введены в научный оборот, а публикация Партенитского торжища далеко не полная. В-третьих, сами находки крайне малочисленны и в большинстве случаев фрагментарны. Однако знакомство с материалами раскопок и архивной документацией, позволяет констатировать, что везде, особенно в Партенитах (Паршина, 2002, с. 96-97), отдельные фрагменты этих сосудов были обнаружены в том же самом по составу керамическом комплексе второй половины X - начала XI вв., что и на Боспоре. Их характерная черта - исключительно импортные византийские амфоры, тонкостенная кухонная керамика, не имеющая генетической подосновы в салтовской кухонной посуде и полное отсутствие амфор причерноморского типа.

Схожая ситуация наблюдается и при анализе интересующих нас кувшинов Таматархи. Анализируя керамический комплекс Таманского городища, С.А. Плетнева пришла к заключению о существовании нескольких периодов в его истории. Однако, выделение исследовательницей третьего периода X-XI вв., начало которого приходится на 965 г., достаточно проблематично и пока не доказуемо (Плетнева, 1963, с. 68-69). Возможно, только в этом слое и появляется лощеная столовая керамика с врезным орнаментом в виде кружков и линий (Плетнева, 1963, с. 41, рис. 24, 10). По мнению А.В. Сазанова, основанному на знакомстве с полевой документацией и неопубликованными материалами, подобная лощеная керамика Тмутаракани датируется не ранее второй половины XI -начала XII вв. (1998, с. 57). Однако столь поздняя верхняя хронологическая граница ничем не подтверждена. Не исключено, что некоторые фрагменты происходят из перемешанных слоев либо более поздних слоев с естественной для крупного средневекового города примесью более раннего материала. Во всяком случае, на территории Крымского полуострова позже второй половины XI в. рассматриваемые сосуды неизвестны.

Несколько другая ситуация характерна для Саркельского городища, где упомянутые два археологически целых лощенных кувшина с характерным орнаментом и обнаруженные единичные фрагменты подобных изделий, даже несмотря на все стратиграфические «перипетии», наверняка сосуществуют с классической салтово-маяцкой керамикой. Действительно, стратиграфически оба оранжевоглиняных саркельских кувшина, связаны именно с хазарским Саркелом, а не Белой Вежей, т.е. датируются не позднее 965 г. Оба они обнаружены в т.н. хозяйственных ямах или ямном слое, отнесенном при первых публикациях к первоначальному периоду в истории города. Ошибочность выделения т.н. ямного слоя ныне признается специалистами (Сазанов, 1994, с. 45). Как выясняется, ямы были просто опущены в материк с высоты культурного слоя второй половины ІХ - 930-965 гг. Исходя из этого, почти полностью уничтоженный последующей жизнедеятельностью беловежцев нижний слой Саркела это слой его гибели и рождения Белой Вежи (Плетнева, 1996, с. 138-140; Артамонова, Плетнева, 1998, с. 564). Кроме того, сейчас в этом слое выделяется стратиграфический горизонт, условно датируемый первой половиной X в. и ограничивающийся 965 г. На цитадели, где его толщина составляет 10-20 см, он является первоначальным, перекрыт мощным слоем пожара 965 г. и частично перемешан со строительным мусором т.н. первой беловежской застройки (Артамонова, Плетнева, 1998, с. 617-618). В этом то слое и найдены интересующие нас сосуды.

Как же объяснить появление рассматриваемых лощеных сосудов в Саркеле в первой половине X в. и, самое главное, их сосуществование в комплексах с традиционной салтовомаяцкой керамикой. Во-первых, как следует из вышеизложенного, в восточном Крыму и на Тамани подобная керамика не связана с салтовской археологической культурой и появляются никак не ранее 40-е гг. X в. В восточной Таврике только с этого времени начинается их местное производство и возможный импорт в Херсонес, Боспор, Алустон Партениты и на Таманский полуостров. Во-вторых, при соотношении количества подобной керамики в Саркеле и на территории Крымского полуострова и Тамани, учитывая географию и характер экспорта Саркела, совершенно невероятен и необъясним их импорт из Подонья в Крым. А вот импорт с территории восточного Крыма совершенно оправдан и логичен. В-третьих, пока нет разногласий в том, что разрушение Саркела традиционно связывают с походом Святослава 965 г. То есть перед нами небольшой промежуток времени между окончательным прекращением существования салтовской культуры Крыма и появлением там новой культуры, для которой как раз они и характерны сосуды, и временем гибели хазарского Саркела и сменой там материальной культуры.

Таким образом, основываясь на этих трех посылках, логично предположить импорт в Саркел, один из крупнейших торговых пунктов на Дону указанных лощеных столовых парадных сосудов из Крыма именно в промежуток 40-60-х гг. Х в. до катастрофических последствий похода киевского князя. Это тем более вероятно, что облик материальной культуры Саркела середины Х в. имеет и другие общие черты с материальной культурой населения восточной и южной Таврики середины Х в. Наряду с салтовской кухонной и столовой керамикой, имеющей тенденцию к постепенному уменьшению в процентном соотношении, в Саркеле в т.н. втором пласте о котором шла речь выше, обнаружены те же типы импортных константинопольских амфор. Известных в Саркеле в предшествующее время крымских причерноморских амфор и т.н. ойнахой баклинского типа крымского производства в этом слое практически нет, т.к. прекращение их выпуска в основном совпало с исчезновением салтовской культуры Крыма. Та же ситуация с тарной керамикой, как уже отмечалось, характерна и для восточного Крыма. В этом же втором пласте Саркела, помимо высокогорлых кувшинов, обнаружены и типичные для восточного Крыма кухонные горшки с уплощенным отогнутым венчиком и ленточной ручкой, аналогичной ручкам высокогорлых кувшинов, отнесенные ко второму типу красноглиняных кувшинов. Первый тип составляют обычные высокогорлые кувшины. (Плетнева, 1959, с. 247, рис. 33, 1; с. 267, рис. 31, 1). Они относятся к типу І приведенной выше типологии кухонной посуды населения восточного Крыма. Повторим еще раз, что, таким образом, можно говорить о стратиграфическом слое Саркела, в своем роде уникальном, как и сам памятник, где наряду с салтовской керамикой местного населения встречены импортная тара (константинопольские амфоры, в отличие от причерноморских, импортные лощеные кувшины с врезным орнаментом в виде кружков и линий, высокогорлые кувшины и отдельные не характерные типы кухонной керамики). На основании схожести керамического комплекса этого стратиграфического горизонта и восточно-крымских городов его можно датировать в рамках 40-60-х гг. Х в.

Вместе с тем, не исключено, что отдельные мелкие фрагменты рассмотренных лощеных сосудов могут относиться и к беловежскому периоду в истории Саркела и датироваться до начала XI в. Но, в таком случае, отсутствие связи с салтовским периодом памятника очевидно и предмета для дискуссии не существует.

Этот приток разнообразного Крымского импорта в Саркел именно в хазарский период находит и историческое обоснование. Во-первых, именно на это время приходится бурное развитие хазарской внутригосударственной торговли. Во-вторых, по мнению С.А. Плетневой, к началу X в. была заброшена большая часть дорог, связывающих Саркел с Восточным отрезком т.н. Шелкового пути, а западные связи, прежде всего с Таматархой и Крымом, окрепли, чему способствовало широкое развитие водных путей. В качестве примера можно привести факт импорта в Саркел даже крымских пифосов (Плетнева, 1996, с. 155).

В русле вышеприведенных соображений следует рассматривать и появление на территории Подонья на одном из поселений Левобережного цимлянского городища уникального лощеного зооморфного сосуда (Артамонов, 1935, с. 23, рис. 9; Талис, 1982, с. 124. рис. 15). Напомним, что он обнаружен еще в 1887 г. Н.И. Веселовским. Сопровождавший находку археологический материал оказался либо невыразительным, либо имеющим очень широкие хронологические рамки бытования и чисто условно датировался в рамках VIII-IX вв. (Талис, 1982, с. 63). Сосудводолей выполнен в виде стилизованной вытянутой птицы на трех ножках. Орнаментация водолея в виде прорезных кружков и линий совершенно идентична орнаменту на лощеной керамике, бывшей предметом пристального рассмотрения выше. При этом стоит отметить, что орнаментальные мотивы на двух сторонах водолея различны (Артамонов, 1935, с. 23, рис. 9; Талис, 1982, с. 124, рис. 15). В одном случае это две ломаные волны с концентрическими окружностями на вершинах углов, разделенные двойной горизонтальной линией, в другом — двойная ломаная линия, образующая ромбы, так же отделенная двойной горизонтальной линией от одинарной ломаной линии без концентрических кружков на вершинах углов.

В литературе утвердилась точка зрения о том, что рассматриваемая уникальная находка связана с известными салтовскими водолеями в виде птиц, местного производства, обнаруженными при раскопках т.н. мастерской IX-X вв. Баклинского городища (Баранов, 1990, с. 97, рис. 33, 10, 11). И.А. Баранов, согласно типологии салтовской керамики полуострова объединяет их в один тип (1990, с. 99). Безусловно, генетическая их связь очевидна. Можно согласиться с точкой зрения Д.Л. Талиса о том, что, исходя из технологических особенностей, Баклинские водолеи местные, изготовленные гончаром по примеру и под влиянием северокавказских керамических традиций (Талис, 1982, с. 63).

Однако цимлянский водолей им не синхронен, он отличается и технологически и элементами морфологии и иной системой орнаментации. Его появление в Подонье связано, однако, именно с той северокавказской средой, керамические традиции которой послужили основой Баклинским водолеям. В этой связи необходимо вспомнить о давней находке водолея, сделанной А.А. Миллером в ходе разведочных работ на Северо-Кавказском побережье в 1907 г. Поскольку находка публиковалась более ста лет назад (Миллер, 1909, с. 97, рис. 26, фиг. 7) и только упоминалась в публикации М.И. Артамонова (1935, с. 23), напомним, что этот водолей был обнаружен вероятнее всего в подъемном материале долговременной крепости Дузу-Кале в «сосуде большого размера». Датировка его может быть уточнена, благодаря находке среди построек крепости тесла-мотыги с удлиненной рабочей частью (Миллер, 1909, с. 97, рис. 26, фиг. 3,4). Кроме того, из разрушенного курганного некрополя крепости происходят находки стеклянного (Миллер, 1909, с. 98, рис. 27, фиг. 1) и серебряного перстней (Миллер, 1909, с. 98, рис. 27, фиг. 4). Все эти предметы имеет датированные аналогии среди материалов восточного Крыма второй половины Х-ХІ вв., о чем речь пойдет ниже. Отличие водолея из Дузу-Кале заключается только в более высокой и узкой шейке и месте крепления нижнего прилепа ручки, непосредственно возле основания горла. Закономерное отличие – и отсутствие прорезного орнамента в виде кружков и линий. Носик слива водолея из Дузу-Кале вполне мог быть аналогичным цимлянскому. Однако, поскольку последний не сохранился, судить об этом сложно.

Таким образом, водолей из Дузу-Кале, как и аналогичный ему Цимлянский, можно датировать в рамках второй половины X-XI вв. Напомним, что материалы этого времени, включая находки орнаментированных стеклянных браслетов, керамической писанки, бубенчиков с крестообразной щелью, типичных бус на Цимлянском городище хорошо известны еще по публи-

кации М.И. Артамонова (1935, с. 5-117). Наличие же орнаментации у Цимлянского водолея, на мой взгляд, свидетельствует о том, что это изделие связано с керамическими мастерскими восточного Крыма и, как и саркельские аналогичные кувшины является для территории Подонья импортным. О причинах появления подобного орнамента речь будет идти ниже.

Дополнительные материалы для датировки рассматриваемой категории керамики были получены при раскопках захоронения, обнаруженного в 2007 г. у поселка «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края. Вероятнее всего, данное погребение входило в состав некрополя, расположенного на площади, включающей более ранние курганы «За Родину-97(Тиздар)» и «За Родину-98». Не исключено, что данный могильник связан с расположенным восточнее, на противоположной стороне «Синей Балки» поселением средневекового времени «За Родину 8». В ногах погребения, слева от левой нижней конечности, обнаружен кувшин, совершенно аналогичный рассматриваемым. Самое главное то, что довольно богатый погребальный инвентарь данного захоронения четко датируется двумя серебряными византийскими милиариссиями эмиссии 977-989 гг. императоров Василия II и Константина VIII (Майко, Сударев, 2010, с. 428-444).

На территории Балканского полуострова подобные кувшины найдены в приморских торговых пунктах Несебр и Варна. Небольшой красноглиняный сосуд из Несебра происходит из раскопок в районе т.н. Малых терм где обнаружен в слое конца X-XI вв. (Българите и техните съседи..., с. 62, № 49). Недавно он был опубликован болгарскими исследователями Б. Тотевым и О. Пелевиной (2009, с. 43-60). Авторы, рассматривая характер контактов населения Хазарского каганата и дунайских болгар, доказывают, что при внимательном анализе находок можно проследить некоторые периоды, когда на территорию болгарского государства из Хазарского каганата, прежде всего из Крыма, мигрировали различные по численности группы населения. Эти периоды совпадают с катаклизмами в истории Хазарии, связанными с войнами с Арабским халифатом в середине VIII в., религиозной, междоусобной войной в самом каганате в первой половине IX в. и его гибелью во второй половине X в. Приток внешнего праболгарского населения на территорию северо-востока дунайской Болгарии в X в. отмечается и другими исследователями (Павлов, 2003, с. 134). Типологически близкий небольшой сосуд, правда, без характерной орнаментации, находится и в экспозиции Варненского археологического музея в Болгарии. Точное место его находки, к сожалению, неизвестно.

В Подунавье фрагменты оранжеволощеных кувшинов с подобной орнаментацией найдены в Румынской Диногеции (Сота, 1967, р. 222-223, fig. 104, 11, 12, 14-16). Кроме того, на некоторых памятниках карпатского региона среди материалов т.н. «салтоидного» характера, датируемых до второй половины X в., в поздних комплексах с лощеной керамикой Балкано-Дунайской культуры встречены и оранжевоглиняные лощеные фрагменты с типологически близкой орнаментацией (Тентюк, 2009, с. 226).

В решении вопроса о причинах появления и прототипах данных сосудов необходимо, на мой взгляд, обратиться к материалам наиболее исследованных памятников Таманского полуострова Таматархи и Фанагории. Именно там выделяется целая группа лощеных сосудов изготовленных из бежевой или зеленовато-бежевой глины и покрытых ангобом оранжевого или красновато-оранжевого цвета. Формы их самые разнообразные, от небольших грушевидных кувшинов к крупным двуручным пифосам с петлевидными ручками. Однако морфологически все они находят аналогии, правда, не очень многочисленные, в салтово-маяцких сероглиняных лощеных изделиях. Система их орнаментации в виде различных вариантов пролощенных полос, горизонтальных, вертикальных, образующих сетку, так же типична для указанных аланских древностей. Главное отличие заключается только в технологии изготовления. Однако последняя известна на территории Северного Кавказа еще с позднеантичного времени. Исходя из отсутствия публикации археологического контекста ее обнаружения, датировать сосуды можно только в рамках общего хазарского периода Таматархи.

В свое время С.А. Плетнева отнесла подобную керамику к особому варианту салтовских кувшинов, производившихся в городах (Плетнева, 1959, с. 214). К сожалению, эта керамика до сих пор только упоминается в литературе. В.Н. Чхаидзе относит ее к типу А (Чхаидзе, 2008, с. 196, рис. 110, 1-5). Пока она не стала предметом детального анализа. Исключение составляет работа А.Г. Атавина, посвященная лощеной керамике Фанагорийского городища (1992, с. 173-211). Среди большого количества данной посуды автор выделил экземпляры со светло-коричневой или оранжево-красной поверхностью с пролощенным орнаментом бордового или красного цвета

(1992, с. 188). К сожалению, исходя из характера публикации, установить, связаны ли они с культурным слоем или происходят из закрытых комплексов сложно. Тем не менее, А.Г. Атавин, по аналогии с Тмутараканскими формами, считал ее наиболее поздней, но не выходящей за рамки существования городища. В.Н. Чхаидзе справедливо подчеркивает, что главное отличие ее от классической салтовской керамики заключается в составе глины и, конечно, в обжиге, предававшем сосуду оранжевый или красноватый цвет. По мнению исследователя, связано это было с важными технологическими изменениями, произошедшими в процессе обжига (Чхаидзе, 2008, с. 200).

Повторим еще раз, что морфологически, по большей части, оранжево и красно глиняные рассматриваемые лощеные изделия повторяют формы стандартизированных серолощеных изделий. Согласно типологии А.Г. Атавина, это касается горшков типа I с цилиндрическим туловом, где плечики расположены на 2/3 высоты сосуда, кувшинов типов 1 и 5 с лощением поперечными параллельными линиями на ручке, кружек типов 4 и 5 с широким и приземистым туловом. Однако наибольшее количество оранжевоглиняных сосудов относится к крупным корчагам с широким туловом, расширенным в верхней трети, и двумя уплощенными или подовальными в профиле ручками (1992, с. 178). Определенное отличие наблюдается и в составе глины. Основная масса оранжево и светло-коричневых лощеных сосудов всех типов изготовлена из плотной глины хорошей отмучки с добавлением песка и извести, значительно реже шамота и слюды (1992, с. 175).

Подводя итоги необходимо отметить, что, по моему мнению, именно эта керамика Тмутаракани и Фанагории, помимо находок на Северном Кавказе, и является той северокавказской подосновой, на которой возникают рассматриваемые кувшины.

В связи со сменой материальной культуры в восточном Крыму в середине X в. эта керамика, вероятно, вместе с ее носителями и производителями начинает проникать с территории Таманского полуострова в эту часть Таврики. В Сугдее подобные сосуды обнаружены в виде отдельных мелких фрагментов (Майко, 2010a, с. 231, рис. 1, 16,17).

Уже в Таврике под воздействием местных традиций эта керамика несколько видоизменяется морфологически и теряет присущую аланскую систему орнаментации. Речь идет, прежде всего, о появлении зауженного высокого горла с ребристым утолщением и ойнахоевидного носика слива. Появление первого морфологического приема на поливных сосудах древнерусского времени связывается с византийским влиянием. Ойнохоевидный слив, характерный для западной части Северного Кавказа, так же связывается с влиянием византийского гончарства.

Тем не менее, технологически она остается одинаковой. Это так же сосуды, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины светло-коричневого, зеленовато-бежевого, но чаще всего бежевого или оранжевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность сосудов в подавляющем большинстве покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы. Вероятнее всего, уже из Таврики, как уже указывалось, эти сосуды в качестве товара проникают в торговые морские и речные центры Восточной Европы.

Самые заметные изменения происходят в системе орнаментации. Пролощенный орнамент исчезает, и появляются различные вариации прорезного орнамента нанесенного по сырой глине. Это различные сочетания треугольников и ромбов, выполненных двойной, реже одинарной линией с одним-тремя сомкнутыми или разомкнутыми концентрическими кружками на углах. По наблюдениям специалистов наиболее распространенными были концентрические окружности диаметром от 2,5 до 5,0 мм (Серг ϵ єва, 2012 δ , с. 205-20 δ). Только в одном случае обнаружен орнамент в виде своеобразной лесенки, образованной прорезными горизонтальными линиями с концентрическими кружками по краям каждой «ступеньки». Описываемые типы орнамента в некоторых случаях заполнены белой пастой. Известны и случаи нанесения граффито на поверхность сосуда. Последние представлены как характерными для тюрок тамгами (трезубец), так и разнообразными знаками и различными буквами греческого алфавита. Данный тип орнамента со второй половины X в. и на протяжении XI в. становится модным для населения оставившего огромный массив византийских и печенежско-половецких кочевнических древностей. В частности в Крыму близкий орнамент обнаружен на костяных изделиях из средневекового погребения в Чокурчинском кургане (Черепанова, Щепинский, 1968, с. 191, рис. 10, 7). Яркой аналогией данного орнамента является и украшение т.н. кочевнического костяного реликвария и костяной пуговицы-застежки XI-XII вв. из материалов раскопок Херсонеса. В последнем случае прорезной орнамент в виде кружков и линий заполнен белой пастой (Романчук, 2008, с. 74, рис. 92, е). Совершенно аналогичный рассматриваемому двухрядный орнамент отмечен и на хорошо известном бронзовом древнерусском перстне, происходящем из Новгорода (Древний Новгород..., 1985, с. 65, рис. 102, а).

До этого, подобная орнаментация на поистине огромном количестве известных к настоящему времени разнообразнейших столовых лощеных, кухонных и тарных сосудах салтовской культуры Подонья неизвестна. Отдаленную схожесть имеет только небольшая выделяемая группа изделий, пролощенный орнамент которых имеет некоторые сходные черты с рассматриваемым. Это, во-первых, кувшин, происходящий из погребального инвентаря праболгарского Нетайловского некрополя (Пархоменко, 1983, с. 76, рис. 1,6). Сосуд покрыт вертикальными пролощенными линиями, разделенными тремя вертикальными зонами концентрических окружностей, каждая из которых сгруппирована в две так же вертикальные линии. Представляет интерес и сероглиняный чернолощеный кувшин, происходящий из погребения № 202 данного некрополя. В данном случае расположенные в шахматном порядке концентрические окружности разделены трехрядной ломаной линией (Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 2002, рис. 1, 1).

Наиболее яркие материалы представлены лощеными сосудами праболгарского населения степного Подонцовья (Красильников, 2009а, с. 99-152). Морфологически они идентичны аланским, но, по аргументированному мнению К.И. Красильникова, изготовлены местными гончарами. Среди этих изделий выделяются две морфологически отличные друг от друга кубышки и одна кружка с идентичным орнаментом в виде многорядной ломаной волны с одной концентрической окружностью между волнами (Красильников, 2009, с. 67, рис. 5, 24,45,50). Фрагмент верхней части лощеного кувшина с типологически близким орнаментом обнаружен и в заполнении хозяйственной ямы № 17 Сидоровского городища (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 266, рис. 16, 2; Кравченко, 2011, с. 68, рис. 1, 1). Среди материалов Подонцовья орнаментально еще более близок кувшин, где пространство между ломаными волнами заполнено тремя концентрическими окружностями, образующими треугольник, и соединенными двумя линиями (Красильников, 2009, с. 67, рис. 5, 15). К сожалению, происходит ли эта керамика из материалов одного или нескольких памятников и из каких комплексов, судить по обобщающей публикации сложно. Орнамент в виде простых кружков, соединенных одинарной линией, зафиксирован и на сероглиняном лощеном кувшине из погребения 40 Зливкинского некрополя (Швецов, 1991, с. 112, рис. II, 2).

В материальной культуре Первого Болгарского царства близкий орнамент в виде концентрических кружков, расположенных между двойной зигзаговидной ломаной линией, встречен на костяном обработанном роге, происходящем из раскопок горизонтов VIII-первой половины X вв. Силистры (Рашев, 2008, с. 587, табло СХХХІV, 8).

В этой связи интересно отметить, что в заполнении праболгарской землянки эпохи Первого Болгарского царства в Плиске обнаружен костяной инструмент в виде клина для нанесения орнамента в виде концентрической окружности. Автор публикации, тем не менее, подчеркивает, что на болгарской керамике эпохи Первого Болгарского царства такой орнамент практически неизвестен (Димитров, 1993а, с. 265). Несколько чаще он встречается на изделиях металлопластики. Однако последние, в подавляющем большинстве, датируются более поздним, временем, не ранее второй половины X в.

Исходя из наблюдений за морфологией циркульного орнамента, М.С. Сергеева справедливо пришла к выводу о том, что центральный стержень инструмента для нанесения орнамента был длиннее, а его резец мог иметь широкую, скошенную или острую форму. Исходя из более поздних аналогий, таким инструментом мог быть только резец с несколькими зубцами и центральным стержнем (Сергєєва, 2012б, с. 205-206).

Благодаря раскопкам последних лет, наиболее представительная коллекция рассматриваемой категории столовой керамики происходит из раскопок средневековой Сугдеи. В настоящее время она насчитывает более сотни фрагментов, в том числе несколько целых форм и крупных фрагментов, позволяющих реконструировать профиль сосуда. Основываясь на особенностях морфологии и технологии сосудов, составляющих Судакскую коллекцию, была произведена предварительная попытка ее типологического членения (Майко, 1999, с. 40-63; Майко, 2001а, с. 208-211). При этом, безусловно, учтены практически все известные находки подобной керамики

на территории крымского полуострова и Причерноморья в целом. В данном случае она несколько дополнена, однако, исходя из фрагментарности большинства изделий, она так же имеет предварительный характер и является скорее первичным разделением на фиксируемые визуально морфологические группы сосудов.

Тип 1 - наиболее многочисленный (рис. 120, 1,3). Это кувшины с грушевидным туловом на широком дне, диаметр которого равен, либо чуть меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты, либо в нижней части тулова. Горло узкое, высокое, расчлененное валиком, который, иногда, украшен насечками. Ручка в сечении овальная, отходящая от венчика или расположенная сразу под ним. Нижний прилеп в районе плечиков кувшина. Именно этому варианту 1а принадлежат неоднократно опубликованные экземпляры из Херсонеса и Саркела (Якобсон, 1979, с. 81, рис. 49, 2,3) (рис. 120, 4,7), Воини и Тамани. Помимо этого, выделено еще пять вариантов кувшинов этого типа. Вариант 1б представлен маленьким кувшинчиком на очень широком дне, плечики в придонной части сосуда (рис. 121, 6). К этому варианту можно отнести и несколько других мелких сосудов, в том числе и те, где плечики находятся примерно на середине высоты тулова (рис. 121, 3,7). Вариант 1в - единственный кувшин, изготовленный из бордовой глины с примесями песка и пиритов. Тулово яйцевидное, плечики на середине высоты, горло узкое, высокое (рис. 121, 13). Характерной его особенностью, помимо технологии изготовления, является подпрямоугольная в разрезе ручка, подчеркнутая гранями, несколько возвышающаяся над венчиком и уплощенная на месте нижнего прилепа. Последний расположен на плечиках кувшина. Вариант 1г - единственный кувшин обнаруженный Е.А. Паршиной при раскопках в Партенитах (1991, с. 82, рис. 7) (рис. 122, 2). Тулово яйцевидное с перехватом, ручка округлая в сечении, на месте нижнего прилепа заканчивается выступом. Характерной особенностью кувшина является не только перехват на тулове, но и то, что он подчеркнут валиком. Вариант 1д - крупный кувшин на широком дне. Плечики расположены на середине высоты сосуда (рис. 122, 1). Характерным отличием, помимо яйцевидного тулова, является то, что горло не подчеркнуто валиком и не имеет носика слива (Майко, 2010а, с. 231, рис. 1, 14). Вариант 1е – небольшой кувшинчик с шаровидным туловом и плечиками, расположенными по середине тулова. Горло широкое, высокое, цилиндрическое, носик слива ярко не выражен. Орнаментация отсутствует (рис. 121, 14). Характерным отличием этого варианта является не столько морфология сосуда, сколько состав глины. Он совершенно аналогичен кувшину варианта 1в. В глине заметно присутствие песка и пиритов.

Тип 2 - кувшины с туловом, напоминающим цилиндр (рис. 121, *1*, *2*). Диаметр дна несколько меньше диаметра плечиков, расположенных чуть ниже середины высоты сосуда. Горло, в отличие от кувшинов типа 1, невысокое, цилиндрическое и широкое, его диаметр не намного уступает диаметру плечиков и дна. Ручка, овальная в сечении, расположена сразу под венчиком сосуда.

Тип 3 - кувшины с яйцевидным туловом крупных размеров (рис. 121, 8-12). У них диаметр дна меньше диаметра плечиков, расположенных на середине высоты сосуда. Возможно, кувшины типа 3 имели небольшие овальные в сечении ручки, расположенные либо на середине его высоты, либо на плечиках. Некоторые из них служили для поддержки сосуда, другие - для его подвешивания. Эти морфологические особенности, а так же наличие на некоторых типичных вертикальных овальных в сечении ручках отверстий для подвешивания, являются, как это уже отмечалось, кочевническими. Близкие аналогии этим кувшинам известны среди материалов адыгского могильника X-XI вв. Абинский-4 (Пьянков, 1993, с.215, рис. 2, 7; с. 217, рис. 4, 14). Орнаментация в виде кружков и линий на данных сосудах пока не встречена.

Тип 4 - тонкостенные кувшины по морфологии близкие типу 1, но изготовленные из светлой глины и имеющие заглаженную поверхность, лишенную лощения. Присутствует лишь лощеный орнамент в виде вертикальной волны, расположенной на тулове, или ручке.

Тип 5 – сосуды, имеющие ярко выраженные зооморфные черты (рис. 123). К ним отнесен фрагмент верхней части сосуда с симметричными «шишечками» по бокам верхнего прилепа ручки и практически целый красноглиняный сосудик с вытянутым конусовидным туловом и двумя рельефными профилированными гранями по бокам, заканчивающимися в придонной части небольшими завитками. Характерной особенностью является наличие двух (а, возможно, и трех) выступов-отростков в придонной части тулова (рис. 123, 4). К этому условному типу относится и фрагмент горла кувшина с двумя симметричными налепами под венчиком, типологически близкому фрагменту изделия с территории Таманского городища и Саркела (Чхаидзе,

2008, с. 196, рис. 110, 6). Следующий сосуд, отнесенный к этому типу, из-за фрагментарности находки реконструировать сложно. Сохранился фрагмент горла и расширяющегося тулова с плоской передней частью и двумя рельефными профилированными гранями по бокам. Сосуд украшен сложным прорезным орнаментом в виде кружков и линий (рис. 123, 3). В виде предположения можно высказать мысль, что он является фрагментом водолея типологически близкого знаменитому водолею Цимлянского городища, прототипом которого послужил северокавказский водолей из Дузу-Кале, которые были проанализированы выше.

Тип 6 - единственная лощеная конусовидная миска Округлый венчик практически не выражен, лишь на месте шейки имеется небольшое плавное углубление по всему радиусу сосуда (рис. 123, 5).

Двумя экземплярами представлены и граффити. Одно из них в виде трезубца расположено под ручкой лощеного кувшина типа 1 (рис. 120, 5). Этот знак типологически близкий знакам обнаруженным на стенках причерноморских амфор с зональным рифлением и амфор причерноморского типа. Второе граффити так же расположено под ручкой сосуда и представляет собой, вероятно, греческую монограмму (рис. 122, I).

Именно в этих частично видоизмененных морфологических формах с новой системой орнаментации, вошедшей в моду, она из восточного Крыма экспортируется на широкие территории, в том числе на Тамань и Северный Кавказ. С импортным характером данной керамики на территории Таманского городища согласен и В.Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2008, с. 198). Хочется подчеркнуть, что на современном этапе исследований, в отличие от других крымских памятников материалы Сугдеи со всей очевидностью свидетельствуют о том, что у населения их оставившего в обиходе была только рассмотренная столовая керамика. Столь представительная Судакская коллекция, при уникальности подобных находок на других памятниках Крыма, может свидетельствовать о том, что этот город был одним из центров, откуда осуществлялся ее импорт в средневековые города Таврики и за пределы полуострова.

4.1.4. Импортная поливная керамика. Последней составляющей керамического комплекса является столовая поливная посуда, изготовленная из белой или розовой глины. Морфологическая типология белоглиняной поливной византийской керамики середины ІХ-начала ХІ вв. на материалах раскопок Коринфа и Константинополя разработана в общих чертах Ч. Морганом, Р. Стивенсоном и дополнена Д. Хейсом (Morgan, 1942, p. 37; Stevenson, 1947, p. 38-41; Heyes, 1992). Можно считать установленным, что в Крым подобная посуда проникает примерно с середины IX в. (Паршина, 1974, с. 67; 1991, с. 81; Талис, 1960, с. 133; Якобсон, 1959, с. 336-342; Макарова, 1967, с. 10; Баранов, 1990, с. 23). Предпринятые в отечественной литературе попытки создания типологии данной керамики полуострова в основу которых было положено либо различие орнаментальных мотивов (Якобсон, 1979, с. 84-87), либо морфология сосудов (Паршина, 1974, с. 67-69; 1991, с. 81-83), показали, что принципиальных различий между посудой датированной серединой IX-началом X вв., обнаруженной в салтово-маяцких комплексах Таврики, и посудой второй половины X- XI вв. из археологических объектов населения восточного Крыма, не существует. Исходя из этого, рассмотрим основные типы поливной посуды указанного хронологического промежутка из археологических комплексов Сугдеи и Боспора и постараемся, тем не менее, в порядке постановки вопроса, выявить ее хронологические особенности. Предваряя типологию, отметим сильную фрагментарность и относительную малочисленность находок. Данная категория импортной керамики Таврики не раз становилась предметом специальных исследований, в том числе и для восточного Крыма (Баранов, Майко, 1997, с. 21-23), что избавляет от повторений и поиска соответствия того или иного фрагмента в многочисленных ее типологиях разработанных отечественными и зарубежными специалистами. Наша задача – характеристика основных типов, их датировка и выяснение картины преобладания тех или иных форм на данной территории полуострова в рассматриваемый хронологический период. Вследствие отмеченной фрагментарности находок предлагаемая ниже типология носит условный характер.

Тип 1 - самый многочисленный (рис. 125). Это фрагменты глубоких конических курильниц с петлевидными ручками на небольшом прорезном кольцевом поддоне. Форма тулова приближается к баночной. Шейка практически отсутствует, венчик небольшой уплощенный плавно отогнутый, узкий или более широкий. У большинства фрагментов в верхней части тулова имеется небольшое ребро, под которым расположен, прочерченный по сырой глине хаотический

сетчатый орнамент. Гораздо реже встречен орнамент в виде «елочки», так же прочерченный по сырой глине. Под венчиком же курильниц чаще всего зафиксирован орнамент в виде однорядной волны, которая, иногда, присутствует и на плоскости венчика. На последней отмечены и случаи нанесения орнамента в виде наколов. Подобные орнаментальные мотивы могут являться своеобразной отличительной особенностью поливной посуды середины X-XI вв., встреченной в археологических комплексах населения восточного Крыма (Баранов, Майко, 1997, с. 21-23). Внутренняя поверхность курильниц, а так же верхняя часть внешней поверхности тулова до ребра, чаще всего покрыта поливой грязно-желтого цвета или оливкового оттенка.

Этот тип курильниц или chafing dish «блюд для подогрева», судя по форме венчика, вошел составляющей во все наиболее полные типологии данной керамики (Morgan, 1942, р. 36-37; Peschlow, 1977-78, р. 363-414; Bakirtzis, 1989a; Sanders, 1995; Vroom, 2005, р. 72, fig. 3.3), более всего соответствует типу 8 по наиболее полной типологии Д. Хейса (Heyes, 1992) и имеет длительное время бытования в рамках X в. Судя по фрагментарности находок, не исключено, что некоторые фрагменты венчиков принадлежат небольшим курильницам баночной формы, где ручки расположены ниже плечиков (Vroom, 2005, р. 21, fig. 6, 4).

Хочется отметить уникальный для восточного Крыма случай нанесения дипинти на внешней части кольцевого поддона подобной тарелки из раскопок на территории т.н. квартала I Судакской крепости⁴⁸. Дипинти представляет собой крест с крупными точками между его лучами, заключенными в квадрат, нанесенный краской темно-серого цвета. По бокам от креста сохранились остатки греческой надписи, нанесенной краской того же цвета (рис. 127, 15). К сожалению, исходя из сохранности надписи, атрибутировать ее сложно. Аналогии данному дипинти мне не известны. Заметим, что в материалах раскопок Херсонеса известны дипинти нанесенные красной краской, как на курильницы, так и на нижнюю часть тулова белоглиняного неполивного горшка (Нессель, 2006, с. 134, рис. 31, 3).

Тип 2 - курильницы различной морфологии с петлевидными ручками, на высоком прорезном кольцевом поддоне с маленьким клиновидным венчиком и острым плечом, придающим сосуду форму неглубокой конической миски (рис. 126, 1,2). Эти курильницы так же вошли составной частью во множество типологий данной категории посуды (Morgan, 1942, р. 36-37; Peschlow, 1977-78, р. 363-414; Bakirtzis, 1989; Sanders, 1995; Vroom, 2005, р. 72, fig. 3.3). Исходя из формы венчика, они относятся к типу 8 по типологии Д. Хейса (Heyes, 1992) и имеют длительное время бытования в рамках X в. Однако в восточном Крыму такие курильницы встречены значительно реже по сравнению с курильницами первого типа в основном в нижних, первоначальных горизонтах археологических объектов. Вероятно, к середине X в. они постепенно выходят из употребления.

Тип 3 - небольшие неглубокие открытые тарелки на невысоком кольцевом поддоне, имеющие плавно отогнутый венчик с более или менее ярко выраженным пазом для крышки (рис. 126, 3). В верхней части тулова тарелки имеют небольшое ребро. На плоскости венчика иногда нанесен волнистый орнамент, реже орнамент в виде плетенки. Обнаружено несколько фрагментов донышек тарелок этого типа с рельефным изображением птиц, вероятно, орлов, являющихся одним из распространенных рельефных сюжетов на сосудах этого типа (Рарапікоlа-Вакітті, Маvrікіоу, Вакітті, 1999, р. 45, № 65) (рис. 126, 11,14). Согласно типологии А.Л. Якобсона, они относятся к группе 2 поливной посуды Таврики (Якобсон, 1979, с. 86, рис. 52, 1).

Тип 4 - более глубокие конические миски без шейки и небольшим рельсовидным венчиком (рис. 126, 5, 8, 15). Некоторые из них имеют орнамент в виде мазков коричневой поливы на бледножелтом фоне. В одном случае встречен уже знакомый нам орнамент в виде прочерченной по сырой глине «елочки» (рис. 126, 15).

Остальные типы поливной посуды не образуют серий и представлены единичными экземплярами (рис. 126). Тип 5 - маленькие полусферические мисочки с уплощенным, плавно отогнутым почти под прямым углом широким венчиком, на поверхности которого в некоторых случаях нанесен орнамент в виде наколов (рис. 126, 16). Судить о форме этих изделий помогает археологически целая форма, происходящая из Саркела-Белой Вежи (Макарова, 1967, с. 79, табл. I, 19). Тип 6 - небольшие белоглиняные лампадки, вероятно, на плоском широком дне с

⁴⁸ Выражаю глубокую признательность автору раскопок Е.А. Айбабиной за возможность использовать неопубликованный материал.

тремя (?) подквадратными небольшими ручками, отходящими от края венчика. В монолитной ручке просверлено небольшое отверстие для подвешивания (рис. 126, 12,13). Тип 7 - мелкие фрагменты бело и розовоглиняных поливных кувшинчиков, реконструировать профиль которых, из-за сильной фрагментарности практически невозможно (рис. 126, 17; рис. 127, 9). Определенный интерес представляет находка венчика подобного кувшина с остатками округлой в сечении ручки и росписью красной краской. Тип 8 - тонкостенные белоглиняные горшки с яйцевидным или шаровидным рифленым туловом, почти прямым уплощенным венчиком, покатыми плечами и овальной с ребром в сечении ручкой, отходящей непосредственно от края венчика. Кроме нескольких фрагментов, один целый экземпляр происходит из портовой части Сугдеи, другой - из материалов подводных исследований у м. Плака (ЮБК) (рис. 126, 24,25). И на одном и на втором сосудах внутренняя поверхность, а особенно дно, покрыты толстым слоем поливы. По мнению И.А. Баранова они служили для варки поливы (Баранов, Майко, 1997, с. 23). Помимо этого на сосуде из портовой части Сугдеи имеется граффито в виде греческой буквы альфа. Аналогичный кувшин под зеленой поливой обнаружен и при раскопках Тмутаракани, где датируется Х в. (Чхаидзе, 2008, с. 205, рис. 118, 1). Тип 9 - образует единственная крупная ручка от белоглиняной «сковороды» (рис. 126, 23). Ручка имеет окончание в виде округлого хвостового плавника рыбы с просверленными на «плавниках» хвоста двумя отверстиями для подвешивания. Не исключено, что эта находка является ручкой небольшой полусферической миски, приведенной в типологии Д. Вруум (Vroom, 2005, p. 21, fig. 6, 2).

Тип 10 – условный тип, который объединяет несколько мелких фрагментов расписной белоглиняной поливной посуды (рис. 128). Из них наиболее выразительные шесть. Один - венчик тарелки типа 3 по нашей типологии с растительным орнаментом, нанесенным желтой, серой и синей краской в виде вьющегося стебля с пальметовидными ответвлениями (рис. 128, 21). Территориально наиболее близкой аналогией является фрагмент стенки сосуда с совершенно аналогичной орнаментацией в виде вьющегося растения, происходящий из раскопок Тмутаракани (Макарова, 1967, с. 83, табл. III, 4). Еще более близкой аналогией является парадное блюдо, морфология и орнаментация венчика которого напоминает наш фрагмент, обнаруженное при раскопках 1976 г. 28 квартала северного района Херсонеса в рыбозасолочной цистерне «Л» (Залесская, 1985, с. 45, № 31).

Второй - верхняя часть тонкостенного стакана, а, возможно, и кружки баночной формы на невысоком кольцевом поддоне. Реконструировать приблизительную форму изделия позволяет известный археологически целый сосуд из раскопок Херсонеса (Макарова, 1967, с. 81, табл. ІІ, 4). Расписной орнамент представляет собой небольшие крестообразные пятна, нанесенные красной краской кистью по тулову сосуда. Пятна эти заключены в овальные рамки, образованные красными и черными точками (рис. 128, 19). Т.И. Макарова относит такую посуду к т.н. группе посуды с полихромной росписью и «красной пестротой» (1967, с. 13). Подобные расписные кубки одна из наиболее характерных форм, встреченных в материалах Коринфа и Константинополя (Morgan, 1942, p. 65, fig. 47; Dark, 2001, p. 124, fig. 55, E). В.Н. Залесская выделяет их во вторую группу первоначальных ранних литургических сосудов, служивших для крещения варваров, представленную чашками киликовидного типа с одной или двумя ручками (Залесская, 1984, с. 222-223; Залесская, 1985, с. 8). Характерным ее отличием как раз и является то, что расписной крест «иконоборческого типа» трансформируется в крестообразную или ромбовидную фигуру. Судить об этом в связи с отсутствием дна на нашем фрагменте невозможно, однако роспись на тулове свидетельствует о трансформации крестов, нанесенных красной краской, в крестообразные пятна.

Третий фрагмент представляет собой стенку небольшого тонкостенного кубка с растительным орнаментом, нанесенной черной краской, который обрамлен двумя параллельными линиями, нанесенными в аналогичной технике (рис. 128, 17). Судить о том, была ли роспись полихромной, исходя из сохранности изделия, сложно. К сожалению, точную форму кубка восстановить так же сложно. Совершенно аналогичные формы происходят из раскопок Херсонеса (Залесская 1984, с. 219, рис. 2, а-б) с нанесенным на дне черной краской крестом «иконоборческого типа». К сожалению, на нашем фрагменте дно не сохранилось, однако присутствуют два нижних прилепа ручек. Таким образом, морфологически оно ближе к поливным киликовидным чашкам, тяготеющим к X в. (Залесская, 1984, с. 219), классические образцы которых, хорошо известны по материалам раскопок Коринфа (Morgan, 1942, р. 55. fig. 36, a,b).

Четвертый фрагмент - горлышко кувшина с подвертикальными полосами, нанесенными коричневой краской и обрамленные по контуру черной. Заключены они между двумя черными же горизонтальными полосами (рис. 128, 18). Реконструировать форму кувшина затруднительно. Точных аналогий данному кувшину среди расписной керамики мне не известно.

Пятый фрагмент — уплощенный венчик тарелки открытого типа с расписным орнаментом, нанесенным черной краской в виде ломаной волны с чередующимися полукружиями и кругами между ними (рис. 128, 20). Пространство треугольников заполнено светло-коричневой и желтой поливой с вкраплениями зеленовато-голубой. Типологически близкий орнамент известен на венчике знаменитого расписного блюда открытого типа из Тмутаракани (Макарова, 1967, с. 85, табл. IV, 1).

Шестой фрагмент представляет собой часть довольно массивного кольцевого поддона с остатками росписи в виде линий густой черной краски, образующей подобие «куфического» орнамента (рис. 128, 22). В.Н. Залесская, следом за Т.И. Макаровой (1967, с. 21-22), относит подобную расписную керамику к новому типу расписной полихромной посуды, появляющемуся в XI в. (1985, с. 14-15). Среди выделенных исследовательницей четырех подтипов наиболее близки изделия с густо положенной, подражающей арабским надписям черной росписью в сочетании с геометрическим рисунком. К сожалению, в нашем случае сохранились только фрагменты черной росписи.

Расписная белоглиняная посуда, центр производства которой В.Н. Залесская локализует в районе Никеи-Никомедии (Залесская, 1985, с. 285), чрезвычайно редка в Крыму. Ранние ее экземпляры, наиболее полная коллекция которых происходит из раскопок 1976 г. 28 квартала северной части Херсонеса (Залесская, 1985, с. 3-52), датируются X в.

4.1.5. Раннегончарная кочевническая керамика. В керамических комплексах населения восточного Крыма второй половины X-XII вв. встречена в единичных экземплярах. Прежде всего, заслуживают внимания пять археологически целых форм, обнаруженных в портовой части Сугдеи и в заполнении жилого дома на территории городского квартала Боспора. Первые три - горшки (рис. 129, 1,3,5). Один обнаружен в заполнении помещения А дома пятистенки на территории раскопа V (рис. 129, 1). Это почти миниатюрный горшочек с яйцевидным туловом, короткой шейкой и маленьким, слегка отогнутым венчиком. Максимальная высота сосуда - 8 см, максимальная ширина плечиков - 10 см. Диаметр венчика немного меньше диаметра плечиков. На них нанесен слабо различимый небрежный волнистый орнамент. Ближайшие аналогии подобным горшкам можно найти среди керамического комплекса т.н. балкано-дунайской культуры. Второй горшок обнаружен так же на раскопе V в слое второй половины X в. Это лепной сосуд с яйцевидным туловом, короткой шейкой и плавно отогнутым уплощенным небольшим венчиком. По внешнему краю последнего, нанесен орнамент в виде округлых насечек или пальцевых вдавлений (рис. 129, 3). Максимальная высота сосуда 20 см, диаметр плечиков - 22 см, диаметр венчика - 17.5 см. Третий сосуд обнаружен в заполнении печи дома 1 на территории городского квартала Боспора (Макарова, 2003, с. 130, табл. 44, 2) (рис. 129, 5). Ближайшие им аналогии можно найти среди лепной керамики печенежского круга (Плетнева, 1981, с. 259, рис. 82: 41), хотя для последней они, скорее, являются исключением. Типологически близкие формы с подобной орнаментацией встречаются и среди лепной керамики салтовского облика, хотя хронологически они, безусловно, более ранние. Подобная орнаментация в виде пальцевых защипов по краю венчика широко представлена в керамическом комплексе закубанских племен XI-XII вв., в частности поселения «Жукова» (Ларенок, 2012, с. 99, рис. 8, 2,8,10). Правда, приведенные в публикации сосуды, в отличие от нашего, имеют более вытянутые пропорции. Следующий горшок был обнаружен на полу помещения Б дома второй половины X-XI вв. на территории раскопа VI (рис. 129, 4). Это небольшой кухонный сосудик со слегка отогнутым венчиком и уплощенной ручкой, отходящей непосредственно от его края. Технологически он более грубый, чем типичная для Сугдеи кухонная тонкостенная посуда. Типологически близкие сосуды известны в горизонтах Тмутаракани постхазарского времени, где отнесены к типу Б лепной столовой керамики и датируются в рамках конца X-XI вв. (Чхаидзе 2008, с. 189, рис. 103, 2). Подобные горшки с ручкой известны в материалах Закубанских памятников, в частности упоминавшегося поселения «Жукова» (Ларенок, 2012, с. 101, рис. 10, 15). И, наконец, последний сосуд является светильником с прямоугольным носиком слива, обнаруженный на территории раскопа V в слое второй половины X в. (рис. 129,

2) Максимальный его диаметр по венчику -6 см. Дно массивное плоское. Максимальная высота светильника - 3.2 см. Типологически близкие аналогии происходят из раскопок Саркела-Белой Вежи (Плетнева, 1959, с. 252, рис. 38, 1,2), а так же из раскопок Тмутаракани, где они отнесены к лепным светильникам типа А (Чхаидзе, 2008, с. 207, рис. 120, 1).

К описанной выше категории керамики близко примыкает раннегончарная кухонная посуда другого облика, обнаруженная в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи (раскопки М.А. Фронджуло 1965-1968 гг.) (рис. 130). При этом, набор тарной и столовой керамики типичен для материальной культуры города XI-XII вв. Среди артефактов из культурных горизонтов, как портовой, так и остальных частей средневекового города, подобная керамика пока неизвестна. Горшки изготовлены из глины с примесью толченого кварца, пережженного до черного цвета. Поверхность их заглажена в различных направлениях гребенчатым штампом, что создает впечатление орнамента (Джанов, Майко, 1998, с. 174, рис. 11). Форма сосудов баночная, венчик – манжетовидный, реже – валикообразный. К сожалению, исходя из фрагментарности находок, восстановить полную форму изделий сложно. Часть сосудов украшена нанесенным на плечики валиком с косыми насечками. Ближайшие аналогии присутствуют в кочевнических комплексах Саркела-Белой Вежи Х-ХІ вв. (Плетнева, 1959, с. 234, рис. 19: 10,11,16,17), а так же в подкурганных средневековых погребениях (Станко, 1960, с. 231, рис. 1: 1; Пономарев, 2004, с. 165). Наиболее представительная коллекция подобных кухонных горшков происходит из раскопок Тмутаракани. Среди Сугдейской коллекции присутствуют фрагменты сопоставимые как с типом В (Чхаидзе, 2008, с. 183, рис. 98, 6,8), так и с типом Г (Чхаидзе, 2008, с. 184, рис. 99, 1-10), отличающимся более вытянутыми пропорциями. По мнению С.А. Плетневой подобные горшки могли принадлежать поживавшим в городе кочевникам (Плетнева, 1963, с. 68), вероятно, огузам или торкам. В последнее время данная категория керамики тщательно проанализирована П.А. Ларенком. Автор справедливо отметил, что наибольшее сходство с основной массой печенежско-гузской и «кочевнической» керамики Саркела развитого периода существования памятника и Тмутаракани обнаруживает керамика средневековых поселений Западного Закубанья, в частности поселения «Жукова» Крымского района Краснодарского края (Ларенок, 2012, с. 88). Автором памятник датируется концом XII – началом XIV вв., однако, судя по набору амфорной тары, вероятно, нижнюю хронологическую границу можно отнести и к первой половине XI в. Здесь так же встречены горшки с косо срезанным отогнутым венчиком (Ларенок, 2012, с. 100, рис. 9, 11) и орнаментацией в виде хаотического горизонтального орнамента (Ларенок, 2012, с. 103, рис. 12, 3; с. 101, рис. 10, 13), или наколов и черточек (Ларенок, 2012, с. 102, рис. 11, 1,2; с. 104, рис. 13, 2). На этом основании исследователь сделал вывод о значительном присутствии Закубанских племен в составе жителей Саркела-Белой Вежи. В развитие этого предположения подчеркнем еще раз, что закубанская керамика обнаруживает и немало общих черт с экземплярами из восточного Крыма.

4.2. Вооружение и конское снаряжение.

Материалов для рассмотрения комплекса предметов вооружения и конского снаряжения, к сожалению, чрезвычайно мало, что, является одной из особенностей материальной культуры населения восточного Крыма, как и всей Таврики, средневизантийского периода.

Вооружение. Предметы, безусловно, относимые к вооружению, представлены наконечником копья, топором, кистенем и наконечниками стрел. Наконечник копья-пики (рис. 133, 6) происходит из материалов поселения у с. Русское. Это изделие с узким пером в виде четырехгранного уплощенного стержня и вытянутой очень узкой воронковидной тщательно спаянной втулкой, в нижней части которой, на месте крепления к древку расположены два отверстия на ярко выраженном ободке. Длина пера и втулки практически одинаковы.

Копья-пики широко известны в общепризнанных и проверенных временем типологиях А.Н. Кирпичникова и Ю.С. Худякова (Кирпичников, 1966, с. 7, рис. 1; Худяков, 1986, с. 162, рис. 71). Согласно последней обобщающей типологии А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева (1985, с. 337, табл. 125, V, 7) они относятся к типу V, появление которого на вооружении древнерусских воинов авторы связывают с влияниями степного юго-востока. Однако уже в середине X в., а, например, в восточном Казахстане еще на рубеже IX-X вв. (Худяков, 1980, с. 59), они получают широкое распространение и становятся интернациональным оружием. Только со второй половины X в. наблюдается тенденция к расширению нижней части втулки.

В Подонье, в кремационных погребениях Сухогомольшанского, Красногорского, Нетайловского некрополей точные аналогии нашему наконечнику неизвестны. Дело в том, что он имеет несомненные общие черты с экземплярами типа погребения 252 Сухогомольшанского некрополя (Аксенов, Михеев, 2006, с. 265, рис. 63, 17) по степени подчеркнутости плечиков, однако в нашем случае они еще более подчеркнуты. По степени уплощенности пера наш наконечник близок экземпляру из комплекса XVI Сухогомольшанского некрополя (Аксенов, Михеев, 2006, с. 274, рис. 72, 1). Однако на месте перехода в перо, наша втулка не такая тонкая. Острие пера не такое клиновидное, а имеет округлые очертания. Возможно, данный наконечник копья появляется в период исчезновения салтовской культуры Подонья и получает распространение уже во второй половине X в.

Не исключено, что одним из прототипов данного типа наконечников являются экземпляры из Больше-Тарханского могильника в Среднем Повольжье (Генинг, Халиков, 1964, с. 51, рис. 15, 1; Казаков, 1992, с. 48, рис. 11, 49), связываемого с праболгарами и датированного в рамках второй половины VIII — первой половины IX вв. В материалах погребений Самарской Луки в частности некрополей Выползово I (к. 1 п. 2) и Брусяны III (к. 1 п. 1) известны экземпляры являющиеся, на мой взгляд, эволюционным продолжением Больше-Тарханского (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 114, рис. 24, 4,3). Их отличие от классических наконечников-пик заключается в первом случае хотя и в коротком, но более плоском пере, во втором — в почти цилиндрической втулке только слегка суженной на месте перехода в перо и с ярко выраженным ободком у устья на месте крепления к древку.

Типологически близкий наконечник копья обнаружен и на территории Северного Кавказа, в частности в материалах некрополя Донифарс (Каминский, Каминская-Цокур, 1997, с. 66, рис. 8, 8). По мнению исследователей, на данной территории наиболее широкое распространение копья получили, прежде всего, в Прикубанье и у вайнахских племен горного Центрального Кавказа. Типологически соответствуя экземплярам из трупосожжений Подонья, не исключено, что они были заимствованы в том числе и с этих территорий. Распространение же их определялось широкой популярностью у алан защитного доспеха — кольчуги. Именно с аланами в первую очередь сталкивались в военных действиях вайнахи и племена, оставившие погребения абинско-новороссийского типа.

Очевидно, аналогии этого типа наконечников копий можно искать и в материалах сросткинской культуры на юге Западной Сибири. Так среди выделенного типа 3 киливидных четырехгранных ромбовидных наконечников, наиболее близок нашему экземпляру вариант В со слабовыраженными наклонными плечиками (Горбунов, 2005, с. 70, рис. 1, 6). Близки ему и остальные варианты этого типа со слабовыраженными прямыми плечиками. Датировка данных изделий по материалам разнообразных памятников Западной Сибири укладывается в рамки второй половины IX — начала XII вв. (Горбунов, 2005, с. 71).

Безусловного внимания заслуживает и железный топор, происходящий так же из материалов поселения у с. Русское. Это изделие с коротким прямым обухом и сильно отогнутым вниз и вверх длинным лезвием. Один край лезвия обломан (рис. 133, 8). Такая конструкция лезвия приближает изделие к ранним древнерусским образцам середины X в. Морфологически близкий топор, правда с острыми щекавицами и не такой ярко оттянутой верх верхней частью лезвия происходит из случайных находок на Харьковщине и отнесен к древнерусским образцам X-XI вв. (Колода, 2007, с. 7-8). Исходя из хронологической таблицы С.А. Плетневой (Степи Евразии..., 1981, с. 166, рис. 52, 119), топоры с коротким обухом и слегка отогнутым вниз лезвием в материалах Волжских болгар наиболее характерны для середины X в. Именно с этого времени начинается тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз отчетливо проявившаяся в более позднее время. Добавим, что типологически близкие топоры происходят из материалов раскопок Плиски (Неппіпд, 2007, taf. 9, № 107,108), где, согласно археологическому контексту датируются не ранее второй половины X в.

В единственном экземпляре представлен в материалах населения восточного Крыма такой достаточно редкий предмет вооружения, как костяной кистень (рис. 133, 5). Происходит он из раскопок М.А. Фронджуло в портовой части Сугдеи и связан с горизонтами второй половины Х-ХІ вв. Изделие уплощенно-сферической формы с цилиндрическим отверстием в центре. Наиболее известная аналогия происходит из раскопок В.Н. Даниленко 1966 г. в квартале 1 цистерне 91 в портовом районе города. Это так же яйцевидной формы изделие с отверстием по продольной оси, в которое вставлен железный стержень с заклепкой на одном конце и остатками петли на другом (Колесникова, 2006, с. 147, рис. 1, 1; Наследие Византийского Херсона..., 2011, с. 293, № 335; с. 589) (рис. 133, 10). Первый публикатор находки Л.Г. Колесникова относила его к древнерусским изделиям только на основании наличия на аналогичном кистене из Саркела древнерусской тамги (Колесникова, 2006, с. 129). Крымские аналогии можно продолжить и за счет типологически близкого кистеня обнаруженного при раскопках квартала у церкви Св. Константина на Мангупе (Душенко, 2009, с. 452, рис. 1, 1; Душенко, 2013, с. 141, рис. 1, 1). По справедливому мнению А.А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX – первой половины XI вв. (Душенко, 2009, с. 434-435). В отличие от Судакского и Херсонесского изделий Мангупский экземпляр имеет не удлиненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате (Флерова, 2001а, с. 59; Душенко, 2009, с. 434).

Согласно наиболее полной типологии А.В. Крыганова, наш экземпляр мог принадлежать варианту 1 типа I со сквозным долевым каналом для пропуска жгута, имеющим аналогии в памятниках Подонья (1987, с. 64, рис. 1, 3). Однако, судя по остаткам накипи железа, он вероятнее относится к варианту 3 этого типа изделий, где в долевой канал вставлен железный стержень с петлей.

При этом следует отметить, что кистени варианта 3 чрезвычайно редки для салтовомаяцкой культуры. Значительно чаще они, имеющие удлиненные пропорции, а, иногда и железную цепь для подвешивания, встречаются со второй половины X в. Яркий пример этому комплекс находок их в древнерусских материалах X-XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 59; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 343, табл. 131, 1-5), где они датируются со второй половины Х в. и считаются заимствованными у кочевников юга Восточной Европы. В частности, опубликованная коллекция костяных кистеней известна и в материалах древнерусского городища Воинь (Сергєєва, 2012, с. 140, рис. 15, 1-4). Отдельные экземпляры известны и в материалах древнерусского Киева (Мовчан, Боровський, Архіпова, 1998, с. 117, рис. 5), а так же в материалах древнерусского времени в Волковыске на территории Верхнего Понеманья (Зверуго, 1989, с. 161, рис. 86, 16). Добавим, что хорошо датированные костяные кистени, аналогичные описываемому из Сугдеи, происходят из материалов заполнения полуземлянок крепости Скала возле с. Кладенци в Болгарской Добрудже и других Балканских и Дунайских памятников (Йотов, Атанасов, 1998, с. 91, обр. 71). Авторы справедливо датируют их временем прекращения жизни в крепости и связывают с нашествием печенегов второй четверти XI в. В отличие от древнерусских костяных изделий, имеющих по большей части более или менее выраженную грушевидную форму, балканские экземляры, как и крымские, представлены в основном овальными изделиями.

Традиционно кистени считаются легким ударным оружием ближнего боя. По мнению А.В. Крыганова, нуждающемуся, безусловно, в дополнительной аргументации, кистень был одним из наиболее «демократичных» видов оружия, применявшимся не только воинами, но и невоенным населением, даже женщинами (1987, с. 68). Исходя из этого, вполне закономерна их находка в культурных слоях городищ и поселений. Согласно современным данным, в Подонье, 21 кистень был обнаружен в культурных слоях городищ и селищ и 30 — среди погребального инвентаря могильников. Из числа последних, лишь 8 сопровождались оружием (Крыганов, 1987, с. 67-68). Тем не менее, кистень, вероятно, все же элемент снаряжения, прежде всего, всадника.

Наконечники стрел обнаружены пока только в материалах зольника Сугдеи. К сожалению, сохранность их оставляет желать лучшего. Один из них (рис. 133, 1) — четырехгранный, соответствующий типу Б1 по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 27, рис. 3, БІ) и имеющий аналогии в культурном слое второй половины Х- начала ХІ вв. Саркела-Белой-Вежи (Федоров-Давыдов, 1966, с. 27), два других (рис. 133, 2,3) — плоские ромбовидные разной морфологии, имеющие чрезвычайно широкие хронологические и территориальные рамки существования. Сказанное справедливо и по отношению к листовидному наконечнику (рис. 133, 4). В культурных горизонтах и заполнениях объектов встречены и круглые слегка обработанные гальки, диметром 3,2 и 3,3 см (рис. 138, 8). Согласно типологии, разработанной И.Г. Костылевым для метательных снарядов Херсонеса, они относятся к достаточно малочисленной группе 1.7, аналогичной глиняным ядрам-пулям (Костылев 2012, с. 156). Не исключено, что данные изделия могли использоваться в качестве снарядов для пращи, хотя большинство подобных экземпляров имело больший диаметр и вес.

Конское снаряжение. Обнаруженные железные изделия, связанные с конским снаряжением, относимые современными исследователями к предметам быта (Комар, Сухобоков, 2000, с. 16), представлены удилами, подпружными пряжками, разнообразными изделиями из кости.

Единственный целый экземпляр удил происходит из зольника Сугдеи. Это двусоставное изделие с неподвижными кольцами на концах, в которые вставлены подвижные кольца небольшого диаметра (рис. 134, 15). По справедливому замечанию Г.А. Федорова-Давыдова удила этого типа получили чрезвычайно широкое распространение (1966, с. 20). С.А. Плетнева, уточняет, что подобные удила с подвижными кольцами диаметром до 5 см характерны для ранний кочевнических групп населения не позже середины XI в. (1973, с. 15-19). Возможно, к этому типу относятся и удила (рис. 134, 10). Не исключено, однако, исходя из сохранности, что это односоставное изделие с двумя подвижными кольцами, вставленными в неподвижные. В последнее время было доказано, что удила такого типа характерны и для кочевнических древностей второй половины X — первой четверти XI вв. (Плетнева, 1990, с. 48). Не получило однозначной атрибуции изделие (рис. 134, 16). Не исключено, что это фрагмент стремени, однако его соотнесение с каким-либо типом, исходя из сохранности, затруднительно. С равным основанием это может быть и фрагмент удил с остатками стержня псалиев. Сказанное справедливо и по отношению к фрагментированному железному изделию с уплощенной центральной частью, происходящему из зольника Сугдеи (рис. 134, 1).

В комплекс рассматриваемых предметов конского снаряжения входит и набор подпружных пряжек. Это крупные круглые массивные изделия. Хорошо сохранившийся экземпляр с язычком происходит и из заполнения помещения Б дома второй половины X-XI вв. в портовой части Сугдеи на раскопе VI (рис. 134, 2). Фрагменты типологически близких железных пряжек обнаружены и в погребальном инвентаре склепа I на территории некрополя Судак-II (рис. 134, 11,12). Аналогии таким пряжкам чрезвычайно многочисленны. Типологически близкие салтовские крымские экземпляры происходят из погребения 12 некрополя Судак-VI (Майко, 2007, 158, рис. 101, 6) и заполнения жилого помещения мастерской на участке куртины XV Судакской крепости (Баранов, Майко, 1996, с. 87, рис. 3, 7). За пределами полуострова наиболее полные коллекции получены при раскопках Нетайловского некрополя (Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 1997, 166, рис. II, 3), Правобережного Цимлянского городища (Ляпушкин, 1958, 122, рис. 15; Плетнева, 1995, 378, рис. 41, 15; Флёров, 1995, 510, рис. 19, 5), Золотаревского археологического комплекса в Поволжье (Белорыбкин, 2001, с. 154, рис. 92, 8), археологического комплекса а близ с. Дядово на Балканах (Вогізоv, 1989, р. 126, fig. 146). К составным элементам конской сбруи можно отнести и несколько крупных железных сбруйных колец, обнаруженных в зольнике Сугдеи и в составе

погребального инвентаря могилы 209 и в верхнем горизонте заполнения склепа I некрополя Судак-II. Датировать их можно только в рамках археологических комплексов, куда они входят.

Интересным, достаточно редким, а для Крыма уникальным предметом, связанным с верховой ездой, является полукруглое железное изделие с неподвижными кольцами на концах в одно из которых продето два подовальных изогнутых подвижных кольца (рис. 133, 9). Происходит оно из материалов поселения у с. Русское. Большинство специалистов считает их составной частью т.н. железного замка от конских пут. Помимо известных аналогий в правобережном Цимлянском городище и Подонье (Плетнева, 1967, 149, рис. 39, 2; Плетнева, 1995, 380, рис. 43, 6; Михеев, 1985, с. 27), древнерусских (Гончаров, 1950, табл. IX, 5,6; Колчин, 1953, № 32; Мезенцева, 1965, с. 69, рис. 34, 2; Нариси.... 1957, с. 410; Мезенцева, 1968; Іванченко, 1990, с. 135, рис. 1) и булгарских Камских (Казаков, 1991, 106, рис. 37, 7) материалов, наиболее полная сводка находок этих изделий в Восточной Европе и их подробный анализ представлены в работе немецкого исследователя Иохима Хеннинга (Henning, 1991, 52-61). Там же отмечен и наиболее близкий нашему, экземпляр из Преслава (Henning, 1991, 57, fig. 3, 3), датирующийся второй половиной Х в. В этой связи представляют интерес хорошо сохранившиеся фрагменты и целый экземпляр подобных изделий, которые происходят из предполагаемого погребально-поминального комплекса на территории урочища «Государев яр» Славянского района Донецкой области (Давыденко, Гриб, 2011, с. 259, рис. 3, 9; с. 264, рис. 8, 6). Судя по археологическому контексту, памятник, вероятнее всего, датируется в рамках второй половины ІХ – первой половины Х вв., но, по мнению авторов, не исключено и наличие материалов более позднего времени. Вероятнее всего эта категория изделий датируется широкими хронологическими рамками. Напомним, что экземпляры из постройки 2 Сахновского городища и других южнорусских памятников датируются, очевидно, не ранее первой половины XIII в. (Іванченко, 1990, с. 134).

К элементам конского снаряжения относится изготовленная из белого металла с позолотой крестовидная бляха от конского оголовья (рис. 134, 7), так же происходящая из материалов поселения у с. Русское (Майко, Гаврилов, Гукин, 2009, с. 249, рис. 7, 4). Сердцевина ее выполнена в виде полусферы разделенной шестью прорезными лепестками. На краях прямоугольных лопастей расположены отверстия для крепления. Традиционно данные изделия использовались для украшения ремней оголовья на пересечениях налобного и наносного ремней с нащечными (Гаврилина, 1987, с. 55) и датируются XI в. (Гаврилина, 1987, с. 64).

Наиболее яркие, типологически близкие крестообразные разделители происходят из кочевнического погребения в кургане 5 близ с. Ново-Каменка на Херсонщине (Кубышев, Орлов, 1982, с. 240, рис. 2, 1-4), датированные серединой – второй половиной XI в. (Кубышев, Орлов, 1982, с. 245). Типологически близкая, так же богато орнаментированная бронзовая крестообразная бляха происходит из погребения 1 кургана VI близ г. Волноваха на Донеччине (Клименко, Цымбал, Краснощекова, 2008, с. 119, рис. 3). По мнению А.И. Кубышева и Р.С. Орлова процесс развития наременной гарнитуры в XI в. шел как по пути дальнейшей разработки типов местных торко-печенежских сбруйных наборов, так и с ориентацией ремесленников на византийский стиль в орнаментальном декоре (1982, с. 246). В отличие от данных аналогий, позволяющих проследить стилистические особенности изделия, экземпляр из с. Русское отличается отсутствием орнаментации, что затрудняет его точную датировку. Тем не менее, стилистически и морфологически близкая серебряная с позолотой крестовидная бляха обнаружена в погребении 1 кургана 1 могильника у с. Пелехивщина на Полтавщине (Луговая, 1998, с. 72, рис. 2, 7), который датируется печенежским временем.

Встречены и бронзовые крючки с небольшим подвижным кольцом (рис. 134, 14). Исследователями они относятся к т.н. «колчанным» крючкам, которым заканчивался ремень, прикрепленный к самому колчану, служивший в качестве крепежного приспособления на седле (Медведев, 1966, с. 20; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 314; Руденко, 2000, с. 51). Традиционно считается, что колчаны с подобными крючками являлись принадлежностью конного воина (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 313-314). Наиболее близкие аналогии известны на территории Волжской Булгарии (Руденко, 2000, с. 82, рис. 6, 4). В целом, территория их распространения чрезвычайно широка. Типологически близкие кольцевые вращающиеся колчанные крюки известны и среди Кыпчакских памятников Кузнецкой котловины, где датируются в рамках XI-XIII вв. (Сулейменов, 2008, с. 95, рис. 1, 27).

К предметам конского снаряжения, конечно с известными оговорками, можно отнести и некоторые изделия из кости. Последние представлены ручками от нагаек или ножей. Одна из них

граненая, происходящая из зольника Сугдеи, орнаментирована концентрическими кружками, характерными для кочевнических костяных изделий (рис. 134, 6). Типологически близкая орнаментированная ручка известна и из материалов раскопок Херсонеса (Романчук, 1981, с. 88, рис. 2, 41). Вторую категорию находок составляют костяные пластины (рис. 141, 8,9). На одной из них, так же происходящей из зольника Сугдеи, помимо двух отверстий, прочерчен крест и нанесен точечный орнамент по периметру нижней части изделия (рис. 141, 8). Такие пластины, как и вышеописанные ручки, типичны для тюркских древностей северо-причерноморских степей X-XI вв. Интересны, сделанные в Сугдее, находки щипцов, изготовленных из расщепленной кости и отполированной полой кости, служившей, возможно, в качестве дудочки (рис. 141, 7,1).

В археологических комплексах портовой части Сугдеи встречены костяные проколки (рис. 141, 10), типичные и для древнерусских памятников, в частности междуречья Днепра и Нижнего течения Десны (Бондарь, 2012, с. 315, рис. 10, 6,7). Представляет интерес тщательно обработанная проколка с ромбическим в сечении пером, происходящая из слоя XI – первой половины XIII вв. на площади т.н. квартала I Судакской крепости (раскопки 1996 г.). Не исключено, что она является заготовкой костяного наконечника стрелы (рис. 141, 12). Типологически близкие костяные, как втульчатые, так и черешковые костяные стрелы известны в средневековых памятниках оседлого (Медведев, 1966, табл. 22, 25,26) и кочевого (Медведев, 1966, табл. 28, 27) населения. Наиболее близкие аналогии образуют костяные изделия, атрибутируемые как наконечники стрел с ромбическим в сечении пером, где черешок, как и у нашего экземпляра, слабо выражен или намечен, известные при раскопках Болгара (Закирова, 2013, с. 178, ил.) и I Измерского селища (Казаков, 1991, с. 143, рис. 46, 25).

Следует обратить внимание на т.н. восьмеркообразные изделия, нижний полукруг которых зачастую украшен гранями (рис. 134, 8,13). Возможно, последние служили для подвешивания, но, вероятнее всего, все же являлись элементом конской сбруи. В основном подобные костяные подпружные пряжки, обнаруженные как в кочевнических погребениях Крымской степи (Баранов, 1990, с. 19, рис. 6, 13,14), так и в материалах поселенческих комплексов (Душенко, 2009, с. 435-436; Душенко, 2013, с. 141 рис. 1, 9), датируются эпохой раннего средневековья, однако, в отличие от Судакских экземпляров, они имеют четко выраженную нижнюю трапециевидную часть с прямоугольным отверстием. Для экземпляров же рассматриваемого хронологического периода характерна в основном восьмерковидная морфология с двумя округлыми отверстиями (Федоров-Давыдов, 1966, с. 47, 115, рис. 3, 11). Типологически и хронологически близкий предмет известен в материалах древнерусского городища Воинь (Сергєєва, 2012, с. 141, рис. 16, 9). Автором публикации, вслед за С. Боневым (1981, с. 42, рис. 1, 14), он трактуется, как пряжка от седла. О применении токарного станка свидетельствуют находки двух сложнопрофилированных наверший (рис. 141, 3, 4).

Кроме упомянутых изделий довольно часто встречаются заглаженные рога животных, предназначенные для стреноживания коней (рис. 141, 5). Среди этих изделий выделяются тщательно обработанные экземпляры, происходящие из зольника Сугдеи, с двумя отверстиями у основания спила. Внутри рога - полые. Острия из отростков оленьих рогов подробно рассмотрены В.Е. Флёровой на примере экземпляров, происходящих, в том числе, из горизонтов второй половины X-XI вв. Белой Вежи. Именно там хорошо представлены подобные изделия, как с отверстием в основании (Флёрова, 1996, с. 315, рис. 1, 1-5), так и без него (Флёрова, 1996, с. 316, рис. 2), в том числе с заточенным острием (Флёрова, 1996, с. 318, рис. 4, 9). Большинство исследователей считает, что они, входящие в набор портупеи вместе с ножом и огнивом, использовались, прежде всего, для развязывания узлов и расширения отверстий в ремнях (Флёрова, 1996, с. 279)⁴⁹. Стоит отметить, что в Беловежский период они встречаются намного реже, чем в предшествующий. Подобные остроконечники из отростка рога оленя получили распространения и на древнерусских памятниках, однако, и там не являются частой находкой (Сергєєва, 2011, с. 195, рис. 6, 1).

Уникальное подобное, тщательно отполированное и граненое изделие, обнаружено в портовой части Сугдеи в слое X-XI вв. (рис. 141, 6). Рог украшен девятью орнаментальными поясами, состоящими из прямоугольников, разделенных диагоналями на четыре треугольника. В центре каждого из треугольников поставлена точка. Верхние три пояса разделены между

⁴⁹ Там же основная библиография и перечень аналогий.

МАЙКО В.В. ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X-XII вв.

собой тонкой полоской, четвертый и пятый пояски - смежные, отделенные от смежных шестогодевятого поясков такой же тонкой полоской. Описанному изделию близка находка из Киева. Это тщательно обработанный рог с двумя отверстиями и резным слабопрофилированным орнаментом с гравировкой. Острие украшено изображением стилизованного зверя. Датируется изделие, как и Судакское -Х в. и атрибутируется как ручка нагайки (Ивакин, Степаненко, 1985, с. 92; Сагайдак, 1991, с. 41, рис. 20), что, исходя из размеров изделия, проблематично.

4.3. Земледельческие орудия труда. Ремесленные предметы и бытовые изделия.

4.3.1. Земледельческие орудия и ремесленные предметы. Данный комплекс находок достаточно беден. Земледельческие орудия представлены пока только теслами-мотыжками. Большинство исследователей согласно с тем, что тесла-мотыжки были многофункциональными орудиями (Михеев, 1985, с. 39; Плетнева, 1989, с. 91,93; Баранов, 1990, с. 71), имевшими, как «глаголевидные» (Нестеров, 1981, с. 172), так и прямые деревянные ручки. Использовались они не только как земледельческие орудия, но и как плотнические и, возможно, предметы вооружения (Худяков, 1981, 120). Специальное исследование тесел Южной Сибири, проведенное С.П. Нестеровым (1981, 172), показывает, что эволюция их шла в направлении утоньшения и вытягивания втулки и удлинения лезвия.

Наиболее сохранившийся экземпляр обнаружен на полу полуподвального помещения А жилого комплекса в портовой части Сугдеи. Это т.н. малая мотыга кельтовидной формы с втулкой (рис. 136, 2). Эти изделия X-XI вв. на материалах Болгарии были разделены на типы Г. Атанасовым (2000, с. 183-210). Наше изделие можно отнести к типу 1 кельтообразных малых мотыг. Их справедливо считают эволюционным развитием салтовских тесел-мотыг. Появление и эволюционное развитие последних в Южной Добрудже связывается с традицией пришедшей с переселением праболгар из салтово-маяцких центров (Димитров, 1987, с. 176, 242-244, 274).

Наиболее близкие балканские аналогии нашему изделию происходят из поселения Одырци (Дончева-Петкова, 1999, с. 57, обр. 108), производственного центра в с. Новосел Шуменского округа (Бонев, Дончева, 2011. с. 268, табло XXVI, 138), археологического комплекса XI-XII вв. в Дядово (Borisov, 1989, р. 80, fig. 73⁵⁰) и кладов земледельческих орудий из Южной Добруджи (Атанасов, 2000, с. 193, табл. VII, 77,79,58). Время тезаврации этих кладов связывается с нападением печенегов 1036 г.

Данные кельтообразные вытянутые мотыги получили распространение и в Древней Руси. В частности в материалах древнерусского городища Супруты на Тульщине известны, как уплощенные изделия с широкой подтреугольной округлой лопастью и тонкой втулкой (Меч и златник... 2012, с. 45, № 41), так и с широкой втулкой и узкой трапециевидной лопастью (Меч и златник... 2012, с. 45, № 42). Небольшое отличие приводимого экземпляра из Сугдеи заключается только в более узкой втулке и вытянутой узкой рабочей части. Мотыги этого типа известны и в материалах Волжской Булгарии. Экземпляры подобных тесел-мотыг без упора с сомкнутой втулкой происходят из Золотаревского археологического комплекса (Белорыбкин, 2001, с. 90, рис. 53, 6).

Ремесленные предметы так же немногочисленны и представлены, прежде всего, коллекцией галечных и железных тиглей, предназначенных для варки цветных металлов, происходящих из зольника Сугдеи (рис. 138, 1,2,6). На одном из них на дне зафиксированы остатки серебра (рис. 138, б). Данные находки, включая и небольшой железный тигелек (рис. 138, 3), свидетельствуют о высоком уровне развития производства цветных металлов у населения восточного Крыма. Типологически близкие миниатюрные полусферические тигли известны в материалах Гнездовского поселения (Ениосова, Митоян, 1999, с. 58). На одном из упоминаемых экземплярах обнаружены капли золота, содержавшего серебро. Выделяется находка тигля, происходящего из слоя желто-коричневого плотного суглинка с содержанием углей и ракушки на площади т.н. квартала І Судакской крепости (Айбабина, 2001, рис. 133, 13) (рис. 138, 4). Это цилиндрическое вытянутое круглодонное изделие высотой 8.5 см с диаметром устья 3,5 см. По упомянутой типологии тиглей Гнездовского поселения наиболее соответствуют данному экземпляру немного меньшие цилиндрические изделия средних размеров (1999, с. 57). Большинство подобных Гнездовский тиглей предназначалось для варки низкопробного серебра с добавками меди, олова, свинца и цинка. Наиболее представительная коллекция подобных тиглей происходит из раскопок Херсонеса (Якобсон, 1959, с. 331, рис. 181, 1-4). Автор указывал, что практически все они обнаружены с византийскими монетами второй половины X – первой половины XI вв. (Якобсон, 1959, с. 329-330). Подтверждают эту дату и другие древнерусские аналогии. Так среди круглодонных цилиндрических тиглей Белоозера, экземпляры с вытянутыми пропорциями как раз и характерны для X – начала XI вв. (Голубева, 1973, с. 134, рис. 48, 18). Тем не менее, подобные ювелирные тигли существуют длительное время. В частности при раскопках ювелирной мастерской в Мелнике (Болгария) обнаружен подобный крупный глиняный тигель (Комитова, 2009,

-123 -

⁵⁰ Там же и список болгарских аналогий.

с. 473, обр. 2, 4), датированный второй половиной XII в. Типологически близкие тигли обнаружены и при раскопках ювелирных комплексов в средневековой Твери середины – второй половины XV в. (Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2009, цветн. вклейка, рис. XXIX, 7,8).

К ремесленным изделиям можно отнести крупное копьевидное втульчатое орудие, (рис. 136, 3), обнаруженное в материалах поселения у с. Русское в юго-восточном Крыму. Подобное изделие было, безусловно, многофункциональным, но более всего напоминает крупную пешню (Ляпушкин, 1958, с. 120, рис. 13), либо изделие для обработки дерева (Ляпушкин, 1958, с. 121, рис. 14). Подобное изделие, обнаруженное в заполнении погребения на территории усадьбы кузнеца с жилищем-мастреской Мохначского городища, атрибутируется автором как массивное втульчатое долото (Колода, 2006, с. 215, рис. 2). На территории Поволжья известны подобные предметы, датирующиеся XIII-XIV вв., предназначенные, возможно, для выдалбливания пазов в деревянной основе (Иконников, 2011, с. 87, рис. 7, 30).

4.3.2. Бытовые изделия и предметы для игр. Выделение этой категории предметов носит, безусловно, условный характер. Наиболее массовыми изделиями из железа являются разнообразные по величине ножи и кованые гвозди. Среди последних можно выделить особо крупные экземпляры, предназначенные, возможно, в том числе и для корабельного дела. Железные ножи представлены изделиями самой разнообразной формы и размеров, включая экземпляры со свинцовым и железным фиксатором ручки, изогнутым и прямым лезвиями. Фиксаторы лезвий в обоих случаях крепились с одной стороны изделия. Коллекции раннесредневековых ножей всех обнаруженных типов чрезвычайно многочисленны (Ляпушкин, 1958, с. 125, рис. 18; Плетнева, 1995, 381, рис. 44, 1-10), в том числе, и для восточного Крыма. Типология их хорошо известна и проверена временем (Мїхеєв, Степанська, Фомін, 1973, 91-92). Их бытовое использование, несмотря на некоторые крупные экземпляры (рис. 134, 9), не вызывает сомнений. В последнее время детальная типология бытовых железных ножей интересующего нас времени на примере Херсонеса разработана Е.А. Денисовой (2012, с. 25-27). Автором, в частности, выделено четыре типа изделий, из которых три наиболее характерны для средневизантийского времени. Именно к ним и относится подавляющее большинство Судакских экземпляров.

Уникальными изделиями являются железные т.н. фибулы-кресала или кресала-щипцы или кресала-«уточки», происходящие из материалов поселения у с. Русское. Кресало 1 - небольшое с вертикальной невысокой широкой пластинчатой спинкой (рис. 139, 1). Отличительной особенностью является орнаментация с двух сторон двумя рядами прорезных дуг, образующих подобие волнистого орнамента. На конце приемника расположено неподвижное кольцо, параллельное приемнику и развернутое в сторону ручки-иглы. В неподвижное кольцо вставлено небольшое подвижное. Конец ручки-иглы вставлен в небольшой замочек, припаянный к приемнику. Лапки щипкового прижимающего устройства длинные, уплощенные, типичные для данных изделий. Кресало 2 - отличается большими размерами, более плавным изгибом и меньшей шириной спинки. Конец приемника заканчивается завитком, образующим кольцо. Замочек, куда вставлена ручка-игла, широкий, припаянный к нижней части приемника, орнаментирован насечками, а сама ручка-игла имеет небольшой плавный изгиб (рис. 139, 2). Отличает это кресало и короткие округлые нехарактерные лапки щипкового прижимающего устройства.

О назначении описанных изделий, ввиду небольшого количества находок, судить пока сложно. В.С. Аксенов, например, рассматривает их как элемент одежды (Аксенов, Михеев, 2006, с. 105). Это достаточно редкая вещь и для памятников алан Подонья. Так в материалах Дмитровского могильника, среди более чем 170 погребальных сооружений, подобные кресала, плохой сохранности, встречены только в четырех (Плетнева, 1989, с. 92, рис. 45). Шире они распространены в Поволжье (Генинг, Халиков, 1964, с. 44, табл. Х; Казаков, 1992, с. 48, рис. 11, 1), где, согласно С.А. Плетневой (1989, с. 93), существуют до середины X в. Представлены они и в погребальном инвентаре некрополей в верхнем течении Северского Донца. Например, в Сухогомольшанском могильнике эти изделия встречены в трех погребальных комплексах, поминальном сооружении и культурном слое (Аксенов, Михеев, 2006, с. 127)⁵¹, в Красногорском некрополе – в трех погребениях (Михеев, 2004, с. 80, рис 4: 12). При этом, лапки щипцов наиболее сохранившихся эк-

⁵¹ Там же приведены и основные Донские, Поволжские и Кавказские параллели, происходящие из трупоположений и кремаций.

земпляров Сухогомольшанского некрополя все удлиненные, совершено аналогичное кресало из комплекса XVI так же имеет подвижное кольцо в неподвижной петле спинки (Аксенов, Михеев, 2006, с. 274, рис 72: 6). Единственная аналогия этим кресалам в Крыму найдена в окрестностях Бахчисарая, на пологом склоне куэсты Внутренней предгорной гряды, примерно в 1,5 км к юго-востоку от окраины старого города и в 0,7 км к северо-западу от подножия горы Бешик-Тау (Белый, 2011, с. 42, рис. 4; Белый, 2013, с. с. 422, рис. 4) (рис. 139, 3). Предмет лежал прямо на поверхности.

В портовой части Сугдеи в полуподвальном помещении А обнаружен вытянутый узкий железный молоток (рис. 136, *I*). Он так же имеет определенное сходство с экземпляром из клада земледельческих орудий поселения Средиште в южной Добрудже (Атанасов, 2000, с. 196, табл. X, 22). Правда, наш экземпляр значительно уже. Типологически близкие изделия второй половины X-XI вв. известны и в Преславе (Чангова, 1962, с. 32, обр. 12, 2).

Редкими для рассматриваемых памятников восточного Крыма являются находки железных замков и запирающих их пластин, происходящих из материалов поселения у с. Русское и портовой части Сугдеи (раскоп VIII). Первый тип замков представлен изделием с цилиндрической трубкой с четырьмя приваренными ребрами жесткости. К верхнему ребру приварен длинный узкий округлый в сечении стержень с заостренным концом (рис. 137, 3). Наиболее близкие аналогии железным замкам этого типа происходят из материалов І Измирского селища в низовьях Камы, где отнесены к датирующим находкам, появляющимся не ранее середины Х в. (Казаков, 1991, с. 24, рис. 8: 24). Согласно типологии Е.П. Казакова они отнесены к типу IA2 (1991, с. 73). Исследования автора типологии, позволяют уверенно утверждать, что отверстие цилиндрической трубки заклепывалось пластиной с прямоугольным отверстием для ввода запирающих пружин, которые крепились на одном из концов восьмерковидного съемного запирающего стержня. Другой конец этого запирающего изделия имел отверстие для продевания в длинный стержень самого замка (Казаков, 1991, с. 72, рис. 29: 1,3,4). Великолепная сохранность самого конического цилиндра замка из с. Русское четко указывает на то, что крестовидное отверстие для ввода ключа находилось в верхней части цилиндра выше места приварки длинного стержня. Согласно аналогиям, большая часть которых происходит с территории Поволжья (Халиков, 1981, рис. 1; Белорыбкин, 2001, с. 72, рис. 41, 3.4; Семыкин, 1996, с. 81, рис. 7, 3), замки этого типа традиционно считаются булгарскими. Встречаются они и на территории Древней Руси (Овсянников, Пескова, 1982, с. 94, рис. 1, 14) и Балкан (Borisov, 1989, p. 93, fig. 92).

К так называемым путным одноцилиндровым замкам с приваренным ушком для вставки скобы-путы относится обнаруженный на поселении запирающий их стержень с двумя приваренными пластинами (рис. 137, 5). От вышеописанного запирающего стержня его отличает отсутствие восьмерковидной головки. Исходя из функциональных особенностей путных замков, тормозная уплощенная головка здесь округлой формы с небольшой шишечкой по центру. Сам стержень на мете примыкания к ней расширяется. Аналогичное изделие известно в материалах I Измирского селища (Казаков, 1991, с. 72, рис. 29: 9), а так же материалах древнерусского Изяславля (Овсянников, Пескова, 1982, с. 95, рис. 2, 16). В археологических памятниках Поволжья хорошо известны и сами одноцилиндровые замки (Белорыбкин, 2001, с. 72, рис. 41, 2,8,9) запирающим механизмом которых и является проанализированный.

Как известно, железные путные замки, предназначавшиеся, прежде всего, для стреноживания коней, получили очень широкое распространение. Происходят они, в частности, из раннего беловежского слоя Саркела (Артамонов, 1958, с. 68, рис. 46). Для салтовских памятников находки железных путных замков остаются пока чрезвычайно редкими. Так из жилища 48 и культурного слоя на площади квадрата Л 17 правобережного Цимлянского городища происходит всего два сильно коррозированных и разрушенных изделия, позволяющих только частично реконструировать их форму и механизм (Флёров, 1995, с. 507, рис. 16: 6; с. 511, рис. 20: 1). На основании прямоугольного профиля и конической формы корпуса автор раскопок считает их импортными, отличающимися от замков славянского слоя Саркела (Флёров, 1995, с. 479). Следует отметить, что, они, как и замки первого типа, получают распространение только с середины X в.

Третий тип замков, представлен небольшим изделием с полым корпусом в виде усеченного конуса с припаянной к основанию плоской пластиной. К корпусу припаяны две треугольные пластины-проушины в которые продет соединительный стержень, заменяющий дужку. На одном конце стержня находится пружинный механизм (рис. 137, 4). С одной стороны корпус заклепан

пластиной, с другого - имеется отверстие для ключа в виде прописной буквы X. Эти замки, являющиеся эволюционным развитием двухцилиндровых замков, проявляются на Руси очень поздно, только с XV в. Однако, наличие пластины, припаянной к корпусу, сближает анализируемое изделие с прототипами, например, из IV Старокуйбышевского селища (Казаков, 1991, с. 71, рис. 28: 11). Тем не менее, находка подобного замка в столь ранних горизонтах ставит вопрос об их появлении уже во второй половине X-XII вв. В этой связи интересны подобные замки из недавних раскопок древнего Киева. Так из заполнения подвала по ул. Большой Житомирской поисходят изделия всех выделенных нами типов, которые датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв. (Ієвлев, Козловський, 2011, с. 112, рис. 4, 1-8).

Коллекцию запирающих изделий дополняют находки в заполнении зольника средневековой Сугдеи двух железных массивных ключей (рис. 137, 6). Еще один аналогичный экземпляр происходит из раскопок горизонтов второй половины X-XI вв. на территории квартала I Судакской крепости (раскопки 2001 г. Е.А. Айбабиной) (рис. 137, 13). Такие простейшие ключи с неподвижным кольцом известны на достаточно широкой территории. Типологически близкие изделия, в частности, происходят из раскопок 2005-2008 гг. на территории Черниговского детинца (Моця, Казаков, 2011, с. 72, рис.). Известны они и в материалах сельского поселения X-XIII вв. у с. Петруши на Черниговщине (Веремейчик, 1990, с. 80, рис. 2, 23-25).

К предметам, связанными с дверными запорами, относится и находка бронзового ключа с пола помещения Б дома второй половины X-XI вв. в портовой части Сугдеи (рис. 137, 7). Сверху изделие имеет петлю, обломанную в древности. Небольшая коллекция типологически близких бронзовых ключей происходит из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи. Большинство из них, несмотря на более сложную профилировку бороздки, близки описанному выше бронзовому ключу из портовой части Сугдеи (рис. 137, 8-10). Все они заканчивались петлей для подвешивания. Среди подводной коллекции Сугдеи встречены и подобные экземпляры с простой бороздкой (рис. 137, 11), а так же удлиненные экземпляры с простой бороздкой и сохранившимся кольцом для подвешивания (рис. 137, 12). Типологически близкий железный ключ обнаружен при упоминавшихся раскопках в Киеве на ул. Большой Житомирской (Ієвлев, Козловський, 2011, с. 112, рис. 4, 10).

Аналогичные бронзовые ключи, предназначенные, вероятно, не только для дверных запоров, были обнаружены в заполнении общественной постройки 296 на территории раскопа «Северный» 1986 г. Таманского городища (Чхаидзе, 2008, с. 137, рис. 75, 3). Типологически близкие бронзовые ключи, к которым, вероятно, и восходят приводимые, известны в материалах раскопок византийских центров первой половины VIII в. таких, например, как Анемурий. Это упрощенный вариант изделий с одним подвесным кольцом (Rassel, 1982, р. 156, fig. 2, 18,19).

К изделиям для обработки дерева можно отнести фрагменты скобелей или кресал. Одно из них, калачевидное, обнаружено в материалах зольника Сугдеи (рис. 136, 4), фрагмент другого, более крупных размеров, происходит из материалов поселения у с. Русское (рис. 136, 6). Согласно современным типологиям, основанным на наличии или отсутствии и форме ударного язычка, кресала этого типа следует относить к наиболее распространенным калачевидным изделиям с треугольным язычком (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 183-184). Они имеют широкие хронологические рамки существования, но появляются в Таврике не ранее второй половины X в. и существуют до конца XII в., постепенно трансформируясь в овальные.

Комплекс бытовых предметов дополняет фрагменты разных по толщине железных и бронзовых дужек от медных котелков, крючок для подвешивания казана (рис. 137, 1,2).

Интересными бытовыми предметами являются изделия обнаруженные в заполнении полуподвала A дома на раскопе VI в портовой части Сугдеи (рис. 135, I-3). Это соединенные крупным кольцом два железных стержня с неподвижными кольцами. Назначение предметов пока определить сложно.

Массовым материалом, изготовленным из бронзы, являются разнообразные накладки. Часть из них служила для оковок венчиков деревянных сосудов. Выделяется среди них крупная медная оковка с сохранившимися заклепками (рис. 134, 5). Не исключено, исходя из морфологии изделия, что оно предназначалось для оковки колчана или седла.

Коллекцию бытовых предметов дополняет и железный топор, относящийся к варианту топоров-тесел или клевцов (рис. 133, 7). Лезвие удлиненное, с выраженным оттянутым вниз краем. Вместо обуха – рабочая часть – тесло. Бока проушины, расширяющиеся и выполнены в

форме щитков. Типологически близкие изделия обнаружены в первую очередь среди погребального инвентаря кавказских некрополей по обряду трупосожжения (Борисово) (Комар, Сухобоков, 2000, с. 4, рис. 2, 53) и ингумационных (Молдавановский) (Кочкаров, 2006, с. 107, рис. 7, 46). Интересно отметить, что тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз появляется у алан Подонья еще во второй половине IX в. Об этом ярко свидетельствует пять вариантов типологического ряда топоров-чеканов, предложенного С.А. Плетневой (1989, с. 76). Наиболее близкая аналогия оттянутому лезвию происходит из катакомбы 7 Дмитровского могильника (Плетнева, 1989, с. 75, рис. 35, 7). Подобные бытовые топоры-тесла известны и в позднесредневековых древностях Крыма, например, Алустона, где датируются не ранее XIII в. (Мыц, 1991, с. 106, рис. 46, 15). Типологически близкое изделие, отнесенное к орудиям труда, происходит и из заполнения жилых построек Херсонеса (Домбровский, 1986, с. 540, рис. 133, 6).

В единственном пока экземпляре обнаружены в зольнике Сугдеи железные ножницы (рис. 136, 5). К сожалению, сохранился только фрагмент перекрестия изделия с двумя лезвиями. Типологически близкие экземпляры хорошо известны в материалах средневековых памятников Крыма, Причерноморья и Руси.

Самыми многочисленными изделиями из камня являются разнообразные оселки, имевшие, вероятно, многофункциональное назначение (рис. 138, 5,7,10,11). Среди них выделяется два экземпляра, происходящие из зольника Сугдеи, изготовленные из серо-зеленого овручского пирофиллита с значительной примесью хлора (Павленко, 2004, с. 217) (рис. 138, 5,11). Один - крупный, в форме неровного плоского овала, другой - обычный прямоугольный, небольших размеров. В материалах зольника Сугдеи обнаружено крупное грузило ромбовидной формы, изготовленное из гальки. Безусловно, изделие было многофункциональным (рис. 138, 9).

<u>Пряслица</u> (рис. 142). Подавляющее большинство из них изготовлено из тщательно обработанных стенок амфор. В единичных экземплярах обнаружены пряслица, выполненные из стенок высокогорлых кувшинов и сланцевые. В коллекции пряслиц, насчитывающей только в Сугдее более 30 экземпляров, выделяются два не типичные для анализируемых памятников. Одно, с крупными треугольными наколами в виде лучей, отходящих от отверстия (рис. 142, *17*), другое - с мелкими наколами в виде концентрических кругов (рис. 142, *18*). Эти два пряслица более характерны для салтово-маяцких древностей полуострова. Нельзя не отметить и два пряслица с процарапанными греческими словами (рис. 142, *14*, *15*) и два - с рисунком граффито (рис. 142, *12*, *13*). К пряслицам близко примыкают и аналогичные изделия из стенок амфор, но с двумя отверстиями (рис. 142, *22*, *25*). Видимо, они были предназначены для сучения нити. В Сугдее подобных изделий обнаружено пока два. Кроме них, найдены и два керамических грузила, один с двумя отверстиями, так же, очевидно, предназначенных для ткацкого станка (рис. 142, *23*, *26*). Все это предполагает достаточно высокий уровень развития ткачества у населения городов восточного Крыма.

Необходимо остановиться отдельно на находках шиферных, или, согласно современной терминологии (Звіздецький, 2007, с. 104-107), пирофиллитовых прясел (рис. 143, *I-5*,7,8). В настоящее время только в Сугдее в разнообразных комплексах их обнаружено около десяти. Два из них (рис. 143, 3,4) найдены во время раскопок зольника на участке куртины XV Судакской крепости. Еще одно прясло (рис. 143, 5) входило в состав археологического комплекса жилого дома в портовой части Сугдеи. Два обнаружены в слое первой половины XII в. на участке раскопа VIII в портовой части Сугдеи (рис. 143, 7,8)52. Два пирофиллитовых изделия обнаружены в переотложенном состоянии. Одно в 2010 г. в портовой части на участке раскопа VIII (рис. 143, 2), другое - в 1978 г. в слое на вымостке, примыкающей к помещению Б мастерской на территории барбакана Сугдеи (рис. 143, 1). Два остальных обнаружены в составе ремесленных комплексов на посаде средневековой Сугдеи. Для нас важен тот факт, что в настоящее время нижняя хронологическая дата пирофиллитовых прясел справедливо относится не к XI-XII вв. (Петрашенко, 2005, с. 106-110; Возний, 2005, с. 79), а к середине X в. Основанием для этого послужили находки в закрытых комплексах Древнерусского Искоростеня подобных изделий (Звіздецький, 2007, с. 106; Петраускас, 2003, с.66-75). Б.А. Звиздецкий считал, что уже к середине Х в. в быту использовались все типы данных прясел (Звіздецький, 2007, с. 104-107). Известны и

 $^{^{52}}$ Выражаю глубокую признательность В.Д. Гукину за возможность ознакомиться и опубликовать изделия.

другие ранние древнерусские прясла с правобережья Среднего Поднепровья (Петрашенко, 1988, с. 24-32) и Киевского подола (Сагайдак, 1991, с. 92). В погребении 1105 Танкеевского могильника пирофиллитовое прясло четко датируется третьей четвертью X в. (Казаков, 1991, с. 153). Не позднее третьей четверти X в. данные прясла появляются в языческих могильниках и поселениях Волжских болгар (Казаков, Руденко, Беговатов, 1993, с. 51). Таким образом, находки данных прясел в горизонтах и объектах средневековой Сугдеи второй половины X в. хронологически вполне оправдано. Однако, причины их появления в столь ранний период, безусловно, требуют отдельного пояснения.

К бытовым изделиям относятся и тщательно обработанные керамические пробки различного диаметра и толщины (рис. 143, 6,9,10,15-18). Выделяется керамическая пробка конической формы с наколами, выполненными штампом и расходящимися от центра изделия лучами (рис. 143, 14). Интересна и тщательно обработанная крышка, изготовленная из стенки белоглиняного поливного сосуда (рис. 143, 9). К описываемым находкам близко примыкают глиняные круглые изделия аналогичные крышкам, но имеющие слабо намеченное отверстие с одной или двух сторон (рис. 143, 11-13). Это либо заготовки для прясел, либо какие-то игральные фишки.

К бытовым изделиям можно отнести и находки массивных т.н. бронзовых наперстков большого размера с широким отверстием (рис. 134, 3,4). Наиболее сохранившийся экземпляр происходит из зольника Сугдеи. Эти изделия имеют, конечно, широкие хронологические рамки бытования. Так типологически близкий бронзовый наперсток происходит из заполнения склепа второй половины XIII-XIV вв. некрополя храма Параскевы на посаде средневековой Сугдеи (Майко, 2007, с. 213, рис. 134, 8).

К бытовым предметам относятся и находки четырех бронзовых иголок из могил 28, 101, 161 (рис. 166, 11, 15) некрополя Судак-II. Обнаружены и бронзовые наперстки, происходящие из погребального инвентаря некрополя Судак-II и зольника Сугдеи. Оригинален и бронзовый проволочный крючок с ушком из первоначального заполнения склепа I (рис. 166, 6). Определить его точное назначение и хронологические рамки существования трудно, не исключено, что он является элементом бронзовой крупной серьги в виде знака вопроса.

Исключительный интерес представляет серебряный гигиенический набор, состоящий из копоушки, ногтечистки, зубочистки, которые прикреплены к ажурному колечку и заключены в обоймицу (рис. 166, 12). Он с равным основанием может быть отнесен и к бытовым предметам, и к украшениям. Точные аналогии ему мне не известны.

Отдельного рассмотрения заслуживает такая редкая категория бытовых находок, как деревянные гребни. Два из них обнаружены при проведении подводных исследований в бухте пос. Новый Свет (рис. 147, 2,3). Один — в составе погребального инвентаря склепа № 4 на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 147, 1). Данные изделия, которые, безусловно, являлись массовыми, тем не менее, встречены в Крыму, в том числе и в восточной его части, в единичных экземплярах. Связано это в первую очередь с материалом изготовления.

Первый, хорошо сохранившийся Новосветовский деревянный гребень, обнаружен в 2004 г., второй, сохранившийся фрагментарно, в 2002 г. (Зеленко, 2008, с. 165, рис., 3)⁵³. Оба изделия находились в секторе скопления материала середины – второй половины XIII в. Гребни относятся к двухчастным, с одной стороны снабженными частыми, с другой – редкими зубьями. Изготовлены из цельной пластины, форма которой почти прямоугольная, с небольшим овальным расширением в середине у экземпляра 2004 г. Основываясь на современной терминологии, они имеют общеевропейскую форму. Исследования древесины не проводились, однако, исходя из степени сохранности, не исключено, что оба изделия изготовлены из самшита.

Несмотря на многолетние раскопки Судакской крепости и подводные исследования в бухте поселка Новый Свет, как уже упоминалось, единственный пока типологически близкий экземпляр происходит из заполнения верхнего горизонта склепа № 4 на участке куртины XV Судакской крепости (Майко, 2010б, с. 119 рис. 5, 2). Гребень двусторонний изготовлен из цельной пластины, форма которой приближается к трапециевидной. На одной стороне гребень снабжен частыми, на другой стороне редкими зубьями, сохранившимися хуже. Орнаментация отсутствует.

Среди наиболее близких крымских аналогий следует упомянуть, прежде всего, находки типологически близких изделий, правда с прямой спинкой, в составе погребального инвентаря

⁵³ Выражаю глубокую признательность С.М. Зеленко за предоставленный для работы материал.

усыпальниц № 71 и 73 городища Эски-Кермен (Айбабин, 1991а, с. 242, рис. 7, 1,2,10). Встречены они в комплексе со стеклянными браслетами и датируются в рамках второй половины ${
m X}-{
m XI}$ вв. Другим наиболее близким массивом аналогий являются пять экземпляров из т.н. Симеизского склепа 1955 г. А.И. Айбабиным они продатированы салтовским временем (2003, табл. 38, 56,57). Однако, согласно исследованиям Н.П. Туровой, в комплексе с ними были обнаружены стеклянные браслеты, бронзовый бубенчик и бронзовые крестовидные подвески, датирующиеся не ранее второй половины Х в. (Турова, 2012, с. 174, рис. 2). Таким образом, находки Симеизских гребней и упомянутого материала относятся либо к последнему периоду его функционирования, не связанному с салтовским, либо к другому погребальному сооружению. Деревянные гребни в единичных экземплярах известны при раскопках Скалистинского могильника, Херсонеса и Боспора. В первом случае фрагмент деревянного гребня происходит из заполнения склепа 771, отнесенного к наиболее поздней группе погребальных сооружений некрополя (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 195). Интересна находка фрагмента деревянного гребня и из печенежского погребения Х-ХІІ вв. в деревне Матвеевка в Северном Крыму (Айбабин, 2003, с. 135, таб. 49, 3) и подобная находка в погребении 10 плитового некрополя X-XII вв. в с. Заречное, Симферопольского района (Махнева, 1968, с. 157, рис.3). Следует отметить, что подавляющее большинство гребней зафиксировано в погребальных сооружениях, что связывается некоторыми исследователями не только с бытовой, но и с семантической нагрузкой этого предмета (Кардаш, Пономарева, 2012, с. 81).

Широкое распространение на аланских памятниках Северного Кавказа такие гребни получают только в VIII – IX вв. Известно о находках подобных самшитовых гребней из могильника Мощевая Балка и Нижнее-Архызского могильника (Иерусалимская, 2010, с. 453, ил. 7, а-в). По мнению А.А. Иерусалимской, они полностью подражают византийским образцам, но изготовлены из самшита, который служил предметом торгового обмена с близлежащей Апсилией, обладающей запасами толстоствольного дерева. Встречены самшитовые гребни и в скальных погребениях Кувинского ущелья, в погребениях катакомбных могильников Северной Осетии и других памятников Северного Кавказа (Туаллагов, 2005, с. 270-271). Необходимо отметить, что появление двусторонних гребней в аланских памятниках Северного Кавказа хронологически опережает появление таковых в Саркеле, среди кочевнических древностей, в Крыму и на Руси.

Наиболее ранние средневековые деревянные изделия у алан и праболгар Подонья появляются не ранее второй половины IX в., в частности, фрагмент гребня найден в катакомбе Маяцкого могильника (Туаллагов, 2007, с. 23). Фрагмент двустороннего деревянного гребня обнаружен и в подкурганном погребении кургана 9 некрополя Харинка на левом берегу Сала Ростовской области (Атавин, Каменецкий, 2002, с. 289, рис. 7, 9). Погребение датируется авторами VIII-IX вв. и связывается с кругом степных памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Атавин, Каменецкий, 2002, с. 279). Со второй половины Х в. гребни, прежде всего, костяные, но и, конечно, деревянные, становятся одним из маркеров восточноевропейской моды. В следующем столетии они получают широкое распространение. Такие гребни известны по изображениям на половецких изваяниях и в погребениях половцев (Плетнева, 1974, с. 46, рис. 20, 16; Нарожный, 2003, с. 258, рис. 6, 1-5). Тогда же в виде импорта или за счет изготовления на месте по импортным образцам они появляются в Прикамье (Смирнов, 1952, таб. LVI, 9, XLVI, 4). Аналогичные деревянные неорнаментированные гребни найдены среди раннесредневековых материалов Ферганы (Мункачтепе) (Туаллагов, 2007, с. 26), что лишний раз свидетельствует об их широком ареале распространения. В дальнейшем они традиционно используются кочевым населением в раннее золотоордынское время. Так деревянный двусторонний гребень в комплексе с мозаичной бусиной обнаружен в кочевническом погребении золотоордынского времени в степной части Правобережья Днепра (Евглевский, Данилко, Куприй, 2008, с. 206 рис. 4, 4), которое датируется золотоордынским временем. Самшитовые и деревянные гребни обнаружены и в кочевнических погребениях в Северо-Восточном Причерноморье, прежде всего, Северном Кавказе (Нарожный, 2003, с. 248; Туаллагов, 2007, с. 23-24).

Следует при этом отметить, что наибольшее распространение деревянные гребни получили все же на территории Древней Руси, где подобные двусторонние экземпляры фиксируются уже с конца X в. Наиболее типологически близкие экземпляры происходят из раскопок средневекового Новгорода, где пока благодаря масштабным многолетним раскопкам получена наиболее представительная коллекция (Рыбина, Розенфельд, 1997, с. 20-22) и Киева (Сергєєва, 2013, с. 34-43). По мнению исследователей, подкрепленному анализом древесины, изготовлены они из самшита.

Исходя из находок бракованных самшитовых гребней в Новгороде, традиционно считается, что их изготавливали на месте из привезенного самшитового сырья. При этом необходимо отметить, что на протяжении средневековой истории Новгорода аналогичные гребни изготавливались периодически не из самшита, а из кости, что совпадает с периодами, когда дороги на юг были отрезаны кочевниками, и торговое движение на них замирало. Восстанавливалось движение, и в Новгороде опять появлялись гребни из самшита. Не исключено, что Новгородским импортом является самшитовый гребень, происходящий из горизонтов 990-х гг. древнерусского Ростова (Леонтьев, 2012, с. 175, рис. 18).

Аналогичная ситуация зафиксирована и на Северном Кавказе. По мнению А.А. Туаллагова аланские мастера так же изготавливали самшитовые гребни из заготовок, поступавших туда из Закавказья, южного берега Каспийского моря, возможно из Талыша в Азербайджане, где произрастает «гирканский самшит» и прикаспийских районов Ирана (2007, с. 35).

В этой связи интересно предположение, основанное на том, что в т.н. «Таблице стран» арабского историка Абу-л-Фида (1273-1331 гг.) сохранились сведения Ибн Сайда ал-Магриби (1214-1286 гг.) о местности, «поросшей самшитом», из которой самшит доставлялся во все концы мира. Причем, согласно источнику, речь идет о вывозе самшита именно в виде сырья. Географическая локализация «поросшей самшитом» местности остается дискуссионной. Тем не менее, О.Б. Бубенок помещает ее в Восточном Крыму (2004, с. 62-63), что позволило А.А. Туаллагову включить и Крым в ряд важных экспортеров самшита, в том числе, и на Северный Кавказ (2007, с. 35). С другой стороны, очевидно, что морфологические прототипы двусторонних гребней и на Северном Кавказе и на Руси связаны в первую очередь с византийской традицией.

И в заключении о датировке деревянных гребней, обнаруженных в Новом Свете. Автор подводных раскопок С.М. Зелено связывает их с имуществом команды галеры, затонувшей в бухте в третьей четверти XIII в. (Зеленко, 2008, с. 165). Однако, традиционно, основанием для датировки деревянных гребней являются костяные и деревянные находки, обнаруженные в Коринфе в слоях X-XI вв. (Davidson, 1952, р. 135, 1301-1303) и Саркеле-Белой Веже (Банк, 1959, рис. 3). Кроме того, напомню, что Эски-Керменские и Судакский из склепа 4 экземпляры обнаружены в комплексе со стеклянными браслетами, верхняя хронологическая граница которых не выходит за рамки начала XII в. В настоящее время разработана эволюция древнерусских гребней, согласно которой последние получают более выраженную трапециевидную форму в XI-XII вв. (Рыбина, Розенфельд, 1997, с. 20-22). Исходя из формы Судакского изделия, отличного от Эски-Керменских прямых экземпляров, датировать его можно предварительно первой половиной ХІ в. Новосветовские экземпляры, имеющие прямую слегка выпуклую спинку, могут датироваться и более ранним временем, второй половиной X – первой половиной XI вв. Исходя из «подводного» контекста находки, это, безусловно, не исключает и более позднюю датировку. Вероятнее всего, они, все же, связаны с грузом другого затонувшего в бухте поселка корабля. Последний, согласно многочисленным находкам амфорной и кухонной керамики, датируется именно второй половиной X –XI вв. (Зеленко, 2008, с. 169-175).

Определенные материалы позволяют частично реконструировать и <u>игровую практику</u> населения восточного Крыма. Прежде всего, это представительная коллекция астрагалов с отверстиями, заглаженными краями, служивших в качестве игральных фишек. Отдельную категорию находок составляют астрагалы с различными знаками. Очень редко они встречаются в сочетании с заглаженными краями и отверстиями (рис. 148).

Основная масса изображений представлена множеством вариантов простых горизонтальных черточек, иногда с намечающимся изломом посередине. Реже, в сочетании с более или менее четко проведенной вертикальной линией. Вторую традиционную группу образуют экземпляры с различного рода «лесенками» и «сетками» иногда в сочетании с горизонтальными линиями. Третья группа — изображения квадратов и прямоугольников, с прочерченными диагоналями как одинарной, так и двойной линией, с добавлением к этому креста, делящего квадрат на четыре части, со сложным геометрическим узором и сеткой, заполненным точками, с прочерченными диагоналями на фоне горизонтальных линий. Согласно трассологических разработок, орнамент на астрагалах нанесен в т.н. технике холодного прочерчивания, при котором орудие часто соскакивало с поверхности астрагала, оставляя фиксируемые достаточно часто штрихи (Красильников, 1979, с. 88–89). Отметим, что астрагалы с подобной системой орнаментации хорошо известны еще по материалам раскопок праболгарских поселений среднего течения р. Северский Донец

(Красильников, 1979, с. 88, рис. 7: 2, 3, 6). Встречены подобные астрагалы и на синхронных славянских северянских памятниках. Так, при раскопках городища Новотороицкое были встречены экземпляры с прочерченной «сеткой» «лесенкой» и квадратом с диагоналями (Ляпушкин, 1958, с. 51, рис. 30: 1; с. 159, рис. 100: 4). В настоящее время можно считать обоснованной точку зрения о связи основной массы знаков на астрагалах с символами, отражающими вертикальное и горизонтальное строение мира «мировое дерево» (Нахапетян, 1989, с. 78).

Совершенно аналогичную игровую практику у населения не только Крыма, но и Древней Руси давно подметили специалисты. Действительно, для изготовления игрового астрагала требовался в большинстве случаев только кухонный нож (Сергєєва, 2010, с. 201). Существование двух основных разновидностей игровых астрагалов сточенных и залитых свинцом связывается исследователями с двумя разновидностями игры (Сергєєва, 2010, с. 202; Стрельник, Хомчик, Сорокіна, 2009, с. 34-49; Стрельник, Сорокіна, Хомчик, 2010, с. 46-48), что нуждается в дополнительной аргументации. Существует точка зрения, связывающая использование астрагалов с одним центральным отверстием в качестве шумящих или, даже, ремесленных приспособлений (Сергєєва, 2010, с. 202). Нет сомнений в том, что в отличие от славянского периода, в эпоху Киевской Руси астрагалы, даже со знаками-граффити использовались, прежде всего, в игровой практике. Их сакральная функция, по справедливому мнению специалистов, вспоминалась лишь во время обрядовых действий. Немаловажную роль при этом играло и принятие христианства. Такая же ситуация была характерна и для населения восточной Таврики второй половины X-XI вв. В этой связи уместно заметить, что количество астрагалов со знаками для этого периода фиксируется в комплексах реже, чем в предшествующий салтовский.

Несомненный интерес для реконструкции игровой практики населения восточно крымских городов представляет находка в культурном слое Сугдеи на площади т.н. квартала I, расположенного между привратной башней Якобо Торселло и Безымянной № 5, костяного орнаментированного изделия. Оно представляет собой цилиндр высотой 30 и диаметром 29 мм с закругленным и срезанным верхом и слегка вогнутой нижней частью. Орнаментация предмета включает чередующиеся ромбы, вписанные в квадрат и разделенные двумя диагональными линиями на четыре маленьких почти равносторонних ромба с крупной точкой в центре. Эти повторяющиеся орнаментальные композиции разделены вертикальными полосами, на которых в двух параллельных линиях прочерчены три или четыре горизонтальные черточки. Чередующиеся квадраты с ромбами заключены между двумя параллельными полосами, украшенными косыми насечками. Нижняя полоса, помимо этого, украшена линейным орнаментом в виде трех параллельных линий. Верхняя часть изделия орнаментирована восьми лепестковой цветочной розеткой с маленькими резными ромбиками между ними. Изделие внутри полое с ярко выраженным конусовидным отверстием. Его верхний диаметр составляет 115 мм, а нижний, подовальной формы всего 54 мм (рис. 148, 21).

Исходя из морфологии изделия, его можно с большой долей вероятности отнести к т.н. арабским символическим шахматным фигуркам, в основе которых, как известно, находился цилиндр или усеченный конус с различными добавлениями, отдаленно напоминающими реальные прототипы (Рыбина, 1991, с. 86). Только морфологически изделие близко и первоначальным западноевропейским шахматным фигурам XI-XII вв., подражающим арабским. Совершенно очевидно, что к западноевропейским изобразительным шахматам публикуемая фигура не имеет отношения. Точно так же нет элементов, позволяющих отнести ее к абстрактным западноевропейским и древнерусским шахматам геометрического облика т.н. konventionell, получившим распространение в XIII и ставшим господствующими к концу XV вв.

Среди древнерусских шахматных фигур наиболее близкие аналогии демонстрируют костяные цилиндрические пешки, имеющие близкие параллели с арабскими абстрактными фигурами. Морфологически рассматриваемой фигуре из Сугдеи наиболее близка костяная цилиндрическая пешка, орнаментированная в верхней и нижней части линейным орнаментом, обнаруженная в Новгороде и датированная второй половиной XIII в. (Рыбина, 1991, с. 92, рис. 4, 36), а так же простейшая неорнаментированная костяная пешка из раскопок Друцка, датированная XII-XIII вв. (Рыбина, 1991, с. 97, рис. 6, 21). По мнению Е.А. Рыбиной, исходя из стратиграфической ситуации Новгорода, наиболее ранние шахматные фигуры датируются не ранее второй половины XIII в. (Рыбина, 1991, с. 94).

Главным отличием шахматной фигуры из Сугдеи, по сравнению с приведенными аналогиями, является ее сложная орнаментация. В древнерусских шахматных фигурах близкие по технике исполнения элементы геометрической орнаментации встречены только на хорошо известных и неоднократно опубликованных деревянных королях и ферзях, имевших, естественно иную морфологию (Рыбина, 1991, с. 92, рис. 4, 7; Рыбина, 1997а, с. 325, табл. 79, 37). При этом известны и костяные фигуры в виде усечённого конуса, атрибутируемые как простейшие ферзи, где только верхняя часть украшена прорезным цветком, а нижняя − сдвоенными параллельными линиями (Шахматные фигурки..., 2010, с. 11, № 5). Датируются они XIII-XIV вв.

Изделие имеет и несомненные общие черты с простейшими костяными и роговыми цилиндрическими и конусовидными полыми внутри фигурками, размерами от 2 до 3,5 см, происходящими из слоев X-XI вв. Белой Вежи и Таманского городища (Линдер, 1975, с. 65, рис. 1,2). По мнению И.М. Линдера они могли служить своеобразным основанием для каких-то дополнительных, возможно деревянных вставок, вместе с которыми и составлялись те или иные шахматные фигуры (Линдер, 1975, с. 64). Тем не менее, ученый признавал, что аргументов в пользу использования данных фигур в качестве шахмат пока недостаточно.

Исходя из аналогичных особенностей рассматриваемой фигуры из Сугдеи совершенно не исключено, что оно имело дополнительную костяную вставку. Подобная техника изготовления разнообразных по назначению предметов известна еще с позднеантичного времени (Станчева, 2005, с. 137-138). Широко применялась она и для уплотнения внутреннего объема цилиндрических западноевропейских шахматных фигур (в основном пешек, слонов, коней), подражающих арабским (МасGregor, 1985, р. 138, fig. 73a; Станчева, 2005, с. 137, обр. 5). Однако наш экземпляр, исходя из особенностей конусовидного отверстия, вероятнее всего, мог иметь не две пластины, а одну костяную вставку. Именно в такой технике выполнены цилиндрические, заглаженные и закругленные в верхней части фигуры, происходящие из раскопок Херсонеса, так же имеющие в некоторых случаях простейшую орнаментацию и атрибутируемые, как пешки. Подобная цилиндрическая костяная пешка с заполнением полой части костяной вставкой и с тонировкой розовой краской была обнаружена недавно в заполнении цистерны 1 в квартале X Херсонеса (Голофаст, Рыжов, 2013, с. 118, рис. 13, 15). Датируется она, правда, концом VI – началом VII вв.

Основываясь на вышесказанном, данное уникальное изделие из Сугдеи можно рассматривать в качестве шахматной фигуры, вероятно пешки или, исходя из орнаментации и технологии изготовления, составной части более старшей фигуры. Датировать данную фигуру пока сложно. Обнаружена она в слое, который, исходя из археологического материала, мог накопиться в период второй половины X — первой половины XIII вв. и был связан с византийским периодом в истории Сугдеи. Проанализированный предмет впервые позволяет поставить вопрос об особенностях шахматных фигур восточной Таврики средневизантийского времени.

Таким образом, значительная часть проанализированных ремесленных, бытовых и игральных предметов значительно дополняют наши представления о характере и специфике занятий населения этой части полуострова в середине X-XII вв.

4.4. Находки, связанные с функционированием порта.

Как уже указывалось, главным градообразующим фактором приморских памятников восточного Крыма Сугдеи и Боспора, являлся порт. Он был и важнейшим элементом городской инфраструктуры (Тимошенко, 2012, с. 69–80). К сожалению, материалов, позволяющих проанализировать портовые сооружения, к настоящему времени у нас нет. Однако, благодаря подводным исследованиям в бухте средневековой Сугдеи, мы располагаем уникальным для юго-восточной Европы набором предметов, позволяющих впервые частично восстановить механизм функционирования порта. Бесспорно, исходя из характера подводных находок, все предметы можно рассматривать только в качестве подъемного материала. К тому же, почти все изделия имеют широкие хронологические рамки бытования в рамках существования порта Сугдеи и выделить группу предметов второй половины X – XII вв. довольно сложно. Тем не менее, такие группы предметов есть.

Одно из счастливых исключений составляют находки свинцовых колец. Согласно современным разработкам, многочисленную их подводную коллекцию, насчитывающую более 100 экземпляров, можно разделить на округлые в сечении, плоские, конусовидные, конусовидно выпуклые и втульчатые (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 289-292) (рис. 144). По мнению В.В. и В.И. Булгаковых они использовались, прежде всего, для пломбирования и опечатывания товарных грузов⁵⁴.

До недавнего времени достаточно редкие их находки в Причерноморье и на Руси атрибутировались как рыбацкие грузила (в первую очередь простые округлые в сечении), либо как поясная гарнитура, грузики, прясла, пуговицы. М.В. Седова, исходя из сохранившихся в отверстиях некоторых изделий следов дерева, атрибутировала некоторые из них как прясла, либо, с остатками в отверстиях кожи, как элемент одежды (1981, с. 158). Однако, исходя из их непосредственной связи с портовыми пунктами Причерноморья, в том числе с Сугдеей, попадали они на обширные регионы Восточной Европы в первую очередь вместе с товарами и печатями из портовых крымских городов и там уже, иногда, использовались вторично. По мнению В.В. и В.И. Булгаковых орнаментированные конусовидные и втульчатые кольца несли определенную семантическую нагрузку. Коническая форма колец не исключает их использования в вертикальном абаке или других наглядно-инструментальных счетных приспособлениях средневековья. В этом случае точки и штрихи, обнаруживаемые на отдельных кольцах, могли использоваться для подсчетов. Это не исключает, конечно, их использование и для пломбировки грузов.

Во время наземных исследований в портовой части Сугдеи в комплексах второй половины X-XI вв. свинцовые кольца встречены четырежды.

Дополнительным критерием для их датировки являются, в первую очередь, древнерусские аналогии. Территория их распространения довольно широка. В древнерусском Белоозере находки округлопрофилированных, конусовидных и втульчатых колец по общему контексту памятника датируются X-XIII вв. (Захаров, 2004, с. 190, 192, рис. 98, 108, 138). Гирьки конусовидной формы со сквозными вертикальными отверстиями, конструктивно тождественные конусовидным разновидностям колец, известны по находкам в древнерусской Григоровке и датируются XII в. (Петрашенко, 2005, с. 131, рис. 64). Формочка для отливки маркированных пятью точками конусовидных колец, изготовленная в стенке византийской сферической амфоры XI в., известна в материалах раскопок Киева 2002 г. Наиболее близкие аналогии орнаментированным конусовидным и втульчатым кольцам получена при раскопках древнего Новгорода (Седова, 1981, с. 157, рис. 62, 18-32), где, в частности экземпляры украшенные черточками и точками, датируются в рамках XI-XII вв. (Седова, 1981, с. 158).

Конусовидные свинцовые кольца достаточно широко представлены в материалах кочевнических погребений X-XII вв., куда попадали, по всей видимости, благодаря своим декоративным качествам. В качестве примера можно привести свинцовые втульчатые кольца в виде срезанного конуса, орнаментированного расходящимися рельефными линиями с рельефными точками между ними обнаруженные в двух погребениях кургана 1 могильника у с. Пелехивщина на Полтавщине (Луговая, 1998, с. 72, рис. 2, 5; с. 75, рис. 8, 2), который датируется печенежским

⁵⁴ По любезному сообщению А.В. Комара, они могли использоваться и как гирьки для весов типа безмена.

⁵⁵ Любезное сообщение С.И. Климовского.

временем⁵⁶. Типологически близкие свинцовые ворварки известны и в печенежских погребениях, датированных X в. между селами Спасское и Верхняя Маевка (Шалобудов, 2012, с. 87, рис. 1, 6), с. Колпаковка (Шалобудов, Колпакова, 1981, с. 94-100) и с. Преображенка (Шалобудов, 2012, с. 89, рис. 2, 10) Днепропетровской области. В последнем случае свинцовая ворварка найдена в комплексе с четырьмя бронзовыми бубенчиками с крестообразной щелью. По мнению В.Н. Шалобудова состав погребального инвентаря, куда входят проанализированные изделия, типичен для женских печенежских погребений.

Аналогичные находки — конусовидные и втульчатые — известны также в Поволжье (Культура Биляра, 1985, с. 109-110, табл. XLI,1-7; Полякова, 1986, с. 246-248, рис. 76, 10-14; Иконников, 2011, с. 90, рис. 10, 3,4,17). Значительная их коллекция происходит из материалов Золотаревского археологического комплекса (Белорыбкин, 2001, с. 64, рис. 36, 39-42), где подобные изделия, по мнению специалистов, могли использоваться в безмонетный период в товарно-денежном обращении, сопоставляясь с употребляемой в быту Волжской Булгарии единицей – мискаль (Мухамадиев, 1983, с. 26; Валеев, 1995, с. 108; Белорыбкин, 2001, с. 63,65).

Безусловно, рассматриваемые свинцовые кольца существуют и в более позднее время. В частности в портовой части Сугдеи целый набор однотипных на размерам и весу простых округлопрофилированных колец обнаружен при раскопках дома XII в. на территории раскопа III. В бухте пос. Новый Свет до сотни экземпляров округлопрофилированных колец с дополнительными отверстиями обнаружено на участке кораблекрушения XIII в. 57

Орнаментация некоторых втульчатых экземпляров колец и свинцовых слитков схожа. Не исключено, что и последние датируются этим же временем. Таким образом, проанализированные свинцовые кольца являются важным источником для выводов о развитии торговли в средневековой Сугдее.

Помимо товарных колец, второй группой находок является небольшая коллекция элементов весов. Отметим три коромысла от простейших рычажных весов, изготовленных из бронзы. Одно из них представляет собой небольшой прутик украшенный утолщениями по всей длине, на обоих концах которого имеются отверстия для крепления подвесных чашечек (рис. 145, 1). В центре другого сохранились остатки крепления, рычажные плечи слегка загнуты, на концах закругленные стопорные утолщения (рис. 145, 2). На фрагменте третьего коромысла так же с остатками крепления в центре, на конце одного сохранившегося плеча небольшое утолщение (рис. 145, 3). К элементам рычажных весов относится и чашечка, представляющая собой тонкий, квадратный лист меди, углы которого загнуты, для придания ему чашеобразной формы, с четырьмя отверстиями для подвешивания (рис. 145, 4).

Данные предметы торговли, в частности неглубокие чашечки для весов, диаметром 5-5,5 см (Казаков, 1991, с. 150, рис. 48, 32-34) и простейшие коромысла для весов (Казаков, 1991, с. 150, рис. 48, 3-8) в средневизантийский период получают чрезвычайно широкое распространение не только в морских портовых городах, но, и в отдаленных от моря поселениях, находившихся на протяжении Волжского торгового пути. В частности первой половиной XI в. датируется подобная находка в погребальном инвентаре захоронения в кургане 81 Березовецкого могильника на юге Новгородкой земли (Успенская, 1976, с. 39), присутствуют подобные экземпляры и в материалах XII в. Золотаревского 1 селища и городища (Белорыбкин, 2001, с. 64, рис. 36, 5,6).

Особую категорию находок составляют разнообразные весовые гирьки. Наиболее примечательным и поддающимся датировке экземпляром является квадратная бронзовая гирька. На изделии помещен т.н. орнамент в виде схематического изображения храма. В верхних углах прорезаны маленькие греческие крестики, правый с остатками инкрустации серебром. Внутри храма наверху инкрустированная серебром монограмма, под ней - с остатками инкрустации буквы Г и А, что обозначает 1 унцию. По боковой грани гирьки идет желобок (рис. 145, 5). Типологически близкая гирька известна в сохранившемся собирании музея РАИК в Эрмитаже (Коллекция..., 1994, с. 221, табл. 18). Гирька квадратная медная, но в 2 унции. На изделии так же помещено схематическое изображение храма. В верхних углах маленькие греческие крестики.

⁵⁶ Выражаю глубокую признательность Р.С. Луговому и О.В. Коваленко за возможность ознакомиться с экспонатами, находящимися в экспозиции Полтавского краеведческого музея имени Василия Кричевского.

 $^{^{57}}$ Находки 2004 г. Выражаю признательность С.М. Зеленко за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Внутри «храма» наверху расположена инкрустированная серебром монограмма, под ней так же инкрустированные контурные знаки Г.В. обозначающие вес в 2 унции. По боковой грани гирьки идет желобок. Наиболее полный и не устаревший до нашего времени анализ византийских весовых систем, в том числе весом в 1, 2 и 3 унции, был проведен Л.И. Чуистовой (1962, с. 107-110). Традиционно считается, что гирьки в 2 и 3 унции употреблялись для проверки полновесности золотых монет во время рыночных сделок.

Наибольший процент среди этой категории подводных находок составляют круглые бронзовые изделия. Почти все они орнаментированы концентрическими окружностями с точкой в центре. Весовые их характеристики отличаются разнообразием. Встречены крупные экземпляры (рис. 145, 6), а так же более мелкие аналогичные гирьки (рис. 145, 14-16). На некоторых из подобных изделий прочерчены греческие буквы, вероятно, обозначавшие вес. Судакская коллекция содержит экземпляр с буквой N (рис. 145, 7).

Другую категорию гирек образуют бронзовые экземпляры чашеобразной формы. Они хорошо известны благодаря раскопкам в Херсонесе и в других приморских пунктах, в частности на территории Балканского полуострова (Минчев, 2002, с. 241-246; Владимирова-Аладжова, 2010, с. 679-694). Все они, незначительно отличающиеся по морфологии, имеют достаточно широкие хронологические рамки бытования. Тем не менее, например, аналогичные гирьки, обнаруженные на территории Болгарии, появляются не позднее XI-XII вв. Судакская коллекция представлена двумя экземплярами (рис. 145, 9,10). Аналогичная гирька обнаружена и в портовой части Сугдеи в слое пожара середины XIII в. (рис. 145, 8). Исследователями установлено, что данные весовые гирьки разных размеров и, соответственно, веса, соответствовавшие средневизантийской весовой системе, вкладывались стопочкой одна в другую, составляя стандартный весовой набор. В материалах Херсонеса, балканских памятников и центральных провинций византийской империи, эти стопочки накрывались специальными колпачками.

Помимо описанных выше видов бронзовых гирь, основную массу Судакской коллекции этих изделий составляют свинцовые экземпляры самых разнообразных размеров и веса. Присутствуют в ней и треугольные изделия с желобком в центре, в основании которого сохранились фрагменты сильно коррозированного железа (рис. 145, 19). Не исключено, что последние могли служить и элементом весов.

Вероятно, с деятельностью Судакского порта связаны и находки небольших свинцовых штампов для пломбировки грузов. Большая часть из них представляет собой свинцовые полусферические или конусовидные изделия с петлей для крепления или проушиной, выполнявшей и функцию ручки. На трех наиболее сохранившихся экземплярах различим знак в виде «елочного» орнамента (рис. 145, 11), стилизованного изображения всадника (рис. 145, 12) и прорезного орнамента (рис. 145, 13). Данные достаточно примитивные экземпляры наверняка использовались в повседневной жизни порта достаточно часто.

Безусловно, существовали и штампы, имевшие более высокую художественную ценность, вероятно чиновников более высокого ранга. Из частной коллекции происходит подобный штамп, обнаруженный в Судакской крепости (рис. 145, 18). Полусферической формы, он изготовлен из зеленовато-белого тщательно отполированного мрамора с изображением Распятия и греческими буквами IC XP. Датировать изделие сложно, но несомненна его связь с описанными выше свинцовыми штампами. Типологически близкая лазуритовая печать, датируемая постиконоборческим временем, найдена в 2011 г. в северном районе Херсонеса. Изготовлена она в форме усеченной пирамиды с квадратным основанием, на которое помещено гравированное зеркальное изображение Христа Пантократора в кресчатом нимбе (Рыжов, Яшаева, 2013, с. 47).

При проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи обнаружено значительное количество свинцовых слитков. Основная масса представляет собой прямоугольные пластины различного веса. Выделяется свинцовый слиток, частично копирующий т.н. гривны киевского типа (рис. 145, 17). Безусловно, весовые характеристики у них разные.

К изделиям мелкой византийской свинцовой пластики относятся и т.н. пластины-пломбы. Это небольшие богато орнаментированные изделия. Орнаментальные мотивы достаточно однообразны и представлены четырех лепестковым цветком с рельефными точками (рис. 145, 21, 22) или дугами (рис. 145, 20) между лепестками, заключенном в двойную окружность. В ходе исследований все они были обнаружены свернутыми в трубочку. Вероятнее всего эти изделия так же играли роль товарных пломб и непосредственно связаны с деятельностью Судакского порта. По

крайней мере, при проведении наземных раскопок подобные пластины пока не обнаружены. При проведении подводных исследований в Карасанской бухте на Южном берегу Крыма в аналогичную свернутую свинцовую пластину была завернута бронзовая книжная застежка. Обнаружена она среди скопления материала второй половины X-XI вв.⁵⁸

Активную деятельность порта Сугдеи подтверждает и уникальная пока для восточного Крыма находка серебряной шестиугольной монетной гривны т.н. Киевского типа (рис. 144, 46). Обнаружена она так же при проведении подводных археологических исследований 2006 г. на дне Судакской бухты. Ее связь с деятельностью Судакского порта несомненна, хотя находку, как и все остальные подводные артефакты, конечно можно рассматривать в качестве подъемного материала. Однако она свидетельствует, прежде всего, о развитии морских торговых контактов. Находки гривен Киевского типа на территории самого Киева неоднократно были проанализированы в литературе (Толочко, 1966, с. 123-134). Составлена топография кладов, где они встречаются (Толочко, 1966, с. 123-134; Толочко, 1980, с. 31; Килиевич, 1982, с. 170-173; Зразюк, 1996, с. 90-92), проанализированы некоторые находки за пределами столицы Древней Руси (Бала, 1960, с. 253-259), поставлен вопрос о роли этих изделий в формировании южнорусской весовой и денежной системы в т.н. безмонетный период. Вес гривен Киевского типа не был постоянным, а значительно колебался от 153 до 164 гр и более. Известны гривны Киевского типа новгородского веса и наоборот Новгородские гривны южного веса (Корзухина, 1958, № 106, 138, 145, 170). По мнению В.А. Анохина окончательная стандартизация гривен киевского типа происходит уже к середине XI в. (1986, с. 485-491), что в настоящее время оспаривается исследователями, считающими, что этот процесс закончился не ранее второй половины XII в. (Янюшкина, 1997). Тем не менее, исходя из археологических реалий, совершенно не исключено, что появляются они уже в середине XI в. (Янин, 2009, с. 192-193), а на протяжении последующего времени и происходят их процесс стандартизации. В связи с находкой гривны чрезвычайно важен вывод исследователей о том, что серебряные гривны Киевского типа использовались, в том числе, для крупных межгосударственных торговых мероприятий (Янин, 1985, с. 365).

О деятельности Судакского порта свидетельствует и уникальная для средневекового городища находка фрагмента железного якоря (рис. 146, 2). Найден он на полу помещения второй половины XIV – первой половины XV вв. в портовой части Сугдеи на участке раскопа VII, где он, вероятно, в течение столетий использовался уже не по прямому назначению. От первоначального изделия сохранились фрагменты двух рогов уплощенных в сечении, расходящихся от массивной выступающей пятки под острым углом к веретену. От последнего сохранилось только основание, примыкающее к мышке. В данном случае использована терминология, предложенная А.Н. Шамраем (2010, с. 490, рис. 2). В разрезе веретено подовальной формы. Подобная форма якоря наиболее близка типу A по типологии Герхарда Капитана (Kapitan, 1984; p. 42-43). Однако несомненные общие черты он демонстрирует и с якорями типа Е, только рога в данном случае не опущены вниз, а под таким же углом подняты наверх. Якоря же типа Е датируются в основном средневизантийским периодом VII-X вв. (Окороков, 1993, с. 185), но, в большинстве случаев, X-XI вв. (Gunsenin, 1999, р. 21, fig. 9). Решающее значение для датировки имеют для нас находки якорей среди скопления материала второй половины X-XI вв. в Новосветовской бухте и у мыса Меганом (рис. 146, 1). Связь их с данными археологическими комплексами представляется более чем вероятной. В первом случае он относится к типу Д по Г. Капитану, во втором – к классическому варианту типа Е по той же типологии (Зеленко, 2001, с. 91, рис. 12). Как уже указывалось, судя по преобладанию поздних вариантов воротничковым амфор (Зеленко, 2001, с. 88, рис. 8,9) и сфероемкостных типов (Зеленко, 2001, с. 88, рис. 7), кораблекрушение у мыса Меганом можно датировать от первой половины до середины XI в. Кораблекрушение в Новосветовской бухте более раннее. Исходя из наличия ранних вариантов воротничковых амфор (Зеленко, 2001, с. 86, рис. 4, 2), оно может датироваться в рамках второй половины X в. Типологически близкие экземпляры обнаружены и на дне Керченского пролива. Отнесенные к виду 2, они имеют общие черты, как с Т-образными, так и с V-образными формами якорей (Шамрай, 2010, с. 492 рис 8). Таким образом, фрагмент якоря из заполнения постройки в портовой части Сугдеи может датироваться средневизантийским временем и быть связанным с материальной культурой города рассматриваемого в работе хронологического периода.

⁵⁸ Любезное сообщение В.Е. Герасимова.

Дополнительную интересную информацию о конструкции якорей средневизантийского периода дают находки свинцовых моделей якорей обнаруженные в ходе подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи. Так свинцовый якорь со слегка загнутыми вверх лапами и отгибами на концах (рис. 146, 3) типологически близок изделию обнаруженному в портовой части Сугдеи. Близки и якоря с прямыми незагнутыми лапами и коротким веретеном с двумя отверстиями (рис. 146, 6) и более стилизованный экземпляр с загнутыми лапами и одним отверстием (рис. 146, 7). Три другие изделия типологически близки якорю обнаруженному в ходе подводных исследований у м. Меганом, а так же якорям, обнаруженным в ходе подводных работ близ скал Адалары на южном берегу Крыма (Вахонеев, Любичев, Явишева, 2011, с. 21, рис. 1). При этом свинцовый якорек с сильно опущенными вниз лапами с загнутыми концами и двумя фасными отверстиями для крепления рыма и штока (рис. 146, 8) абсолютно идентичен «меганомскому». Два других якоря с заостренной пяткой и восьмеркообразными отверстиями (рис. 146, 5) и без пятки (рис. 146, 4) более стилизованны, но так же относятся к одному типу.

Безусловно, большая часть многочисленной коллекции свинцовых якорей из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи являлись товарными пломбами. В основной своей массе они сильно стилизованы. Не исключено, что подобную функцию выполняли и приведенные экземпляры. Однако при этом, данные изделия, несомненно, достаточно точно копировали существовавшие в реальности корабельные якоря. Попутно отметим, что Судакская коллекция свинцовых якорей-пломб, пока наиболее крупная в Таврике, свидетельствует об активном функционировании и высокой значимости порта средневековой Сугдеи.

Отдельную категорию находок непосредственно связанных с функционированием порта образуют бронзовые застежки окладов книг (рис. 146а), традиционно состоящие из двух основных элементов. Поскольку основная их масса происходит из подводных археологических исследований, связь их с деятельностью порта очевидна. Морфологически они достаточно разнообразны, но для типологического членения материала пока недостаточно. Тем не менее. Судакская коллекция одна из наиболее представительных на полуострове и насчитывает в настоящее время более 40 целых и фрагментированных экземпляров.

Эта категория предметов неоднократно рассматривалась в литературе. В последнее время находки из Сугдеи проанализированы В.В. и В.И. Булгаковыми, справедливо отнесшими их к предметам христианского культа. По мнению исследователей, эти артефакты могут отражать практику проведения богослужений и молебнов на стоянках кораблей перед отправлением в плавание, во время морского путешествия, а также для освящения торговых сделок (Булгаков, Булгакова, 2012, с. 303). На территории самого средневекового города эти находки в единичных экземплярах обнаружены в основном в подъемном материале. Один экземпляр происходит из горизонтов второй половины XV в. на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи, другой – из слоев XVI в. на участке раскопа VII в этой же части города.

Как хорошо известно, эта категория находок имеет чрезвычайно широкую территорию распространения. Очень широко они представлены и в Крыму. К сожалению, исходя из совершенно очевидного длительного периода из бытования, установить узкие хронологические рамки бытования конкретных типов вне археологического контекста сложно. В последнее время данная категория находок на примере находок городища Эски-Кермен проанализирована А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой. Приведя датированные аналогии, авторы совершенно справедливо указали, что они могли появиться на полуострове еще со второй половины X в. (Айбабин, Хайрединова, 2013, с. 8-9). Основываясь на том, что период наиболее интенсивного функционирования Сугдейского порта приходится на вторую половину X-XII вв. этим же временем может датироваться и время появления основной массы находок.

4.5. Украшения и элементы костюма.

Это чрезвычайно многочисленная и разнообразная категория находок. Хронологически материал не однороден, вещей, имеющих узкие хронологические рамки бытования чрезвычайно мало. Подавляющее большинство из них относится к *украшениям*. В этой связи главное внимание уделено тем предметам, которые являются индикаторами моды второй половины X-XII вв. и которые можно использовать в качестве хронологических индикаторов. Среди них первое место принадлежит стеклянным браслетам.

4.5.1. Браслеты и стеклянные изделия. Коллекция стеклянных браслетов, происходящая из Сугдеи и Боспора, насчитывает в настоящее время более 1000 фрагментов и целых изделий. В Сугдее большая часть из них происходит из зольника (рис. 150-156). Это притом, что этот объект средневекового города раскопан на более чем на ½ часть. Столь внушительная коллекция, включающая практически все типы этих стеклянных украшений, позволяет провести предварительную морфологическую типологию, которая, конечно, не является исчерпывающей (рис. 149).

Тип 1 - витые. Основная масса изготовлена из прозрачного стекла (рис. 150, 1-12), однако, встречаются браслеты из красно-коричневого прозрачного стекла с красными прожилками (рис. 150, 13-17). Единичными экземплярами представлены витые браслеты, изготовленные из зеленого или светло-желтого прозрачного стекла (рис. 150, 8,21). Вариантом 16 являются немногочисленные браслеты, выполненные из матового стекла, иногда с цветными прожилками (рис. 150, 17). Некоторые из них (рис. 150, 18) напоминают образцы из Киева и других городов Киевской Руси (Сагайдак, 1991, с. 156, рис. XXXIV; Ивакин, Степаненко, 1985, с. 95, рис. 17). В процентном соотношении доля витых браслетов невелика - всего около 0.5%.

Тип 2 - браслеты полусферической формы, наиболее многочисленные. Их можно разделить на четыре варианта. Вариант 2а - с плоской нижней гранью (рис. 152). Изготовлены из прозрачного однородного синего стекла. Реже встречаются образцы из прозрачного зеленого стекла. На большинстве фрагментов зафиксированы следы спайки концов. Вариант 2б - по технологии близки браслетам первого варианта, но имеют слабо выраженную грань в центре полусферы (рис. 156). В цвете стекла здесь наблюдается большее разнообразие. Встречаются браслеты, изготовленные из синего, зеленого, красного, светло-желтого прозрачного стекла, экземпляры, выполненные из синего стекла с красными прожилками и наоборот (рис. 156). Вариант 2в - совершенно аналогичные браслеты, но с яркой, четко выраженной гранью в центре полусферы (рис. 156). Вариант 2г - аналогичные по морфологии браслеты с более округлой нижней гранью. Изготовлены, в отличие от трех предыдущих вариантов из матового пористого стекла с нанесением на поверхность патины. Поверх патины некоторые браслеты этого варианта украшены расписным орнаментом в виде спиралей, волн, линий (рис. 153, 154). Вариант 2д составляет единственный «двойной» браслет представляющий собой спаянные браслеты варианта 2г с орнаментом (рис. 154, 6). Он обнаружен в уже упоминавшейся могиле 4 некрополя Судак-II.

Тип 3 - браслеты полусферической формы с двумя более или менее четко прорезанными гранями по центру и сбоку сферы (рис. 157). Изготовлены из прозрачного синего стекла. Реже встречаются экземпляры из прозрачного зеленого, красного, зеленого и, даже, белого цвета. На всех браслетах видны следы спайки концов. Эта группа изделий так же очень многочисленна и разнообразна по качеству и технике исполнения.

Тип 4 - браслеты круглые в сечении (рис. 158). Выделяется два варианта. Вариант 4а - тонкие браслеты из прозрачного синего и зеленого стекла. Крайне редко встречаются экземпляры, выполненные из красного стекла. Вариант 4б - браслеты, изготовленные из матового пористого синего стекла разной толщины. Браслеты покрыты патиной. Некоторые образцы украшены волнистым орнаментом. Можно выделить в этом типе и фрагмент кашинного браслета (рис. 158).

Тип 5 - плоские браслеты из матового пористого стекла синего цвета с патиной. Поверх патины часто нанесена роспись в виде спиралей, волн, переплетенных линий, в одном случае - квадратов. Нижняя грань таких браслетов плоская, очень редко вогнута вовнутрь или овальная. Внешняя плоская грань изредка расчленена прорезной волной или линией. Встречаются как широкие (до 2 см), так и узкие (до 0.5 см) экземпляры (рис. 162, *I-8*).

Тип 6 - подквадратные в сечении браслеты с четкими гранями. Изготовлены из матового пористого стекла или из прозрачного стекла темно-синего, белесого или темно-красного цвета, покрыты патиной. Характерной особенностью этих браслетов, помимо формы, является расписной

орнамент в виде частой спирали, образующей кружки или овалы, расположенные близко один к другому. Подобная орнаментация не встречена на браслетах других типов (рис. 162, 10-13).

Тип 7 - представлен двумя экземплярами браслетов изготовленных из синего матового стекла. Они полусферические в сечении с характерными вмятинами, образующими своеобразный выступ шириной не более 3 мм и примерно такой же высоты (рис. 162, *14*, *15*).

Тип 8 - браслеты, орнаментированные напаянным стеклом. Наибольшая их коллекция известна благодаря раскопкам разных лет в Керчи (Иванина, 2008, с. 61). В основном напаяны подпрямоугольные или каплевидные пластины, пятна или налепы, которые, в свою очередь, часто орнаментированы. В одном экземпляре встречен браслет с напаянными продолговатыми пластинами на всю ширину браслета. К этому типу принадлежит и единственный фрагмент браслета из зольника Сугдеи, изготовленного из матового светлого стекла, полусферического в сечении с четкими гранями. К верхней грани припаяна полоса с орнаментом в виде «павлиньего хвоста», выполненным из стекла красного, желтого, черного и белого цвета (рис. 162, 9). Следует отметить, что мнение О.А. Иваниной о местном производстве браслетов этого типа, технологически сложных в изготовлении, вероятно, ошибочно.

Тип 9 – браслеты, изготовленные в технике Миллефиори. Известны, пока, только при раскопках средневекового Боспора (Иванина, 2008, с. 61).

Тип 10 - образуют один целый и два фрагмента стеклянных перстней. У целого экземпляра жуковина выполнена из матового синего стекла с позолотой (рис. 162, *16*, *17*). Типологически близкие простые стеклянные перстни известны в материалах раскопок Тмутаракани (Щапова, 1963, с. 119) и в материалах пойменной части Гнёздовского поселения. Это плоско-выпуклые в сечении изделия из темнопурпурного стекла, в том числе со щитком, сделанным путем прессования на плоскости еще не остывшего изделия (Мурашова, Довгалюк, Фетисов, 2010, с. 514, рис. 1, 2-4). Все они датируются в рамках второй половины X – начала XI вв.

Полуспектральный анализ основных типов браслетов показал, что самая большая группа браслетов плоско-выпуклого сечения изготовлена методом вытягивания. Уплощенная форма изделия достигалась за счет плоскости на которую помещалась стеклянная заготовка. Описанный выше орнамент наносился на браслет тонкой кистью и подвергался легкому обжигу, что способствовало прочному закреплению красок. Последнее получалось путем соединения окислов металлов с легкоплавким стеклом-флюсом. Роспись, таким образом, не наносилась поверх патины. Анализируемые браслеты во всех случаях имеют выраженные крепления концов, которые образуются при низкотемпературном режиме, когда стекло становится пластичным, но не текучим. Разогретую стеклянную заготовку изгибали прямо на руке заказчика, обернув ее термоизолирующим материалом. Наличие такой технологии предполагает экспорт самих заготовок (подобные заготовки найдены, в том числе, и на Кавказе). Наличие среди стеклянных браслетов, происходящих из Сугдеи бракованных образцов, стеклянного шлака, говорит о возможном существовании здесь мастерской, где происходила работа с заготовками (мастерская типа В).

Вторую многочисленную группу стеклянных браслетов составляют экземпляры, происходящие из городских некрополей Сугдеи и Боспора. В настоящее время она насчитывает более 60 экземпляров. В отличие от находок из зольника, это в основном целые изделия (рис. 159-161).

Документированные целые стеклянные браслеты в Сугдее обнаружены в 19 погребениях и двух склепах некрополей Судак-I, Судак-II, прихрамовом некрополе на территории барбакана и среди погребального инвентаря позднего горизонта погребений в склепах на участке куртины XIV. Из них по одному браслету было в 6 погребениях, по два экземпляра в 9 погребениях, три и более — в 4 погребениях некрополя Судак-II, причем три браслета из могилы 150 связаны с одним погребенным, семь браслетов из могилы 227 связаны с двумя погребенными, 8 и 10 браслетов из могил 4 и 136 связаны с одним погребенным. Эти две последние могилы, судя по погребальному инвентарю, были одними из наиболее богатых среди погребений некрополя.

Ориентируясь на способ изготовления, все браслеты из погребальных памятников Сугдеи можно условно разделить на три основные типа. Исходя из характера сечения браслетов, цвета стекла, размеров и орнаментации, количества технологический операций, используемых при изготовлении, эти изделия можно разделить на множество вариантов, но в плане выделения хронологических и территориальных типов, это не имеет смысла. Типология стеклянных браслетов, составленная на основании более чем 700 фрагментов происходящих из зольника Сугдеи, приведена выше. Здесь проанализированы целые браслеты обнаруженные в погребальных соору-

жениях. Судя по полуспектральному анализу, все типы браслетов относятся к натриево-кальциево-магниево-кремнеземному типу стекла. Данный тип стекла является золистым, что характерно для изделий из ближневосточных и византийских областей, начиная с VIII в. после завоевания Египта арабами. Повышенное же содержание марганца характерно для браслетов закавказского происхождения, датируемых не ранее конца X в. (Безбородов, 1969, табл. XX, № 607). Значительное же содержание кальция в Судакских браслетах говорит, что для их изготовления применялась зола солончаковых растений, регион распространения которых указывает на восточные области. Вторым источником повышенного содержания кальция мог стать песок с примесью раковин моллюсков.

Как уже отмечалось, намного проще все обнаруженные браслеты разделить на три группы. Близкая типология была предложена при анализе браслетов из раскопок 1990 г. на ул. Театральной в г. Керчи, находящихся в коллекции Национального музея истории Украины (Безкоровайная, 2001, с. 136-138). Первая, наиболее многочисленная группа браслетов из Сугдеи (некрополь Судак-ІІ) представлена гладкими прозрачными экземплярами. Орнаментация на них по большей части отсутствует или не сохраняется. Вторая — браслеты (9 шт.) изготовленные из матового стекла, в основном полусферические или круглые. Почти на всех экземплярах присутствует орнамент. Чаще всего это сочетания спиралей, или спиралей и крестиков (склеп, м. 4), иногда с четырьмя точками (м. 227), разделенных несколькими вертикальными или закругленными линиями. Орнамент заключен в две параллельные линии по краям изделия. Исключение составляет широкий плоский браслет из могилы 4 со сложным орнаментом в виде спиралей, заключенных в окружности, соединенные по центру линией, которая по бокам украшена завитками (рис. 154, 5). Подобная орнаментация браслетов зафиксирована в разрушенном женском погребении около церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Макарова 2005, с. 352, рис. 1: 3). В целом орнаментация стеклянных браслетов на примере находок в Тмутаракани (Щапова, 1963, с. 114, рис. 4) и, особенно, Саркеле-Белой Веже (Львова, 1959, с. 310-323), получившая в литературе название "византийской лозы", рассмотрена достаточно подробно (рис. 155). В целом можно отметить, что орнаменты, зафиксированные на браслетах Сугдеи, как и Тмутаракани – несколько проще и стандартизированнее. К этой группе можно отнести и круглый в сечении браслет украшенный вплетенными чередующимися жгутиками стекла из могилы 216 и сдвоенный крупный плоский браслет, украшенный стандартным орнаментом, из могилы 4 (рис. 154, 6). Третью группу (5 шт.) составляют витые браслеты прозрачного стекла. По одному экземпляру обнаружено в могилах 4, 16, 262 и два в погребении 227.

Уже неоднократно указывалось, что эта категория украшений очень широко распространена на территории всей восточной Европы (Баранов, 1991а, с. 106). Однако Ю.Л. Щапова, один из ведущих специалистов по изучению византийского стекла, конкретизирует это положение и говорит о том, что на территории Древней Руси наибольшее количество браслетов обнаружено в Киеве, откуда они распространялись в другие древнерусские города. Очевидно, процесс их распространения шел достаточно быстро. В материалах древнерусского Гнездова стеклянные византийские браслеты фиксируются уже со второй половины X в. (Dovgaluk, Murasheva, 2009, р. 51). Однако в Крыму и на Тамани стеклянных браслетов еще больше и именно из крымских городов браслеты поступали на другие территории (Щапова, 1991, с. 165). Распространение их, в отличие от стеклянных бус, по мнению исследовательницы, было монопольной государственной прерогативой. Ввиду отсутствия в материалах некрополей достаточного количества датирующих находок, стеклянные браслеты неожиданно становятся своеобразным хронологическим ориентиром для хронологического членения групп захоронений могильника Судак-ІІ. По поводу времени появления стеклянных браслетов в Северном Причерноморье высказаны две основные точки зрения. Согласно мнению З.А. Львовой и Ю.Л. Щаповой, М.А. Тихановой это произошло в IX в. (Львова, 1959, с. 323; Щапова, 1963, с. 112; Тиханова, 1953, с. 374,375). Тем не менее, в более поздней работе Ю.Л. Щапова однозначно указывает на то, что две трети всех находок стеклянных браслетов припадает на XI в., а оставшаяся одна треть поровну делится между второй половиной X и началом XII вв. (Щапова, 1991, с. 165-166). А.Г. Герцен, С.В. Карлов, Л.А. Голофаст, С.Г. Рыжов и А.И. Айбабин, Ю.М. Могаричев уточняют дату и говорят о второй половине ІХ в. (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 221; Герцен, Карлов, 2006, с. 233), конце ІХ в. (Могаричев, 1994, с. 63) или рубеже IX — X вв. (Айбабин, 1991a, с. 47). Многочисленные ссылки на датированные второй половиной IX в. стеклянные браслеты из Саркела и Тмутаракани в основном декларативны (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 221).

К периоду второй половины IX – первой половины X вв. относились и фрагменты стеклянных браслетов обнаруженные в материалах исследований археологических объектов на посаде Баклинского городища в юго-западном Крыму. Встречены они были в выделенных стратиграфических горизонтах 4 и 5, которые, соответственно, датировались IX – X и XI – XII вв. (Романчук, Рудаков, 1975, с. 217). Причем в 5-м горизонте их количество значительно преобладало. Для установления времени их появления решающее значение имеет тот факт, что обнаружены они в слое разрушения помещений раскопанной усадьбы местного гончара. Керамический комплекс объекта отличается закономерным разнообразием с явным преобладанием тонкостенной неорнаментированной разнообразной по морфологии кухонной посуды. Фрагменты т.н. салтовской кухонной посуды составляли меньшинство. Если согласиться с тем, что время гибели объектов Баклинского городища приходится на середину X в. (Майко, 2000, с. 236-261), то обнаружение их в слое разрушения - лишнее доказательство появления стеклянных браслетов именно в это время.

Анализ стеклянных браслетов, происходящих из раскопок Керчи, в тезисном плане приведен Л.Ю. Пономаревым (2004, с. 289-290). Согласно его информации на раскопе И.Б. Зеест и А.Л. Якобсона к северо-востоку от церкви Иоанна Предтечи браслеты происходят из заполнения построек второй половины X-XI вв. На раскопах Т.И. Макаровой браслеты обнаружены в слое между двумя мостовыми улиц исследованного квартала и из заполнения его построек. Как уже неоднократно указывалось, большинство исследователей в настоящее время согласны с тем, что датировать слой между мостовыми Боспорского квартала можно не ранее второй половины X в. (Макарова, 1998, с. 73). Еще более показательны браслеты из заполнения могил некрополя церкви Иоанна Предтечи. Так в знаменитом погребении 11 стеклянный браслет обнаружен вместе с монетой Олега-Михаила 1078 г., а в не менее известном захоронении, исследованном К.Е. Думбергом в 1895 г., стеклянный браслет с очковидным орнаментом обнаружен в комплексе с вещами, датировка которых ранее середины X в. невозможна.

Интересно отметить, что многими из крымских авторов время появления стеклянных браслетов обоснованно связывается со временем прекращения функционирования салтовомаяцкой культуры. Хронологическим же основанием для этого служат находки в комплексе с браслетами херсоно-византийских монет Василия I 867-886 гг., фрагментов высокогорлых кувшинов и стеклянных лампад. Однако необходимо отметить, что медные монеты Василия I херсоно-византийской чеканки могут с трудом считаться надежным хронологическим индикатором. Они встречаются и во второй половине X в., в частности в зольнике Сугдеи (Баранов, Майко, 1999, с. 128-129). Еще менее пригодны для хронологического членения фрагменты высокогорлых кувшинов. Как уже отмечалось, их морфологические показатели не являются хронологическими критериями. С другой стороны, в археологических комплексах второй половины X в., по крайней мере, восточного Крыма, они значительно преобладают над импортной амфорной тарой (Майко, 1999, с. 43). Сказанное еще более справедливо по отношению к стеклянным лампадам. Они так же широко известны и во второй половине X в. (Майко, 2004б, с. 238, рис. 15).

В свое время Ю.Л. Щаповой и В.В. Кропоткиным высказывалось предположение о возможном существовании местного крымского херсонесского центра по производству стеклянных браслетов (Щапова, 1963, с. 118; Кропоткин, 1957, с. 36). Ныне оно иногда упоминается в литературе (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 221). В последующем, благодаря многочисленным разработкам по изучению технологии производства этой категории изделий, данные предположения не подтвердились. Действительно, в средневековой Сугдее браслетов обнаружено намного больше, чем на Тамани или в Саркеле, однако оснований говорить об их местном производстве пока нет. Все они для жителей города являлись массовым предметом импорта.

Таким образом, в восточном Крыму стеклянные браслеты появляются не ранее середины X в. Дата обусловлена временем исчезновения салтово-маяцкой культуры полуострова и прекращением функционирования склеповых некрополей юго-западного Крыма. Ни в салтовских некрополях, ни в указанных могильниках стеклянные браслеты пока не встречены. Единственным известным мне памятником, где отсутствуют материалы второй половины X в., является находка фрагмента круглого в сечении витого браслета, изготовленного из черного непрозрачного стекла в культурном слое поселения Кыз-Кермен в юго-западном Крыму (Белый, 2008, с. 130, рис. 22,

6). Однако сам автор отмечает, что отношения к заполнению раскопанных объектов он не имеет, и мог попасть в культурный слой случайно в результате переотложения грунта (Белый, 2008, с. 131).

Считается установленным, что на территории Таматархи-Тмутаракани стеклянные браслеты появляются уже с VII в. (Щапова, 1963, с. 102-133, рис. 1-7; Щапова, 1998, с. 114-116; Богословский, 1987, с. 52-54; Чхаидзе, 2008, с. 217). В.Н. Чхаидзе даже выделена группа браслетов с различной степенью расстекловывания синего, серо-голубого и других цветов, в том числе круглые голубые, известные с VIII в. (2008, с. 217). При этом подчеркнуто, что в отличие от других групп, эта имеет очень широкий диапазон бытования – VIII-XII вв. Однако, ситуация, на мой взгляд, не столь однозначна. К сожалению, археологические комплексы VII в., где они обнаружены, не опубликованы полностью. В большинстве случаев стеклянные изделия, в том числе и браслеты, рассматриваются в отрыве от тех комплексов, где они обнаружены. В лучшем случае с упоминанием раскопов или слоев (Чхаидзе, 2008, с. 216, рис. 124). Исходя из этого, трудно судить, на сколько эти комплексы можно считать закрытыми. Не исключено, что 2,7% от общего количества стеклянных браслетов из раскопок III Таманской экспедиции в горизонтах VII-VIII вв., исходя из чрезвычайно сложной стратиграфической картины памятника, могут оказаться примесью «сверху». В опубликованных же комплексах со стеклянными браслетами, например (Финогенова, Ильина, Чхаидзе, 2010, с. 248-251), присутствует материал середины – второй половины Х в., в частности амфора с манжетовидным венчиком с граффити (Финогенова, Ильина, Чхаидзе, 2010, с. 252, рис. 8, 6). Да и само обнаружение этой амфоры, согласно публикации, в кладке дома, свидетельствует о том, что он вряд ли возведен в VIII в. Совершенно очевидно, что слой не однороден и датируется широкими хронологическими рамками.

О времени появления византийских стеклянных браслетов в материалах поздних аланских памятников Северного Кавказа свидетельствуют, в частности, экземпляры из погребального инвентаря некрополей у станции Джалки и у села Мартан-Чу в Чечне (Виноградов, Мамаев, 1983, с. 192). В Мартан-Чуйском некрополе все они, изготовленные из темно-синего почти черного стекла, обнаружены в многоярусных склепах №№ 15-17 (Виноградов, Мамаев, 1983, рис. 12, 2-4; рис. 13, 3,4; рис. 13, 22). На основании крупных бус с окаймленными восьмеркообразным орнаментом глазками, желудевидных бубенчиков с валиком посередине, своеобразных поясных наборов, обнаруженных в погребальном инвентаре, авторы справедливо датируют их не ранее второй половины X-XI вв. и связывают появление экземпляров с контактами верхушки местного населения с Византийской империей (Виноградов, Мамаев, 1976, с. 115; Виноградов, Мамаев, 1983, с. 194). При этом кардинальной смены погребального обряда не наблюдается.

Беглый анализ технологии изготовления и распространения стеклянных браслетов, происходящих из раскопок средневекового Дербента, приведен в работе А.А. и Е.А. Кудрявцевых (2009, с. 222-223). Авторы относят их бытование к горизонтам VIII-X вв. Однако характер работы не позволил проанализировать комплексы и сам культурный слой, откуда они происходят. Таким образом, доказать нижнюю хронологическую дату, исходя из публикации, невозможно. В подписях же к самим иллюстрациям присутствует дата IX-XI вв. (Кудрявцев, Кудрявцев, 2009, с. 220, рис. 5) и даже VIII-XIII вв. (Кудрявцев, Кудрявцев, 2009, с. 219, рис. 4, 25-35), хотя последняя, вероятно, относится к характерной стеклянной посуде.

Проблема времени появления стеклянных браслетов в Причерноморье напрямую связана с вопросом об их возможном производстве в Крыму и на Тамани. В пользу этого свидетельствует их чрезвычайно массовый характер. Однако подавляющее большинство находок обнаружено в материалах городских центров Херсонеса, Сугдеи, Боспора, Тматархи-Тмутаракани. К тому же, основная масса браслетов, как единодушно утверждают все исследователи, приходится на вторую половину X –XI вв. Если признать факт появления браслетов в Таврике во второй половине IX в. то необходимо, во-первых, доказать, что время их производства в Византии приходится именно на первую половину IX в.

В этой связи проанализируем коротко материалы раскопок стекольных мастерских и памятников, где стеклянные браслеты обнаружены в массовых количествах, на территории центральных провинций Византийской империи. До сих пор эталонными памятниками считаются открытые еще во второй половине 30-х гг. прошлого века две стекольные мастерские, исследованные на территории средневекового Коринфа. Причем стеклоделательное производство было строго специализированным. Из двух ремесленных мастерских одна (Южная) занималась изго-

товлением стеклянной посуды и только одна (Северо-восточная) изготовлением исключительно стеклянных браслетов (Davidson, 1975, р. 141). Исходя из сложной стратиграфической ситуации, выделить материалы синхронные времени появления этой мастерской сложно. Основная же масса датирующих находок времени ее функционирования приходится на вторую половину X-XI вв. Недавно эти материалы вновь проанализированы турецкой исследовательницей Г. Кёроглу (Köroğly, 1998, р. 288).

Исходя из массовости находок и, конечно, масштабов исследований, традиционно центрами производства стеклянных браслетов считаются византийские центры Сарды (Von Saldern, 1980, р. 98-99) и, особенно, Аморий. На последнем памятнике на территории нижнего города их обнаружено около 1300 экземпляров, в том числе 103 с расписным орнаментом в виде различных вариантов завитков и спиралей, а так же христианской символикой и «очковым» орнаментом (Lightfoot, 1994, р. 125-126; Lightfoot, Ivison, 1996, р. 108-109; Lightfoot, 1999, р. 340-345; Lightfoot, Ivison, 2001, р. 370, fig. M, 5-13; Margaret, Gill, 1999, р. 340, fig. D). Однако и там все артефакты в основном обнаружены в горизонтах второй половины X в., а подавляющее большинство в горизонтах XI в.

В последнее время большое количество стеклянных браслетов было обнаружено и при раскопках поселения на холме Юмук-тепе недалеко от византийского центра Мерсин. Все они происходят из заполнения построек и культурного слоя выделенного IV средневекового строительного горизонта, который датируется не ранее второй половины X- начала XI вв. (Köroğly, 1998, р. 283-294). И хотя мастерской по их производству, исходя из небольшой исследованной площади, пока не обнаружено, ее наличие вполне вероятно. Этими же хронологическими рамками датируются и многочисленные стеклянные браслеты обнаруженные на территории Палестины (Spaer, 1988, p. 51-61; Spaer, 2001, p. 193-198; Spask, 1992, p. 44-62). Таким образом, на мой взгляд, у нас пока нет достаточных оснований говорить о появлении производства стеклянных браслетов в центральных провинциях Византийской империи ранее середины Х в., с чем согласны и современные исследователи (Ristovska 2009). Кроме того, анализируя концепцию о появлении стеклянных браслетов в Таврике во второй половине ІХ в., приходится признать, что возникшая в это время в центральных провинциях империи технология изготовления браслетов, связанная с применением золы (Шапова, 1983, с. 180), очень быстро, в течение нескольких лет, проникает на достаточно отдаленные территории, такие как Крым. Естественно, что возникновение подобных небольших специализированных стекольных мастерских было невозможно без импорта новой технологии изготовления и наличия мастеров, знакомых с ней.

Как неоднократно указывалось (Шапова, 1998, с. 116; Чхаидзе, 2008, с. 218), химический анализ свидетельствует о том, что подавляющее большинство Причерноморских браслетов изготовлено по одинаковой технологии провинциально-римского стекловарения и совпадает по этим показателям с византийскими образцами. Дополнительные технологические операции при изготовлении разных морфологических типов браслетов, достаточно полно описаны в литературе (Щапова, 1963, с. 102-133; Львова, 1959, с. 308-310). Несмотря на их простоту, они так же требовали специальных умений и навыков, выработать которые, невозможно было в течение короткого времени. И если для получения круглого профиля достаточно было наличие формы, за которой стеклянная масса следовала в момент ее вытягивания из стекловаренного горшка, то для изготовления плосковыпуклых, плоских, прямоугольных и треугольных стержней требовались дополнительные формующие приспособления. Например, византийские мастера выкладывали вытянутый круглый стержень на плоскость, в этом случае круглый стержень, естественно, приобретал в сечении полукруг. Полукруглому стержню с помощью других приспособлений придавали более сложный профиль. Особые навыки требовались для освоения сложнейшей технологии нанесения орнамента в виде росписи цветными эмалями и золотом на браслеты. Последняя, с привлечением письменных источников, подробно рассмотрена в литературе (Whitehouse, 1998, р.4; Köroğly, 1998, р. 292-293). Использование метода «приклеивания» вырезанной из золотой фольги заготовки орнамента на изделие, а, особенно, метода орнаментального нанесения специального состава золотого порошка и красящих пигментов на поверхность браслетов требовало от ремесленника высочайшего мастерства и умения.

Можно согласиться с С.Б. Сорочаном в том, что в условиях небольшого эргастерия организовать такое производство было не сложно, а торговать выгоднее и удобнее, чем дешевой посудой (2005, с. 1146). Однако, только при наличии благоприятной политической ситуации, а именно

политической подчиненности определенной территории. И если для Херсонеса такой вариант в качестве рабочей гипотезы рассматриваться может (Щапова, 1963, с. 116-118; Голофаст, Рыжов, 2003, с. 221; Сорочан, 2005, с. 1146), хотя мастерские по производству стеклянных браслетов пока не обнаружены, то для остальных городских центров восточного Крыма и Тамани, на мой взгляд, даже в качестве предположения, этот вариант анализировать пока нет оснований. Как уже отмечалось, по крайней мере, в Сугдее и на Боспоре пока нет ни одного комплекса ранее середины X в. где бы присутствовали стеклянные браслеты. Зато во второй половине X — XI вв. их количество ни многим уступает Херсонесу. Однако это не является свидетельством того, что во второй половине X в. стекольные мастерские по производству браслетов возникают в Херсонесе (Кропоткин 1957, с. 36), а тем более в других центрах Таврики и Таманского полуострова. Кроме массовости находок, для этого предположения так же нет серьезных оснований.

В последнее время некоторые исследователи пытаются доказать существование местных провинциально-византийских мастерских по производству стеклянных браслетов и на территории Поволжья (Валиулина, 2013). Однако, и в данном случае, поскольку сами постройки пока не обнаружены, речь может идти только о мастерских не полного цикла производства.

Не менее сложно определить верхнюю хронологическую границу существования браслетов. Что касается Сугдеи, то в материалах некрополя на участке куртины XV Судакской крепости, время возникновения которого, согласно данным нумизматики, устанавливается как вторая половина XIII в., стеклянные браслеты отсутствуют. В городских горизонтах Сугдеи первой половины XIII в., частично изученных на территории квартала I Судакской крепости, они встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Показательны в этом плане и достаточно полно опубликованные материалы раскопок квартала X Северного района Херсонеса (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 182-260). Из одного целого и 14 фрагментов браслетов половина обнаружена в засыпи под полом помещений 15 и 20 усадьбы 2 (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 222). Отметим, что время возведения усадеб исследователями определяется не ранее конца XI в. Следовательно в это время стеклянные браслеты постепенно выходили из моды. В слое разрушения квартала третьей четверти XIII в. стеклянных браслетов практически нет (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 224).

Одни из наиболее поздних вариантов стеклянных браслетов округлых в сечении из темносинего стекла обнаружены в редком по разнообразию инвентаря комплексе погребения знатной половчанки в Подонцовье. Датируется оно концом XII — первой половиной XIII вв. (Швецов, 2013, с. 313, рис. 6, 1). Не исключено, что эти импортные изделия достаточно долгое время могли храниться в роду погребенной, учитывая, что в комплексе присутствует большое количество вещей византийского происхождения.

Мнение об активном использовании стеклянных браслетов позже второй половины XII в., основываясь на материалах раскопок Базилики 1987 г. на территории VII квартала Херсонеса, высказал А.В. Сазанов. Христианское сооружение автор датирует первыми десятилетиями XI в. (Сазанов, 2000, с. 280). Однако с полной уверенностью об этом говорить нельзя. Наличие причерноморских амфор свидетельствует о том, что первоначальная базилика была сооружена не позднее середины Х в. С этого времени существует и прихрамовый некрополь. Стеклянные браслеты обнаружены в погребении 4 и 1 и 6 ярусах семиярусного погребения 3. Сами погребальные сооружения автор датирует XIII-XIV вв., хотя оснований для этого нет. Сам исследователь признает, что в заполнении могилы 3 обнаружена белоглиняная миска середины Х в., но почему-то считает ее примесью «снизу» (Сазанов, 2000, с. 311). Могила 4 оказалась перекрытой хозяйственной ямой позднесредневекового времени, откуда происходят фрагменты красноглиняной поливной керамики. Однако они никоим образом не связаны с погребальным сооружением. А обнаруженный в заполнении стеклянный браслет происходит из погребального инвентаря разрушенного ямой захоронения. Ссылка исследователя на то, что стеклянные браслеты встречены в слоях Тмутаракани XIII-XIV вв. (Сазанов, 2000, с. 299) декларативна. Даже если это так, то мы имеем действительно ничто иное, как примесь «снизу».

Наиболее детальное рассмотрение поздних стеклянных браслетов второй половины XIII-XIV вв., обнаруженных на территории крупных золотоордынских городищ, приведено в работе Н.Н. Бусятской (1976, с. 45-47). Исследовательница выделяет пять групп, включающих разнообразные типы изделий. Примечательно, что 96% от общего количества браслетов обнаружено на территории многослойного долговременного города Болгара и одного из крупнейших золотоордынских городищ - Селитренного. На других памятниках их находки единичны.

Однако, в подавляющем большинстве это совсем другие браслеты, которые не позволяют судить о поздней дате бытования рассматриваемых в работе стеклянных экземпляров Таврики. Заметим, что общее количество обнаруженных браслетов так же относительно не велико, всего 111 экземпляров на все памятники. Около половины стеклянных браслетов Болгара составляют древнерусские образцы XII — первой половины XIII вв. (Бусятская, 1976, с. 46-47; Полубояринова, 1988, с. 190-193), остальная часть изделий, связывается с местным золотоордынским производством, подверженным сильному среднеазиатскому влиянию. Небольшой процент изделий, имеющих общие морфологические аналогии на широкой территории, в том числе и в Крыму, частично может быть «примесью снизу». Как известно, на территории Силитренного городища обнаружена стекольная мастерская, где, в том числе, производились и браслеты. Именно они и составляют большую часть подобных находок на памятнике. Их распространение, особенно орнаментированных форм, за пределами Силитренного городища, даже на территории Золотоордынских городищ немногочисленно.

Важнейшую информацию о времени появления и периоде активного использования стеклянных браслетов в Таврике дает огромная коллекция этих артефактов, происходящая с территории Балканского полуострова. Наиболее полно она проанализирована в монографии Л. Дончевой-Петковой (2005, с. 99-105). Все браслеты исследовательница справедливо разделила на три основных типа (круглые в сечении, витые и уплощенные орнаментированные), заметив при этом, что чаще всего в погребениях они располагались на правой и значительно реже на левой руке (2005, с. 99). По итогам исследований коллекции стеклянных браслетов Великого Преслава, близкая морфологическая типология изделий и системы их оранментации предложена недавно М. Маноловой-Войковой (2013, с. 225-239). Технологический анализ экземпляров, происходящих из некрополя Одырци, показал, что все они изготовлены по византийским технологическим схемам. Как и в Таврике, преобладают браслеты сине-фиолетового стекла. Необходимо еще раз подчеркнуть, что все приведенные разнообразные Балканские комплексы датируются не ранее середины Х в. Особенно показательны в этом плане материалы раскопок стеклоделательной мастерской в Старой Загоре (Болгария) (Янков, 1983, с. 43-44). Обнаруженные там расписные браслеты встречены с монетами середины XI в. Позже этого времени мастерская не существовала (Дончева-Петкова, 2005, с. 104-105). Не ранее XI в. датируются и находки браслетов на территории Сербии и Паннонии, где их появление связывается с византийским влиянием (Radičević, 2009, р. 135). Все же, вероятно, правы те исследователи, которые ограничивают время их активного бытования первой половиной XII в. (Соловьева, Кропоткин, 1953, с. 21-25; Львова, 1959, с. 316-323; Davidson, 1952, р. 112; Баранов, 1991a, с. 106; Паршина, 1988, с. 46; Чангова, 1961, c. 184; Borisov, 1989, p. 293).

Бронзовых браслетов обнаружено восемь. Морфологически они делятся на три группы. Первая представлена уплощенными экземплярами с заостренными концами, происходящими из могил 82 (рис. 163, 7) и 262 (рис. 163, 9) некрополя Судак-II. К сожалению, они с большим трудом поддаются датировке. В Крыму, как и на всей территории Восточной Европы, они имеют широкие хронологические рамки бытования XI-XIII вв. (Паршина, 1988, с. 46). Подобные экземпляры VIII — первой половины X вв. известны в материалах Дмитровского салтовского аланского некрополя и синхронного Правобережного Цимлянского городища (Плетнева, 1989, с. 114, рис. 60: І; Плетнева, 1994, с. 390, рис. 53: 12) и в некрополях гото-аланского населения полуострова (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 57, рис. 36: 3; с. 19, рис. 9: 26). Типологически близкие браслеты из Новгорода, правда, круглые в сечении, обнаружены в горизонтах X-XI вв. (Колчин, Хорошев, Янин, 1981, с. 103-104). Исходя из того, что в обоих случаях браслеты обнаружены в одном погребальном комплексе со стеклянными, следовательно, в рамках XI — первой половины XII вв. они так же существуют. В плане датировки важно обнаружение аналогичного браслета в заполнении склепа 5 прихрамового некрополя Эски-Керменской бализики в комплексе с преобладающими стеклянными браслетами (Паршина, 1979, рис. 28, 159). Добавим, что аналогичные бронзовые браслеты, орнаментированные точками и линиями, в том числе в виде головы змеи известны и в погребальном инвентаре гродских некрополей Плиски, четко датируемых концом Х-ХІ вв. (Димитров, 1995, с. 57, обр. 8, 5,6,8).

⁵⁹ Выражаю глубокую признательность Е.А. Паршиной за возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

Вторую группу составляют четыре детских браслета, происходящие из могилы 42 некрополя Судак-ІІ (рис. 163, 2), склепа на территории барбакана Судакской крепости (рис. 163, 3) и могилы 5 некрополя на территории цитадели Судакской крепости (рис. 163, 6,8). Экземпляр из могилы 42 изготовлен из подовального в сечении стержня, один из концов которого расклепан в виде неровного треугольника и орнаментирован тремя «глазками» и точками. Более поздний типологически близкий экземпляр обнаружен в позднесредневековых захоронениях Лучистинского некрополя (Айбабин, 2003, с. 222, табл. 55: 44; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 146, табл. 12: 12). В комплексе склепа 6 данного некрополя треугольный в сечении бронзовый детский браслет с уплощенным и украшенным резными ромбами и треугольниками концом обнаружен вместе с монетой Мануила Комнина. Аналогичный браслет обнаружен и в могиле 42 городского некрополя Плиски, где четко датируется концом X-XI вв. (Димитров, 1995, с. 57, обр. 8, 13). Бронзовый браслет, орнаментированный вертикальными и горизонтальными линиями, заполненными точками, с заостренными концами обнаружен и в погребальном инвентаре склепа 5 прихрамового некрополя Эски-Керменской базилики (Паршина, 1979, рис. 28, 2). В комплекс с ним входили и стеклянные браслеты. Типологически близкие браслеты, правда, с двумя расклепанными концами широко известны в материалах некрополя Одырци, в частности в погребении 327 (Дончева-Петкова, 2005, с. 369, табло СХІХ: 16) и других могильниках Добруджи (Болгария), где датируются не позже начала XII в.

Бронзовый браслет из склепа на участке барбакана Сугдеи (Баранов, 1991а, с. 105, рис. 3: 8,1360) (рис. 163, 3) и два браслета из погребения 5 некрополя на участке цитадели средневекового города (рис. 163, 6,8) можно объединить в одну группу. Это детские изделия, один из краев которых уплощен. Возможно, в случае изделия из склепа на территории барбакана он просто обломан и заглажен. Другой край заострен в виде головки змеи. На изделии из склепа на участке барбакана он украшен точками и двумя глазками, на одном из браслетов в погребении 5 некрополя на участке цитадели – глазками и разделяющей их комбинацией линий, на другом браслете из этого погребения – аналогичными разделительными линиями без глазков и сетчатым орнаментом на острие. Два последних браслета украшены и по тулову в одном случае точками, в другом – двумя линиями точек и комбинациями из вертикальных линий.

В северо-восточной Болгарии подобный детский, узкий и тонкий браслет был обнаружен в погребальном инвентаре могилы № 143 некрополя Одырци. Правда, острый его край подчеркнут слабее, а орнаментация более упрощенная (Дончева-Петкова, 2005, с. 108), подобная орнаментации на браслете из склепа на территории барбакана. Балканские аналогии этим браслетам, приведенные Людмилой Дончевой-Петковой малочисленны. Это браслет из некрополя близ южных ворот Плиски, Сербские и Македонские экземпляры (Дончева-Петкова, 2005, с. 108). Показательно, что их датировка укладывается в рамки XI — начала XII вв. Вообще, браслеты с одним заостренным окончанием не характерны для Балкан, где в это время преобладают браслеты, изготовленные из прямоугольной пластины с шарнирными застежками.

Более крупный браслет с одним заостренным концом был обнаружен в 1881 г. на древнерусском городище в Подгорцах, где, правда, датируется в более широких хронологических рамках XI – 30-х гг. XIII вв. и отнесен к изделиями местных мастеров (Liwoch, 2008, с. 6).

Следующий браслет встречен в единичном экземпляре. Это детское круглое в сечении изделие со слегка расширяющимся одним краем из первоначального заполнения склепа 141 могильника Судак-II, не связанного с последующими погребениями (рис. 163, *I*). Поскольку склеп относится к одним из наиболее ранних сооружений некрополя и перекрыт погребениями характерными для XI — первой половины XIII вв. и более позднего времени, то и погребальный инвентарь его характерен для салтовских памятников полуострова. Тогда понятно, почему этот браслет находит многочисленные аналогии в материалах погребений салтовского и гото-аланского населения Крыма, в частности, среди погребального инвентаря некрополя Судак-VI (Майко, 2007, с. 157, рис. 100, 18). Однако совершенно не исключается его использование и в более позднее время.

Последний бронзовый браслет обнаружен в заполнении могилы 275 (рис. 163, 5). Это витой экземпляр с застежками в виде крючка и петельки, украшенных выступающими ушками. Аналогии витым браслетам известны практически на всех средневековых памятниках Восточной

⁶⁰ В публикации допущена опечатка, ибо номера 8 и 13 на подписях к рисунку соответствуют не двум, а одному и тому же браслету в разных видах.

Европы. Особенно часто они встречаются в древнерусских памятниках Среднего Поднепровья, где датируются в рамках XI — XII вв. Вероятно, не позднее этого времени следует датировать и анализируемую находку. Типологически близкие витые браслеты с застежками широко известны и в материалах некрополей Подунавья. Так, в заполнении могилы 109 некрополя Одырци (Добруджа, Болгария) обнаружен практически идентичный браслет (Дончева-Петкова, 2005, с. 327, табло LXXVII: 26), так же датируемый не позднее начала XII в. Концом X-XI вв. датируется и аналогичный браслет из могилы 1 городского некрополя Плиски (Димитров, 1998, с. 69, рис. 2d).

Составной браслет обнаружен в долговременном погребении 216 (рис. 165, 30) некрополя Судак-II. Он состоит из веревочной или нитяной основы, на которую были надеты тонкие бронзовые пронизки, которых сохранилось 12. Между этими пронизками на указанную основу надеты четыре средние и мелкие округлые бусины, одна из которых является глазчатой. Еще одна мелкая уплощенная бусинка одета непосредственно на пронизку к которой, в свою очередь, припаяна биконическая подвеска. Связывать такой своеобразный браслет можно только с первоначальным пластом захороненных в данном погребальном комплексе и датировать в рамках XI — первой половиной XII вв.

В погребении 82 некрополя Судак-II (рис. 163, 4) и захоронении 5 на территории цитадели Сугдеи встречены фрагменты железных браслетов, типичных для средневековых памятников Восточной Европы. Более-менее узких датировок они не имеют и по составу погребального комплекса, так же существуют в рамках XI — первой половины XII вв. Так близкий железный браслет известен в материалах археологического комплекса у с. Дядово на Балканах (Borisov, 1989, р. 284, fig. 338, b), где датируется в рамках XI-XII вв. Железный предмет, напоминающий изогнутый браслет, встречен в заполнении склепа 141 некрополя Судак-II. Однако его плохая сохранность не позволяет произвести точную атрибуцию.

<u>Стеклянные изделия.</u> Это две подквадратные обработанные стенки стеклянных сосудов, подкрашенные бордовой краской. Обнаружены они в районе ключиц погребенного в могиле 28 некрополя Судак-II. Для чего они были положены в могилу и как они использовались сказать трудно.

Из других стеклянных изделий заслуживают внимания фрагменты тонкостенных сосудов баночной формы (рис. 164). Они плохо реконструируются из-за сильной фрагментарности находок, но часть из них, вероятно, принадлежит стаканам. В виде мелких фрагментов представлены и витые кольцевые поддоны, сложно профилированные ручки, крышки от стеклянных рюмок и флаконов, основания ножек от рюмок. Среди фрагментов стеклянных сосудов заслуживает внимания находка миниатюрного стеклянного сосудика-бальзамаря, с двумя петлевидными ручками, обнаруженного в могиле 4 (рис. 164, 23) некрополя Судак-II. Все типы стеклянной посуды имеют аналогии в синхронных древностях полуострова, Тмутаракани (Сорокина 1963, с. 134-163) и на территории Византии, где они и производились.

4.5.2. Серьги. Это одна из наиболее массовых находок в погребальном инвентаре некрополей восточного Крыма (рис. 165). Обнаружены они в 42 могилах некрополей Судак-II и на территории цитадели Сугдеи от одного до 6 экземпляров. В подавляющем большинстве это бронзовые парные проволочные височные кольца разных размеров и морфологии с разомкнутыми острыми или округлыми концами, иногда соединенными, или заходящими один за другой, но не спаянными. К этому типу относятся и две золотые серьги некрополя Судак-II, обнаруженные в могилах 45 и 151 (рис. 165, 13). Аналогичных проволочных серег, имеющих замочек (рис. 165, 16), встречено намного меньше. Из документированных экземпляров некрополя Судак-II в погребении 129 их обнаружено 6, а в могиле 111 — одну.

Аналогии данному простейшему виду серег чрезвычайно многочисленны и встречены в материалах памятников восточного Крыма разных хронологических эпох. Например, наиболее полная публикация серег и колец Преслава, приведена в работе Т. Михайловой. Автор отмечает, что в материалах Балканских памятников численное преобладание височных колец характерно как раз для периода второй половины X – XII вв. (Михайлова, 1993, с. 183). Простые височные кольца разделены исследовательницей по морфологии на округлые, эллипсовидные и овальные (Михайлова, 1993, с. 181).

Бусинные серьги представлены несколькими вариантами. Вариант 1а – наиболее распространенный, представлен обычным проволочным кольцом, на которое надета одна или две (рис. 165,

31) бусины. В могиле 14 некрополя Судак-ІІ и погребении 4 прихрамового некрополя монастыря Димитраки близ средневековой Сугдеи (Баранов, 2010, с. 612, рис. 12, 5) это обычная стеклянная округлая бусина (рис. 165, 23, 28), в погребении 216 некрополя Судак-II и в позднем горизонте заполнении склепов на участке куртины XIV Судакской крепости – реберчатая фаянсовая восьмигранная, изготовленная из т.н. египетского фаянса (рис. 165, 22). При этом разлом кольца приходится на противоположную от бусин часть изделия, а серьга из некрополя монастыря Димитраки имеет небольшое едва заметное утолщение на дужке. Большая коллекция подобных колец с нанизанными бусинами, в том числе подчеркнутыми витой проволокой, происходит из Херсонеса (Путь из варяг..., 1996, с. 95, № 860-867). Подобные серьги получили широкое распространение на территории Восточной Европы, но наиболее типологически близкие экземпляры распространены на территории Македонии (Рябцева, 2000, с. 165, рис. 2, 23) и Болгарии (Рябцева, 2005, с. 219, рис. 112). Серьги с нанизанной бусиной есть и среди погребального инвентаря некрополя Одырци (Добруджа) (Дончева-Петкова, 2005, с. 58, обр. 4, 321,), где датируются в рамках XI в. Проволочное бронзовое височное кольцо с заходящими краями и напускной сферической сердоликовой бусиной происходит из Троицкой курганной группы в Чернигове, где четко датирующееся концом X – началом XI вв. (Путь из варяг..., 1996, с. 81, № 706).

Вариант 16 представлен двумя экземплярами из погребения 17 некрополя Судак-II. Это изделия, состоящие из проволочного кольца и надетой на него половинкой от металлической биконической бусины (рис. 165, 25). В данном случае разлом кольца расположен непосредственно возле бусины. Наиболее близкие аналогии происходят с территории Румынии и Молдовы (Рябцева, 2000, с. 169, рис. 5, 4).

Вариант 2 — образует единственная серьга из могилы 172 некрополя Судак-II. Здесь на крупную проволочную серьгу с замочком надета не только половинка металлической биконической бусины, но и напаян металлический шарик (рис. 165, 21). Сам разлом кольца возле напаянной бусины. Серьга типологически близкая экземпляру из могилы 172 обнаружена при раскопках упоминавшегося квартала X Северного района Херсонеса (Голофаст, Рыжов, 2003, с. 254, рис. 20: 7). В материалах раскопок Херсонеса дореволюционного времени так же обнаружены бронзовые кольца с заходящими краями и несколькими нанизанными мелкими стеклянными и бронзовыми бусинами (Путь из варяг..., 1996, с. 95, № 860-867). Все они происходят из комплексов второй половины X-XI вв. Типологически близкие экземпляры так же известны и в Подунавье (Рябцева, 2000, с. 169, рис. 5).

Остальные серьги не образуют варианты и представлены единичными экземплярами. В могиле 62 Судак-ІІ обнаружена серьга в виде проволочного экземпляра с надетой на него бусиной, который, в свою очередь, продет в обычную проволочную височную серьгу (рис. 165, 19). Не исключено, что это один из наиболее поздних вариантов, датирующихся не ранее второй половины XII в. В могиле 129 некрополя Судак-II присутствует проволочная серьга с привеской в виде бусины, сквозь которую продета бронзовая петелька (рис. 165, 20). В погребении 216 того же могильника обнаружено две серьги с подвеской в виде простого литого шарика (рис. 165, 18). В могиле 245 некрополя Судак-ІІ найдено проволочное кольцо с припаянным шариком на вершине и серебряная витая сережка (рис. 165, 11,9). В материалах позднего горизонта погребений в склепах на участке куртины XIV Судакской крепости присутствует экземпляр с расплющенной и витой центральной частью (рис. 165, 8), а так же серьга со спиралевидным окончанием, образующим подвеску. Серьги, где один конец заканчивается в виде удлиненной спиралиподвески, имеют длительные хронологические рамки бытования. В частности в погребальном инвентаре некрополя Одырци (Добруджа), они датируются в рамках XI в. Правда, спиралевидные окончания-подвески выполнены грубее и имеют форму близкую к трапециевидной (Дончева-Петкова, 2005, с. 58, обр. 4, 285,). Вопрос о том, трансформируются ли данные изделия в хорошо известные серьги в виде знака вопроса, сложный. Во всяком случае, в Сугдее классические варианты последних, обнаружены исключительно в золотоордынское время, например, в позднесредневековом захоронении некрополя Судак-ІХ (Майко, 2007, с. 193, рис. 125, 8,9).

Общеизвестно, что все указанные типы серег имеют очень широкие хронологические рамки существования и не могут служить датирующим материалом. Попытки создания их морфологической типологии, не позволили уточнить хронологию выделенных типов (Михайлова, 1993, с. 180-206). Одна из наиболее полных типологий бронзовых проволочных серег разной морфологии, а так же сережек с витыми подвесками спиралевидными подвесками периода Первого Бол-

гарского царства приведена в обобщающей монографии Р. Рашева (2008, с. 531, табло LXXVIII; с.532, табло LXXIX, 7а-25). В рамках VIII – первой половины X вв. исследователь так же не выделяет хронологических типов.

Исключение составляют две парные крупные проволочные серьги с уплощенными концами и биконической с немного закругленными углами пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок. Обнаружены они в погребении 275 (рис. 165, 29) некрополя Судак-ІІ. В литературе утвердилось мнение об их степной половецкой (Плетнева, 1981, с. 216; Моця, 1993, с. 127) или черно-клобуцкой (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 23) принадлежности⁶¹. Тем не менее, совершенно очевидно, что подобные серьги широко известны и за пределами степи. В большом количестве они обнаружены в частности в Хорватии, где датируются XI — XII вв. (Jelovina, 1976, tabl. IX: 5,6) и на Балканском полуострове в Подунавье (Радева, 2003, с. 32, обр.1), где датируются в рамках XI-XIV вв. и связываются с торговым обменом между славянскими странами. Тем не менее, исследователи единодушны в их хронологии, что, в нашем случае, наиболее важно. По мнению С.С. Рябцевой появление этих серег у половцев происходит в период походов степняков на Болгарию и Византию. После этого они получают широкое распространение на территории южнорусских степей. При этом исследовательница не исключает, что первые экземпляры колец могли быть изготовлены в Балканских ювелирных мастерских (Рябцева, 2000, с. 167-168, прим. 2). Как раз для территории Болгарии и характерны крупные гладкие овальные тисненые бусины, типологически близкие нашим экземплярам (Рябцева, 2000, с. 166, рис. 3, 3,20).

4.5.3. Перстни, кольца, подвески и спирали. Бронзовые и серебряные перстни обнаружены в 5 погребениях и склепе некрополя Судак-II, а так же в материалах зольника Сугдеи (рис. 166). В погребальном инвентаре склепа І на уровне его пола было обнаружено два бронзовых перстня. Один из них имеет высокий щиток, переходящий в двухлапчатую жуковину и вставку из синего стекла (рис. 166, 18), другой — высокую цилиндрическую жуковину, расчлененную ребром (рис. 166, 19). Оба экземпляра, прежде всего, характерны для салтово-маяцких и гото-аланских древностей полуострова VIII — X вв. аналогии им многочисленны, в том числе и за пределами Таврики и не раз опубликованы. Они достаточно четко датируют время возведения каменного склепа. Типичен для периода второй половины IX — первой половины X вв. и крупный серебряный перстень из погребения 19 некрополя Судак-ІІ с четырехлапчатой плоской жуковиной со стеклянной вставкой (рис. 166, 31). Аналогии ему еще более многочисленны, в том числе и в Судаке. Вероятно, такие перстни, правда, с более плоской и низкой чем у предшествующих экземпляров жуковиной, где лапки выражены слабее, переживают середину Х в. Яркое свидетельство этому находки аналогичных серебряных перстней в материалах второй половины Х в. зольника Сугдеи (рис. 166, 26) и раскопок на участке квартала І Судакской крепости (рис. 166, 30). Отличается оригинальностью серебряный перстень, изготовленный из витой проволоки, с цилиндрической круглой жуковиной, которая по диаметру украшена цепочкой, состоящей из чередующихся трех шариков из некрополя Судак-II (рис. 166, 20). Типологически близко оформленные жуковины известны на перстнях из погребения 48 салтово-маяцкого некрополя Судак-VI и некрополя ІХ-Х вв. у с. Дачное (Майко, 2004а, с. 126, рис. 2: 3). Шире они представлены в средневековых некрополях Подунавья (Дончева-Петкова, 2005, с. 121, обр. 15: 376, ...). Отличие бронзового перстня из могилы 275 некрополя Судак-ІІ заключается в наличии четырех небольших стеклянных вставок, расположенных крестообразно вокруг пятой (рис. 166, 22). Необходимо отметить, что подобные изделия среди салтово-маяцких древностей полуострова неизвестны. Немного шире они представлены в некрополе Одырци в Добрудже (Болгария), где обнаружены в двух погребениях: 532 (Дончева-Петкова, 2005, с. 121, обр. 15: 532, и 49. В последнем случае изделие обнаружено в комплексе с бубенчиком с крестообразной щелью (Дончева-Петкова, 2005, с. 313, табло LXIII). Аналогии этим перстням автору были неизвестны (Дончева-Петкова, 2005, с. 122-123). Однако такой же перстень происходит и из землянки 33 крепости Скала в Добрудже, где датируется анонимным фоллисом класс A_5 -1, класс B-1 (1028-1035 гг.) (Йотов, Атанасов, 1998, с. 307, табло CVIII, 387-389). Небольшая коллекция подобных бронзовых перстней, отнесенных

⁶¹ Подробнее с историографией вопроса можно ознакомиться в работе Е.А. Армарчук (2006, с. 203-205). Там же детально проанализирована территория распространения, наиболее ранние прототипы, хронология и варианты происхождения данного типа украшений.

к типу V и датирующихся XI-XII вв., известна и в материалах археологического комплекса в с. Дядово (Borisov, 1989, р. 280, fig. 329, a,b,d). По типологии древнерусских перстней типологически родственные изделия отнесены к типу 9 класса III и датируются в широких хронологических рамках (Михайлик, 2005, с. 50-52; Михайлик, 2006, с. 59, рис. 4: 78). Бронзовый перстень из погребения 129 некрополя Судак-II изготовлен из витой проволоки и имеет коническую жуковину содержащую стеклянную вставку (рис. 166, 21). Подобные изделия встречаются как в раннесредневековых, так и в позднесредневековых древностях полуострова. Датировать его можно исходя из хронологии погребального комплекса.

Бронзовые кольца обнаружены в трех погребениях некрополя Судак-II и склепе на участке барбакана Судакской крепости. В могиле 262 плоский экземпляр украшен расписным орнаментом, характерные особенности которого из-за плохой сохранности изделия проследить сложно (рис. 166, 23). В погребении 280 кольцо имеет форму, близкую к восьмиугольной. Четыре грани украшены насечками (рис. 166, 24). В могиле 141 полукруглый щиток изделия имеет овальную форму (рис. 166, 23). Встречены и обычные кольца с уплощенным щитком (рис. 166, 25,27), гладкие (рис. 166, 28,29,36) и орнаментированные с ромбовидным расширением на жуковине (рис. 166, 35). Датировать все кольца вне погребальных комплексов достаточно сложно.

Подвески и спирали представлены всего четырьмя экземплярами. Это треугольное круглое в сечении изделие с массивным ушком и двумя расплющенными концами, изготовленное из бронзы. Обнаружено оно в погребении 9 некрополя Судак-II. Вторая подвеска, обнаруженная в могиле 211 того же некрополя, представлена полой трапецией с закругленными углами, изготовленной из серебра с продетым сквозь подвеску шнурком. По форме она напоминает крупную уплощенную коническую бусину. Точные аналогии подвескам мне неизвестны. К оригинальному типу украшений примыкают и находки двух небольших бронзовых спиралей (рис. 166, 33,34), обнаруженных в погребении 114 некрополя Судак-II и склепах на участке куртины XIV Судакской крепости. Подобные украшения хорошо известны, как в раннесредневековых (Аксенов, Хоружая, 2005, с. 291, рис. 2: 10, 21), так и позднесредневековых древностях Восточной Европы и датируются, исходя из погребального комплекса, в котором они обнаружены.

4.5.4. Пуговицы-подвески и бубенчики. Наиболее массовой находкой в комплексах населения восточного Крыма являются бронзовые пуговицы-подвески. Исключение составляет фрагмент серебряной литой пуговицы в виде полусферы с позолотой, украшенной шариками псевдозерни, происходящей из заполнения постройки на участке генуэзской лоджии средневековой Солдайи (рис. 167, 1а). Что касается бронзовых изделий, от одной до 17 штук они обнаружены в 41 могиле и склепах практически всех некрополей средневековой Сугдеи, Боспора и в культурном слое городищ (рис. 167). Разделяются они традиционно на три распространенные и две относительно редкие группы. Первая представлена литыми грибовидными экземплярами разных пропорций. Надо отметить, что в погребениях датируемых позже середины — второй половины XII в. они не встречаются. Вторая группа — литые вытянутые и шаровидные экземпляры и третья вытянутые и шаровидные спаянные из двух половинок пуговицы, встречены в погребениях восточного Крыма всех хронологических групп. В могиле 216 некрополя Судак-ІІ встречена пуговица, состоящая из двух половинок с опоясывающим валиком и шишечкой на конце. В этом же погребении обнаружено ожерелье, состоящее из 17 разных по размерам и конфигурации пуговиц-подвесок. Среди них отмечены цельнолитые пуговицы-подвески со щелью и четырьмя и двумя маленькими симметрично расположенными дырочками (рис. 167, 16). Точно такие же экземпляры происходят из печенежско-торческого погребения из кургана 217 у дер. Кагарлык Киевской области (Плетнева, 1973, с. 50, табл. 2: 6,7).

Отдельную категорию составляют литые орнаментированные крупные пуговицы-подвески, нижняя часть которых украшена вертикальными линиями или ромбовидным рельефным орнаментом (рис. 167, 4-7). Это один из ярких маркеров восточноевропейской моды средневизантийского периода. Аналогии им многочисленны.

Так же оригинальны три разные по размерам литые пуговицы-подвески на месте крепления петельки которых, расположен биконический выступ. Обнаружены они в погребениях 42 (рис. 167, 2) и 275 (рис. 167, 2,3) некрополя Судак-II, а так же в костнице 6 некрополя на территории цитадели Сугдеи. Интересно отметить, что подобные пуговицы, изготовленные из серебра, где крестовидная щель, в качестве декора, нанесена чернью, присутствуют в составе погребаль-

ного инвентаря захоронения, расположенного на плато Старокиевской горы (Боровський, Калюк, 1993, с. 5, рис. 2: 7). И там, на нескольких экземплярах, как и на большей пуговице-подвеске из могилы 275 некрополя Судак-II, обозначена крестообразная щель.

Хорошо известно, что пуговицы-подвески наиболее массовая находка в средневековых крымских погребениях. К сожалению, они не могут являться датирующим материалом и существуют в хронологических рамках погребальных комплексов и археологических горизонтов, где они обнаружены. Производство, территория распространения и хронология пуговиц-подвесок Киевского производства проанализирована в работе С.Р. Килиевич и Р.С. Орлова (1985, с. 66-70). Авторы аргументировано разделили их на более ранние литые, и более поздние — спаянные из двух половинок. Более ранняя группа датируется концом X — XI вв., поздняя — XI — XIII вв. (Килиевич, Орлов, 1985, с. 66).

Одной из наиболее характерных и значимых для датировки находок в материальной культуре населения восточного Крыма являются литые бронзовые бубенчики с крестообразной щелью. Наряду со стеклянными браслетами и гранеными крупными пуговицами-подвесками, описанными выше, это еще один значимый хронологический репер (рис. 167, 15,20-27). Тулово изделий в нижней части украшено вертикальными линиями, отделенными от верхней части одной или двумя параллельными линиями. Изготовлены они чаще всего из свинцово-оловянной или оловянной бронзы (Поветкин 2009, с. 81). Это очень хорошо известная категория находок, в том числе и для Крыма, своеобразный маркер европейской моды XI – первой половины XII вв. Типологически близкие экземпляры из некрополя Судак-ІІ можно разделить на два основных варианта. Наиболее массовый — изделия классического варианта, описанные выше. Они обнаружены в могиле 4 и 74 некрополя Судак-ІІ и заполнении склепа на участке барбакана Солдайи (рис. 167, 15,21,26,27). В погребении 236 и в указанном склепе подобные экземпляры отличаются несколько меньшими размерами (рис. 167, 22), а в могиле 42 такой небольшой бубенчик украшен горизонтальными линиями в нижней части тулова (рис. 167, 20). Второй вариант бубенчиков с крестовидной щелью представляют аналогичные экземпляры более округлых очертаний без орнаментации. Они обнаружены в могиле 45, 51 и 245 некрополя Судак-II (рис. 167, 20,24,25). В последнем случае бубенчик несколько меньших размеров.

Территория распространения бубенчиков с крестообразной щелью и орнаментацией в виде вертикальных линий чрезвычайно широка. Помимо находок на севере, где они более характерны (Макаров 1990, с. 77), и юге Руси (Моця, 1993, с. 96-97), эти бубенчики встречены в материалах самых разнообразных памятников. Это кочевники Подонья, Поросья (Плетнева, 1973, с. 68, табл. 20: 12-18; 1990, с. 68, рис. 21: 6) и северо-западного Причерноморья (Добролюбский, 1986, с. 115, табл. IX: 11), булгарские Поволжские поселения, где они считаются привнесенными (Казаков, 1991, с. 119-120; Хузин 1991, с. 44), Чудские земли (Назаренко, Овсянников, Рябибин, 1984, с. 203, рис. 5: 15,16), Волго-Окское междуречье (Армиевский курганно-грунтовый могильник) (Белорыбкин, 2001а, с. 221, рис. 3: 5-8) и финно-угорские памятники (Седов, 1987, с. 38, табл. X, 12; Башенькин, 1985, с. 77-81, рис. 2; Хвощинская, 2004, с. 78). Встречены бубенчики и в кочевнических погребениях в северном Подунавье. Это некрополи в Тудоре, Градиште и Ursoaia (Spinei, 2009, р. 494, fig. 56, 1-5; р. 478, fig. 40, 8), а так же группа погребений в Погонешти (Spinei, 2009, р. 466, fig. 28, 1-5).

Типологии, включавшие этот вид изделий, разрабатывались, прежде всего, на основании Новгородских находок (Рындина, 1963, с. 244-247; Седова, 1981, с. 156-157; Седова, 1997, с. 69,70; Поветкин, 2009, с. 79-92) или находок на северо-востоке Руси (Мальм, Фехнер, 1967, с. 134-137; Макаров, 1990, с. 77; Макаров, 1997, с. 119). Однако все авторы относили их ко второй половине X — началу XII вв. Согласно типологии В.А. Мальм и М.В. Фехнер эллипсовидные четырехпрорезные бубенчики отнесены, правда, к XII-XIII вв., однако столь поздних, предмонгольских закрытых комплексов, где они были бы обнаружены, не приведено. Не исключено, конечно, что изделия именно такой морфологии могли использоваться длительное время. Тем не менее, по последним наблюдениям В.И. Поветкина из 20 Новгородских экземпляров 17 относятся к XI в. и только 2 к началу XII и 1 к концу X вв. (2009, с. 81). Согласно типологии данного автора, они отнесены к двухчастнолитым граненым крестопрорезным с использованием при изготовлении двух симметричных половин разъемной формы (2009, с. 81). Н.А. Макаров, исходя исключительно из размеров, разделил данные бубенчики на две группы, мелкие и крупные (Макаров, 1997, с. 119). При этом морфологически они совершенно идентичны. Исследователь считает, что

этот тип украшений возник в древнерусской среде и получил повсеместное распространение в лесной полосе Европы (Макаров, 1990, с. 77). Как уже отмечалось, для северо-восточных памятников Руси они действительно составляют неотъемлемую часть погребального инвентаря, часты их находки и в культурных горизонтах городских и сельских памятников (Алексеев, 2004, с. 177-192). Однако, например, в материалах некрополя Нефедьево численно значительно преобладают мелкие бубенчики с крестовидной щелью, в то время, как на юге Руси, в материалах кочевников второй половины X-XI вв. и в Таврике их находки единичны. Здесь наиболее характерны крупные экземпляры. В любом случае до находки литейных форм для их изготовления говорить о древнерусском или византийском их происхождении преждевременно. И даже в этом случае, будучи одним из ведущих маркеров Восточноевропейской моды второй половины X-XI вв., изготавливать их могли на очень широкой территории.

Особо ценны находки бубенчиков с крестовидной щелью в погребальных комплексах, датированных монетами второй половины X – XI вв. (Равдина, 1988, с. 8-21). Список датированных северо-восточных аналогий можно продолжить за счет материалов некрополя Нефедьево (Макаров, 1997, с. 342-350). Своеобразным хронологическим маркером являются данные бубенчики и для поздних роменских памятников Курской области. Обнаруженный там экземпляр (Шпилев, 2010, с. 234, рис. 6, 25), как и другие отдельные древнерусские находки датируются 985 г., временем похода киевского князя Владимира (Енуков, 2005, с. 137).

Дополнительные данные дает богатое погребение на территории Таманского полуострова, где подобный бубенчик, являвшийся частью ожерелья, состоящего так же из четырех медных пуговиц-подвесок, обнаружен с двумя серебряными византийскими монетами-милиариссиями эмиссии 977-989 гг. императоров Василия II и Константина VIII (Майко, Сударев, 2010). На территории Крымского полуострова датированные бубенчики обнаружены в склепе VII христианского комплекса к западу от Баклы. Основанием для этого послужила находка в данном склепе монеты (1067-1071 гг.) (Петровский, Труфанов, 1994, с. 240, рис. 4).

На территории Балканского полуострова в комплексе детского плитового погребения № 33 некрополя Одырци-2 два подобных бубенчика были обнаружены вместе с Монетой Василия II и Константина VIII (989-1025 гг.) (Дончева-Петкова, 2005, с. 310, табло LX: 12-14), а в заполнении могилы 109 вместе с двумя монетами Василия II (989 г.) (Дончева-Петкова, 2005, с. 200). В большинстве комплексов юго-западного Крыма они датируются в рамках X – XII вв. (Петровский, 2002, с. 93). По мнению А.П. Моци в южнорусских погребальных комплексах подобные изделия встречаются на протяжении X-XI вв. (Моця, 1990, с. 67). С.А. Плетнева для огузских и печенежских комплексов верхнюю хронологическую границу изделий не поднимает выше начала XII в. (1990, с. 56). Не ранее середины X в. и не позднее начала XII в. датируются грушевидные уплощенные четырехпрорезные бубенчики, в нижней половине украшенные прорезным линейным орнаментом, из погребений некрополей прусов. Яркое свидетельство этому подобные изделия обнаруженные в материалах некрополя Ирзекапинес и отнесенные к типу 1 (Кулаков, 1990, с. 152, табл. LVIII; с. 149, табл. LV; с. 129, табл. XXXV; с. 127, табл. XXXIII). Этим же временем датируются и типологически близкие уплощенные грушевидные бубенчики, возможно местного производства, из захоронений дружинников центральной Литвы (Lietuvas liaudies, 1958, р. 100), где они относятся к украшениям конской упряжи, и других памятников на территории Прибалтики (Vilcāne, 2009, р. 261, fig. 3, 13,14), где они часто входили в состав сложносоставных амулетов.

Большинство специалистов склоняется все же к мысли об использовании шумящих бубенчиков с крестообразной щелью и орнаментацией, во всяком случае, на территории Древней Руси, в виде составной части языческого славянского амулета (Седов, 1982, с. 266-267; Рябинин, 1988, с. 56), с целью прогонять злых духов (Моця, 1990, с. 48; Моця, 1993, с. 96; Дончева-Петкова, 2003, с. 216). В качестве новых типов амулетов-оберегов со второй половины X в. они широко используются на территории Северного Кавказа, где обнаружены в богатых мужских погребениях (Албегова, 1998, с. 7-9).

Интересен пример использования бубенчиков с крестообразной щелью в качестве дополнительного украшения фибулы. Так среди материалов Шахновского кургана известны трилистная, кольцевая и двускорлупная круглая фибулы аналогично украшенные двумя подвесными цепочками с разной морфологией звеньев с двумя подвешенными на них бубенчиками (Путь из варяг...,1996, с. 41, № 38; № 42; № 40). Все они достаточно узко датируются концом X- началом XI вв.

Как показывают многолетние раскопки Л. Дончевой-Петковой в погребальном инвентаре некрополей Одырци в Северо-восточной Болгарии, подобные бубенчики входили в состав ожерелья. Использовались они и в качестве элементов украшения пояса, костюма, шапки, вплетались в косу или служили в качестве погребального дара. Обнаружены они в основном в погребениях детей и молодых женщин (Дончева-Петкова, 2005, с. 94). Исследовательница не исключает их появление, как своеобразный пример языческого противостояния христианизации (Дончева-Петкова, 1984, с. 185, ссылки 22, 23). Датировка бубенчиков с крестообразной щелью ни на одном из памятников не выходит за рамки второй половины XI — начала XII вв. Наиболее полная сводка аналогий на территории Северо-восточной Болгарии, в Нижнем Подунавье, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцоговины, Паннонии приведена в работе Л. Дончевой-Петковой (2005, с. 94-95). По мнению В.А. Мальм и М.В. Фехнер на севере Руси данные бубенчики могли украшать подол или планку верхнего укороченного нарядного платья, надевавшегося поверх длинной рубахи или нижнего платья (Мальм, Фехнер, 1967, с. 141).

В погребении 216 некрополя Судак-II в комплексе ожерелья, состоящего из путовиц-подвесок, присутствуют два бронзовых литых шаровидных бубенчика с язычком, имеющие щель в нижней части шарика и декорированные 3-4 врезными линиями, опоясывающими шарик по центру (рис. 167, 17). Такие бубенчики характерны, прежде всего, для салтовских древностей восточного Крыма, но доживают, очевидно, и до золотоордынского времени.

Оригинальностью отличается бубенчик из погребения 91 того же некрополя со сплюснутым ушком и прорезью, выполненной не по центру изделия. Типологически близкие изделия так же более характерны для периода второй половины IX — первой половины X вв.

Вторую, малочисленную категорию бубенчиков составляют экземпляры, спаянные из двух половинок (рис. 167, 18). Они обнаружены в могилах 275, 91, 17 и 19 некрополя Судак-II. В последнем случае это лишь верхняя половинка изделия (рис. 167, 10). Данный вид бубенчиков характерен как для раннесредневековых, так и для позднесредневековых древностей и датировать их надо исходя из хронологии погребального комплекса.

4.5.5. Накладки, копоушки, ворварки, обручи. Наиболее яркая вещь, относящаяся к надкадкам-медальонам, была исследована в заполнении плитовой могилы № 1 прихрамового некрополя на территории барбакана Судакской крепости. Напомню, что в торцевой стенке этой могилы вырублена полуциркульная в плане ниша, диаметром около 20 см. Это бляха в виде щита с прорезным фигурным орнаментом (рис. 166, 13). Впервые находка была опубликована автором раскопок И.А. Барановым: (1991, с. 105, рис. 3: 14). При поиске аналогий исследователь ссылался на известную монографию Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 49, рис. 8: VIII К). Однако под этим типом у этого автора опубликована совершенно другая геральдическая накладка. К сожалению абсолютно точной аналогии мне не известно. Близкое изделие происходит из материалов раскопок водосборной цистерны жилого дома в квартале VII Херсонеса (Новак, 2006, с. 166, гуз. 9, 1).

В настоящее время значительный массив типологически близких предметов можно условно разделить на три основные группы. Первая – кочевнические древности Подонья, Причерноморской степи и Северного Прикаспия. Близкий прорезной орнаментальный мотив встречен на двух кочевнических копоушках (Федоров-Давыдов, 1966, с. 54, рис. 9: 4. Плетнева, 1990, с. 73 рис 26: 5). В некрополе Саркела-Белой Вежи подвеска, изготовленная из ручки копоушки, встречена в комплексе с бубенчиком с крестообразной щелью. Комплекс датируется в рамках X-XI вв. и имеет многочисленные аналогии (Плетнева, 1990, с. 56). Г.А. Федоров-Давыдов относил их к сбруйным бляхам с прорезью для бокового ремня (1966, с. 55). Е.В. Круглов копоушки с подобной орнаментацией считает одним из этноопределяющих признаков для погребений Огузов Северного Прикаспия (2001а, с. 398, рис. 2, 1-3).

Второй массив аналогий — Подунавье и Балканы, где в основном представлены листовидные ажурные амулеты с ушком для подвешивания. Близкие аналогии подобной накладке известны и в Подунавье. Так в плитовой могиле № 241 (Дончева-Петкова, 2005, с. 354, табло CIV) и на территории некрополя Одырци (Дончева-Петкова, 1999, с. 106 табло LI_{690}), а так же в материалах Варненского музея (Плетньов, Попова, 1994-1995, кат. № 648) обнаружены типологически близкие листовидные с пятилистной пальметтой накладки, отнесенные исследовательницей к типу XL (Дончева-Петкова, 2005, с. 144, обр. 22). Типологически еще ближе бляшка удлиненно-сердцевидной формы из заполнения землянки № 4, входящая, по мнению авторов, в

состав поясного набора (Атанасов, Йотов, Засыпкина, Русев, 2000, с. 104, рис. 5, 2). По мнению болгарских специалистов, подобные накладки являлись элементом украшения конской упряжи (Станилов, 1991, с. 30, обр. 9; Дончева-Петкова, 2005, с. 146). В последнее время специальную работу, посвященную этим амулетам, опубликовал В. Йотов (2000, с. 209-212). Считая их, как и большинство болгарских исследователей, своеобразным этническим индикатором печенегов, исследователь в зависимости от количества отверстий и размеров разделил их на три типа. Определенную близость нашему изделию демонстрирует тип 2 с шестью отверстиями и сложной композицией вокруг них. Датируются они 30-90 гг. XI в. Интересен вывод исследователя о том, что в староболгарских селищах в равнинных местах и на приречных террасах печенеги не селились. Большинство из них праболгары покинули в начале третьей четверти X в. Следов XI в. на них не найдено. В основном эти амулеты встречаются только в материалах крупных городских центров и крепостей на пересечении важных стратегических торговых путей (Йотов, 2000, с. 212).

Третий массив аналогий образуют некоторые древнерусские образцы. Типологически близкие нашей бляхе изделия отнесены Н.В. Жилиной к варианту 1 типа XIV 2 отдела сердцевидных изделий с растительной фигурой из трех трилистников соединенных утолщением («вазоном»). По сторонам расположены две двулистные фигуры. В Старой Рязани, где они обнаружены, известна и литейная форма по их отливке (Жилина, 2010, с. 58, рис. 21, 6,7).

Центр производства подобных накладок до сих пор не локализован. Безусловно, он был не один. А.Н. Кирпичников говорит о юго-восточном европейском центре производства, обслуживавшем не только Крым, но и Северное Причерноморье и Южную Русь (Кирпичников, 1973, с. 30). Р.С. Орлов, проанализировавший огромный массив материала, склоняется к версии о Северопричерноморском центре. Исследователь справедливо разделяет изделия по трем «этническим» группам орнаментов (Орлов, 1984, с. 29). В последнее время крупный производственный центр по изготовлению проанализированных накладок открыт в с. Новосел Шуменского округа Болгарии (Бонев, Дончева, 2011, с. 268, табло XXXVII-XLIII), что добавляет аргументы в пользу балканской версии.

Остальные категории украшений представлены единичными экземплярами. Это две бронзовые копоушки с петлей для подвешивания, происходящие из погребения 241 некрополя Судак-II. Их присутствие в погребении не должно смущать. По справедливому замечанию С.А. Плетневой в степях Евразии подобные украшения продолжали бытовать до конца X в. (1981, с. 217). Очевидно, этим, а может быть даже и немного более поздним временем следует датировать и наши находки. Дополнительным подтверждением является и выделяемый С.В. Салангиной т.н. огузо-печенежский этнокультурный тип копоушек. Основной ареал данной этнокультурной группы - археологические памятники кочевников Средней и Нижней Волги XI в. (Салангина, 2004, с. 17).

В двух экземплярах обнаружены еще одни украшения более характерные для салтовомаяцких древностей восточного Крыма. Это бронзовые ворварки, найденные в могиле 160 некрополя Судак-II и в заполнении зольника средневековой Сугдеи (рис. 166, 7,8). Вероятно, как и предыдущие находки, данная категория изделий продолжала бытовать на протяжении всего X в. Дополнительным аргументом в пользу этого является находка ворварки в материалах зольника второй половины X — начала XI вв. на участке куртины XV Судакской крепости (Майко, 2004б, с. 236, рис. 14: 10).

<u>Накладки</u> обнаружены в погребениях 4 и 136 некрополя Судак-II. Первая представляет собой серебряное изделие в виде цветка (рис. 164, 30). Типологически близкие накладки были обнаружены в уже упоминавшемся склепе на склонах Старокиевской горы (Боровський, Калюк, 1993, с. 5, рис. 2: 5). В могиле 136 присутствует 6 одинаковых бронзовых накладок в виде треугольников, вершины которых украшены так же треугольниками образованными тремя спаянными шариками. Верхние шарики на углах имеют сквозные отверстия (рис. 166, 32). В этом же захоронении, как и в могиле 51 присутствует и три бронзовые фрагментированные накладки, атрибутировать которые сложно. И, наконец, в заполнении склепа I некрополя Судак-II найдены два <u>бронзовых обруча</u> для поддержки волос. Происходят они из верхнего горизонта заполнения, связаны с его наиболее поздними захоронениями и датируются не ранее второй половины XI в.

Среди изделий мелкой византийской пластики отдельную группу составляют <u>накладки</u> из слоновой кости на деревянные шкатулки. Такие окантовочные пластины накладывались на деревянную основу по краям изделий и служили так же для разделения помещенных сюжетов

(Искусство Византии в собраниях..., 1977, с. 106-108; Даркевич, 1975, рис. 212). Одна из них (рис. 189, 5), с антикизирующимися изображениями, была обнаружена в Сугдее в 1929 г. на участке квадрата 4, работы на котором осуществлялись под руководством М.А. Тихановой, в заполнении хозяйственной ямы на глубине около 3 м (Скржинская, 2006, с. 82-83,149). Общая глубина культурного слоя на участке квадрата составила 4,08 м. Квадрат располагался неподалеку от Большой цистерны, вероятно, между ней и башней Паскуале Джудиче. Место этого раскопа еще недавно было хорошо видно. По свежим следам эта находка была тщательно проанализирована М.А. Тихановой (Тиханова-Клименко, 1931, с. 21-25) и неоднократно упоминалась (Якобсон, 1970, с. 27; Банк, 1978, с. 83; Даркевич, 1985, с. 409, табл. 169, 662) и анализировалась (Даркевич, 1975, с. 276, илл. 393) в литературе.

Изделие является трапециевидной накладкой и относится к усеченно-пирамидальной крышке ларца (Даркевич, 1975, с. 275). По мнению исследователя помещенный на ней рельефный сюжет в виде танцующих фигурок шаловливых младенцев (putti), относится к одному из распространенных орнаментальных мотивов рассматриваемых шкатулок (Даркевич, 1975, с. 275). Аналогию изделия автор справедливо видел в украшении пластины ларца XII в. из Британского музея (Goldschmidt, Weitzmann, 1930, taf. XXXVII, 58).

Другая — происходит из заполнения постройки на участке кваратла I Судакской крепости (Баранов, 1994а, с. 59). Изделие украшено рельефными розетками, выполненными в технике барельефа, заключенными в круглые медальоны (рис. 189, 4). Данный орнаментальный мотив является ведущим в оформлении византийских ларцов, получивших широкое распространение и большую популярность в средневековом мире (Банк, 1978, с. 82-83; рис. 63-64), в том числе и на Руси (Даркевич, 1975, илл. 392; Гуревич, 1981, с. 109, рис. 86, 5). Исходя из данных орнаментальных мотивов, шкатулки этого типа характеризуются как розеточные (Goldschmidt, Weitzmann, 1930; Банк, 1978, с. 82; Пуцко, 2011, с. 47). Основываясь на усилении графического элемента и отсутствии классических форм, шкатулки с подобной розеточной орнаментацией из Херсонеса считаются продукцией провинциальных мастеров и могут свидетельствовать о местном производстве (Банк, 1978, с. 82; Пуцко, 2011, с. 47). В.П. Даркевич считал, что в XI-XII вв. в Херсонесе существовала мастерская косторезов, которые, первоначально подражая византийским образцам, затем наладили и собственное производство (Даркевич, 1975, с. 279-280). Характерным отличием херсонесских пластин, по мысли исследователя, может считаться материал изготовления, большее разнообразие форм и сюжетов.

Наиболее близки нашей, пластины из слоновой кости на ларцах, сюжеты которых выполнены в т.н. византийском «зверином стиле». Примером этого и является ларец из Херсонеса (Искусство Византии в собраниях..., 1977, с. 108, 605). Эти «звериные» мотивы получили наибольшее распространение на рубеже XI—XII вв. не только в искусстве Византии, но и в странах Западной Европы. Подтверждением данной хронологии является совершенно аналогичная орнаментация обкладок из слоновой кости шкатулки, происходящей из собора Св. Марка в Венеции. Изделия четко датируются серединой 90-х гг. XI в. (Ross, 1941, р. 71). Таким образом, данная система розеточной орнаментации, связана, вероятнее всего, с византийскими Константинопольскими мастерскими.

Третья костяная пластина была обнаружена в в заполнении ремесленного помещения на участке куртины XIV Судакской крепости (Баранов, 2004, с. 546, рис. 17, 3) (рис. 189, 3). Однако оно вряд ли синхронно его основному заполнению, датирующемуся более поздним временем. Это небольшое прямоугольное изделие, украшенное по краям геометрическим орнаментом. В отличие о предыдущей пластины, данная, вероятно, окаймляла прямоугольную плоскую крышку ларца. Типологически близкий орнамент присутствует на окантовке плоской крышки шкатулки из Северной Адриатики XII в., хранящейся в Metropoliten Museum of Art Нью-Йорке (The Glory of Byzantium..., 1997, р. 504, № 342). Именно на ней окантовка одной из коротких стенок крышки украшена не трапециевидной, а прямоугольной накладкой (рис. 189, 7). В качестве аналогий использования дополнительных окантовочных пластин, можно привести и хорошо известную сложносоставную накладку XII в. из кости животного из раскопок 1964 г. В.Н. Даниленко в квартале 1,

⁶² В этом капитальном издании в подписях к таблице 169, № 6 не расшифрован, а это и есть интересующий нас фрагмент пластины. Под № 5 приведен фрагмент розеточной окантовки, обозначенный, как происходящий из Судака, но обнаруженный при раскопках Смоленска (Даркевич, 1975, илл. 392).

XV Поперечной улицы Портового района Херсонеса (Даркевич, 1975, с. 277, рис. 395б), последний раз качественно опубликованную с реставрацией совсем недавно (Наследие Византийского Херсона..., 2011, с. 229, № 355).

К изделиям из слоновой кости относится и заготовка ручки ножа с пазом для вставки или крепления лезвия (рис. 189, 6), обнаруженная в одном комплексе с описанными выше накладками в заполнении постройки на участке квартала I Судакской крепости.

4.5.6. Бусы. Традиционно, наиболее массовыми украшениями являются бусы, обнаруженные в 41 погребении и склепах почти всех некрополей Сугдеи и Боспора. Общее их документированное число превышает 1700. Зафиксированы они как крупными скоплениями (до 197 штук), составляющими ожерелья, так и более мелкими, образовывавшими ожерелья меньших размеров (до 15 штук), и отдельными экземплярами (Майко, 2006, с. 227-232). Хорошо известно, что бусы с большим трудом могут считаться датирующим материалом, но их взаимовстречаемость в комплексе ожерелий, отсутствие или преобладание определенных типов, позволяет выделить несколько хронологических групп ожерелий и использовать их для хронологического членения групп погребений некрополей Сугдеи и Боспора. Перспективность такого подхода была недавно продемонстрирована при хронологическом членении археологических памятников Х-ХІ вв. близ дер. Минино Вологодской области (Захаров, Кузина, 2005, с. 115-122). Безусловно, в данном случае речь идет только об относительной хронологии конкретных некрополей и не может считаться универсальной даже для восточного Крыма. Для этого необходимы дальнейшие раскопки и, прежде всего, синхронных горизонтов средневековой Сугдеи. К сожалению, до сегодняшнего дня типология крымских бус второй половины X — XII вв. практически не разработана. Не ставя перед собой такой задачи, что является темой отдельного исследования, мной традиционно используются типологии С.А. Плетневой (1989, с. 115-121), З.А. Львовой (1959; 1968; Львова, Лесман, Рябцева, 1996, с. 204), В.Б. Деопик (1961), М.Д. Полубояриновой (1988, c. 151-190).

К наиболее раннему типу ожерелий можно отнести экземпляры из погребений 57 некрополя Судак-І, 15, 93, 174, 275 (рис. 168, 169) некрополя Судак-ІІ. Основу этих ожерелий составляют глазчатые бусы средних размеров. Отличительной их особенностью, помимо размеров, является высокое качество изготовления, чистое прозрачное стекло, рельефные линии, отделяющие один глазок от другого, и сами выпуклые рельефные глазки. Традиционно такие бусы датируются в рамках второй половины Х — первой четверти ХІ вв. (Львова, Лесман, Рябцева, 1996, с. 204). Помимо Крымского полуострова, они встречены в составе погребального инвентаря и древнерусских захоронений, в частности некрополя возле Десятинной церкви (Зоценко, Гончаров, 1996, с. 99) и погребений курганного некрополя на Михайловской горе (Івакін, Козюба, Поляков, 2003, с. 97), где так же датируются рубежом X-XI вв. Продолжая список древнерусских аналогий интересно упомянуть о единичных подобных находках бус на памятниках древнерусского времени в Курской области (Шпилев, 2010, с. 233, рис. 5, 52,59,71). Связываются они, как и другие отдельные находки древнерусского времени с походом князя Владимира 985 г., хотя для подобных выводов аргументов явно недостаточно. Несомненно, что их использовали и на протяжении и всего XI века. Таким образом, нижняя их хронологическая граница обосновывается более четко. Во всяком случае, среди глазчатых бус салтово-маяцких памятников Подонья (Плетнева, 1989, рис. 63,65,67; Мастыкова, 1997, с. 57-63; Жиронкина, 1997, с.52-53) и восточного Крыма, в том числе и Сугдеи таких бус нет. Только в заполнении ранней могилы 253 некрополя Судак-ІІ обнаружена крупная ранняя глазчатая бусина, связанная с первоначальным ярусом погребенных, разрушенном при последующих захоронениях. Рассматриваемые «рельефные» глазчатые бусы в составе ожерелий часто встречены с крупными реберчатыми бусами светлого стекла (могилы 93, 174) и расписными пронизками (могилы 15, 93). В комплекс ожерелья могилы 275 некрополя Судак-II (рис. 169, 2-4) входило одинаковое количество глазчатых бус и биконических и цилиндрических пронизок темного синего стекла, а так же реберчатые кашинные бусы.

Кашинные бусы в последнее время тщательно проанализированы В.Ю. Ковалем (2010, с. 178-179). Автором подробно изложена история их изучения, территория распространения и хронологические рамки бытования. Подавляющее большинство подобных бус восточного Крыма представлено реберчатыми экземплярами крупных и средних размеров. Исключение составляет единственная боченковидная бусина с рельефным крестообразным орнаментом, происходящая

из могилы 27 некрополя Судак-IX. Аналогии ей известны в материалах некрополей Ижорского плато Новгородской земли (Коваль, 2010, с. 176, рис. 64, 17), где датируются не ранее середины XIII в. Однако наш экземпляр отличается крупными размерами и небрежной обработкой, что может свидетельствовать о его более ранней хронологии.

В этой же могиле обнаружена бусина темного стекла с впаянной бронзовой дужкой для подвешивания (рис. 169, 3) и шаровидная бусина, впаянная в небольшую бронзовую ворварку, в которой было проделано отверстие для подвешивания (рис. 169, 2).

Следующий хронологический тип ожерелий состоит из нескольких наборов, отличающихся по составу бусин. Первую группу образуют экземпляры из погребений 4, 45 (рис. 170, 2,3) и склепа I некрополя Судак-II. В заполнении могилы 4 обнаружена ранняя глазчатая бусина средних размеров, не входившая в состав ожерелья, и биконическая вытянутая бусина с орнаментом в виде напаянных полосок, состоящих из мелких шариков последняя бусина представляет интерес в качестве своеобразного упрощенного подражания достаточно хорошо известным серебряным тисненым шаровидным пуговицам, украшенным зернью. Это находит объяснение в связи с широким распространением моды на ювелирные изделия украшенные мелкой зернью именно во второй половине X — начале XI вв. (Левицкий, Хахеу, Рябцева, 2000, с. 90-96).

К этой же группе относится и ожерелье, хранящееся в фондах Национального заповедника "София Киевская", связываемое мной с погребальным инвентарем некрополя Судак-II (рис. 171, 3). В отличие от ожерелий первой хронологической группы основу их составляют мелкие глазчатые бусы подтреугольной или овальной уплощенной формы, изготовленные из стекла бордового, кирпичного или фиолетового цвета. Практически всегда они украшены тремя рельефными глазками, изготовленными из стекла светло-желтого цвета. Исходя из этого, в литературе такие бусы часто называют трехбугорчатыми (Артамонова, 1963, с. 115). Хронологические рамки существования бус этого типа установить достаточно сложно. Во всяком случае, в составе ожерелий первой хронологической группы их нет. Не встречаются они и в погребальных комплексах некрополей позже середины XII в. Наиболее близкими аналогиями являются экземпляры и ожерелья, происходящие, как с территории городища (Львова, 1959, с. 329-330), так и некрополя Саркела — Белой Вежи. Так в захоронениях 49, 57, погребении 3 на холме 32/8 эти бусы так же составляли основу ожерелья (Артамонова, 1963, с. 115, рис. 80: 1,2). При этом важно, что согласно письменным источникам, исторической ситуации и хронологическим разработкам, Беловежский некрополь, оставленный находящимися на службе у Руси гузами-торками (Артамонов, 1958, с. 60), датируется не позднее 1117 г. Помимо Херсонеса, типологически близкие бусы были обнаружены в числе погребального инвентаря скальной мемории городища Тепе-Кермен (Петровский, 2002, с. 90, рис. 7: 5), в христианском комплексе к западу от Баклы (Рудаков, 1984, с. 35-57; Ачкинази, Петровский, 1997, с. 33, рис. 25, 6; Петровский, Труфанов, 1995, с. 243-247) и в составе ожерелий женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи, где датируются не позже первой половины XII в. (Макарова, 2005, с. 347). Аналогии этим бусам отыскиваются и среди стеклянных изделий Киевского Подола, где они, обнаружены в составе скопления стеклянных изделий в траншее по ул. Набережно-Крещатицкая (Сагайдак, 1991, с. 137, табл. XV) и в заполнении стекольной мастерской по ул. Оболонская 1 (Сергеева, 1991, с. 77), что, безусловно, свидетельствует о масштабности их производства в древнем Киеве, несмотря на т.н. экспериментальный период становления древнерусского стеклоделания (Климовський, 2003, с. 126). Говорить об импортном характере этих бус для восточной Таврики, пока рано.

Разнообразные экземпляры подобных бус известны и в Подунавье, на территории Болгарии. Так в погребениях некрополя Одырци (Южная Добруджа Болгария) эти бусы встречены в 10 случаях, но наибольшее число в захоронении составляет не более 15 экземпляров (Дончева-Петкова, 2005, с. 84). Интересно погребение 206, где данная бусина использована в качестве подвески на простую проволочную серьгу (Дончева-Петкова, 2005, с. 348, табло XCVII: 3). В качестве отдельных экземпляров эти бусы встречаются и на территории Северной Добруджи (Румыния), Паннонии, Сербии, Словакии, нигде, однако, не составляя большинства в ожерельях. Морфология, технология производства и территория распространения этих бус подробно проанализированы в монографии Л. Дончевой-Петковой (2005, с. 84). Болгарские аналогии можно дополнить материалами, происходящими из Сливенской крепости и некрополя у с. Злати войвода (Радева, 2003, с. 33). В закрытых комплексах, происходящих с территории Венгрии и Словакии, эти бусы встречены с монетами 60 — 70-х гг. XI в.

В единичных экземплярах эти бусы известны и среди кочевнических захоронений северозападного Причерноморья (погребение 2 кургана 5 у с. Красное), где согласно разработанной типологии погребального обряда датируются не позднее начала XII вв. (Добролюбский, 1986, с. 116, табл. X: 2).

Известны они и в составе ожерелий XI — первой половины XII вв. Поволжья, в частности на территории Билярского городища (Валиулина, 2005). На материалах центрального Белозерья древнерусского времени данные бусы выделяются в самостоятельный тип треугольных бус и четко датируются в хронологических рамках XI — начала XII вв. (Захаров, Кузина, 2010, с. 28). Несмотря на существующее мнение об их византийском Константинопольском производстве (Щапова, 1998), ряд авторов в последнее время склоняется к точке зрения об их Волжском производстве (Валиулина, 2005; Захаров, Кузина, 2008). Так С.И. Валиулина подробно проанализировала технологию их производства и территорию распространения в Поволжье. Основываясь на материалах Измирского I селища, где эти бусы составляют 34,3 % от общего количества, исследовательница высказала предположение о возможном их местном производстве (Валиулина, 2013). Однако мастерской по их изготовлению, насколько мне известно, на территории памятника пока не обнаружено. Конкретизируя это положение, С.Д. Захаров и И.Н. Кузина считают, что треугольный бусы на территорию севера Руси попадали из Волжской Болгарии, где закупались на рынках для продажи в древнерусских землях (Захаров, Кузина, 2010, с. 32).

В составе ожерелий второй хронологической группы встречены отдельные глазчатые бусы, характерные для первой (ожерелье 1 могилы 45 некрополя Судак-II), биконические вытянутые пронизки темно-синего стекла (ожерелье 1 могилы 4, ожерелье из склепа I того же некрополя), встреченные и в ожерельях первой группы (могила 275 того же некрополя), биконические уплощенные бусы с широким отверстием, изготовленные из темно-зеленого стекла (ожерелье 2 могила 45 того же некрополя), многочастные круглые крупные пронизки, изготовленные из светлого стекла (склеп I некрополя Судак-II), крупные костяные реберчатые уплощенные бусы и овальная бусина из янтаря (могила 57 некрополя Судак-I). Таким образом, ожерелья первой группы второго хронологического типа, обнаруженные на территории некрополей восточного Крыма, можно датировать серединой XI — первой четвертью XII вв.

Вторую группу ожерелий второй хронологической группы представляют экземпляры из погребений 245 некрополя Судак-II (рис. 172, 6) и ожерелье из могилы некрополя Судак-II (рис. 170, 1). В данном случае мелкие глазчатые подтреугольные и уплощенные трехглазчатые бусины, составлявшие основу ожерелий первой группы, встречены вместе с цилиндрическими бусами, расчленяющие ребра которых и вертикальные и горизонтальные. Таким образом, они образуют рельефную клетку. В литературе они получили название «решетчатых», «сетчатых», «цилиндрических поперечно-продольно рубчатых» (Артамонов, 1958, с. 60; Артамонова, 1963, с. 129) или «ягодовидных» (Фехнер, 1959, прил. V, рис. 6: 11). В упоминавшемся Беловежском некрополе, ожерелье, где данные бусы преобладали, встречено в захоронении 137 (Артамонова, 1963, с. 129, рис. 89: 2). Известны данные бусы и в составе ожерелий древнерусских памятников Северо-западной и Северо-восточной Руси, в частности в древнем Новогрудке (Гуревич, 1981, с. 64, рис. 49: 6). Как и в первом случае, аналогии им известны также среди стеклянных изделий Киевского подола. Обнаружены они в комплексе с описанными выше мелкими глазчатыми (Сагайдак, 1991, с. 137, табл. XV). В составе ожерелья из могилы 245 некрополя Судак-II «клеточные» бусы преобладают, в ожерелье из могилы 57 могильника Судак-I — их 4 штуки. В заполнении могилы 245, помимо ожерелья были обнаружены две кашинные бусины разных размеров (рис. 172, 4), две пастовые расписные бусины (рис. 172, 2), одна ребристая крупная бусина (рис. 172, I), одна круглая бусина зеленого стекла с орнаментом в виде желтых спиралей (рис. 172, 3) и одна крупная цилиндрическая сердоликовая пронизка (рис. 172, 5). Входили ли они в состав ожерелья сказать трудно. Безусловно, ожерелья и этой группы второго хронологического типа, можно датировать теми же хронологическими рамками.

Третья группа ожерелий второй хронологической группы представлена экземпляром из могилы 230 некрополя Судак-II (рис. 173, 5). Его отличие заключается в присутствии в составе ожерелья глазчатой бусины, характерной для первого хронологического типа ожерелий и небольшой расписной белыми и оранжевыми точками бусины, изготовленной в технике кручения, с орнаментом типа «Миллефиори». На основании близкого по составу бусин ожерелья из могилы 43 некрополя у церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Макарова, 2003, с. 133, табл. 47: 2), Саркельских

и Булгарских экземпляров, правда, с более мелкими разноцветными точками (Полубояриноава, 1988, с. 186, рис. 8, 4) и совершенно идентичному экземпляру из состава ожерелья некрополя Десятинной церкви в Киеве (Церква Богородицы Десятинна..., 1996, с. 168), ожерелья третьей группы второго хронологического типа можно так же датировать в хронологических рамках общих для всего типа, т.е. не позже начала XII в. Не исключено, что поздние варианты этих бус существуют длительное время (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 289, рис. 12: 28). Например, в погребении 3 кургана 5 курганного некрополя Ильинский-1 на Ставрополье подобная бусина, поверхность которой украшена мозаичным узором (Березин, Березин, Нарожный, 2011, с. 183, рис. 3, 3) датируется не ранее первой половины XIII в.

Ожерелья третьего хронологического типа обнаружены в погребениях 17, 19, 253 некрополя Судак-ІІ. Состоящие из меньшего количества бусин — в могилах 28, 62, 152 того же некрополя (рис. 173-175). Отличительной особенностью этих ожерелий является отсутствие мелких глазчатых подтреугольных или уплощенных бусин с тремя глазками и большое разнообразие типов бусин, входящих в ожерелье. Так в составе ожерелий из синхронных могил 17 и 19 и погребения 62 преобладают небольшие цилиндрические пронизки и круглые многочастные мелкие пронизки. Разнообразие в состав ожерелий вносят раковины каури, крупная биконическая бусина (могила 19) и несколько округлых бусин светлого стекла. Ожерелья из погребения 253 состоят из разнообразных округлых бусин, бисера, нескольких цилиндрических и биконических вытянутых пронизок, центральной крупной расписной или сердоликовой бусиной. Самым разнообразным составом бус представлено ожерелье из могилы 28, встречена тут и одна мелкая глазчатая бусина, расписные полосатые и глазчато-полосатые экземпляры, характерные для раннесредневекового времени. То же характерно и для ожерелья из могилы 152, где присутствуют крупная глазчатая бусина и мозаичная плоская прямоугольная бусина, так же характерные для более раннего времени. В этой связи упомянем и фрагмент мозаичной пронизки, использованный в ожерелье погребенной в захоронении 62. Датировать ожерелья третьей хронологической группы в большинстве случаев можно только исходя из погребального комплекса, где они обнаружены. В нашем случае, они датируются со второй половины XII и до второй половины XIV вв. К сожалению, не имеют четких хронологических рамок существования и отдельные разнообразные бусы, обнаруженные в погребениях 42, 82, 216, 236 и других некрополя Судак-ІІ. Все эти бусы надо датировать в рамках функционирования погребальных комплексов.

Дважды в погребениях 4 (рис. 173, 2) и 222 некрополя Судак-II встречены ожерелья, состоящие исключительно из бисеринок и датируемые, исходя из погребального комплекса, в котором они обнаружены.

4.5.7. Элементы костьома. Это очень малочисленная категория предметов. Во-первых, это фрагмент щитка бронзовой пряжки из могилы 83 некрополя Судак-II. К сожалению, его фрагментарность не позволяет произвести атрибуцию изделия. В материалах зольника Сугдеи обнаружены три маленькие пряжки, изготовленные из бронзы (рис. 166, 1,2,5). Одна треугольная – цельнолитая (рис. 166, 5), другая - округлая с узким длинным прямоугольным щитком, украшенным рельефными вертикальными полосами (рис. 166, 1). От третьей пряжки сохранилась только полукруглая бронзовая рамка (рис. 166, 2). Аналогии пряжкам с круглым приемником и вытянутым узким щитком известны в материалах памятников Волжской Булгарии, где датируются второй половиной Х-ХІ вв. (Казаков, 1992, с. 307, рис. 103, 17; Руденко, 2000, с. 78, рис. 2, Б 1) или концом XI-XII вв. (Казаков, 1997, с. 69). Еще одна пряжка обнаружена в портовой части Сугдеи в заполнении жилого дома. Это небольшое железное подквадратное изделие с полукруглой рамкой (рис. 166, 4). Ближайшие аналогии, датированные серединой – второй половиной X в. происходят из производственного центра в с. Новосел Шуменского округа Болгарии (Бонев, Дончева, 2011, с. 274, табло XXXII, 208-210). Фрагмент приемника железной пряжки обнаружен и в портовой части Сугдеи (рис. 166, 9). Вероятнее всего, все обнаруженные пряжки, исходя из их размеров, являлись обувными. В культурном слое, перекрывавшем вымостку в северной части раскопа V в портовой части Сугдеи обнаружен фрагмент щитка пряжки украшенный рельефным орнаментом (рис. 166, 14). Однако реконструировать саму пряжку и произвести ее атрибуцию на основании этого фрагмента невозможно. Не исключено, однако, что близкой ей аналогией является щиток пряжки, происходящий из раскопок Плиски с рельефным изображением льва (Аладжов, 1981, рис. 2). Данное изделие датируется второй половиной Х в. Крупная круглая бронзовая пряжка

происходит из заполнения склепа 3 на участке куртины XIV Судакской крепости (рис. 166, 10). Вероятно, изначально это изделие являлось подпружной пряжкой. Аналогии, изготовленные из железа, чрезвычайно многочисленны. Правда, в дальнейшем, учитывая материал изготовления, использование подобного простейшего по конструкции изделия могло быть и многофункциональным. Подобные бронзовые пряжки, правда, меньших размеров, с подпрямоугольной или круглой рамкой из простого четырехугольного в сечении дрота, присутствуют в материалах ранней Волжской Булгарии (тип В4 и В5) (Казаков, 1992, с. 158). Сказанное справедливо и по отношению к прямоугольному приемнику пряжки с петлями от подвижного щитка (рис. 166, 3). Подобные приемники использовались в конструкции множества разнообразных по хронологии пряжек эпохи средневековья.

К элементам костюма относится и костяная застежка из парного погребения 219 (рис. 177, 10) некрополя Судак-II. Помимо Херсонеса, подобное изделие, но более совершенное по технике исполнения, обнаружено при исследовании Десятинной церкви в Киеве и ныне хранится в Государственном Эрмитаже (Церква Богородиці..., 1996, с. 200, 50). В целом древнерусские аналоги подобным пуговицам достаточно многочисленны. Представительная коллекция, в частности, происходит из раскопок городища Воинь (Сергєєва, 2012, с. 137, рис. 11, 9-12,15-19). Датируются эти костяные пуговицы-застежки как ранним, так и поздним средневековьем. В частности типологически близкая костяная застежка обнаружена на территории цитадели средневекового Херсонеса, где датируется раннесредневековым временем (Андреева, 2011, с. 421, рис. 1, 8). Подобная костяная пуговица-«костылькового» типа встречена в комплексе первой трети XIII в. древнерусского селища Мякинино I на территории Подмосковья (Бадеев, 2008, с. 24, рис. 3, 2). В случае некрополя Сугдеи, исходя из того, что погребальный комплекс один из наиболее ранних, изделие следует датировать временем середины X в.

Отдельную категорию находок составляют крупные перламутровые пуговицы, изготовленные из цельных раковин. Изделия орнаментированы прорезными линиями, расходящимися как солнечные лучи от отверстия в центре. По одной подобной пуговице обнаружено в могилах 19, 91, 114 и склепе I некрополя Судак-II. По два изделия — в могилах 17 и 241 того же некрополя. В погребении 230 это же могильника их было три (рис. 179). Часто они располагались на плечах и в области грудной клетки погребенных. Не исключено, что подобные изделия были составной частью ожерелья. Датируются они в широких хронологических рамках. Помимо Херсонеса, типологически близкие изделия известны в погребальном инвентаре могилы 43 некрополя у церкви Иоанна Предтечи в Керчи (Макарова, 2003, с. 133, табл. 47: 3) (рис. 176, 1). Встречены они и в погребениях салтовцев Подонья VIII — X вв. (Плетнева, 1989, с. 108, рис. 56).

Важной категорией изделий, встречающейся в погребальном инвентаре населения восточного Крыма, являются костяные застежки, часть из которых раскрашивалась в красный, розовый или зеленый цвет (рис. 177). Наряду со стеклянными браслетами и бубенчиками с крестообразной щелью, это один из важных хронологических реперов и, вместе с тем, один из ярких маркеров восточноевропейской моды в рассматриваемый хронологический период. Одну из первых попыток их систематизации предпринял Г.А. Федоров-Давыдов. Основываясь на морфологии сечения изделия, он выделил несколько типов, подчеркивая при этом сочетание на всех костяных пуговицах циркульного орнамента и орнамента в виде насечек и зигзагов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 70-71). Эта однотипность прямолинейных и циркульных орнаментальных композиций на рассматриваемых изделиях подчеркивается и современными исследователями (Сергєєва, 1997, с. 146; Сергєєва, 2011а).

Как показывают археологические раскопки, данные предметы были многофункциональными и использовались как застежки вообще (Сергеєва, 1997, с. 145). Служили они и как элементы костюма, и как украшения, и как составная часть конской упряжи и воинского пояса кочевников.

В Сугдее подобных костяных застежек обнаружено шесть. Все они происходят из христианских погребений и обнаружены без предметов вооружения и конского снаряжения. Три изделия разной морфологии, но украшенных схожим орнаментом в виде насечек найдены в могиле 57 некрополя Судак-I (рис. 177, 1-3), два, орнаментированные концентрическими окружностями в захоронении 245 (рис. 177, 7,9) и одно, украшенное окружностями, разделенными треугольными насечками, в могиле 275 (рис. 177, 6) некрополя Судак-II. Кроме того, две костяные пуговицы-застежки обнаружены в верхнем горизонте погребений в склепе 3 на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 177, 5,8).

Установить верхнюю хронологическую границу существования пуговиц-застежек довольно трудно. Совершенно очевидно, что они существуют длительное время. Некоторые специалисты справедливо считают, что известные на сегодняшний день аналогии недостаточны для обоснованных выводов о хронологических диапазонах их существования (Братченко, Квитницкий, Швецов, 2012, с. 91-92). Хронологически наиболее поздние крымские костяные орнаментированные застежки обнаружены в составе погребального инвентаря захоронения 2, исследованного в верхнем пахотном слое городища Булганак (Храпунов, 1991, с. 218, рис. 36, 10), в заполнении склепа 18 некрополя античного городища Белинское (Зубарев, Сон, 2011, с. 252, рис. 228) и погребения в Тавельском кургане № 5 у с. Краснолесье (Сейдалиев, 2009, с. 388, рис. 4, 5). В последнем случае на основании месторасположения самого изделия у ног погребенного вместе с железными удилами, Э.И. Сейдалиев считает, что они могли использоваться как ворварки (2009, с. 380). К сожалению, узко датированные вещи в составе погребального инвентаря отсутствуют, предварительно оба захоронения связываются с половцами, хотя и отмечается присутствие подобных костяных изделий с орнаментацией в виде насечек в захоронениях связываемых с черными клобуками и огузами. Аналогичные костяные орнаментиованные застежки обнаружены и в половецком погребении рубежа XII-XIII вв. курганного некрополя Хавалы-IV близ г. Ростов-на-Дону, где так же атрибутируются как ворварки (Прокофьев, Трубников, 2008, с. 140, рис. 1, 14-16). В материалах грунтового полиэтничного некрополя «Мартышкина балка», расположенного на левом берегу р. Дон поблизости г. Ростов-на-Дону костяные орнаментированные застежки (Гудименко, Прокофьев, 2011, с. 222, рис. 28, 2; с. 240, рис. 50, 11; с. 264, рис. 81, 5) присутствуют в погребальном инвентаре вместе с фаянсовыми и кашинными цилиндрическими бусами с рельефным орнаментом. Хронологические рамки существования некрополя аргументировано обозначены как середина XII-XIII в. (Гудименко, Прокофьев, 2011, с. 272).

Еще более поздние экземпляры костяных пуговиц-застежек обнаружены среди кочевнических древностей Прикубанья и Дона. В частности они присутствуют среди богатого погребального инвентаря захоронения золотоордынского вельможи, датированного 30-ми гг. XIII в. (Горелик, 2008, с. 154, рис. 5А, 22,29,30). Костяная пуговица полусферической формы, орнаментированная насечками, обнаружена на правой бедренной кости захороненного в могиле 4 кургана 1 станицы Новотитаровской (Бочкарев, Чхаидзе, 2009, с. 139, рис. 3,5). Полусферическая пуговицы орнаментированная на сей раз чередующимися концентрическими окружностями и двойными прочерченными линиями обнаружена слева от черепа лошади в погребении 1 кургана 3 станицы Новокорсунской (Бочкарев, Чхаидзе, 2009, с. 142, рис. 6, 2). Оба погребения датируются авторами второй половиной XIII в. Костяная полусферическая неорнаментированная пуговица обнаружена у запястья правой руки погребенного в могиле 14 кургана 9 некрополя Тузлуки в Подонье (Парусимов, 2007, с. 320, рис. 2, 7). По мнению автора, она могла относиться к колчану. В этом же регионе костяная уплощенная пуговица с чередующимися концентрическими окружностями и насечками с частично сохранившимися вставками из серебра зачищена на шейных позвонках захороненного в погребении 1 кургана 3 некрополя Маяк-II (Парусимов, 2007, с. 323, рис. 5, 1). Оба погребения датируются в хронологических рамках второй половины XII – первой половины XIII вв.

В материалах раскопок 1995 г. на участке т.н. квартала I Судакской крепости в слое XII – первой половины XIII вв. так же обнаружена полусферическая костяная застежка с орнаментом в виде трех треугольников, расчлененных двойной линией на четыре сектора (рис. 177, 4). Вероятно, эти изделия и в городах существуют позже начала XII в.

За пределами Таврики аналогичные предметы получили распространение в Волжской Болгарии (Закирова, 1988, с. 232), где в Болгаре открыты мастерские по производству застежек, прежде всего, с орнаментом в виде прочерченных треугольников (Закирова, 1988, с. 231, рис. 102: 10,11,24). Тем не менее, в материалах некрополя городища Мошаик известны и экземпляры с орнаментом в виде концентрических окружностей, в том числе соединенными полукруглой линией (Васильев, 2001, с. 54, рис. 4, 8,9). Широко они представлены в материалах Танкеевского могильника, где обнаружены экземпляры в основном так же с орнаментом в виде концентрических окружностей (Казаков, 1992, с. 181, рис. 65, 40,41). На территории некрополя Татарская Лака II все обнаруженные костяные пуговицы с разнообразным, как циркульным, так и орнаментом в виде насечек, располагались в ногах погребенного в единственном экземпляре и лишь в одном случае попарно (Винничек, Киреева, 2008, с. 159). В половецком погребении XI – XII вв.

костяная пуговица с круговым циркульным орнаментом обнаружена возле левого локтя захороненного (Шалобудов, 1990, с. 107).

По мнению Е.П. Казакова они на ремешках вплетались в косы (Казаков, 1992, с. 184). На территории Нижнего Поволжья они считаются не главным, но одним из отличительных признаков погребального обряда огузов (Круглов, 2001, с. 59-60) и датируются периодом X — XI вв. (Круглов, 2001, с. 59-60; Руденко, 2001, с. 57-58; Фехнер, 1963, с. 41, рис. 23, 13). Данные изделия известны и в материалах печенежско-торческих погребений Поросья, где часто являются элементом конской упряжи (Плетнева, 1973, с. 65, табл. 17: 4,9), но встречены в захоронениях и без коня (Плетнева, 1973, с. 59, табл. 11: 13). Представлены они и в кочевнических погребениях второй половины XI в. Северного Подунавья (Spinei, 2009, р. 471, fig. 33, 2), а так же в материалах крепости средневизантийского времени Хыршова в Румынской Добрудже (Aricescu, 1971, р. 363, fig. 12).

Очень широкое распространение, прежде всего в городах, получили костяные застежки и на территории Древней Руси. Косторезные мастерские по их производству обнаружены в районе Десятинной церкви древнего Киева (Сергеева, 1996, с. 101; Сергеева, 2007, с. 83-85) и на околицах средневекового города (Шовкопляс, 1954, с. 28). В качестве древнерусского импорта они известны и в материалах других древнерусских поселений (Сергеєва, 2012а, с. 121-122), роменских памятников Курской области (Шпилев, 2010, с. 234, рис. 6, 12). Отмечены и подражания им выполненные, безусловно, на месте в домашних условиях (Сергеєва, 2012а, с. 121, рис. 4, 1). Территория их распространения достаточно широка, включая Балканы, Подунавье, Паннонию и Коринф где, правда, за исключением Коринфа, они известны в единичных экземплярах. В погребальном инвентаре некрополя Одырци (Добруджа Болгария) их известно всего 4 (Дончева-Петкова, 2005, с. 78). В частности, в заполнении погребения 109 такая пуговица встречена вместе с двумя монетами Василия II (989 г.) (Дончева-Петкова, 2005, с. 325, табло LXXV: 2). Автор исследований считает эти предметы элементом ожерелья. Находки предметов в средневековой Сугдее лишний раз подтверждают версию о том, что производство данных пуговиц было, прежде всего, рассчитано на рынок (Сергеева, 1996, с. 101).

Таким образом, встречаясь на территории всей Восточной Европы у кочевого и оседлого населения, очевидно, что они не несли этнической нагрузки, являясь одним из маркеров моды второй половины X-XI вв. Кроме того, согласно мнению А.В. Шаманаева некоторая часть изделий и из Херсонеса не являлась продуктом ремесленного производства, а изготавливалась в домашних условиях с использованием подручного сырья и самых простых инструментов (Шаманаев, 1997, с. 55).

В материалах некрополей Нижнего Поволжья, Биляра и Болгара, подобные изделия датируются периодом X — XII вв. (Круглов, 2001, с. 59-60; Руденко, 2001, с. 57-58; Закирова, 1988, с. 232). Дополнительным аргументом в пользу этого является находка подобного изделия, украшенного, правда, концентрическими окружностями, в погребении 72 Танкеевского могильника вместе с монетами X в. (Казаков, 1992, с. 277, рис. 91, 20). В материалах древнерусских памятников их датировка несколько шире, в рамках XI-XIII вв. (Сергеєва, 1996, с. 101-102), а Балканских (Добруджа), наоборот, уже — XI — начало XII в. (Дончева-Петкова, 2005, с. 78). В данной монографии подробно рассмотрен список аналогий, в том числе датированных второй половиной XI в. (Дончева-Петкова, 2005, с. 87). Его можно продолжить и за счет находки подобного изделия в Шуменской крепости (Антонова, 1995, с. 108: 15).

Отдельного рассмотрения заслуживает костяное изделие обнаруженное в слое второй половины XII – первой половины XIII вв. на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1996 г. (Баранов, Майко, 1997, рис. 19, 4). Это конический цилиндр со сквозным горизонтальным отверстием, заполненным вставкой из той же кости до начала обработки изделия. Поверхность его украшена концентрическими окружностями, расположенными между двумя горизонтальными полосами, состоящими из трех линий. Поверхность тщательно заглажена и носит следы окраски в фиолетовый цвет (рис. 177, 12).

Подобные составные изделия наиболее известны в Таврике по материалам раскопок Херсонеса (Романчук, 1981, с. 90, рис. 4, 80-82), где датируются в широких хронологических рамках X- первой половины XIII вв. По замечанию исследователей их размеры колеблются от 1,8-2,3 см высоты и 2-3 см диаметра (Романчук, 1981, с. 91; Шаманаев, 1997, с. 54). В литературе тщательно проанализирована достаточно сложная технология их изготовления, свидетельствую-

щая о, безусловно, ремесленном характере их производства (Станчева, 2005, с. 135-142). Атрибутируются они либо как пуговицы (Романчук, 1981, с. 91), либо как пряслица (Borisov, 1989, р. 98, fig. 104; Шаманаев, 1997, с. 54-55; Станчева, 2005, с. 135). Чаще всего данные изделия были окрашены в фиолетовый цвет, что, по мнению М. Станчевой, так же является определенным хронологическим показателем обработки кости в средневизантийский период (Станчева, 2002, с. 107-110). Подобные экземпляры, происходящие из Коринфа, датируются не позднее середины XII в. (Davidson, 1952, nos. 2584-2588). XI-XII вв. датируются экземпляры из Дядово (Borisov, 1989, р. 97, fig. 104). Совершенно аналогичный Судакскому экземпляр происходит из раскопок средневековых горизонтов второй половины X-XI на участке римских терм в Варне (Станчева, 2005, с. 135, обр. 1). Согласно мнению большинства специалистов, вероятнее всего все известные в настоящее время экземпляры средневековой Таврики, как, впрочем, и Балкан, являются импортными, производившимися в центральных провинциях Византии.

В этой связи интересна находка конического тщательно заглаженного костяного изделия на участке куртины XIV Судакской крепости (рис. 177, 11). Верхняя часть конуса украшена двумя врезными горизонтальными линиями с намеченным по центру отверстием. Одна из боковых граней срезана. В соответствие с технологической схемой производства проанализированных составных пуговиц-прясел (Станчева, 2005, с. 136, обр. 2), их изготовление предполагало именно такие операции. Не исключено, что отверстие просверливалось уже на последнем этапе. В таком случае, есть некоторые основания рассматривать данную находку как заготовку для составной пуговицы-прясла и ставить вопрос о возможном их производстве в средневековых гродах Таврики.

Подводя некоторые итоги анализу украшений, элементов костюма и некоторых бытовых изделий, попытаемся составить первый вариант таблицы возможных хронологических индикаторов для членения комплексов восточного Крыма на протяжении второй половины X-XII вв. В данном случае, исходя из отсутствия надежно датированных поселенческих закрытых комплексов, можно говорить об использовании исключительно погребальных закрытых комплексов.

Действительно, исходя из стратиграфической ситуации, горизонты второй половины X-XII вв., связанные с заполнением жилых, хозяйственных, фортификационных и культовых объектов Сугдеи и Боспора почти всегда сильно потревожены при хозяйственной деятельности последующего времени. Сохранившиеся на полах объектов слои отражают, прежде всего, последний период функционирования комплексов, в свою очередь часто частично перемешанный с предшествующими материалами. Безусловно, нельзя считать закрытыми комплексами и горизонты зольников Сугдеи, Алустона и Херсонеса.

При составлении этой таблицы хронологических индикаторов в погребениях восточного Крыма второй половины X-XII вв. использована методика хронологизации, предложенная А.И. Айбабиным для анализа крымских некрополей позднеантичного и раннесредневекового времени (1991, с. 10-12) и развитая при анализе могильников VIII – первой половины X вв. (1993, с. 121-136). Так в качестве основных методических условий применены следующие: а) исключение погребальных сооружений с большим количеством костяков и перемешанным погребальным инвентарем; б) рассмотрение погребального инвентаря конкретного погребения, как закрытый комплекс. Сразу необходимо оговориться, что закрытых датированных погребальных комплексов восточного Крыма для составления корреляционной таблицы так же пока явно недостаточно. Хронологических индикаторов так же очень мало. Хронология древностей Таврики средневизантийского периода находится на стадии разработки. Вследствие этого в работе использованы и захоронения с одной коррелируемой находкой. Закономерно привлекаются датированные комплексы других частей полуострова и синхронных древностей Восточной Европы, прежде всего Балкан. В последнем случае мы имеем достаточно узко датированные и хорошо исследованные погребальные и жилищные комплексы.

Составление таблицы хронологических индикаторов в погребальных комплексах восточного Крыма X-XII вв., помимо объективных, усложнено и множеством субъективных факторов. К сожалению, полевая документация о раскопках в Сугдее группы Фомина, послевоенных исследованиях, работах В.П. Бабенчикова и М.А. Фронджуло сохранилась не полностью. Отчеты о наиболее масштабных раскопках М.А. Фронджуло не составлялись. Многочисленный погребальный инвентарь, обнаруженный в ходе работ, оказался разобщен и находится в фондах нескольких музеев (Национальный заповедник «София Киевская», музей «Судакская крепость»

отдел Заповедника, Крымский Республиканский краеведческий музей). Местонахождение нескольких, в том числе важных датирующих вещей, пока установить не удалось. К сожалению, после окончания раскопок 1964-66 гг. М.А. Фронджуло, кроме чрезвычайно краткого сообщения в обобщающей статье о раскопках в Сугдее (Фронджуло, 1974, с. 147-150), более к материалам некрополей не обращался. В процессе обработки погребального инвентаря в 80-е гг. ХХ в. была внесена дополнительная путаница, которую, было очень трудно устранить. Сказанное отчасти справедливо и по отношению к исследованиям И.А. Баранова 1985-93 гг. Раскопанные участки городских и прихрамовые некрополи Сугдеи, так же практически небыли введены в научный оборот. Но в данном случае присутствует вся отчетная документация.

В виду мизерного количества погребальных закрытых комплексов в основу таблицы хронологических индикаторов (рис. 178) вынужденно, и, надеюсь, временно, до получения дополнительных закрытых комплексов, положены следующие обстоятельства:

- в закрытых комплексах болгарских сельских поселений, крепостей и городов, прекративших свое существование до 1036 г., расписные стеклянные браслеты составляют от 10 до 15% от общего количества этих изделий. Наиболее распространены они в хронологический промежуток 970-1036 гг. Погребальные и жилищные закрытые комплексы Балкан после 1036 г. содержат не более 2-3% данных изделий;
- в наиболее исследованном некрополе Одърци в Добрудже расписные браслеты не встречены вместе с бубенчиками с крестообразной щелью, трехбугорчатыми бусами и костяными орнаментированными застежками;
- бубенчики с крестообразной щелью очень часто встречены в одних комплексах с трехбугорчатыми бусами и костяными орнаментированными застежками;
- перстни с боковыми вставками чаще всего встречены в комплексах с орнаментированными стеклянными браслетами.

К сожалению, выделять на этом основании узкодатированные погребальные или жилищные вещевые комплексы, и тем более составлять из них группы однотипных вещей для восточного Крыма второй половины X-XII вв. пока преждевременно. Археологическая ситуация свидетельствует о том, что все они носили долговременный характер и не являются в своем большинстве закрытыми комплексами. Подтверждает это и корреляция вещей. Повторю еще раз, что на данном этапе исследований речь идет пока только о выделении хронологических индикаторов.

4.6. Предметы христианского культа.

Основную категорию этих находок составляют предметы византийского прикладного искусства. По справедливому мнению В.Н. Залесской назначение памятников прикладного искусства не сводилось к декоративным или утилитарным функциям. В этой сфере деятельности, необоснованно получившей название «искусство малых форм», не было «малого», все было обусловлено личностным отношением человека к Богу (2004, с. 339-350).

По мысли исследовательницы процесс сложения и развития основных видов византийского прикладного искусства протекал во многом сходно с эволюцией монументальной живописи, иконописи и скульптуры, с использованием того же набора изображений и приемов их воплощения. Благодаря легкости перемещения небольших по размерам предметов прикладного искусства с их помощью происходило распространение образного строя «большого» искусства. По справедливому мнению исследователей основное количество изделий византийской пластики Крыма составляют вещи каждодневного использования (Пуцко, 2011, с. 45). Наиболее крупным центром, где были зафиксированы предметы византийской пластики, остается Херсонес. Тем не менее, исследователями в списке культурно-ремсленных пунктов Крыма упоминается и Сугдея (Пуцко, 2011, с. 54).

4.6.1. Энколпионы. Эта одна из наиболее ярких категорий позднесредневекового погребального инвентаря неоднократно становилась предметом специальных изучений (Зоценко, 1981, с. 113-125; Пекарська, Пуцко, 1989, с. 84-94; Корзухина, Пескова, 2003; Корзухина, 1958, с. 130-137; Медынцева, 1961, с.61-68; Залесская, 1994, с. 110-175; Білоусова, 1996, с. 75–76; Ryabtseva, 2012, р. 527-543), в том числе и для Крымского полуострова (Яшаева, 1999/2000, с. 87; Яшаева, 2005, с. 121-130; Герцен, Яшаева, 2010, с. 355-362). На примере богатой коллекции Херсонеса и памятников юго-западного Крыма их типология, хронология, искусствоведческие и ремесленные особенности, территория распространения, достаточно хорошо разработаны. Однако, энколпионы восточного Крыма, за редким исключением (Крамаровский, Гукин, 2006, с. 53-62), никогда специально в обобщенном виде не становились предметом рассмотрений. Сказанное справедливо и в отношении средневековой Сугдеи.

За все годы археологических исследований в Сугдее обнаружено 17 энколпионов 3, два мощевика происходят из подъемного материала поселения у с. Русское, один — обнаружен в подъемном материале в урочище Кизил-Таш и еще один — в погребальном инвентаре поселения Бака-Таш. Большая часть из них паспортизирована и представляла собой погребальный инвентарь. В Сугдее бронзовые мощевики обнаружены М.А. Фронджуло в заполнении плитовой могилы 133 (рис. 180, Ia, δ) и плитовой могилы 187 (одна створка) (рис. 180, δ) некрополя Судак-II. Помимо этого, при проведении разведок на территории этого некрополя обнаружено еще два энколпиона, безусловно связанных с разрушенными погребениями. Один - в 1964 г. без привязки к конкретному захоронению (рис. 181, δ , δ , другой (одна створка) — в 1966 г. на площади квадрата 30 (рис. 182, δ), уже после окончания основного объема раскопок. Кроме того, энколпионы были зачищены в 1990 г. в заполнении могилы 17 некрополя на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 181, δ), в 1999 г. склепа 1 некрополя Судак-V (рис. 182, δ), в 2008 г. плитового захоронения 26 некрополя храма Параскевы (рис. 182, δ , δ). Вероятнее всего, погребальным инвентарем является изделие, происходящее из раскопок 1981 г. верхнего слоя Храма Девы Марии в центральной части средневековой Сугдеи (рис. 180, δ).

Два креста с обломанными верхними лучами обнаружены при исследовании жилых и хозяйственных построек. Это энколпион из заполнения помещения в портовой части Сугдеи (раскопки 2008 г.) (рис. 181, *I*) и с пола помещения на северо-восточном участке посада (рис. 182, 2) (раскопки И.А. Баранова 1977 г.).

Остальные экземпляры были найдены в ходе проведения археологических разведок на территории средневекового города и его посада. Это фрагменты мощевиков из разведок 2006 г.

⁶³ Т.Ю. Яшаева упоминает еще один меднолитой энколпион конца XI — начала XII вв., происходящий из раскопок Сугдеи М.А. Фронджуло, с закругленными техлопастными концами с выступами —«слезками» и рельефными изображениями: в центре оборотной и лицевой створок Святых князей Бориса и Глеба в рост с одноглавным или пятиглавным храмом в руке. На концах верхней и боковых ветвей обеих створок — погрудные изображения Святых в медальонах (Яшаева, 2013, с. 31). Энколпион хранится в фондах «Национального заповедника «София Киевская», точное место его находки пока не установлено.

на территории города (рис. 180, 4,5), двустворчатый крест из разведок 1980-х гг. (рис. 180, 6а,б). Место и время нахождения верхней части энколпиона (рис. 182, *I*), находящегося в фондах музея «Судакская крепость» нам неизвестно, не установлено и точное местонахождение энколпиона, поступившего в Одесский археологический музей в 1873 г. Последний из экземпляров происходит из разведок конца 90-х гг. XX в. В селе Солнечная Долина на восток от современного Судака (рис. 180, 7). При этом условно датировать комплекс могут только кресты из погребений 133 и 187 некрополя Судак-II и захоронения 26 некрополя храма Параскевы. Во всех остальных документированных случаях они найдены в комплексах более позднего времени.

Рассмотрим подробнее все экземпляры, разделяя их на традиционные группы. Древнерусские энколпионы. Одну группу этих изделий составляют энколпионы из могилы 133 некрополя Судак-ІІ (рис. 180, Ia, δ) и верхнего слоя храма Девы Марии (рис. 180, 2). Кроме того, к этой группе можно отнести фрагменты энколпионов из разведок на территории Сугдеи 2006 г. (рис. 180, 4,5). Первый из них двустворчатый, размерами $6,25 \times 4,2 \text{ см}$ (рис. $180, Ia, I\delta$). На лицевой стороне помещено рельефное изображение Распятия, выполненное достаточно условно. Справа и слева от Распятия в округлых медальонах помещены погрудные изображения Святых, на нашем экземпляре практически не различимых. Традиционно они выполнялись в технике черни. На верхнем медальоне изображение равностороннего креста, так же практически не различимое. На оборотной створке традиционное изображение большого восьмиконечного креста с лучами от перекрестия. В медальонах монограммы Христа. Из них на нашем экземпляре буквы различимы только в верхнем. Оборотная сторона так же выполнена в технике черни. Это достаточно известная группа киевских энколпионов. Территория их распространения довольно широка (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 88). Совершенно аналогичный нашему экземпляр происходит из с. Подсечное возле Переяславля-Хмельницкого и хранится в коллекции Музея истории Киева (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 87, рис. 2, 5). Традиционно эти энколпионы датируются в рамках второй четверти XII в. (Корзухина, 1958, с. 133), но встречаются и в комплексах первой половины XIII в. (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 88). В литературе была высказана точка зрения, согласно которой стертость рельефных изображений, в частности на энколпионах, является, часто, признаком имитации изделия (Івакін, Пуцко, 2005, с. 102). Однако, в нашем случае, хорошая сохранность и четкое исполнение оборотной створки позволяет судить о том, что изделие импортное, а не отлитое на месте.

К другому варианту этой группы относится единственный двустворчатый энколпион из разведок на территории средневековой Сугдеи (рис. 180, 6a, δ). В отличие от энколпионов первой группы изображения Святых на лицевой стороне верхнего и боковых лучей выполнены так же в рельефной технике. На оборотной стороне изображение Богородицы-Одигитрии и Святых в медальонах на верхнем и боковых лучах. Все они выполнены в технике высокого рельефа. Эта группа энколпионов не менее известна на территории Киевской Руси и датируется приблизительно этим же временем.

К другой группе относится так же единственная верхняя створка бронзового энколпиона из могилы 187 размерами 4,55 х 2,65 см (рис. 180, 3). Изображение на створке очень сильно стерто, но, отнесение его к Распятию – безусловно. Изображение на верхнем округлом медальоне совершенно не различимо. Такие миниатюрные киевские крестики-энколпионы, являющиеся внутренней частью изделия, известны в собрании Музея истории г. Киева. Правда, там представлены обратные створки с рельефным изображением Богоматери-Оранты (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 90). Не исключено, что исходя из древнерусских аналогий, они могут датироваться рубежом XI-XII вв. (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 91).

Несомненный интерес для анализа культурных связей восточного Крыма представляет находка верхней створки небольшого энколпиона обнаруженного в ходе разведок в с. Солнечная Долина (рис. 180, 7). Его отличие заключается, прежде всего, в том, что лучи креста не прямоугольные, как у большинства изделий, а сужаются к центру, образуя крест, с плавно расширяющимися лучами. Изображения Распятия с предстоящими в боковых медальонах и архангелами – в верхнем и нижнем выполнены в рельефной технике.

Наиболее представительная коллекция подобных энколпионов известна в материалах селища XIV-XVI веков Рождествено 1 на территории Подмосковья. Это так же энколпионы с округлыми окончаниями лопастей, отделенными серповидными выступами. Не исключено, что они относятся к мощевикам, на лицевой стороне которых помещалось изображение архангела Сихаила в рост с жезлом и сферой (Шполянская, 2008, с. 269, рис. 2, 1). Данный тип энколпионов,

частично видоизменяясь, существовал длительное время. Вероятно, публикуемая створка принадлежит к мощевикам наиболее ранних вариантов.

Еще одна створка энколпиона происходит из подъемного материала поселения у с. Русское (рис. 180, 8). На оборотной стороне древнерусского складня помещено рельефное изображение Богоматери в рост в позе Оранта. Изображение достаточно схематичное. На верхнем луче помещено слабо различимое погрудное изображение Святого в круглом медальоне. На боковых лучах — так же слаборазличимые изображения, вероятно, архангелов, развернутых в сторону Богоматери, по бокам которой просматриваются буквы. Как уже отмечалось, на древнерусских энколпионах Богоматерь в позе Оранта помещалась довольно редко, причем чаще всего с Богомладенцем перед ней. Древнерусские аналогии немногочисленны (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 78-80) и датируются в рамках XII — первой половины XIII вв.

Наибольшую по количеству группу (3 экземпляра, один из них двустворчатый) образуют изделия, относящиеся к т.н. энколпионам с мелким изображением распятия (Яшаева, 1999/2000, с. 87) и обратными (зеркальными) славянскими надписями (Пекарська, Пуцко, 1989, с. 91) (рис. 181). Они традиционно относятся к одному из наиболее распространенных типов поздних мощевиков киевского производства. По подсчетам Е.И. Архиповой их обнаружено более 250: (Архипова, 2006, с. 70). Подобная тенденция характерна не только для Сугдеи, но и для всего Крымского полуострова. Общеизвестна широкая территория их распространения (Архипова, 2006, с. 70-71) и относительно частая встречаемость в Крыму (Yaschaeva, Nagornyak, 2003, с. 50). Помимо Херсонеса, подобный энколпион в последнее время, например, обнаружен при раскопках христианского храма на г. Аю-Даг (Лысенко, Тесленко, 2002, с. 85, рис. 8) и монастырского комплекса в бухте Панаир на юго-восточном склоне этой горы (Адаксина, 2002, с. 14-15).

Вторую этнокультурную группу энколпионов составляют <u>изделия, византийского</u> <u>происхождения.</u> Они традиционно разделяются на две основные группы с гравированным и рельефным изображением.

Численно преобладает группа с гравированными изображениями, исполненными т.н. «штриховой» манерой (Залесская, 1994, с. 114). Изображения в сильной степени стилизованные, однако, элементы одежды выполнены достаточно четко. Интересной деталью является орнаментальное оформление края одежды. Судакская коллекция состоит пока из трех экземпляров.

Оборотная створка первого из них была найдена М.А. Фронджуло при осмотре разрушенных погребений на участке квадрата 30 некрополя Судак-II на юго-западном участке посада Сугдеи (рис. 182, 3). На створке помещено изображение Богородицы в позе Оранты. Надпись разобрать достаточно сложно, из четырех букв хорошо сохранились только ?Е?О, возможно сокращенное $\theta \in \text{отоко}\zeta$ (Богородица). Поскольку створка была обнаружена без привязки к конкретному погребению, датировать ее сложно, но относительно неплохая сохранность изделия позволяет предположить, что погребенный был его первым и последним хозяином. Интересную информацию дают орнаментальные мотивы оформления одежды Богородицы. Подобный орнамент достаточно широко представлен, в том числе, и на поливной византийской керамике.

Оборотная створка второго подобного «сирийского» креста была обнаружена в 1977 г. И.А. Барановым в слоя пожара на полу каменного жилого дома с очагом на северо-восточном участке посада средневековой Сугдеи (рис. 182, 2). Верхний луч изделия обломан в древности. Находка упоминается в наиболее полном на сегодняшний день каталоге Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой (Корзухина, Пескова, 2003, с. 59, с. 254, табл. 11). В центре помещено гравированное изображение Святой в позе Оранты (вероятнее всего Богоматерь). Нижний луч оформлен по краю двойной врезной линией, являющейся продолжением орнаментальной окантовки одежды Святой. Археологический слой на полу дома датируется в рамках первой половины XIII в.

Обстоятельства находки фрагмента створки еще одного подобного энколпиона точно неизвестны. Возможно, он был обнаружен на территории Сугдеи в подъемном материале (рис. 182, *1*). На сохранившемся верхнем и правом луче, изображена Богоматерь-Оранта и традиционная надпись MP θ ↑. Очень редкостной особенностью (Корзухина, Пескова, 2003, с. 51) энколпиона является изображение на правом луче Святого. Вероятнее всего, подобное изображение было и на другом боковом луче. Подобный крест с гравированным изображением на левом луче Архангела Михаила, заключенном в медальон, происходит из собрания Н.П. Лихачева (Из коллекции..., 1993, с. 72, № 185).

Нельзя не упомянуть и об еще одной находке верхней створки энколпиона. Происходит он из подъемного материала на территории урочища Кизилташ (рис. 182, 6). Характерным отличием изделия является чрезвычайно схематическое, стилизованное, даже примитивное изображение, вероятно, Христа у которого проработаны двойными заштрихованными линиями руки, голова с крестом с раздвоенными лучами и нижняя часть ног. В нижней части композиции помещено так же схематическое изображение головы Богомладенца с аналогичным крестом над головой. Такой же двойной заштрихованной линией подчеркнут весь крест. В средокрестии расположено круглое, обрамленное двойной заштрихованной линией, гнездо для вставки с пробитым отверстием. Подобная иконография, предполагающая, правда, изображение Богоматери, в рост с младенцем перед ней, довольно редко встречается на византийских гравированных энколпионах. В качестве примера можно привести изделие из с. Кучаков Киевской области (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 11, 1.2/13). Иконографический сюжет, где Богоматерь в рост с расположенным перед ней Богомладенцем изображена в позе Оранты, распространен больше. Причем как на византийских (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 11, 1.2/7; 1.2/15), так и на древнерусских энколпионах (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 78-80). Однако все известные экземпляры, помимо изображения Богоматери, отличаются несравнимо меньшей степенью стилизации. Не исключено, что схематизм публикуемого гравированного изображения на энколпионе, в какой-то степени может быть связан с тем, что на многих гравированных энколпионах со вставками, последняя помещена в центре схематического изображения. В качестве последнего чаще всего выступает крест в разных вариантах (Крамаровский, Гукин, 2006, с. 58, илл. 7). Подобный схематизм в изображении Сцены Распятия присутствует только на одной немногочисленной группе энколпионов, происходящих с территории Балкан (Дончева-Петкова, 2011, с. 203). Это небольшие кресты, где крайне схематическое изображение Христа, занимает всю плоскость изделия (Дончева-Петкова, 2011, с. 680, табло CLIV, 799,803; с. 681, CLV, 813). Все они датируются в рамках второй половины X-XI вв. В качестве еще одного примера можно привести крайне схематичное изображения Христа-оранта с крестчатым нимбом на одностороннем бронзовом кресте-тельнике из коллекции Эрмитажа (Залесская, 2013, с. 44, рис. 4).

Несомненный интерес представляет фрагмент створки энколпиона, обнаруженный М.А. Фронджуло в середине 70-х гг. ХХ в, при строительстве дома в центральной части с. Дачное Судакского района (рис. 183, 4). Сохранились только нижний и правый лучи изделия, украшенные композициями из концентрических окружностей, в том числе крестовидной, отделенных двойной линией. В средокрестии на пересечении диагональных двойных линий расположена крупная концентрическая окружность, вероятно, имитирующая гнездо для вставки. Отметим, что орнамент в виде крестовидной фигуры из кружков с точкой в центре часто помещали в средокрестии византийских энколпионов (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 12). Для датировки изделия важно обнаружение в комплексе с ним двух медных херсоно-византийских монет совместного правления Константина VII, Романа II и Василия II, Константина VIII. Наиболее подробно энколпионы с орнаментом в виде концентрических окружностей на материалах Балкан проанализированы в последней обобщающей монографии Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 2011, с. 40-41). В частности общие оранментальные мотивы имеют кресты из поселения Стърмен, городища Якимово (Дончева-Петкова, 2011, с. 41, обр. 4) и, конечно, энколпион из Плиски (Дончева-Петкова, 2011, с. 305, обр. 92, 66), четко датирующийся концом X - 60-ми гг. XI B.

Типологически близкая створка энколпиона, датирующаяся X-XII вв. (Корзухина, Пескова, 2003, с. 53), была обнаружена и близ г. Богуслава Киевской губернии (Ханенко, 1899, Табл. X, 119; Корзухина, Пескова, 2003, Табл. 12, 1.2/2). По мнению А.А. Песковой большая часть известных аналогий, включающих, вероятно, и упомянутый энколпион из Бака-Таша (рис. 183, 5), тяготеет главным образом к Херсонесу и Восточному Средиземноморью. При этом, орнаментальные композиции могли занимать как обе створки, так и одну из них в сочетании с изображениями (Корзухина, Пескова, 2003, с. 51). На изделиях этой группы на обратной створке часто располагалось гнездо для вставки, выделенное орнаментальной композицией.

Известно, что наиболее крупная Крымская коллекция «сирийских» крестов с гравированным изображением происходит из раскопок Херсонеса (Яшаева, 2005, с. 205, рис. 4). Исходя из сложившейся в Византийской империи политической ситуации, способствовавшей оживлению торговых и культурных контактов, время их проникновения на относительно широкие

территории, в том числе и на Крымский полуостров, относят к середине X в. (Яшаева, 2005, с. 203). Именно в это время после возрождения разрушенных арабами ближневосточных святых мест, паломники начинают активно посещать православные христианские центры Сирии, где получают разнообразный литургический инвентарь и предметы личного благочестия (Залесская, 1988, с. 98). Этот процесс продолжается и на протяжении X-XI вв. (Залесская, 1994, с. 114-115; Пескова, 2009, с. 285-312). Этим же временем, на основании нумизматического материала датируют время появления подобных энколпионов на Балканах, в Добрудже, на юге Болгарии (Дончева-Петкова, 1991, с. 53, табл. I, 1б) и на Руси (Куницький, 1990, с. 106-116). Находки гравированных крестов в слоях XII-XIII вв. объясняется, чаще всего, длительным периодом их бытования (Пескова, 2009, с. 302).

Недавно, на основании находки энколпиона в погребальном инвентаре могилы 58 некрополя селища Бакаташ в юго-восточном Крыму, было высказано предположение о возможном существовании местной крымской школы по изготовлению сирийских крестов с примитивным гравированным изображением, которые могут датироваться временем не позднее первой половины XIII ст. (Крамаровский, Гукин, 2006, с. 59).

Отдельную категорию составляют три ближневосточных энколпиона с изображениями, выполненными в технике низкого рельефа (Асташова, Сарачева, 2007, с. 19-26). Створка одного из них (рис. 182, 4) была обнаружена в погребальном инвентаре склепа при исследовании прихрамового некрополя Судак-V в 1999 г. разведочным отрядом Судакской экспедиции под руководством А.М. Фарбея (Фарбей, 2001, с. 60-62). В средокрестии помещено изображение Богоматери Оранты с традиционными Богородичными титлами МР ОҮ. На окончании лучей креста – медальоны с погрудными изображениями четырех Апостолов Евангелистов с титлами, которые, из-за потертости изделия, разобрать сложно. Традиционно Евангелисты располагались слева по кругу: Лука, Матфей, Иоанн, Марк. Подобные энколпионы чаще всего относят к кругу поздних ближневосточных древностей (Залесская, 1994, с. 115). Они получили достаточно широкое распространение не только в Крыму, прежде всего в Херсонесе (Crimean Chersonesos..., 2003, р. 167, fig. 11.15), но и на Балканах, реже на территории Киевской Руси (Куницький, 1990, с. 106-116; Дончева-Петкова, 2004, с. 230-231). Подобный нашему экземпляр есть, например, в собрании Белгород-днестровского краеведческого музея (Куницький, 1985, с. 125, рис. 1, 3). На территории Крымского полуострова и Древней Руси подобные кресты датируются в хронологических рамках второй четверти XII – первой половины XIII вв. Базируясь на данных нумизматики, болгарские специалисты считают, что сирийские кресты этого типа появляются в северовосточной и южной Болгарии еще во второй половине Х - начале ХІ вв. (Атанасов, Йотов, 1989, с. 89-90) или в 30-е гг. (Дончева-Петкова, 1991, с. 56), однако, встречаются и в более поздних горизонтах, до XIII в. включительно.

Другой энколпион был обнаружен в плитовом погребении 26 некрополя храма Параскевы в 2008 г. Это единственный пока ближневосточный экземпляр от которого сохранились обе створки. На одной из них в технике низкого рельефа изображено Распятие. Святые в медальонах на концах лучей различить очень сложно (рис. 182, 5а). На оборотной створке изображена Богоматерь (Оранта?) и четыре медальона с изображениями Святых на концах лучей (рис. 182, 5б). Датировать энколпион достаточно сложно, без сомнения он имеет следы длительного использования. Поверхности затерты до дырок, нижний луч на последнем этапе использования предмета, как реликвария, крепился при помощи медной заклепки. Схематичность изображения резко отличает его от предыдущего экземпляра. Не исключено, что это работа местного мастера, использовавшего ближневосточные прототипы.

С территории поселения Русское в юго-восточном Крыму происходит третья находка бронзового двустворчатого энколпиона с достаточно рельефными изображениями (рис. 183, 6). На лицевой его стороне помещена композиция Распятия, переданная с выделением поперечной перекладины Крестного древа с возглавием и подножием, Христос изображен с прямым торсом прямыми руками и ногами со стигматами, с головой наклоненной к правому плечу. Надпись в возглавии ІС ХС, исходя из сохранности створки, практически неразличима. На оборотной створке Богоматерь изображена в рост в легком повороте в позе моления со склоненной головой. На боковых концах различимы поясные изображения Святых, обращенных к Богоматери, на верхнем – прямоличное крупное поясное изображение Святого. К сожалению, имеющиеся в

распоряжении исследователей экземпляры, позволяют только предполагать на боковых концах – ангелов, на верхнем – Христа (Корзухина, Пескова, 2003, с. 97).

Согласно наиболее полной типологии А.А. Песковой и Г.Ф. Корзухиной, данный энколпион относится к варианту 1 экземпляров с Распятием на лицевой стороне и изображением Богоматери Агиосоритиссы в рост и тремя поясными изображениями Святых на концах креста (Корзухина, Пескова, 2003, с. 97). Следует заметить, что на втором варианте этих энколпионов, характерных более уплощенным характером изображений, на боковых лучах изображения ангелов заменены славянскими надписями, возможно относящимися к изображению Святого на верхнем луче. А.А. Пескова и Г.Ф. Корзухина подчеркивают связь этих энколпионов с болгарскими мощевиками с двойными славянскими надписями (Корзухина, Пескова, 2003, с. 97), датируемыми концом XII в. При этом, связь изображений Богоматери Агиосоритиссы и Св. Николая прослеживается в древнерусской пластике на протяжении длительного времени.

Аналогии публикуемому энколпиону на территории восточного Крыма пока неизвестны. Наиболее близкая аналогия происходит из раскопок Н.Ф. Беляшевского на городище Княжа Гора (Пуцко, 1988, с. 209-225, рис. 1; Коваленко, Пуцко, 1993, с. 303; Корзухина, Пескова, 2003, табл. 46, II.4.3/3). Типологически очень близок и мощевик из Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Гнутова, Зотова, 2000, Кат. № 9, стр. 24; Корзухина, Пескова, 2003, табл. 47, II.4.3/19).

В целом, аналогичные нашему энколпионы из материалов городища Княжа Гора, Друцка, Торопца обнаружены в археологических слоях первой половины XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003, с. 98). Для датировки энколпионов этого типа совершенно справедливо указание на то, что в византийском искусстве подобные изображения Богоматери появляются только в середине – второй половине XII в. и получает наибольшее развитие только к концу этого столетия (Корзухина, Пескова, 2003, с. 98). В настоящее время данный тип энколпионов датируется рубежом XII-XIII вв. (Пуцко, 1988, с. 209-225; Корзухина, Пескова, 2003, с. 97).

Балканские энколпионы. В фундаментальном каталоге Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой упоминается еще одна находка энколпиона из Судака, сделанная в 1873 г., хранящаяся в Одесском археологическом музее ИА НАН Украины. А.А. Пескова, анализируя материалы архива Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН отмечает там наличие неопубликованного доклада 1929 г. М.А. Тихановой «Материалы к докладу о Судакском кресте-энколпионе X в. (к вопросу о т.н. сиро-палестинских крестах)» (2009, с. 287, прим. 7). Вероятнее всего, речь идет именно об этом энколпионе. Место находки на территории самой Сугдеи остается неизвестным. На створке изображен святой Николай в полный рост с кириллической надписью НА W ЪС ИН КО ЛА. Изображение, в отличие от сирийских прототипов, выполнены не гравировкой, а врезными линиями, отлитыми вместе со створкой креста (рис. 183, 2). На этом основании, используя вариант написания имени Святого, как Никола и иконографического изображения святых не в позе Орант, Г.Ф. Корзухина отнесла его к изделиям древнерусского круга, изготовленным по сирийским прототипам (Корзухина, Пескова, 2003, с. 14). Хорошо известна и единственная аналогия кресту, обнаруженная в Каневе Киевской губернии еще на рубеже XIX-XX вв. (Ханенко, 1899, табл. X, 117). Отличия между ними заключаются только в том, что на Судакском кресте греческая омега в слове Святой заменена на славянское О. Однако сейчас большинство исследователей связывает этот крест, упомянутый в ЗООИД и опубликованный Т.Г. Тимашковой (1991, с. 122, рис. 2, 5), с Балканской традицией, считая его и аналогичный экземпляр из Каневского уезда (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 15, 1.2/8) провинциально-византийским изделием (Пескова, 2000, с. 267; Корзухина, Пескова, 2003, с. 53).

Из юго-восточного Крыма с территории уже упоминавшегося поселения у с. Русское происходит еще один энколпион с каплевидным завершением концов лучей. На нем помещено стилизованное гравированное изображение Святого Николая в рост (рис. 183, 3). На верхнем луче греческая надпись АГІОС NІКОЛ'АО. На боковых лучах изображение Святого фланкируется стилизованными кипарисами, выполненными достаточно четко. Вероятно, в данном случае это один из ранних сирийский энколпионов с изображением святого Николая. Совершенно аналогичным экземпляром является створка энколпиона приобретенная В.Г. Боком в Стамбуле (Пескова, 2000, с. 267, рис. 1, 1). Изображение Святого на них близко рассмотренным выше мощевикам из Канева и Сугдеи, но характер и размещение надписи, как и изображения кипарисов, по мысли исследовательницы, является следвтвием влияния ближневосточной традиции. По мнению В.Н. Залеской

створка из Стамбула могла относиться к энколпиону, служившему евлогией монастыря, где особо почитался Св. Николай (Залесская, 2006, с. 108-120). Как известно, в Византии иконография Святителя Николая складывается в X-XI вв. Примером этому может служить бронзовый прецессионный крест с изображением четырех Святых, выполненных штриховой манерой на его лучах. На нижнем — помещено погрудное изображение Святого Николая с крестом и надписью ОАГНОСN / HK /O/ Λ /A/O/C. Изделие датируется не позднее XI в. (Ambrose, 2011, р. 5).

Уникальным для Крыма и Сугдеи является фрагмент верхнего и левого лучей створки энколпиона, происходящего из археологических разведок 2006 г. на территории средневековой Сугдеи (рис. 183, 1) (Фарбей, Майко, Джанов, 2007). На лицевой створке изображен Святой с бородой, а на левом луче – остатки зеркальной кириллической надписи **А ННК ОЛАОС**. Наиболее близкой аналогией является мощевик, хранящийся в государственном Эрмитаже (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 15, ГЭ № w-195). Еще один экземпляр известен в собрании Софийского музея в Болгарии. С большой долей вероятности можно утверждать, что это фрагмент первого в Крыму энколпиона с изображением Святых с двойными именами (Никола-Власий и Георгий-Димитрий). Г.Ф. Корзухина и его относила к группе наиболее ранних древнерусских изделий (Корзухина, Пескова, 2003, с. 53). Однако, разработки Людмилы Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 1991а) доказали, что они имеют балканское происхождение. Недавно они еще раз были подробно рассмотрены болгарской исследовательницей (Дончева-Петкова, 2011, с. 104-108). Наиболее близки нашему экземпляры с реалистическим изображениями лица и одежд Святого (Дончева-Петкова, 2011, с. 105, обр. 21, 205а). Датируются они, согласно нумизматическому материалу, концом XII в. Тем не менее, подобная их датировка не исключает и более раннее время появления. Как известно, данная раритетная категория христианских находок находилась в употреблении длительный период. По мнению А.А. Песковой (Пескова, 2005, с. 151-152; Пескова, 2006, с. 268-269), избраны были пары Святых преимущественно почитаемых в среде двух народов: Николая и Власия у валахов, Георгия и Димитрия у болгар. Вероятнее всего их локализация связана с храмом Святого Димитрия в Тырнове, возведенном после 1185 г. Тем не менее, в последнее время В.Н. Залесской высказано справедливое мнение о том, что кресты с двойными надписями, большая часть которых найдена на Балканах, слабо увязываются с локальной балканской традицией бронзового литья (Залесская, 2013, с. 42).

Все три проанализированные балканские энколпионы, не получившие даже отдаленных реплик в древнерусских мощевиках (Пескова, 2006, с. 268), согласно концепции А.А. Песковой могут быть поставлены в один ряд Никольских складней, заключительным вариантом которого являются створки из Канева и Сугдеи. Сближает их почти полное отсутствие сирийских черт в изображении святых, в размещении и характере надписи и техника исполнения. При этом, исходя из конструкции петель, разработаны были эти модели энколпионов, в разной среде.

4.6.2. Кресты-медальоны и кресты-тельники. Вторую, значимую категорию культовых находок составляют кресты-медальоны, часто входившие в состав ожерелий. Обнаружены они в погребениях 45 (рис. 184, 28), 93 (рис. 184, 27) и 230 (рис. 192, 5) некрополя Судак-II. Первый крест-медальон ромбовидной формы с небольшими треугольными прорезями, подчеркивающими лучи, украшенные продольными линиями и точками на концах лучей. Изготовлен из серого шифера. Аналогия этому кресту-амулету известна среди аналогичных изделий, производившихся в Киеве. Так при раскопках ремесленного комплекса на северо-западном участке Киевского Подола (ул. Щекавицкая 25-27) в заполнении одного из помещений был обнаружен аналогичный крестмедальон (Ивакин, Степаненко, 1985, с. 94, рис. 14: 1; Сагайдак, 1991, с. 39, рис. 18: 2). Поскольку вместе с крестом были найдены шиферные формы для отливки ювелирных украшений, местное производство не вызывает сомнений. Датировать киевское изделие, можно в широких хронологических рамках конца X-XI вв. Типологически близкий шиферный крест, с похожими орнаментальными мотивами был обнаружен и при раскопках сельского поселения в урочище Ревутово в Каневском Поднепровье, где он датируется не позднее середины XII в. (Петрашенко, 1999, с. 70, рис. 7: 3). Таким образом, находка анализируемого креста-медальона в могиле 45 является важным хронологическим индикатором.

Второй крест-медальон, обнаруженный в могиле 93 некрополя Судак-II в комплексе с крупными глазчатыми бусами, изготовлен из костяной пластины подовальной формы. Лучи его прочерчены в виде четырех небрежных лепестков, наложенных один на один и образующие

восьмилепестковую розетку с точкой в центре (рис. 184, 27). Датировать медальон в узких хронологических рамках трудно, но исходя из датировки глазчатых бус ожерелья с рельефными окружностями и глазками концом X — первой четвертью XI вв. (Львова, Лесман, Рябцева, 1996, с. 204), медальон, безусловно, в этих хронологических рамках может существовать.

Третий медальон зачищен в погребении 230 некрополя Судак-II. Вероятнее всего, это бронзовая ромбическая рамка для вставного креста (рис. 192, 5), который не сохранился. Не исключено, однако, что эта рамка использовалась и самостоятельно. Типологически близкое изделие обнаружено при раскопках средневекового Новгорода, где рассматривается в качестве поясного разделителя (Седова, 1981, с. 146, рис. 57, 11) и датируется последней четвертью XII в. Не исключено, что и Судакское изделие имело подобные функции. В пользу этого свидетельствует и нижний паз, служивший, вероятно для язычка. Однако, рассматриваемый ременной разделитель, ориентируясь на более примитивное исполнение и на хронологию ожерелья, куда он входит, логичнее датировать в рамках XI в. Это так же один из важных хронологических реперов для некрополя Судак-II. Типологически близкие изделия происходят из кургана 12, погребение 1 некрополя Высокий Борок Новосибирского Приобья (Адамов, 2000, с. 226, рис. 79, 8,9). Автором они атрибутируются как подвески листовидной формы без ажурной внутренней части и датируются XIII-XIV вв. Однако в материалах данного некрополя известны и более ранние погребение XII в. (Адамов, 2000, с. 65). Исходя из состава погребального инвентаря, не исключено, что и погребение 1 кургана 12 относится к этой ранней хронологической группе.

Следующую группу изделий образуют четыре медальона представляющие собой круглые подвески с прорезными крестами (т.н. геометрический стиль). Один из них, изготовленный из бронзы, обнаружен в заполнении склепа на участке Барбакана Судакской крепости (Баранов, 1991а, с. 105, рис. 3: 9) (рис. 184, 20), другой, из того же материала – в культурном слое с внутренней стороны куртины XV Судакской крепости (раскопки 1993 г.) (рис. 184, 19). Кроме того, два фрагмента аналогичных медальонов в виде креста вписанного в окружность, где места соединения креста и окружности усиленны небольшими утолщениями, происходят из подводных археологических исследований в бухте средневековой Сугдеи (рис. 184, 18,22). Изготовлены они из свинца.

Типологически близкие бронзовые кресты-медальоны в Крыму известны достаточно широко, в частности, среди погребального инвентаря византийских склепов Херсонеса, и в погребальном инвентаре плитовых захоронений южного берега Крыма X — XII вв. (Харузин, 1890, с. 101, № 10). Наиболее известная типологически близкая древнерусская литая медная прорезная подвеска происходит из раскопа XX Новгорода. Она неоднократно опубликована (Седова, 1981, с. 40 рис. 14, 1; Жилина, 2010, с. 89, рис. 57, 12). Известны эти изделия и среди племен вятичей (Юшко, 1967, с. 50, рис. 16, 6). Судакские экземпляры, судя по материалу из заполнения склепа и культурного слоя на участке куртины XV, четко датируются в рамках второй половины X-XI вв. Эта категория украшений детально рассмотрена в одной из недавних работ В.Я. Петрухина и Т.А. Пушкиной (2009, с. 162-163). Авторы, приводя Новгородские (Седова, 1981, с. 40 рис. 14, 1) и Саркельские (Плетнева, 2006, рис. 83, 2) аналогии, справедливо отмечают, что подобные изделия не всегда рассматриваются в качестве культовых христианских. Отмечая византийские и, особенно, древнерусские типологически близкие вещи, исследователи совершенно справедливо опускают нижнюю хронологическую границу их бытования до конца Х в. (2009, с. 163). Аналогии данным крестовключенным подвескам известны и в материалах Кабардино-Балкарии (Малахов, Рудницкий, 2012, с. 131-132).

Третью группу культовых находок составляют кресты-тельники обнаруженные в погребениях 42 (рис. 184, 6), 133 (рис. 184, 2) и 216 (рис. 184, 7) некрополя Судак-II, крест из могилы 27 некрополя Судак-IX (рис. 184, 8), а так же целая группа разнообразных крестов из подводных археологических исследований в бухте средневековой Сугдеи. Крест из могилы 27 имеет округлое средокрестие и раздваивающиеся лучи с шариком между концами. Отметим, что типологически близкий крест из крепости Скала в Добрудже (Дончева-Петкова, 2011, с. 713, табло CLXXXVII, 1172), четко датируется в рамках первой половины XI в. Крестики из могил 216 и 42 небольшие по размерам. Лучи первого из них выполнены в виде трилистника, а средокрестие представлено в форме квадрата. Данные кресты чрезвычайно широко представлены в христианских памятниках Восточной Европы. В частности, типологически близкий экземпляр происходит из раскопок

древнерусского поселения XI — XII вв. у с. Бучак на Киевщине (Петрашенко, Козюба, 2005, с. 66, рис. 9: 9).

Характерное отличие нательного креста из могилы 133 заключается в его форме и орнаментации. Крест небольшой с толстыми короткими расширяющимися лучами, украшенными, как и средокрестие концентрическими окружностями (рис. 184, 2). Нижний луч креста обломан, но присутствие на нем орнамента не вызывает сомнений. Интересно отметить, что форма для отливки типологически близких крестов была обнаружена при раскопках Херсонеса (Яшаева, 2004, с. 104, рис. 1: 2). Датировать подобные кресты-тельники сложно. Как отмечает Т.Ю. Яшаева, подобные по форме кресты встречены на византийских пряжках VI-VII вв. (2004, с. 102), да и сама его форма характерна для раннесредневекового времени. Не исключено его вторичное использование погребенным в могиле 133.

Чрезвычайно богата и разнообразна коллекция крестов из подводных археологических исследований в Судакской бухте⁶⁴. К сожалению, исходя из характера обнаружения, она с трудом поддается типологизации и датировке. Тем не менее, на основании датированных аналогий, в данной работе сделана первая попытка выделить группу изделий второй половины X-XII вв.

Прежде всего, необходимо отметить литой серебряный крест с расширяющимися, копьевидными лучами, профильное ушко обломано примерно посередине. На лицевой стороне греческая надпись, сверху вниз − θ ε Φ AN и слева направо − γ A Φ ~ (рис. 184, I). Очень похожий, но полностью стертый крест обнаружен и в погребальном инвентаре захоронения 32 некрополя храма Иоанна Предтечи (рис. 184, Ia). Подобные кресты получили достаточно широкое распространение в Северном Причерноморье. Так типологически близкое изделие происходит из погребального инвентаря могилы 139 некрополя Одърци, где четко датируется в рамках первой половины XI в. (Дончева-Петкова, 2005, с. 96, обр. 6, 139₁). Морфологически близок и медный литой крестик, происходящий с территории Среднего Поднепровья (Кайль, Нечитайло, 2006, с. 83, № 745).

Остальные кресты из подводных археологических исследований изготовлены из свинца. По справедливому мнению исследователей вероятнее всего они служили, прежде всего, в качестве товарных пломб, которыми опечатывались товары (Крестови од VI до XII века ..., 1987, с. 19–20; Кузьминов, 2004, с. 446). При этом они играли функцию своеобразного оберега и гарантировали качество товара (Spinei, 1975, р. 237). Однако отливались они, вероятно, в одних и тех же формах, что и кресты-тельники, что дает возможность рассматривать их в данном разделе. Важно и то, что все известные приводимым экземплярам аналогии, происходящие с территории Болгарии, Румынии, Сербии и Руси датируются в основном X-XII вв. (Крестови од VI до XII века ..., с. 19, № 60–61; Кутасов, Селезнев, 2010). Аналогичные простые кресты с петлей для подвешивания или отверстием в верхнем луче, изготовленные из бронзы, встречены и на территории Северного Кавказа (Малахов, 2013, с.187, рис. 3, 1-3,7). Исходя из аналогий, они считаются ранним свидетельством христианизации Алании, суммарно датируются в рамках X-XI вв. и связываются с византийскими традициями в изготовлении и оформлении подобных изделий (Малахов, 2013, с. 188-189).

Согласно типологии Б. Бабича (1985) и А.В. Кузьминова (2004, с. 444-446), а так же других исследователей их традиционно делят на т.н. кресты Облика Св. Петра, греческие и латинские. Среди крестов греческого типа можно выделить экземпляр с расширяющимися концами и «массивной» поперечной проушиной, где лучи и середина оформлены орнаментом «павлиний глаз», а на верхнем луче помещен рельефный крест (рис. 184, 3). Типологически он идентичен бронзовому кресту из могилы 133 некрополя Судак-II. Типологически близкие кресты хрошо известны на территории Балкан (Дончева-Петкова, 2011, с. 679, табло ССІІІ, 787-792), где датируются в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Наиболее массовыми изделиями этой группы являются литые, равноконечные, с раздвоенными концами и фасным отверстием кресты (рис. 184, 10). Третий вариант образуют небольшие литые равноконечные крестики, где перекрестие и округлые лучи оформлены концентрическими окружностями, с фасным отверстием (рис. 184, 12).

⁶⁴ Большинство использованных материалов обнаружено в ходе подводных исследований В.В. Кузьминовым. Выражаю глубокую признательность автору за возможность воспользоваться неопубликованными материалами.

Наиболее массовыми изделиями в группе латинских крестов являются экземпляры с прямоугольными расширяющимися плоскими лучами, где лицевая часть орнаментирована вписанным рельефным крестом со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 184, 4) или проушиной проволочного типа (рис. 184, 5). Остальные экземпляры не образуют серий. Это изделие с каплевидным орнаментом и каплевидными украшениями лучей, нижний луч утерян (рис. 184, 11), с «проволочными» лучами и прямоугольной сердцевиной, проушина обломана (рис. 184, 13), с расширяющимися концами и небольшими отверстиями в центре, верхний луч утерян (рис. 184, 15). Выделим свинцовый крест с расширяющимися концами и углублением в центре (рис. 184, 16). Бронзовые кресты подобного типа, происходящие с территории Шуменского региона в Болгарии (Дончева, 2009, с. 419, обр. 4), в последнее время тщательно проанализированы С. Дончевой. Исследовательница пришла к выводу, что наибольшее распространение они получают во второй половине X-XI вв.

Группа крестов т.н. облика Св. Петра наиболее стандартизирована и представлена литыми экземплярами со слегка расширяющимися концами, где в массивном верхнем луче присутствует отверстие для подвешивания (рис. 184, 9). Известны и стандартизированные упрощенные виды этих крестов, служившие, вероятно, исключительно, как товарные пломбы (рис. 184, 24). Подобные свинцовые кресты, правда, с закругленными окончаниями лучей, происходящие с территории Шуменского региона в Болгарии (Дончева, 2009, с. 420, обр. 4), датируются в основном в рамках X в. Недавно эти кресты вновь проанализированы Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 2011, с. 199-200). Все приведенные экземпляры из северо-восточной Болгарии и города Балчика (Дончева-Петкова, 2011, с. 672, табло СХLVI, 682-684), так же датируются в рамках X-XI вв. Бронзовые варианты подобных крестов известны и на территории Скандинавии, где так же датируются в рамках X-XII вв. (Молодин, 2005, с. 102).

К редким крестам можно отнести изделие, выполненное из составных, круглых пластин дополнительно орнаментированных рельефными, концентрическими кругами. На лицевой стороне, в центре, помещен рельефный крест латинского облика с расширяющимися концами, на внутренней – концентрическая окружность. Верхняя часть утеряна (рис. 184, 17). Типологически близкий крест известен в погребальном инвентаре некрополя Одырци в Добрудже (Дончева-Петкова, 2005, с. 96, обр. 6, 247₂), где датируется в рамках первой половины XI в. Исходя из орнаментальных мотивов, определенной аналогией является и бронзовый крест из собрания Национального музея Истории Украины, лучи которого так же орнаментированы концентрическими окружностями (Зоценко, Попельницька, 2008, с. 88-90). Авторы, проанализировав практически все известные аналогии, относят его к изделиям Балканских или Нижнее Дунайских провинций Византии и датируют первой половиной XI в.

К изделиям связанным с христианским культом относятся и находки железных крестов. В Сугдее их обнаружено три. Один из них, маленький нательный, найден среди археологических находок из описанного выше зольника в Сугдее (рис. 184, 21). Два других фрагмента от крупных крестов обнаружены на территории средневекового городища Сугдеи. Это фрагмент средокрестия (рис. 184, 26) и фрагмент одного из лучей (рис. 184, 25), обнаруженные в портовой части городища. Не исключено, что они относятся к т.н. процессионным крестам. Фрагмент нижнего луча крупного бронзового креста, украшенного окружностями по бокам, обнаружен при проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи (рис. 184, 23). Можно ли относить его к процессионным, сказать сложно. Фрагменты подобных крестов хорошо известны в материалах археологического комплекса близ с. Дядово на Балканах (Borisov, 1989, р. 276, fig. 322, c,d), где датируются в рамках XI-XII вв.

4.6.3. Медальоны. Следующую категорию находок образуют христианские медальоны (Майко, 2012г, с. 38). Это чрезвычайно разнообразная категория мелкой византийской пластики, так же с трудом поддающаяся типологии. Среди медальонов выделяются отдельные вещи

имевшие, несомненно, некоторую художественную ценность⁶⁵. Большинство же составляют свинцовые изделия, широко применявшиеся в повседневной жизни.

Анализ предметов можно начать с двух свинцовых медальонов обнаруженных при проведении подводных исследований в Судаке в 2004-05 гг. Практически идентичные по размерам, они отличаются только некоторыми морфологическими деталями (более или менее вытянутые пропорции) (рис. 187, 1,2). Оба изделия имеют уплощенную форму в виде восьмилистника с четырьмя крупными и четырьмя мелкими лепестками, обрамляющими круг. В круге с двух сторон помещены плохо сохранившиеся погрудные изображения Святого с копьем. Совершенно аналогичный свинцовый медальон (рис. 187, 3), датирующийся средневизантийским периодом и происходящий, предположительно, с территории Болгарии, хранится в коллекции Мюнхенского музея (Die welt von Byzanz..., 2004, р. 183, № 245). Традиционно изображения на подобных медальонах атрибутируются как Св. Георгий и на обратной стороне Св. Феодор. Аналогичный литой свинцовый медальон обнаружен в погребении 160 некрополя Одърци (рис. 187, 4) в комплексе со стеклянным браслетом (Дончева-Петкова, 2005, с. 342, табло XCII, 6). Л. Дончева-Петкова атрибутирует его как Святого Димитрия (2005, с. 97), что, исходя из сохранности, не бесспорно. Основываясь на том, что обе полные аналогии происходят с территории Болгарии, в качестве рабочей гипотезы можно предположить Балканское происхождение подобных свинцовых медальонов.

Не исключено, что данные свинцовые медальоны являются упрощенным вариантом подобных камей, изготовленных из драгоценных металлов. В качестве примера можно привести широко известное изделие, хранящееся в Государственной оружейной палате (рис. 187, 5), куда поступило из Владимиро-Суздальского заповедника (Искусство Византии..., 1977, с. 123, № 636). Датируется сама камея, в отличие от русской оправы более позднего времени, не позднее конца XI в. Изображения на этом изделии атрибутируются по разному (Искусство Византии..., 1977, с. 123; Даркевич, 1975, с. 290; Писарская, 1965, с. 21, ил. XXXI). Возможную связь рассматриваемые свинцовые медальоны имеют и с такими раритетными вещами, как двустворчатый энколпион, створки которого и составляют подобные серебряные медальоны (Die welt von Вуzапz..., 2004, р. 181, № 234) (рис. 187, 6). Изделие хранится в Мюнхенском музее и датируется средневизантийским периодом, точное место его происхождения неизвестно.

К свинцовым медальонам с изображением Святых относится еще один экземпляр, происходящий из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи в 2005 г. (рис. 185, 1). Это круглое плоское изделие с изображением конного всадника. Ушко изделия обломано в древности. Типологически близкий, вернее практически аналогичный медальон, правда, изготовленный из меди, с изображением конного всадника с копьем известен в собрании Б.И. и В.Н. Ханенко (1899, табл. VI, 79) (рис. 185, 2). Происходит он из г. Витачев Киевской губернии. Автор каталога датировал его XII в., а в изображенном всаднике не без оснований видел Святого Георгия (1899, с. 17). Совершенно аналогичный, прекрасно сохранившийся медальон происходит из собрания Одесского музея нумизматики, выложенный на сайте этого музея (The Odessa Museum of Numismatic, 2000, http://www.museum.com.ua/expo/kult_izd_ru.html, № 6) (рис. 185, 3). Сохранность фигуры святого не оставляет сомнений в том, что это Святой Георгий. Типологически близкий свинцовый медальон известен и в собрании Мюнхенского музея (Die welt von Вузапх..., 2004, р. 182, № 240). Изображенный на нем Святой так же атрибутируется как Святой Георгий.

⁶⁵ Безусловно, наиболее ценной находкой, обнаруженной при раскопках Судака, является византийская иконка с золотой основой и изображением, выполненным в технике перегородчатой эмали. Находка была сделана экспедицией Государственного Исторического музея под руководством Ю.В. Готье в 1927 г. при исследовании нижних горизонтов заполнения часовни на первом ярусе Георгиевской башни (Готье, 1927, с. 48; Готье, 1928, с. 502). По свежим следам эта уникальная находка активно обсуждалась на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе в сентябре 1927 г. В прениях по докладу Н.Е. Макаренко, А.И. Некрасовым, Д.П. Гордеевым была подчеркнута высокая техника исполнения и высказана точка зрения о возможной сявзи изделия с византийскими иконками Грузии (Вторая конференция..., 1927, с. 49). Еще в 1930 г. Л.Н. Эрнст подчеркивал, что данная иконка является одной из наиболее ценных находок сделанных на территории Крыма за 1917-1927 гг. (Эрнст, 1930, с. 76, 84). К сожалению, несмотря на отдельные упоминания о находке этого уникального изделия (Баранов, 1989, с. 55), насколько известно автору, нигде она опубликована не была. Пока не удалось установить не только место хранения раритета, но и обнаружить какое-либо его изображение или хотя бы описание.

Остальные свинцовые медальоны украшены разнообразными орнаментальными мотивами и христианскими символами. Изображения Святых на них не размещались. В основном это двусторонние или односторонние плоские круглые изделия с ушком для подвешивания. В последнее время наиболее детальная типология византийских свинцовых амулетов в том числе с изображением креста была опубликована С. Дончевой и Г. Атанасовым и (Дончева, 2007; Атанасов, Дончева, 2011, с. 93-113). Орнаментальные мотивы публикуемых медальонов различны. В одном случае это шестилепестковый цветок с рельефными точками между лепестками и насечками по краю изделия (рис. 185, 5). Подобные медальоны с шестилучевой розеткой широко известны и на территории Болгарии, где выделены С. Дончевой в тип G I (Дончева, 2007, с. 33-35). Отметим, что на Балканах они получили наибольшее распространение в середине Х-ХІ вв. Типологически наиболее близок нашему экземпляр из Разграда (Дончева, 2007, с. 235, табло LXXIII, 26). Некоторые общие черты в орнаментации присутствуют и у медальонов типа G II с восьмилепестковой розеткой, лучи которой разделены точками, в частности, экземпляра из Разграда (Дончева, 2007, с. 240, табло LXXVIII, 14). Наиболее близкие аналогии известны так же в материалах исследований южной Италии (Атанасов, Дончева, 2011, с. 95, рис. 1, 4), а так же раскопок Золотаревского археологического комплекса в Поволжье (Белорыбкин, 2001, с. 47, рис. 28, 5).

В другом случае - это рельефный орнамент в виде концентрических окружностей в центре, и рельефными выпуклыми крупными точками по краю (рис. 185, 10). Вероятнее всего эти медальоны существуют длительное время. В материалах исследований на плато Тепсень подобный свинцовый медальон обнаружен в слое первой половины Х в. (рис. 185, 8). На одной стороне третьего экземпляра помещен мелколепестковый цветок в круге, обрамленный по краю медальона растительным орнаментом. На его другой стороне - концентрические незамкнутые окружности (рис. 185, 11). Эта наиболее представительная для восточного Крыма коллекция медальонов так же имеет аналогии в балканских изделиях, отнесенных С. Дончевой к типу D II с разнообразными вариантами сочетания орнамента в виде идущих по кругу точек и концентрических окружностей (Дончева, 2007, с. 29). На территории Болгарии они получили распространение во второй половине ІХ – первой половине Х вв., однако за пределами Балкан известны и в более позднее время. Наиболее близки нашим экземпляоы из северо-восточной Болгарии (Дончева, 2007, с. 212, табло L, 4), Силистры (Дончева, 2007, с. 213, табло LI, 5), Разграда (Дончева, 2007, с. 214, табло LII, 10), Добрича (Дончева, 2007, с. 215, табло LIII, 14). Типологически близкий свинцовый медальон известен и среди погребального инвентаря некрополя Одырци (Дончева-Петкова, 2005, с. 96, обр. 6, 204₁₀) (рис. 185, 12), а так же в материалах раскопок Коринфа (Атанасов, Дончева, 2011, с. 106, рис. 17, 8), где четко датируются в рамках первой половины XI в. На двух обнаруженных подобных медальонах изображения не сохранились (рис. 185, 6,9).

Единичными экземплярами представлены свинцовые медальоны других форм. Во-первых, это одностороннее изделие овальной формы с рельефным крестом в центре, заключенном в пятиугольную рамку, по краям которой прочерчены линии, разделенные точками (рис. 185, 7). Подобные круглые медальоны с насечками по краю и вписанным равносторонним крестом, окончание лучей которого подчеркнуты точками, получили широкое распространение на Балканах. Болгарской исследовательницей С. Дончевой они отнесены к типу С III (Дончева, 2007, с. 26-27). В настоящее время Г. Атанасовым и С. Дончевой они отнесены к группе сплошных круглых медальонов с изображением греческого креста. Наибольшее распространение они получили во второй половине IX – первой половине X вв., однако известны и во второй половине X в. В частности в материалах раскопок Новы Черны, крепостей Царь Асен и Скала они четко датируются второй половиной X-XI вв. (Атанасов, Дончева, 2011, с. 99, рис. 7, 1,2). Типологически наиболее близки нашему изделию медальоны из северо-восточной Болгарии (Дончева, 2007, с. 194, табло XXXII, 18) и материалов раскопок некрополя у с. Батин (Дончева, 2007, с. 198, табло XXXVI, 34). Правда оба они круглой, а не подтрапециевидной формы и насечки по краю, не разделенные точками, расположены регулярно.

Во-вторых, двусторонний выпуклый медальон каплевидной формы с выпуклой стороны украшенный точечным орнаментом по краю. С вогнутой стороны помещено схематическое изображение семисвечника в виде «древа жизни» (рис. 185, *18*). Третий односторонний медальон

в виде пятиугольника, сохранившийся на ½ первоначальной величины, украшен рельефным кресстом с греческой надписью по бокам лучей IC XP NI KA (рис. 185, 19).

Отличаются оригинальностью медальон с рельефным изображением лошади (рис. 185, *13*) и двустороннее изделие в виде меча с остатками растительного(?) орнамента (рис. 185, *4*). Не исключено, что они датируются более ранним временем и использовались как детские игрушки.

Отдельную категорию свинцовых медальонов составляют лунницы. Наиболее полно двурогие и трехрогие свинцовые лунницы, происходящие из раскопок на Балканах, проанализированы С. Дончевой (Дончева, 2007, с. 41-44). При проведении подводных исследований их известно в Сугдее пока три. Все они отличаются размерами, орнаментом и морфологическими особенностями. Наиболее крупный экземпляр с небольшим расстоянием между лучами полумесяца орнаментирован по краю точками, разделенными линиями. Само изделие украшено зонами геометрического и растительного орнамента, полностью реконструировать который, исходя из сохранности вещи сложно (рис. 185, 16). Подобная двурогая свинцовая лунница с геометрическим орнаментом происходит и с территории северо-восточной Болгарии (Дончева, 2007, с. 255, табло ХСІІІ, 1). Аналогии ей, правда, не такие многочисленные, известны так же в материалах как южной, так и северной Руси (Седова, 1997, с. 300, табл. 54, 18). Очень часто такие лунницы трансформировались в круторогие крестовключенные. Примером их может служить бронзовая двурогая лунница с крестовидным выступом по центру из помещения 3 усадьбы І городища Эски-Кермен (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 10, рис. 2, 4). Орнаментальные мотивы, в виде зон геометрического орнамента, состоящего из линий и крупных точек с окантовкой изделия литыми точками, согласно хронологической таблице Т.И. Макаровой, характерны для серебряных лунниц с зернью т.н. второй группы древнерусских кладов, которая датируется второй половиной Х-ХІ вв. (Седова, 1997, с. 285, табл. 39). В данном случае, орнамент имитировал зерненный.

Другой медальон имеет по центру полумесяца треугольный выступ, сама же плоскость украшена мелким сетчатым орнаментом с точками между клетками (рис. 185, *17*). Это редкий тип узкорогих лунниц, относимых к язычковым. Типологически близкая лунница с сетчатым орнаментом, правда, с более длинным фигурным третьим рогом, опубликована С. Дончевой (Дончева, 2007, с. 261, табло XCIX, 8).

Третья лунница, опубликованная В.В. и В.И. Булгаковыми (2012, с. 308, рис. 16, 9) отличается небольшими размерами, но большим расстоянием между лучами полумесяца. Изделие украшено рельефными окружностями с точками в центре (рис. 185, 15). Подобная небольшая двурогая свинцовая лунница с орнаментом в виде точек происходит из раскопок Пакул-луи Соаре (Дончева, 2007, с. 257, табло XCV, 13), где четко датируется в рамках XI в. Аналогии Судакской свинцовой луннице среди древнерусского материала значительно обширнее (Седова, 1997, с. 300, табл. 54, 16).

Наибольшее распространение во второй половине X-XII вв. лунницы, изготовленные из различных металлов, получили на территории Древней Руси (Хамайко, 2008, с. 319-338). Для средневековой Таврики это достаточно редкая находка. Точные аналогии Судакским изделиям мне не известны.

Среди всех проанализированных медальонов особое место занимают экземпляры, представлявшие определенную художественную ценность и, вероятно, не являвшиеся, в отличие от свинцовых, продуктом массового производства. В Сугдее их обнаружено пока два. Один из них, изготовленный из бронзы, с погрудным изображением двух Святых происходит из доордынского слоя на участке башни № 3 (Баранов, 1994a, с. 55, рис. 6, 1) (рис. 187, 7). Аналогии ему И.А. Баранов видел в медальоне из слоя разрушения мастерской на мысе Димитраки (Фронджуло, 2010, с. 584, рис. 9). Последний он считал производственным браком (Баранов, 1994a, с. 56). Вставками типологически близкими судакским, И.А. Баранов считал экземпляры, помещенные на большом серебряном Константинопольском кресте конца XII — начала XIII вв. из коллекции Думбартон Оакс (Ross, 1962, р. 27-28, pl. XXII, № 21-24), а так же на кресте XI в. из Лавры Св. Афанасия (Банк, 1978, рис. 19).

К произведениям византийской глиптики относится второй медальон овальной формы, выполненный из стекла. На нем изображена рельефная поясная фигура Димитрия Солунского в броне с поясом на талии и плаще. Голова окружена нимбом из выпуклых кружков. В правой руке Димитрий диагонально держит копье, в левой — маленький круглый щит с крестом посередине. По сторонам греческая надпись: «О АГІОС ДНМНТРІОС» (рис. 186, 1). Он был обнаружен в

1863 г., как указывалось, на Судакских виноградниках (Мурзакевич, 1872, с. 321). К сожалению, точное местонахождение раритетного артефакта остается пока невыясненным.

Аналогии данной кемее малочисленны, несмотря на безусловный массовый характер производства, как данных, так и других типов литиков (Гуревич, 1982, с. 181). Наиболее известная из них, выполненная из темно-красного стекла, размером 3 х 2,4 см, помещенная в центре серебряной с позолотой и сканью иконки русской работы XV в. и происходящая из собрания Гамбургского музея (рис. 186, 3), впервые была опубликована Г. Вентцелем (Wentzel, 1963, р. 11), проанализирована В.П. Даркевичем (1975, с. 291, илл. 418) и упомянута рядом других исследователей (Гуревич, 1982, с. 179; Никольская, 1988, с. 45). Г. Вентцель относил данное изделие к группе венецианских стеклянных камей XIII в., подражавших византийским прототипам (Wentzel, 1963, р. 11-24). Судя по греческой надписи, иконографии и стилю фигуры Димитрия, В.П. Даркевич, датируя камею XII-XIII вв., склонялся к версии о ее византийском происхождении (1975, с. 291). Совершенно аналогичный литик, происходит и из собрания Лувра (Вуzапсе. L'art byzantin..., р. 441-442, № 334) (рис. 186, 2), отнесен из изделиям венецианской группы. Стилистически к данной группе камей относятся и изделия с изображением Святого Георгия. Наиболее близкая аналогия происходит из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (Даркевич, 1975, илл. 406).

Как известно, произведения византийской глиптики, наиболее трудные для датировки впервые были обобщены немецким ученым Γ. Вентцелем, собравшим сведения о 171 литике, выделив среди них более 55 типов и считавшим их знаками паломников XIII в. (Wentzel, 1959, р. 50-67; Wentzel, 1963, р. 11-24). В дальнейшем данная категория изделий, в том числе камеи с изображением Святого Димитрия, рассматривалась в работах М. Росса (Ross, 1962, р. 87—91), М. Викерса (Vickers, 1974, р. 18-19), В.П. Даркевича (1975, с. 291), А.В. Банк (1978, с. 133-134), Ф. Д. Гуревич (1982, с. 178-182), Т.Н. Никольской (1988, с. 45-47). В настоящее время известно более 60 типов литиков (Стерлигова, 2006, с. 185).

Относительно проблемы о месте производства средневековых камей существуют две основные точки зрения. Первая группа исследователей, начиная с Б.И. Ханенко (*Ханенко*, 1907, с. 44, табл. XXXVIII, 1323), считает, что они изготавливались в Византии. Наиболее последовательным сторонником византийского происхождения литиков являлся М. Росс. По его мнению, завоевание Константинополя латинянами в 1204 г. не приостановило традиционной выделки стеклянных изделий. Основываясь на популярности культа святых изображенных на камеях исключительно на территории Византии, он считал, что стеклянные пасты, чаще изготовлялись в Константинополе, чем в Венеции (Ross, 1962, р. 87-91). Этих же взглядов придерживался Г. Кузманов (1975, с. 51-54).

Вторая группа исследователей рассматривает иконки-литики как продукцию западных мастеров (Dalton, 1901, р. 136; *Николаева*, 1960, с. 191). Тщательный иконографический анализ привел Γ. Вентцеля к выводу о том, что только очень небольшое количество литиков изготовлено в византийских мастерских, вся же основная масса стеклянных иконок западного, венецианского происхождения (Wentzel, 1959, р. 56-58). Отмечая расхождение во взглядах ученых о месте выделки литиков, М. Викерс полагает, что этот вопрос может быть разрешен методами естественных наук, а именно путем анализа изотопов свинца (Vickers, 1974, р. 21). А.В. Банк склонялась к мнению Γ. Вентцеля, а присутствие на иконках греческих надписей, по ее мнению, позволяет думать, что они выделывались для грекоязычного населения (1978, с. 145; Bank, 1981, р. 311-318). Относительно иконы с Димитрием Солунским необходимо отметить, что краснокоричневый цвет пасты, в отличие от фиолетово-пурпурного, традиционно считается признаком венецианского происхождения (Стерлигова, 2006, с. 185). По мнению В.Н. Залесской литики подобного типа изготавливались не только в Венеции, но и в итальянской колонии Константинополя в период латинского владычества (Залесская, 1997, с. 150-156).

Как известно, датировка византийских камей чрезвычайно сложна и связана, конечно, с местом их производства. Основываясь на схожести некоторых иконографических деталей данных изделий и византийских печатей, были сделаны попытки датировать их до 1204 г. и считать продукцией Константинопольских мастерских (Laurent, 1952, pl. XXV, № 205, 395; pl. LXII, № 515; Oikonomides, 1986, № 90). Для датировки важно и справедливое замечание А.В. Банк о том, что на подавляющем большинстве гемм Святой Димитрий и Святой Георгий представлены в воинских образах, и только на двух они представлены как мученики. Изображения этих святых, как мучеников характерно для византийского прикладного искусства X-XI вв. В XII в. преобла-

дает их изображения в виде Святых воинов, что подтверждается и сфрагистическими данными (Банк, 1978, с. 133-134).

Однако иконографический тип Димитрия Солунского, помещаемый на изделиях мелкой пластики, в том числе камеях, окончательно сложился в Византии уже к XI в. Он типичен для иконографии Святых воинов⁶⁶. Святой представал в образе фронтального погрудного изображения воина, облаченного в доспехи и плащ, в правой руке держащего копье, левой – опирающегося на щит. В этой связи любопытны итоги количественного спектрального анализа стекла новогрудской иконки, характерные для византийских стеклянных изделий (Гуревич, 1982, с. 181). Введение окиси марганца в состав стекла, как установлено специалистами, характерно для Средиземноморья, но особенно для Византии (Matson, 1940, р. 325, 327).

4.6.4. Иконы. Исключительное место среди культовых находок населения восточного Крыма занимает фрагмент фаянсовой овальной формы <u>иконки</u> с ушком для подвешивания, связанной с импортом с территорий Коптского Египта, происходящей из могилы 216 некрополя Судак-II (рис. 185, 14). Однако, чрезвычайно плохая сохранность изделия, утрата ½ его части и, очевидно, сильная стилизация изображений, не позволяет произвести его анализ и продатировать уникальный экземпляр уже, нежели весь комплекс погребения.

Отдельную категорию находок, вероятно находившихся в быту длительное время, и являвшихся своеобразными христианскими реликвиями, составляют <u>иконы, изготовленные из стеатита</u>. До настоящего времени находки подобных икон в Крыму единичны. Наибольшая коллекция происходит из Херсонеса, но и она насчитывает несколько десятков фрагментированных экземпляров. Исследователями установлено, что стеатит, имеющий исключительные производственные особенности, пришел на смену слоновой кости на рубеже X-XI вв. (Архіпова, 2004, с. 7) и отображал иконописные византийские оригиналы, которые получили популярность в Империи в XI-XII вв.

В средневековой Сугдее известно всего четыре фрагмента подобных икон. Исходя из фрагментарности находок их трудно отнести к конкретной стилистической группе, связанной с Константинопольскими мастерскими. Два происходят из переотложенных культурных горизонтов. Первый обнаружен в культурном слое на площади барбакана (рис. 190, 2). На маленьком фрагменте сохранилась только небольшая часть изображения Богородицы, возможно, Оранты, и фрагмент греческой надписи НСТ.

Второй фрагмент иконы (рис. 190, 3) был обнаружен в позднесредневековом культурном слое в портовой части Сугдеи. На фрагменте сохранилась только нижняя часть левой стороны полукруглой арки, завершавшей, обычно, верх изделия. Арка опирается на тонкие витые столбики с капителями в виде шишки с высокими базами, украшенными косыми штрихами и одноглавым животным или птицей, атрибутировать которые сложно. Известно, что капители колон на стеатитовых иконах с парными птицами, обращенными спинами друг к другу, датируются XI-XII вв. (Банк, 1978, с. 96). Не исключено, что это фрагмент иконы с большим композиционным фоном.

Из частной коллекции происходит пока что наиболее значимый фрагмент иконы изготовленной из достаточно редкого стеатита коричневатого оттенка (рис. 190, *I*). Изображение на ней Иисуса Христа поражает своей утонченностью и совершенством, ничем не уступая изображениям на слоновой кости. Исследование иконографического типа Христа, орнаментальных растительных мотивов вокруг него, тема отдельного исследования. Однако, исходя из живописных образов XII в. датировать ее можно этим столетием. По мнению В.Г. Пуцко подобное изображение Христа Пантократора получает распространение в византийской иконографии в XI в. Однако тщательность исполнения отдельных деталей типологически близких изделий может свидетельствовать и о более поздней датировке в рамках XII в. (Пуцко, 2011, с. 54).

Последний пока фрагмент иконы был обнаружен в подъемном материале во время археологических разведок к югу от Башни Якобо Торселло Судакской крепости (рис. 190, 4). Это верхний правый угол небольшой прямоугольной иконы, центральную часть которой, безусловно, занимало Распятие. Сохранилась левая рука Иисуса Христа. Левый луч креста и нимб украшены

⁶⁶ В качестве примера можно привести жадеитовую камею с изображением Святого Георгия из Троице-Сергиевой Лавры (Воронцова, 2006, с. 13, ил. 2; цветн. вклейка I), но и она не избежала попыток датировки раннепалеологовским временем.

красной краской, на которой прослежены остатки позолоты. Над рукой и под ней размещены греческие буквы соответственно **XC** с титлом и **IC**. Правее от букв, с двух сторон руки помещены полукруглые выступы с крестообразными граффити. Датировать изделие тяжело, но не исключено, что он того же времени, что и предыдущий фрагмент. В последнее время выдвинуто предположение о возможном изготовлении части стеатитовых икон в Херсонесе по византийским образцам (Романчук, 2006, с. 137-143). Однако данная гипотеза нуждается в дополнительном обосновании.

4.6.5. Элементы церковной утвари. Небольшую коллекцию составляют элементы церковной утвари. К сожалению, связать их с конкретным церковным объектом трудно. Археология церковной утвари и реликвий - одно из самых старых и традиционных направлений византийской археологии. Основная тенденция в изучении византийской церковной утвари сегодня - переход от анализа и интерпретации отдельных выдающихся произведений прикладного искусства к созданию системных и региональных сводов артефактов (Рыжов, Яшаева, 2012, с. 34-35), а также применение более строгого источниковедческого подхода к их атрибуциям (Беляев, 2004, с. 232-252).

Наиболее известными находками остаются бронзовые кадила, исследованные в Сугдее и Боспоре. Судакские кадила уже не раз становились предметом специальных исследований (Архипова, 2008, с. 207-216; Майко, 2007, с. 208-209). Напомним, что они были обнаружены летом 1869 г. среди костяков некрополя храма Параскевы на посаде средневековой Сугдеи и сразу опубликованы (Мурзакевич, 1872, с. 319-320).

Одно кадило гладкое, с несохранившейся цепочкой, другое — орнаментированное семью новозаветными сюжетами с тремя цепочками (Мурзакевич, 1872, с. 319-320; Толстой, Кондаков, 1891, с. 35, рис. 28, 28а) (рис. 191). Согласно типологии В.Н. Залесской (1971, с. 88-90) литые медные кадила с таким количеством сюжетов, в отличие от их ранних прототипов, в том числе из Крыма (Феодосия, Керчь) (Мурзакевич, 1850, с. 565-566; Залесская, 1971, с. 86, рис. 2) относятся к типу три, который характеризуется изображением фигур при помощи мелких поверхностей и упрощенным орнаментальным мотивом в виде простой пальметты, занимающей только одну линию. Датируются они не ранее середины X в. Немного более ранняя датировка IX-X вв. была предложена Н. Мурзакевичем и Н. Кондаковым (Мурзакевич, 1872, с. 320; Толстой, Кондаков, 1891, с. 35). При этом надо учитывать мнение В.Н. Залесской о возможности существования местной крымской локальной группы изделий, имеющих, возможно, и более поздние датировки (1971, с. 91). Во всяком случае, наиболее ранние погребения некрополя, исследованные в 2001, 2007-2008 гг., датируются не ранее конца XII в. Не исключено, что изделие принадлежит к сирийской группе литургических предметов, которые поступали в Крым с середины Х в. (Архипова, 2008, с. 214). Следует добавить, что из погребального инвентаря прихрамового некрополя церкви Параскевы происходит и находка т.н. сирийского энколпиона (раскопки 2008 г.). Косвенно датировку Судакского кадила подтверждают и находки типологически близких кадил из Армении. Два экземпляра из Ани (Армения) датируются X-XI вв. (Armenia sacra..., 2007, р. 209 № 78; р. 209-210 № 79), а с более проработанными сюжетами X-XII вв. (Armenia sacra..., 2007, р. 210 № 80). По мнению Е.И. Архиповой, идентифицировавшей и впервые опубликовавшей подробное фото предмета (2008, с. 210-211, рис. 3), сцены на Судакском кадиле расположены с нарушением хронологии евангельских событий, что делает памятник в своем роде уникальным (2008, с. 208-209). Исследовательница подчеркивает, что использовать его могли не только в храме, но и в домашних условиях (2008, с. 212).

Изматериалов второй половины X-XI вв. зольника на участке куртины XV Судакской крепости происходит находка элементов бронзового лампадофора представленного профилированным стержнем с остатками бронзовой фигурной цепи с двух сторон (рис. 192, 8), распределителем в виде трилистника с непрофилированным простым верхним кольцом (рис. 192, 4) и кольца с верхней петлей от стержня (рис. 192, 6). Кроме того, при проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи обнаружены фрагменты бронзовых профилированных стержней лампадофоров (рис. 192, 7,9).

Наибольшую известность прибрела, однако, другая находка подобного Сугдейского лампадофора. Обнаружен он был в 1869 г. вместе с рассмотренным выше бронзовым кадилом и состоял из массивного крюка, распределителя, аналогичного происходящему из зольника, но с профилированной верхней петлей, и одной сохранившейся цепочки. Последняя, состояла из трех

профилированных стержней, аналогичных обнаруженному в зольнике, соединенных при помощи незамкнутых колец. Между кольцами первого и второго звеньев располагался крест (рис. 192, 10). Исходя из вероятной находки данных вещей в погребении, скорее всего, перед нами цепь для подвешивания кадила. Связана ли она с храмом Параскевы, ответить пока невозможно. Из фондов музея «Судакская крепость» происходит и бронзовый крест в круглом медальоне с двумя ушками для подвешивания (рис. 192, 2) (Фарбей, 2004, с. 345–384). К сожалению, его происхождение не известно. Вероятнее всего он служил для соединения звеньев цепи лампады или лампадофора. Аналогичные фигурные многолопастные крестообразные шарнирные звенья цепей наиболее полно представлены в Херсонесе (Белов, Якобсон, 1953, с. 153, рис. 42, б). Авторы считали их ближайшими аналогиями изделия Киевской Руси, подчеркивая возможные художественные связи регионов (Белов, Якобсон, 1953, с. 153). Типологически близкое изделие происходит и из подводных исследований в Судакской бухте. Это так же бронзовый фигурный крест в круглом медальоне с двумя ушками для крепления с одной стороны и одним – с другой (рис. 192, 3). Не исключено, что служить он мог не только в качестве элемента цепи лампадофора, но и, например, как фигурное кольцо для подвешивания ключа. Подобный украшенный ключ известен в коллекции Мюнхенского музея (Byzans – Das Licht aus dem Osten..., 2001, p. 350, pl. IV.99.2) (рис. 192, 1).

Типологически близкий лампадофор был обнаружен и при раскопках помещения 6 усадьбы V городища Эски-Кермен (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 16-18). Он представлен, помимо самой чаши, литыми звеньями от цепей лампады в виде круглого в сечении стержня с рельефными валиками на месте перехода к петлям (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 17, рис. 8, 1), соединяющим их крестом с ровными округлыми концами (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 17, рис. 8, 2)и нижними звеньями цепи в виде круглого в сечении стержня восьмерковидной формы (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 17, рис. 8, 3). Отметим, что в материалах этого городища в помещении 1 усадьбы I известен и бронзовый шестилопастной держак от лампады или кадила с цепью с восьмерковидными звеньями (Айбабин, Хайрединова, 2013а, с. 17, рис. 8, 5).

Своеобразным предметом, вероятно связанным с христианским культом, является диск диаметром примерно 13,7 см, изготовленный из алебастра (рис. 192, *II*). В центре его находится круглое углубление диаметром 5,4 см, а по его бокам четыре круглых углубления, но меньшего диаметра (2,9 см), расположенных крестообразно. Между этими последними углублениями — четыре так же расположенных крестообразно небольших сквозных отверстия. На оборотной стороне присутствует своеобразная ручка для держания или основание для подвешивания. Назначение предмета пока определить сложно. Не исключено, что он так же является элементом лампадофора. Аналогичные поликандилы, где в качестве основы использовался плоский или слегка выпуклый диск, получают наибольшее распространение среди византийских литургических предметов начиная со второй половины X в. (Вуzапz das lieght..., 2001, р. 217, fig. II, 12). Наиболее существенным отличием нашего предмета является не только материал, но и отсутствие отверстий для установки стеклянных лампад. Имеющиеся – предназначены для подвешивания на четырех цепочках к крюку. Вероятнее всего центральное и крестообразные углубления служили для установки каких-то светильников на плоском или выпуклом дне.

K культовым находкам условно относится половинка т.н. «самоварчика» или «мощевика», происходящая из зольника Сугдеи (рис. 166, I7). Традиционно эти предметы датируются на территории Таврики салтово-маяцким временем. Однако подобная находка свидетельствует о том, что они, очевидно, в отдельных случаях переживают середину X в.

Интересную и редкую категорию церковной утвари составляют <u>глиняные штампы для</u> просфор. Из раскопок в портовой части Сугдеи происходит фрагмент подобного изделия, обнаруженный в культурном слое, датированном второй половиной X-XI вв. Бронзовые и глиняные штампы для церковного хлеба получили распространение на территории Византийской империи еще с позднеантичного и раннесредневекового времени. Они достаточно хорошо известны, в частности в Херсонесе (Седикова, 2012, с. 35-36) благодаря различным публикациям. На территории юго-восточной Таврики типологически близкий Сугдейскому предмет обнаружен в заполнении сооружения 7 раскопа XXII поселения Бакаташ-II (Крамаровский, Гукин, 2006а, с. 298, табл. 178, 1,2; Гукин, 2008, с. 348, илл. 18) (рис. 189, 2). Как и другие уникальные христианские находки средневизантийского периода этого золотоордынского поселения, имеющие длительные хронологические рамки существования, предмет происходит из переотложенных горизонтов.

Однако такое количество артефактов может свидетельствовать о существовании здесь поселения интересующего нас периода. Близкий глиняный штамм обнаружен и в ходе подводных исследований у пос. Карасан Алуштинского региона (Jastrzebowska, Gerasimov, 2010, р. 191-192). Характерным его отличием так же является округлая форма изделия с простым крестом с расширяющимися лучами, в который вписан простой равноконечный крест с рельефными треугольниками между ними (рис. 189, 1). Несмотря на подводный характер находки, изделие обнаружено в комплексе с фрагментами керамики, датирующейся второй половиной X-XII вв. Время появления различных категорий хлебных штампов, в том числе и глиняных (Сорочан, 2005, с. 312, рис. 99), и время их бытования установить достаточно сложно, что неоднократно подчеркивалось специалистами (Feig, 1994, р. 594). Однако, учитывая сопутствующий материал и датированные аналогии предметам (Jastrzebowska, Gerasimov, 2010, p. XXVIII, 2,3,6), в том числе двусторонние формы, предварительно можно говорить о том, что характерным отличием штампов для просфор средневизантийского времени является глина в качестве материала изготовления, упрощенная форма изображения в виде креста и отсутствие в большинстве случаев посвятительных надписей. Последние характерны для глиняных штампов более позднего времени. Впрочем, в коллекции Одесского археологического музея известен уникальный каменный штамп для просфор, предположительно происходящий из Феодосии и датированный, исходя из этого предположения, XIV-XV вв. Для него так же характерно простое аналогичное оформление креста штампа (Денисюк, 2010, с. 116, рис. 1, 4).

4.6.6. Обрядовые предметы, амулеты. Следующие две находки связаны скорее с культовыми обрядовыми христианскими традициями. Речь пойдет о керамических писанках, которые современными исследователями считаются полифункциональными изделиями (Сушко, 2011, с. 49). В материалах Сугдеи их обнаружено пока две (рис. 193, 4,5). Одна, зачищенная в погребальном инвентаре могилы 4 некрополя Судак-II, расписана традиционным орнаментом в виде «математических скобок» желтого цвета, (рис. 193, 5). Вторая, происходящая из заполнения жилого помещения на площади раскопа III в портовой части Сугдеи, расписана горизонтальными линиями (рис. 193, 4). Чаще всего писанки связываются с очистительными и возрождающими силами (Моця, 1990, с. 129). Судакская писанка из погребения 4 уже становилась предметом публикаций (Майко, 2004б, с. 220, рис. 8: 12; Арустам'ян, 2004, с. 392). Керамические писанки достаточно хорошо известны среди древнерусского материала XI-XII вв. (Сагайдак, 1991, с. 107; Кучера, 1986, с. 453, рис. 107: 1). Судя по находкам форм для их отливок, происходящим из Киева (Боровський, 1992. с. 109-111), подобные веши изготавливались на территории Древней Руси уже с середины XI в. (Шовкопляс, 1981, с. 92-98) и в это же время начали попадать в Таврику. Согласно типологии А.О. Сушко, подобные изделия, следом за Т.И. Макаровой (1966, с. 143-144) отнесены к северному Новгородскому варианту (Сушко, 2011, с. 48). Однако, безусловно, такое деление условно. Известны писанки первой половины XI в. и на территории Балканского полуострова (Българите и техните съседи..., 2004, с. 85, № 67; Йотов, 2005, с. 145). На территории Подунавья их известно не менее 14 (Коновалова, Перхавко, 2000, с. 180, табл. 2).

Имеет ли отношение к христианскому мировоззрению следующая, уникальная для восточного Крыма находка, сказать сложно. Это кубический с отверстием и закругленными углами амулет, изготовленный из гагата (рис. 193, 2), происходящий из погребения 241 некрополя Судак-II. Автор раскопок датировал его IV — V вв. (Фронджуло, 1974, с. 149). На боковых гранях амулета прочерчена посвятительная греческая надпись $t\eta/t\upsilon/\chi/\eta$ η . Переводить ее можно поразному «на счастье», «вот судьба». Не исключен перевод надписи как посвятительной Богине счастья или случая (*Вейсман*, 1899, с. 1265, 1266). Об этом четко свидетельствует повторная η , прочерченная через черту. В данном случае — безусловно, его вторичное использование. Отметим, что в этом же погребении обнаружена раковина каури и две копоушки, типичные для раннесредневековых памятников восточного Крыма.

К языческим амулетам относится и уникальный, пока, для Сугдеи свинцовый солярный амулет, обнаруженный в плитовой долговременной костнице № 5 некрополя на территории цитадели средневековой Сугдеи (рис. 193, 3). Это колесовидная подвеска, состоящая из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжами. Ушко для подвешивания обломано у основания. Характерной особенностью является то, что диаметр внутреннего кольца не многим уступает диаметру внешнего. Никаких дополнительных орнаментальных украшений последнего,

не фиксируется. Согласно современным типологиям, в основу которых положено количество и конфигурация тяжей и наличие или отсутствие ушка, подобные изделия относятся к таксону 1.5, наиболее распространенному среди средневековых древностей Восточной Европы (Ковалевская, Албегова, 2011, с. 50). Аналогии изделию известны, прежде всего, в раннесредневековых аланских древностях (Ковалевская, 1995, с. 135; Плетнева, 1981, рис. 37, 46; Плетнева, 1989, с. 96, рис. 48, 1), в основном Северного Кавказа (Флёрова, 2001, с. 32, рис. 2). Типологически близкие изделия известны и в материалах трупосожжений Сухогомольшанского некрополя (Аксенов, Михеев, 2006, с. 249, рис. 47, 4; с. 287 рис. 85, 4). Правда у всех типологически близких экземпляров, внутреннее кольцо значительно уступает по диаметру внешнему. Верхняя их хронологическая граница не выходит за рамки второй половины IX — первой половины X вв. Судя по датировке некрополя на территории цитадели, подобные амулеты в отдельных случаях могли использоваться длительное время.

Уникальную группу языческих амулетов образуют три изделия, обнаруженные в последние годы в восточном Крыму на территории Белогорского района близ сел Красноселовки и Голованевка. К сожалению, все они были найдены в подъемном материале и археологический контекст находок не ясен.

Первый предмет представляет собой плоский бронзовый гребень шириной 5,2 и высотой 4,2 см. Верхняя часть изделия выполнена в виде стилизованных изображений головок коней, смотрящих в разные стороны. Поверхность самого предмета, имеющего по бокам симметричные выступы, украшена с двух сторон полностью совпадающим орнаментом в виде рельефных концентрических окружностей, образующих в центре ромб (рис. 193, 6).

Несмотря на тщательную проработку зубьев публикуемого предмета и его относительно крупные для амулетов размеры, вероятнее всего, его следует, все же, отнести к группе языческих привесок-оберегов в виде миниатюрных бронзовых гребней. При этом считается, что образ коня подчеркивал у них функцию оберега (Голубева, 1997, с. 165). По мнению Б.А. Рыбакова иногда в общей трактовке гребешка ощущается нечто вроде контура двуглавого орла, хотя головы существ не похожи на птичьи (Рыбаков, 1988, с. 544). Типична для подобных амулетов и система кружковой (солярной) орнаментации (Рябинин, 1988, с. 55–63). Насколько нам известно, аналогии ему на территории Крыма пока отсутствуют.

Археологические исследования свидетельствуют, что подобные амулеты заклинательной магии, имеющие вид миниатюрных предметов быта, входили в состав сложносоставных нагрудных, плечевых или поясных украшений характерных для сельского населения Древней Руси. Найдены они только в женских погребениях (Голубева, 1997, с. 155-156; Крыласова, 2007, с. 12).

Не исключено, конечно, что, несмотря на полифункциональность гребней-подвесок и их утилитарное назначение, первостепенное значение имела их магическая функция и, заняв свое место в костюме, они становились амулетами (Крыласова, 2007, с. 2-13). Однако, в отличие от арочных шумящих подвесок, амулеты-гребни все же трудно рассматривать в качестве этномаркирующих предметов. Б.А. Рыбаков считал, что гребни в виде амулетов следует рассматривать как гигиенически-медицинский профилактический оберег от тех видимых и невидимых носителей болезней, определяемых народом, как враги человека (Рыбаков, 1988, с. 544). При этом ромб в центре композиции, присутствующий и на публикуемом предмете из восточного Крыма, ассоциировался исследователем со схематическим изображением земли (Рыбаков, 1988, с. 545).

Исследователями была раскрыта семантика этих изделий, определено их назначение в качестве оберегов и установлен стандартный характер массовых разновидностей амулетов, в том числе и гребней-подвесок, свидетельствующий о весьма ограниченном числе мест их производства (Рыбаков, 1948, с. 458; Журжалина, 1961, с. 122-140; Успенская, 1967, с. 88-99; Седов, 1968, с. 151-157). По обоснованному мнению Л.А. Голубевой миниатюрные привескигребни по своему происхождению связаны именно с той культурной средой, мастера-ювелиры которой наладили производство общераспространенных форм амулетов. Поэтому особенно интересным представляется устанавливаемый на основе картографического анализа довольно ограниченный ареал зооморфных гребней в полосе между Верхним Поднепровьем, р. Угрой и р. Москвой (Голубева, 1997, с. 155-156). Известным мне сключеием является только небольшой бронзовый гребень-амулет обнаруженный В.М. Щербаковским в кургане 79 Липлявского

некрополя (Каневский район Черкасской области) в 1913 г. (рис. 193, 9)⁶⁷. Уникальное для Левобережной Украины изделие только упоминалось в литературе (Щербаківський, 1925, str. 339-348; Моця, 1995, с. 62). Подчеркнем, что Липлявский амулет на основании нумизматического материала четко датируется началом XI в. (Моця, 1995, с. 62).

На территории расселения финно-угров металлические гребни-подвески, нижняя часть которых имитирует зубья гребня, в свое время были разделены Л.А. Голубевой на 4 типа (Голубева, 1979, с. 60). Однако стилистически наиболее близок нашему изделию тип 2, представленный изделием размером 5 х 3,5 см, происходящим из погребения 701 Танкеевского могильника (Казаков, 1971, табл. XVII, 21; Голубева, 1979, с. 61, рис. 22, 3). Однако стилистически он сильно отличается от нашего экземпляра, прежде всего, схематичностью исполнения. Функционально это только амулет.

Отличаются финно-угорские гребни-подвески и от славянских амулетов (Голубева, 1979, с. 61, рис. 22, 4), представленных несколькими вариантами одного и того же типа. На территории Руси обнаружено не менее 16 экз. гребней, происходящих из девяти сельских кладбищ и одного городского центра — Серенска. В 7 из 12 погребений они найдены совместно с коньками-подвесками (Голубева, 1997, с. 155-156; Рябинин, 1981, с. 30). Не исключено, что на территории Древней Руси существовали и гребни-амулеты, полностью копирующие двусторонние костяные и деревянные гребни. Наиболее яркий пример находка фрагмента подобного изделия, обнаруженного при раскопках слоев XII-XIV вв. Рюрикова городища на Новгородчине (Меч и златник…, 2012, с. 73, № 151). Однако, исходя из размеров предмета, использовать его в качестве утилитарного гребня было затруднительно.

Наивысшей точки развития украшения-амулеты достигают на рубеже X–XI вв., когда даже предметы быта и орудия труда, входившие в состав костюма (гребни, копоушки, туалетные коробочки, ложки, игольники), почти полностью лишаются своей практической роли, дополняясь шумящими привесками. Именно в это время и получают распространение бронзовые подвески амулеты, только имитирующие гребни, целиком лишенные утилитарного назначения (Крыласова, 2007, с. 12-13). Согласно наблюдениям Н.Б. Крыласовой наиболее ранние зооморфные гребни VIII–X вв. часто встречаются в женских погребениях, где помещались на правую косу. Реже такие гребни присутствуют в мужских погребениях, где они находились на поясе (Крыласова, 2007, с. 12-13).

К сожалению, исходя из характера находки, датировать гребень-подвеску из восточного Крыма в узких хронологических рамках сложно. В материалах памятников крымского варианта салтово-маяцкой культуры подобные находки отсутствуют. Вместе с тем, именно в материалах указанной культуры проявилось наибольшее влияние финно-угорского этноса. Это и некоторые особенности погребального обряда, и предметы материальной культуры, и образцы каменной пластики, и данные топонимики (Баранов, 1990, с. 141-145). В Таврике в раннесредневековых погребениях обнаружен целый ряд предметов, уходящих своими корнями в финно-угорский мир или являющихся прямым финно-угорским импортом на территории полуострова. Речь идет, прежде всего, о коньковой привеске обнаруженной в грунтовой могиле у подножия городища Тепе-Кермен в юго-западном Крыму (Бахчисарайский район) (Баранов, 1990, с. 142). Известны в Крыму и коньковые подвески в виде скачущих лошадок, характерные для Волго-Камья (Баранов, 1990, с. 143, рис. 56, 19,20).

В материалах памятников салтово-маяцкой культуры Подонья известны так же только раннесредневековые коньковые подвески, соответствующие одному из вариантов коньковых подвесок Верхнего Прикамья (Голубева, 1966, с. 87). Наибольшая их коллекция происходит из могильников по обряду трупосожжения, в частности Сухогомольшанского (Аксенов, Михеев, 2006, с. 134-135).

Вероятнее всего, публикуемый предмет из восточного Крыма предварительно можно датировать в рамках второй половины X-XIII вв. и связать с частичной инфильтрацией на полуостров носителей финно-угорских культурных традиций и в этот хронологический период.

⁶⁷ Выражаю глубокую признательность Р.С. Луговому и О.В. Коваленко за возможность ознакомиться и опубликовать изделие, находящееся в экспозиции Полтавского краеведческого музея имени Василия Кричевского.

Сказанное подтверждает и еще одна уникальная находка, обнаруженная на той же территории, что и гребень-подвеска. Это изделие в виде стилизованного изображения головы животного, вероятно волка, со схематическим прямоугольным туловищем и крупной петлей для подвешивания. Ширина предмета 11,8 см при высоте 5,7 см (рис. 193, 8).

В отличие от проанализированного выше гребня-подвески, отнести его к амулетам-оберегам с уверенностью сложно. Прямые аналогии ему отсутствуют не только на Крымском полуострове, но и на других территориях Восточной Европы. Тем не менее, среди разнообразных амулетов Древней Руси выделяется целая группа изделий имитирующих разнообразных животных. Это, прежде всего, т.н. коньки-подвески или утко-кони, изготовленные в основном из рога с отверстием в центре изделия. Л.А. Голубевой они выделены в тип 3 отличающийся низким длинным туловищем, высокой массивной шеей и крупной, хорошо проработанной головой (Голубева, 1979, с. 110, табл. 24, 1,2,4,5,8-17; Голубева, 1997, с. 340, табл. 94, б). Известны они в частности в Волго-Вятском Междуречье, характерны для марийских древностей IX-XI вв. (Архипов, 1973, с. 140, рис. 26, 3-9), встречаются и на других территория Древней Руси (Рыбаков, 1988, с. 551, рис. 93). Стилистически близкие бронзовые изделия обнаружены в составе сложносоставных амулетов женских погребений на территории Латвии (Vilcane, 2009, p. 263, fig. 4, 4-6), где они встречаются по большей части в материалах памятников, находящихся на пересечении торговых путей. Исследователями они традиционно атрибутируются как фигурки лошади, хотя отмечается и сходство с собакой и датируются в рамках XII-XIII вв. В целом, использовались данные амулеты как самостоятельно, вплетаясь в косы (Архипов, 1973, с. 140), так и входили в состав сложносоставных амулетов, в том числе совместно с гребнями-подвесками.

Среди амулетов-подвесок известны и стилизованные фигурки других различных животных с разнообразными петлями для подвешивания. Это подвески в виде рысей (Рыбаков 1988, с. 549, рис. 92), лосей или оленей (Голубева, 1997, с. 340, табл. 94, 14). Однако все приведенные аналогии стилистически значительно отличаются от рассматриваемого изделия из восточного Крыма, что делает его пока уникальным. Тем не менее, предварительно и его можно рассматривать как амулет-подвеску и датировать в общих хронологических рамках второй половины X-XIII вв.

К рассмотренным выше амулетам можно условно отнести третью находку, обнаруженную на той же территории Крыма. Это бронзовый подсвечник в виде литого, подправленного резцом стилизованного изображения человека. Голова, переходящая в высокий массивный пирамидальный штырь, проработана только в общих чертах, контуры лица схематичны. Условно показанные руки согнуты в локтях и подняты, ноги, соединенные на месте ступней, разделены вытянутым овальным отверстием, талия подчеркнута рельефным поясом. Орнаментация подсвечника в виде концентрических окружностей практически полностью повторяет орнаментацию рассмотренного выше гребня-подвески. Дополнена она только неглубокой насечкой по контуру верхней части предмета. На месте груди и спины, окружности так же расположены в виде ромба (рис. 193, 7). Ширина изделия 3,4 см, высота 9,3 см.

Самая близкая аналогия изделию известна в материалах раскопок 1948 г. столицы Первого болгарского царства Плиски. Это так же бронзовая фигурка в орнаментированном сетчатым орнаментом головном уборе, переходящем в пирамидальный штырь с музыкальным инструментом в руках. Отметим и сходный орнамент в виде концентрических окружностей, размещенный на всех сторонах изделия (Михайлов, 1955, с. 18, fig. 26). Наиболее существенным различием, помимо музыкального инструмента, является основание фигурки в виде четырех штырей, отсутствующее на изделии из Восточного Крыма. Однако не исключено, что на последнем оно просто не сохранилось. Этот уникальный артефакт из Плиски, находящийся в экспозиции археологического музея в Софии, неоднократно проанализированный специалистами (Георгиев, 2000, с. 80-86; Вогізоу, 2010, р. 133-135), справедливо датировался автором находки второй половиной X-XI вв.

Второй блок аналогий образуют две находки, происходящие с территории Крыма и Болгарии. Функционально это так же подсвечники, однако, в виде всадника. Традиционно считается, что конь в обоих случаях не сохранился. Наибольшую известность приобрел артефакт из раскопок Р.Х. Лепера 1913 г. в Херсонесе. Это фрагмент бронзового изделия IX-X вв. в виде скульптурного изображения всадника в маленькой островерхой шапочке. Как и на публикуемом экземпляре, она переходит в высокий массивный пирамидальный штырь. Последний украшен примерно до середины высоты сложной профилировкой. Ноги широко расставлены, но не соединены. Главное

отличие заключается в декорировании доспехов и головного убора гравировкой (Наследие Византийского Херсона..., 2011, с. 225, № 173; с. 510). В настоящее время, несмотря на предварительную атрибуцию в качестве составной части ключа (Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова, 1991, с. 97, рис. 96), в настоящее время он справедливо относится к подсвечникам (Borisov, 2010, р. 131-135; Наследие Византийского Херсона..., 2011, с. 225, № 173; с. 510). Второе типологически близкое изделие обнаружено Б. Борисовым при археологических исследованиях археологического комплекса близ с. Дядово (Borisov, 2010, р. 131, fig. 131). Автор исследований датирует его второй половиной VI в. и связывает с византийской крепостью. Однако не следует забывать, что ранневизантийский фортификационный объект полностью перекрыт поселением XI-XII вв. и связь этой фигурки с последним нельзя полностью отрицать.

Помимо этого по сведениям И.А. Баранова в Таврике найдены еще четыре бронзовые изваяния. Все статуэтки отлиты в технике восковой модели и подправлены резцом. Исследователь считал, что они представляют собой шаманов, в момент ритуальной пляски, и связывал появление предметов с финно-угорским влиянием (Баранов, 1990, с. 144; рис. 58). Однако в отличие от подсвечника их раскопок Р.Х. Лепера, функциональное их назначение было различным. Стилистически они мало напоминают рассматриваемое изделие из восточного Крыма. Не исключено, что последнее можно рассматривать в виде своеобразного миниатюрного антропоморфного подсвечника, так же связанного с финно-угорскими традициями и датировать предмет в рамках второй половины X-XIII вв.

Таким образом, уникальные пока находки ритуальных изделий с территории восточного Крыма впервые позволяют поставить вопрос о проникновении финно-угорских традиций в средневековую Таврику не только в салтово-маяцкий период, но и в средневизантийское время.

В качестве своеобразных амулетов, входивших в состав ожерелья, использовались и раковины каури. От 1 до 9 раковин обнаружены в могилах некрополей Сугдеи и Боспора (рис. 193, *1*). Наличие подобных вещей в христианских плитовых могилах, объяснялось пережитками язычества (Махнева, 1968, с. 167) или наследием позднеантичных традиций Боспора (Фронджуло, 1974, с. 150). Однако, общеизвестно, что раковины каури встречены не только в плитовых могилах Крыма, но и Кавказа (Махнева, 1968, с. 158), причем, в подавляющем большинстве, в детских погребениях.

Среди материалов Сугдеи и поселения у с. Морское Судакского района происходят три уникальные находки, возможно имеющие культовый характер.

Первая находка была обнаружена в слое второй половины X в. в портовой части Сугдеи на территории городища (рис. 194, *I*). Изделие является фрагментом терракоты размерами 8.0 х 7.5 см кубической формы, которая сохранилась на 1/2 первоначальной величины. На одной, грани имеется выступ, напоминающий апсиду христианского храма, на которой показаны два стилизованных высоких окна, расположенных одно над другим. На нижней поверхности сохранившегося алтаря процарапана тамга в виде двузубца. На верхней грани имеется небольшое ступенчатое возвышение. Внутри изделия прорезано сквозное (от нижней до верхней грани) отверстие. Реконструируя первоначальную форму предмета, нужно сказать, что, вероятно, абсидообразные выступы имелись на всех боковых гранях. Данное изделие вполне могло бы атрибутироваться как реликварий или подсвечник. Смущает только наличие тюркской тамги на «апсиде». Какие-либо аналогии изделию мне неизвестны.

Второе изделие, изготовленное из копсельского песчаника, было обнаружено И.А. Барановым при раскопках 1985 г. католического храма Девы Марии на предполагаемой центральной городской площади средневековой Сугдеи. Изделие, в отличие от вышеописанного, сохранилось полностью и представляет собой параллелепипед высотой 15.5 с основанием равным 8.1 х 10 см (рис. 195). Верх предмета выполнен в виде стилизованной трубы или «подсвечника» примерной высотой 3 см с широким отверстием для выхода дыма. Диаметр отверстия 2.6 — 2.8 см при глубине 2.5 см. Верх стилизованной трубы представляет собой квадрат со сторонами равными 5 см, не параллельными сторонам самого предмета.

Все боковые плоскости параллелограмма условно разделены на три части и имеют сходные орнаментальные мотивы. Первая верхняя часть примерной высотой 5 см и размерами 7.8 х 9 см во всех случаях украшена тремя стилизованными резными рельефными лепестками. Первый, размерами 3 х 3.6 см, расположенный по центру этой части плоскости, разделен линиями на семь симметричных относительно центральной оси секторов. Два остальных расположены на гранях,

делящих их пополам. Таким образом, справа и слева от центрального лепестка симметрично расположено по половине лепестка. Вторая часть каждой плоскости примерной высотой 3 см и основанием 8.1 х 10 см, несколько шире расположенной выше. Широкие плоскости украшены пятью, а узкие четырьмя рельефными полукруглыми арками. Высота третьей нижней части всех плоскостей составляет примерно 4.5 см. Она немного уже средней с размерами основания 7.8 х 9.5 см. На двух противоположных узких и одной широкой плоскостях помещены рельефные полукруглые арки, опирающиеся на полуколонны. На одной узкой плоскости их две с прочерченным на ними полукругом, на другой – три, более узких, выполненных небрежно, так же с прочерченной над ними полукруглой полосой. На одной из широких плоскостей их так же три, выполненных более тщательно, с аналогичным прочерченным над ними полукругом. Вторая широкая плоскость отличается несколькими существенными моментами. Во-первых, отсутствует разделительный карниз между центральной и нижней частями. Во-вторых, вместо рельефных арок, опирающихся на полуколонны, по центру нижней части плоскости помещен рельефный плохо сохранившийся шестиугольник, разделенный линиями на шесть равных по величине треугольников со смежными вершинами, образующими крупную точку. На верхней плоскости изделия, возле основания трубы прочерчено несколько линий, напоминающих граффити. Аналогичные линии присутствуют и на нижней плоскости, являющейся основанием предмета. Они образуют небрежно выполненный квадрат. Вероятно, и данное изделие с некоторыми оговорками можно рассматривать как реликварий или культовый подсвечник сложной конструкции.

К этим двум уникальным в своем роде изделиям можно отнести и предмет, изготовленный из глины, обнаруженный А.В. Джановым в подъемном материале салтовского поселения у с. Морское Судакского района (Джанов, 1996, с. 187-189). Это фрагмент изделия, сохранившегося на 1/2 первоначальной величины. Предмет напоминает куб размерами 7.1 х 6.0 см (рис. 194, 2). Верх предмета, представляет собой стилизованное изображение крыши с конусовидным выступом и стилизованным же отверстием для выхода дыма. Все верхние и боковые ребра были украшены насечками с заполнением из красной краски. Между этими насечками, той же краской нанесены кисточкой снизу вверх небольшие изогнутые черточки, напоминающие языки пламени. На боковых плоскостях куба, из которых одна сохранилась полностью, а две - частично, по сырой глине прочерчено четыре знака с заполнением красной краской. Знаки, изображенные на модели, за исключением фрагмента солярного знака в виде свастики и «рюмкообразного» двузубца, отсутствуют в системе рунической письменности Евразии, но совпадают со знаками арамейского алфавита, использовавшегося для передачи звуков среднеперсидского (пехлевийского) языка (Джанов, 1996, с. 187-189). По мнению А.В. Джанова предмет напоминает сооружения древнего и средневекового Востока, отличающиеся подчеркнутой геометризацией форм (1996, с. 187-189). Наиболее близкие аналогии исследователь видит среди памятников эллинистического Ирана. Так в сасанидском Иране сооружения подобного типа стали наиболее распространенным типом храма зороастрийцев. Исходя из этого, анализируемое изделие, по мнению автора, является моделью зороастрийского храма.

Вероятнее всего, данные предметы использовались либо как реликварии, либо как подсвечники или курильницы. Данное предположение подтверждается случайной находкой, происходящей из района Одессы (Шургая, 1972, с. 30-34). Здесь верхняя часть предмета, атрибутированного как курильница, закрывалась конусовидным колпачком с прорезями.

Итак, мы рассмотрели основные составляющие материальной культуры населения восточного Крыма второй половины X – начала XII вв. Подведем некоторые итоги. Тарная керамика является типичной для большинства провинциально-византийских памятников Причерноморья и Средиземноморья. Некоторое крымское и таманское своеобразие придает ей только наличие большого процента высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Кухонная и столовая белоглиняная поливная посуда так же типична для городских и сельских центров византийской ойкумены данного хронологического периода. Несомненным отличием же керамического комплекса провинциально-византийской культуры восточного Крыма является набор столовой лощеной посуды. Только он и позволяет предварительно ставить вопрос об этнических особенностях населения этого региона Таврики в средневизантийский период. О неоднородном его составе свидетельствуют и отдельные лепные сосуды кочевнического облика. Характерным отличием провинциально-византийской городской культуры средневизантийского периода является почти полное отсутствие предметов вооружения и конского снаряжения, беден набор сельскохозяйственных орудий труда. Это ярко проявляется и при анализе культуры восточного Крыма. Те же тенденции демонстрирует и материальная культура Херсонеса. Напротив, набор бытовых изделий, предметов связанных с функционированием порта богат и разнообразен. Он имеет многочисленные аналогии в культуре провинциально-византийских городов империи. Анализ украшений и элементов костюма свидетельствует о том, что их ассортимент и разнообразие диктовались требованием моды средневизантийского периода. Значительной составляющей материальной культуры рассматриваемого хронологического периода, в отличие от предшествующего, являлись предметы мелкой византийской пластики. Особою категорию среди них составляли предметы христианского культа. Интернациональные по своей сути, они составляли характерное отличие провинциально-византийской культуры Византии, в том числе и восточного Крыма.

Исходя из анализа всего комплекса источников, попытаемся коротко проанализировать историческую ситуацию в этой части крымского полуострова в указанный хронологический период.

ГЛАВА 5 РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Основываясь на изложенной выше археологической ситуации и данных письменных источников, особенно Кембриджского Анонима, можно предложить следующий вариант реконструкции политической истории восточного Крыма во второй половине X-XII вв.

Для верного построения исторической концепции необходимо хотя бы бегло рассмотреть существующие на сегодняшний день археологические свидетельства, позволяющие ставить вопрос о времени исчезновения салтовских памятников полуострова и сопредельных территорий. Это имеет первостепенное значение для обоснования времени появления в восточной Таврике проанализированной в предшествующих главах материальной культуры (Майко, 2010в, с. 266-272).

Практически все более или менее исследованные сельские салтово-маяцкие памятники **Керченского полуострова** не переживают середину X в. По мнению А.В. Гадло они носят следы единовременного прекращения существования (Гадло, 1980, с. 141), причем, большинство открытых построек было оставлено одновременно (Гадло, 1968, с. 79). В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономарев считают, что во второй половине X в. степные районы Керченского полуострова оказались под властью печенегов. Исходя из отсутствия следов пожаров и каких-либо других катастрофических последствий, исследователи не отрицают возможных последствий похода хазарского полководца Песаха (Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417). Вместе с тем, Л.Ю. Пономарев в последнее время подчеркивает, что, вероятнее всего, этот процесс был растянут во времени (Пономарев, 2013а, с. 137-138).

Следы исчезновения в первой половине X в. носят и некоторые памятники салтовского времени **юго-западного Крыма**. Во-первых, речь идет о времени прекращения существования долговременных склеповых могильников типа Скалистого. Корреляция наиболее поздних датирующих находок позволяет утверждать, что позже общепринятой даты существования салтовской культуры полуострова они не функционируют.

На мой взгляд более ясная ситуация с датировкой времени разрушения т.н. второй оборонительной линии Баклинского городища и синхронных ей жилых и хозяйственных построек (т.н. зеленоватый слой). Нижняя его хронологическая граница — середина IX в. достаточно аргументировано обоснована А.В. Сазановым (Сазанов, 1994, с. 42-46). Относительно времени прекращения существования и гибели оборонительной линии и сооружений, согласиться трудно. По мнению автора это происходит в середине XI в. и связано с разрушениями на Мангупе (Сазанов, 1994, с. 54-56). В качестве хронологических индикаторов приводится тщательный разбор времени существования высокогорлых кувшинов, ойнахой т.н. баклинского типа и поливной белоглиняной керамики, причем последняя выступает в роли одного из главных хронологических индикаторов (Сазанов, 1994, с. 46-53).

Во-первых, верхняя дата существования высокогорлых кувшинов действительно спорна. Однако в юго-восточной и южной Таврике они не доживают до конца XI в., о чем свидетельствуют многолетние раскопки Сугдеи, Алустона, Партенит. Схожая ситуация наблюдается для Херсонеса и памятников юго-западного Крыма. В Тмутаракани они не могут сосуществовать с т.н. веретенообразными амфорами с гребенчатым рифлением и высокоподнятыми ручками. За пределами крымского полуострова и Тамани эти импортные для данных территорий сосуды, возможно, доживают и до начала XII в., что, конечно, нуждается в дополнительных доказательствах и не может быть хронологическим индикатором для памятников Таврики.

Во-вторых, верхняя дата существования ойнахой баклинского типа, как и время начала их производства, так же спорны. Тем не менее, совершенно очевидно, что они не могут существовать дольше времени функционирования печей их производивших. Эти печи, где обжигались и местные амфоры причерноморского типа, прекращают свое существование примерно в середине X в.

В-третьих, большинство из выделенных типов белоглиняной византийской поливной керамики (Талис, 1976), появляется в Таврике примерно в середине IX в., с чем согласен и наш

оппонент. Более поздним временем датируется время появления всего двух из тринадцати типов и одного варианта (Сазанов, 1994, с. 52-53), что вызвано, вероятно, примесью «сверху» (Баранов, Майко, 1997, с. 23, рис. 1, 1-8). Таким образом, отсутствие в рассматриваемом зеленоватом слое периода функционирования и гибели второй оборонительной системы городища Бакла византийских амфор с воротничковым венчиком, кухонной и столовой посуды типичной для этого времени, не позволяет согласиться с предложенной А.В. Сазановым датой гибели городища в рамках середины XI в. Приведенные материалы, на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют о том, что разрушения на Баклинском городище в принципе аналогичны разрушениям в Сугдее, по основным показателям близки и археологические комплексы.

В стратиграфии наиболее исследованного южнобережного городища **Алустона** так же зафиксированы следы пожаров, перекрывших некоторые жилые постройки городища. В настоящее время их зафиксировано 4, хронологически трудно различимые и датируемые со второй четверти X по 60-е гг. X в. За пределами крепости - I слой пожара X в. (Мыц, Адаксина, 1999, с. 125). На мой взгляд, их связь с нашествием печенегов проблематична и трудно доказуема. В тоже время, один из слоев пожара, а не исключено, что и первоначальный пожар можно связать именно с походом хазарских войск Песаха. Вместе с тем следует отметить, что такой характерной для восточного Крыма принципиальной смены материальной культуры, в южной части полуострова не происходит. Правда полностью исчезают из обихода причерноморские амфоры местного производства, происходит смена и кухонной посуды.

Стратиграфически аналогичная картина зафиксирована Е.А. Паршиной и при раскопках **Партенит,** где материалы салтово-маяцкого времени четко отделены от последующих древностей, аналогичных материалам Сугдеи и Алустона (Паршина, 1991, с. 78) и датируемых так же серединой X в. В это время на памятнике фиксируются разрушения, связываемые автором раскопок со стихийным бедствием, возможно землетрясением (Паршина, 1991, с. 95), доказательств чему практически никаких пока не приведено. Интересно, что последующая планировка торжища не совпала с предшествующей.

Интересные дополнительные данные дают материалы раскопок Храма Апостолов Петра и Павла в Партените (Партенитская базилика), произведенные в 1998-2001 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа (Адаксина, Мыц. 2013, с. 401-503). Для нас представляет наибольший интерес помещение 1, исследованное на раскопе 4 в 2000-2001 гг., пристроенное к вероятной монастырской ограде и связываемое авторами раскопок с трапезной или хозяйственной постройкой самого монастыря (Адаксина, 2007, с. 171-173). Исходя из стратиграфии его заполнения, четко выделяется горизонт разрушения объекта и слой его функционирования. Фиксируется и слой, подстилающий пол. Наибольшей удачей является, несомненно, то, что в нем обнаружена монета Константина Багрянородного с соправителями (до 945 г.), ясно свидетельствующая о том, что помещение возникает не ранее середины Х в. Разрушение его, судя по нумизматическим находкам, в конце 60-х – начале 70-х гг. XI в. связано, по мнению авторов раскопок, с землетрясением, сопровождавшемся пожаром (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2001, с. 12; Адаксина и др., 2001, с. 19-26). Археологический материал из заполнения совершенно аналогичен по составу керамического комплекса синхронным объектам восточного Крыма. В этой связи интересен совершенно обоснованный вывод исследователей о том, что первоначальные стены самого храма синхронны данной постройке. Синхронны они и Мангупскому и Пампук-Кайскому храмам (Адаксина, 2007, с. 171). Вероятнее всего, базилика, которую принято считать Партенитской, возникает примерно в середине Х в. Это не исключает тот факт, что первоначальная Базилика, связанная с именем Иоанна Готского, находилась не здесь. Однако сам храм пока не открыт. Отдельные фрагменты кладок на территории монастыря, вероятно, датируются ранее середины Х в., но связанный с ними материал не обнаружен. Для решения вопроса необходимы масштабные раскопки.

Таким образом, перед нами яркая картина пока первоначального изученного этапа застройки монастырской территории, приходящегося на середину X в. Именно с этого времени появляется археологический материал, аналогичный встреченному и в восточном Крыму.

Наиболее сложная картина с аналогичными пожарами середины — второй половины X в., которые зафиксированы в стратиграфии **Херсонеса**, хотя некоторые из них могут иметь отношение к осаде города войсками Владимира. Расчленить их стратиграфически достаточно сложно, мало помогают археологические материалы и нумизматические находки. Общеизвестно, что проблема соотнесения «слоев разрушения и пожаров X в.» (Романчук, 1989, с. 187) с кон-

кретными историческими событиями, в частности с походом киевского князя Владимира, одна из наиболее сложных, тенденциозных и запутанных. Существует немало работ посвященных уже историографическому анализу историографических работ (Романчук, 1989, с. 182-188; Беляев, 1990, с. 153-164). Точки зрения полярные, концепции разнообразные. Безусловно, решение этой сложнейшей проблемы зависит от тщательности стратиграфической фиксации и анализа всего комплекса находок, и, прежде всего, керамического материала (Золотарев, Ушаков, 1997, с. 36). Нет смысла рассматривать этот вопрос подробно без соответствующего анализа огромного накопленного материала именно с такой точки зрения. Предварительно в качестве постановки вопроса можно сказать, что некоторые элементы керамических комплексов, появляющихся в восточном Крыму в середине Х в. сразу после исчезновения салтовской культуры полуострова, в это же время фиксируются и в комплексах Херсонеса, в том числе и в слоях пожаров, являясь своеобразным хронологическим, а, возможно, и этническим индикатором. При таком подходе, на мой взгляд, не исключена постановка вопроса об археологических свидетельствах похода на Херсонес хазарского полководца Песаха. Напомню, что об этом событии, несмотря на некоторые утерянные места, совершенно определенно идет речь в упоминавшемся Кембриджском Анониме. Причем, в отличие от нескольких описаний похода Владимира, Кембриджский Аноним не двусмысленно говорит о штурме и взятии города хазарскими войсками. В последнее время реконструировать данный отрывок упомянутого документа попытался К. Цукерман (Цукерман, 1996, с. 70-71). Согласно автору, из описания осады Херсона можно заключить об использовании военной хитрости осажденными византийцами, военном столкновении и заключении мира на условиях выплаты контрибуции. В русле предложенной реконструкции текста (Цукерман, 1996, с. 71), не исключено, что состоялось и какое-то военное столкновение с оставшимися отрядами Хе-л-гу, искавшими защиты у византийцев за стенами Херсонеса.

В последние годы чрезвычайно важные материалы получены при исследовании зольника на территории Херсонесского городища (Ступко, Туровский, 2012). Судя по многочисленному нумизматическому материалу и чрезвычайно богатому керамическому комплексу, объект четко датируется серединой X в. При этом, это, наверное, самый мощный средневековый зольник города, имеющий много общих черт с зольниками средневековых Сугдеи и Алустона.

Исходя из сохранности средневековых слоев Мангупа, выделить период второй половины Х в. среди немногочисленных древностей т.н. фемного (середина IX - середина-XI в.) (Герцен, Науменко, 2006, с. 388) этапа чрезвычайно сложно. В настоящее время материалы второй половины VIII – первой половины X вв. на территории памятника обнаружены в нескольких местах, в том числе и на территории наиболее изученной части городища – цитадели. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть стратиграфические горизонты 2 и 3 в раскопках 1998, 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса Тешекли-Бурун (Герцен, Науменко, 2006, с. 384-432; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 378-409). Благодаря подробной публикации есть возможность проанализировать керамический комплекс слоев. Не повторяя подробного описания керамического комплекса из слоя 2, датированного феодоритским временем, необходимо отметить присутствие в нем фрагментов тонкостенной кухонной керамики второй половины Х-ХІ вв. (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 383) и двух фрагментов кухонных салтовских горшков предшествующего времени (Герцен и др., 2006, с. 462 рис. 22 2,3). Ко второй половине X-XI вв. относятся и фрагменты поливной керамики группы «Glazed White Ware II», согласно типологии Д. Хейса, а к более раннему времени, синхронному салтовской керамике отдельные фрагменты группы «Glazed White Ware I», по той же типологии. Таким образом, совершенно ясно, что горизонт перемешан, и в нем можно четко выделить материалы второй половины X-XI вв. Находки салтовского времени, как и раннесредневековые артефакты логично рассматривать, как примесь с низу.

Проясняет ситуацию следующий стратиграфический горизонт № 3, отнесенный к фемному периоду. Судить о его нижней хронологической границе на основании обнаруженных материалов сложно, но вероятно, исходя из большого количества высокогорлых кувшинов, она приходится на середину – вторую половину IX в. Основная же масса тарной керамики представлена амфорами причерноморского типа и причерноморскими амфорами с зональным рифлением. Трудно согласиться с мнением исследователей о том, что верхняя хронологическая граница этих амфор, какой бы тип или вариант их не рассматривать, приходится на вторую половину X или даже на начало XI вв. При обосновании датировки авторы часто обращаются к хронологическим разра-

боткам А.В. Сазанова. Однако при обосновании времени исчезновения салтовских памятников полуострова исследователь ограничивает хронологические рамки бытования причерноморских амфор второй половиной IX в. (Сазанов, Могаричев, 2008, с. 576).

В настоящее время большинство исследователей согласно с тем, что византийские «сфероемкостные» и «воротничковые» амфоры появляются на полуострове с середины X в. и получают чрезвычайно широкое распространение в Таврике во второй половине этого столетия. Ни в одном из известных мне закрытых салтовских комплексов восточного Крыма, где причерноморские амфоры встречены массово, византийские амфоры указанных типов не встречены. В Таврике они не сосуществуют. При хорошо налаженном местном производстве амфор, импорт византийских был совершенно не нужен. Таким образом, византийские амфоры и в юго-восточном и в югозападном Крыму сменяют местные причерноморские, верхняя хронологическая граница которых приходится примерно на середину Х в. Кухонная керамика, составляющая около 6% от общего числа керамических находок, представлена, к сожалению, маловыразительными фрагментами. Столовая керамика представлена ойнахойями баклинского типа, в том числе и шаровидными. Поливная керамика содержит фрагменты, относимые и к группе «Glazed White Ware II» и «Glazed White Ware I». Таким образом, на мой взгляд, горизонт 3 так же перемешан. Основная масса находок относится ко второй половине ІХ – первой половине Х вв. Яркий аналог этому комплексу - керамический комплекс из усадьбы у подножия Мангупа (Науменко 1997, с. 324-340), несмотря на его естественное своеобразие, он типичен для середины IX – второй четверти X вв., с чем согласен и автор исследований (Науменко, 1997, с. 334). Однако и здесь присутствуют находки второй половины X в. (прежде всего поливная керамика GWW II), которые необходимо рассматривать как примесь «сверху». В качестве предположения можно констатировать, что фемный период Мангупского городища, как и других городских памятников юго-восточного и югозападного Крыма четко распадается на два этапа: второй половины IX – первой половины X вв. и второй половины X - середины XI вв.

Возможность выделения горизонта второй половины X-XI вв. на Мангупском городище ярко подтверждают так же полно опубликованные раскопки 1976 г. (раскоп X) жилого комплекса на мысе Тешекли-Бурун с тыльной стороны северо-западной куртины цитадели (Герцен, Науменко, 2001, с. 127-151). Зафиксированный горизонт интересующего нас времени связан с функционированием и гибелью постройки, сохранившейся, к сожалению, фрагментарно. К тарной керамике относятся численно преобладающие высокогорлые кувшины с ленточными ручками, отдельными фрагментами представлены «воротничковые» византийские амфоры. Мелкие фрагменты раннесредневековых амфор справедливо рассматриваются, как примесь с низу. Гончарная керамика представлена широкогорлыми шаровидными тонкостенными сосудами с широкой профилированной ручкой (Герцен, Науменко, 2001, рис. 4, 9-13). Морфологически они идентичны встреченным в стратиграфическом горизонте 2 на юго-восточном склоне мыса Тешекли-Бурун. Основную массу поливной керамики составляют сосуды группы «GWW II». Таким образом, исходя из многочисленных аналогий в комплексах раннесредневековой Сугдеи, Боспора и Партенит, данный горизонт можно предположительно датировать в рамках второй половины X-XI вв.

Синхронный горизонт обнаружен и возле описанного выше сооружения. Частичное его исследование проводилось в 1999 г. Так в слое «разрушения» 4 участка хозяйственного двора к северо-востоку от помещения 1 здания 14 на площади квадрата О раскопа XI в слое разборки каменного завала, в переотложенном состоянии зафиксирован фрагмент оранжевоглиняного кувшина с орнаментом в виде кружков и линий (Герцен, 2000, рис. 64, 6). Из этого же горизонта происходят фрагменты поливных византийских тарелок группы GWW-II и фрагменты высокогорлых кувшинов. Материалы второй половины X-XI вв. происходят и из заполнения тарапана. Они представлены фрагментом крышки с защипами по краю верхнего бортика (Герцен 2000, рис. 95, 12), фрагментами высокогорлых кувшинов из верхнего слоя заполнения объекта и многочисленными фрагментами высокогорлых кувшинов (34% от состава керамического комплекса) и фрагментами кухонных горшков с ленточными ручками (Герцен, 2000, рис. 96, 8) типа 1 по типологии кухонной керамики населения восточного Крыма второй половины X-XI вв. из нижнего горизонта заполнения тарапана.

Таким образом, перед нами археологический эквивалент позднего этапа фемного периода истории Мангупа предварительно датируемого в рамках второй половины X-XI вв. А.Г. Герцен и В.Е. Науменко сами отмечают, что жизнь на Мангупе во второй половине X в. несмотря на

сокращение размеров обжитой территории, продолжается. Возникают и используются тарапаны, продолжает функционировать оборонительная система, некрополи. Дополнительный и очень важный аргумент, позволяющий конкретнее представить события, происходившие на городище, недавно правильно атрибутированная надпись конца Х в. на крепостной стене главной линии обороны в Табана-Дере (Виноградов, 2009, с. 262-271). Эта надпись, на мой взгляд, позволяет конкретизировать и время «мангупской катастрофы» XI в. Активно используется крестообразный храм. Согласно периодизации В.Л. Мыца, храм возникает на рубеже IX-X вв., о чем свидетельствует археологический материал второй половины ІХ – первой половины Х вв. (Мыц, 1990, с. 228, рис. 4, 1-6, 8-11). Судя по фрагменту ранней «воротничковой» амфоры (Мыц, 1990, с. 228, рис. 4, 7), в середине X в. происходит его перестройка, возможно связанная с пожаром, зафиксированным на полу северного придела. Материал из слоя пожара, вероятнее всего, синхронен обнаруженному в кладке северной стены притвора. Гибель храма и связанного с ним поселения датируется концом Х в. и объясняется нашествием печенегов (Мыц, 1990, с. 240). Однако относительно последнего суждения, какие-либо аргументы отсутствуют. Как, и в связи с чем происходила смена двух этапов фемного периода в середине Х в. вопрос дискуссионный. Время прекращения их функционирования, исходя из опубликованного в настоящее время материала, определить сложно.

Схожие процессы происходят в первой половине Х в. в Подонье. По мнению А.В. Гадло, прекращение существования салтово-маяцкой культуры на этой территории, связываемой с западной группой т.н. асов, результат не столько нашествия печенегов, сколько карательной акции против вассальных племен, расселенных в свое время на границах каганата, объединенного хазаро-аланского войска. Покоренные асы-асии были расселены хазарами в верховьях Кубани, откуда их предки были расселены вдоль западных границ каганата (Гадло, 1994, с. 22). Совершенно справедливо полагают исследователи, что в первой половине X в. собственно Асия и Алания Северного Кавказа были отдельными государствами (Гадло, 1994, с. 22; Цукерман, 1998а, с. 96-97), имевшими и отличительные особенности материальной культуры. Последние связаны, в том числе, и с наличием у аланского варианта определенного типа курильниц (Каминский, Цокур, 1998, с. 19), имеющих аналогии в материальной культуре и юго-западного Крыма. Политическую активность хазар в первой половине Х в. подтверждают и другие письменные источники, зафиксировавшие участие хазарских отрядов и в военных операциях правителей политических образований Дагестана (Гмыря, 1996, с. 60-61). С другой стороны в 20-е гг. Х в., исходя из данных письменных источников, происходит несколько военных столкновений между адыгами и хазарами. Последние руками усмиренных до этого в 932 г. алан покоряют адыгов и пытаются поставить там хазарского ставленника. Часть адыгского населения устремляется к морскому побережью (Гадло, 1989, с. 14).

Характерная ситуация зафиксирована и для раннесредневековых поселений степных районов Центрального Предкавказья на территории Ставропольской возвышенности. Согласно археологическим материалам, в начале второй половины X в. оседлость, представленная этими поселениями, исчезает. По мнению А.В. Гадло, основанному на анализе материальной культуры, резкий подъем Алании в середине X в. был связан не только с процессами, проходившими в предгорной полосе, но и с миграцией с территории Ставропольской возвышенности в предгорья значительных масс населения, которые обитали здесь в VIII-IX вв. и оставили указанные поселения (Гадло, 1975. с. 77-78). Однако автор так и не объяснил, чем же была вызвана эта миграция.

Единовременную гибель поселений салтово-маяцкой культуры Подонцовья отмечает К.И. Красильников (2009, с. 52-82). Исходя из исследований автора, на некоторых объектах зафиксированы следы пожаров. Вместе с тем встречаются постройки, имеющие явные следы поспешного оставления (рассыпанные бусы, заполненные печи, на собранное оружие и т.д.). Исследователь датирует прекращение жизни на поселениях X в., однако не склонен связывать эти катастрофические события с набегами печенегов. За все годы исследований в Подонцовье в материалах памятников обнаружена только одна печенежская стрела. Вместе с тем, согласно справедливому мнению К.И. Красильникова данный регион Хазарии являлся одной из главных житниц каганата. Земледельческое производство и хранение зерна были главной специализацией замкнутых общин праболгар Подонцовья. После гибели каганата спрос на такое количество земледельческой продукции в государстве был не нужен, следовательно, хозяйственный уклад

праболгар Подонцовья был полностью нарушен. Каким, однако, образом это сказалось на прекращении жизни на поселениях, сказать пока сложно.

Очень важную информацию для понимания процессов, приведших к исчезновению салтово-маяцкой культуры Крыма, дают материалы раскопок **Таматархи-Тмутаракани**. Пожары середины-второй половины X в. зафиксированные в стратиграфии этого уникального памятника — неоспоримый факт (Кропоткин, 1958, с. 218; Богословская, Богословский, 1992, с. 8-9; Макарова, 1998, с. 357; Майко, 2010г, с. 37-48.). Этот вопрос имеет обширную историографию, которая сама может стать темой отдельного исследования. Наиболее полно историография проблемы времени и механизма перехода Тмутаракани под русский протекторат изложена в обширной работе В.Н. Чхаидзе (2006б, с. 140-142).

Стратиграфия культурных напластований Таматархи-Тмутаракани, разработанная И.И. Ляпушкиным и С.А. Плетневой, поддерживается современными специалистами. Она является реперной и для хронологии памятников Таманского полуострова «Тмутараканского периода». Согласно исследованиям, проведенным, в частности, при раскопках остатков крепостной стены, выделяется «предпожарный» культурный горизонт. Однако, что явилось стратиграфическим критерием для этого и основанием для датировки первой половиной Х в., сказать сложно. Состав находок (преобладание тмутараканских кувшинов, византийские амфоры, поливная керамика, стеклянные браслеты) характерен для середины второй половины X в. Как известно, перекрывающий его слой пожара датируется херсоно-византийскими монетами Романа II. Далее выделяется горизонт, характерной особенностью которого является отсутствие салтовской кухонной и лощеной керамики, преобладание кухонной гончарной керамики без орнамента, преобладание тмутараканских кувшинов, импортные византийские амфоры Константинопольского производства и с воротничковым венчиком, поливная керамика и стеклянные браслеты. Причем амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» составляют большинство. В этом слое встречена и бежевоглиняная лощеная керамика, покрытая красноватым или оранжевым ангобом с прорезным орнаментом в виде концентрических кружков и линий, заполненных белой пастой. В слое встречены и немногочисленные горшки с одной плоской ручкой, изготовленными из того же теста и в тех же мастерских, что и высокогорлые кувшины с плоской ручкой. Датируется горизонт второй половиной X - началом XI вв.

Далее прослежен мощный горизонт XI-XII вв. с преобладанием поздних вариантов воротничковых амфор, значительным уменьшением количества тмутараканских кувшинов, небольшой примесью древнерусской посуды и преобладанием местной гончарной неполивной керамики, импортной поливной посуды и стеклянных браслетов. Выделение слоя конца XII в. условно.

Наиболее подробно материалы, происходящие из раскопок Таматархи-Тмутаракани, приведены в монографии В.Н. Чхаидзе (2008), сделавшего, по сравнению с публикациями предшественников, значительный шаг вперед. При всех несомненных положительных качествах книги, к сожалению, автор не считает хронологическими индикаторами время появления «сфероемкостных» и «воротничковых» амфор, стеклянных браслетов, орнаментированной лощеной керамики, время прекращения производства причерноморских амфор. Однако, на мой взгляд, это именно те критерии, которые и позволят нам отделить «таматархский» период городища от «тмутараканского» и выяснить когда и насколько кардинально происходит смена материальной культуры. Исследователь же не пытается проанализировать те комплексы, где впервые появляются византийские амфоры, стеклянные браслеты, желтоглиняная орнаментированная лощеная керамика, новые типы кухонной посуды, и где, вместе с тем, уже не фиксируются причерноморские. Без такого детального анализа выяснить проблему смены материальной культуры Таматархи-Тмутаракани не представляется возможным.

Совершенно очевидно, что исходя из современного анализа письменных источников, состояния хронологических разработок и имеющегося в распоряжении материала, датировка «предпожарного» слоя, слоя пожара и перекрывающего горизонта условна. Традиционно она подчинена событиям похода Святослава 965-966 гг., которые очень неоднозначно трактуются исследователями. Необходимо еще раз напомнить, что в ПВЛ нет упоминания о взятии Таматархи Святославом, речь дословно идет о «...(и) Ясы победи и Касогы» (ПСРЛ, 1997, с. 65). Ничего не сообщают об этом и арабские авторы, которым Тмутаракань была отлично известна. В последнее время специалисты все более склоняются к точке зрения о том, что никаких археологических свидетельств взятия Святославом Таматархи, впрочем, как и Итиля, не существует (Чхаидзе,

2006б, с. 141; Петрухин, 2010, с. 525). Более того, сообщения ПВЛ о войне с ясами и касогами, считается более поздней вставкой и повествует о событиях времен Владимира (Петрухин, 2010, с. 525, прим. 3). Такие факты, как ликвидация хазарской администрации, независимость «Тмутараканского острова» или вхождение города в состав Византийской фемы Боспора, захват города Владимиром в 988-989 гг., окончательное вхождение в состав Древнерусского государства, археологическими источниками пока подтверждены быть не могут.

На мой взгляд, наиболее важным представляется тот непреложный стратиграфический факт, что материальная культура Тмутаракани претерпевает резкие изменения именно со второй половины X в. По сути дела полностью исчезают не только мастерские по производству салтовской кухонной и столовой посуды, кардинально переориентируются и торговые связи. Тарная керамика, за исключением тмутараканских кувшинов, отныне становится исключительно импортной византийской. Совершенно правы исследователи, утверждающие, что увеличение процентного содержания высокогорлых кувшинов с этим связано непосредственно. Нельзя не учитывать и факт присутствия кочевнической лепной керамики. Отстраиваются старые и возникают новые жилые постройки, возведенные на фундаментах предшествующих, но свидетельствующие о преемственности традиций домостроительства. При этом совершенно очевидно, что во второй половине X в. Тмутаракань переживает экономический подъем, массовым становится византийский импорт, усиливаются связи с восточным Крымом. Сходные тенденции наблюдаются и на всей территории Таманского полуострова. По мнению Я.М. Паромова исчезновение здесь салтовских поселений, возникновение новых и «переориентация» старых свидетельствуют о существенных изменениях и в этническом составе населения.

Конкретизируют эти положение материалы раскопок сельских поселений Таманского полуострова, входивших в округу Тмутаракани. Одни из наиболее ярких примеров гибели памятника - исследования поселения Веселовка-2 на северо-западном берегу Кизил-Ташского лимана у подножия юго-западного склона возвышенности Макитра (Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 187-195). Раскопками четко зафиксировано, что каменные цоколи домов, сложенные техникой кладки «в елку» первого стратиграфического слоя перекрыты прослойкой золы толщиной до 0.10 м. Ее появление, согласно авторам, связано с гибелью данного сооружения (Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 189).

Другой пример представляют материалы раскопок **Фанагорийского** городища. Значительная историография проблемы гибели этого городища коротко, но емко изложена в работе В.Н. Чхаидзе (2008a, с. 399), что избавляет от излишних повторений.

Подробный анализ «средневековой» археологической ситуации на городище, особенно его последних этапов, приведен в работе В.Д. Кузнецова и Л.А. Голофаст (2010, с. 393-429). Речь идет об археологических комплексах, исследованных в ходе масштабных работ в центральной части городища на краю верхнего плато. Во-первых, все эти комплексы отражают последний период функционирования построек, а наиболее поздние находки – время их гибели. Керамические комплексы практически одинаковы по составу. Подавляющее большинство амфорной тары составляют сосуды причерноморского типа самых поздних вариантов и наиболее поздние формы кухонной посуды. Они абсолютно идентичны наиболее поздним салтовским комплексам Боспора и Сугдеи. По мнению исследователей, характер археологизации материала свидетельствует о поспешной брошенности активно функционировавших построек ввиду внешней опасности (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 418). Примечательно, что такая же картина характерна и для других раскопанных участков Фанагории (Атавин, 1988, с. 22). В.Д. Кузнецов и Л.А. Голофаст датируют это событие концом IX в., возможно рубежом IX-X вв. Однако, при отсутствии датирующих находок, главным аргументом для датировки является начало вхождения в обиход высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. В этой связи необходимо отметить, что в закрытых комплексах Сугдеи первой половины - середины Х в., т.е. синхронных фанагорийским, высокогорлые кувшины составляют значительное меньшинство. Так в комплексе на участке куртины XV Судакской крепости на 7 целых форм причерноморских амфор всего один высокогорлый кувшин (Баранов, Майко, 1996, с. 86, рис. 2). Такая же ситуация и в портовой части Сугдеи. Таким образом, вероятнее всего основная масса построек Фанагории прекращает свое существование в середине Х в.

Более сложен и запутан вопрос о том, продолжалась ли жизнь на территории городища в «тмутараканское» время. Как известно, А.Г. Атавиным было раскопано два здания, считающиеся

более поздними по отношению к большинству средневековых объектов городища. Однако, первый дом на участке берегового стратиграфического раскопа 1982-1985 гг., судя по отсутствию фрагментов византийских амфор, синхронен основной массе построек и просуществовал середины Х в. Датировка 920-ми гг., предложенная А.Г. Атавиным (1988, с. 22; 1992, с. 174) и поддержанная В.Н. Чхаидзе (Чхаидзе, Атавин, 2005, с. 353; Чхаидзе, 2008а, с. 399), возможна, но обоснована нумизматическими находками не связанными с комплексом. Второй объект, обнаруженный в 1989 г. к западу от берегового стратиграфического раскопа, представлен зданием с каменным цоколем «в елку». Здесь среди находок основного периода существования Фанагории встречено 3-4 десятка фрагментов воротничковых амфор, несколько стеклянных браслетов. На мой взгляд, приведенные два объекта не синхронны. Если в случае с первым комплексом датировка 920-е гг. возможна, то во втором случае - неприемлема. Наличие во втором комплексе «воротничковых» византийских амфор, так же как и стеклянных браслетов, появляющихся в Северном Причерноморье никак не раньше середины Х в. яркое этому свидетельство. С эти согласны и другие специалисты (Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 421). То есть перед нами комплекс второй половины X-XI вв. со значительной примесью материала «снизу». Таким образом, совершенно очевидно, что жизнь на территории Фанагории по меткому выражению В.Д. Кузнецова и Л.А. Голофаст «продолжала теплиться» (2010, с. 421; Чхаидзе, 2008а, с. 399). Как известно, косвенным аргументом в пользу этого является наличие к северо-востоку от горы Майской плитового некрополя с погребальным инвентарем, содержавшим монеты Василия II и Константина IX (Кобылина, 1949, с. 51).

Намного уверенней о существовании жизни на салтовских поселениях Таманского полуострова после середины X в. можно судить по Средневековым материалам раскопок городища Кепы. Судя по подробной публикации В.Н. Чхаидзе (2006а, с. 488-517), только на раскопах «Е» (Юго-Восточный), «Ж» и «приколодезном» «Г» обнаружены отдельные находки салтовского периода, датируемые до середины X в. (2006а, с. 494-495). Вероятнее всего, возникшее на развалинах античного городища средневековое поселение было очень незначительным по площади. В середине X в. происходит перепланировка и значительное увеличение площади поселения. Культурные горизонты и отдельные остатки каменных цоколей домов, сложенных техникой кладки «в елку» (раскопки 1967 г., раскоп «В» Центральный), обнаружены почти по всей площади античного городища. Все комплексы содержали «воротничковые» амфоры и фрагменты высокогорлых кувшинов, следовательно, датируются второй половиной X-XI вв. Таким образом, вполне можно согласиться с В.Н. Чхаидзе в том, что говорить о полном исчезновении средневекового поселения на месте античных Кеп в «тмутараканский» период нельзя. Добавим, что, наоборот, в «тмутараканский» период оно процветает и, очевидно, существенно превосходит по площади и значению Фанагорию.

Таким образом, материалы раскопок в портовой части Сугдеи пока единственные на полуострове, где в слое пожара, перекрывшего жилые постройки салтовского времени обнаружены
монеты 40-х гг. Х в. Аналогичные портовому комплексы известны практически на всей раскопанной территории средневековой Сугдеи. Они демонстрируют как следы гибели, так и следы
брошенности. Совершенно аналогичные Сугдейским комплексы известны на Боспоре и практически на всех сельских памятниках Керченского полуострова. Картина там примерно одинаковая.
Комплексы Керчи перекрыты слоем пожара, сельские поселения носят следы единовременной
заброшенности. Материальная культура южнобережных памятников, объектов юго-западного и
северо-западного Крыма так же меняется примерно в то же время. Какие-либо катаклизмы, за
исключением, возможно, природных (Партениты), здесь не отмечены. Тем не менее, планировка
объектов второй половины X в. часто не совпадает с предшествующей. Археологическим фактом
является присутствие в стратиграфии Херсонеса «довладимировых» пожаров X в.

На мой взгляд, археологические реалии Таманского полуострова наиболее близки ситуации в восточном Крыму. Однако в отличие от Таврики, жизнь на сельских поселениях за некоторым исключением продолжается. Четко вырисовывается и единый главный городской центр, ставший к концу столетия стольным городом.

Таким образом, до середины X в. многочисленные сельские салтовские памятники восточной части Таврики, в том числе и городское население Сугдеи и Боспора, не испытывали каких-либо серьезных катаклизмов. Ситуация резко меняется в середине этого столетия. Согласно данным Кембриджского Анонима в это время начинается преследование христиан со стороны хазарского царя Иосифа в ответ на гонения иудеев в Византии при императоре Романе I Лакапене.

Вероятнее всего, причин обострения хазаро-византийских отношений было несколько. Нельзя не учитывать и активную миссионерскую деятельность византийской церкви по отношению к населению Алании, которая после алано-хазарской войны 930-х гг., являлась союзником каганата. Не могло устраивать каганат и постоянно усиливающаяся христианизация салтовского населения восточного Крыма и Таманского полуострова. По мнению И.В. Ачкинази, талмудический запрет прозелитизма у хазар-иудеев второй половины IX-первой половины X вв. предоставил большие возможности для работы христианских миссионеров (Ачкинази, 2000, с.49). Естественно, что активнее всего этот процесс шел в Таврике.

Ориентируясь на крепнущее Древнерусское государство, византийский император Роман I договаривается с киевским князем Игорем о совместных антихазарских действиях. Судя по всему, заключение подобного сепаратного договора было не ново для империи и выглядело вполне логично (Науменко, 2013, с. 44-45). Как известно, еще в письме Патриарха Николая Мистика болгарскому царю Семиону начала 20-х гг. X в. речь шла о возможности византийско-роского союза против Болгарии. Основываясь на статьях византийско-русского Договора 944 г., не исключено, что, подстрекая Русь на организацию подобного похода, Византия хотела таким образом оказать воздействие и на «черных болгар», беспокоивших своими набегами крымские владения ромеев.

Соблюдая союзнические обязательства, Игорь, скорее всего в 940 г. посылает своего воеводу Helgou с дружиной не только разгромить хазарские владения в Крыму, но и попытаться закрепиться на полуострове. Насколько самостоятельно действовал Helgou сказать сложно. Не исключено, что, воспользовавшись просьбой Романа I, Игорь при помощи дружины Helgou намеревался закрепиться на Крымском и Таманском побережье, значительно расширив сферу влияния молодого древнерусского государства. Аналогичный характер носил и предпринятый при Игоре поход русов 943 г. в Бердаа под руководством Свенельда, где русы выступали уже союзниками Хазарии и Алании (Половой, 1960, с. 349-350). Учитывая заинтересованность Руси в освоении восточного торгового пути, препятствием для которого была т.н. «хазарская переправа», данное предприятие было выгодно киевскому князю и могло иметь далеко идущие последствия. Важность Самкерца не только как таможенной переправы, но и как центра сельскохозяйственной округи, которую хазарам, согласно сообщениям письменных источников, надо было охранять от алан и гузов, подчеркивается современными историками (Тортика, 2005, с. 295-299).

Основываясь на логичном предположении А.В. Гадло, численность отряда Helgou была невелика и главным фактором успешного начала военных действий была внезапность нападения на С-м-к-рай-Тмутаракань и удачное стечение обстоятельств. На мой взгляд, необходимо учитывать и то, что вероятнее всего, большая часть практически полностью христианизированных к этому времени салтовцев Таврики и Тамани, недовольных гонениями христиан, начатых Иосифом, и находившихся с одной стороны в номинальной зависимости от Хазарии, с другой - под идеологическим влиянием Византии, поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. На мой взгляд, именно по этой причине в Кембриджском Анониме под «городами Романа» понимаются не византийские владения в Таврике, а сильно византинизированные салтовские салтово-маяцкие города и поселения полуострова. Помимо этого, по мнению С.Б. Сорочана события, происходившие в Таврике в начале VIII в. свидетельствуют о существовании соглашения о кондоминиуме межу империей и Хазарией когда жители полуострова обязывались не поддерживать ни греков, ни хазар в случае обоюдного противостояния. Примером этому служит аналогичное соглашение о Кипре между Византией и Арабским халифатом, упоминаемое Аль-Масуди (Сорочан, 1998, с. 43). При этом касательно Крыма, тем более восточного, вопрос о службе «двойного подчинения» (Сорочан, 1998, с. 43) более сложен и не столь однозначен. Исходя из этого, логично предположить существование подобного варианта соглашений и в середине Х в. Об этом косвенно свидетельствует не только указанная выше сильная естественная византинизация салтовцев Крыма, но и целый ряд косвенных аргументов, в частности сфрагистические материалы византийских чиновников, обнаруженные в портовой части хазарской Сугдеи. В добавление к этому, по мнению А.П. Новосельцева, основанному на сообщениях Аль-Истархи, в середине Х в. шел процесс децентрализации и на местах некоторые наместники становились даже самостоятельными правителями (Новосельцев, 1990, с. 144). Таким образом, во время рассматриваемого похода Helgou, салтовцы полуострова в силу субъективных и объективных причин нарушили, возможно, существовавшее и в это время соглашение о кондоминиуме между Византией и Хазарией чем и спровоцировали, помимо всего

прочего, взрыв возмущения правящей верхушки каганата и карательный поход хазарского полководца Песаха.

По совершенно логичной мысли А.В. Гадло захват Helgou хазарского С-м-к-рая был для каганата, помимо всего прочего, прекрасным поводом для организации, как выясняется, масштабного похода. Политическая ситуация для этого была благоприятная. Византийская империя знала и в страхе ожидала готовящегося похода основных древнерусских сил под предводительством Игоря и возможности противостоять еще одному нашествию, очевидно, не имела. Нет основания дискуссировать о том, откуда совершался поход хазарского войска. Совершенно очевидно, что военного отряда каганата в Таматархе было явно недостаточно и основное войско двигалось из-за пределов Таманского полуострова.

Вероятнее всего армия Песаха состояла, прежде всего, из северокавказских тюрок и союзных им алан. Относительно последних интересно отметить, что согласно исследованиям, именно в это время отряды алан выступают союзниками Хазарии при проведении военных действий вне пределов Алании. Войска алан становятся профессиональными, в случае войны дополнительно набирается военное ополчение (Каминский, 1993, с. 92). Конечно, не стоит забывать, что такая незамедлительная реакция Хазарского каганата вызвана была и тем, что Керченский пролив и Кубанская дельта играли, как уже упоминалось, исключительную роль для Хазарии, особенно на последних этапах его существования (Гадло, 1989, с. 15). По сообщению Аль-Масуди даже в случае временного захвата переправ с одного берега на другой, происходящих во время сезонных перекочевок степняков-гузов, сюда устремлялись хазарские войска (Гадло, 1989, с. 15).

Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай. Развивая наступление, хазарский полководец сумел привести к покорности и разгромить те салтовские поселения восточного Крыма, которые лежали на пути следования армии и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Оказать серьезного сопротивления, исходя из практически полного отсутствия вооружения, фиксируемого при раскопках их поселений и некрополей, «крымские салтовцы» не могли. Это ярко иллюстрируют археологические раскопки Сугдеи. Вероятно, салтовцы полуострова либо были частично уничтожены, либо, скорее всего, были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома, что так же подтверждается археологическими исследованиями. Направление предполагаемого «бегства» населения восточного Крыма один из самых сложных исторических и археологических вопросов. Для окончательного суждения слишком мало материалов. Гипотетически можно предположить, что направлением его могли служить Балканы.

Не мог противостоять Песаху и немногочисленный отряд Helgou, бежавший после начала наступления хазарского войска через северное устье Керченского пролива в Азовское море, где его и настиг хазарский полководец (Гадло, 2004, с. 141). Главной же целью похода хазарского полководца был, безусловно, Херсонес, который ему и удалось взять после непродолжительного штурма. Ограничившись контрибуцией, Песах не стал развивать наступление дальше, а использовал отряд Helgou для военного предприятия Руси, неизбежность которого была очевидна. Сталкиваться с основными силами киевского князя, безусловно, не входило в его задачу.

Не исключено, что, воспользовавшись походом и победами Песаха, в Крым переселяется часть сложного в этническом плане тюркского городского населения с северокавказских и прикаспийских территорий. Как уже отмечалось, именно в середине Х в. происходит поднятие уровня Каспийского моря затапливавшего земли, населенные северокавказскими тюрками (Гумилев, 1993а, с. 516). Конечно, это не решающая причина, но совершенно отбрасывать ее так же нельзя. С другой стороны, нарастающая опасность со стороны огузов и печенегов так же стимулировала процесс переселения в более спокойные места. Дополнительным аргументом в пользу возможного переселения является справедливое мнение А.В. Гадло и других исследователей, согласно которым, именно в 40-60-е гг. Х в. в северокавказской степи полностью исчезают следы оседлости, ее население отходит в предгорья, заметим достаточно плотно заселенные и до этого. Нарушается устоявшаяся система взаимоотношений, нарушается годичный отгонный цикл (Гадло, 1998, с. 99). Характерная ситуация зафиксирована и для раннесредневековых поселений степных районов Центрального Предкавказья на территории Ставропольской возвышенности. Согласно археологическим материалам, в начале второй половины X в. оседлость, представленная этими поселениями, исчезает и начинается процесс миграции значительных масс населения (Гадло, 1975. с. 77-78). В заключение отметим, что факт переселения 3 тыс. хазарских семей, правда, в более позднее время в 1064 г. из страны хазар в г. Кахтан известен по письменным источникам (Новосельцев, 1990, с. 193-194). Исходя из всего вышесказанного, и учитывая политическую и экономическую нестабильность на Северном Кавказе с одной стороны и политическую активность Хазарии в первой половине X в. - с другой, поход и победы Песаха были хорошим поводом для переселения. Именно после этого в восточном Крыму происходит смена материальной культуры.

Таким образом, можно считать установленным, что описываемые в Анониме события исторически верно соответствуют первому походу князя Игоря на Византию 941 г. и предшествовавшему ему набегу киевской варяжской дружины под предводительством X-л-гу на хазарские владения на Тамани. Основываясь на этом, нет оснований сомневаться и в походе Песаха на Таврику, имевшего для полуострова очень серьезные последствия. Оно полностью соответствует историческим реалиям Таврики первой половины X в. (Тортика, 2005, с. 296). Не исключено, что войска Песаха двигались в Крым с территорий Таманского полуострова и Северного Кавказа. Воспользовавшись их победой, в силу ряда объективных и субъективных причин, на полуостров в середине X в. переселяется часть населения Таманского полуострова, остававшегося в восточной Таврике всю вторую половину X в.

После успешной военной экспансии, приведшей к выгодной для Хазарии международной расстановке сил, именно в 40-е-50-е гг. X в. территория каганата, конечно, на очень непродолжительное время, достигает максимальных размеров. Все это делает совершенно справедливым рассказ хазарского царя Иосифа о столь обширных границах своего государства.

В настоящее время трудно реконструировать ситуацию в восточной Таврике во второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. Х в. Однако, исходя из скупых сообщений Константина Багрянородного, до падения Хазарии в 965 г. местное население, вероятнее всего, номинально подчинялось ставленнику каганата, что и нашло отражение в ответном письме царя Иосифа и перечне хазарских городов. Занятая внутриполитическими проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры и времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, занимавшихся активной посреднической деятельностью и существование определенных договоренностей с Русью. Однако, несмотря на подчинение в это время Херсонеса Византии, реальная угроза со стороны Хазарии, сохранялась. Вероятно, в общих чертах сохранялось и существовавшее ранее византийско-хазарское «пограничье», изменить которое слабеющая Хазарии конечно уже не могла.

Исходя из археологического материала и сообщений письменных источников, главным из которых является Тактикон Эскуриальной рукописи Н. Икономидиса, после гибели и упадка Хазарского каганата, особенно после ускорившего это событие похода Святослава 965 г., территория восточной Таврики, вероятно в начале 70-х гг. Х в. переходит под власть Византийской империи, выгодно использовавшей новую международную расстановку сил. Скорее всего, в южной Таврике это произошло еще раньше, чему, по мнению В.Л. Мыца, способствовали военные успехи Никифора Фоки на Востоке, создавшие необходимый базис для закрепления империи в этой части полуострова. Именно второй половиной 60-х гг. Х в. датируется система мероприятий по восстановлению цитадели Алустона (Мыц, Адаксина, 1999, с. 126). Очевидно, уже при Иоанне Цимисхии вся Таврика с разной степенью самостоятельности переходит под протекторат империи. Благоприятствовали этому военные поражения Руси и гибель киевского князя Святослава. Насколько прочной и в какой форме осуществлялась эта власть, сказать трудно.

В решении вопроса о характере и степени византийского присутствия в восточном Крыму и в Сугдее во второй половине X в. принципиальное значение имеет вопрос о времени возникновения и периоде существования в городе фемы. При этом необходимо учитывать что, появление в это время множества мелких фем было типичным для Византии. Так, согласно данным «Эскуриального Тактикона» 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом, преимущественно небольших фем и городов (Степанова, 1995, с. 14; Бибиков, 1976, с. 88). До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица - фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В Тактиконе, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 70-тым гг. X в. упоминается еще одна фема Таврики - фема Боспора (Oikonomides, 1972, р. 268-269). Реальное ее существование подтверждается находками печатей Георгия Цуло. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в. (Georgius Cedrinus, 1838, р. 232). В этом же Тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время - морская фема Понта Эвксинского. Н. Икономидис

предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывал, что византийские военно-морские силы в ІХ-Х вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском понте, в середине 70-х гг. Х в., судя по дате Тактикона Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н. Икономидис склонен был видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря. И.А. Баранов, а следом за ним и В.П. Степаненко склонны локализовать центр этой фемы в Сугдее (Баранов, 1990, с. 154; Степаненко, 1993, с. 128-129) и датировать это событие периодом правления Иоанна Цимисхия, когда после падения Хазарского каганата и временного ослабления политической активности Руси в Причерноморье и на Балканах, Византийская империя получила благоприятный момент для расширения своих владений на всю территорию Крымского полуострова (Степаненко, 1993, с. 254). В пользу возникновения фемы в Сугдее не ранее 975 г. высказывается и В.И. Булгакова (2008, с. 314). Не ранее третьей четверти Х в., по мнению Н.А. Алексеенко, возникает и турмархия Готии, входившая в состав Херсонской фемы (2006, с. 568). Основываясь на сфрагистических находках, ученый высказал предположение о существовании аналогичной турмархии в это же время и на Боспоре (2006, с. 564), так же, вероятно, входившей в состав Боспорской фемы. Находилась ли подобная турмархия в Сугдее, или она входила в состав турмархии Боспора, пока можно только гадать. Ясно другое, что все эти события связаны с усилением позиции Византии в Таврике после 971 г.

К сожалению, эта вполне логичная версия нуждается в дальнейшей аргументации. А этой аргументацией является комплекс моливдовулов, происходящий из подводных исследований в Судакской бухте. К счастью, он постоянно увеличивается. На сегодняшний день нам известно уже шесть печатей стратигов Сугдейской фемы. Во-первых, это четыре печати, отлитые в одной матрице, протоспафария и стратига земли Сугдеи Георгия. Во-вторых, две так же, вероятно, отлитые в одной матрице печати Иоанна патрикия и стратига Сугдеи. Несомненно, что типологически оба типа печатей близки по времени и датируются только первой половиной XI в. Таким образом, о существовании фемы в Сугдее в третьей четверти X в. говорить пока нет оснований.

После похода Владимира «на козары» 986/87 гг. главной целью которого, судя по всему, было Приазовье и Тамань, и последующего взятия Херсонеса, ситуация для восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, меняется не значительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время не происходит. Однако, естественно влияние Руси, на восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество усиливается.

Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата - Крымской Хазарии. В этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка, до середины 70-х гг. X в. была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40-50 и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием (Константин Багрянородный, 1989, с. 170-171), балансировавшим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией (Новосельцев, 1990, с.133).

Для реконструкции политической и экономической структуры этого «реликта» каганата в восточном Крыму большое значение имеют данные о подобной системе, существовавшей в Тмутаракани до похода Владимира «на козар». Основываясь на известной притче о полянской дани хазарам, исследователь считает, что Таманское государственное образование управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, существовало свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийским), основывается автокефальная епархия (Гадло, 1990, с. 22). С присоединением Тмутаракани к Руси, положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опи-

равшуюся на поддержку местного населения и являясь основными владетелями прилегавших к городу обрабатываемых земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя.

В этой связи чрезвычайно интересен вывод А.В. Гадло, согласно которому и в более позднее время сутью интриги, развернувшейся в Тмутаракани в 60-е гг. XI в. и связанной с междоусобной борьбой Ростислава и Олега, в которую активно вмешивалась Византийская империя, было стремление населения, не порывая с русской княжеской династией, восстановить политическую независимость, придав новому образованию облик разрушенной в 965 г. Хазарии (Гадло, 1989, с. 11-12). Недаром эти события нашли, как уже отмечалось, отзыв на страницах русских летописей.

Вероятнее всего, применяя сравнительный метод, можно утверждать, что в восточном Крыму, очевидно близкому этнически к Тмутараканскому государственному образованию, в данный хронологический период сложилась схожая ситуация с той лишь разницей, что вместо русского князя до 965 г. существовал хазарский наместник, а после этого и до 1015 г. византийский стратиг. В состав местной византийской администрации, номинально подчиненной империи входили представители тюрко-хазарского происхождения. Не исключено, что, будучи лояльными к империи, они занимали одни из ключевых постов.

В начале XI в. политическая ситуация в восточном Крыму и в Сугдее меняется. Номинальная зависимость восточной Таврики, от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и соответственно Кедриным восстание 1015 г. под предводительством Георгия Цуло и ответная экспедиция византийского флота в 1016 г. Вероятно, Георгий Кедрин был хорошо знаком с ситуацией, сложившейся в это время в восточном Крыму. При проведении подводных археологических разведок в Судакской бухте была обнаружена его печать (Stepanova, 2003, р. 127).

Это одно из немногих политических событий в истории восточного Крыма начала XI в., отмеченное письменными источниками, заслуживает более пристального внимания. Относительно места восстания, наиболее аргументированная точка зрения изложена в последних работах В.П. Степаненко (2008, с. 28-35; 2011, с. 153-161). Обоснованно критикуя точку зрения о локализации восстания в Херсонесе, ученый отмечает невозможность отождествления архонта Хазарии источника со «сфрагистическим» стратигом Херсона Георгием Цулой. Напомним, что это историческое лицо известно нам, помимо единственного письменного источника, так же по находкам печатей, на которых он назван в одном случае - стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а, затем, в том же ранге стратигом Боспора (Соколова, 1971, с. 68-74; Соколова, 1983, с. 164; Степаненко, 1993, с. 126-127; Алексеенко, 1995, с. 85), последнее, однако, нуждается в дальнейших доказательствах. Но, в этой связи, совершенно прав В.П. Степаненко, утверждающий о том, что, пока нет возможности датировать печати Георгия Цулы с точностью до одного года. С другой стороны вполне можно согласиться с мыслью исследователя о том, что согласно Скилице архонт - автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией (2008, с. 29).

Совсем недавно новую точку зрения о месте восстания высказали Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов и В.Е. Науменко (Могаричев, Сазанов, 2011, с. 1-27; Науменко, 2011, с. 185). Основываясь на отсутствии каких-либо следов хазарской государственности в Крыму, ученые считают, что события, описанные в источнике, относятся не к территории Таврики, а к Таманскому побережью. Согласно сведениям древнерусских документов, именно Тамань могла быть местом сосредоточения «козар». Дополнительным аргументом в пользу этого служит сопоставление легенды печатей Олега-Михаила, где местность Хазария, не связана с территорией Крымского полуострова (Науменко, 2011, с. 185). Несмотря на логичность аргументов, все они гипотетичны, а известные на сегодняшний день печати рода Цул, происходят с территории Крыма и связь Георгия с Таврикой – несомненна.

По поводу этнического происхождения руководителя восстания Георгия Цуло на сегодняшний день можно констатировать лишь, то, что род Цул длительное время находился на службе Византии, что подтверждается целым рядом находок моливдовулов, как второй половины X в., так и начала XI в. (Соколова, 1971, с. 68-74; Алексеенко, 1995, с. 85). В историографии со времен М.И. Артамонова (1962, с. 436), преобладает точка зрения об их местном тюркском,

возможно и хазарском (Степаненко, 2008, с. 32), но, вероятно, не херсонесском происхождении. Сфрагистические и новые эпиграфические данные красноречиво свидетельствуют о том, что многочисленные и влиятельные представители рода Цул (пока известны печати 6 его представителей первой половины XI в.) контролировал практически все наиболее важные стратегические пункты Таврики (Херсонес, Мангуп, Боспор).

Исходя из локализации места восстания и должности руководителя, существуют и разные точки зрения о его причинах и сущности. Они, начиная со второй половины XIX в., детально рассмотрены в литературе (Степаненко, 2008, с. 28-35; Литаврин, 1998, с. 923-931), что избавляет от излишних повторений. Хочется отметить, что относительно сущности восстания в последнее время все большее число авторов склоняется в пользу того, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму. Более подробно эта точка зрения рассмотрена у В.П. Степаненко (1993, с. 125-126; 2008, с. 34).

Эта точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте источника Хазарии и хазарского архонта Георгия Цуло, поддерживается рядом специалистов. Так, по мнению А.В. Гадло, мир установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира был нарушен в 1015 г. именно этим восстанием. Действия Цулы являлись реакцией на кризис на Руси, в связи со смертью Владимира (Гадло, 1990, с. 26). При этом отметим, что Византийский император Василий II был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой (1991, с. 156), поддержанному и другими исследователями (Степаненко, 2008, с. 35), флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны были быть чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы. Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов является ни чем иным, как ответной реакцией на подчинение империей восточного Крыма (1990, с. 26). Исходя из этого, автор датировал его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата к этому времени уже не существовавшего. С другой стороны, восточная Таврика, населенная жителями, исторически связанными с Тмутараканскими козарами и управляемая местной тюркской администрацией в лице Георгия Цуло не была обычной провинцией византийской империи. Повторю, что, скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнущий и набирающий все большей самостоятельности реликт хазарского каганата в восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно, с открытым противостоянием империи Византия смириться уже не могла.

Близкая точка зрения на основании исторических параллелей в последнее время аргументировано изложена В.П. Степаненко. Соглашаясь с автором данной работы, ученый отмечает, что к началу XI в. Хазария располагалась в Крыму северо-восточнее территории фемы Херсон, возможно, гранича с ней и с турмархом Готии (2008, с. 35). Исследователь соглашается с тем, что это было государственное образование (княжество), лимитроф, находившийся в контактах с византийской администрацией Херсона и постепенно поглощаемый империей (2008, с. 35; 2011, с. 157-158).

Для подавления мятежа, помимо византийского отряда были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. По мнению специалистов, он являлся либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо, выполнял аналогичные функции на византийской службе (Гадло, 1971, с. 26; Степаненко 1993, с. 258), возглавляя отряд из состава варяго-русской дружины погруженный на суда и отправленный в Крым (Степаненко, 2008, с. 35). О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976-1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена.

Как отразился на местном населении поход византийского флота сказать сложно. К сожалению, определить верхнюю хронологическую дату провинциально-византийской культуры восточного Крыма сложно. За годы раскопок в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. (например анонимный фоллис класса A-II времени правления Иоанна Цимисхия). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники функционировали во второй половине X в.

Кроме этого, интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал, интересующего нас времени, состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, не исключено, что время гибели квартала датирует, как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в. (Макарова, 1998, с. 363). На мой взгляд, это разрушение может быть связано с подавлением византийско-русскими войсками восстания Г. Цулы на Боспоре в 1016 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи, наконец, ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности какой-либо реставрации Хазарского каганата в восточной части полуострова. Вероятно, вскоре возникает и фема в Сугдее, с чем согласны специалисты (Степанова, Фарбей, 2008, с. 304). Определить конкретные функции стратига в X-XI вв. достаточно сложно. Он мог осуществлять, как правитель фемы, одновременно военную и гражданскую власть или же мог быть только военачальником. Мог он быть и главой гарнизона крепости или города с прилежащей округой.

Известные изменения на протяжении первой половины XI в. претерпевает и материальная культура. К концу этого столетия она полностью формируется как провинциально византийская. Наиболее ярко специфику археологических комплексов отражают работы в портовой части Судакской крепости, проведенные М.А. Фронджуло (Джанов, Майко, 1998, с. 160-181). К сожалению, это пока единственный и притом долговременный жилой комплекс Сугдеи, возникновение которого можно с уверенностью отнести к первой половине XI в. С другой стороны, сравнительно неплохо изучена топография некрополей, погребальный обряд этого периода, детально прослежены ремонтные фортификационные работы. Однако и в это время материальную культуру города нельзя признать однородной. Согласен с тем, что присутствие в ней элементов костюма, украшений, даже конского снаряжения, обнаруженных в погребениях кочевников XI в. можно связывать с влиянием моды и считать интернациональными. Но кочевническая принадлежность элементов конской упряжи и некоторых специфических украшений, обнаруженных в плитовых погребениях Сугдеи, не вызывает сомнений. Несомненным кочевническим элементом материальной культуры является комплекс лепной кухонной керамики обнаруженный в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи (раскопки М.А. Фронджуло 1965-1968 гг.) (Джанов, Майко, 1998, с. 168). Как уже указывалось, ближайшие аналогии ей присутствуют в кочевнических комплексах Саркела-Белой Вежи Х-ХІ вв., а так же в подкурганных погребениях, оставленных печенегами. Таким образом, есть все основания говорить о проживании в городе части кочевнического населения. Кем они были этнически печенегами или узами-торками сказать сложно. По мнению С.А. Плетневой, вторгшиеся в конце IX в. в Донские владения Хазарии печенеги только прошлись по ним, обосновавшись на землях много западнее. В собственно хазарских землях осталась только орда Вороталмат, использовавшая Крымские степи в качестве сезонных кочевий. Возможно, это и есть т.н. «хазарские» печенеги письменных источников. Несмотря на это, в первой половине Х в. устоявшийся в Хазарии порядок сохранялся до похода Святослава (Плетнева, 2000, с. 82). В другой работе С.А. Плетнева подробно публикует комплекс построек на территории городища Таматархи. В их заполнении, наряду с салтовомаяцкой, отмечен некоторый процент т.н. печенежской керамики. На основании этого говорится о возможном проживании в городе до похода Святослава печенегов, либо о ведении хозяйства в этом конкретном комплексе печенеженкой, взятой из кочевавшей поблизости от Таматархи орды (Плетнева, 2001, с. 105). Судя по всему, сходная ситуация прослеживается и в Сугдее и в более позднее время. Усиливаются в этот период и Балканские связи города, о чем свидетельствуют находки двух энколпионов.

С окончательным оформлением протектората над Тмутараканью при Черниговских князьях со второй половины XI в. усиливается ее влияние на восточный Крым. Материальная культура города этого времени изобилует разнообразными находками древнерусского происхождения (Майко, 2008, с. 311-321), иллюстрирующими самые разноплановые направления культурных (украшения), в том числе религиозных (просветительная деятельность в Сугдее древнерусского монастыря в Тмутаракани по изучению славянской азбуки), экономических (шиферные прясла, писанки) и политических (свинцовые моливдовулы Тмутараканских князей) связей, в том числе

и государственного характера (гривна киевского типа). Такая тенденция ни до, ни после этого периода не прослеживается.

Таким образом, все перечисленные выше древнерусские находки, а особенно уникальный по количеству и разнообразию комплекс печатей, позволяет ставить вопрос не только об экономических связях восточного Крыма и Тмутаракани, но и об определенной политической зависимости этой территории полуострова от княжества⁶⁸. Возможно, именно с этими событиями связана попытка укрепить северо-восточные границы Империи в восточном Крыму. Вероятно тут, как и на нижнем Дунае расселяется часть печенегов, определенные группы которых поселяются и в городах, переходя к оседлости. В 1048-1054 гг. именно эти печенеги, следуя известиям Судакского Синаксаря, помогали жителям Сугдеи бороться против узов-торков. На мой взгляд, как раз для противостояния экспансии Тмутараканского княжества в 1059 г. фема Сугдеи была объединена с фемой Херсона, о чем свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата. Очевидно, это был не длительный период наибольшего расцвета Тмутаракани, пришедшийся на середину — третью четверть XI в. В середине 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно стала возвращать прежнее влияние, как в восточном и восточном Крыму, так и на Тамани.

В этой связи несомненный интерес представляет уникальная находка моливдовула Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии, опубликованная Н.А. Алексеенко (Алексеенко, Цепков, 2012, с. 6-7). Она однозначно свидетельствует о существовании в Таврике в период распада фемного строя во второй половине XI – рубеже XI/XII вв. – катепаната. Должность владельца печати с упоминанием Хазарии может говорить о том, что и территория восточного Крыма, еще отождествляемая и в это время с Хазарией, входила в Таврический катепанат (Алексеенко, Цепков, 2012а, с. 7-17).

На основании археологических и сфрагистических источников можно сделать попытку выделить основные периоды формирования отношений между Тмутараканью и восточным регионом Таврики и роль в этом Византийской империи. Первый период середина X — начало 70-х гг. X в. — формирование культуры населения восточного Крыма под влиянием и при непосредственном участии Тмутаракани; второй — 70-80-е гг. X в. — политическая зависимость от Византии; третий — конец 80-х гг. X в. — 1015 г. — номинальная зависимость от Византии, экономические связи с Тмутараканью усиливаются; четвертый — 1015 г. — середина XI в. политическая зависимость от Византии усиливается, создание фемы; пятый — конец 50-х — начало 80-х гг. XI в. значительное усиление связей с Тмутараканью, возможный протекторат последней над территорией восточного Крыма; с середины 80-х гг. XI в. окончательное вхождение в состав Византийской империи.

На следующем этапе истории восточного Крыма в XII в. он оказался в условиях политической и экономической стабильности. Судак и Боспор остаются под властью Византии, однако попадают, как и вся Южная Таврика, в зависимость от половцев, господствовавших в южнорусских степях с середины XI в. и до середины XIII в. С распространением половцев в районе Дона ось торговли между Русью и странами Средиземноморья постепенно стала перемещаться из западной части Черного моря к Азовскому. Политическая обстановка на Руси оказала благоприятное воздействие на новый торговый путь: к средине XII в. центр русского государства переместился на восток из Киева в Суздаль и Владимир, из долины Днепра к долине Волги. Торговцы, вместо опасного и трудного пути через днепровские пороги, которые описаны еще Константином Багрянородным, отдавали предпочтение Дону и Азовскому морю. Этот торговый путь сохраняет свое значение на столетия и после турецкого завоевания. Новые условия торговли имели прямым результатом экономическое развитие Сугдеи, которая стала крупнейшим торговым центром половцев.

После падения Византийской империи в 1204 г. в результате четвёртого крестового похода на, её развалинах возник целый ряд греческих, славянских и латинских государств. Помимо ма-

⁶⁸ В данном случае можно согласиться с В.Н. Чхаидзе в том, что говорить о прямой политической зависимости восточной Таврики от Тмутаракани, пока нет достаточных аргументов. Исследователь прав, говря о том, что обнаруженные в Керчи монеты и печати, связанные с Тмутараканью, являются в первую очередь показателем взаимовыгодных товарно-денежных отношений между Тмутараканью и провинциальновизантийским городом (Чхаидзе, 2011, с. 317).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

лоазийских областей в состав новообразовавшейся Трапезундской империи вошли бывшие византийские владения в южной и восточной части Таврики. Очевидно, произошло это ещё около середины 1204 г., сразу же после утверждения Алексея I Великого Комнина в Трапезунде. Главным аргументом в пользу этого является титулатура Великих Комнинов. Таврика и ее восточная часть оказалась вовлечена в сложные взаимоотношения империи с Сельджукским султанатом. Но это уже другой период крымской медиевистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории археологического изучения восточного Крыма второй половины X-XII вв. можно пока выделить два основных этапа изучения. Первый условно датируется серединой 50 - концом 80-х гг. XX в. Начало археологическому изучению этого региона Таврики положили раскопки середины 50-х гг. XX в. Т.И. Макаровой на Боспоре и М.А. Фронджуло в Сугдее в 1963-1976 гг. Тогда же первой исследовательницей было высказано предположение о том, что обнаруженные на Боспоре постройки и сопровождавший их материал датируются со второй половины IX в. и связаны с византийским периодом в истории города. Это были первые работы позволившие представить материальную культуру восточного Крыма интересующего нас времени.

К концу 80-х гг. XX в. сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны был накоплен значительный пласт самого разнообразного материала. С другой стороны о нем было мало что известно. При этом синхронные жилые и погребальные сооружения южного берега Крыма, изучение которых проводилось с начала XX в., были хорошо известны и частично опубликованы.

Ситуация стала резко меняться в самом начале 90-х гг. XX в., в связи с чем, можно выделить второй этап. Во-первых, резко активизировались полевые археологические исследования объектов Сугдеи и Боспора. Во-вторых, начались публикации материалов раскопок. Получение нового чрезвычайно разнообразного и богатого материала позволило И.А. Баранову впервые в 1994 г. попытаться обобщить археологическую информацию о территории восточного Крыма в интересующий нас промежуток времени. При этом автор рассматривал культуру населения этого региона полуострова как хазарский вариант государственной культуры Хазарского каганата, что явно противоречило артефактам. Тем не менее, при создании концепции ученый впервые попытался систематизировать имевшийся в его распоряжении материал, что было значительным шагом вперед.

В течение 90-х гг. XX в. продолжалось активное накопление материалов интересующего нас времени. Постепенно они вводились в научный оборот. В 1997 г. автором впервые был поставлен вопрос о том, какие исторические события можно связать с появлением в восточном Крыму рассматриваемой археологической культуры. В 1998 г. в кандидатской диссертации в более развернутом виде была предложена концепция, объясняющая исчезновение салтовской культуры в связи с походом хазарского полководца Песаха, описанном в т.н. Кембриджском Анониме. Для ее аргументации была сделана попытка обобщить имеющийся в распоряжении материал второй половины X-XII вв. восточного Крыма, в первую очередь Сугдеи. Однако данная работа, подготовленная под влиянием концепции И.А. Баранова, была лишена аргументированности.

За прошедшее десятилетие XXI в. изучение культуры восточного Крыма второй половины X-XI вв. несколько снизилось. Масштабные раскопки на Боспоре комплексов этого времени прекратились. Зато начались стационарные подводные исследования в бухте пос. Новый Свет и мыса Меганом давшие уникальные закрытые комплексы двух затонувших кораблей. К положительным моментам последних лет можно отнести и активизацию публикаций материалов раскопок. Значительный шаг вперед сделан и при анализе данных письменных, сфрагистических, эпиграфических и нумизматических источников. Все это позволяет впервые с привлечением всего комплекса данных рассмотреть историю восточного Крыма во второй половине X-XII вв. и попытаться подвести, таким образом, черту под вторым историографическим этапом.

Основные итоги исследования сводятся к следующему. На основании проведенного анализа археологических материалов можно сделать вывод о том, что в середине X в. в восточном Крыму происходит резкая смена материальной культуры. Основанием для подобной датировки, положенной в основу обоснования нижней хронологической границы средневизантийского периода восточной Таврики, послужили следующие объективные факты. Во-первых, ни на одном из салтово-маяцких поселения полуострова предшествующего времени неизвестны византийские амфоры, время появления которых в Таврике приходится на середину X в. Во-вторых, на салтовских памятниках совершенно отсутствуют стеклянные браслеты и другие категории украшений, вошедших в восточноевропейскую моду только с середины X в. Таким образом, позже середины

X в. салтовские памятники не существуют. В-третьих, в материалах культуры, пришедшей в восточном Крыму на смену салтовской, совершенно отсутствуют крымские причерноморские амфоры и другие категории находок, характерные только для салтовцев Таврики. Следовательно, смена культур происходит не ранее середины X в.

Полностью сокращается численность огромного количества сельских поселений, расположенных до этого практически в каждой обводненной балке восточного Крыма. Катастрофа коснулась и гончарных центров. В восточном Крыму все они прекращают функционировать. Жизнь продолжается только в городах Сугдее и Боспоре, ни одного сельского поселения восточного Крыма, включая Керченский полуостров, второй половины X в. пока неизвестно. Сходная ситуация наблюдается и северо-западном Крыму. В юго-западной части полуострова ма териалы второй половины X в. известны только на Мангупе и поселениях его ближайшей округи. Некоторые сельские поселения и торжища южного Берега Крыма переживают середину X в., но материальная культура, правда, не так ярко, так же меняется.

Механизм смены материальной культуры во второй половине X-XII вв. в Сугдее и на Боспоре совершенно идентичен. И в одном городе и в другом новые поселенцы используют жилые сооружения предшествующего времени. Материалы раскопок жилых и хозяйственных построек населения восточного Крыма позволяют говорить о нескольких строительных приемах, примененных во второй половине X-XII вв. Во-первых, использование домов предшествующего времени с достройкой существующих стен, не нарушавших конструктивные особенности сооружений. Во-вторых, частичная перестройка существовавших домов, ремонт и перепланирование стен, сооружение вторых этажей, которые, в целом, в большей или меньшей степени меняли первоначальный облик. В-третьих, строительство новых жилых и хозяйственных сооружений, часто с использованием элементов кладки «в елку». Главное их отличие от построек салтовомаяцкой культуры Крыма это наличие двух этажей, использование только элементов кладки «в елку» и разнообразные хозяйственные пристройки, в том числе подвалы и полуподвалы. Застройка, на участках, где это позволял рельеф местности приобретает четко спланированную квартальную планировку.

Проанализированные жилые и хозяйственные постройки имеют много общих черт с аналогичными строениями известными на синхронных южнобережных памятниках. Например, в Партенитах в аналогичных постройках т.н. второго строительного периода, который справедливо датируется второй половиной X-XII вв. так же использован строительный материал старых усадеб. Здесь так же зафиксированы различные ремонты, перестройки, заклады дверных проемов, неоднократные укрепления покосившихся стен помещений в пределах одной усадьбы.

В Сугдее и на Боспоре территория городища расширяется. Возводятся постройки, представляющие собой в основном двухэтажные сооружения, неизвестные в предшествующий период. Именно с этого времени можно говорить о начале упорядоченной квартальной застройки городской территории. В планировке новых кварталов застройка Сугдеи и Боспора обнаруживает несомненные общие черты и с планировкой городских кварталов Херсонеса средневизантийского времени.

Характерным отличием данного периода является и капитальный ремонт фортификационных сооружений позднеантичного времени, использовавшихся на протяжении всего предшествующего периода. Сложная и нестабильная политическая обстановка заставляла приводить городскую оборону в соответствие с требованиями византийской фортификации.

Несомненным новшеством в городской инфраструктуре является возникновение крупных общегородских зольников, расположенных с внешней стороны крепостных стен. Какие они выполняли функции, сказать сложно. Стратиграфически наиболее исследованный зольник в Сугдее не однороден.

Христианские храмы восточного Крыма рассматриваемого хронологического периода — наименее изученный элемент средневековой городской инфраструктуры. За исключением храма Иоанна Предтечи на Боспоре, на сегодняшний день единичные плохо сохранившиеся синхронные сооружения известны только в Сугдее. Все они представляют собой небольшие однонефные базиликального типа храмы, сложенные из песчаника на глинистом растворе, что предполагает наличие стропильного перекрытия. Нет сомнений в том, что в подавляющем большинстве это квартальные храмы, являющиеся отличительной особенностью планировки городских кварталов средневизантийского времени, когда жизнь горожан «замыкалась» в нем. Наиболее яркий пример

этого — многочисленные материалы синхронной планировки Херсонеса. Аналогии им известны и среди памятников крымского южнобережья, а так же Балканского полуострова. Причем небольшие размеры храма не предполагали принадлежность его бедной общине. Как следует из аналогий, внутреннее убранство церквей отличалось богатством и разнообразием. В пользу этого свидетельствуют и разнообразные литургические предметы. Безусловной доминантой городов средневизантийского периода, в том числе и Таврики, являлись крупные культовые базиликальные и крестовокупольные сооружения. Для южного и юго-западного Крыма это Партенитская, Мангупская и Эски-Керменская базилики, для восточного Крыма — пока только храм Иоанна Предтечи. В Сугдее подобное сооружение пока не обнаружено.

Отдельного исследования заслуживает погребальный обряд. Почти все изученные захоронения представляют собой христианские плитовые погребальные сооружения. Для Сугдеи можно даже говорить об определенном типе плитового захоронения второй половины X - XI вв. Однако главное отличие от предшествующего периода заключается в том, что на городских и прихрамовых некрополях Сугдеи и Боспора появляется традиция коллективных погребений с повторным проникновением в могилу. При этом происходило частичное или полное нарушение анатомического порядка предшествующих или последующих захороненных. Часто встречаются и многоярусные погребения, где каждый ярус представлял собой одиночное наиболее позднее погребение, обложенное со всех сторон, но, прежде всего, в ногах и головах, отдельными костями и черепами от предшествующих. При этом, черепа встречаются как в головах, так и в ногах последующих погребенных. Значительно реже исследованы погребения, где кости более ранних погребенных в полном составе сдвинуты к одной из длинных стенок плитовой могилы. Вариантов данных основных типов нового христианского погребального обряда насчитывается не менее десяти. С середины X в. возникают и костницы, где не наблюдается анатомического порядка в расположении большинства костяков. При этом черепа и кости верхних конечностей все же концентрируются в западной, а кости нижних конечностей – в восточной части погребального сооружения. Они продолжают активно использоваться и в XI в. С другой стороны на протяжении второй половины X – XI вв. в костницы превращаются практически все каменные склепы предшествующего салтовского времени. С чем это было связано сказать трудно. Все указанные элементы трудно рассматривать в качестве афонской монашеской практики. Видимо главной причиной являлся все же факт увеличения численности жителей городов. Другой отличительной особенностью погребений этого периода является богатство и разнообразие погребального инвентаря.

Значительным отличием погребального обряда является присутствие грунтовых подбойных могил, образующих отдельный некрополь. Исходя из обряда погребения, они, несомненно, связаны с кочевническим этносом. Таким образом, проживание в средневековых городах восточного Крыма в рассматриваемый хронологический период части тюркоязычного населения, является археологически доказанным.

Материальная культура восточного Крыма второй половины X – XII вв. изучена и опубликована неравномерно. Тем не менее, в рамках рассматриваемой проблемы можно сделать некоторые обобщающие выводы. Керамический комплекс. Амфорная тара исключительно импортная. Сосуды представлены четырьмя основными типами: ранними Константинопольскими амфорами с клиновидным и валикообразным венчиком, амфорами с венчиком в виде отложного воротничка, крупными светлоглиняными рифлеными амфорами с массивными уплощенными ручками, отходящими непосредственно от края венчика, имеющего ярко выраженный паз для крышки и коническими. Хочется подчеркнуть, что в восточной Таврике они появляются с середины Х в. и в комплексах предшествующего салтово-маяцкого времени, за исключением фрагментов светлоглиняных амфор, неизвестны. В виде некоторых отголосков столичной культуры можно упомянуть только единичные фрагменты амфор с клеймами Константинопольских мастерских и два фрагмента амфор с венчиком в виде отложного воротничка с дипинти. Нельзя не отметить, что в литературе бытует мнение, что за пределами Константинополя подобные находки не встречаются. Характерной особенностью набора тарной посуды этого времени является резкое увеличение численности высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. В горизонтах второй половины Х в. их количество составляет не менее 50%, а в некоторых комплексах, особенно XI в., их подавляющее большинство. При этом разнообразие типов и вариантов, как морфологическое, так и технологическое, огромно. Думаю логично поставить вопрос и о их местном крымском производстве, возможно, переселившимися гончарами с Тамани. Но, даже при этом гипотетическом предположении, налицо резкое увеличение торговых и экономических связей с Таманским полуостровом.

Принципиальное отличие кухонной посуды заключается в том, что вся она изготовлена на ножном скоростном гончарном круге. Предварительная типология данной посуды разработана и опубликована. Напомним только несколько принципиальных для решения поставленной в работе задачи моментов. Во-первых, наличие четко выделяемого технологически и морфологически типа одноручных и двуручных кухонных горшков и кувшинов с ленточной ручкой совершенно аналогичной ручкам высокогорлых кувшинов. Схожий состав и глины. В керамических комплексах эти горшки составляют не менее четверти. Во-вторых, многие сосуды имеют плоско-выпуклое дно с пролощенной полосой на месте перехода к стенкам, отверстия для подвешивания сосуда, встречаются формы с волнообразным туловом, образованным симметричными вмятинами по радиусу, ойнахойи редких типов. Безусловно, данная кухонная керамика, за исключением горшков наследующих технологию высокогорлых кувшинов, известна на территории всей Таврики, в том числе и в Херсонесе, где имеет некоторые более ранние прототипы. Известна она и на территории Подунавья в Болгарии и Румынии. Однако считать, что она была привнесена греческим византийским населением - нельзя. Это только распространение передовой гончарной технологии и, прежде всего, переход на новые более высокие формы организации ремесла. Таким образом, кухонная керамика не является в керамическом комплексе этой новой культуры этническим маркером.

Столовая лощеная посуда является той составляющей керамического комплекса, которая помогает пролить свет на этническую характеристику населения. Ее технологическое и, самое главное, орнаментальное своеобразие свидетельствует о невизантийских корнях происхождения. Возможно, эти корни следует искать на территории Северного Кавказа и, прежде всего, Таманского полуострова. Именно там выделяется категория оранжевоглиняных лощеных сосудов, служивших прототипами для анализируемых в работе. Напомним, что в Сугдее проанализированная лощеная посуда является единственной категорией столовой лощеной керамики, составляющей от 5 до 10 % керамического комплекса.

Для поливной византийской белоглиняной керамики, отличающейся своеобразием, характерны те же самые тенденции, что и в предшествующий период. По-прежнему ее количество не превышает 3 % керамических комплексов. Единственное отличие заключается в том, что появляются розовоглиняные сосуды, часть из которых, возможно, производится на месте.

Особое место в керамических комплексах занимает лепная и подправленная на круге кухонная керамика, имеющая некоторые аналогии в кочевнических древностях Восточной Европы. Это слабо или вовсе не орнаментированные сероглиняные сосуды, характерные, прежде всего, для комплексов Сугдеи XI в., но позволяющие судить о неоднородном этническом составе жителей средневекового города.

Наиболее заметным изменением в составе украшений является присутствие огромного количества стеклянных браслетов всех известных типов и вариантов. В некоторых погребальных сооружениях их количество достигает не менее 2 на каждого захороненного. В культурных горизонтах и комплексах они составляют большинство индивидуальных находок. Все браслеты и перстни византийского производства. Единичными фрагментами представлены древнерусские и северокавказские образцы. Хочется еще раз подчеркнуть, что в культурных горизонтах, комплексах и погребальных сооружениях предшествующего периода они не встречены и появляются только с середины X в. Характерным отличием является и наличие бронзовых бубенчиков с крестообразной щелью. Они, как и стеклянные браслеты, являются наиболее ярким индикатором европейской моды второй половины X – XI вв. и не несут какой-либо этнической нагрузки. Остальной состав украшений и предметов этнографического костюма интересен, своеобразен, рассматривался в литературе, но, за исключением некоторых типов серег, бляшек и костяных пуговиц, так же не позволяет делать какие-либо этнические выводы. Сказанное справедливо и по отношению к предметам быта, вооружения и конского снаряжения.

Отдельную категорию находок составляют предметы древнерусского происхождения. Набор их, как и пути проникновения в эту часть полуострова разнообразны. Не исключено, что большинство вещей попадало в города восточного Крыма через Тмутараканское княжество. Наличие их — свидетельство активизации экономических связей с Тмутараканью. Подтверждением этому

является наибольшая на сегодняшний день коллекция свинцовых моливдовулов Тмутараканских князей Олега-Михаила и Давида, происходящая из Сугдеи и Боспора.

Проанализированные предметы, иллюстрирующие функционирование городских портов, свидетельствуют об их активной и разнообразной деятельности на протяжении всего рассматриваемого периода. Увеличение торговых связей, прежде всего с византийской империей и Тмутараканским княжеством, их большее разнообразие привело к тому, что городские порты стали главным градообразующим фактором, начиная как раз со второй половины X в. Таковыми они оставались и на протяжении всего рассмотренного периода.

Категория вещей, связанных с христианским культом, наглядно показывает, что христианская идеология, начиная со второй половины X в., прочно вошла во все сферы повседневной жизни населения. Представлена она предметами мелкой византийской пластики, большая часть из которых, принадлежит изделиям, употреблявшимся всеми слоями общества. Начиная с X в. существенным отличием средневековой городской культуры по справедливому определению современной исторической науки, является ее ориентация на новую психологию и мироощущение горожан. При этом говорить о том, что она не была образцом некоей «массовой культуры» можно только применительно к развитию литературы и искусства. В бытовом плане это действительно была общеевропейская культура византийского мира в широком понимании этого слова.

Подводя итоги, отметим, что материальная культура восточного Крыма второй половины X-XII вв. не имеет генетической подосновы в предшествующих салтово-маяцких древностях. В отличие от нее, она демонстрирует совсем другой характер и степень византинизации.

С упрочением централизованной власти в Византии, сосредоточением чиновно-административного аппарата в ее столице, формированием класса крупных землевладельцев не только в самой империи, но и в развивающихся соседних государствах Западной Европы и Руси, Константинополь стал единственным «мировым» центром производства предметов, необходимых для их обслуживания. Это не могло не стимулировать совершенствование византийских технологий, развитие организации ремесла и торговли. Поощрение имперским правительством константинопольского ремесленного производства способствовало быстрому проникновению не только производимых товаров, но и самих ремесленников на широкие территории и, прежде всего, в портовые приморские города. По справедливому мнению Г.Л. Курбатова, в связи с повышением роли Константинополя, посредническая роль приморских городов Таврики в торговле Руси и Византии заметно оживляется.

Это приводило к тому, что этнических маркеров в материальной культуре становится все меньше, чему, конечно, способствовала и христианизация. Культура приобретает единый провинциально-византийский облик, типичный для большинства причерноморских провинций Империи и приморских городов. В частности, именно с середины X в. культура различных регионов Таврики, имевшей, конечно, своеобразие, приобретает множество общих черт. До этого, культура юго-восточной, восточной и северо-западной частей полуострова значительно отличалась от южного берега Таврики и Херсонеса. С середины X в. практически идентичными становятся керамическое комплексы, стандартизируется набор украшений и элементов костюма. Общие тенденции демонстрирует погребальный обряд, храмовое строительство, фортификация, жилые и хозяйственные постройки, организация городских зольников, в целом планировка города. Важнейшими связующими элементами становятся, во-первых, расширение и повсеместное распространение христианства, проникшего во все сферы жизнедеятельности, во-вторых, развитие и расширение городских портов, которое приводило к одинаковому набору импортных товаров повседневного использования.

Характерные особенности материальной культуры восточного Крыма заключаются только в том, что эта территория полуострова во второй половине X - XII вв. оказалась пограничной между Хазарией, Византией и молодым Древнерусским государством, особенно Тмутараканским княжеством. Вероятно, время формирования материальной культуры восточного Крыма совпало с аналогичными процессами, происходившими в других частях Таврики и Причерноморья в целом. Исключение составляет, вероятно, только Херсонес, где формирование провинциальновизантийской культуры началось ранее и происходило эволюционно.

Таким образом, проанализированная археологическая культура восточного Крыма второй половины X-XII вв. является одним из вариантов провинциально-византийской культуры Таврики средневизантийской эпохи. Она относится к кругу синхронных культур

Причерноморских византийских провинций и оставлена населением Причерноморского региона, которое постоянно находилось в орбите экономического и культурного влияния Византийской империи. Этнические особенности культуры проследить очень трудно, только на примере некоторых категорий керамического комплекса. Специфику ей придает, прежде всего, географическое положение региона на хазаро-русско-византийском пограничье. Во всем другом это типичная провинциально-византийская культура неромейского населения.

Археологическое наполнение термина провинциально-византийская культура одна из важнейших задач археологов-византинистов. Вместе с тем, это необходимое условие для выводов об этническом составе жителей византийских провинций. Нельзя отрицать и того, что археологические источники, при современной системе их интерпретации не дают возможности судить о политической зависимости того или иного региона. В последнее время в литературе вновь обострилась дискуссия о византийском или невизантийском характере материальной культуры восточной Таврики. Самое печальное, что в полемическом запале, авторы забывают, что даже политическая зависимость этой части полуострова от Империи совершенно не предполагает ромейский этнос жителей и, как правило, провинциально-византийскими были культуры этнически самые разнообразные.

Проанализированные коротко письменные, сфрагистические, эпиграфические, нумизматические источники, безусловно учитывая археологические реалии, позволяют попытаться частично реконструировать ключевые моменты исторического развития восточного Крыма во второй половине X-XII вв.

К середине X в. развитие многочисленных сельских салтовских памятников восточной Таврики происходило эволюционно. Ситуация резко меняется в середине этого столетия. Согласно данным Кембриджского Анонима в это время начинается преследование христиан со стороны хазарского царя Иосифа в ответ на гонение иудеев в Византии при императоре Романе I Лакапине. Вероятнее всего, причин обострения хазаро-византийских отношений было несколько. Нельзя не учитывать и активную миссионерскую деятельность византийской церкви относительно населения восточного Крыма и Таманского полуострова.

Ориентируясь на крепнущее Древнерусское государство, византийский император Роман I договаривается с киевским князем Игорем об общих антихазарсих действиях. Принимая во внимание предыдущую историческую ситуацию, заключение подобного сепаратного договора было не новым явлением для империи (еще в письме Патриарха Николая Мистика болгарскому царю Семиону в начале 20-х гг. X ст. речь шла о возможности византийско-росского союза против Болгарии). Основываясь на статьях византийско-русского Договора в 944 г. не исключено, что, провоцируя Русь на организацию подобного похода, Византия хотела таким способом оказать влияние и на «черных болгар», которые тревожили своими набегами крымские владения ромеев.

Придерживаясь союзнических обязательств, Игр, скорее всего в 940 г. посылает своего воеводу Helgou с дружиной не только разгромить хазарские владение в Крыму, но и попробовать закрепиться на полуострове. Насколько самостоятельно действовал Helgou сказать сложно. Аналогичный характер носил и начатый при Игоре поход руссов в 943 г. на Бердаа под руководством Свенельда, где руссы выступали уже в качестве союзников Хазарии и Алании. Учитывая заинтересованность Руси в освоении восточного торгового пути, препятствием для которого была т.н. «хазарская переправа», данное предприятие было выгодно киевскому князю.

Численность отряда Helgou была небольшой и главным фактором успешного начала военных действий была внезапность нападения на С-м-к-рай-Тмутаракань и удачное стечение обстоятельств. Необходимо учитывать и то, что вероятнее всего, большая часть практически полностью христианизированных праболгар Таврики и Тамани поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. Захват Helgou хазарского С-м-к-рая был для каганата, кроме всего прочего, прекрасным поводом для организации, как выясняется, масштабного похода под руководством Песаха.

Политическая ситуация для этого была благоприятна. Песаху удалось вернуть захваченный руссами С-м-к-рай. Развивая наступление, он сумел привести к покорности и разгромить те праболгарские поселения восточного Крыма, которые лежали на пути прохождения армии и захватить наибольшие города, в которых они проживали. Оказать серьезного сопротивления «крымские салтовцы» не могли. Вероятно, праболгары полуострова были частично уничтожены, или, скорее всего, были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома.

Не мог противостоять Песаху и немногочисленный отряд Helgou, убегавший после начала наступления хазарского войска через северное устье Керченского пролива в Азовское море, где его и догнал хазарский полководец. Главной же целью похода был, безусловно, Херсонес, который и удалось взять после непродолжительного штурма. Ограничившись контрибуцией, Песах не стал развивать наступление, а использовал отряд Helgou для военного предприятия Руси, неизбежность которого была очевидна. Сталкиваться с основными силами киевского князя, безусловно, не входило в его задание.

На сегодняшний день трудно реконструировать ситуацию в восточной Таврике во второй половине 40-х - первой половине 60-х гг. X ст. Возможно, до падения Хазарии в 965 г. местное население, номинально подчинялось ставленнику каганата. Занятая внутриполитическими проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры и времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, которые занимались активной посреднической деятельностью и существование определенных договоренностей с Русью.

После гибели и упадка Хазарского каганата, территория восточной Таврики, вероятно в начале 70-х гг. X ст. переходит под власть Византийской империи. Насколько крепкой была и в какой форме осуществлялась эта власть, сказать трудно. Для решения проблемы принципиальное значение имеет вопрос о времени возникновения и периоде существования в Сугдее и на Боспоре фемы. В Тактиконе Икономидиса в 70-тых гг. X ст. упоминается лишь одна фема восточной Таврики - фема Боспора. По мнению В.Е. Науменко с конца X в. идет процесс реформирования системы административного управления византийской провинции в Таврике. На смену единой фемы, включавшей прежде под управлением одного стратига разбросанные горные и прибрежные области византийской Таврики, приходит иная система территориального управления, основанная на сосуществовании на полуострове нескольких самостоятельных административных единиц, подчиненных Константинополю. Очевидно, в представлении византийцев, эта система должна была более эффективно реагировать на укрепление русских позиций в регионе.

После похода Владимира «на козари» 986/87 гг. главной целью которого, вероятно, было Приазовье и Тамань, и следующего взятия Херсонеса, ситуация для восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, значительно не меняется. Однако, естественное влияние Руси, на восточный Крым усиливается. Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния.

Это, то активное, то пассивное противостояние двух наибольших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами и позволяло местному населению балансировать между двумя силами.

В начале XI ст. политическая ситуация в восточном Крыму меняется. Номинальная зависимость этой части Таврики, от Византии не устраивала империю. Поводом для ликвидации ситуации послужило восстание в 1015 г. под руководством Георгия Цуло и соответствующая экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г.

Как отразился на местном населении поход византийского флота сказать сложно, но, как свидетельствуют сфрагистические материалы, вскоре возникает и фема в Сугдее. Известные изменения на протяжении первой половины XI в. происходят и в материальной культуре. До конца этого столетия она полностью формируется как провинциально- византийская.

С другой стороны, с окончательным оформлением протектората над Тмутараканью при Черниговских князьях со второй половины XI в., усиливается ее влияние на восточный Крым. Материальная культура Сугдеи и Боспора этого времени насыщена разнообразными находками древнерусского происхождения, которые иллюстрируют разноплановые направления культурных, в том числе религиозных, экономических и политических связей, возможно, и государственного характера. Такая тенденция ни до, ни после этого периода не прослеживается.

Данное обстоятельство позволяет затрагивать вопрос не только об экономических связях восточного Крыма и Тмутаракани, но и об определенной, вероятно непродолжительной, политической зависимости этой территории полуострова от княжества. Возможно, именно с этими событиями связанная попытка Византии укрепить северо-восточные границы Империи в восточном Крыму. Вероятно здесь, как и на нижнем Дунае расселяется часть печенегов, определенные группы которых поселяются и в городах, переходя к оседлости. В 1048-1054 г. именно эти

печенеги, основываясь на заметках Судакского Синаксаря, помогали жителям Сугдеи бороться против узов-торков. На наш взгляд, именно для противостояния экспансии Тмутараканского княжества в 1059 г. фема Сугдеи была объединена с фемой Херсона, о чем свидетельствует известная надпись 1059 г. Льва Алиата. Очевидно, это был не длительный период наибольшего расцвета Тмутаракани, который пришелся на середину - третью четверть XI ст. В середине 80-х гг. этого столетия Византийская империя постепенно возвращает бывшее влияние, как в юго-восточном и восточном Крыму, так и на Тамани.

В XII в. территория восточного Крыма оказалась в условиях политической и экономической стабильности. Судак и Боспор остаются под властью Византии, однако попадают, как и вся Южная Таврика, в зависимость от половцев. С их распространением в районе Дона ось торговли между Русью и странами Средиземноморья постепенно стала перемещаться из западной части Черного моря к Азовскому. Политическая обстановка на Руси оказала благоприятное воздействие на новый торговый путь: к средине XII в. центр русского государства переместился на восток из Киева в Суздаль и Владимир, из долины Днепра к долине Волги. Торговцы, вместо опасного и трудного пути через днепровские пороги отдавали предпочтение Дону и Азовскому морю. Этот торговый путь сохраняет свое значение на столетия и после турецкого завоевания. Новые условия торговым центром половцев.

После падения Византийской империи в 1204 г. в результате четвёртого крестового похода на, её развалинах возник целый ряд греческих, славянских и латинских государств. Помимо малоазийских областей в состав новообразовавшейся Трапезундской империи вошли бывшие византийские владения в южной и восточной части Таврики. Очевидно, произошло это ещё около середины 1204 г. Таврика и ее восточная часть оказалась вовлечена в сложные взаимоотношения империи с Сельджукским султанатом. Но это уже другой период крымской медиевистики.

SUMMARY

In history of archaeological study of east Crimea of the second half of X- XII cent. it is possible while to distinguish two basic stages of study. The first is conditionally dated of the middle of 50th – 80th of XX century. Began to the archaeological study of this region of Taurika put excavations of middle of 50th of XX century of T.I. Makarova on Bospor and M.A. Frondzhulo in Sugdeja in 1963-1976. Then by the first researcher was outspoken supposition that building and accompanying them material discovered on Bospor is dated from the second half of IX century and related to the Byzantine period in history of city. These were the first works that allowing presenting the material culture of east Crimea of interesting us time.

By the end of 80th of XX century there was an ambiguous situation. The considerable layer of the most various material was accumulated from one side. On the other hand about him there was small information. Thus, synchronous dwellings and funeral building of south bank of Crimea, the study of that was conducted from the beginning of XX century, were well known and partly published.

A situation began sharply to change in beginning of 90th of XX century, in this connection, it is possible to distinguish the second stage. Firstly, the field archaeological researches of objects of Sugdeja and Bospor activated sharply. Secondly, the publications of materials of excavations began. The receipt of new extraordinarily various and rich material allowed I.A. Baranov first in 1994 to make an effort to generalize archaeological information about territory of east Crimea in the interesting us interval of time. Thus an author examined the culture of population of this region of peninsula as Khazarian variant of state culture of Khazar Kaganat that obviously conflicted with artifacts. Nevertheless, at creation of conception a scientist first made an effort systematize present in his order material that was a considerable step forward.

During of 90th of XX century the active accumulation of materials of interesting us time proceeded. Gradually they were entered in a scientific turn. In 1997 by an author a question was first put about that, what historical events can be bound to appearance in east Crimea the examined archaeological culture. In 1998 in candidate's dissertation conception was offered in more unfolded kind, explaining death of Saltovo culture in connection with the hike of the Khazar war-lord Pesah, described in so-called Cambridge Anonym. For there argumentation an attempt to generalize present in an order material of the second half of X- XII century of east Crimea, first of all Sugdeja was done. However hired, prepared under influence of conception of I.A. Baranov, was deprived validity.

For the past decade of XXI century there is a study of culture of east Crimea of the second half of X-XII century some went down. Scale excavations of complexes of this time on Bospor are ceased. But stationary submarine researches began in the bay of Novij Svet and cape of Meganom, which giving unique closed complexes of two sunken ships. To the positive moments of the last years it is possible to take activation of publications of materials of excavations. A considerable forward step is done and at the analysis of writing, sfragistic, epigraph and numismatic sources. All of it allows first with bringing in of all complex of data to consider history of east Crimea in the second half of X-XII century and to make an effort bring, thus, a line under the second historiography stage.

The basic results of research are taken to the following. On the basis of the conducted analysis of archaeological materials it is possible to draw conclusion that in the middle of X century there is the sharp changing of material culture in east Crimea. Founding for the similar dating, fixed in basis of ground of low chronologic bound of middle Byzantine period of east Taurika, next objective facts served. Firstly, on none of saltovo-majaki settlement of peninsula of preceding time Byzantine amphorae, time of appearance of that in Taurika is on the middle of X century is unknown. Secondly, on saltovo monuments glass bangles and other categories of decorations coming into the east Europe vogue only from middle X of century is unknown. Thus quite are absent, saltovo monuments do not exist later than in the middle of X century. Thirdly, in materials of culture coming in east Crimea on changing of Saltovo, the Crimean Black sea region amphorae and other categories of finds, characteristic only for Saltovo culture of Taurika, quite are absent. Consequently, changing of cultures takes place not earlier that in the middle of X century.

Fully the quantity of enormous amount of the rural settlements located to it practically in every water beam of east Crimea grows short. A catastrophe touched the pottery centers. In east Crimea all of them stop to function. Life proceeds only in the cities of Sugdeja and Bospor, not a single rural settlement of east Crimea, including the Kerch peninsula, of second half of X century it unknown while. A similar situation is supervision in north-western Crimea. In south-west part of peninsula the materials of the second half of X century are known only on Mangup and settlements of his nearest area. Some rural settlements and trades of south bank of Crimea experience the middle of X century, but a material culture, true, not so brightly, changes similarly.

A mechanism of changing of material culture is in the second half of X- XII century in Sugdeja and Bospor quite identical. In one city and in other new settlers use dwellings building of preceding time. Materials of excavations of dwellings and economic building of population of east Crimea allow talking about a few building receptions applied in the second half of X- XII century. Firstly, use of houses of preceding time with completion of existent walls, which not violating the structural features of building. Secondly, partial alteration of existing houses, repair and change of walls, building of the first floors that, on the whole, in a greater or less degree changed a primary look. Thirdly, building of new dwellings and economic building, often with the use of elements of laying "in a fir-tree". Their main difference from building of saltovo-majaki culture of Crimea is presence of two floors, use only the elements of laying "in a fir-tree" and various economic annexes, including basements and semi-basements. Building, on areas, where it was allowed by a locality relief, is acquires a clearly plan quarter planning.

The analyzed dwellings and economic building have many general lines with analogical building known on synchronous south coast monuments. For example, in Partenit in analogical building of the so-called second building period that is justly dated of the second half of X - XII century building material of old farmsteads is similarly used. Different repairs, alterations, liquidation of doorways, repeated strengthening of sinking to one side walls of apartments within the limits of one farmstead, are similarly fixed here.

In Sugdeja and Bospor the territory of site of ancient settlement broadens. Erected building, being mainly two-storeyed building unknown in a preceding period. Exactly it is thereafter possible to talk about the beginning of development of well-organized quarter municipal land. In planning of new quarters building of Sugdeja and Bospor finds out undoubted general lines and with planning of municipal quarters of Chersonese of Middle Byzantine time.

Characteristic difference of this period is also overhaul of fortification constructions of the late antique time used throughout all previous period. The difficult and unstable political situation forced to bring city defense into accord with requirements of the Byzantine fortification.

An undoubted innovation in a municipal infrastructure is an origin of the large all town ash-pits located from exteriority of fortress walls. What functions they executed, saying is difficult. Stratigraficaly the most investigational ash-pit in Sugdeja is not homogeneous.

Christian temples of east Crimea of the considered chronological period – the least studied element of medieval city infrastructure. Except for John Predtechi's temple on Bospor, today the single badly remained synchronous constructions are known only in Sugdeja. All of them represent small one Neff basilica type temples put from sandstone on clay solution that assumes existence of rafter overlapping. There are no doubts that in the majority is the quarter temples being distinctive feature of planning of city quarters of Middle Byzantine time when life of citizens "became isolated" in it. The most striking example of they are numerous materials of synchronous planning of Chersonese. Analogies for them are known among the monuments of south coast of Crimean, and at Balkan Peninsula. Thus the small sizes of temple did not suppose belonging it to poor community. As follows from analogies, the interior decoration of churches differed in riches and variety. Various liturgical objects testify in behalf on it. By the absolute dominant of cities of Middle Byzantine period, including Taurika, were large cult basilica and cross dome building. For south and south-west Crimea this is Partenit, Mangup and Eski-Kermen basilica, for east Crimea - while only temple of John Predtechi's. In Sugdeja like building while not found out.

Separate research is deserved the funeral ceremony. Almost all studied burials represent Christian stone flags funeral constructions. For Sugdeja it is possible even to speak about a certain type of stone flags burial of the second half X-XI centuries. However the main difference from the previous period is that on the city and near church necropolises of Sugdeja and Bospor there is a tradition of collective burials with repeated penetration into a grave. Thus there was a partial or full violation of an anatomic

order of the previous or subsequent buried. Often many-tier burials where each circle represented the single latest burial imposed from all directions, but, first of all, in feet and the heads, separate bones and skulls from the previous meet also. Thus, skulls meet both in heads and in feet subsequent bury. Burials are considerably rarer investigational, where bones more early bury in full strength moved to one of long walls of the tiled grave. Variants of these basic types of new Christian funeral ceremony counted no less than ten. From middle of X century arise up the "bone burials", where an anatomic order is not in the location of most skeletons. Thus skulls and cross-bones of overhead extremities are however concentrated in western, and bones of lower limbs - in east part of funeral building. They continue to be actively used in the XI century. On the other hand during the second half of X - XI century practically all stone burial vaults of preceding Saltovo time transform in "bone burials". With what events it was constrained saying is difficult. All of these indicated elements are difficult to examine as Avon monastic practice. Apparently main reason was however a fact of increase of quantity of habitants of cities. Other distinctive feature of burials of this period is riches and variety of funeral inventory.

The considerable difference of funeral ceremony is a presence of the ground graves formative a separate necropolis. Coming from the ceremony of burial, they, undoubtedly, are related to the nomad ethnos. Thus, residence in the medieval cities of east Crimea in an examined chronologic period the part of Turk language population, is archaeologically well-proven.

Material culture of east Crimea of the second half of X - XII century studied and published unevenly. Nevertheless, within the framework of the examined problem it is possible to do some summarizing conclusions. Ceramic complex. Amphora container exceptionally imported. Vessels are presented by four basic types: early Constantinople amphorae with wedge-shaped and roller halo, by amphorae with a halo as a turn-down collar, by large white clay wavy amphorae with massive flat pens, walking directly away from the edge of halo, having the brightly expressed slot for a lid and conical. It is desirable to underline that in east Taurika they appear from the middle of X century and in the complexes of preceding saltovo-majaki time, except for the fragments of white clay amphorae, unknown. As some echoes of capital culture it is possible to mention only the single fragments of amphorae with the brands of the Constantinople workshops and two fragments of amphorae with a halo as a turn-down collar with dipinti. It is impossible to mark that opinion exists in literature, that outside Constantinople similar finds do not meet. The characteristic feature of set of packing-case tableware of this time is a sharp increase of quantity of high throat jugs with flat pens. In horizons of the second half of X century their amount makes no less than 50%, and in some complexes, especially of XI century, their is majority. Thus variety of types and variants, both morphological and technological, enormously. I think logically to put a question about their local Crimean production, maybe, by transmigrating potters from Taman Peninsula. But, even at this hypothetical supposition, present sharp increase of trade and economic connections with Taman Peninsula.

The fundamental difference of kitchen ceramic consists that all of them is made on a leg speed potter's wheel. The preliminary typology of this ceramic is worked out and published. We will remind only a few fundamental for a decision problem of moments set the in-process. Firstly, presence clearly distinguished technologically and morphologically type of one and two-handed kitchen pots and jugs with a band pen quite analogical to the handles of high throat jugs. Clays has similar composition. In ceramic complexes these pots are made no less than a fourth. Secondly, many vessels have a plan convex bottom with the propolished stripe in place of passing to the walls, opening for hanging of vessel, there are forms with undulating corps with symmetric dents on a radius, ojnahois of rare types. Undoubtedly, this kitchen ceramics, except for the pots of inheriting technology of high throat jugs, are known on territory of all Taurika, including in Chersonese, where has some more early prototypes. It is known and on territory of Danube lands in Bulgaria and Romania. However to consider that it was introduced by the Greek Byzantine population - it is impossible. This only distribution of front-rank pottery technology and, foremost, passing to the new higher forms of organization of handicraft. Thus, kitchen ceramics are not in the ceramic complex of this new culture an ethnic marker.

The polished table-ware is the constituent of ceramic complex that helps to throw light on ethnic description of population. Her technological and, the most important, ornament originality testifies to the non Byzantine roots of origin. Maybe, these roots it is necessary to search on territory of North Caucasus and, foremost, Taman peninsula. The category of orange clay of the polished vessels servings as prototypes for analyzable in-process is there distinguished exactly. We will remind that in Sugdeja

the analyzed polished tableware is the only category of the table polished ceramics, making from 5 to 10 % of ceramic complex.

For the watering Byzantine white clay ceramics, different originality, the same tendencies are characteristic, what in a preceding period. Still there amount does not exceed 3 % of ceramic complexes. An only difference consists in that pink clay vessels appear, part from that, maybe, is produced in place.

The special place in ceramic complexes is occupied by the handmade and touched up on a circle kitchen ceramics having some analogies in nomad antiquities of Eastern Europe. It is weak or the quite not ornamented grey clay vessels characteristic, foremost, for the complexes of Sugdeja of XI century, but allowing to judge that the ethnic composition of medieval city habitants was heterogeneous.

The most noticeable change in composition decorations is a presence of enormous amount of glass bangles of all known types and variants. In some funeral building their amount arrives at no less than 2 on every buried. In cultural horizons and complexes they are in the majority of individual finds. All bangles and finger-rings is the Byzantine production. Single fragments are present of Old Russian and North Caucasian standards. It is desirable once again to underline that in cultural horizons, complexes and funeral building of preceding period they are not met and appear only from middle of X century. A characteristic difference is a presence of bronze bells with a cruciform crack. They, as well as glass bangles, are the brightest indicator of the European fashion of the second half of X - XI century and do not carry some ethnic loading. Other composition of decorations and articles of ethnographic suit interesting, original, examined in literature, but, except of some types of ear-rings, name-plates and bone buttons, similarly does not allow doing some ethnic conclusions. Said justly relation to the articles of way of life, armament and horse equipment.

The separate category of finds is made by the articles of the Old Russian origin. Set of them, as well as the ways of penetration in this part of peninsula are various. Not eliminated, that most things got in the cities of east Crimea through Tmutarakan principality. A presence of them is a certificate of activation of economic connections with Tmutarakan. By confirmation there is most to date collection of leaden molivdovuls of Tmutarakan princes Oleg-Mikhail and David, what be going on from Sugdeja and Bospor.

The analyzed objects, illustrating the functioning of municipal ports, testify to their active and various activities during all examined period. Increase of trade connections, foremost with the Byzantine Empire and Tmutarakan principality, their greater variety resulted that municipal ports became a main town building factor beginning just from the second half of X century. Such they remaining during all considered period.

The category of the things related to the Christian cult shows evidently, that Christian ideology, since the second half of X century, firmly entered all spheres of everyday life of population. It is presented by the articles of the shallow Byzantine plastic arts greater part from that, belongs to the wares, used by all layers of society. Since the X century the substantial difference of medieval municipal culture on just determination of modern historical science is it orientation on new psychology and attitude of townspeople. Thus to talk that it did not instance some "mass culture" it is possible only as it applies to development of literature and art. In a domestic plan this really was the European culture of the Byzantine world in the wide understanding of this word.

Working out the totals, we will mark that material culture of east Crimea of the second half of X-XII century does not have the genetic real cause in preceding saltovo-majaki antiquities. Unlike them, it demonstrates quite another character and degree of byzantinization.

With strengthening of the centralized power in Byzantium, by the concentration of rank-administrative vehicle in it capital, forming the class of the large landed interests not only in an empire but also in the developing nearby states of Western Europe and Rus, Constantinople became the only "world" center of production of objects necessary for their service. It could stimulate perfection of Byzantine technologies, development of organization of handicraft and trade. Encouragement assisted rapid penetration not only produced goods but also artisans the imperial government of the Constantinople handicraft production on wide territories and, foremost, in seashore seaports. On just opinion of G.L. Kurbatov, in connection with the increase of role of Constantinople, the intermediary role of seashore cities of Taurika in trade of Rus and Byzantium comes alive notedly.

It resulted, that ethnic marker in a material culture becomes less, what, certainly, a Christianization promoted. A culture acquires the single Provincially-Byzantine look typical for most Black sea region provinces of Empire and seashore cities. In particular, exactly from middle of X century the culture

of different regions of Taurika, having, certainly, originality, acquires the great number of general lines. To it, culture south-east, east and north-western parts of peninsula considerably differed from the south bank of Taurika and Chersonese. From middle of X century practically the identical become ceramic complexes, the set of decorations and elements of suit is standardized. General tendencies are demonstrated the funeral ceremony, temple building, fortification, dwellings and economic building, organization of municipal ash-pits, the whole town planning. Expansion and general distribution of Christianity getting to all spheres of vital functions become major connective elements, firstly, secondly, development and expansion of municipal ports, resulted to the identical set of the imported commodities of the everyday use.

The characteristic features of material culture of east Crimea consist only in that this territory of peninsula is in the second half of X - XII century appeared frontier between Khazar Kaganat, Byzantium and young Old Russian state, especially Tmutarakan principality. Probably, the time of forming of material culture of east Crimea coincided with analogical processes taking place in other parts of Taurika and Black sea Region on the whole. An exception makes, probably, only Chersonese, where forming of the Provincially-Byzantine culture began before and took place evolutional.

Thus, analyzed archaeological culture of east Crimea of the second half of X- XII century it is one of variants of the Provincially-Byzantine culture of Taurika of Middle Byzantine epoch. It behaves to the circle of synchronous cultures of the Black sea Region Byzantine provinces and left by the population of the Black sea region, that constantly was in the orbit of economic and cultural influence of the Byzantine Empire. Tracing the ethnic features of culture is very difficult, only on the example of some categories of ceramic complex. A specific gives it, foremost, the geographical location of region, on Khazar-Byzantine-Russian border. In everything other it is the typical Provincially-Byzantine culture of non Greek population.

Archaeological filling of term the Provincially-Byzantine culture one of major tasks of archaeologists-byzantinistics. At the same time, this necessary condition for conclusions about ethnic composition of habitants of the Byzantine provinces. It is impossible to deny that the archaeological sources, at the modern system of their interpretations do not give an opportunity to judge about political dependence of one or another region. Lately in literature a discussion was again intensified about Byzantine or not Byzantine character of material culture of east Taurika. The saddest, that in a polemic primer, authors forget that even political dependence of this part of peninsula on Empire does not quite suppose the Greek ethnos of habitants and, as a rule, the Provincially-Byzantine were the cultures ethnically most various.

Analyzed shortly writing, sfragistic, epigraph, numismatic sources, undoubtedly taking into account archaeological realities, allow to make an effort partly reconstruct the key moments of historical development of east Crimea in the second half of X- XII century.

To the middle of X century development of numerous rural saltovo monuments of east Taurika took place evolutional. A situation sharply changes in the middle of this century. According to data of Cambridge Anonym at this time pursuit of Christians begins from the side of the Khazar tsar Joseph in reply to persecution of Israelites in Byzantium at an emperor Roman I Lakapin. More credible than all, reasons of intensifying of the Khazar-Byzantine relations were a few. It is impossible to take into account the active missionary activity of the Byzantine church in relation to the population of east Crimea and Taman peninsula.

Oriented on the getting strong Old Russian state, the Byzantine emperor Roman I arranges with the Kyiv prince Igor about general against Khazar actions. Having regard to a previous historical situation, a conclusion of similar separate treaty was the not new phenomenon for an empire (as early as letter of Patriarch Nicolas Mistic to the Bulgarian tsar Semion at the beginning of 20th of X century the question was about possibility of Byzantine-Russian union against Bulgaria). Being base on the articles of Byzantine-Russian Agreement in 944 not eliminated, that, provoking Rus on organization of similar hike, Byzantium wanted by such method to have influence on "black Bulgarians" that disturbed the raids Crimean possessions of Romeos.

Adhering to the interallied obligations, Igor, probably in 940 sends his war-lord Helgou with brigade not only to raid the Khazar possession in Crimea but also try to gain a foothold on a peninsula. As far as independently Helgou operated saying is difficult. Analogical character carried the hike of Rus begun at Igor in 943 on Berdaa under the direction of Sveneld, where Rus came forward already as allies of Khazaria and Alania. Taking into account the personal interest of Rus in mastering of east

trade-route, an obstacle for that was the so-called "Khazar ferriage", this enterprise was advantageous to the Kyiv prince.

A quantity of detachment of Helgou was small and the main factor of the successful beginning of military operations was a suddenness of attacking S-M-k-rai-Tmutaracan and successful coincidence. It is necessary to take into account that, more credible than all, that greater part practically supported fully Christian prabolgars of Taurica and Taman the allied empires of army of Helgou and did not render serious resistance to them. A capture of Helgou the Khazar S-M-k-rai was for Kaganat, except all other, by wonderful cause for organization, as turns out, scale hike under the direction of Pesah.

A political situation for this purpose was favorable. Pesah succeeded to be returned the S-M-k-rai trapped by Rus. Developing an offensive, he managed to result in obedience and raid those prabolgars settlements of east Crimea, that lay on the way of passing of army and to take most cities in that they lived. To render serious resistance "Crimean saltovs" did not could. Probably, prabolgars of peninsula were partly destroyed, or, probably, forced in haste to hurry, leaving dwelling-houses.

Could not resist Pesah and not numerous detachment of Helgou, escaping after the beginning of offensive of the Khazar army through the north mouth of the Kerch channel in the Sea of Azov, where he was gone after by the Khazar war-lord. The primary objective of hike was Chersonese that succeeded to be taken after of short duration assault. Limited to the levy, Pesah did not begin to develop an offensive, and used detachment of Helgou for the military enterprise of Rus, inevitability of that was obvious. To run into basic forces of the Kyiv prince, undoubtedly, not included in his task.

To date it is difficult to reconstruct a situation in east Taurica in the second half of 40th - first half of 60th of X century. Maybe, to falling of Khazaria in 965 local populations, nominally submitted to the protégé of Kaganat. Busy of home policy problems and events on Balkans, the Byzantine Empire to the pore and time did not interfere in matter-position. Interfered with it the presence on the peninsula the part of pechenegs that carried on active intermediary activity and existence of certain agreements with Rus.

After death and decline of Khazar Kaganat, territory of east Taurika, probably at the beginning of 70th of X century goes across under power of the Byzantine Empire. As far as strong was this power and in what form it true, saying is difficult. For the decision of problem a fundamental value has a question about time of origin and period of existence in Sugdeja and Bospor the fema. In Tacticon of Iconomidis in 70th of X century mentioned only one fema of east Taurika – the fema of Bospor. In opinion of V.E. Naumenko from the end of X century goes process of reformation of the system of administrative management of the Byzantine province in Taurika. On changing of single fema including before under the management of one stratig sparse mountain and off-shore areas of Byzantine Taurica, another system of territorial management, based on a coexistence on the peninsula of a few independent administrative units, inferiors to Constantinople, comes. Obviously, in presentation of Byzantines, this system had more effectively to react on strengthening of Russian positions in a region.

After the hike of Vladimir "on Khazar" 986/87 the primary objective of that, probably, there was Azov area and Taman, and next taking of Chersonese, a situation for east Crimea, unlike Tmutaracan, does not change considerably. However, natural influence of Rus, on east Crimea increases. Probably, between Rus and Byzantium was celled original condominium. A local population was obligated to support none of the states in case of military opposition.

It, both active or passive opposition of two most states, busy at numerous internal and external problems, allowed to the local population to balance between two forces.

At the beginning of XI century a political situation changes in east Crimea. Nominal dependence of this part of Taurika, from Byzantium did not arrange an empire. For liquidation of situation a revolt in 1015 under the direction of George Tsulo and corresponding expedition of the Byzantine fleet served cause to Crimea in 1016.

As a hike of the Byzantine fleet affected to local population, saying is difficult, but, as sfragistic materials testify, soon arises up the fema in Sugdeja. The known changes during the first half of XI century take place and in a material culture. To the end of this century it is fully formed as Provincially-Byzantine.

On the other hand with final registration of protectorate above Tmutarakan at the Chernihiv princes from the second half of XI century it influence increases on east Crimea. The material culture of Sugdeja and Bospor of this time is saturated by the various finds of the Old Russian origin, that illustrate

various directions of cultural, including religious, economic and political connections, maybe, and state character. Such tendency neither and after this period not traced.

This circumstance allows affecting a question not only about economic connections of east Crimea and Tmutaracan but also about certain, probably short duration, political dependence of this territory of peninsula on principality. Maybe, exactly with these events the constrained attempt of Byzantium to infix the north-eastern borders of Empire in east Crimea. Probably here, as well as on lower Danube the part of pecheneg, the certain groups of that settle in cities, passing to settled way of life. In 1048-1054 exactly these pecheneg, being base on notes of Sudak Sinaksar, helped the habitants of Sugdeja to fight against uzi-torki. In our view, exactly for opposition of expansion of Tmutarakan principality in 1059 the fema of Sugdeja was incorporated from fema of Kherson, to what the known inscription 1059 of Leo Aliat testifies. Obviously, this was the not protracted period of most bloom of Tmutarakan that was on the middle - third fourth of XI century. In the middle of 80th of this century the Byzantine Empire returns former influence gradually, both in south-east and east Crimea and on Taman.

In the XII century territory of east Crimea appeared in the conditions of political and economic stability. Sugdeja and Bospor remain under power of Byzantium, however get, as well as all South Taurika, in dependence on Polovtsian. With their distribution in the district of Don a trade axis between Rus and countries of Mediterranean gradually began to move from western part of the Black sea to Azov sea. A political situation on Rus rendered the favourable affecting new trade-route: to the middle of XII century the center of the Russian state moved east from Kyiv to Suzdal and Vladimir, from the valley of Dnepr to the valley of Volga. Merchants, instead of dangerous and difficult way across the Dnepr thresholds gave preference to Don and Sea of Azov. This trade-route saves the value on centuries and after the Turkish conquest. New term-of-trades had a direct result economic development of Sugdeja that became the largest shopping center of Polovtsian.

After falling of the Byzantine Empire in 1204 as a result of fourth cross hike, on it ruins there were a number of the Greek, Slavic and Latin states. Besides Asia Minor areas in the complement of the new Trebizond empire former Byzantine possessions entered in south and east part of Taurika. Obviously, it happened yet near a middle of 1204. Taurika and it east part appeared engaged in the difficult mutual relations of empire with Seldzhuk sultanate. But it is already other period of Crimean middle ages.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ВІВLІОGRAPHY

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Научный архив Института археологии НАН Украины

Айбабин А.И. Отчет о раскопках средневекового могильника в с. Лучистое и Боспора в 1991 г. Ф. Экспедиций № 1991/120.

Макарова Т.И. Отчет о раскопках в Керчи около церкви Иоанна Предтечи в 1971 г. 22 с. Ф. Экспедиций № 1971/102.

Омелькова Л.А. Отчет о спасательных разведках и раскопках, проведенных в Бельбекской долине в 1978 г. 77 с.+ 80 ил. Ф. Экспедиций № 1978/65. Инв. № 8698.

Пелевина О.Л. Отчет о раскопках средневекового могильника и печи в селе В. Голубинка в 1979 г. 40 с.+ 63 ил. Ф. Экспедиций № 1979/130. Инв. № 9477.

Якобсон А.Л., Зеест И.Б. Отчет о раскопках на рыночной площади в Керчи в 1963 г. 18 с. Ф. Экспедиций № 1963/21.

Научный архив ИИМК РАН

Готье Ю.В. Отчет об археологических разведках в Судаке летом 1927 г. Ф.2.-оп.1/1927. С. 43. Научный архив Крымского филиала института археологии НАН Украины Ф. 3. Отчеты экспедиций 1946-2011 гг.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет о раскопках храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (Партенитская базилика) в 2000 г. Инв. Кн. 4. Инв. № 645, папка № 1049.

Айбабин А.И. Отчет о раскопках средневекового могильника в Судаке в 1978 г. Инв. Кн. 1, инв. № 121, папка № 216-218.

Айбабина Е.А. Отчет о раскопках средневековой Сугдеи-Солдайи в 2001 г. Инв. Кн. 5, инв. № 761, папка № 1179.

Бабенчиков В.П. Отчет о разведочных и раскопочных работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского Филиала АН СССР в 1953 г. Инв. № А-№ 21/6.

Бабенчиков В.П. Средневековые поселения и ремесленные центры V-XIII вв. юго-восточного Крыма. 51 с. Ф. 1. Личные архивы В.П. Бабенчикова 1947-1960 гг. Д. 7. В.21. 1953а.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1977 г. Ф. 3. Отчеты экспедиций 1946-2011 гг. Инв. Кн. 2, инв. № 200, папка № 454.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1978 г. Инв. Кн. 2, инв. № 149, папка № 261.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1980 г. Инв. Кн. 1, инв. № 98, папка № 185-186.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысу Димитраки в 1982 г. Инв. Кн. 2, инв. № 222, папка № 479.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1985 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1139, папка № 1486.

Баранов И.А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на горе Ай-Фока близ пос. Морское в 1988 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1149, папка № 1497.

Баранов И.А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока в 1989 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1150, папка № 1498.

Баранов И.А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока близ пос. Морское в 1990 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1151, папка № 1499.

Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата. Диссертация д.и.н. К., 1994. 425 с. Ф. 2. Рукописи. Д. 15.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости в 1991 г. Ф. 3. Отчеты экспедиций 1946-2011 гг. Инв. Кн. 6. инв. № 160, папка № 460.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости в 1992 г. Инв. Кн. 3, инв. № 261, папка № 563.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости, портовой части Сугдеи и на южных склонах г. Перчем в 1993 г. Инв. Кн. 3, инв. № 305, папка № 624.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на посаде средневековой Сугдеи в 1994 г. Инв. Кн. 3, инв. № 322, папка № 651.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости в 1995 г. Инв. кн. 3, инв. № 395, папка № 740.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости в 1996 г. Инв. кн. 4, инв. № 517, папка № 875.

Баранов И.А., Майко В.В. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости в 1997 г. Инв. Кн. 4, инв. № 497, папка № 854.

Баранов И.А., Майко В.В., Фарбей А.М. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости, на посаде Сугдеи и на холме Тепсень в 1999 г. Инв. кн. 4, инв. № 624, папка N 1024.

Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1030.

Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029.

Зеленко С.М. Отчет о подводных археологических исследованиях на участке побережья между мысом Киик-Атлама и мысом Меганом и в бухте пгт. Н. Свет в 1998 г. Инв. Кн. 4, инв. № 575, папка № 951.

Зубарев В.Г., Сон Н.А. Отчет Белинской археологической экспедиции о раскопках городища и некрополя у с. Белинское на территории Ленинского района Республики Крым в 2011 г. Инв. кн. 6, инв. № 1488, папка № 1851.

Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича. Доклад прочитанный в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина 11 марта 1974 г. Ф. 2. Рукописи. Л.65.

Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об археологических раскопках в портовой части Судакской крепости в 2006 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1095, папка № 1434.

Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об охранных археологических раскопках в портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2007 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1195, папка № 1544.

Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об охранных археологических раскопках в портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2008 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1311, папка № 1674.

Майко В.В., Джанов **А.В.,** Фарбей **А.М.** Отчет об археологических раскопках на территории цитадели в портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2009 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1315, папка № 1785.

Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 году. Инв. Кн. 2, инв. № А-94, папка № 169.

Паршина Е.А. Отчет об археологических раскопках в поселке «Фрунзенское» в 1985 г. Инв. Кн. Б, инв. № 187, папка № 447.

Паршина Е.А. Отчет об археологических исследованиях в поселке Фрунзенское в 1986 году. Инв. Кн. Б, инв. № 188, папка № 448.

Пятышева И.В. Отчет об археологических разведках Судакского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. П. 25.

Седикова Л.В. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. Инв. Кн. 4, инв. № 618, папка № 1017.

Фарбей А.М., Майко В.В., Джанов А.В. Отчет об археологических разведках в акватории Судакской бухты и на территории Судакской крепости в 2005 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1275, папка № 1665.

Фарбей А.М., Майко В.В., Джанов А.В. Отчет об археологических разведках в акватории Судакской бухты в 2006 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1377, папка № 1715.

Фарбей А.М., Майко В.В., Джанов А.В. Отчет об археологических разведках в акватории Судакской бухты и разведках на территории Судакской крепости в 2007 г. Инв. Кн. 6, инв. № 1211, папка № 1560.

Фронджуло М.А. Отчет о работе Судакского отряда КЭ ИА АН УССР в 1968 г. Инв. Кн. 3, инв. № 115, папка № 185.

ПУБЛИКАЦИИ

Адаксина С.Б. Две новые находки энколпионов с горы Аю-Даг // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002. С. 14-15.

Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма и о Партенитской базилике // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 165-173.

Адаксина С.Б., Золоторев М.И., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Работы южно-крымской археологической экспедиции в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия за 2000 год. СПб., 2001. С. 19-26.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В. и др. Исследования крепости Алустон // АИК 1993 г. Симферополь. 1994. С. 10-15.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика в X-XI вв. (первый этап существования памятника) // Христіанскій Востокъ. Т. 6(XII). Новая серия. СПб., 2013. С. 401-503.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск-Омск, 2000. 256 с.

Азбелев С.Н. Корсунь-Херсонес в былинном эпосе // Византинороссика. Т. 4. СПб., 2005. С. 121-129.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Т. І. Симферополь, 1991. С. 3-86.

Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Т. II. Симферополь, 1991a. С. 43–51.

Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Международная конференция "Византия и Крым". Тез. докл. Симферополь. 1997. С. 5-9.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.

Айбабин А.И. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму.-Симферополь. 1999а. С. 4-7.

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 168-185.

Айбабин А.И. На окраине Византийской цивилизации (Византийский Крым) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., «Стилос», 2002. С. 30-33.

Айбабин А.И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X — первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 74-81.

Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. Вып. Х. Симферополь, 2003а. С. 277-306.

Айбабин А.И. Византийский город на плато Эски-Кермен во второй половине IX-XI вв. // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 5.

Айбабин А.И., Долгополова В.М. Раскопки средневекового могильника в Судаке // АО 1978 г. М., 1979. С. 287–288.

Айбабин А.И., **Хайрединова Э.А.** Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 годов. Симферополь-Керчь, 2008. 336 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь-Керчь, 2011. С. 422-457.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы христианского культа из раскопок 2003-2008 гг. на городище Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. V Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2013. С. 6-9.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы христианского культа из раскопок 2003-2008 годов на городище Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. LXIX. СПб., 2013а. С. 7-21.

Айбабина Е.А., Бочаров С.**Г.** Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // АВУ 2001-2002 рр. К., 2003. С. 11.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. // XA. Т. 5. Киев-Харьков, 2006. 308 с.

Аксёнов В.С., Хоружая М.В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности 2005. Харьков, 2005. С. 288-294.

Аладжов Ж. Бронзови токи с животински изображения от ранното средновековие // Археология № 23. 4. 1981. С. 22-27.

Албегова З.Х. Социология языческой религии алан X-XII вв. по материалам амулетов // XX Крупновские чтения. Тез. Докл. Ставрополь. 1998. С. 7-9.

Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 177-192.

Алексеев С. «Вещий Священный» (Князь Олег Киевский) // Русское Средневековье. Международные отношения, 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 4-24.

Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности 1995. Харьков, 1995. С. 81-87.

Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. Т. XII. Ч. 2. Симферополь, 2006. С. 564-570.

Алексеенко Н.А. Печати с родовыми именами из Херсонского архива // ТГЭ. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2009. С. 265-275.

Алексеенко Н.А. Большой корсуньский клад херсоно-византийских монет X в. // XC. Вып. XVI. Севастополь, 2011. С. 9-34.

Алексеенко Н.А., Самойленко Ю.Н. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // Acta Musei Varnensis. Т. 5. Варна, 2008.

Алексенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике. Легендарные свидетельства или исторические реалии // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 6-7.

Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // XC. Вып. XVII. Севастополь, 2012а. С. 7-17.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. 608 с.

Алфьоров О.А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії, з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: КИЇВ — КОРСУНЬ / ХЕРС Ω N — К Ω NCTANTINOYПО Λ IC: Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. Kyiv — Sevastopol, 2013. C. 28-31.

Андреева О.А. Костяные изделия из цитадели Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь-Керчь. 2011. С. 412-421.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977. 174 с.

Анохин В.А. Деньги Киевской Руси // Археология Украинской ССР. Т. 3. К., 1986. С. 485-491.

Антонин (архимандрит). Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 595-628.

Антонова В. Шумен и Шуменската крепост. Шумен, 1995. 187 с.

Армарчук Е.А. «Половецкие серги» // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. М.-Йошкар-Ола, 2006. С. 201-216.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции // ИГАИМК. Вып. 131. Л., 1935. С. 5-117.

Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. І. МИА № 62. 1958. С. 7–84.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. 521 с.

Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА № 109. 1963. С. 9–215.

Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 539-624.

Артеменко Е.Д. Половецкие изваяния из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008. С. 51-60.

Артеменко Е.Д. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 8-12.

Арустам'ян Ж.Г. Фонди Заповідника // Національний заповідник «Софія Київська». К., 2004. С. 385-410.

Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.

Архіпова €.І. Нові знахідки візантійських стеатитових іконок в Україні // СТУDІІ мистецтвознавчі. Число 3 (7). К., 2004. С. 7-20.

Архипова Є.І. Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва стародавнього Києва (за матеріалами розкопок 2001–2002 p.) // Археологія. № 1. 2006. C. 62-74.

Архипова Е.И. Бронзовое кадило из Судака в Одесском археологическом музее // ВВ. Т. 67(92). 2008. С. 207-216.

Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Сирийские энколпионы из собрания Государственного Исторического Музея // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Тез. докл. Севастополь, 2006. С. 4-5.

Атавин А.Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. М., 1988. С. 20-22.

Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник 1. М., 1992. С. 173-211.

Атавин А.Г., Каменецкий И.С. Харинка: средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 266-307.

Атанасов Г. Кримски реалии на единокорабните единоапсидни църкви без притвор в Добруджа и източна България през X-XI век // БСП. Т. III. В.Търново, 1994. С. 51-69.

Атанасов Г. Клады земледельческих орудий из южной Добруджи (X — начало XI вв.) // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2000. С. 183-210.

Атанасов Г., Дончева С. Свинцовые медальоны с изображением крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX-XI вв.) // Stratum plus № 6. СПб.-Кишинев-Одесса, 2011. С. 93-113.

Атанасов Г., Йотов В. Кръстове-енколпиони и медальони от ранносредновековиата крепост до с. Цар-Асен, Силистренско // Добруджа. № 6. Добрич-Силистра, 1989. С. 81–97.

Атанасов Г., Йотов В., Засыпкина Г.В., Руссев Н.Д. Исследование городища Руйно-Картал-кале (предварительное сообщение) // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2000. С. 97-107.

Атанасов Г.Г., Русев Н.Д. Онглос: первая резиденция Болгарских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII-X вв. // Археология Евразийских степей. Вып. 12. Болгарский форум 1. Материалы Международного болгарского форума. Казань, 2011. С. 15-34.

Ачкинази И.В. Об иудейских памятниках конца IX-начала X в. из Крыма // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Симферополь, 1994. С. 83-84.

Ачкинази И.В. Условия формирования иудейских общин на территории Крыма в хазарский и послехазарский периоды // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 17-18.

Ачкинази И.В. Крымчаки. Историко – этнографический очерк. Симферополь, 2000. 192 с.

Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009. 104 с.

Бабић Б. Материалната култура на македонските Словени во светлината на археолошките истражуваньа. Прилеп, 1985.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 287 с.

Бадеев Д.Ю. Изделия из кости и рога с селища Мякинино I // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 20-26.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Восточной части Горного Крыма // Труды НИИ краеведческой и музейной работы. Т. 1. М., 1940. С. 150-174.

Бала І.Л. Київські гривні з нумізматичної колекції Одеського Державного археологічного музею // МАПП. Вип. 3. 1960. С. 253-259.

Балонкина Е.В. Граффити на средневековой керамике из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996. С. 17-18.

Банк А.В. Гребень из Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С. 333-339.

Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. М., 1978. 312 с.

Баранов В.И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. № 2. Симферополь, 2003. С. 4—17.

Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 151–161.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 46–62.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.

Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. К., 1991. С. 101–107.

Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991а. С. 145–159.

Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // Byzantinorussica. Византиноруссика. № 1. М., 1994. С. 48-61.

Баранов И.А. Миссия Константина Философа в Крым и Хазарию // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь, 1999. С. 3-8.

Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. І. Киев-Судак, 2004. С. 524-559.

Баранов И.А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010. С. 601-617.

Баранов И.А., Майко В.В. Раскопки в портовом районе Судакской крепости // АИК 1993 г. Симферополь, 1994. С. 43-47.

Баранов І.А., Майко В.В. Деякі питання типології і технології виготовлення кухонного посуду X-XI ст. з Судака // УГ. Кн.З. К., 1996. С. 63-72.

Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // БСП. Т V. В.Тырново, 1996а. С. 71-88.

Баранов И.А., Майко В.В. Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь, 1997. С. 21-23.

Баранов И.А., Майко В.В. Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // Stratum plus. № 6. Время денег. СПб.-Кишинев-Одесса, 1999. С. 128-129.

Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII - первой половины X вв. // БСП. Т. VII. В.Тырново, 2000. С. 83-100.

Баранов И.А., Майко В.В. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X в. // XC. Т. X. Севастополь, 2000а. С. 292-295.

Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугдеи // РА. № 3. 2001. С. 98-110.

Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс амфор XIII-XIV вв. из Сугдеи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001а. С. 198-201.

Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки в средневековой Сугдее // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 38–45.

Баранов І.А., Майко В.В., Кузьминов О.В. Археологічні дослідження Сугдеї-Солдаї у 1998 р. // ABУ 1998-1999 рр. К., 1999. С. 52-53.

Баранов И.А., Майко В.В., Фарбей А.М. Археологические исследования средневековой Сугдеи в 2000 г. // АВУ 1999-2000 рр. К., 2001. С. 75-76.

Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. № 1. Симферополь, 1997. С. 83-87.

Баукова А.Ю. Архітектурно-археологічні розкопки біля церкви Іоанна Предтечі в Керчі у другій половині XX ст. // Софійські читання. К., 2009. С. 383-386.

Башенькин А.Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии северо-запада СССР. Л., 1985. С. 77-81.

Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. 274 с.

Безкоровайная Ю.Г. Стеклянные браслеты X-XIII вв. из Керчи // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 136–138.

Белецкий В.Д., **Виноградов А.Ю.** Фрески Сентинского храма и проблемы истории Аланского христианства // РА. № 1. 2005. С. 130–142.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. № 34. М.-Л., 1953. С. 109-159. **Белорыбкин Г.Н.** Золотаревское поселение. СПб., 2001. 192 с.

Белорыбкин Г.Н. Мода на украшения на территории Верхнего Посурья в IX-XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001а. С. 214–225.

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // БИАС. Вып. 3. Симферополь, 2008. С. 115-131.

Белый А.В. Две железные фибулы хазарского времени из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III. Интернет-издание. Севастополь—Тюмень, 2011. С. 35-43.

Белый А.В. Находки двух железных фибул хазарской эпохи на территории юго-западного Крыма // 'Рωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 418-425.

Белый А.В., Белый О.Б., Лобода И.И. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 160–174

Беляев С.А. Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) // ВВ. Т. 51. 1990. С. 153-171.

Беляев Л.А. Византийская археология // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 232-252.

Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.Н. Средневековые кочевнические погребения из курганного могильника Ильинский-1 на Ставрополье // МИА Северного Кавказа. Вып. 12. Армавир, 2011. С. 169-188.

Бессонова С.С. Раскопки курганов у с. Золотое на Керченском полуострове // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. 3. К., 1971. С. 58-63.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988. 220 с.

Бибиков М.В. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и руссковизантийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. Мат. и исслед. 1975. М., 1976. С.87-89.

Білоусова В. Культові речі колекції «Десятинная церква» НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 75–76.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А., Волкова Е.В., Гей И.А. Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 3-44.

Богданова 3.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 8-164.

Богданова Н.М. О методике использования археологических источников по истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 104–116.

Богословский О.В. Стеклянные браслеты Таманского городища // Древности Кубани. Краснодар, 1987. С. 52-54.

Богословская И.А., Богословский О.В. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 8-9.

Бондарь А.Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX-X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. Ред. Сер. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 300-327.

Бонев С. Костени детайли на конска амуниция от средновековна България // Музеи и паметници на култура. Год. XXI. Кн. 4. 1981. С. 39-42.

Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново, 2011. 323 с.

Борисов Б. Керамика XI-XII вв. из юго-восточной Болгарии // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2. К.,1988. С. 28-33.

Борисова В.В. Средневековая гончарная печь // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 1. Симферополь, 1960. С. 42-46.

Боровський Я.Є. Світогляд давніх киян. К., 1992. 171 с.

Боровський Я.Є., Калюк О.П. Дослідження Київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984—1989. К., 1993. С. 3—42.

Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. С. 127-144.

Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989. 296 с.

Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л. Кочевники развитого средневековья на Северском Донце. К., 2012. 150 с.

Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от Х в. // Еврейская мысль. Т. 1. Пг., 1922. С. 31-71.

Бубенок О.Б. Хазары и брутахии на северо-западном Кавказе // БИ. Вып. XXIV. Симферополь-Керчь, 2010. С. 457-468.

Булгаков В.В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000а. № 4 (5) (http://archaeologe. kiev.ua/journal/040700/ bulgakov.htm

Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 153-164.

Булгаков В.В. Византийские амфорные клейма XI в. с монограммой имени Константин // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001а. С. 147-152.

Булгаков В.В. Сероглиняные амфоры XI-XII вв. // Восточноевропейский археологический журнал, 2(9), март-апрель 2001б http://archaeology.kiev.ua/journal/ 020301/bulgakov.htm

Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. Вып. І. Киев-Судак, 2004. С. 5-12.

Булгаков В.В., Булгакова В.И. Портовый комплекс Сугдеи (по данным морских археологических исследований 2004-2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах № 28. Донецк, 2012. С. 285-310.

Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев-Судак, 2008. С. 296-330.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 38 - 72.

Бутырский М.Н. IMAGO CLIPEATA византийской монеты: от императорского портрета к образу Христа // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. СПб., 2003. С. 42-43.

Бушаков В. Дієслівні топоніми в тюркській топонімії Криму // Наукові записки. Вип. 37. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград. Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка, 2001. С. 13-16.

Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосифа // XA. Т. 4. Киев-Харьков, 2005. С. 118-128.

Българите и техните съседи през V-X век. Каталог на изложба. / Съставители Валерии Йотов, Ваня Павлова. Регионален Исторически музей. Варна, 2004. 102 с.

Валеев Г.К. Антропонимия Повести временных лет. Автореф. дис. к.и.н. М., 1982. 18 с.

Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX-начала XIII века. Казань, 1995. 157 с.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань, 2005. 279 с.

Валиулина С.И. Византийское стекло в Волжской Болгарии XI века и его аналогии в материалах Болгарии Дунайской // Трети международен конгрес по българистика. 23-26 мая 2013 г. София, 2013 (в печати).

Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 48–54.

Васильевский В.Г. Исторические сведения о Суроже // Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Петроград, 1915. С. CLVI-CCVII.

Вахонеев В.В., Любичев М.В., Явишева С.Н. Подводные археологические исследования вокруг скал Адалары // Археологічні дослідження в Україні 2011. К., 2012. С. 21-22.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993. 204 с.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899 (репринт 1991 г.). 693 с.

Веремейчик Е.М. Охранные исследования поселения X-XIII вв. у с. Петруши // Проблемы археологии Южной Руси. К., 1990. С. 76-83.

Винничек В.А., Киреева К.М. Косторезное дело на территории верхнего Посурья и Примокшанья в средние века (по материалам памятников XI - XIV вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 2. Пенза, 2008. С. 157-171.

Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2009. С. 262-271.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии // АО 1975 года. М., 1976. С. 115-117.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. Т. 44. М., 1983. С. 190-195.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970-1976 гг.) // http://ossethnos.ru/9-alanskij-mogilnik-u-sel-martan-chu-v-chechne.html.

Винокуров Н.И. Работы в Ленинском районе // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 62-65.

Вихнович В.Л., Лебедев В.В. Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. Т. II. Симферополь, 1992. С. 130-139.

Владимирова-Аладжова Д. Средновековни тежести-еталони (екзагии) от България // Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum V. София, 2010. С. 679-694.

Возний І.П. Поселення X-XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Ч. 1. Чернівці, 2005. 255 с.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. С. 143-157.

Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 131-135.

Воронцова Л.М. Византийские камеи из ризницы Троице-Сергиевой Лавры // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 11-31.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10-13 сент. 1927 г. Севастополь, 1927. 67 с.

Гавриил Архиепископ Херсонский и Таврический Остатки христианских древностей в Крыму // ЗООИД. Т. І. 1844. С. 236-237.

Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 54-68.

Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев-Судак, 2008. С. 331-384.

Гаврилов А.В. Курганы Юго-Восточного Крыма // Stratum plus №3. СПб.-Кишинев-Одесса, 2010. С. 261-280.

Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. № 113. 1968. С. 78-84.

Гадло А.В. Южное Приазовье в период Хазарского каганата: проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII-X вв. Автореф. дис. к.и.н.. Л., 1969. 14 с.

Гадло А.В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутороканского княжества // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59-67.

Гадло А.В. Памятники салтово-маяцкой культуры в центральном Предкавказье // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 74-78.

Гадло А.В. К истории восточной Таврики в VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Вып. 17, 1980. С. 130-145.

Гадло А.В. К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. // Историкоархеологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 194-213.

Гадло А.В. Тмутороканские этюды. II // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 3. 1989. С. 11-17.

Гадло А.В. Тмутороканские этюды. III // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1990. С. 21-28.

Гадло А.В. Тмутороканские этюды. VII // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2(9). 1992. С. 3-15.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. Л., 1994. 216 с.

Гадло А.В. Предыстроия Приазовской Руси. Очерки истории русого княжения на Северном Кавказе. СПб, 2004. 362 с.

Гаркави А.Я. По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам // Известия русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1876. 28 с.

Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. Вып. 1. СПб., 1874. 167 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964. 201 с.

Георгиев П. Статуетката ключ от Плиска Старини. Кн. 1. Шумен, 2000. С. 79-86.

Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К., 1991. 132 с.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь, 1990. С. 87-166; 242-271.

Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 2. Симферополь, 2006. С. 371-494.

Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // Готы и Рим. К., 2006. С. 221–253.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 180–190.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 127-151.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун) // АДСВ. Вып. 37. Екатеринбург, 2006. С. 384-432.

Герцен А.Г., Яшаева Т.Ю. Древнерусские энколпионы из юго-западного Крыма // Славянорусское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. СПб., 2010. С. 355-362.

Гмыря Л.Б. Хазария и политические образования Прикаспийского Дагестана в VII-XII вв. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). М., 1996. С. 58-62.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: [Альбом]. М., 2000. 127 с.

Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. / Науч. ред. и коммент. В.Я. Петрухина. М.-Иерусалим, 1997. 240 с.

Голенко К.В. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // ВВ. Т. XVIII. 1961. С. 216-225.

Голенко В.К., Джанов А.В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции. Киев-Судак, 2002. С. 79-81.

Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 275-377.

Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Т. X. Симферополь, 2003. С. 182–260.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A, X-Б) // МАИЭТ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 49-161.

Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3. 1966. С. 80-98.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом Озере X-XIII вв. М., 1973. 212 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59. 113 с.

Голубева Л.А. Амулеты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 155-165.

Гончаров В.К. Райковецьке городище. К., 1950. 219 с.

Горбунов В.В. Копья воинов сросткинской культуры // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 67-73.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир, 2008. С. 139-158.

Горлов Ю.В., Чхаидзе В.Н. Средневековое поселение Веселовка-2 на Таманском полуострове // Древности Боспора. Т. 12. М., 2008. С. 187-195.

Горянов Б.Т. Византия и хазары (обзор иностранной литературы) // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 262-277.

Готье Ю.В. Расчистка базилики в «Георгиевской» башне Судакской крепости // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10-13 сент. 1927 г. Севастополь, 1927. С. 47-48.

Готье Ю.В. Археологические работы в Судаке // Новый Восток. 1928. № 20-21. С. 501-502.

Гудименко И.В., Прокофьев Р.В. «Мартышкина балка» (материалы средневекового грунтового могильника) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону, 2011. С. 201-274.

Гукин В.Д. Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI-XII веков из предместья средневекового Солхата // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. XLII. СПб., 2008. С. 342-350.

Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Исследования на раскопе VIII в портовой части средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2010. Київ-Полтава, 2011. С. 91-92.

Гукин В.Д., Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М., Захаров В.А. Исследования на раскопе VIII в портовой части средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2011. К., С. 38-39

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. 764 с.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993а. 576 с.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л., 1981. 159 с.

Гуревич Ф.Д. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. Т. 43. С. 178-182.

Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев яр» - новый памятник X-XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах, № 25, Донецк, 2011. С. 250-269.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975. 347 с.

Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985. С. 387-411.

Денисова Е.А. Железные ножи X-XIII вв. из Херсонеса // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 25-27.

Денисюк В.Л. Штамп для церковных просфор из Феодосии-Каффы из собрания Одесского Археологического музея НАН Украины // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 112-116.

Деопик (Ковалевская) В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. 1961. № 3. С. 202–232.

Джанов О.В. Вотивна модель храму із Східного Криму // Міжнародна археологічна конференція студентів і молодих вчених. К., 1996. С. 187-189.

Джанов А.В. Часовня-евктерий XIII в. в портовой части Сугдеи // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. К., 1997. С. 223-226.

Джанов А.В. Судакская крепость двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История-археология-эпиграфика. Сборник работ и материалов. Киев-Судак-СПб., 2006. С. 322-357.

Джанов А.В. Монастырь на мысе Димитраки // Сугдейский сборник. Т. IV. Киев-Судак, 2010. С. 569-573.

Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI-XII вв. // XC. Вып. IX. Севастополь, 1998. С. 160-181.

Джанов А.В., Майко В.В., Фарбей А.М. Христианские храмы Сугдеи // Софійські читання. Вип. 2. К., 2004. С. 86–91.

Джингов Г. Археологически проучвания във вътрешния град на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 5. Шумен, 1992. С. 105-123.

Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987. 303 с.

Димитров Д.Ил. Этнические и культурные связи населения северо-западного Причерноморья в эпоху раннего средневековья // Bulgaria Pontica Medii Aevi. T. III. Sofia, 1992. C. 19-24.

Димитров Д. Керамика от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. 1993. № 10. С. 76-122.

Димитров Я. Знаци по зидовете на монументални постройки в Плиска // Плиска-Преслав. Т. 6. Шумен, 1993. С. 69-78.

Димитров Я. Интересен костен инструмент от Плиска // Преслав. Т. 4. София, 1993а. С. 263-271.

Димитров Я. Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X-XI в.) // Плиска-Преслав 7, Шумен, 1995. С. 42-70.

Димитров Я. Два некропола във Външния град на Плиска // Трудове на катедрите по история и богословие към Шуменския университет. № 2. 1998. С. 69-80.

Добролюбский А.О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. К., 1986. 140 с.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. К., 1966. 148 с.

Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Т. 3. К., 1986. С. 535-548.

Дончева С. Медалиони от средновековна България. Шумен, 2007. 340 с.

Дончева С. Кръстове от Шуменския регион (нови постъпления във фонда на РИМ-Шумен) // Eurika. In honorem Ludmilae Doncheva-Petkovae. София, 2009. С. 417-428.

Дончева-Петкова Л. Некропол при южния сектор на западната крепостна стена на Плиска // Сборник в памет на профессор Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 181–191.

Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. № 8. Добрич, 1991. С. 51–65.

Дончева-Петкова Л. Кръстове-енколпиони с образи на светци и надписи NKOЛAOC-ВЛАСНОС и ГЕОРГНОС-ДНМНТРОС // Археология.- Т. XXXIII. Кн. 1. София, 1991а. С. 11-19.

Дончева-Петкова Л. Сгради при южния сектор на западната стена на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 5. Шумен, 1992. С. 124-145.

Дончева-Петкова Л. Средновековен некропол при село Одърци, Добричко (предварително съобщение) // Добруджа. № 10. Добрич-Силистра, 1993. С. 134—144.

Дончева-Петкова Л. Глинени съдове от XI в. от Плиска // Преслав. Т. 4. София, 1993а. С. 250-262.

Дончева-Петкова Л. Одърци. Селиште от Първо Българско царство. Т. 1. София, 1999. 210 с.

Дончева-Петкова Л. Култови предмети от некропола при с. Одърци, Добричко // Studia protobulgarica et mediaevalia Europensia. В чест на профессор Веселин Бешевлиев. София, 2003. С. 214–222.

Дончева-Петкова Л. Одърци. Некрополи от XI век. Т. 2. София, 2005. 469 с.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV в.). София, 2011. 751 с.

Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. 168 с.

Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 432-456.

Душенко А.А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 137-142.

Дюженко Т.В. Средневековые граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 93-103.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в кочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 181-208.

Евглевский А.В., Данилко Н.М., Куприй С.А. «Рядовое» позднекочевническое погребение с нерядовым обрядом из кургана 2 группы Токовские могилы на Правобережье Днепра // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 199-214.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т. І. Запорожье, 2001. 275 с.

Ельников М.В. Экономические и культурные связи населения Нижнего Поднепровья и Крыма в золотоордынский период // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005. С. 57-65.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993-1994 гг.). Т. II. Запорожье, 2006. 356 с.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Тигли Гнёздовского поселения // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 54-63.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. (Курский край. Научно-популярная серия в 20-ти тт. Т. III.). Курск, 2005. 352 с.

Жилина Н.В. Тисненый убор по древнерусским кладам X—XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти // Stratum plus. Ремесло археолога. № 5. 2010. С. 23-146.

Жиронкина О.Ю. Материалы к типологии стеклянных бус Нетайловского могильника (технологический анализ) // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов. Харьков, 1997. С. 52–53.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В, Цитковская Ю.И. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 165–167.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. Исследования Нетайловского могильника в 1994 году // Восточноевропейский археологический журнал, 1(14) январь-февраль 2002, (http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/zhironkina kryganov tsitkovskaya.htm)

Журжалина И.П. Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. 1961. № 2. С. 122-140.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. М., 1988. С. 220–243.

Закирова И.А. Косторезное ремесло // Великий Болгар. Москва-Казань, 2013. С. 176-181.

Залесская В.Н. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа) // Палестинский сборник. 1971. Т. 23. С. 84–91.

Залесская В.Н. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки // СА. № 4. 1984. С. 217-223.

Залесская В.Н. Белоглиняная росписная керамика Малой Азии XI-XIII вв. // Полихромная расписная керамика Закавказья истоки и пути распространения.-Тбилиси, 1985.-С. 284-285.

Залесская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XI веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ. IV–XVI вв. Л., 1988. С. 93–98.

Залесская В.Н. Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. СПб., 1994. С. 110–175

Залесская В.Н. Литики XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 150-156.

Залесская В.Н. Прикладное искусство Византии // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 339–350.

Залесская В.Н. Византийские евлогии Св. Николая // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 108–120.

Залесская В.Н. Изображения Михаила из Терапии и Лазаря-Столпника из Эфеса на крестахэнколпионах XI века // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. LXIX. СПб., 2013. С. 40-47.

Занкин А.Б. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.-К., 2001.- С. 46-51.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004, 592 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // РА. № 4. 2005. С. 115–124.

Захаров С.Д., **Кузина И.Н.** Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М., 2008. 365 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Болгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток в IX-XVI веках. Новые археологические исследования. М., 2010. С. 28-35.

Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск, 1989. 208 с.

Звіздецький Б.А. Рец. Возний І.П. Поселення X-XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Чернівці, 2005. Ч. 1. 255 с. // Археологія. № 2. 2007. С. 104-107.

Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. Вып. 104. М., 1965. С. 62-69.

Зеленко С.М. Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 82-92.

Зеленко С.М. Подводная археология Крыма. К., 2008. 272 с.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII-IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Том III. Керчь, 1999. С. 185-212.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 406–429.

Зограф А.Н. Монеты из раскопок Боспорской экспедиции 1932-1934 гг. // МИА. Т. IV. 1941. 278 с.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.) // ХС. Вып. VIII. Севастополь, 1997. С. 30-45.

Зоценко В.Н. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. К., 1981. С. 113–125.

Зоценко В.Н. Гончаров О. Скляні вироби // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 95–100.

Зоценко В.М. Амфорна тара Києво-Подолу XII – початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 165-197.

Зоценко В., Попельницька О. Наперсний хрест-релікварій, зібрання Національного музею історії України // Науковий збірник присвячений 900-літтю Свято-Михайлівського Золотоверхого монастиря: Матеріали наук.-практ. конференції. К., 2008. С. 88-90.

Зразюк 3. Нумізматичні знахідки на території Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 90-92.

Зубарев В.Г., Леонтьева В.А. Погребение кочевников из некрополя городища Белинское // Древности Боспора. Том 16. М., 2012. С. 169-176.

Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Поляков В.Є. Поховання X-XI ст. на Михайлівській горі в Києві // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. К., 2003. С. 122–126.

Івакін Г.Ю., Пуцко В.Г. Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998—2001 р. // Археологія. № 4. 2005. С. 94–107.

Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985. С. 77–105.

Иванина О.А. Стеклянные браслеты из фондов Керченского заповедника // Нацчный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008. С. 61-86.

Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X-XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности 2012. Вып. 11. Харьков, 2012. С. 211-222.

Иванов А.В. Градообразование в юго-западной и южной Таврике X-XV вв. Периодизация формирования городских поселений региона // 'Рωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 170-187.

Іванченко Л.І. Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // Археологія. № 3. 1990. С. 134-141.

Ієвлев М.М., Козловський А.О. Льохи стародавнього Києва кінця X – першої половини XIII ст. // Археологія. № 4. 2011. С. 107-118.

Иерусалимская А.А. Некоторые аспекты влияния византийской культуры на раннесредневековые племена Северного Кавказа // ТГЭ. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. С. 445–460.

Иконников Д.С. Хозяйственная деятельность населения Никольского селища XIII-XIV вв. // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Археология евразийских степей. Вып. 11. Казань, 2011. С. 80-97.

Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. М., 1977. 156 с.

Йотов В. Въоръжението и снаряжението от ранното Българско средновековие // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV-XV в. Варна, 2000. С. 123-136.

Йотов В. О материальной культуре печенегов к югу от Дуная – листовидные ажурные амулеты XI в. // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2000а. С. 209-212.

Йотов В. Археологически приноси към историята на Варна през средновековието (1) // Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Заподното Черноморие. AMV. II. Варна, 2004. С. 312-342.

Йотов В. Археологически приноси към историята на Варна през средновековието (2). Древноруски внос във Варна през XI-XII в. // Българските земи през средновековието (VII-XVIII в.). AMV. III-2. Варна, 2005. С. 143–150.

Йотов В., Атанасов Г. Скала. Крепост от Х-ХІ век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998. 346 с.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. АЭТ. Вып. І. Казань, 1971. С. 94-155.

Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М., 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы и Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 64-80.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники Приустьевого Закамья. Материалы новостоечной экспедиции Мирнистерства культуры Республики Татарстан. Казань, 1993. С. 42-66.

Кайль В.А., Нечитайло В.В. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X-XIII века. Луганск, 2006. 187 с.

Каминский В.Н. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Вып.-1. Краснодар, 1993. С. 90-114.

Каминский В.Н., Каминская И.В. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологеческий альманах. № 2. Армавир-Москва, 1996. С. 172 – 180.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир, 1997. С. 61-69.

Каминский В.Н. Цокур И.В. Из истории аланских племен северо-западного Кавказа // Древности Кубани. Вып. 8. Краснодар, 1998. С. 14-22.

Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Гребни IX-XIII веков из раскопок археологических памятников на севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Номер 2(50) апрель-июнь 2012. Новосибирск, 2012. С. 72-82.

Кашовская Н.В. Мангуп и Маджалис (по Дагестанским дорогам А.С. Фирковича) // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. Симферополь, 2013, с. 26.

Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011. 336 с.

Килиевич С.Р. Детинец Киева IX- первой половины XIII вв. К., 1982. 174 с.

Килиевич С.Р., Орлов Р.С. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985. С. 61-76.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. Е 1-36. М.-Л., 1966. 216 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Е 1-36.-М.-Л., 1973. 140 с.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 298-363.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., Краснощекова С.Д. Сбруйные комплексы некоторых кочевнических погребений Донбасса // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 2008. С. 114-123.

Климовський С.І. Софія Київська і початок склоробства на Русі (за матеріалами археологічних досліджень на вул. Володимирській, 20–22) // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. К., 2003. С. 122-126.

Клюкин А.А., Корженевский В.В., Щепинский А.А. Эчки-Даг. Симферополь, 1990. 128 с.

Князькин И.О. Русско-византийская война 941—944 гг. и Хазария // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тез. докл. М., 2002. С. 51-53.

Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVII. М., 1949. С. 46-51.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995. С. 120-145.

Ковалевская В.Б., Албегова З.Х. Раннесредневековые колесовидные амулеты Юга России // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. С. 50-51.

Коваленко В.П., Пуцко В.Г. Бронзовые кресты-энколпионы из Княжей Горы // Byzantinoslavica. Roc. LIV, Praha, 1993. S. 300-309.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX-XVII века. М., 2010. 269 с.

Коваль В.Ю. Византийские амфоры (мегарики) в Южной Руси // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. К., 2012. С. 43-64.

Коковцов П.К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. Ч. XLVIII. Ноябрь. 1913. С. 150-172.

Коковцов П.К. Заметка о иудео-хазарских рукописях в Кембридже и Оксфорде // Вестник АН СССР. 1926. С. 121-124.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в Х в. Л., 1932. 130 с.

Колесникова Л.Г. Связи Херсона-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период // XC. Вып. 15. Севастополь, 2006. С. 129-150.

Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 1994. 248 с.

Колода В.В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г. // АДУ 2004-2005 рр. К., 2006. С. 213-216.

Колода В.В. Уникальный древнерусский топор // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков, 2007. С. 6-11.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32. 1953. 259 с.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника ХІІ в. М., 1981. 168 с.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2(3), март-апрель 2000 (http:// archaeology.kiev. ua/ journal/020300/ komar_sukhobokov.htm).

Комитова Ц. Производство на накити в средновековния Мелник // Eurika. In honorem Ludmilae Doncheva-Petkovae. София, 2009. С. 469-479.

Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 111-123.

МАЙКО В.В.

Коновалова И.Г. Поход Святослава на восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // Stratum plus. № 5. СПб., Кишинев, Одесса, 2000. С. 226-235.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. 272 с.

Константин Багрянородный. О церемониях (книга II, гл. 15; второй прием Ольги русской) // ИГАМК. № 91. М., 1934. С. 47-48.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. 496 с.

Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. Т. 14. 1958. С. 130–137.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. СПб., 2003. 432 с.

Корпусова В.М. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К., 2002. С. 132–137.

Костылев И.Г. Метательные снаряды из средневековой экспозиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» // ХС. Вып. XVII. Севастополь, 2012. С. 155-168.

Кочкаров У.Ю. Боевые топоры северо-западного Предкавказья VIII-XIV вв. // <u>Средневековая</u> археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. Москва-Йошкар-Ола, 2006. С. 87-107.

Кравченко Э.Е. Керамика Сидоровского археологического комплекса // Керамика Хазарского Каганата (VIII-X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье. Симферополь, 2011. С. 66-73.

Кравченко Э.**Е.**, Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 233-302.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Крест-реликварий XII — начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 53-62.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бакаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб., 2006а.

Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. № 2. 1979. С. 77-91.

Красильников К.И. Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009. С. 52-82.

Красильников К.И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Донецк, 2009а. С. 99-152.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 1. Донецк, 2000. С. 227-244.

Красносельцев Н. Рец. На Дмитриевский А.А. Богослужение страстной и пасхальной седьмиц во Св. Иерусалиме IX-X в. Казань, 1894. // ВВ. Т. II. В. 4. СПб., 1895. С. 630-635.

Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. Т. 68. 1957. С. 20-41.

Кропоткин В.В. Крест-складень из Коктебеля // СА. 1957а. № 2. С. 257-258.

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чефут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. Т. XVIII. 1958. С. 198-218.

Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в І тысячелетии нашей эры. М., 1967.

Кропоткин В.В., Макарова Т.И. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. № 2. 1973. C. 250-254.

Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. № 84. Симферополь, 2006. С. 25-39.

Крестови од VI до XII века из збирке Народного музеја Београд. Београд, 1987.

Круглов Е.В. О некоторых особенностях погребального обряда Огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 59–62.

Круглов Е.В. Погребальный обряд Огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX - 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 2. Донецк, 2001а. С. 395-446.

Круц С.И. Результаты антропологического исследования Судакских склепов VIII-XII вв. // Проблемы истории Крыма. Тез. Докл. Научной конференции. Вып. І. Симферополь, 1991. С. 68.

Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. № 2. 1987. С. 63-69.

Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья. Автореф. дис. д.и.н. СПб., 2007. 49 с.

Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1. 1982. С. 238-246.

Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Роль северокавказских городов в средневековой торговле мусульманского востока с Восточной Европой (по материалам Дербента VIII-XIII вв.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 215-224.

Кузманов Г. Византийска иконка-медалион с рядък образ на св. София // Археология. 1975. Кн. 3. С. 51-54.

Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. № 1(27). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. С. 393-429.

Кузовков В.В. Хозарсько-візантійські відносини та війна Візантії проти коаліції кочовиків у 30-х роках X ст. // Сходознавство. № 17-18. 2002. С. 91–95.

Кузьминов А.В. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. Т. І. Киев-Судак, 2004. С. 442-446.

Кулаков В.И. Древности пруссов // САИ. Вып. Г1-9. М., Наука, 1990. 21 п.л.

Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М., 1985. 216 с.

Куницкий В.А. Предметы художественной пластики из Белгород-Днестровского // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. К., 1985. С. 124–126.

Куницький В.А. Близькосхідні енколпіони на території південної Русі // Археологія. № 1. 1990. С. 106–116.

Курбатов Г.Л. Византия и Русь в IX-X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 213-231.

Кутасов С.Н., Селезнёв А.Б. Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески X-XV веков. М., 2010. 320 с.

Кучера М.И. Керамика // Археология УССР. Т. 3. К., 1986. С. 446–455.

Ларенок П.А. Саркел-Псебепс – гузы-печенеги-касоги // МИАСК. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 86-104.

Латышев В.В. Этюды по византийской сфрагистике // ВВ. Т. 2. СПб., 1895. С. 186-187.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.

Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича // Палестинский сборник. Вып. 29. История и филология. Л., 1987. С. 57-63.

Лев Диакон. История/Пер. М.М. Копыленко при участии С.А. Иванова; коммент. М.Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

Левицкий О.Г., Хахеу В.П., Рябцева С.С. Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X-XI вв. // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2000. С. 90-96.

Лезин П.П. Новый исторический памятник в Судакском районе // Крым. Общественно-научный журнал. № 1. М., 1925. С. 84-85.

Леонтьев А.Е. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама. Москва-Вологда, 2012. С. 163-178.

Линдер И.М. Шахматы на Руси. М., 1975. 207 с.

Литаврин Г.Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ПОЛҮТРОПОN. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 923-931.

Литаврин Г.Г. Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря в 941 году // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 38-44.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). Византийская библиотека. СПб., 2000. 398 с.

Лугова Л.М. Нові поховання пізніх кочівників із середньо дніпровського Лівобережжя // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1-2. Полтава, 1998. С. 71-75.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 59–88.

Львова З.А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII-XII вв. Л., 1961.

Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. 1959. С. 307-332

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. № 10. 1968. С. 64-94.

Львова З., Лесман Ю., Рябцева С. Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 204

Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в С,Петербурге в 1876г. СПб., 1880. С. 573-580.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. № 62. 1958. С. 85-150.

Майко В.В. Крим и Северен Кавказ през периода от средата на X -до началото на XI в. (проблеми на етнокультурните връзки) // БСП.-Т.VI. Велико Търново, 1997. С. 109-121.

Майко В.В. Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X ст. // УГ. Т. 4. Опішне,1999. С. 40–63.

Майко В.В. Приписки на полях Крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь, 1999а. С. 176-181.

Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. / В.В. Майко // Археологія. № 2. 1999б. С. 40-49.

Майко В.В. К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор юго-восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 118-122.

Майко В.В. К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // ПИФК. Вып. XI. Москва-Магнитогорск, 2001а. С. 205-217.

Майко В.В. К вопросу о зольнике Алустона второй половины X в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 48-58.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004. 316 с.

Майко В.В. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев-Судак, 2004а. С. 122–128.

Майко В.В. Сугдея во второй половине X-XI вв. // Сугдейский сборник. К., 2004б. С. 201–244.

Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской Долины. К., 2007. 273 с.

Майко В.В. Давньоруські знахідки X - XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // Дьнh слово. К., 2008. С. 311-321.

Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X-XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. ІІ. Коростень, 2008а. С. 20-28.

Майко В.В. Сугдея второй половины X - XI в. между Византией и Тмутараканью // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2009. С. 272–288.

- **Майко В.В.** Юго-Восточный Крым VIII-XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 51. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. С. 428-437.
- **Майко В.В.** Этнокультурные связи Крыма с Северным Кавказом во второй половине X-XI вв. (на примере лощеной керамики) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас, 2010а. С. 230-232.
- **Майко В.В.** Судакские склепы. Поздний горизонт погребений (к вопросу о городских некрополях Сугдеи X-XI вв.) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010б. С. 113-128.
- **Майко В.В.** Таврика VIII-XI вв. Между Византией, Хазарией и Русью // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К., 2010в. С. 266-272.
- **Майко В.В.** Тмутаракань и восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. Т. IX. К., 2010г. С. 37-48.
- **Майко В.В.** Фортификация Сугдеи второй половины X-XI вв. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 28. Донецк, 2012. С. 161-170.
- **Майко В.В.** Византийская амфора второй половины X-XI вв. из северо-западного Крыма // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. К., 2012а. С. 103-106.
- **Майко В.В.** Граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. К., 2012б. С. 69-82.
- **Майко В.В.** К вопросу об археологических материалах второй половины X-XII вв. из югозападного Крыма // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012в. С. 43-44.
- **Майко В.В.** Свинцовые христианские медальоны Сугдеи // Человек в мире религиозных представлений. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2012г. С. 38.
- **Майко В.В., Гаврилов А.В.** Образ Святого Николая на энколпионах Юго-Восточного Крыма // Херсонес город святого Климента. Тез докл. Севастополь, 2011. С. 20.
- **Майко В.В., Гаврилов А.В.** Энколпионы юго-восточного Крыма. Новые находки старые проблемы // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес город святого Климента. Севастополь, 2013. С. 213-218.
- **Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д.** Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // XA. Т. 8. Киев-Харьков, 2009. С. 237-263.
- **Майко В.В.,** Джанов **А.В.,** Фарбей **А.М.** Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2008. К., 2009. С. 198-201.
- **Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М.** Археологические исследования некрополей Сугдеи в 2007-2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ-Луцьк, 2010. С. 274-277.
- **Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М.** Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ-Луцьк, 2010а. С. 278-281.
- **Майко В.В., Пономарев Л.Ю.** Об одной особенности погребальных сооружений Боспора второй половины X-XI вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 236-239.
- **Майко В.В., Сударев Н.И.** Погребение второй половины X в. из Краснодарского края // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010. С. 428-444.
- **Майко В.В., Фарбей А.М.** Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел // Археологія. № 4. 1995. С. 75–81.
- **Майко В.В., Фарбей А.М.** Об одном типе плитовых могил средневековой Сугдеи // Проблемы греческой культуры. Симферополь, 1997. С. 101–103.
- **Макаров Н.А.** Население русского севера в XI-XIII вв. По материалам могильников восточного прионежья. М., 1990. 216 с.
- **Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII веках. М., 1997. 368 с.

Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. Вып. 104. М., 1965. С. 70-76.

Макарова Т.И. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 141-145.

Макарова Т.И. Поливная посуда из истории керамического импорта и производства древней Руси. Археология СССР / Т.И. Макарова // САИ. Вып.1-38. М., 1967. 77 с.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. № 4. 1982. С. 91-107.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным / Т.И. Макарова // Византийская Таврика.-К., 1991. С. 121-146.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 344-393.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. Отв. Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 68–73.

Макарова Т.И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 346–354.

Малахов С. Н. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. Вып І. Краснодар, 2013. С. 183-194.

Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир-Краснодар-Москва, 2012. С. 119-139.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Подвески-бубенчики // Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 134-137.

Манолова-Войкова М. Стъклени гривни от владетелската църква на Велики Преслав // Преслав. Сборник. Т. 7. Велико Търново, 2013. С. 225-239.

Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи - Киммерик, Китей, Акра // ИТОИАЭ II (59). 1928. С. 103-126.

Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007. 564 с.

Масленников А.А., Бердникова Л.А. Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове // АО 1976 года. М., 1977. С. 332.

Мастыкова А. Бусы как источник изучения культурных контактов Средиземноморья и Восточной Европы / А. Мастыкова // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь, 1997. С. 57–63.

Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968. С. 155–168.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // САИ. Е1-36. М., 1966. 182 с.

Медынцева А.А. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 61–68.

Медынцева А.А., Чхаидзе В.Н. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // РА. № 1. 2008. С. 101-102.

Мезенцева Г.Г. Древньоруське місто Родень (Княжа Гора). К., 1968. 184 с.

Мезенцева Г.Г. Канівське поселення полян. К., 1965. 124 с.

Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М., 2012. 320 с.

Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия ИАК. Вып. 33. СПб., 1909. С. 97-99.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963. 368 с.

Милчев Ат., Ангелова Ст. Разкопки и проучвания в м. «Калето» при с. Нова Черна, Силистренски окръг през 1967 г. // Археология. Кн. 3. 1969. С. 31-48.

Минчев А. Бронзови теглилки от средновековието и османския период във Варненския археологически музей // Българскте земи през средновековието (VII-XVIII в.). AMV III-1. Варна, 2002. С. 241-252.

Михайлик Л.П. Перстни X-XI веков из Киева (хронология, типология) // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников четырнадцатого коллоквиума (11-16 апреля 2005 года). СПб., 2005. С. 50-52.

Михайлик Л.П. Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // РА. № 3. 2006. С. 52–62.

Михайлов Ст. Археологически материали от Плиска (1948-1951 г.) // Известия на археологическия институт и музей. Т. XX. София, 1955. С. 49-191.

Михайлова Т. Обеци и наушници от Велики Прекслав (края на X — XIV в.) // Преслав. Сб. 4. София, 1993. С. 180–206.

Михаил Пселл. Хронография / Перевод и прим. Я.Н. Любарского, М., 1978. 152 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 148 с.

Михеев В.К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // XA. Т. 3. Киев-Харьков, 2004. С. 74-93.

Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Архіпова Є.І. Нові знахідки виробів прикладного мистецтва з "міста Володимира" // Археологія. № 2. 1998. С. 111-121.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подъемной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 57–67.

Могаричев Ю.М. К вопросу о «Хазарском наследстве» (Хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. Вып. Х. Москва-Магнитогорск, 2001. С. 268–281.

Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или песах из С-м-к-рая?) // ХА. Т. 6. Киев-Харьков, 2007. С. 181-191.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В. Крымская Хазария Х-ХІ вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // ХА. Т. 10. Харьков, 2012. С. 122-145.

Могаричев Ю.М. Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». Симферополь, 2007. 346 с.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. 334 с.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 83-133.

Мохов А.С. К просопографии византийской Таврики в XI в.: Варда Дука // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 50-51

Моця А.П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // Обряды и верования древнего населения Украины. К., 1990. С. 114–133.

Моця А.П. Погребальные памятники Южнорусских земель IX-XIII вв. К., 1990а. 156 с.

Моця О.П. Населення південно-руських земель IX-XIII ст. К., 1993. 160 с.

Моця О.П. Вадим Щербаківський – дослідник Лівобережних некрополів епохи Київської Русі // Полтавський археологічний збірник. № 4. Полтава, 1995. С. 60-70.

Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. К., 2011. 316 с.

Мошин В.А. Еще о «новооткрытом» хазарском документе // Сборник Русского Археологического общества в королевстве Югославия. № 1. Белград, 1927. С. 41-60.

Мурашова В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнёздовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. І. М., 2010. С. 512-536.

Мурзакевич Н. Греческое древнее кандило // ЗООИД. Т. III. Одесса, 1850. С. 565–566.

Мурзакевич Н. Донесения Обществу // ЗООИД. Т. VIII. Одесса, 1872. С. 319–321.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983. 192 с.

Мыц В.Л. Исследования Горно-Крымской экспедиции // AO 1986 г. М., 1988. С. 315-316.

Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. № 1. 1990. С. 224-242.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. К., 1991. 164 с.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // Stratum plus. № 6. Время денег. СПб.-Кишинев-Одесса. 1999. С. 123-127.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники Чуди Заволоцкой // СА. № 4. 1984. С. 197–216.

Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957. 632 с.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 245-274.

Наследие Византийского Херсона. Севастополь-Остин, 2011. 708 с.

Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 324-339.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Вып. 2. Симферополь, 2001. С. 336-361.

Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. І. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь-Керчь, 2009. С. 50-57.

Науменко В.Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти. «греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологические комментарии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесло и промыслы. Керчь, 2010. С. 324-328.

Науменко В.Е. Таврика в контексте русско-византийских отношений X в.: историкоархеологический комментарий // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 162-164.

Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X-XI вв.: политико-административный аспект / В.Е. Науменко // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011a. С. 165-187.

Науменко В.Е. К вопросу о так называемом «походе Песаха» в истории византийско-хазарских отношений // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. V Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2013. С. 44-46.

Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Сборник научных трудов. Севастополь, 2013а. С. 169-206.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Средневековые амфоры из фондов Генического краеведческого музея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 203-210.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора-Керчи X-XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 311-321.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. «Церковь Шевелева» или «церковь 1833 г.» (г. Керчь): К вопросу о местоположении и обстоятельствах находки // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Межд. Науч. Конф. Харьков, 2010. С. 88-89.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К церковной топографии Боспора X-XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 336-344.

Науменко В.Е., **Пономарев Л.Ю.** К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // 'Рωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 295-309.

Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. № 3. 1988. С. 91-105.

Нахапетян В.Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 73-89.

Нессель В.А. Керамический комплекс // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.). Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной. Севастополь, 2006. С. 95-140.

Нестеров С.П. Тёсла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168-172.

Никитенко Михаил. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002. С. 198-200.

Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII—XVIII веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960. С. 76-79.

Никольская Т.Н. Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 45-47.

Новак М. Индивидуальные находки // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.). Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной. Севастополь, 2006. С. 141-170.

Новиков Л. Могильник на горе «Болван» в Судаке // ИТОИАЭ. Т. III (60). Симферополь, 1929. С. 131–137.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. 263 с.

ОАК за 1876 г. Спб., 1878.

ОАК за 1894 г. СПб., 1896. 172 с.

Овсянников О.В., Пескова А.А. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171. Славяно-русская археология. М., 1982. С. 93-99.

Окороков А.В. Датировка и классификация судовых железных якорей III в. до н.э. – XI в. н.э. // Боспорский сборник. Вып. 2. М., 1993. С. 172-191.

Ольховский В.С., Петерс Б.Г. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса в Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья.-Херсон, 1991.-С.151-158.

Омелькова Л.А. Исследование сельских поселений в долине р. Бельбек // АО 1979 года. М., 1980. С. 294.

Опимах О.Г. Монети із розкопок Судака в фондах Національного заповідника «Софія Київська» // Причерноморье, Крым, русь в истории и культуре. Материалы ІІ Судакской международной научной конференции. Часть ІІ. Киев-Судак, 2004 С. 148-151.

Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X-XI ст. // Археологія. N 47. 1984. С. 24-44.

Орлов Р.С. Про час появи печенігів на території України // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н.е. Київ-Львів, 1999. С. 174-185.

Павленко С.В. Обробка пірофілітового сланцю на укріпленних поселеннях Овруцького кряжу // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. К., 2004. С. 215-218.

Павлов П. Българо-хазарски взаимоотношения и паралели // Българи и хазари през ранното средновековие. София, 2003. С. 114-141.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим, 2007. С. 312-324.

Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст. // Археологія. № 43. 1983. С.75-87.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 56-94

Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 37–59.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991. С. 64-100.

Паршина Е.А. Клейменная византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 104-117.

Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регмон с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 89-109.

Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985-1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. К., 2012. С. 7-42.

Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Давньоруські енколпіони в збірці Музею історії м. Києва // Археологія. № 3. 1989. С. 84–94.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001-2006 годов) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 268-280.

Пескова А.А. Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI-XIII вв. // Stratum plus. № 6. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. С. 266-284.

Пескова А.А. Древнерусские энколпионы XI-XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 134-183.

Пескова А.А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // Archeologia Abrachamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. С. 285-312.

Петерс Б.Г., Ефимов Г.М. Раскопки у с. Михайловка // АО 1970 г. М., 1971. С. 260.

Петраускас А.В. Видобуток та обробка каміння на давньоруських селищах Середнього Подністров'я // Археологія. № 1. 2003. С. 66-75.

Петрашенко В.О. Слов'янські пряслиця VIII-X ст. з Правобережжя Середнього Подніпров'я // Археологія. 1988. № 62. С. 24-32.

Петрашенко В.О. Давньоруське село за матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // Археологія. № 2. 1999. С. 60–77.

Петрашенко В.А. Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. К., 2005. 264 с.

Петрашенко В.О., Козюба В.К. Давньоруські поселення поблизу с. Бучак // Археологія. № 2. 2005. С. 55-69.

Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 81–98.

Петровский В.А., Ачкинази И.В. Работы Баклинской экспедиции // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 31-35.

Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993 — 1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 136–142.

Петрухин В.Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи, Вып. 5. М., 1994. С. 44-56.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руи IX-XI веков.-М., 1995. 320 с.

Петрухин В.Я. Хазария и Русь: источник и историография // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь.- Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения проф.М. И. Артамонова. Тез.докл. СПб., 1998. С. 106-107.

Петрухин В.Я. Князь Олег, Хельгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 222-229.

Петрухин В.Я. Никон и Тмутаракань: к проблемам реконструкции первоначального летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2003. С. 194-198.

Петрухин В.Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 208-214.

Петрухин В.Я. Трансконтинентальные связи Древней Руси и поход Святослава на хазар // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К., 2010. С. 522-526.

Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историкоархеологические очерки. / В.Я. Петрухин. М., 2011. 384 с.

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // Archeologia Abrachamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009а. С. 157-168.

Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V-XV веков в государственной Оружейной палате. Л.-М., 1965.

Платонова Н.И. Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века (к постановке проблемы) // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 1999. С. 164-168.

Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. 1959. С. 212-272.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5-72.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. 1967. 198 с.

Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. // САИ. Вып. Е1-19. М., 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2. М., 1974. 200 с.

Плетнева С.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII-X в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62-82.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 285 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М., 1990. 100 с.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 271-396.

Плетнева С.А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996. 168 с.

Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе // РА. № 2. 2001. С. 97-107.

Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж, 2006. 391 с.

Плетньов В., Попова В. Ранносредновековни ремъчни аппликации от Варненския археологически музей. Каталог // ИНМВ, 30-31 (45-46). Варна, 1994-1995.

Поветкин В.И. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. № 2. 2009. С. 79-92.

Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Симферополь, 1988. 192 с.

Половой Н.Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. // Записки Одесского археологического общества.-Т. I (34). 1960. С. 343-353.

Половой Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря // ВВ. Т. XVIII. 1961. С. 84-104.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М., 1988. С. 151-219.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154-268.

Поляковская М.А. Проблема городской культуры в контексте средневековья // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995. С. 42-45.

Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. Вып. III. Керчь, 2003. С. 270-277.

Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Вып. V. Симферополь-Керчь, 2004. С. 445–475.

Пономарев Л.Ю. К топографии средневекового Боспора (христианский некрополь по ул. 51-й Амрии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004а. С. 286-292.

Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. II. Киев-Судак: 2004б. С. 164-169.

Пономарев Л.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 52-54.

Пономарев Л.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (предварительный обзор) // ХА. Т. 11. Киев-Харьков, 2012-2013. С. 182-203.

Пономарев Л.Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X-XIII вв. (по материалам археологических исследований) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 384-391.

Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова // Таврійські студії. Історичні науки. № 1 (4). Сімферополь, 2013а. С. 134-139.

Пономарев Л.Ю. Раннесредневековые плитовые могильники Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Вып. VI. К., 2013б (в печати).

Пономарев Л.Ю. О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова // ХА. Т. 11. Киев-Харьков, 2012-2013a. С. 153-181.

Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Византийские амфоры со дна Керченского пролива // БИ. Вып. VIII. Симферополь-Керчь, 2005. С. 308-317.

Прокофьев Р.В., Трубников В.В. Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. – М., 2008. С. 135-141.

Путь из варяг в греки и из грек..Каталог выставки. ГИМ. М., 1996. 104 с.

Пуцко В.Г. Киевский крест-энколпион с Княжей горы // Slavia Antiqua. T. XXXI. Poznaň, 1988. C. 209-225.

Пуцко В.Г. Візантійське пластичне мистецтво середньовічного Криму // Археологія. № 4. 2011. С. 45-59.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-Кавказские исследования. Вып. 1. Краснодар, 1993. С. 123-138.

Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 196-274.

Равдина Т.В. Погребения с монетами на территории Древней Руси. М., 1988. 150 с.

Радева М. Средновековни накити от Сливенско // Известия на музеите от югоизточна България. XX. Бургас 2003. С. 30–45.

Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Автореф. дис. к.и.н. М., 2004. 18 с. **Рашев Р.** Българската езическа култура VII-IX век. София, 2008. 598 с.

Розен В.Р. Император Василий «Болгаробойца». Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. 636 с.

Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Вып. 18: Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 84-105.

Романчук А.И. "Слои разрушения X в." в Херсонесе // ВВ. Т. 50. 1989. С. 182-188.

Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX-X веков Баклинского городища // CA. № 2. 1975. С. 217-222.

Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. 169 с., 60 табл., 67 рис.

Романчук А.И. Две стеатитовые иконки из портвого района Херсонеса. К вопросу о месте и времени изготовления // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 137-143.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Том 2. Византийский город. Тюмень, 2008. 544 с., 79 ил.

Романчук А.И., Омелъкова Л.А., Пелевина О.Л., Ковалёв Ю.М. Исследование средневековых памятников в долине р. Бельбек // АО 1978 года. М., 1979. С. 395.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 110 с.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X-XIII вв. // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 35-57.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-камье в XI-XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татар археологиясе. № 1-2 (6-7). Казан, 2000. С. 42-102.

Руденко К.А. К вопросу об огузских древностях в Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 56–59.

Руденко К.А. Снаряжение верхового коня Волжской Булгарии // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 167-168.

Русяева А.С. Древнегреческие сакральные зольники // РА. № 4. 2006. С. 95-103.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. 803 с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. 790 с.

Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур // СА. № 4. 1991. С. 86-100.

Рыбина Е.А. Шашки, «мельница», шахматы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 110-114.

Рыбина Е.А., Розенфельд Р.Л. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 19-

Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности 2004. Харьков, 2004. С. 160-166.

Рыжов С.Г., **Яшаева** Т.Ю. Бронзовые осветительные приборы христианских храмов византийского Херсона // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 34-35.

Рыжов С.Г., Яшаева Т.Ю. Печатки-штампы с христианскими сюжетами из византийского Херсона // $XEP\Sigma\Omega NO\Sigma$ $\Theta EMATA$: «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. V Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2013. С. 47.

Рындина Н.В. Технология производства Новгородских ювелиров X-XV вв. // Новые методы в археологии. МИА. № 117. 1963. С. 200-268.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. 1981. 124 с.

Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 55–63.

Рябцева С.С. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // Stratum plus. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2000. С. 161-182.

Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005. 384 с.

Сагайдак М.А. Давньокиівський Поділ. Проблеми топографіі, стратиграфіі, хронологіі. К., 1991. 166 с.

Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42-56.

Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. V. Москва-Магнитогорск, 1998. С. 50-88.

Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. Вып. 4. М., 2000. С. 276-316.

Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // БИАС. Вып. 2. Симферополь, 2001. С. 229-256.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. Вып. XXI. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. С. 572-589.

Салангина С.В. Копоушки как исторический источник (по материалам археологических памятников Восточной Европы). Автореф. дис. к. и. н. Ижевск, 2004. 19 с.

Седикова Л.В. Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 35-36.

Седов В.В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151-156.

Седов В.В. Восточные славяне в VI — XIII вв. Археология СССР. М., 1982. 327 с.

Седов В.В. Прибалтийские финны. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 34-41.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. 196 с.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М., 1997. С. 63-78.

Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // МАИЭТ. Т. XV. Симферополь, 2009. С. 378-388.

Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, царя Руси // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы». М., 2002. С. 90-91.

Семин С.В. Поливные белоглиняные сосуды второй половины XIII-первой половины XIV в. из Алустона // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 179-181.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 66-82.

Сергеева М.С. Стекольная мастерская на северо-западной окраине Киевского Подола // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Тез. доп. К., 1991. С. 76–78.

Сергєєва М. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 101–103.

Сергєєва М.С. Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в Лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997. С. 145–149.

Сергеева М.С. Древнерусские костяные полусферические пуговицы из Киева // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников шестнадцатого коллоквиума (15-20 октября 2007). СПб: Издательство Государственного Эрмитажа. 2007. С. 83-85.

Сергєєва М.С. Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я) // Древности 2010. Вып. 9. Харьков, 2010. С. 198-215.

Сергєєва М.С. Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности 2011. Вып. 10. Харьков, 2011. С. 191-205.

Сергєєва М.С. Косторізна справа у стародавньому Києві. К., 2011а. 256 с.

Сергєєва М.С. Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. Археологія і давня історія України. Випуск 8. К., 2012. С. 133-145.

Сергєєва М.С. Косторізна справа у давньому Колодяжині // Археологія. № 3. 2012а. С. 118-125.

Сергєєва М.С. До вивчення техніки орнаментації давньоруських виробів з кістки та рогу з території Середнього Подніпров'я // Древности 2012. Вып. 11. Харьков, 2012б. С. 198-210.

Сергєєва М.С. До вивчення техніки орнаментації давньоруських дерев'яних виробів // Археологія. № 2. 2013. С. 34-43.

Сидоренко В.А. Литые херсоно-византийские монеты IX-XII вв. // ХЕР $\Sigma\Omega$ NO Σ ФЕМАТА: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 37-43.

Сидоренко В.А. Церковное и муниципальное производства литых херсоно-византийских монет IX — начала XIII вв. // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Сборник научных трудов. Севастополь, 2013. С. 267-292.

Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. Вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. Кн. 1. СПб., 2004 (репринт 1884 г.). 448 с.

Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Сборник работ и материалов. Составители Л.Г. Климанов и А.В. Джанов. Киев-Судак-СПб., 2006. 380 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. 1952. 276 с.

Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 172-181.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. 212 с.

Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток. Вып. 23 (86). 1971. С. 68–74.

Соловьева Г.Ф., Кропоткин В.В. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИИМК. Вып. 49. М., 1953. С. 21-25.

Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 134-170.

Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. 452 с.

Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // ХА. Т. 3. Киев-Харьков, 2004. С. 117–159.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. 1552 с.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005а. 677 с.

Сорочан С.Б. О керамических изделиях как ремесленной продукции и ее специализации в Византии IV-IX вв. // Дриновський сбірник. Т. V. Харків-Софія, 2012. С. 214-219.

Станилов С. Старобългарски ремъчни украси от Нициональния археологически музей // Разкопки и проучвания. Кн. 22. София, 1991, С. 30-49.

Станко В.Н. Детское захоронение кочевника // Записки Одесского Археологического общества. Т. 1.-Одесса, 1960. С. 230-232.

Станчева М. За един вид декорация върху обработената кост // Юбилеен сборник в чест на проф. Д. Овчаров. Велико Търново, 2002. С. 107-110.

Станчева М. За някои технологични традиции в обработката на кост през средните векове // Българските земи през средновековието (VII-XVIII в.). AMV III-2. Варна, 2005. С. 135-142.

Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 254-263.

Степаненко В.П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона // Цула и Херсон в российской историографии XIX-XX вв. // «Россия и мир: панорама исторического развития». Научный сборник, посвященный 70-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2008. С. 28-35.

Степаненко В.П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // Херсонесский сборник. Вып. XVI. Севастополь, 2011. С. 153-161.

Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995. С. 14-15.

Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005. С. 537-545.

Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Т. XIII. Симферополь, 2007. С. 364-374.

Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судаке в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре Т. II. Киев-Судак, 2006. С. 303-306.

Стерлигова И.А. Малоизвестные произведения средневизантийской глиптики в музеях Московского кремля // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 180-186.

Стрельник М.О. Сорокіна С.А., Хомчик М.А. Ігри давнього населення України // Наукові записки. Том 101. Теорія та історія культури. Національний університет «Києво-Могилянська академія». К., 2010. С. 46-54.

Стрельник М.О. Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (ІІ тис. до н.е. - XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. № 2. 2009. С. 34-49.

Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // Srtatum plus. № 6. Слова и вещи. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2010. С. 197-200.

Ступко М.В., Туровский Е.Я. О пожарах в Херсоне в X в.: князь Владимир или предшественники? // Византия и Русь. Тезисы докладов и сообщений Свято-Владимирских чтений, посвященных 1025-летию Крещения Руси. Севастополь, 2013. С. 21-22.

Ступко М.В. Туровский Е.Я. Некоторые вопросы нумизматики византийского Херсона // Сугдейский сборник. Вып. VI. Киев-Судак, 2013а (в печати).

Сударев Н.И., Федосеев Н.Ф. Исследования некрополя Кыз-Аул // АИК 2005 год. Симферополь, 2007. С. 142-145.

Сулейменов М.Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 93-96.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Історія лівобережної України І тис. н.е. в етнокультурноархеологічному аспекті // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н.е. Київ-Львів, 1999. С. 275-290.

Сушко А.О. Давньоруські писанки // Археологія. № 2. 2011. С. 46-52.

Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX-X вв. из Херсонеса // Труды ГИМ. Вып. 37. Археологический сборник. М., 1960. С. 125-140.

Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. № 4. 1976. С. 63-87.

Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 55-67.

Тентюк И. Рах chazarica и вопросы проникновения аланов к юго-востоку от Карпат в VIII-X веках // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 225-231.

Тесленко И.Б. Изображение корабля на стенке средневекового сосуда из раскопок христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг в Крыму // БСП. Т. VII. В.Тырново, 2000. С. 125-129.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических». К., 2004. С. 260–296.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Духовное наследие Крыма. Памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. Симферополь, 2006. С. 132-144.

Тимашкова Т.Г. Кресты-энколпионы XI-XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К., 1991. С. 120-124.

Тимошенко М. Матеріали до реконструкції діяльності порту Сугдеї у візантійський період (VII– XII ст.) // Археологічні дослідження Львівського університету. 2012. Випуск 14–15. С. 69-80

Тиханова-Клименко М.А. Резная костяная пластинка из Судака // Сообщения ГАИМК. № 3 март. Л., 1931. С. 21-25.

Тиханова М.А. Базилика // МИА. № 34. 1953. С. 334–389.

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ Х-ХІІ вв.

Тодорова Е. Средновековни амфорни печати от Силистра // Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. V. София, 2010. С. 629-639.

Толочко П.П. Топографія скарбів монетних гривен у Києві // Археологія. Т. 20. 1966. С. 123-134.

Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности.-К., 1980. 224 с.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Вып. 4. СПб., 1891. 159 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. 327 с.

Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. 10 / Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой. Барнаул, 1991. 140 с.

Тортика А.А. Война «царя» русов Хельгу и «баликчи» хазар Песаха по данным текста Шехтера: геополитический аспект // Боспор Киммерийский и варваврский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 295-299.

Тортика А.А. "Черная Булгария" трактата Константина Багрянородного "Об управлении империей" и "Черные болгары" "Повести временных лет": проблемы локализации // Дриновський сбірник. Т. V. Харків-Софія, 2012. С. 23-31.

Тотев Б., Пелевина О. Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Донецк, 2009. С.43-60.

Туаллагов А.А. Самшитовые гребни из аланских могильников // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 270-271.

Туаллагов А.А. Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). Владикавказ, 2007. С. 1-24.

Тур В.Г. Археологические разведки в юго-восточном Крыму // МАИЭТ. Т. Х. Симферополь, 2003. С. 322-341.

Турова Н. П. Две амфоры X -XI вв. с граффити из коллекции Ялтинского музея // Вопросы эпиграфики. Вып. IV. М., 2010. С. 254-258.

Турова Н.П. Симеизский склеп 1955 г. // Древняя и средневековая Таврика. Вып. 2. Археологический альманах № 28. Донецк, 2012 С. 171-184.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 88-112.

Успенская А.В. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь. М., 1976. С. 39-40.

Успенский П.С. Погребения по обряду трупосожжения курганного могильника на р. Жане // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир-Краснодар-Москва, 2012. С. 105-118.

Фарбей О.М. Дослідження посаду середньовічної Сугдеї у 1999 р. // АВУ 1999–2000 рр. К., 2001. С. 60–62.

Фарбей О.М. Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у південно-східній Тавриці VIII-X ст. // Сугдейский сборник. Вып. ІІ. Киев-Судак, 2005. С. 374–392.

Фарбей О.М. Судацька фортеця // Національний заповідник «Софія Київська». К., 2004. С. 345—384.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 275 с.

Федорчук А.М. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Еврейские кладбища на территории бывшего Советского Союза. Евроазиатский еврейский ежегодник - 5768 (2007/2008). С. 1-20. http://library.eajc.org/

Федосеев Н.Ф., Столяренко П.Г., Куликов А.В. Исследования под строительство троллейбусной линии в г. Керчь // Научный сборник керченского заповедника. Вып. 1. Керчь, 2006. С. 4-6.

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Т. І. СПб., 2002. С. 225—228.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 33. 1959. С. 149-224.

Фехнер М.В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. С. 20-41.

Филипчук О. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг — брат Володимира Святого? // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність "Історія". Чернівці: Рута, 2009. Вип. 8. С. 58-70.

Финогенова С.И., Ильина Т.А., Чхаидзе В.Н. Новейшие результаты исследований на Таманском городище и некрополе // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва-Киев, 2010. С. 248-253.

Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988,1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 441-516.

Флёров В.С. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 111-119.

Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 277-332.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-М., 2001. 158 с.

Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПБ., 2001а. 256 с.

Фомин М.В. О внутригородских кладбищах византийского Херсона // Дриновський збірник. Т. 3. Харьков-София, 2009. С. 357-364.

Фронджуло М.А. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 139-150.

Фронджуло М.А. О работе Судакского отряда Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1975-1976 годах // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010. С. 574-592.

Халиков А.Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 102-107.

Хамайко Н. Древнерусские лунницы XI-XIII вв.: проблема происхождения и семантики // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 319-338.

Ханенко Б.И. и В.Н. Древности русскія: Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899. 35 с.

Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья. Т. VI. Киев, 1907. 44 с., 42 л. ил.

Харузин А. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на южном берегу Крыма). М., 1890. С. 1–101.

Хвольсон Д.А. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма... . СПб., 1866.

Хвощинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. (По материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004. 320 с.

Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991. С. 3-33

Хршановский В.А. Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV-XIII вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005, с. 345, рис. 1.

Хршановский В.А. Памятники погребальной и сакральной архитектуры на Илуратском плато и перспективы их музеефикации // Таврійські студії. Історичні науки. № 1(4) — 2013. Сімферополь, 2013. С. 155-162.

Худяков Ю.С. Вооружение Енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115-132.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ Х-ХІІ вв.

Хузин Ф.Ш. О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 40-58.

Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и ранее новое время. М., 1996. С. 68-80.

Цукерман К. Венгры в стране Ливедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 663-688.

Цукерман К. Страна Азия Константина Багрянородного и Асия Кембриджского Анонима // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб., 1998а. С. 96-97.

Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // Ruthenica. Т. II. № 2. К., 2003. С. 53-84.

Цукерман К. Русы на Куре. К вопросу датировки книги Иосиппон // Проблеми джерелознавства, історіографії та історії Сходу : матеріали Міжнар. наук. конф., присвяченої 90-річчу з дня народження проф. Вольфа Менделевича Бейліса (1923 – 2001 рр.). Луганськ, 2013. С. 242-246.

Чангова Й. Средновековни амфори в България // Известия на Археологически Институт, Кн. XXII. София, 1959. С. 243-260.

Чангова Й. За стъеклените гривни в средновековна България // Изследвания в памет на Карел Шкорпил. София, 1961. С. 179-188.

Чангова Й. Средновековни оръдия на труда в България // Известия на археологически институт. Кн. 25. 1962. С. 19-55.

Чарный С.А. Восточный поход Святослава Киевского // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар, 2000. С 26-31.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь, 1966. 94 с.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Погребения поздних кочевников в степном Крыму / Е.Н. Черепанова, // Археологические исследования средневекового Крыма.- К., 1968. С. 181-201.

Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 7-236.

Чхаидзе В.Н. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия // КСИА. Вып. 215. М., 2003. С. 45-50.

Чхаидзе В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 170-175.

Чхаидзе В.Н. Византийские амфорные клейма из раскопок Таманского городища // БИ. Вып. VIII. Симферополь-Керчь, 2005а. С. 95-117.

Чхаидзе В.Н. «Жидове козарьстии». Иудейская купеческая верхушка в южнорусском княжестве Тмутаракань // Еврейские новости. № 07 [127]. Март 2005. М., 2005б. С. 14.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. Москва-Йошкар-Ола, 2006. С. 53–86.

Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. № 10. М., 2006а. С. 488–517.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е. гг. XI в.). Очерки историографии // МИАСК. Вып. 6. Армавир, 2006б. С. 139-174.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. 328 с.

Чхаидзе В.Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008а. С. 398-419.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань в XI в. и восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. Материалы конференции. М., 2011. С. 314-319.

Чхаидзе В.Н. Византийская администрация в Таматархе-Тмутаракани в IX-XII вв. // XΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2012. С. 48-50.

Чхаидзе В.Н. Городская планировка Матархи-Тмутаракани в последней трети XI — первой трети XIII в. // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 442-445.

Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X-XVIII вв.) // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 348-358.

Шалобудов В.Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 107-119.

Шалобудов В.Н. Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новостроечными экспедициями ДГУ в 1972 - 1999 гг. // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2012. С. 86-106.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Позднекочевнические погребения Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981. С. 94–100.

Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // Античная древность и средние века. Вып. 28. Свердловск, 1997. С. 49-66.

Шамрай А.Н. Античные и средневековые железные якоря т-образного типа из Керченского пролива (каталог находок) // БИ. Вып. XXIV. Симферополь-Керчь, 2010. С. 469-496.

Шахматные фигурки и шашки в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музеязаповедника. Каталог / Составитель О.Ю. Захарова. Владимир, 2010.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. СПб., 2001 (репринт).

Швецов М.Л. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългрската история и култура. София, 1991. С. 109-123.

Швецов М.Л. Погребение знатной половчанки // Археологический альманах. № 30. Донецк, 2013. С. 307-318.

Шелковников Б.А. Поливная керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. № 75. 1959. 307 с.

Шовкопляс А.М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН СССР. Вып. 3. 1954. С. 27-32.

Шовкопляс Г.М. Керамічні писанки з колекції Київського Державного історичного музею // Археологія. № 35. 1981. С. 92-98.

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII — конец X вв.) // Stratum plus. Ремесло археолога. № 5. СПб.-Кишинев-Одесса, 2010. С. 221-274.

Шполянская Д.В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV-XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 267-275.

Шургая И.Г. Греко-египетская курильница из собрания Эрмитажа // КСИА. Вып. 130. 1972. С. 30-34.

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 102-119.

Щапова Ю.Л. Очерки древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983. 200 с.

Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX-XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 155-177.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998. 288 с.

Щербаківський Вадим. Ліплявський могильник (попереднє повідомлення) // Niederlûv sbornik. Ročnik IV. Praga, 1925. Str. 339-348.

Эрнст Л.Н. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930) // ИТОИАЭ. Том IV. Симферополь, 1930. С. 72-92.

Юрочкин В.Ю. Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Секция охраны памятников археологии. Симферополь, 1994. С. 27-29.

Юрочкин В.Ю. Этнические компоненты населения Крыма IV-X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997. С. 72-75.

Юрочкин В.Ю. Готская Епархия (краткий исторический очерк) // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иаонна, епископа готфского. Симферополь, 2006. С. 41-67.

Юрочкин В.Ю. Новые христианские памятники «Пещерного города» Бакла в Крымской Готии // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь, 2009. С. 275-311.

Юшко А.А. Раскопки кургана XI-XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. Славянорусские древности. Вып. 110. М., 1967. С. 48-53.

Якобсон А.Л. Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА АН СССР. Вып. XXXV. 1950. С. 107-121.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85. М.-Л., 1958.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. М.-Л., 1959. 364 с.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. № 168. 1970. 224 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.

Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). К., 1970. С. 136-179.

Янин В.Л. Русские денежные системы IX-XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985. С. 364-275.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. 416 с.

Янков Д. Останки от средновековна стъкларска работилница в Стара Загора // Известия на музеите от Югоизточна България. №. 6. 1983. С. 43-47.

Янков Д. Средновековни гробове от Стара Загора // Историко-археологически изследвания. В.Търново, 1994. С. 121–127.

Янюшкина Е.В. Собрание слитков ГИМ // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 5. М., 1997.

Яшаева Т.Ю. Древнерусские энколпионы из раскопок византийского Херсона // Nomos. № 28/29. Krakow, 1999/2000. C. 80-89.

Яшаева Т.Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий-крест-икона // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005. С. 121–130.

Яшаева Т.Ю. Формы для отливки крестов из раскопок Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 2004. С. 101–104.

Яшаева Т.Ю. Русские святые в византийской Таврике // Византия и Русь. Тезисы докладов и сообщений Свято-Владимирских чтений, посвященных 1025-летию Крещения Руси. Севастополь, 2013. С. 31.

Ajbabin A. Peceneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Elekta. 1995. C. 208-212.

МАЙКО В.В.

Ambrose J. Fragments of time. Museum Quality Ancient Art. Ancient Art XLIV. Boston, 2011. 32 p.

Ankori Zvi. Karaites in Bizantium. The formative years, 970-1110. New-York. Columbia university press. 1959.

Archeologia urbana a Savona: scavi e ricerche nel complesso monumentale del Priamàr. V. 2. Palazzo ddella Loggia (scavi 1969-1989) i materiali. (A cura di Carlo Varaldo). Bordighera-Savona, 2001.

Aricescu A. Noi date despre cetatea de la Hîrşova // Pontica. № 4. 1971. P. 351-370.

Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IVe-XVIIIe siècle). Sour la direction de Jannic Durand, Ioanna Rapti et Dorota Giovannoni. Paris, 2007. 464 c.

Atanassov G. De nouveau pour la date initiale de folles byzantins anonymes classe «В» // Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Заподното Черноморие. AMV. II. Варна, 2004. С. 289-298.

Bakirtzis Ch. Bezantine amphorae // Recherches sur la Ceramica Byzantine. 1989. P. 73-77.

Bakirtzis Ch. Byzantine «Tsoukalolagina» (in modern Greek). Athens, 1989a. 105 p.

Bank A. Sur le probleme de la glyptique italo-byzantine // Rivista di Studi bizantini e slavi: Miscellanea A. Pertusi. T. III. Bologna, 1981. P. 311-318.

Baranov I.A. Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim // Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in ihrer varianten. Varia Archaeologica Hungarica III. Budapest, 1990. P. 23-45.

Barnea I. Ceramica de import // Dinogetia Asezarea feodala timpurie de la Bisericuta-Garvan. 1967. Vol. 1. P. 232-268.

Barnea I. La ceramique byzantine de Dobroudja X-XII siecles // Recherches sur la Ceramica Byzantine. 1989. P. 131-142.

Borisov B. Djadovo. Mediaeval Settlement and Necropolis (11-12 th century). Vol. I. Tokai, 1989. 852 p.

Borisov B. Djadovo. The Sanctuary of The Thracian Horseman and The Early Byzantine fortress. Vol. II. Varna, 2010. 240 p.

Bjelajac L. Byzantine amphorae in the Serbian-danubian Area in the 11th-12th centuries // Recherches sur la Ceramica Byzantine. 1989. P. 110-116.

Brusic Z. Byzantine amphorae (9th-12th century) erom eastern Adriatic underwater sites // Archaeologia Jugoslavica. Vol. XVII. 1979. P. 37-49.

Byzans – Das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis 15. Jahrhundert; Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. Paderborn, 2001.

Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musée du Louvre. Paris, 1992.

Comsa M. Ceramica locala // Dinogetia. Vol. 1. Bucuresti, 1967.

Crimean Chersonesos: city, chora, museum, and environs. Austin, Texas, 2003. 232 p.

Dalton O. Catalogue of early Christian antiquities and objects from the Christian East in the Department of British and mediaeval antiquities and ethnography of the British Museum. London, 1901. 186 p.

Dark K. Byzantine pottery. G. Britain, 2001. 160 p.

Darrouzes J. Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introducion et notes. Paris: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1981. 521 p.

Davidson G.R. The minor objects // Corinth. Vol. XII. Princeton, New-Jersey, 1952. 383 pp., 83 figs, 148 pls.

Davidson G.R. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production // Journal of Glass Studies. № 17. 1975. P. 127-141.

Demangel R., Membouru E. Le quartier des Manganes et la premiere region de Constantinopole. Paris, 1939. 167 p.

Die welt von Byzanz - Europas Östliches erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Herausgegeben von Ludwig Wamser. München, 2004. 369 p.

Doorninck van F. Serce Limani amphoras: Old Jars from the North // http: www.diveturkey.com/ inaturkey//amphoras.htm).

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ Х-ХІІ вв.

Dovgaluk N., Murasheva V. Glas finds from Gnezdovo as a result of Russian-byzantine trade in the 10th century // 18th Congress of the International Association for the History of Glass 21-15 September 2009. Programme and Abstracts. Thessaloniki, 2009. P. 51.

D'Andria F. La documentazione archeologica negli insediamenti del materano tra tardoantico e alto mediaevo // Habitat-Strtture Territorio. Atti del terzo Convegno Internationale di studio sulla civilta rupestre medioevale nel mezzogiorno d'Italia. Lecce, 1978. P. 157–180.

Georgius Cedrinus Ioannis Scylitzae. Compendium Historiarum / Editio B. G. Niebuhrii, I. Bekkero // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Tomus prior. Bonnae, 1838. 802 p.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca-London, 1982. 240 p. Goldschmidt A., Weitzmann K. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X-XIII. Jahrhunderts. Bd. I. Kästen-Berlin, 1930.

Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. 1, Leo III to Michael III, 717-867. 3, Leo III to Nicephorus III, 717-1081. Washington, DC. 1973.

Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs // Recherches sur la Ceramica Byzantine. 1989. P. 267-276.

Gunsenin N. Les amphroes Byzantines (X-XIII siecles): typologie, production, circulations d'apres les collections torques. Paris, 1990.

Gunsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque Byzantine // AA. V.II. Paris, 1993. P. 193-201.

Günsenin N. Ganos: Resultats des campagnes de 1992 et 1993 // AA. Eski Anadolu. V. III. Paris, 1995. P. 165-178.

Feig N. A Byzantine bread stamp from Tiberias // SBF. Liber Annuus. Studium Biblicum Franciscanum. Vol. XLIV. Milano, 1994. P. 591-594.

Jastrzebovska E., Gerasimov V. Brotstempel-Fund aus der Krim // Archeologia. № LIX. 2008. 2010. № 4. P. 191-192.

Jelovina D. Starohrvatske nekropole na podrucju između rijeka Zrmanje i Cetine. Split, 1976.

Jelovina D. Spas, Klin-starohrvatsko naselje // Arheološki pregled. Vol. 21. Beograd, 1980. P. 177–181.

Joannis Scylitzae. Synopsis Historiarum // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5. 1973. 580 p.

John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History, 811-1057. Translated by J.Wortley with Introductions by J.C. Cheynet and Notes by J.C. Cheynet. New York, 2010. 491 p.

Hayes J.W. The Pottery // Ecavation at Sarahane in Istanbul. Vol. II. Princeton, 1992. 455 p.

Henning J. Archäologische funde von eisenfesseln aus den Bulgarischen sield ungsgebieten zwischen Wolga und Donau // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 52-61.

Henning J. Catalogue of archaeological finds from Pliska // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans. Edited by Joachim Henning. Berlin, 2007. 707 p.

Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 118-163.

Kapitan G. Ancient anchors-technology and classification // The International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 13. № LP. 1984. P. 33-44.

Köroğly G. Selected medieval glass artifacts from Yumuktepe mound // Studiantichitan. Vol. 11. 1998. P. 283-294.

Laurent V. Documents de sigillographie byzantine (La collection C. Orghidan). Paris, 1952.

Lequien M. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus. Paris 1740.

Lietuvas liaudies means. Vilnius, 1958.

Lightfoot C.S. Amorium Excavations 1993. The Sixth Preliminary Report // Anatolian Studies, 44, (1994), pp. 125-126.

Lightfoot C.S. The Amorium Project: The 1997 Study Season // DOP. 53 (1999). P. 340-345.

Lightfoot C.S., Ivison E.A. Amorium Excavations 1995. The Eight Preliminary Report // Anatolian Studies, 46 (1996). P. 108-109.

Lightfoot C.S., Ivison E.A. et al. The Amorium Progect: The 1998 Excavation Season. Bezantine Eschatology: Views on death find the last things, 8th to 15th centuries. Dumbarton Oaks Symposium 1999 // DOP. Vol. 55, 2001, P. 373-399.

Liwoch R. Wykopaliska T. Ziemieckiego na Grodzisku w Podhorcach // Стародавній іскоростень і слов'янські гради. Т. 2. Коростень, 2008. С. 4-8.

Macgregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The technology of Skeletal Materials Since Roman Period. New Jersey, 1985.

Matson F.R. Technological study of the glass from the Corinth Factory // American Journal of Archaeology Vol. 44, No. 3 (Jul. - Sep., 1940). P. 325-327.

Margaret A., Gill V. Glass Finds // DOP. Vol. 53. 1999. P. 340-343.

Morgan Ch. The Byzantine pottery // Corinth. II. 1942. 361 p.

Mosin V. Les Khazares et les Byzantins d'apres le Anonime de Cambridge // Byzantion. VI. Bruxelles, 1931. P. 309-325.

NustazopoÚlou M.G. `H oen TaurikÍ Cerson»sJ pÒlij Sougda∂a ¢pÕ toà IG/ mšcri toà IE/ a^înoj. 'AqÁnai, 1965.

Oberländer-Târnoveanu E. Monede Antice și Bizantine descoperite la Nafăru păstrate in colecția Muzeului military național // BSNR, LXXXVIII-LXXXIX. 1994-1995. P. 71-106.

Oikonomides N. Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles. Paris. 1972. 351 p.

Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, DC, 1986.

Papanikola-Bakirtzi D., Mavrikioy F.N., Bakirtzis Ch. Byzantine glazed pottery in the Benaki Museum. Athens, 1999. 205 p.

Peschlow U. Byzantinische Keramik aus Istanbul. Ein fund komplex bei der Irenenkirche // Istanbuler Mitteilungen. Vol. 27-28. 1977-1978. P. 363-414.

Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti, 1980.

Radičević D. Medieval glas bracelets from Banat territory // 18th Congress of the International Association for the History of Glass 21-15 September 2009. Programme and Abstracts. Thessaloniki, 2009. P. 135.

Rassel James. Byzantine instrumenta domestica from Anemurium: The significance of context // City, town and countryside in the early Bezantine era. New York, 1982. P. 133-163.

Ristovska N. Middle Byzantine painted glass // Byzantine Trade, 4th-12th Centuries: The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St. John's College, University of Oxford, March 2004. Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications. Ed. by Mango, Marlia Mundell.14. Farnham, Surrey: Ashgate, 2009. 477 p.

Ross M.C. Fragments of a Byzantine Ivory Box // The Art Bulletin. Vol. 23. № 1 (Mar. 1941). P. 70-72.

Ross M.C. Metalwork, ceramics, glass, glyptic, painting. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection // DOP. Vol. I. Washington, 1962. P. 27-91.

Ryabtseva S. Pectoral reliquary-crosses from the Carpathian-Dniester Region, 11th-16th centuries // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. II. Kraków-Leipzig-Rzeszów-Warszawa, 2012. P. 527-543.

Sanders G.D.R. Byzantine Glassed Pottery at Corinth to c. 1125. Chronological, Social and Economic Conclusions (Ph.D. diss.). University of Birmingham, Birmingham, 1995.

Schechter S. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. Vol. III. 2. 1912-1913. P. 181-219.

Sear D. Byzantine coins and their values. Second edition, revised and enlarged. London, Seaby, 1987. 527 p.

Sibella P. The George McGhee Amphora Collection at the Alanya Museum, Turkey // The INA Quarterly. Vol. 29. Supplement 1. June 2002. 20 p.

ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ Х-ХІІ вв.

Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine // Journal of Glass Studies. № 30. 1988. P. 51-61.

Spaer M. Ancient Glass in the Israel Museum, Beads and Other Small Objects. Jerusalem, 2001. 198 p.

Spask M. The Islamic Glass Bracelets of Palestine: Preliminary Finding // Journal of Glass Studies. № 34. 1992. P. 44-62.

Spinei V. Les relations de la Moldave avec le Byzance au premier quart du IIe milleaire ala lumière des sources archeogiques // Dacia XIX. Bucuresti. 1975.

Spiney V. The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Ctntury. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450-1450. Vol. 6. Danvers, 2009. 224 p.

Stepanova E. New seals from Sudak // SBS. № 6. Washington, 1999. P. 47-58.

Stepanova E. New finds from Sudak // SBS. № 7. Washington, 2003. P. 123-130.

Stevenson R. The pottery // The great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947. P. 31-101.

Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World (London, New Jork and Toronto). 1973. 788 p.

The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261. Exhibition catalogue. Evans, Helen C., and William D. Wixom, eds. New York: Metropolitan Museum of Art, 1997.

Thompson M. The Athenian Agora. Vol. II. Coins from the Roman through the Venetian Period. Princeton, N.J., 1954.

Vickers M. A note on Glass medaillons in Oxford // Journal of Glass Studies, 1974. Vol. XVI. P. 18-19.

Vilcāne A. Findings of harness items and the cult of the horse in latgallian and selonian territories // The Horse and Man in European Antiquity (Worldview, Burial Rites, and Military and Everyday Life). Archaeologia Baltica. Vol. 11. Klaipėda, 2009. P. 254-269.

Von Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. London, 1980. P. 98-99 p.

Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Bijleveld, 2005. 224 p.

Wentzel H. Das Medaillon mit dem Hl. Theodor und die venezianischen Glaspasten im Byzantinischen Stil des 13. Jhdt // Festschrift für Erich Meyer zum sechzigsten Geburtstag. V. II. Hamburg, 1959. P. 50-67

Wentzel H. Zu dem Enkolpion mit dem Hl. Demetrios in Hamburg // Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen VIII. Hambourg, 1963. P. 11-24.

Whitehouse D. Byzantine Gilded Glass // Gilded and enamelled Glass from the Middle East. Ed. Rachel Ward. London, 1998, P. 3-10.

Wiseman J. Excavation at Corinth the Gymnasium area 1966 // Hesperia. Baltimore, 1967. 26/4. P. 402–428.

Wroch W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coin in the British Museum. Vol. II. London, 1908. P. 312-687 + pl. XXXVI-LXXVII.

Yaschaeva T., Nagornyak S. Ancient Russia Reliquary Crosses from the Byzantine Taurica // 16th International Congress of antique Bronzes «Typology, chronology, authenticity». Abstracts and Contributors'list. Bucharest, 2003. C. 50.

Zuckerman C. On the date of the khazars conversion to judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. T. 53. 1995. P. 237-270.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ **ABBREVIATIONS**

ABY Археологічні відкриття в Україні АДСВ Античная древность и средние века АИК Археологические исследования в Крыму

AO Археологические открытия

АСГЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БИ Боспорские исследования

БИАС Бахчисарайский историко-археологический сборник

БСП Българите в Северното Причерноморие

BB Византийский временник

Вестник ЛГУ Вестник Ленинградского Государственного Университета Вестник СПбУ Вестник С. Петербургского Государственного Университета Вестник ХГУ Вестник Харьковского Государственного Университета

Древности Боспора ЛБ

300ИД Записки Одесского общества истории и древностей

Известия Государственного Института истории материальной ИГАИИМК

культуры

Известия ИАК Известия Императорской археологической комиссии

Известия северо-осетинского института ИСОИГСИ **ИНМВ** Известия на народни музей Варна

ЕАИОТИ Известия Таврического общества истории археологии этнографии

КСИА Краткие сообщения института археологии АН СССР (РАН) КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАИЭТ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии МАПП Матеріали по археології Північного Причорномор'я МИА Материалы и исследования по археологии СССР МИАП Материалы и исследования по археологии Поволжья

МИАСК Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

ОАК Отчет Императорской Археологической Комиссии

ПИФК Проблемы истории, филологии, культуры

PA Российская археология CA Советская археология

САИ Свод археологических источников ТГЭ Труды Государственного Эрмитажа

Труды Государственного исторического музея Труды ГИМ

УΓ Українське гончарство XA Хазарский альманах XC Херсонесский сборник **AMV** Acta Musei Varnaensis $\mathbf{A}\mathbf{A}$ Anatolia Antiqua

BSNR Buletinul Societății Numismatice Române, București

DOP Dumbarton Oaks Papers

Recherches sur la Ceramica Byzantine **RCB** SBS Studies in Byzantine sigillography VAH Varia Archaeologica Hungarica

ИЛЛЮСТРАЦИИ

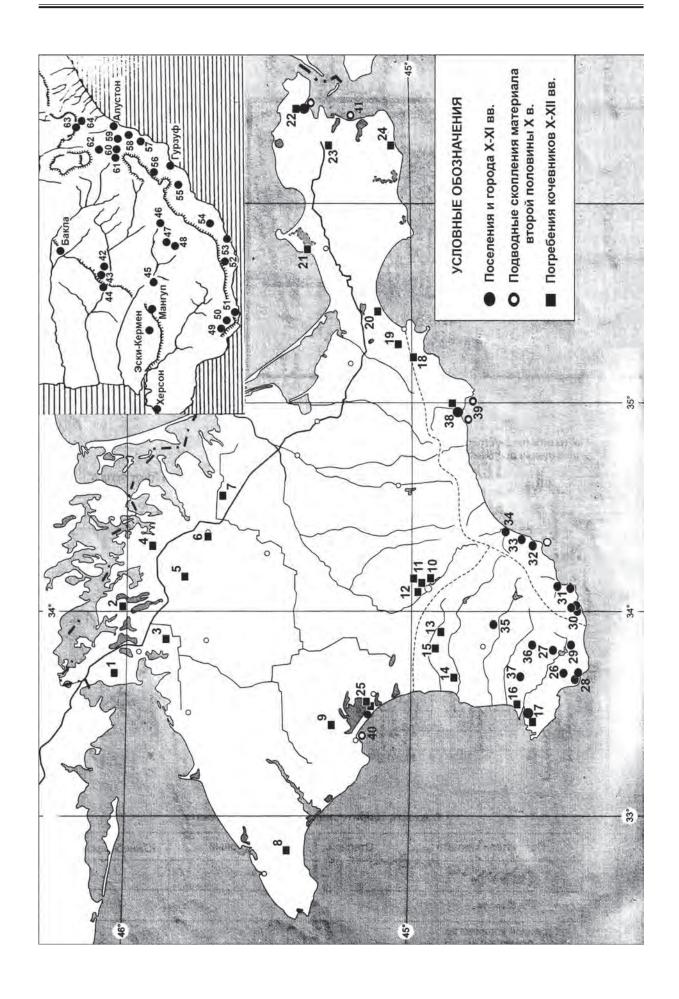

Рис 1. Археологические памятники Таврики второй половины X-XII вв.

1 — Рисовое; 2 — Танковое; 3 — Чатарлык; 4 — Мартыновка; 5 — Матвеевка; 6 — Джанкой; 7 — Заливное; 8 — Чокрак; 9 — Мамай; 10 — Симферополь; 11 — Чокурчинская группа; 12 — Бахчи-Эли; 13 — Казанки; 14 — Вилино; 15 — Булганак; 16 — Северный берег Севастопольской бухты; 17 — Херсон; 18 — Коклюк; 19 — Ближнее Боевое; 20 — Приморский; 21 — Семеновка; 22 — Боспор; 23 — Михайловка; 24 — Кыз-Аульский некрополь; 25 — Кара-Тобе, некрополь и городище; 26 — Гончарное; 27 — Передовое; 28 — Батилиман, Ласпи; 29 — Родниковое; 30 — Семеиз, Панеа, Крыло Лебедя; 31 — Ореанда, Ялта; 32 — Партениты; 33 — Малый Маяк; 34 — Алустон; 35 — Тепе-Кермен; 36 — Мангуп; 37 — Эски-Кермен; 38 — Сугдея; 39 — Новый Свет, Меганом; 40 — Евпатория; 41 — Нимфей; 42 — Тепе-Кермен; 43 — Кыз-Кермен; 44 — Качи-Кальон; 45 — Кипиа; 46 — Бойка; 47 — Курушлюк-І; 48 — Пампук-Кая; 49 — Ласпинское; 50 — Ильяс-Кая; 51 — Фаросское; 52 — Биюк-Исар; 53 — Панеа; 54 — Ореанда-Исар; 55 — Палеокастрон; 56 — Кобоплу; 57 — Карабах; 58 — Кастель; 59 — Сераус; 60 — Ай-Йори; 61 — Чунгур-Кая; 62 — Каменка; 63 — Демерджи-І; 64 — Демерджи-ІІ.

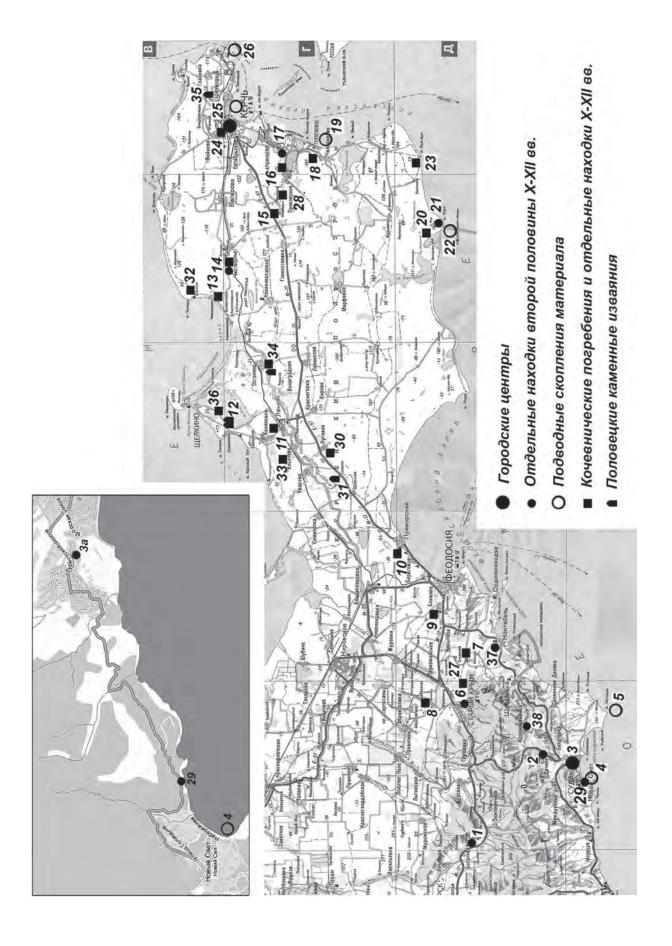

Рис. 1a. Археологические памятники восточного Крыма второй половины X-XII вв.

1 — с. Русское; 2 — с. Дачное; 3 — Сугдея; 4 — бухта пос. Новый Свет; 5 — м. Меганом; 6 — поселение Бакаташ- II; 7 — плато Коклюк; 8 — с. Кринички; 9 — Ближнее (Феодосия); 10 — пгт Приморский (Феодосия); 11 — Ленино; 12 — с. Семеновка; 13 — некрополь городища Белинское; 14 — с. Чистополье; 15 — с. Михайловка; 16 — с. Васильевка (совр. Приозерное); 17 — городище Тиритака; 18 — с. Героевское; 19 — городище Нимфей; 20 — озеро Элькен (Кояшское); 21 — поселение Опук; 22 — бухта городища Киммерик; 23 — Кыз-Аульский некрополь; 24 — кочевнические погребения в Керчи; 25 — Боспор; 26 — подводные работы в Керченском проливе; 27 — Имарет; 28 — некрополь Илурата; 29 — пещерный монастырь в пос. Новый Свет; 30 — с. Луговое; 31 — с. Ерофеево; 32 — с. Золотое; 33 — с. Ильичево; 34 — с. Останино; 35 — пос. Аджимушкай, карьер; 36 — Акташский некрополь; 37 — городище на плато Тепсень; 38 — урочище Кизил-Таш.

Рис. 2. Археологические памятники второй половины X-XII вв. ближайших окрестностей средневековой Сугдеи.

1 – некрополь Судак-IX; 2 – кораблекрушение в бухте пос. Новый Свет; 3 – пещерный монастырь в пос. Новый Свет; 4 – кораблекрушение возле мыса Меганом.

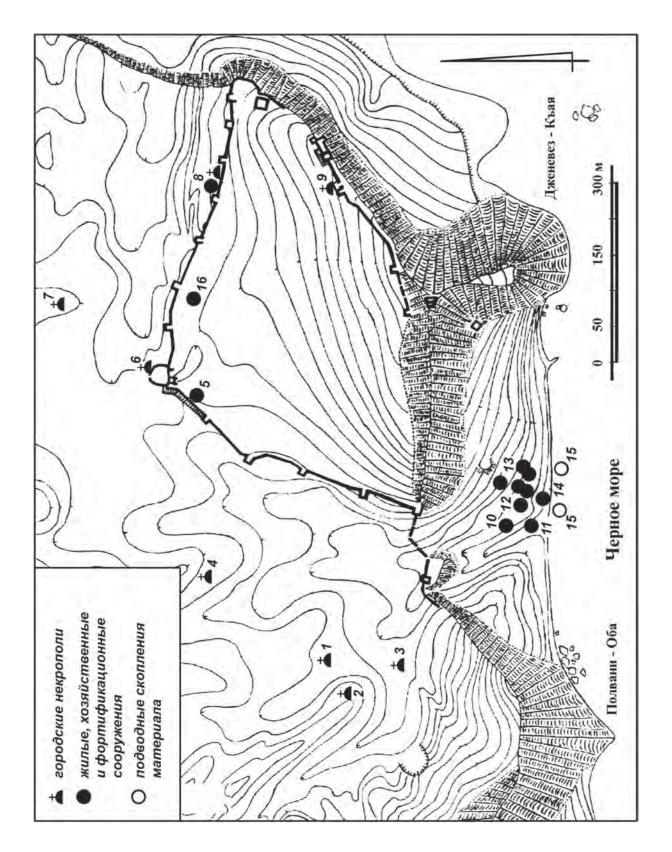

Рис. 3. Археологические объекты второй половины X-XII вв. средневековой Сугдеи.

1 — некрополь Судак-II; 2 — некрополь Судак-I; 3 — некрополь Судак-XI; 4 — некрополь Судак-IV; 5 — т.н. Квартал-I; 6 — некрополь и храм на участке барбакана; 7 — некрополь Судак-X; 8 — зольник и склепы на участке куртин XIV и XV; 9 — некрополь на участке цитадели; 10 — ремесленный комплекс 1995 г. в портовой части; 11 — раскоп IX в портовой части; 12 — раскоп V в портовой части; 13 — раскопы II, III, VI-VIII в портовой части; 14 — раскоп I в портовой части; 15 — подводные скопления материала; 16 — участок куртины XVII, шурф 1929 г.

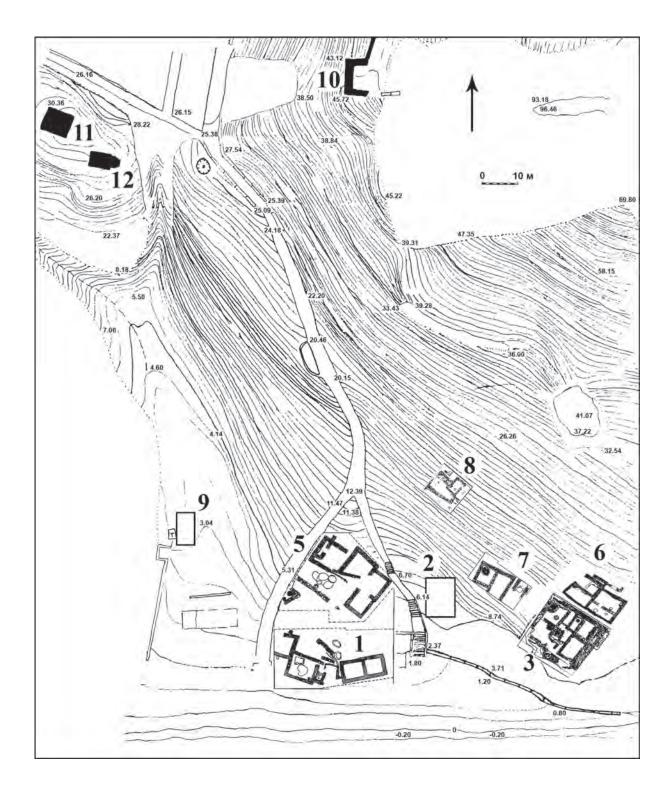

Рис. 4. Расположение раскопов 1963-2011 гг. в портовой части Сугдеи.

1-9 — номера раскопов; 10 — Угловая башня Судакской крепости; 11 — башня Фредерико Астагуэрро; 12 — храм 12 Апостолов.

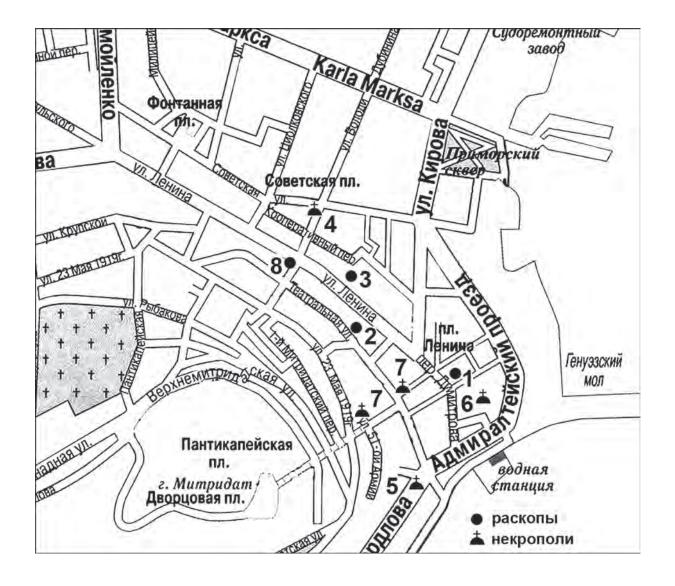

Рис 5. Археологические объекты средневекового Боспора второй половины X-XII вв. (по В.Е. Науменко и Л.Ю. Пономареву).

1 — раскоп Т.И. Макаровой 1963-64 гг.; 2 — раскоп А.Б. Занкина 1990 г.; 3 — раскоп А.И. Айбабина 1990-91 гг.; 4 — раскоп Д.С. Кирилина 1974 г.; 5 — некрополь на ул. Свердлова; 6 — некрополь храма Иоанна Предтечи; 7 — некрополь по ул. 51 Армии; 8 — некрополь по ул. В. Дубибина и ул. Советской.

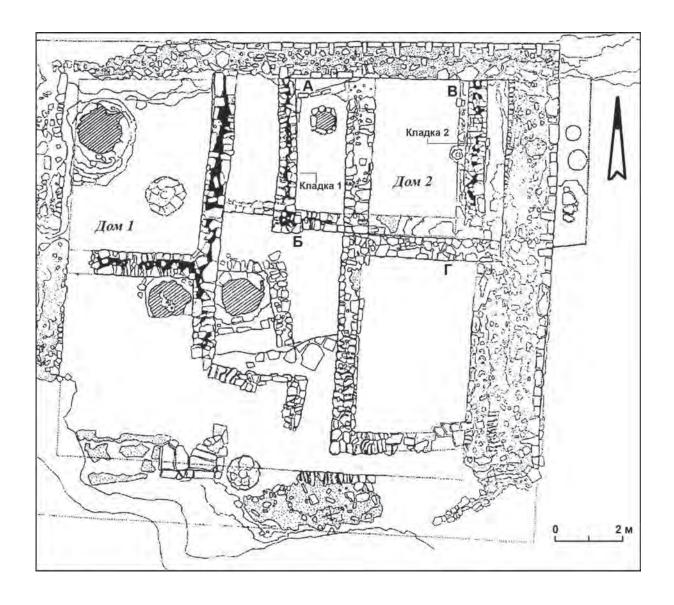

Рис 6. Жилая застройка второй половины X-XII вв. на площади раскопа III в портовой части средневековой Сугдеи.

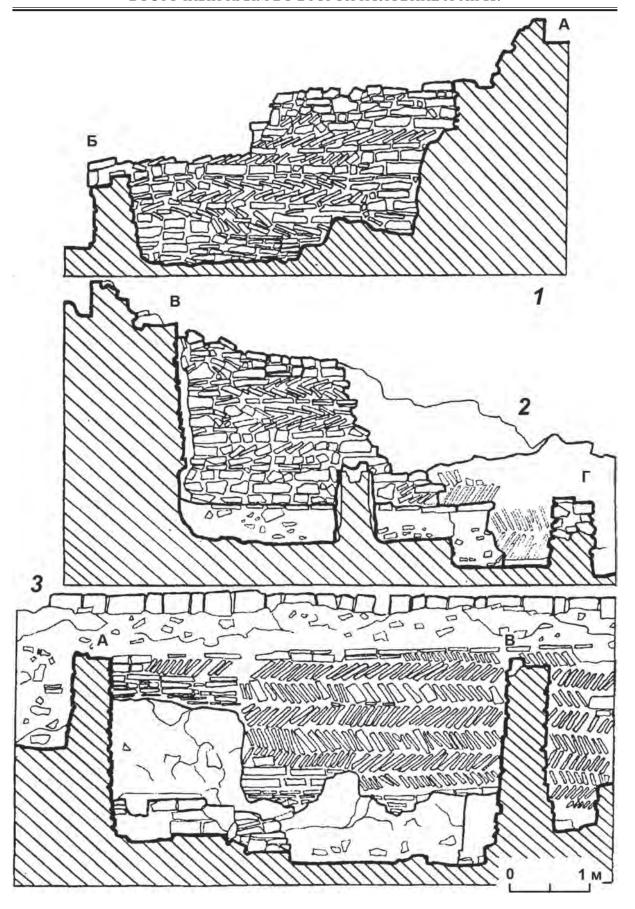

Рис. 7. Фассировки внутренних панцирей стен жилого дома 2 на участке раскопа III в портовой части средневековой Сугдеи.

1 – восточный панцирь кладки 1; 2 – западный панцирь кладки 2; 3 – внутренний панцирь северной стены.

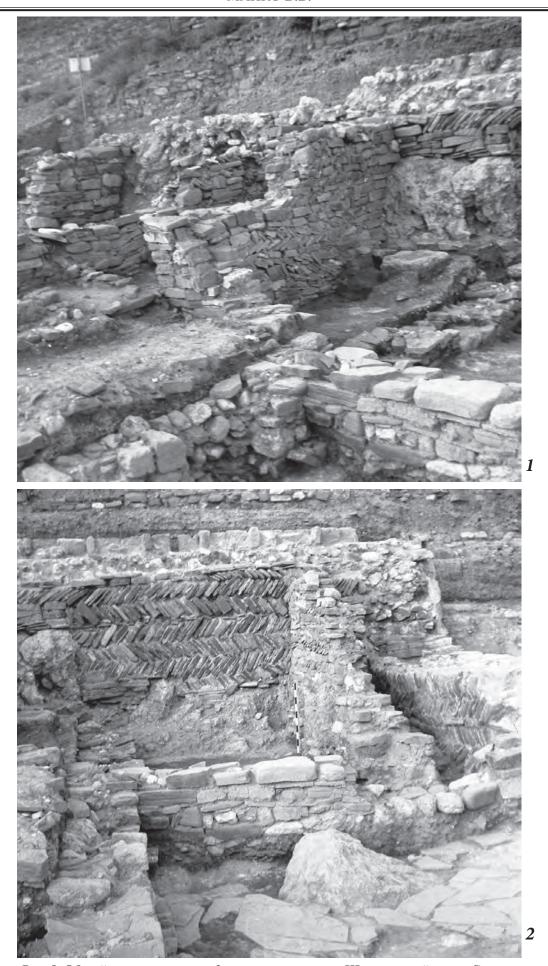

Рис. 8. Общий вид жилого дома 2 на участке раскопа III в портовой части Сугдеи.

1 – общий вид внутреннего панциря восточной стены с юго-запада; 2 – общий вид западной стены с юга.

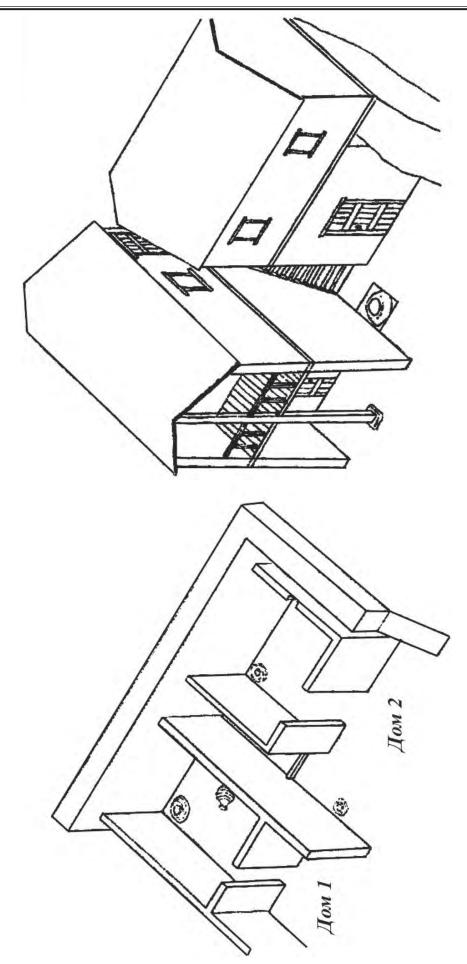

Рис. 9. Реконструкция жилого комплекса второй половины X-XII вв. на участке раскопа III в портовой части Сугдеи.

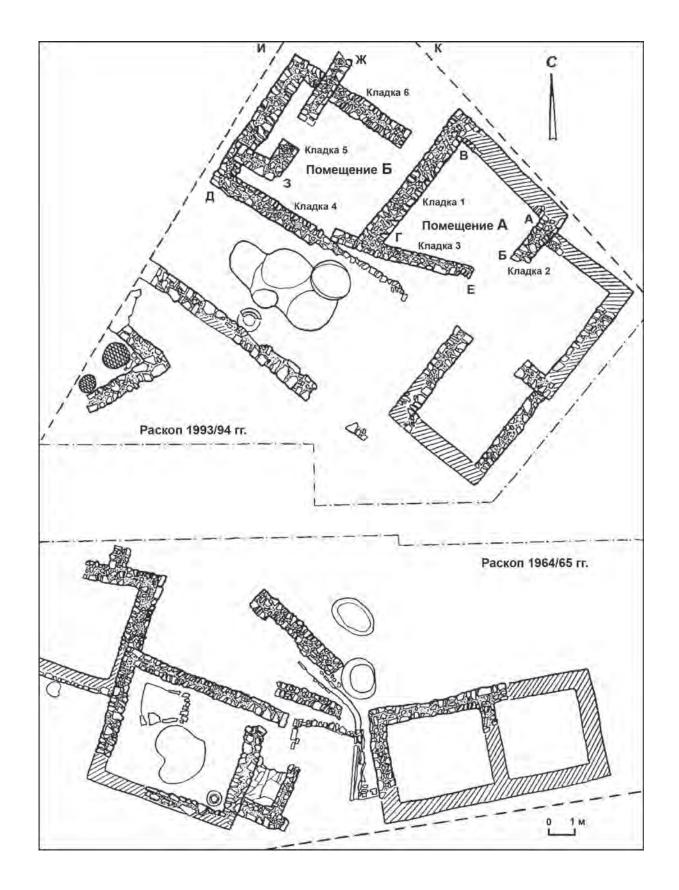

Рис. 10. Планы жилых и хозяйственных сооружений на участке раскопов I (1964-65 гг.) и V (1993-94 гг.) в портовой части средневековой Сугдеи.

1,2 – номера кладок дома 1.

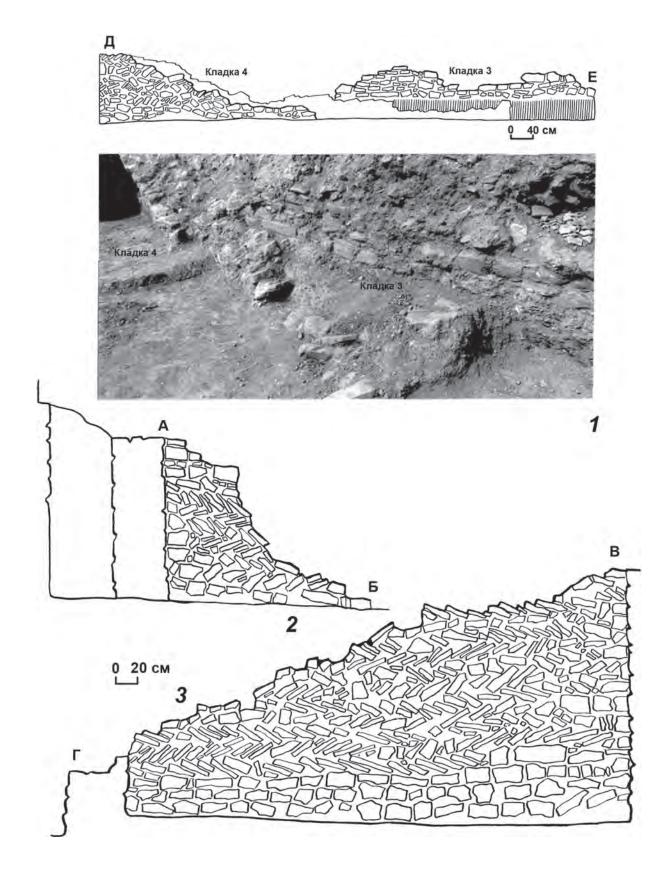

Рис. 11. Фассировки и общий вид кладок помещения ${\bf A}$ дома 1 на раскопе ${\bf V}$ в портовой части Сугдеи.

1 – южная стена помещения Б (кладка 4) перекрытая южной стеной помещения А (кладка 3); 2 – внутренний панцирь восточной стены помещения А (кладка 2); 3 – внутренний панцирь западной стены помещения А (кладка 1).

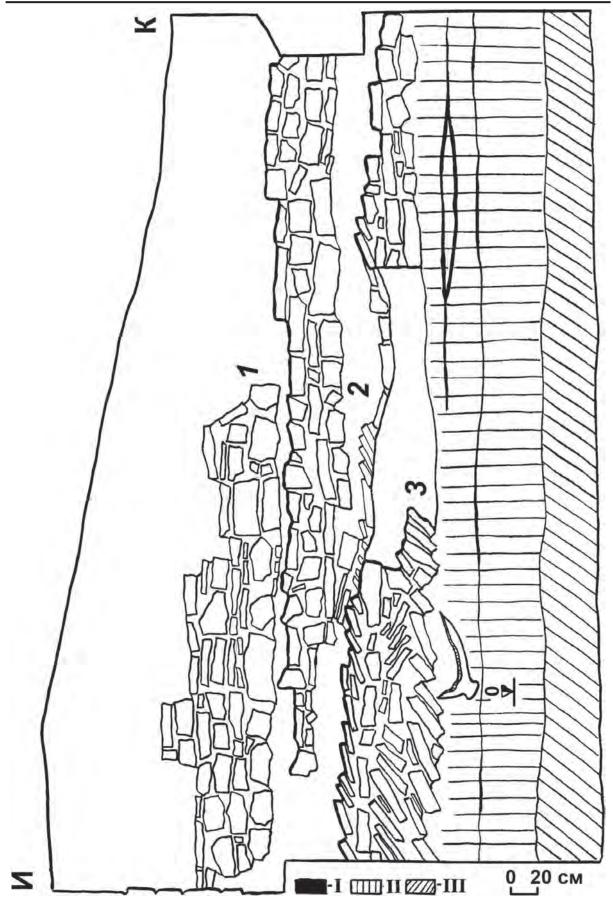

Рис. 12. Строительная периодизация на участке северного борта раскопа V в портовой части Сугдеи по линии И-К.

1 – кладка второй половины XIII в.; 2- кладка второй половины X-XI вв.; 3 – кладка второй половины VIII-первой половины X вв. І-слой пожара; II-слой зеленовато-серой плотной глины; III-слой предматериковой плотной глины.

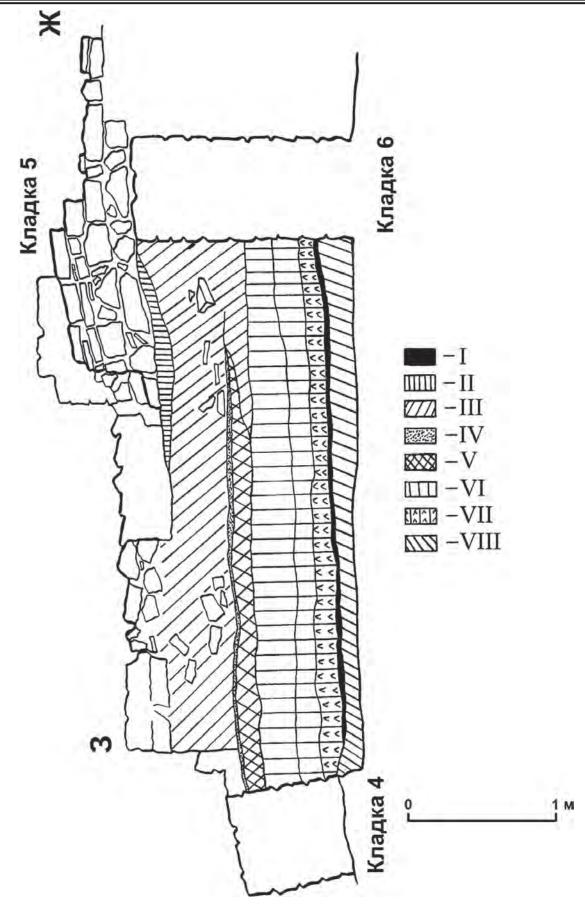

Рис. 13. Стратиграфия культурных напластований на участке раскопа V в портовой части Сугдеи под кладкой 5 по линии Ж-3.

І-слой пожара; ІІ-слой извести с плотной коричневой глиной; ІІІ-слой коричневой глины; ІV-прослойка угля и пепла; V-слой печины с ракушками и пеплом; VI-слой плотной серо-коричневой глины; VII-слой раковин устриц, углей, мелкой печины, пепла; VIII – слой серо-зеленой плотной глины.

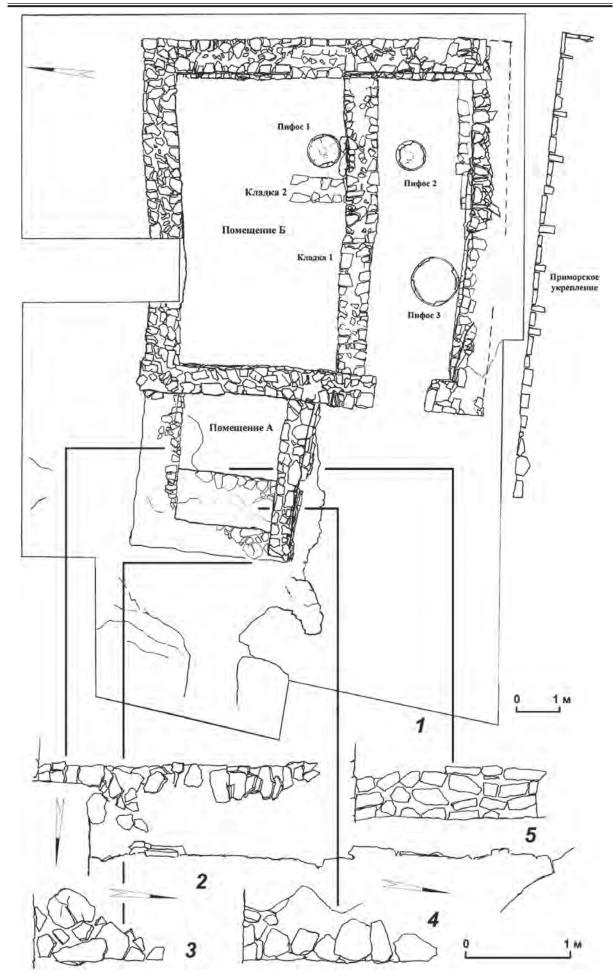

Рис 14. План жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

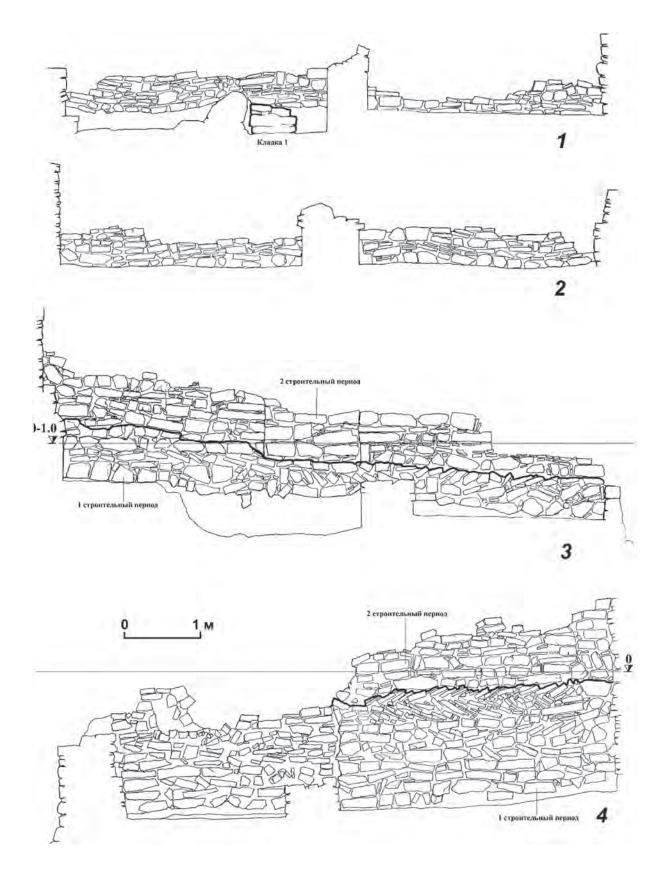

Рис. 15. Фассировки стен помещения Б жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

1, 2 – северный и южный панцири кладки 1; 3 – внутренний панцирь западной стены; 4 – внутренний панцирь восточной стены.

Рис. 16. Общие виды помещения Б жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

Рис. 17. Общий вид западной и восточной части помещения Б жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

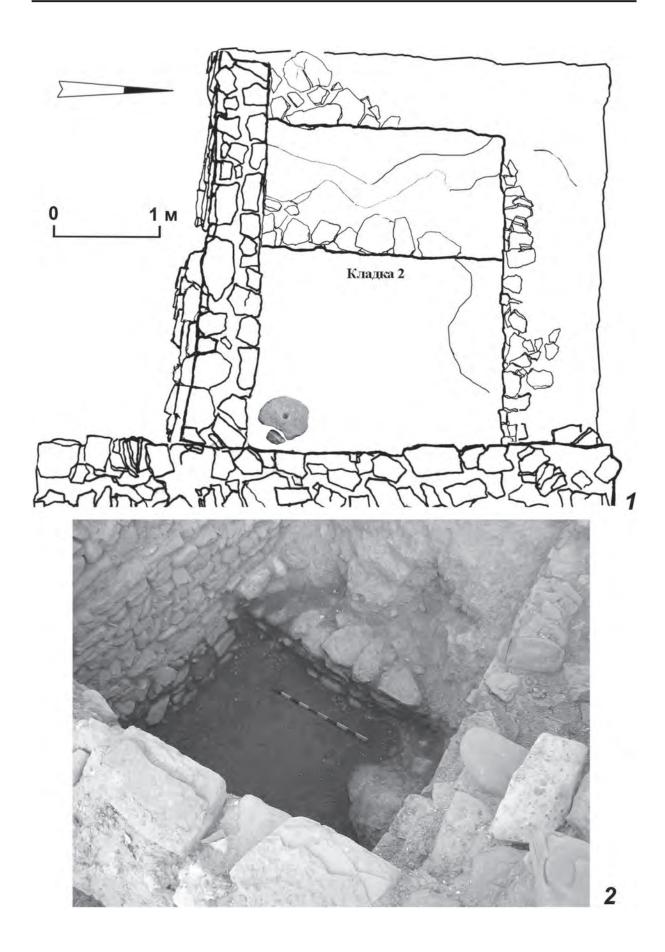

Рис. 18. План и общий вид полуподвального хозяйственного помещения А жилищнохозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

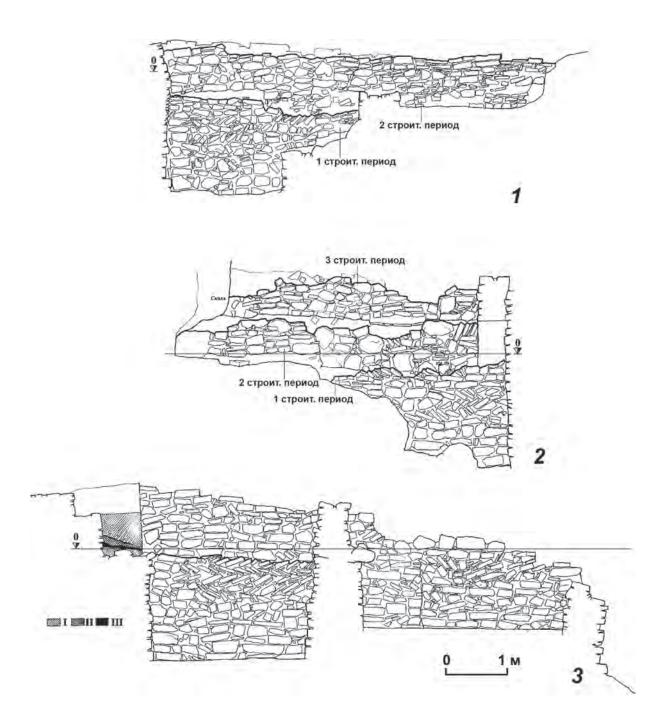

Рис. 19. Фассировки стен помещения А жилищно-хозяйственного комплекса на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи.

1 – внутренний панцирь южной стены; 2 – внутренний апнцирь северной стены; 3 – внутренний апнцирь восточной стены.

I – слой серо-коричневой глины; II – слой печины и пережженного грунта; III – слой углей и пепла.

Рис. 20. Общий вид раскопа I М.А. Фронджуло в портовой части Сугдеи.

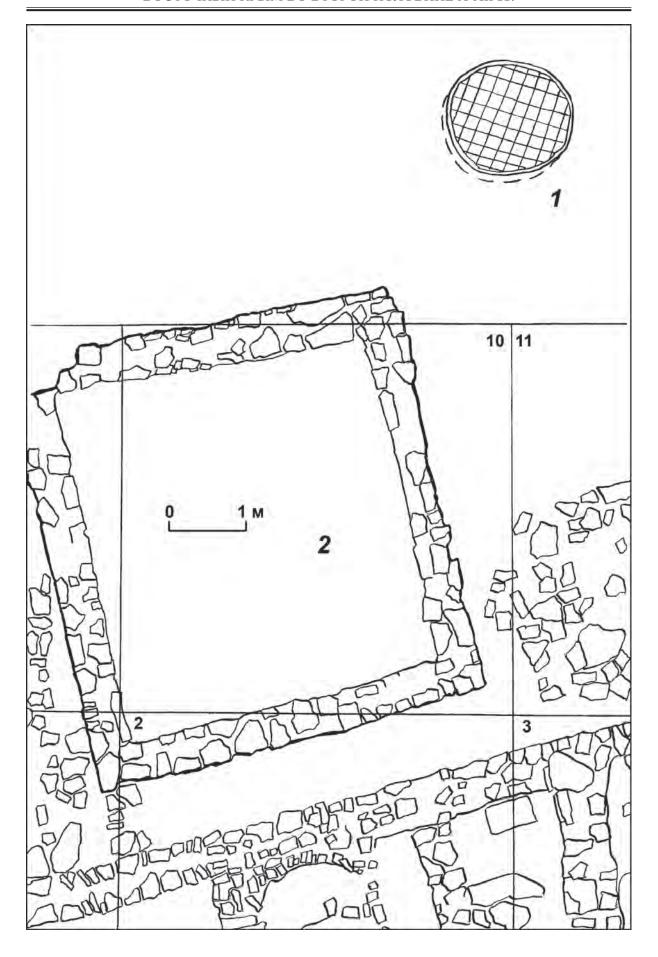

Рис. 21. Месторасположение печи на северо-западном участке раскопа I в портовой части Сугдеи. 1- печь второй половины XI-XII вв.

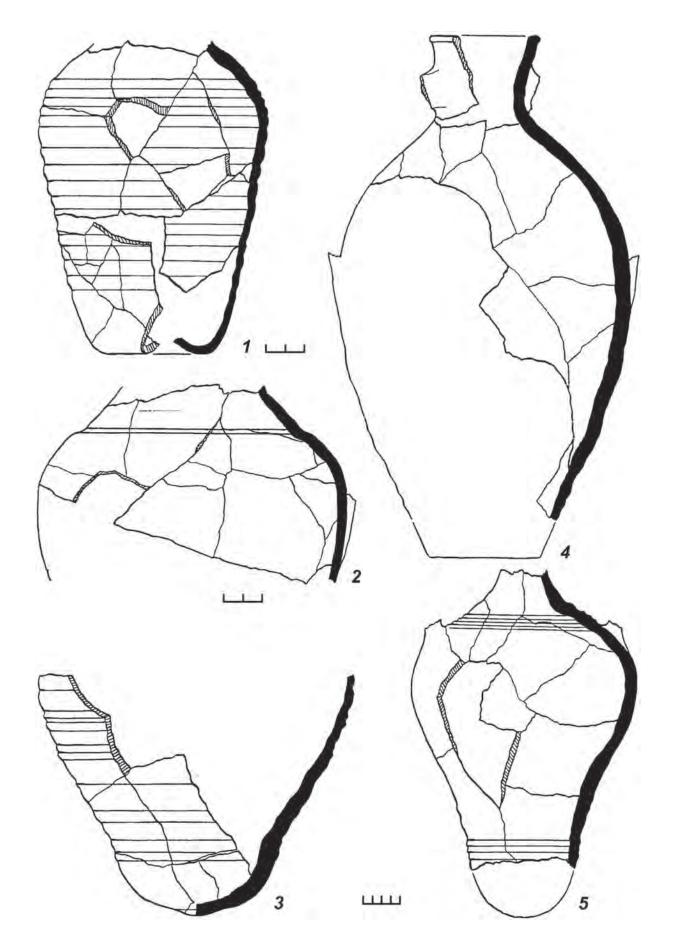

Рис. 22. Керамический комплекс из заполнения печи 1 в северо-западной части раскопа I в портовой части Сугдеи.

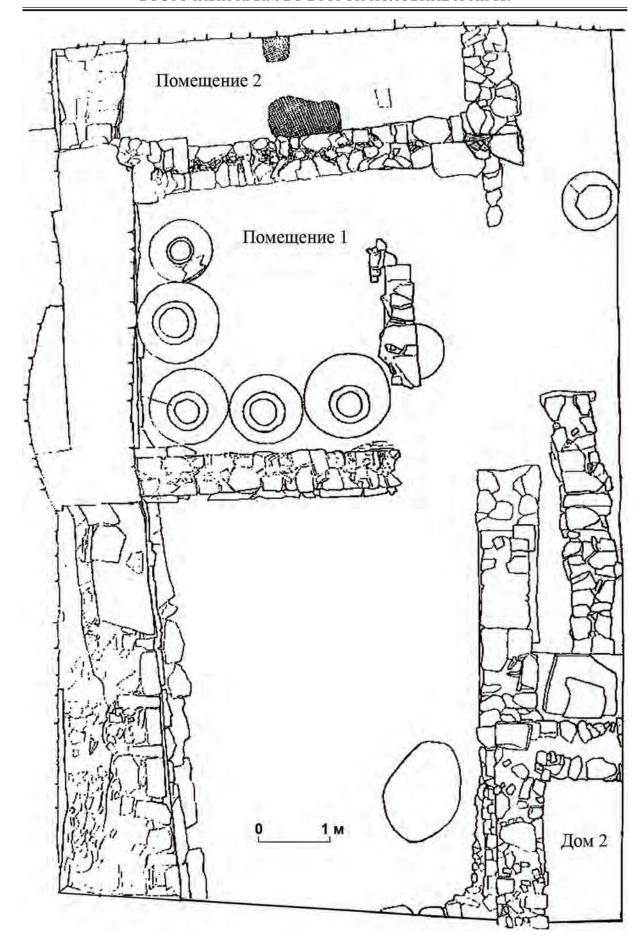

Рис. 23. План жилищно-хозяйственных построек второй половины X-XII вв. на участке квартала I Судакской крепости. (по Е.А. Айбабиной).

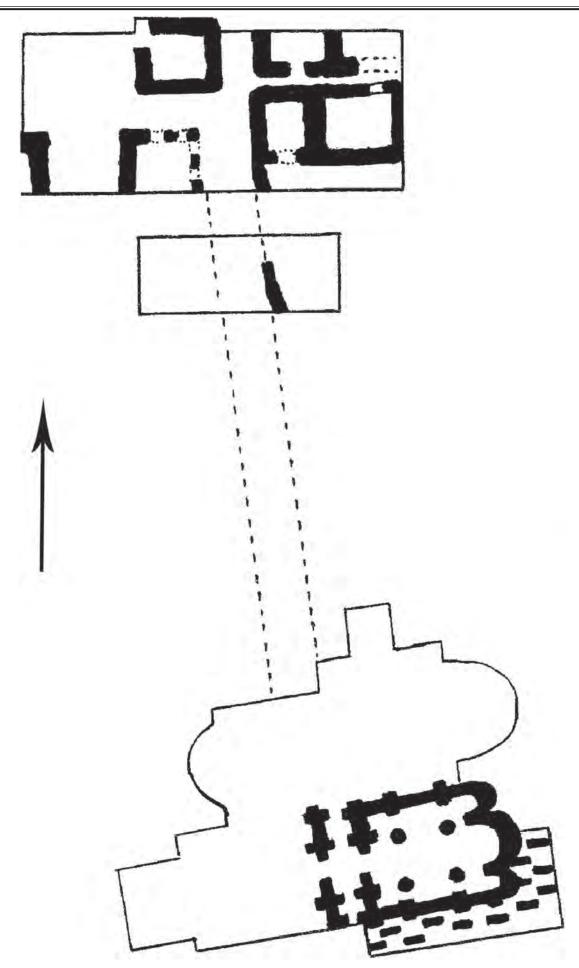

Рис. 24. План городского квартала Боспора и его соотношение с храмом Иоанна Предтечи. (по Т.И. Макаровой).

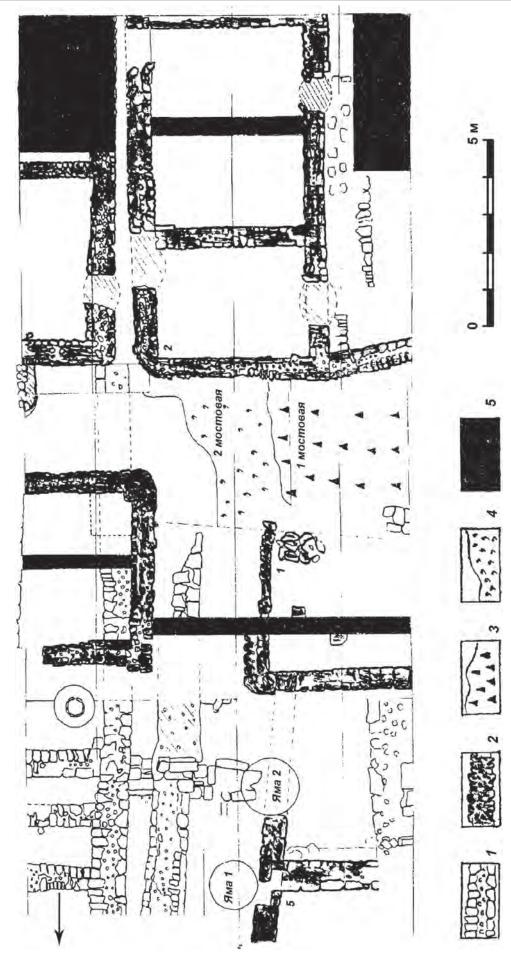

Рис. 25. Городской квартал Боспора второй половины X-XII вв. (по Т.И. Макаровой).

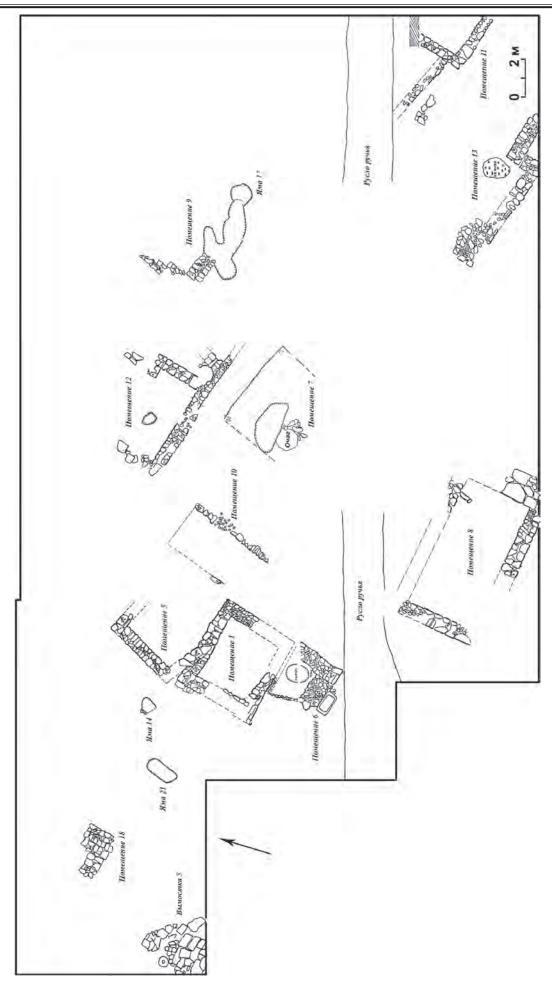

Рис. 26. План квартала Боспора Х-ХІІ вв. на участке раскопа 1990-1991 гг.

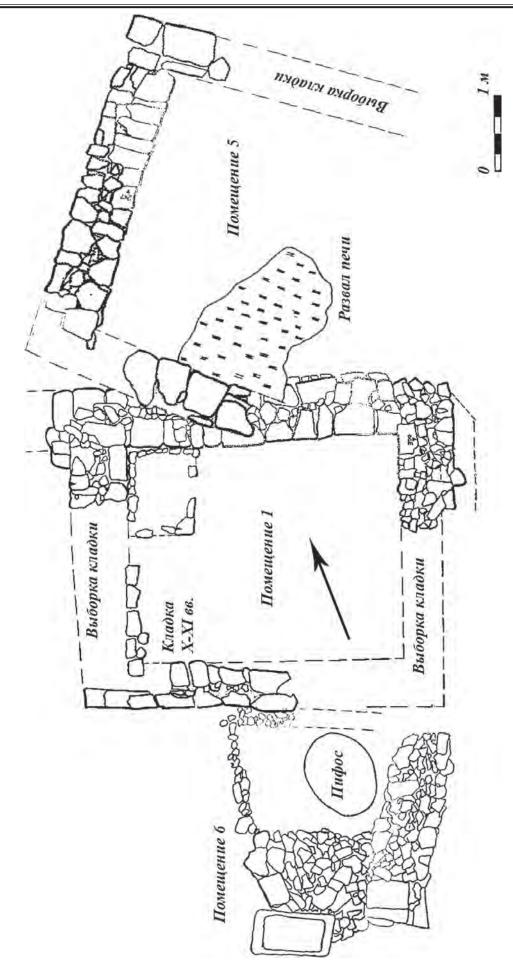

Рис. 27. Фрагмент застройки жилой усадьбы Боспора X-XII вв., перекрывшей постройку более раннего времени на участке раскопа 1990-1991 гг.

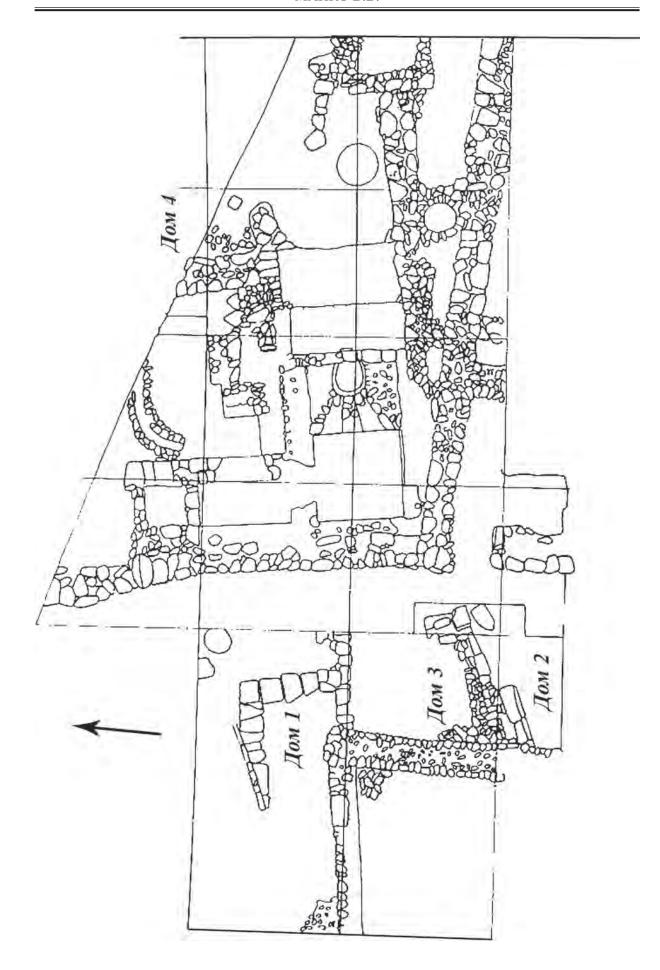

Рис. 28. План квартала Боспора с объектами X-XII вв. на участке раскопок 1963 г. на рыночной площади в Керчи.

Рис. 29. Общий вид остатков монументального сооружения X-XII вв. на участке раскопа 1963 г. на Рыночной площади в Керчи.

1 – вид с юго-запада; 2 – вид с юга.

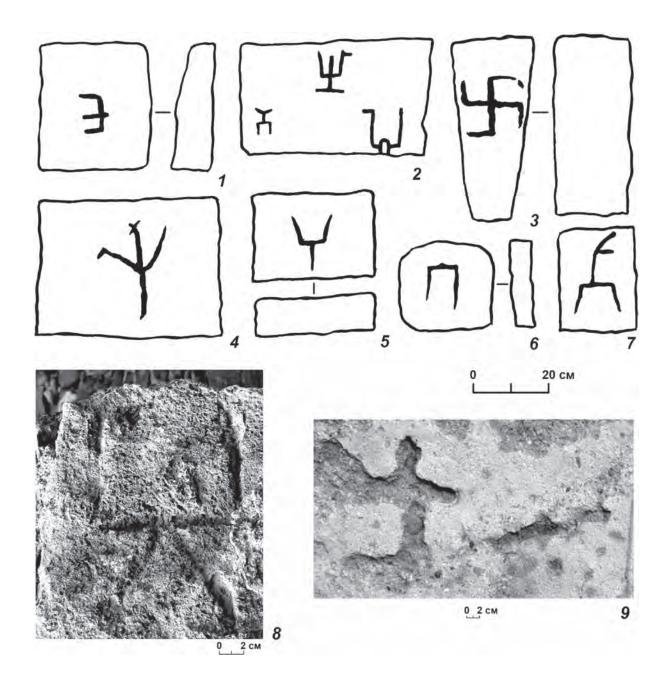

Рис. 30. Знаки на блоках внутреннего панциря оборонительной стены средневековой Сугдеи. 1 – заполнение помещения Б мастерской на участке куртины XV; 2,4,7 – участок куртины XV; 3 – портовая часть Сугдеи; 5,6 – камни обкладки плитовых могил некрополей Судак-VI и Судак-II; 8,9 – участок

квартала І.

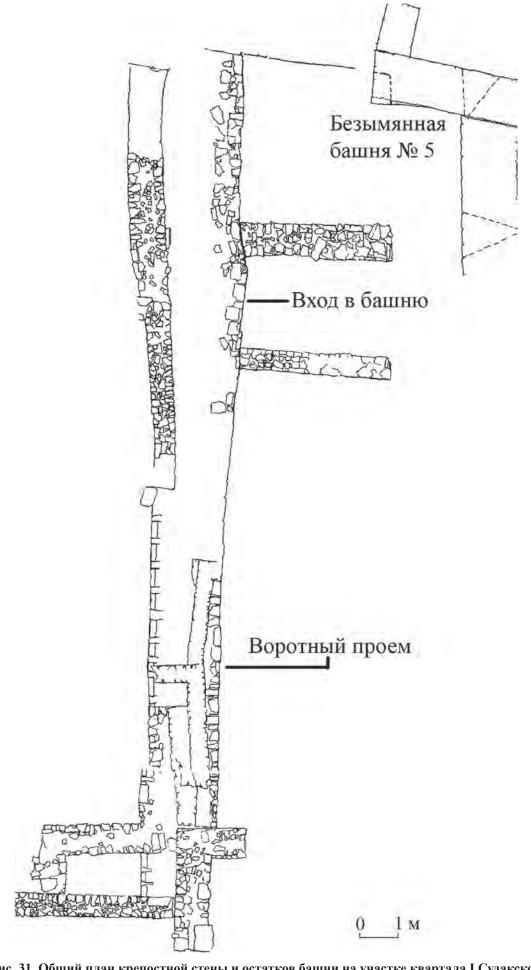

Рис. 31. Общий план крепостной стены и остатков башни на участке квартала I Судакской крепости.

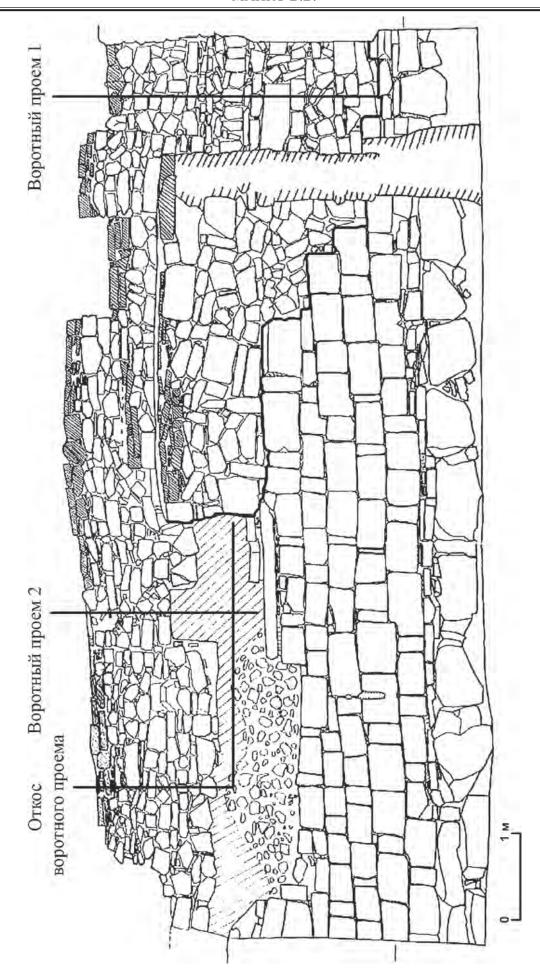

Рис. 32. Фассировка внешнего панциря крепостной стены на участке квартала I Судакской крепости.

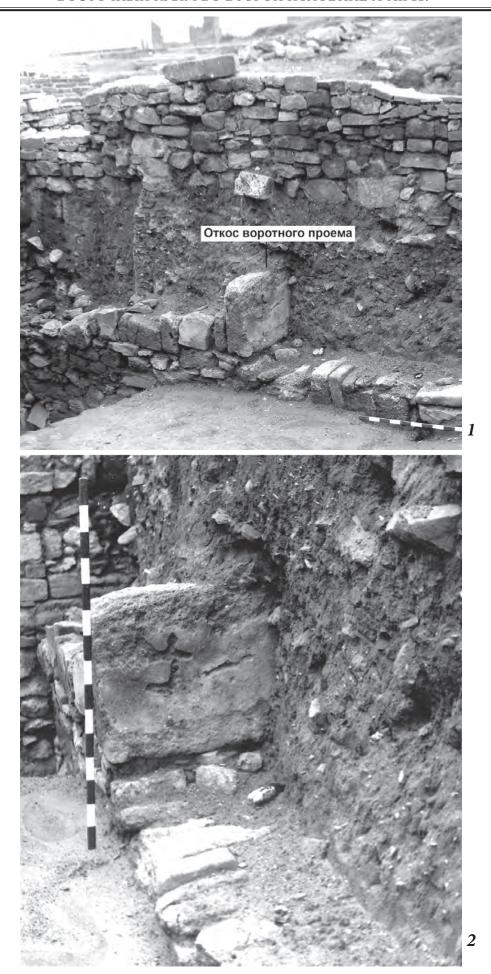

Рис. 33. Общий вид северо-восточного угла восточного откоса воротного проема на участке квартала I Судакской крепости.

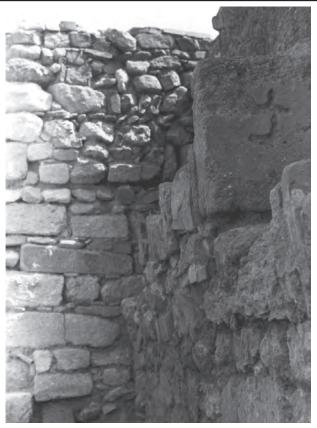

Рис. 34. Общий вид северо-восточного угла восточного откоса воротного проема крепостной стены на участке квартала I.

Рис. 35. Заложенный вход в предполагаемую башню, пристроенную к крепостной стене в южной части квартала I Судакской крепости.

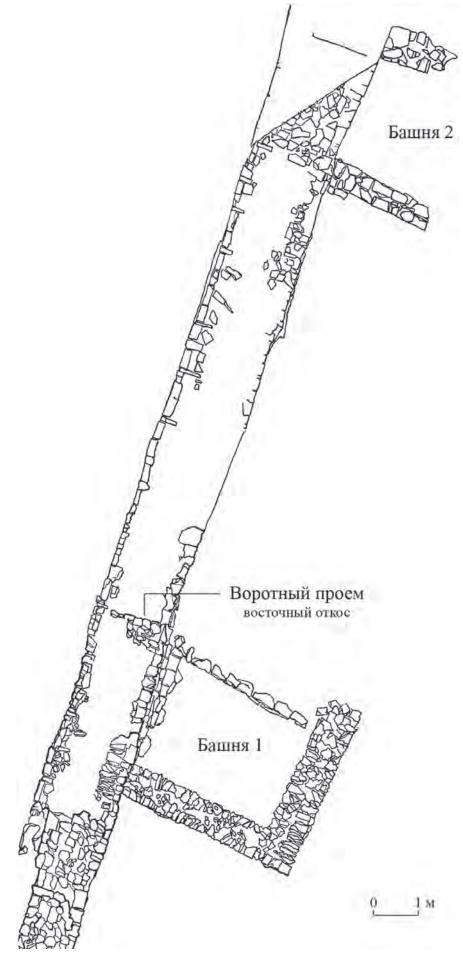

Рис. 36. Общий план крепостной стены и остатков привратных башен на участке куртины XV Судакской крепости.

Рис. 37. Общий вид башни 1 на участке куртины XV Судакской крепости.

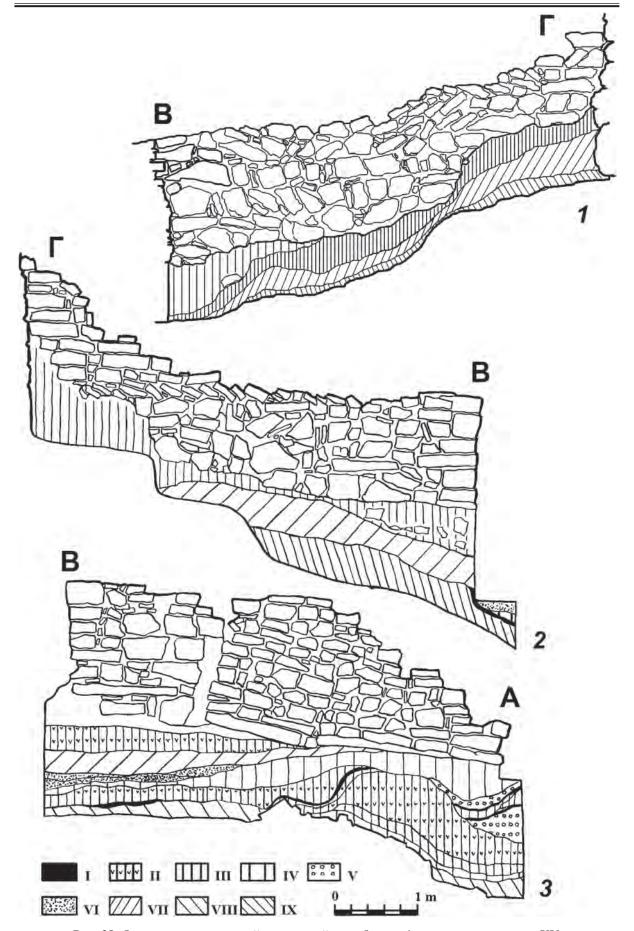
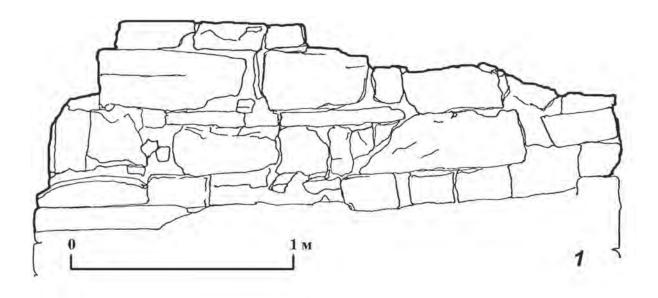

Рис. 38. Фассировки восточной и северной стен башни 1 на участке куртины XV.

I-слой углей и золы, II-слой серой глины с известью и золой, III-слой серой глины и углями и золой, IV-светло-коричневый слой, V-серо-коричневый слой с желтыми прослойками, VI-коричневый слой с золой и углями, VII-пепел и светло-коричневая глина, VIII-зеленоватая глина с углями, IX-слой второй половины XI в. -307-

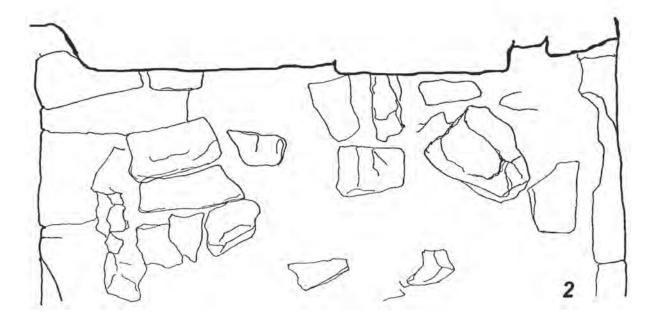

Рис. 39. Кладка восточного откоса и остатки вымостки воротного проема крепостной стены на участке куртины XV.

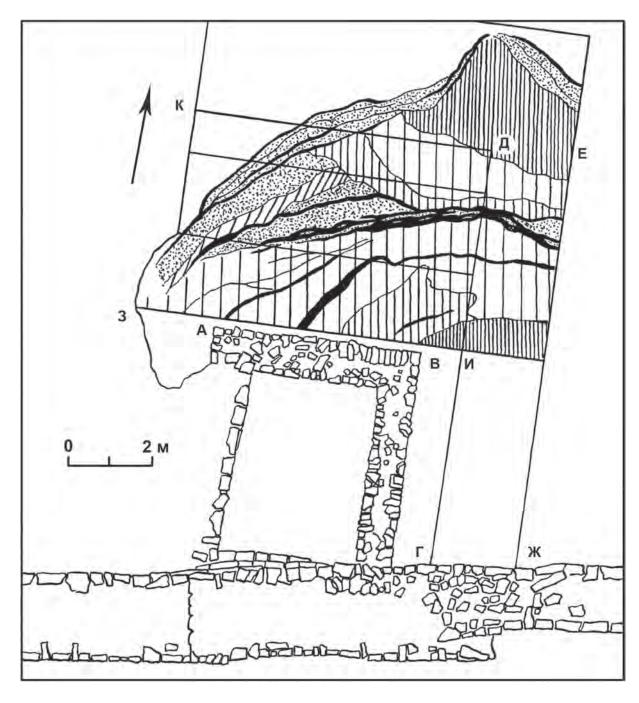

Рис. 40. План зольника на участке куртины XV Судакской крепости.

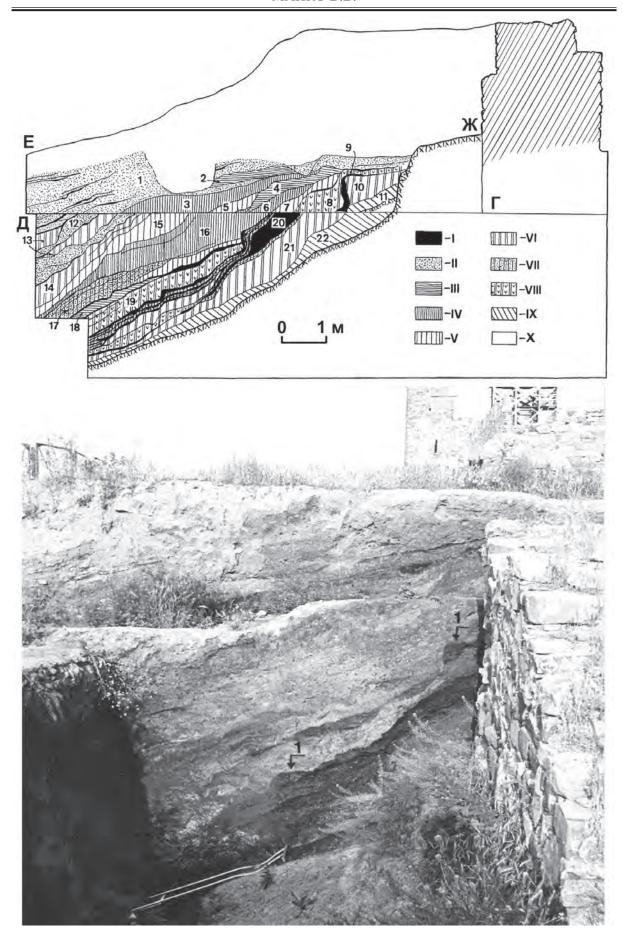

Рис. 41. Зольник Сугдеи. Стратиграфия восточного борта.

I-слои золы и углей; II- серый пепел смешанный с светло-коричневой глиной; III – светлая зола смешанная с серой глиной; IV – оранжевый с примесью печины; V-свелто-оранжевый с примесью песка и печины; VI-коричневый; VII- серо-коричневый с желтыми прослойками; VIII-желтый; IX- слой зеленоватой глины с углями; X- слой XIV в.

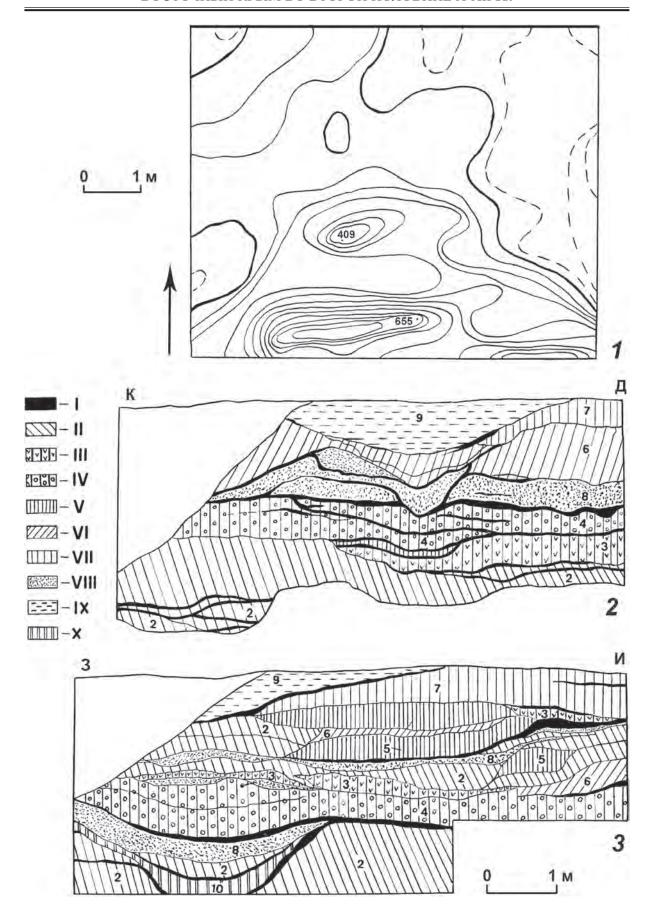

Рис. 42. Зольник Сугдеи. Магнитная съемка и стратиграфия северного борта раскопа.

I-слои золы и углей; II- серый пепел смешанный с светло-коричневой глиной; III – светлая зола смешанная с серой глиной; IV – оранжевый с примесью печины; V-свелто-оранжевый с примесью песка и печины; VI-коричневый; VII- серо-коричневый с желтыми прослойками; VIII-желтый; IX- слой зеленоватой глины с углями; X- слой XIV в.

Рис. 43. Общий вид юго-западной части Судакского зольника, перекрытого башней 1 на участке куртины XV Судакской крепости.

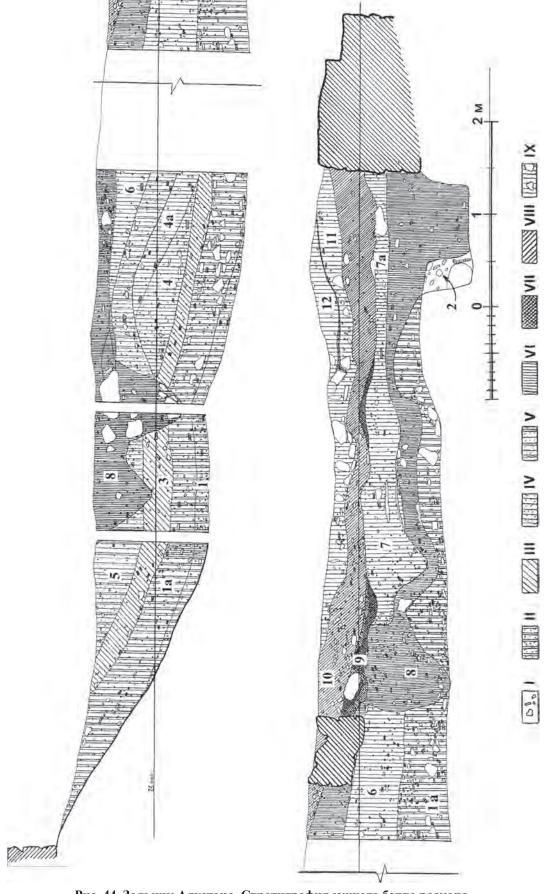

Рис. 44. Зольник Алустона. Стратиграфия южного борта раскопа.

I-предматериковый пере отложенный грунт; II-светло-коричневый грунт; III-светло-коричневый плотный грунт с сильным зеленым оттенком; IV-светло-коричневый грунт; V-светло-коричневый плотный зеленоватый грунт с известковой крошкой; VI-темно-красный рыхлый грунт; VIII-прокаленный грунт; VIII-светло-коричневый рыхлый грунт с красноватым оттенком; IX-светло-коричневый плотный грунт насыщенный камнем. -313-

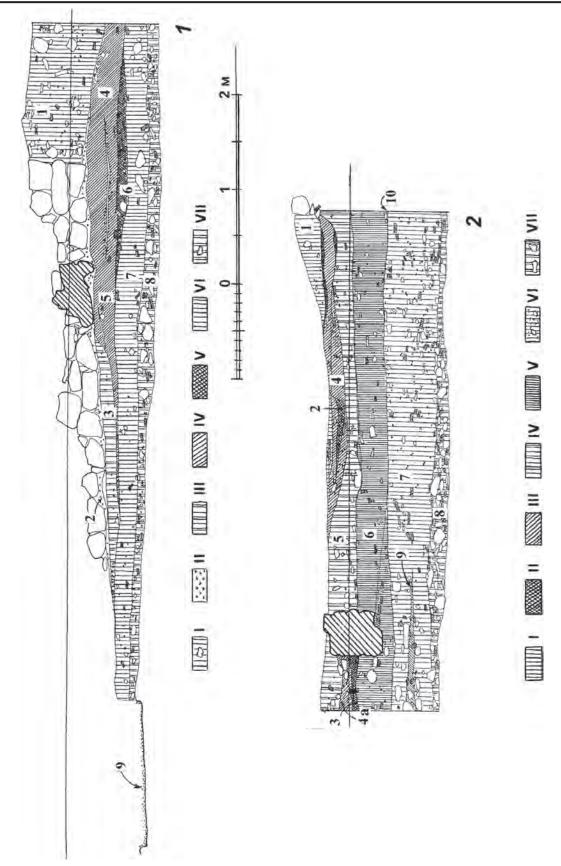

Рис. 45. Зольник Алустона. Стратиграфии южного и западного бортов раскопа 1.

- 1- Южный борт. І-уплотненный грунт с зоной прокала до красно-коричнево цвета; ІІ-зола с угольками; ІІІ-светло-серый золистый грунт с зеленым оттенком; ІV-серый уплотненный с зеленым оттенком грунт; V-прокаленный грунт с большим содержанием ракушек и керамики; VI-серый уплотненный с зеленым оттенком грунт с угольками; VII-глинистый слой насыщенный камнями.
- 2 Западный борт. І-светло-серый грунт с зеленым оттенком; ІІ-прокаленный грунт; ІІІ-светло-серый уплотненный грунт; ІV-светло-серый грунт с зеленым оттенком; V-светло-серый уплотненный грунт с фиолетовым оттенком; VI-светло-серый уплотненный грунт; VII-глинистый грунт насыщенный камнем.

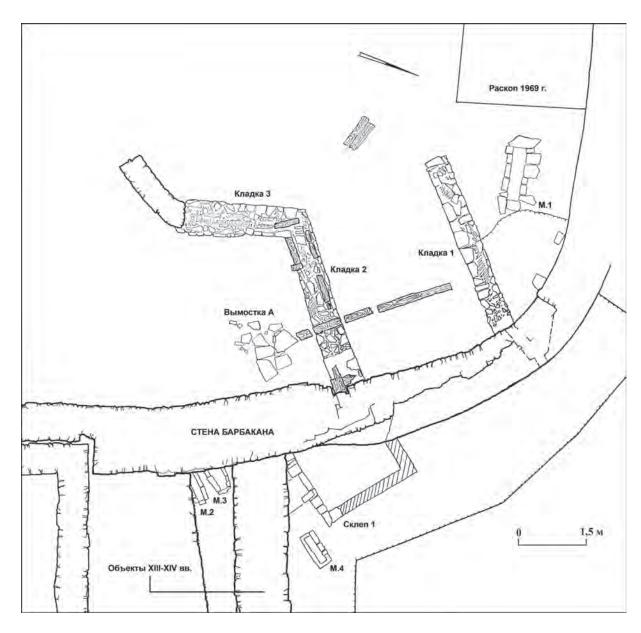

Рис. 46. Общий план объекта исследованного на участке барбакана средневековой Сугдеи.

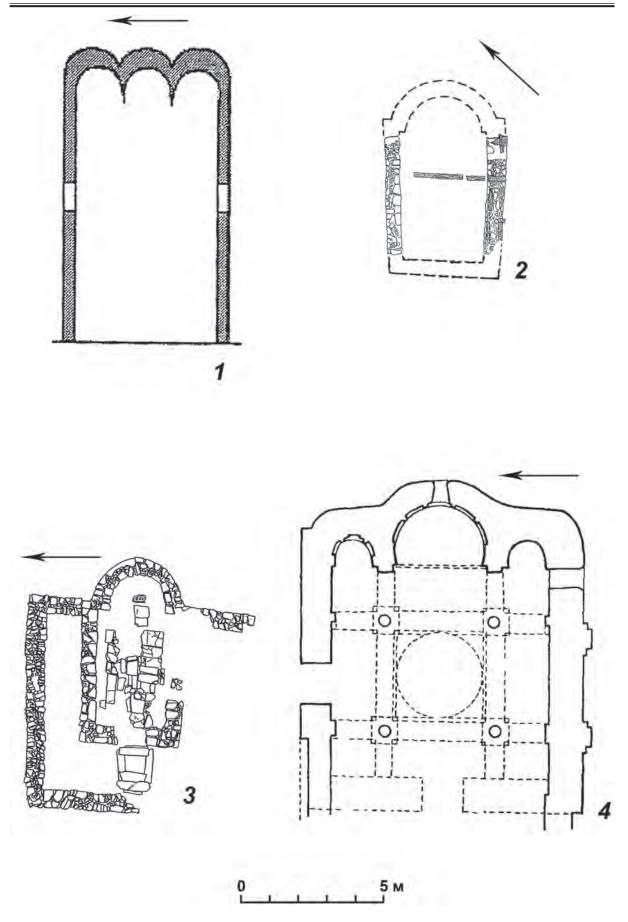

Рис. 47. Планы христианских храмов Восточного Крыма второй половины X-XII вв.

1 — храм «1833 г.» на Боспоре (по В.Е. Науменко, Л.Ю. Пономареву); 2 — условная реконструкция объекта на участке барбакана Сугдеи; 3 — храм с пристройкой на участке некрополя Судак-II; 4 — храм Иоанна Предтечи в Керчи (по Л.Ю. Пономареву).

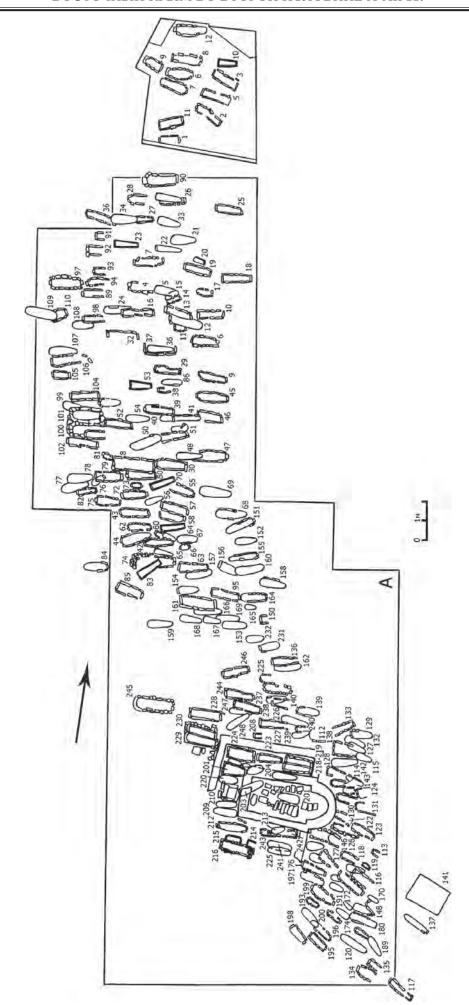
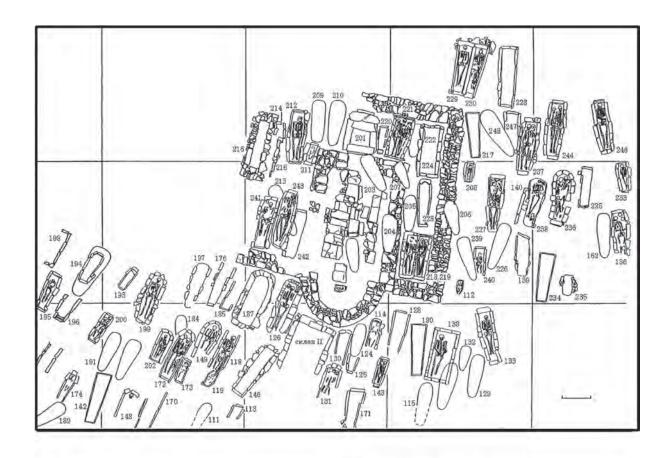

Рис. 48. Сводный план некрополя Судак-II.

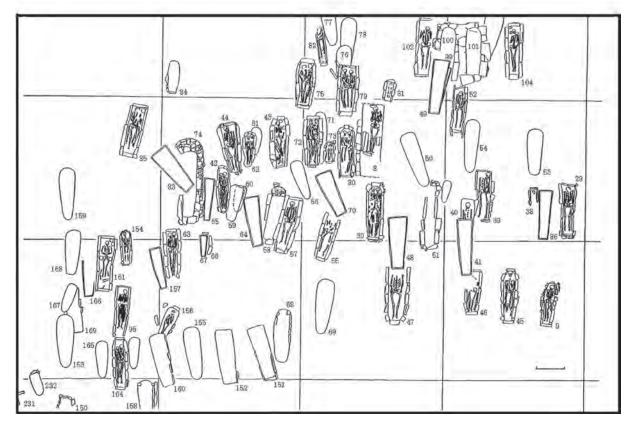

Рис. 49. Южный и центральный участки некрополя Судак-II.

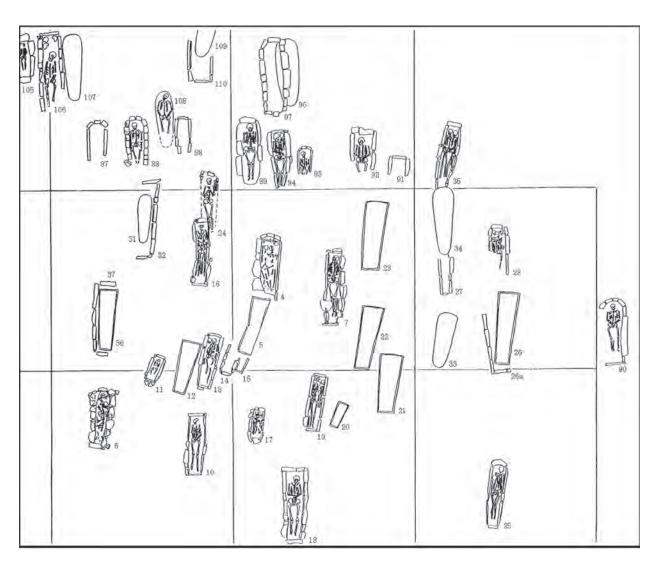

Рис. 50. Северный участок некрополя Судак-II.

Рис. 51. Общий вид центрального участка некрополя Судак-II.

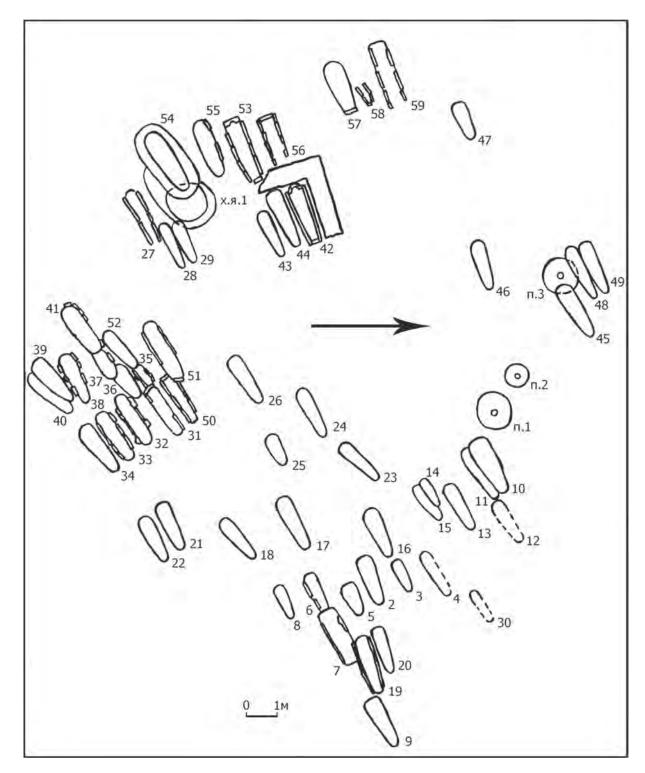
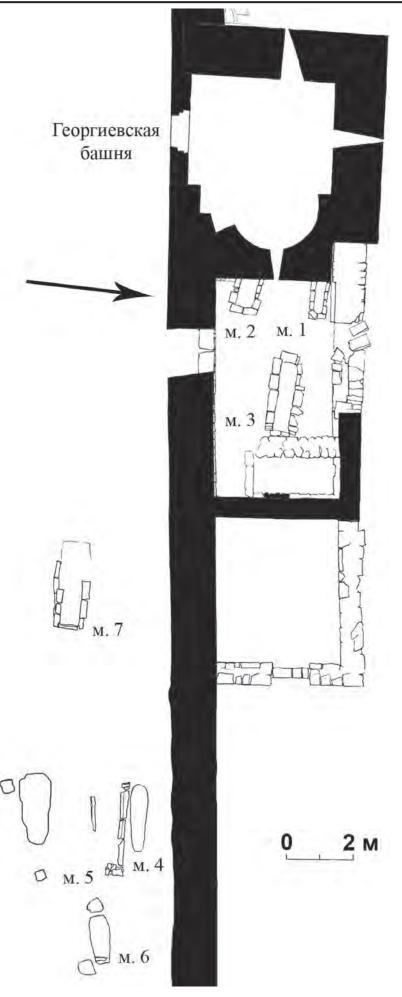

Рис. 52. Сводный план некрополя Судак-І.

-322 -

Рис. 53. Сводный план некрополя на участке цитадели Сугдеи.

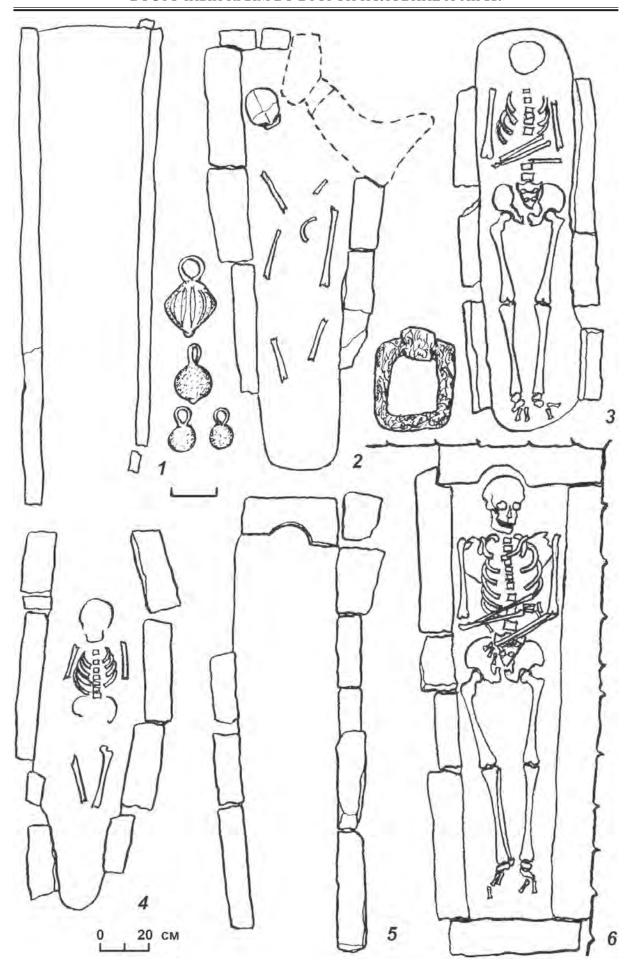

Рис. 54. Плитовые погребения некрополя Судак-І.

1 — м. 19; 2 — м. 50; 3 — м. 59; 4 — м. 27; 5 — м. 53; 6, 7 — м. 42; 8 — м. 56.

Рис. 55. Погребения 1 и 2 хронологических групп некрополя Судак-II.

1- мог. 218, 219; 2- мог. 229, 230; 3- мог. 224; 4- мог. 79; 5- мог. 100, 101.

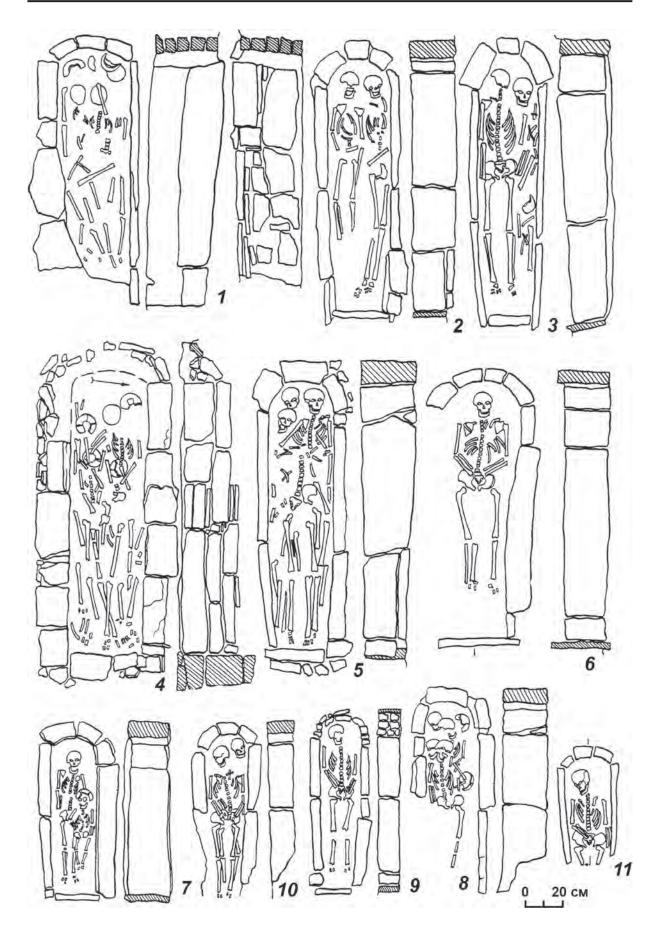

Рис. 56. Погребения 1-3 хронологических групп некрополя Судак-II.

1- мог. 4; 2- мог. 80; 3- мог. 172; 4- мог. 245; 5- мог. 30; 6- мог. 90; 7- мог. 202; 8- мог. 28; 9- мог. 154; 10- мог. 62; 11- мог. 93.

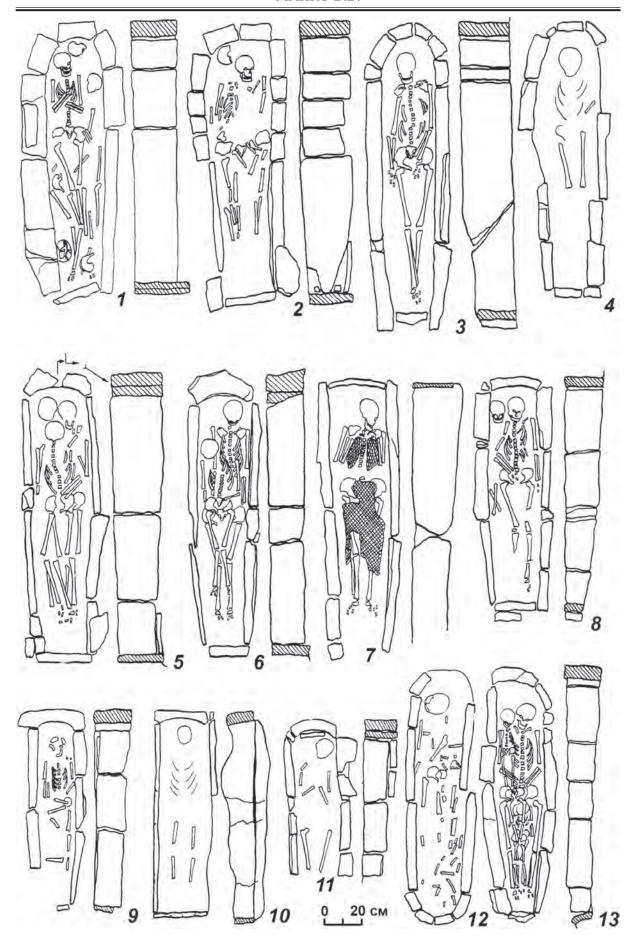

Рис. 57. Погребения 2 хронологической группы некрополя Судак-II.

1-мог. 43; 2-мог. 241; 3-мог. 251; 4-мог. 252; 5-мог. 249; 6-мог. 25; 7-мог. 95; 8-мог. 13; 9-мог. 266; 10-мог. 164; 11-мог. 114; 12-мог. 273; 13-мог. 42.

Рис. 58. Общий вид погребений второй и третьей хронологических групп некрополя Судак-II. 1 - м. 47; 2 - м. 62.

Рис. 59. Общий вид погребений второй хронологической группы некрополя Судак-II. -328- 1 — м. 80; 2 — перекрытие м. 90.

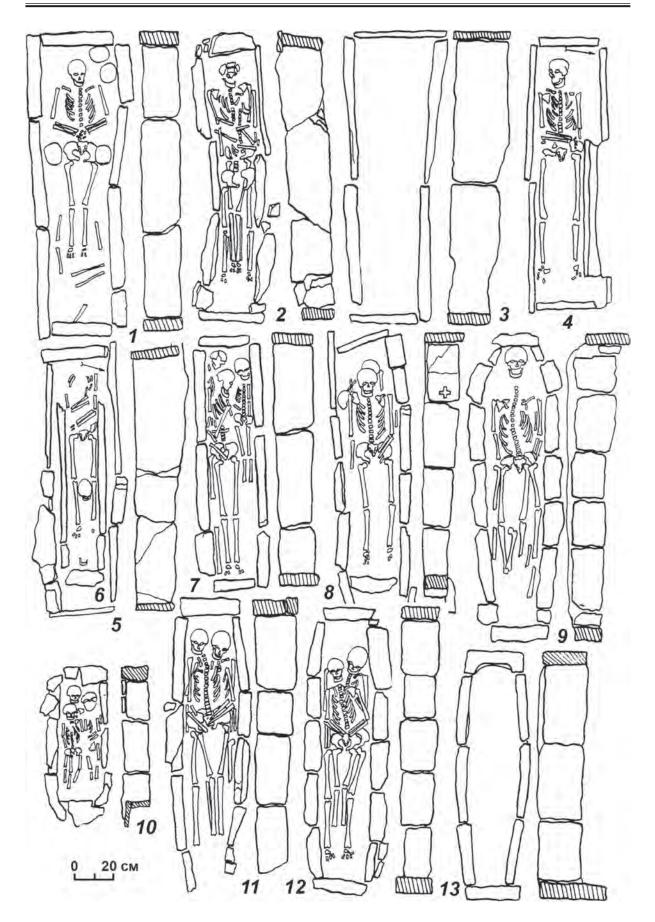

Рис. 60. Погребения 1-3 хронологических групп некрополя Судак-II.

1-мог. 161; 2-мог. 16; 3-мог. 262; 4-мог. 271; 6-мог. 10; 7-мог. 82; 8-мог. 19; 9-мог. 52; 11-мог. 17; 12-мог. 45; 13-мог. 164; 14-мог. 35; 15-мог. 223.

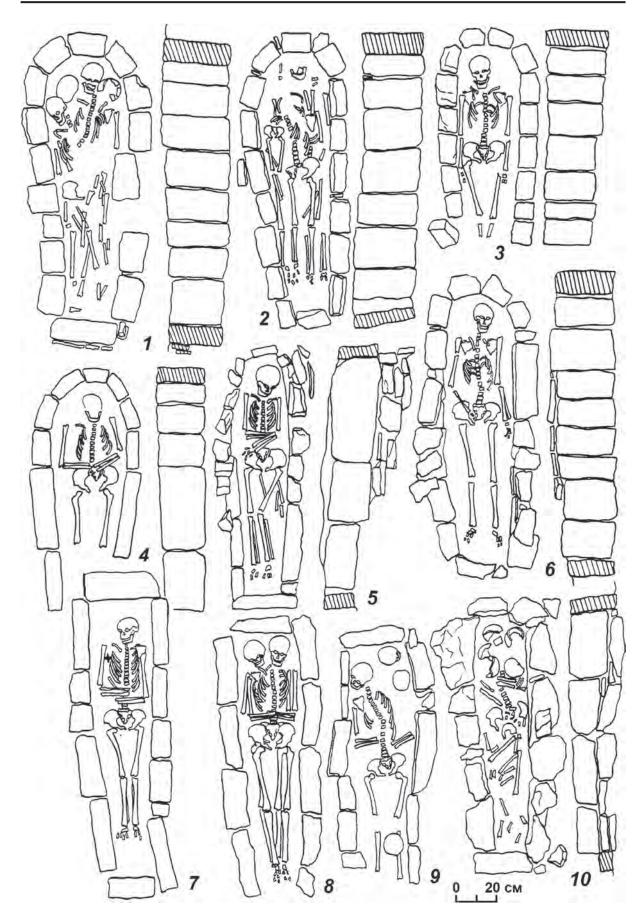

Рис. 61. Погребения 2 и 3 хронологических групп некрополя Судак-II.

1 – мог. 236; 2 – мог. 5 (некрополь у куртины XV Судакской крепости); 3 – мог. 88; 4 – мог. 149; 5 – мог. 9; 6 – мог. 199; 7 – мог. 133; 8 – мог. 63; 9 – мог. 136; 10 – мог. 6.

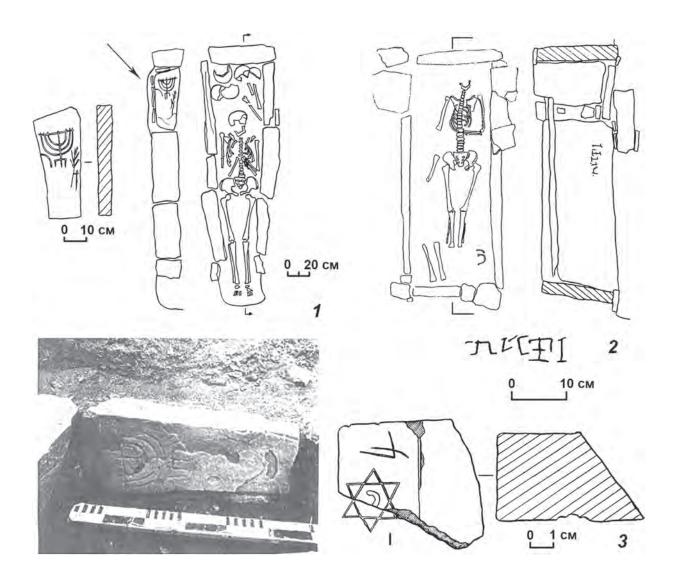

Рис. 62. Иудейские элементы в погребальном обряде жителей Сугдеи второй половины X-XII вв. 1 – м. 227 некрополя Судак-II; 2 – м. 1 некрополя Судак-IV, нижний ярус погребений и фассировка стенки обкладки могилы с надписью; 3 – с внутренней стороны куртины XV Судакской крепости.

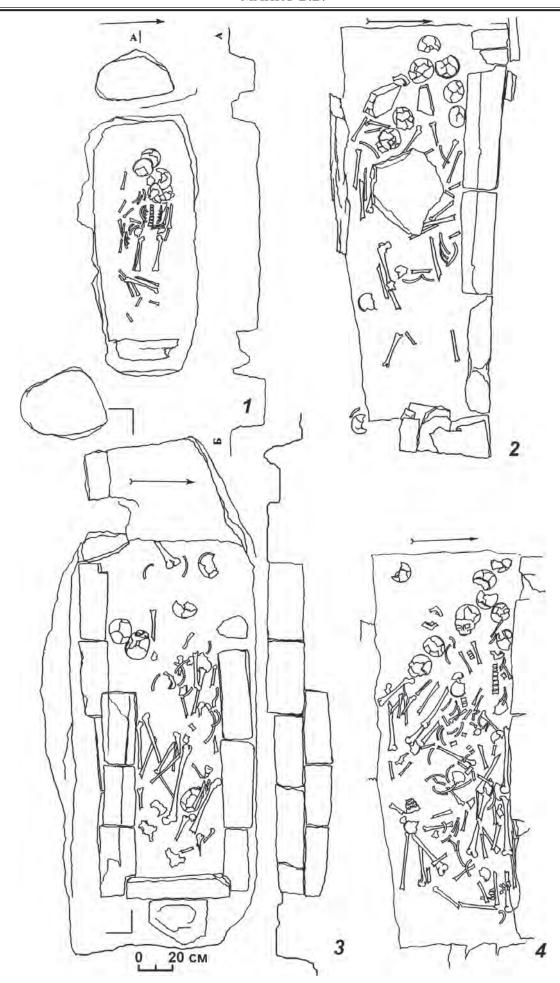

Рис. 63. Планы погребений некрополя на территории цитадели средневековой Сугдеи. 1 – м. 6; 2 – м. 5 ярус 1; 3 – м. 7 ярус 1; 4 – м. 5 ярус 2.

Рис. 64. Общий вид погребения № 7 и № 6 некрополя на территории цитадели средневековой Сугдеи.

- 333 -

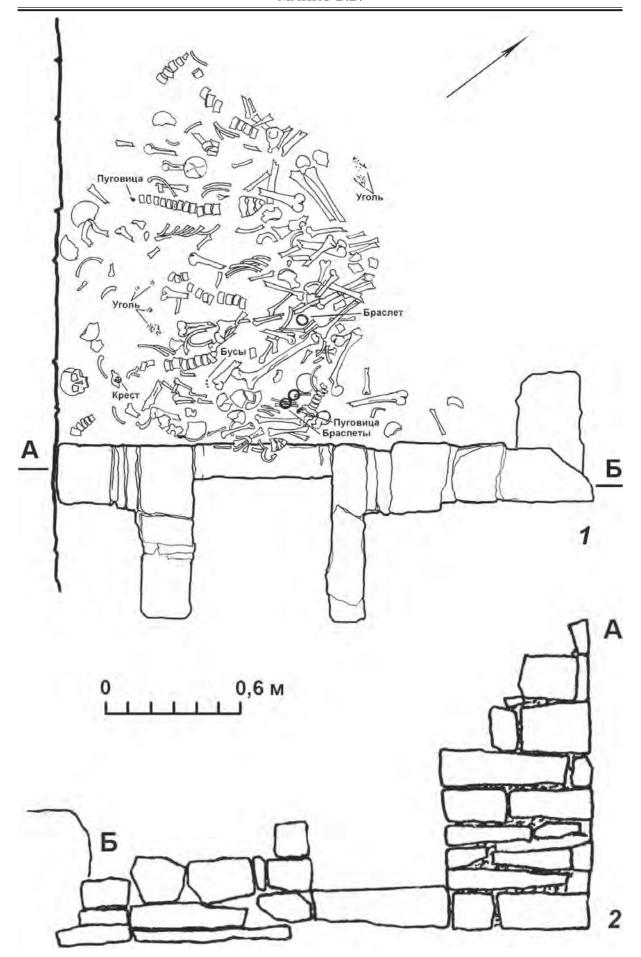

Рис. 65. План и фассировка стены каменного склепа на участке барбакана Судакской крепости. (по И.А. Баранову)

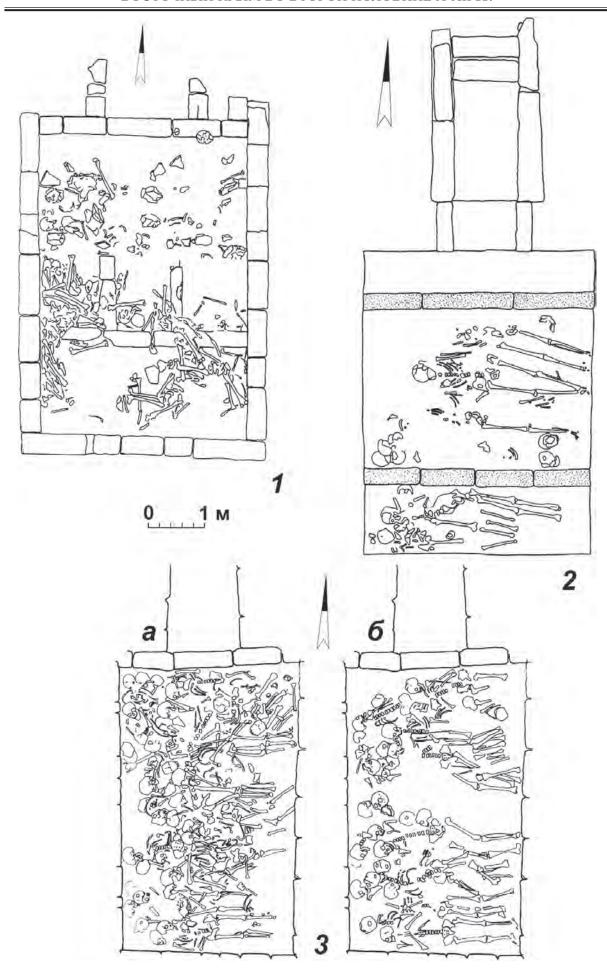

Рис. 66. Планы склепов на участке куртины XIV Судакской крепости. Погребения верхних ярусов.

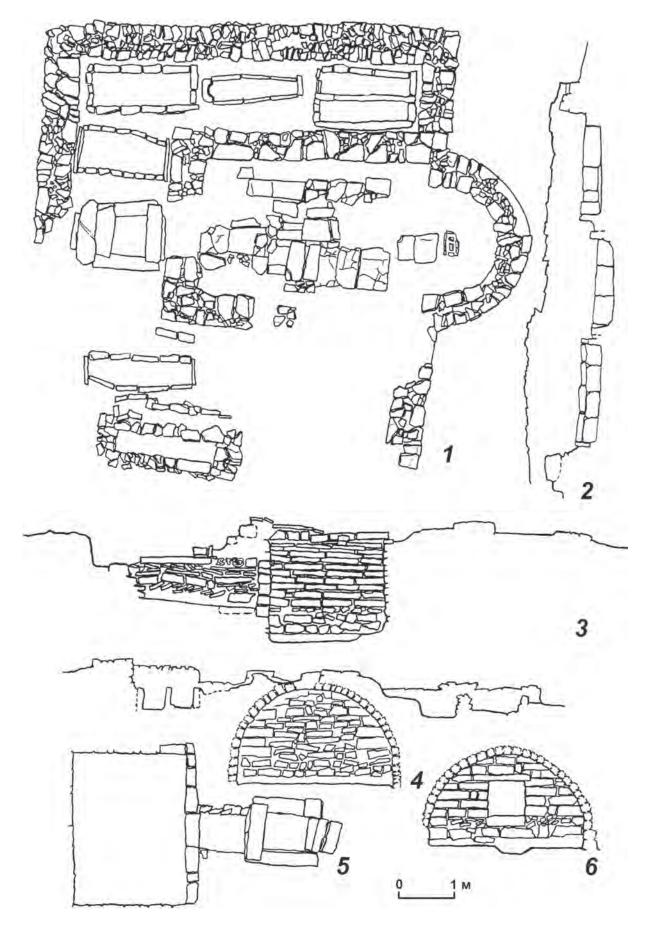

Рис. 67. План первоначального храма и склепа на территории некрополя Судак-II.

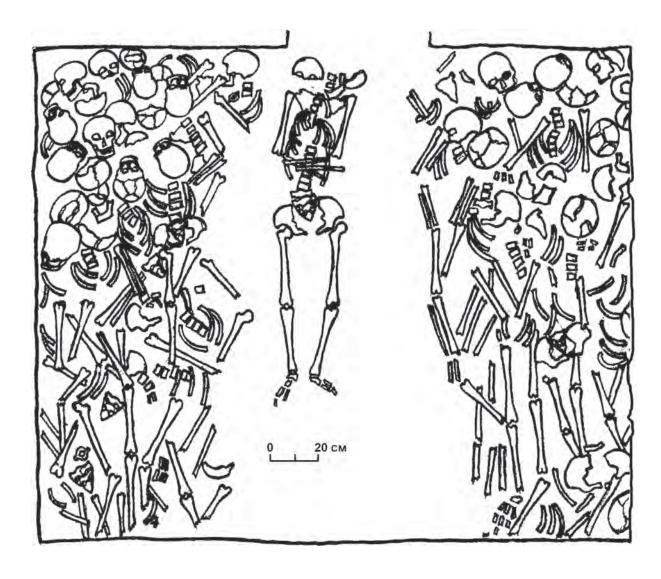

Рис. 68. Погребения нижнего яруса склепа на территории некрополя Судак-II.

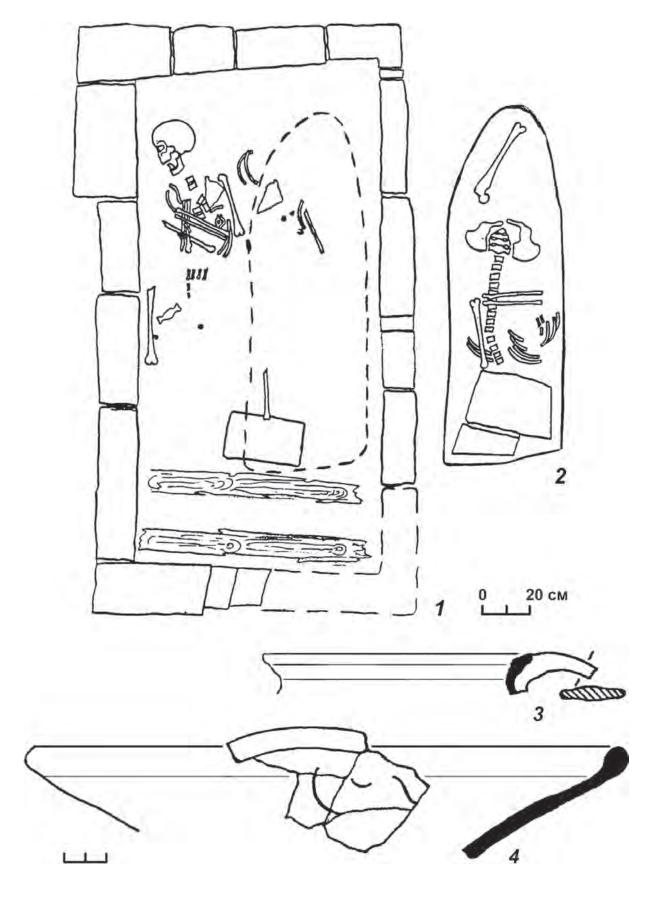

Рис. 69. План наиболее поздних погребений склепа на территории некрополя Судак-VI и керамика второй половины X-XII вв. из заполнений могил.

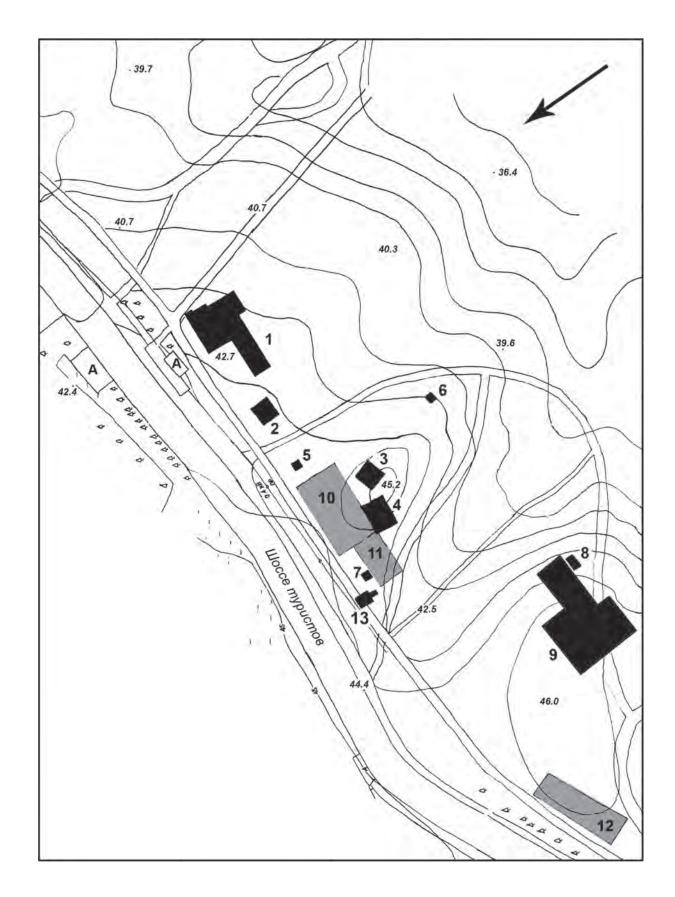

Рис. 70. Сводный план раскопов 1978-2008 гг. на территории некрополя Судак-IX. 1-12 — номера раскопов и шурфов; 13 — раннесредневековый склеп, раскопанный М.А. Фронджуло.

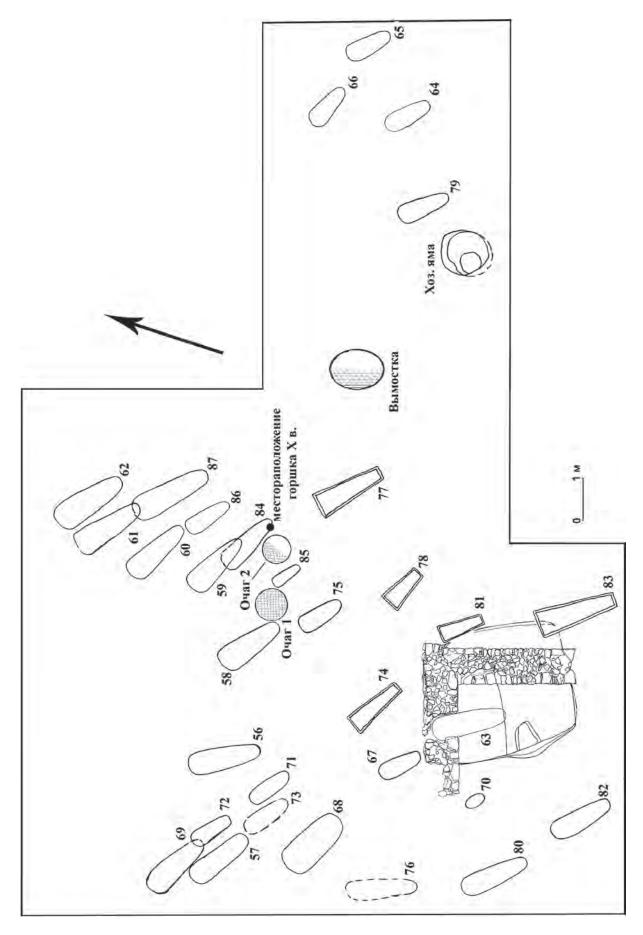

Рис. 71. Сводный план северо-западного участка некрополя Судак-IX.

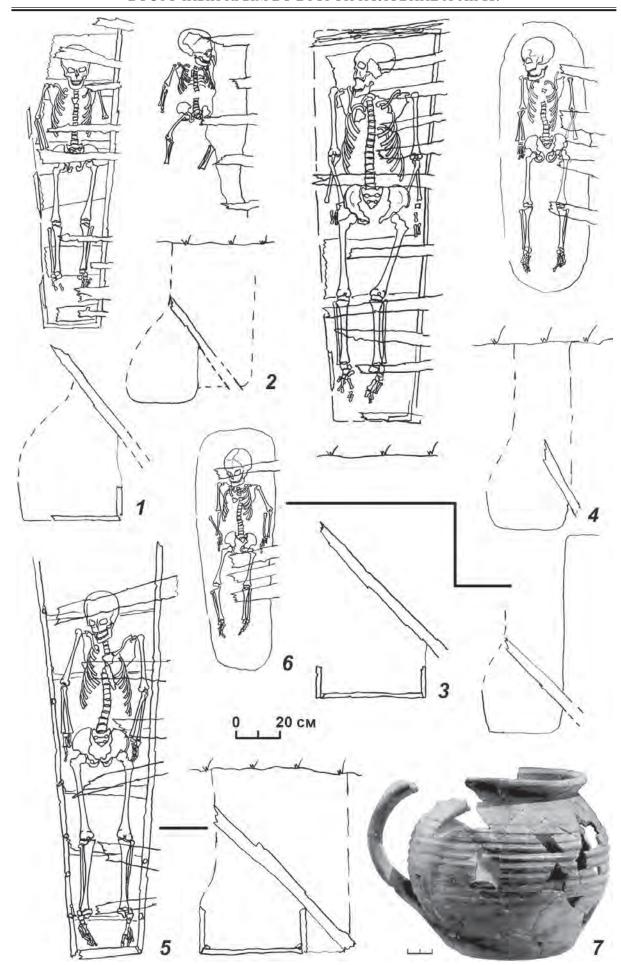

Рис. 72. Планы и разрезы погребений некрополя Судак-IX в подбойных могилах с деревянными конструкциями.

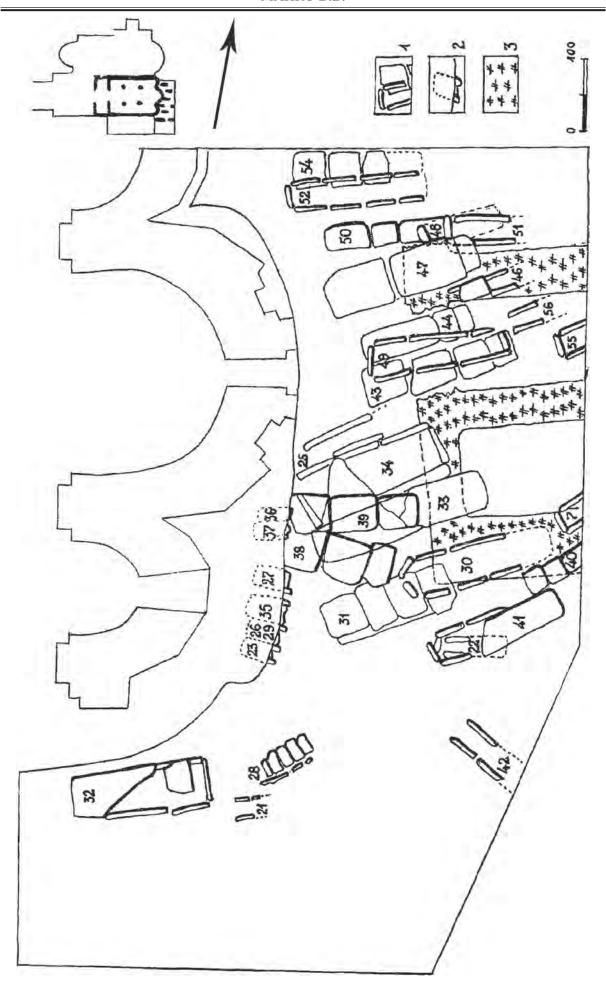

Рис. 73. План некрополя церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Участок возле абсид. (по Т.И. Макаровой).

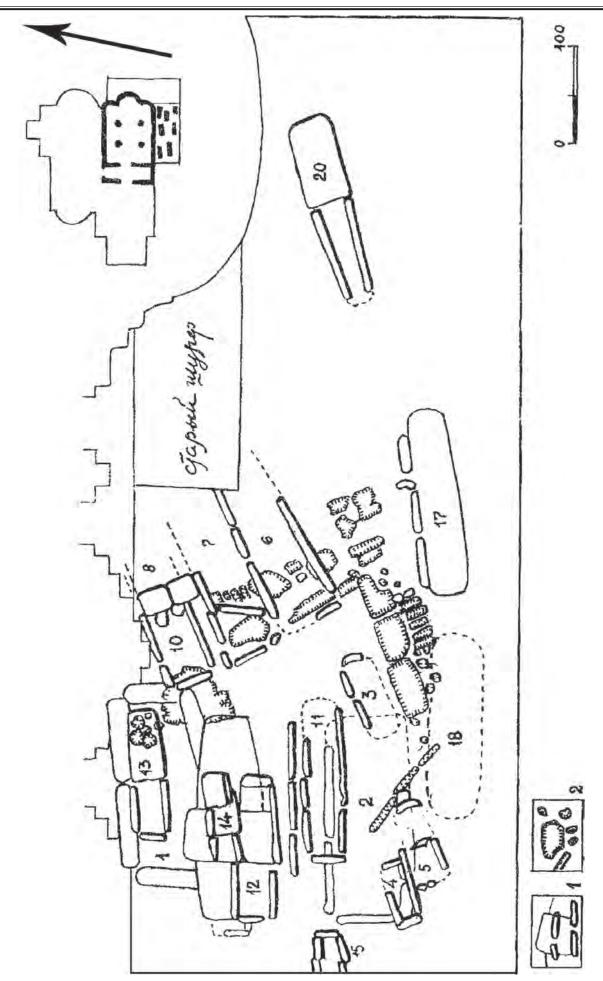

Рис. 74. План некрополя церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Участок у южной стены. (по Т.И. Макаровой). -343-

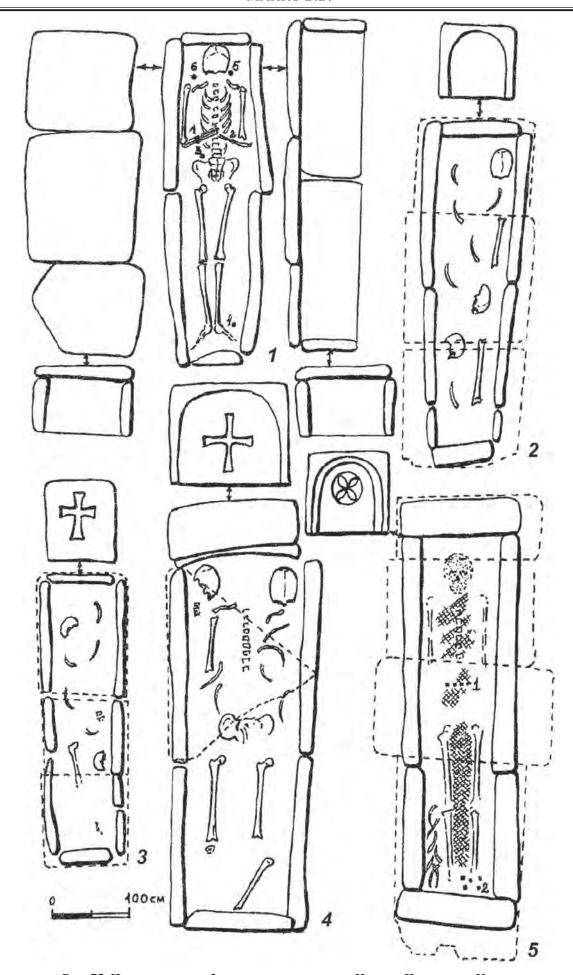

Рис. 75. Плитовые погребения некрополя храма Иоанна Предтечи в Керчи.

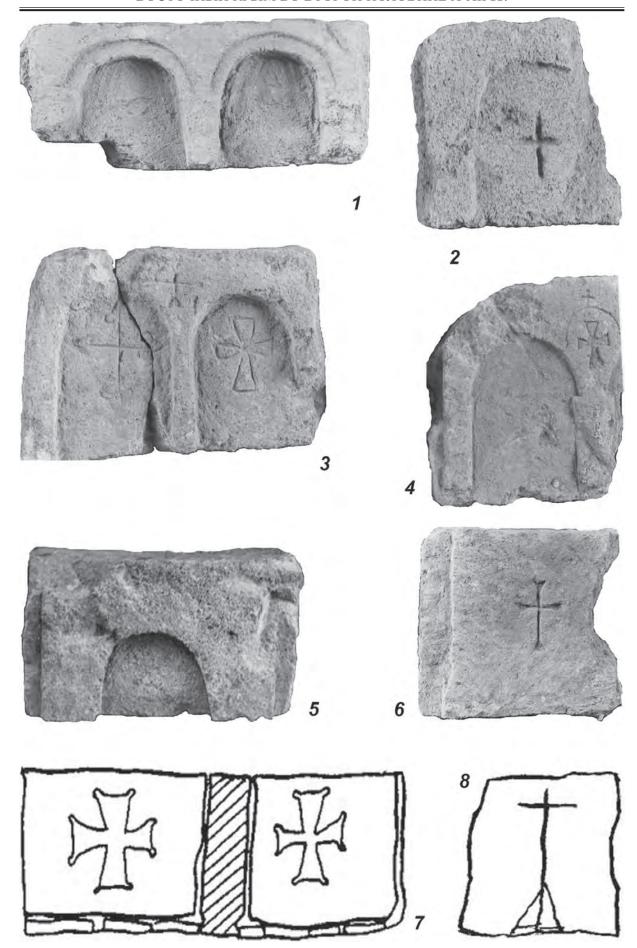

Рис. 76. Камни изголовья плитовых могил с нишами с внутренней стороны из некрополей Боспора и Сугдеи.

1-6 – Боспор; 7 – некрополь Судак-II; 8 – некрополь Судак-VII.

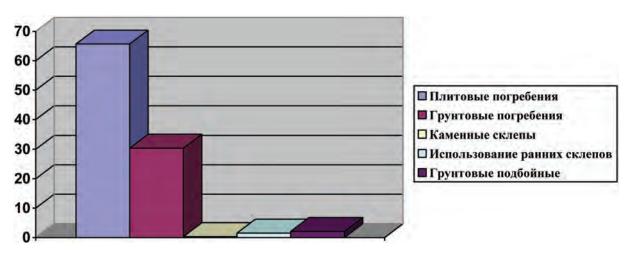

Рис 77. Основные виды обрядовой практики населения юго-восточного Крыма второй половины X-XII вв.

Рис. 78. Диаграмма основных вариантов погребального обряда без повторного проникновения в могилу и со следами повторного проникновения без нарушения анатомического порядка предшествующих погребений некрополя Судак-II.

Рис. 79. Диаграмма основных вариантов погребального обряда со следами повторного проникновения и частичным или полным нарушением анатомического порядка предшествующих погребений некрополя Судак-II.

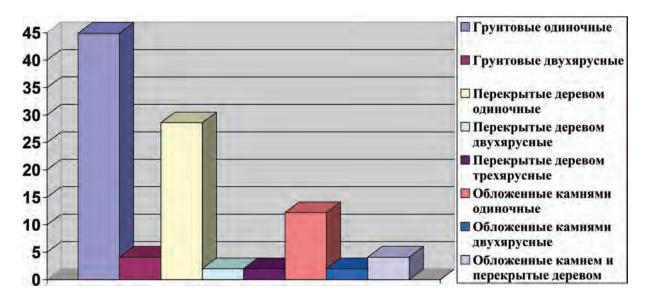

Рис. 80. Основные типы грунтовых могил некрополя Судак-II.

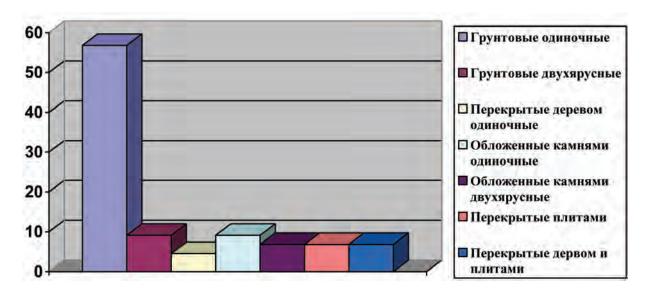
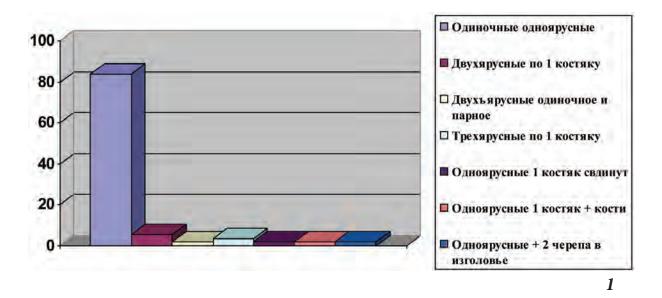

Рис. 81. Основные типы грунтовых могил некрополя Судак-І.

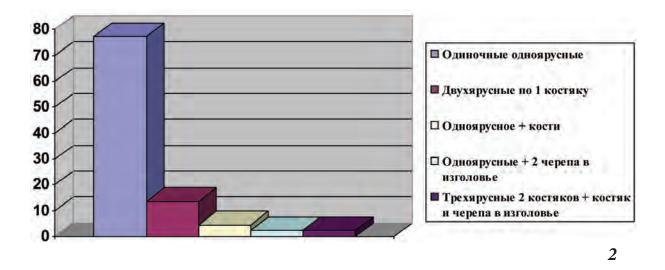

Рис. 82. Основные типы погребального обряда грунтовых могил некрополя Судак-II (1) и Судак-I (2).

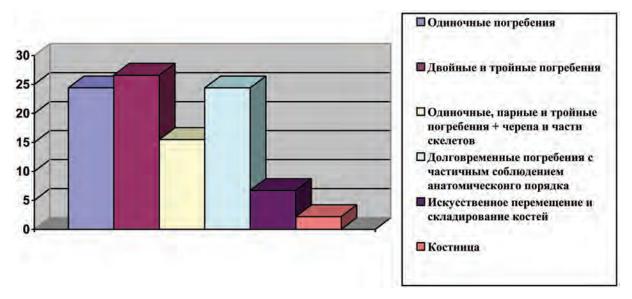

Рис. 83. Основные типы погребального обряда ярусов плитовых погребений некрополя у с. Верхняя Голубинка.

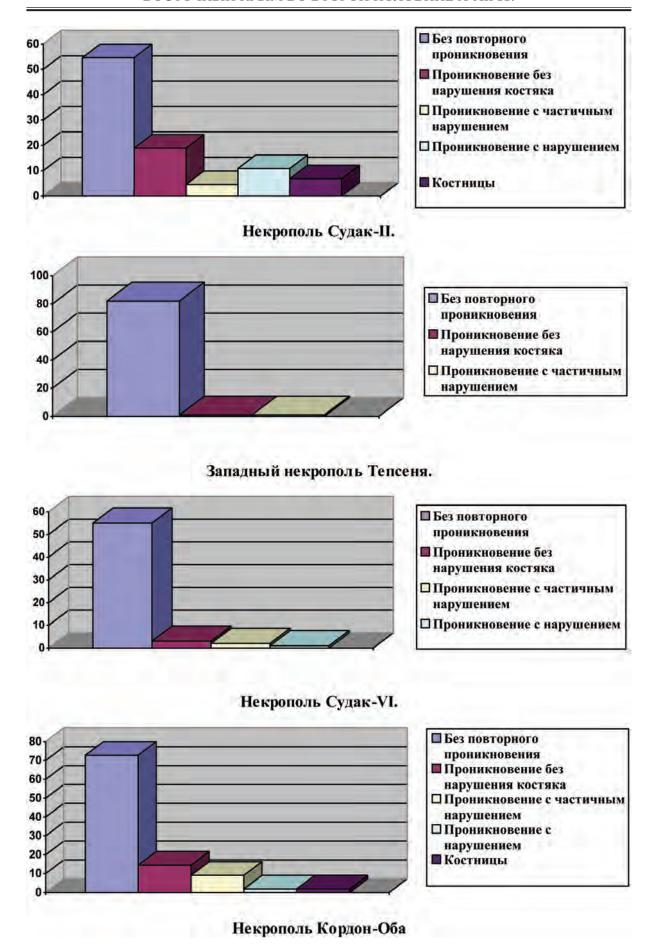

Рис. 84. Диаграмма основных типов погребального обряда некрополя Судак-II и салтово-маяцких некрополей юго-восточного Крыма (Тепсень, Судак-VI, Кордон-Оба).

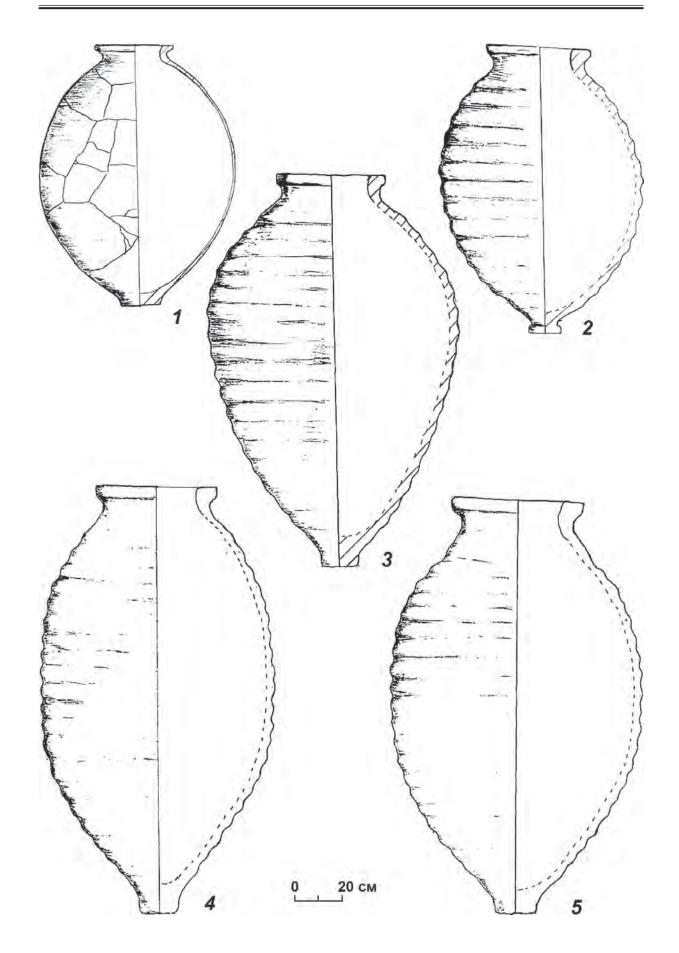

Рис. 85. Красноглиняные пифосы из помещения 1 на участке т.н. квартала I средневековой Сугдеи. (по Е.А. Айбабиной)

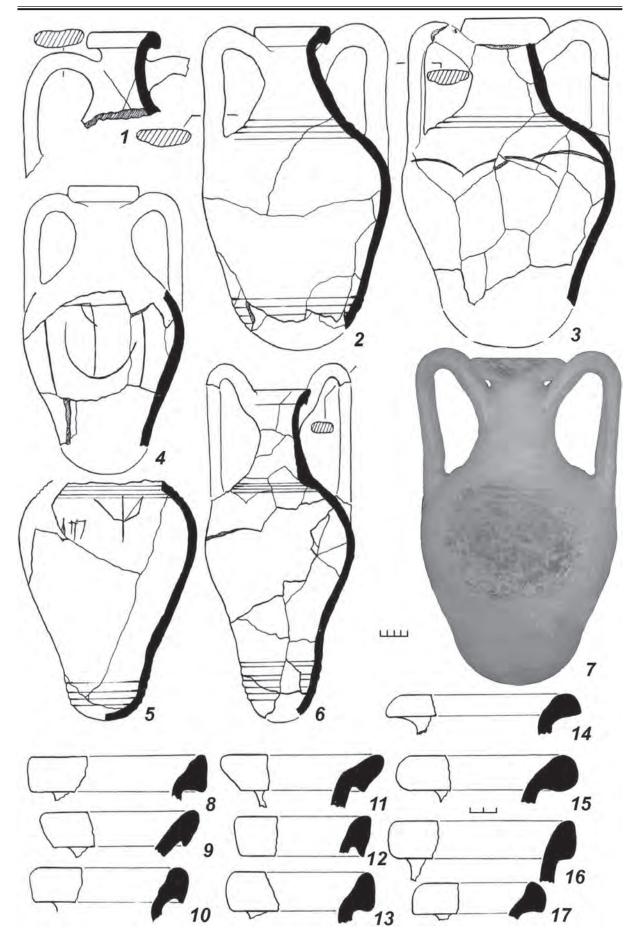

Рис. 86. Основные варианты «воротничковых» амфор из археологических комплексов средневековой Сугдеи и Боспора.

1-6,8-17 — Сугдея; 7 — Боспор, подводные исследования.

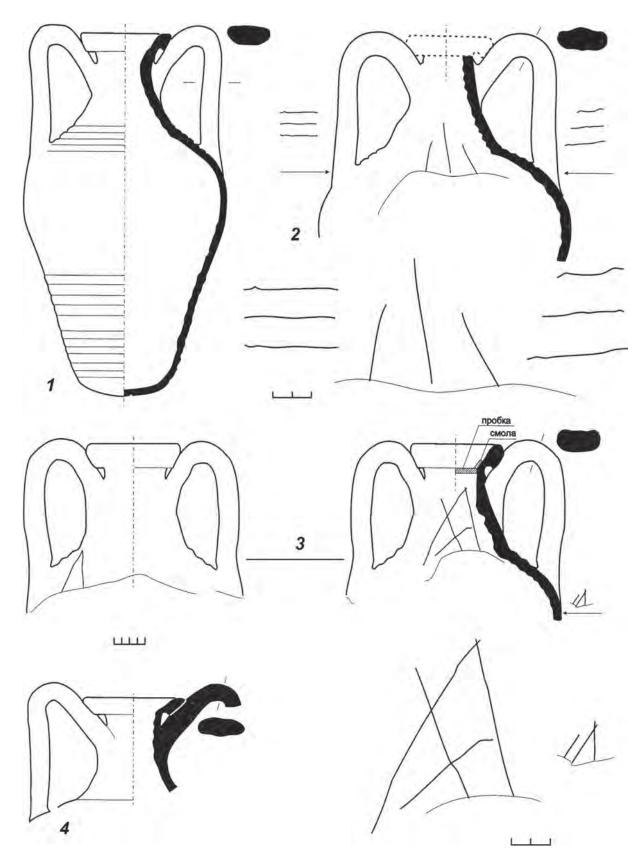

Рис. 87. «Воротничковые» амфоры из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет. (по С.М. Зеленко)

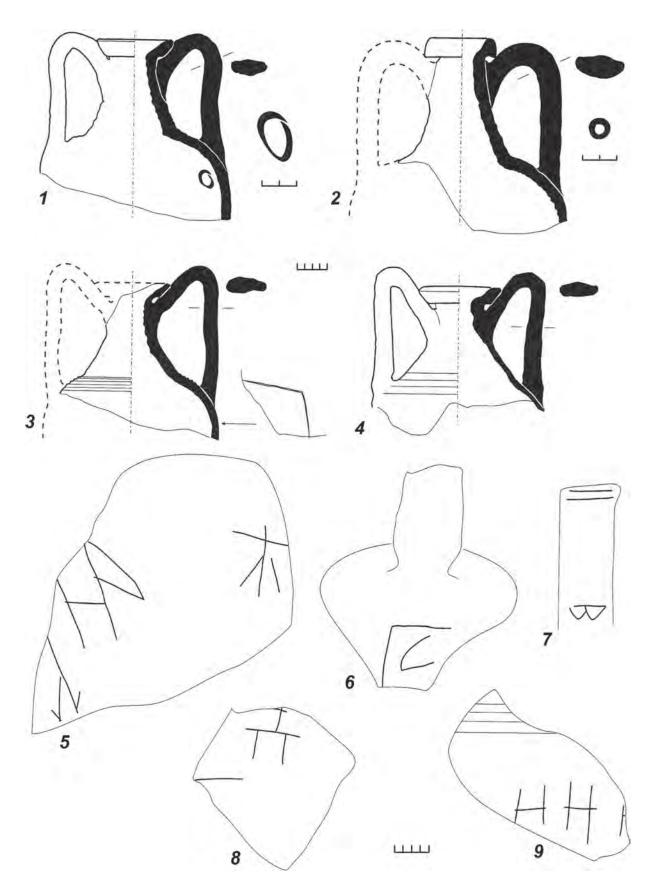

Рис. 88. «Воротничковые» амфоры, в том числе с клеймами, из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет.

(по С.М. Зеленко)

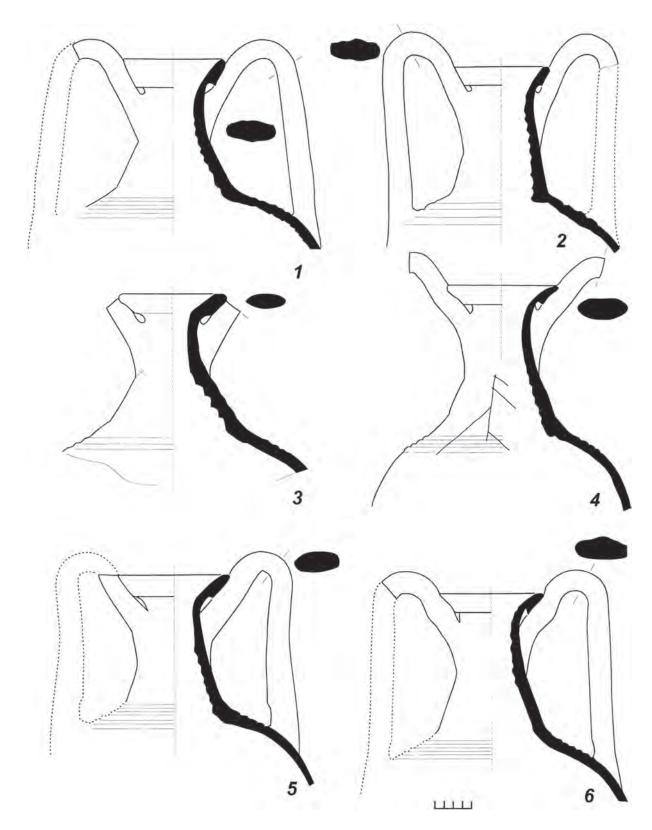

Рис. 89. «Воротничковые» амфоры из кораблекрушения вблизи мыса Меганом.

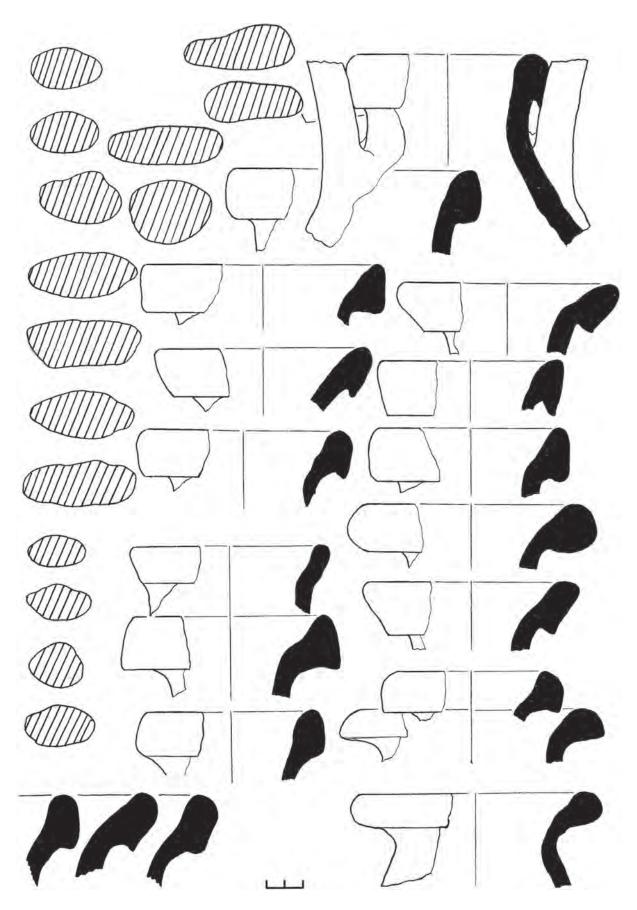

Рис. 90. Профилировки венчиков и ручек «воротничковых» амфор из зольника Сугдеи.

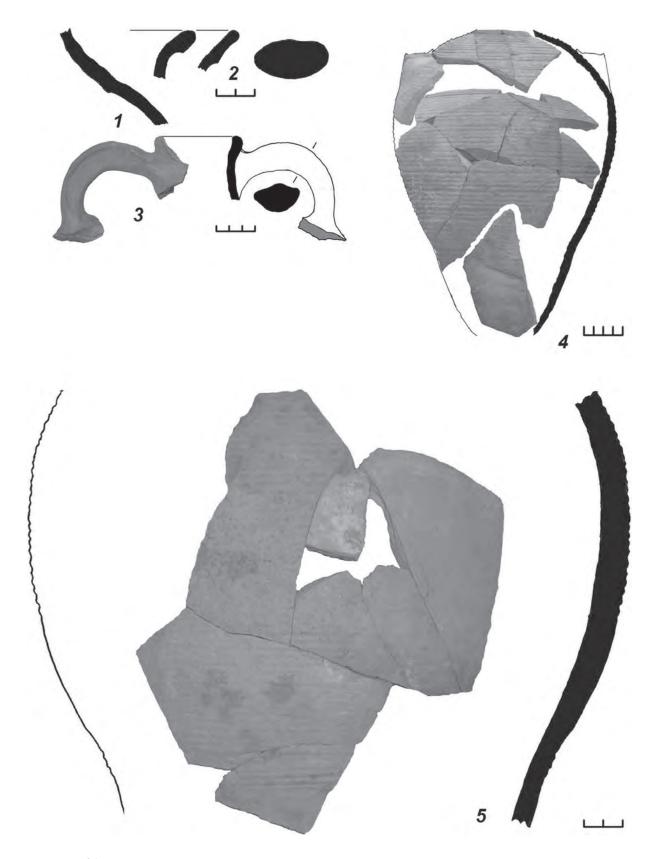

Рис. 91. «Воротничковые» амфоры позднего варианта и «сфероемкостные» из заполнения помещения A на раскопе VI в портовой части Сугдеи.

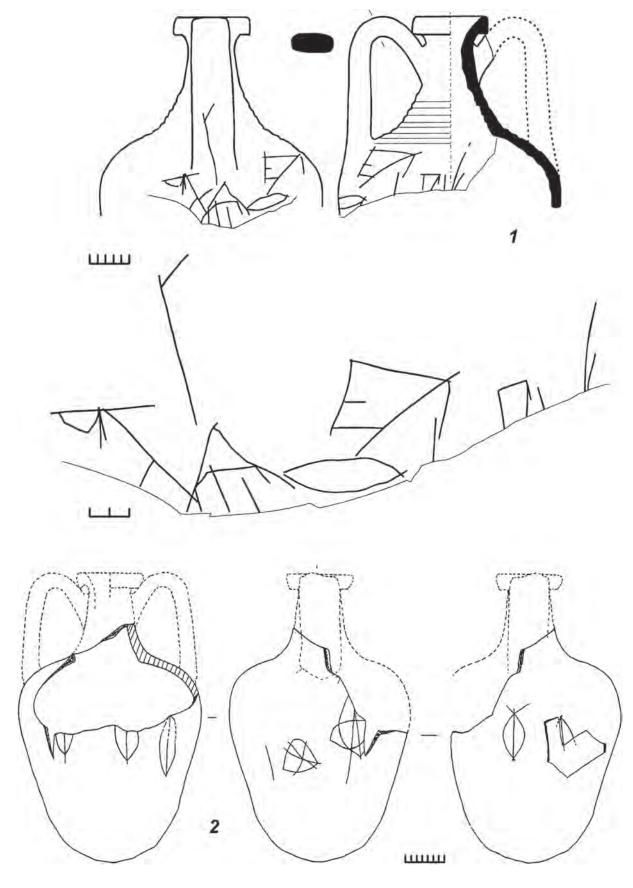

Рис. 92. Граффити на «воротничковых» амфорах.

1 – из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет; 2 – из раскопок средневекового Боспора. (по С.М. Зеленко и А.Б. Занкину).

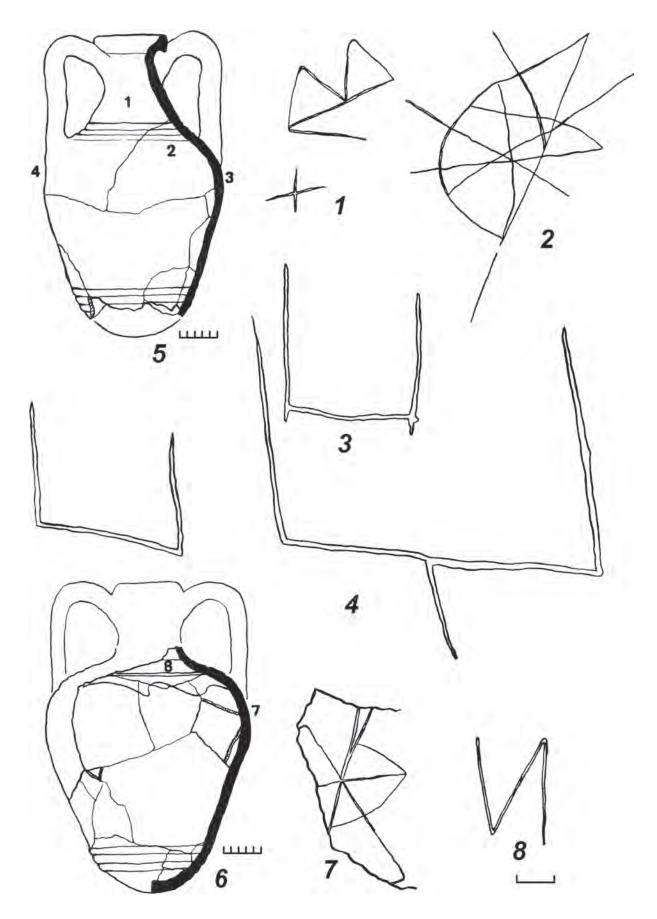

Рис. 93. Граффити на «воротничковых» амфорах из заполнения жилого дома на раскопе V в портовой части Сугдеи.

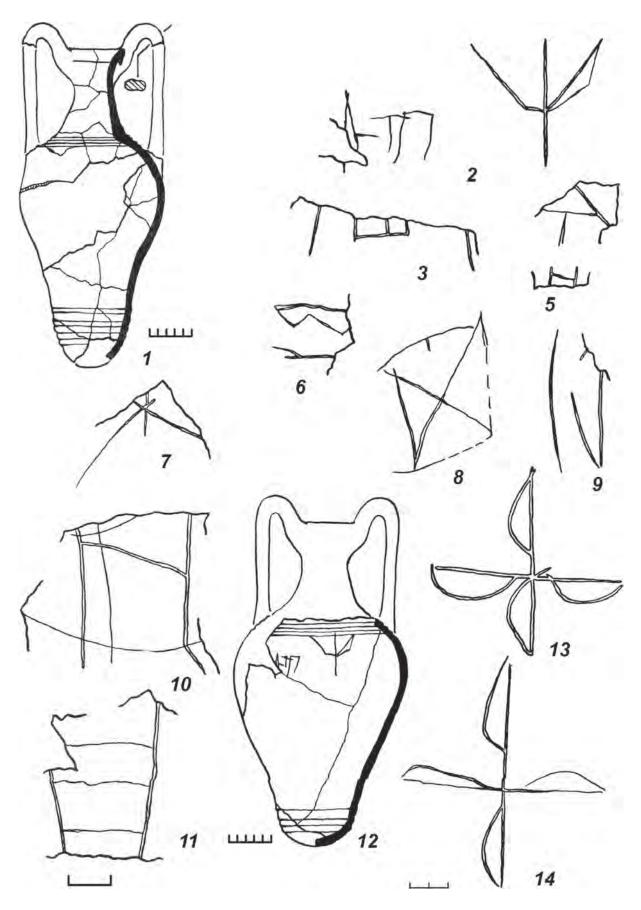

Рис. 94. Граффити на «воротничковых» амфорах из раскопок средневековой Сугдеи.

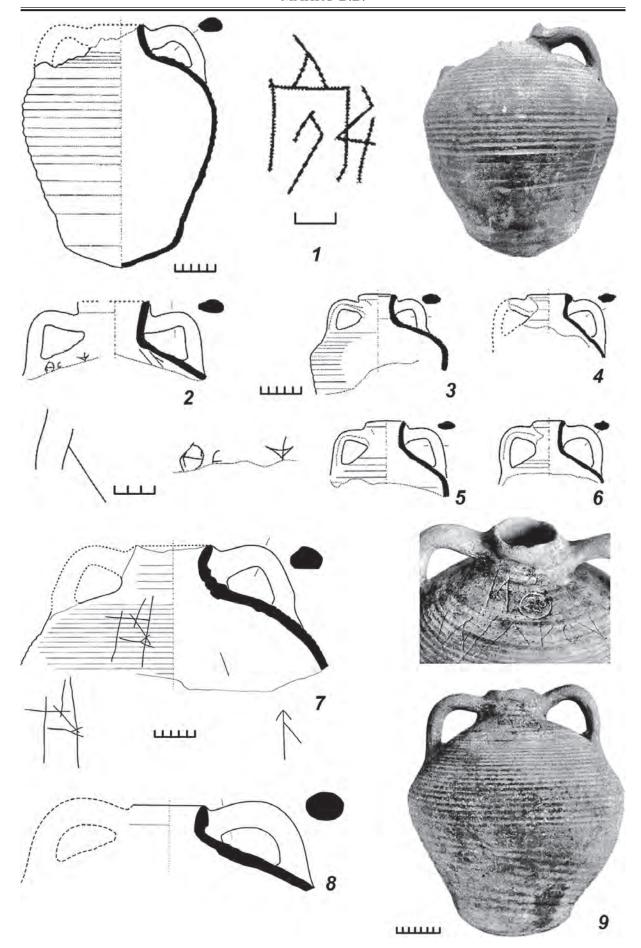

Рис. 95. «Сфероемкостные» амфоры из кораблекрушений близ средневековой Сугдеи.

1-6 — кораблекрушение в бухте пос. Новый Свет; 7,8 — кораблекрушение близ мыса Меганом; 9 — из подводных исследований Сугдеи.

(по С.М. Зеленко).

− 362 **−**

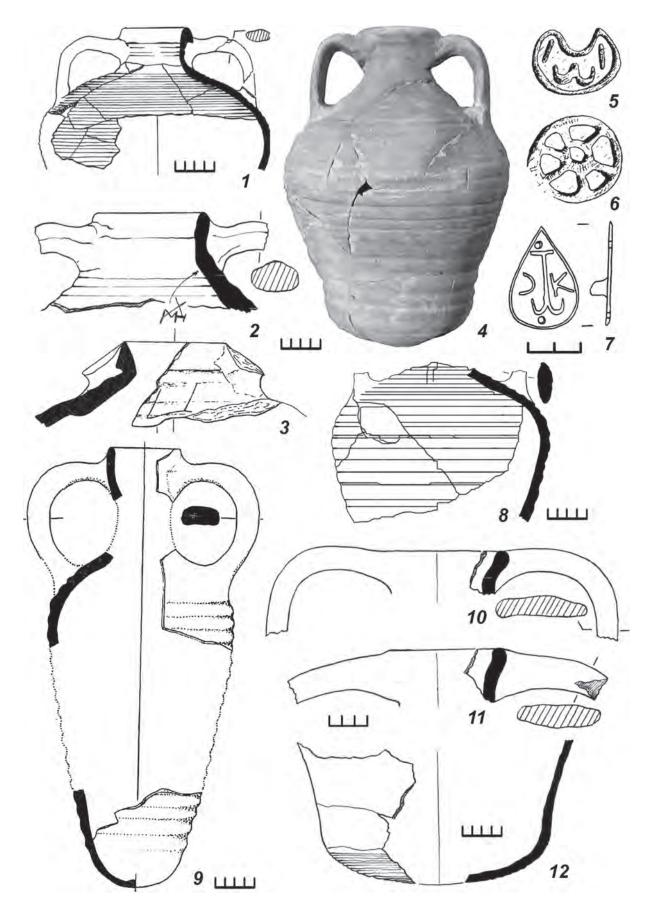

Рис. 96. «Сфероемкостные», светлоглиняные и конусовидные византийские амфоры из археологических комплексов средневековой Сугдеи.

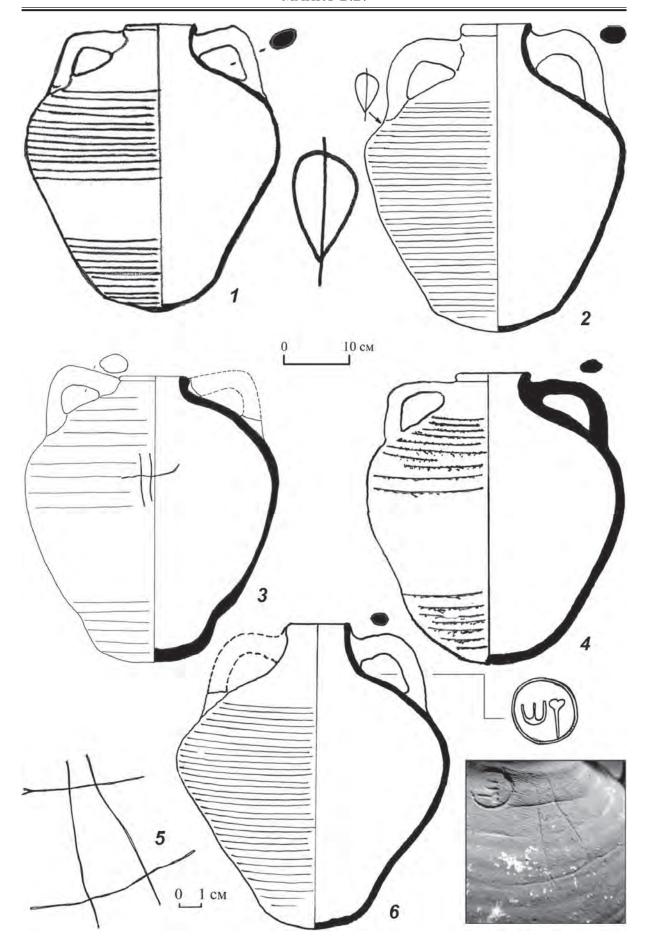

Рис. 97. «Сфероемкостные» амфоры из подводных исследований средневекового Боспора и его округи.

(по Л.Ю. Пономареву и Д.В. Бейлину).

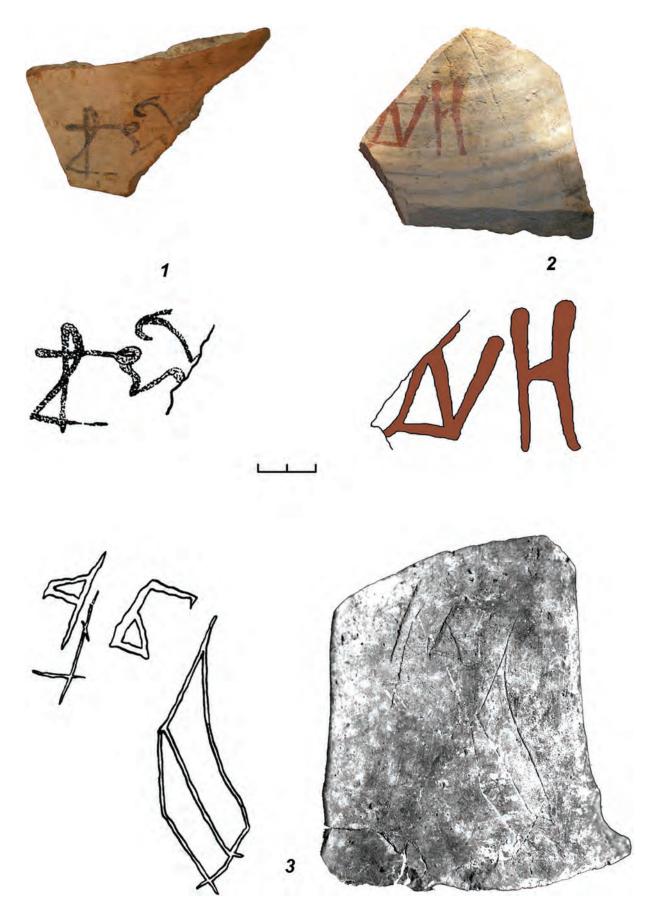

Рис. 98. Дипинти на «воротничковых» амфорах и граффити в виде славянских букв на светлоглиняной амфоре из археологических комплексов Сугдеи.

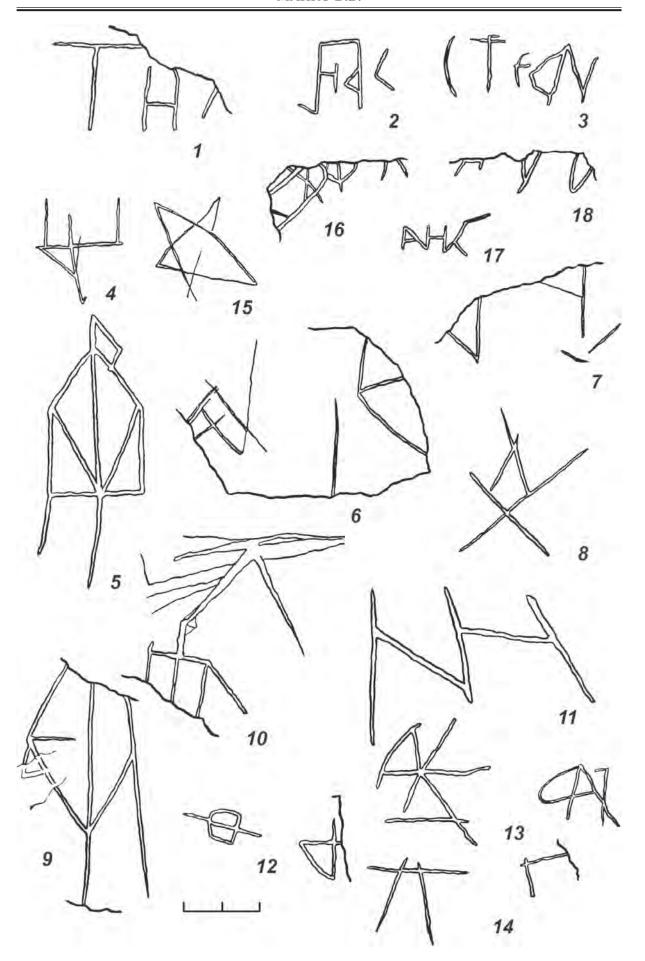

Рис. 99. Граффити на «воротничковых» амфорах из раскопок средневековой Сугдеи.

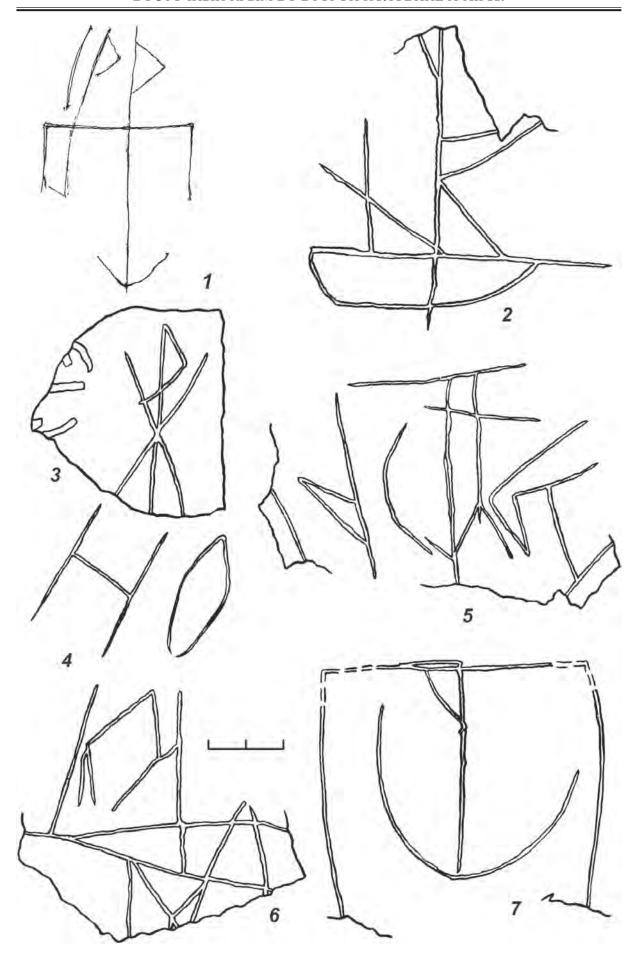

Рис. 100. Граффити на «воротничковых» амфорах из раскопок средневековой Сугдеи.

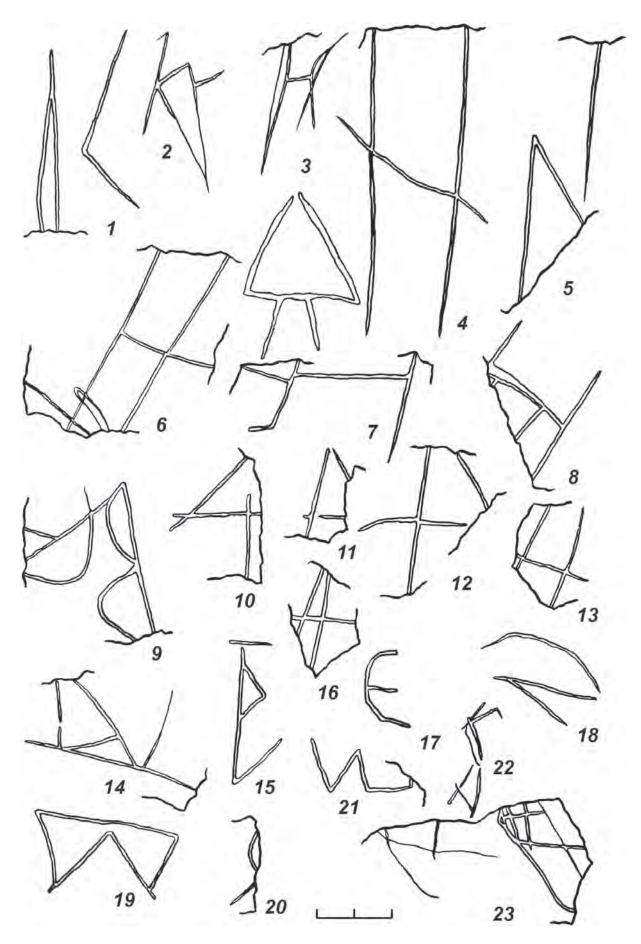

Рис. 101. Граффити на «воротничковых» амфорах из раскопок средневековой Сугдеи.

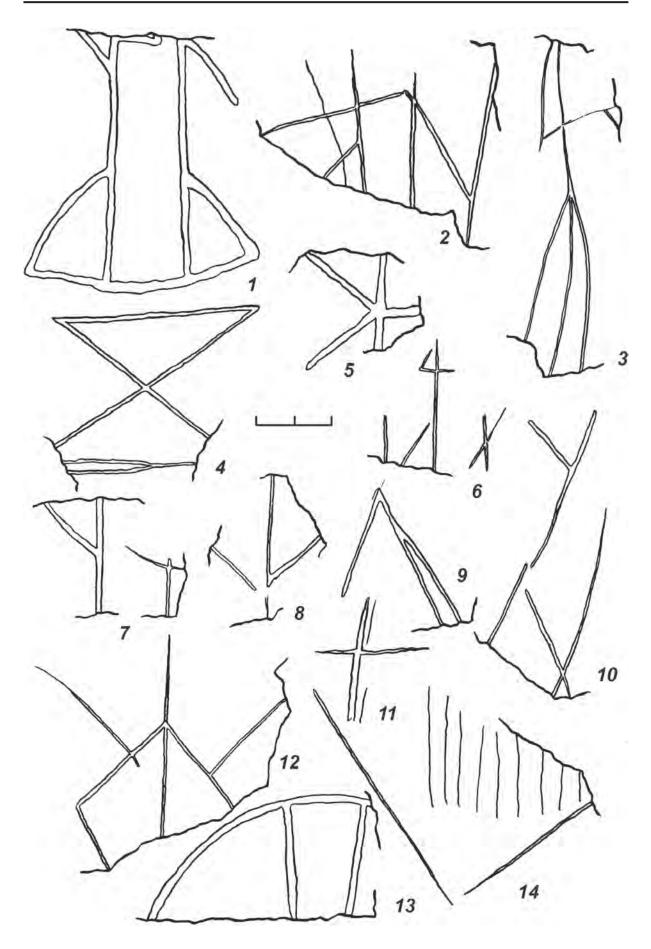

Рис. 102. Граффити на «воротничковых» амфорах из раскопок средневековой Сугдеи.

Рис. 103. Высокогорлые кувшины из археологических комплексов Сугдеи.

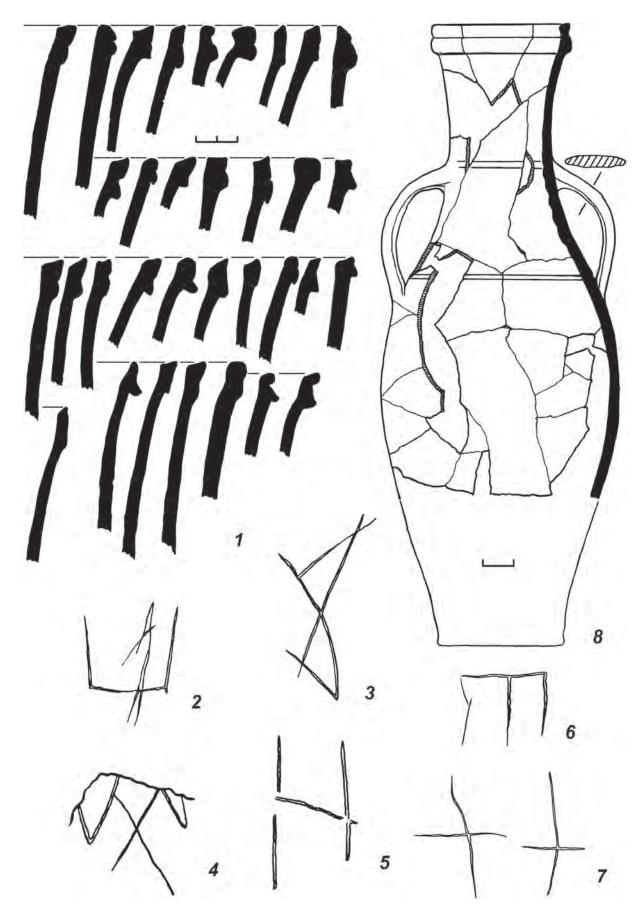

Рис. 104. Профилировки венчиков высокогорлых кувшинов, двуручный кувшин и основные граффити на них из археологических комплексов Сугдеи.

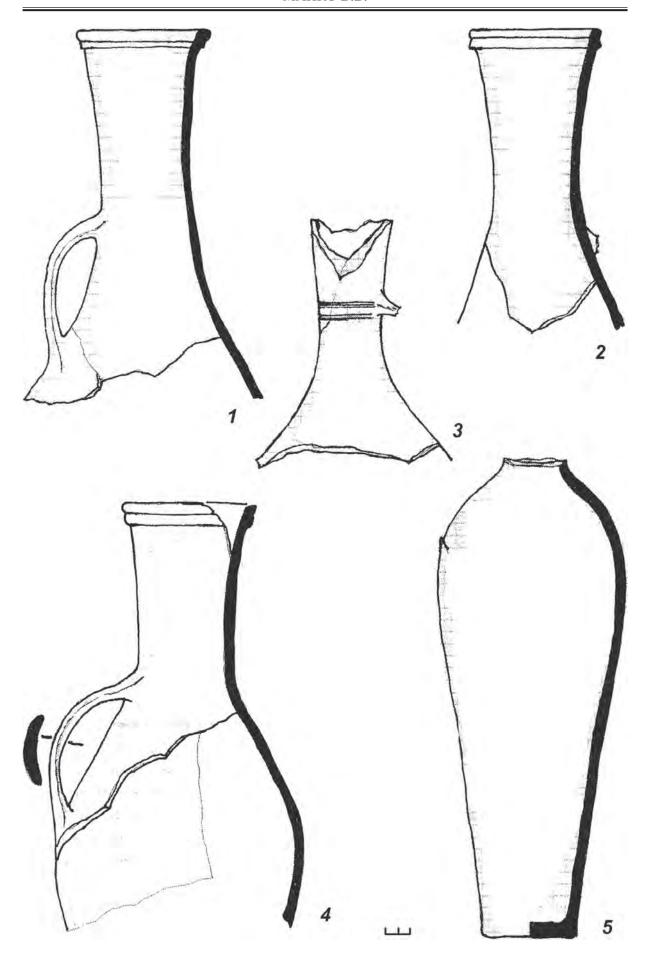

Рис. 105. Высокогорлые кувшины из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет.

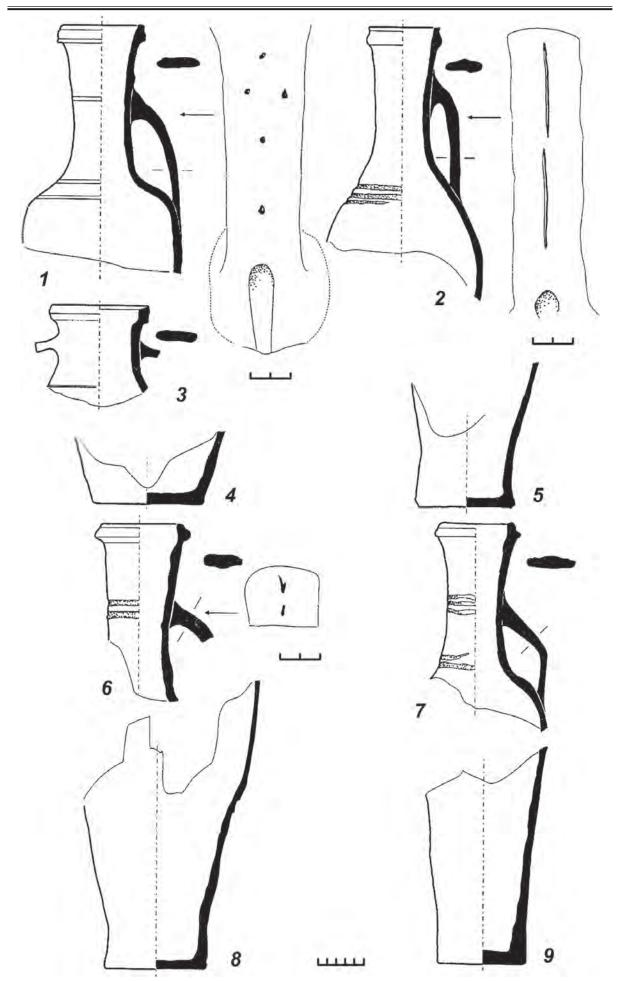

Рис. 106. Высокогорлые кувшины из кораблекрушения в бухте пос. Новый Свет.

(по С.М. Зеленко)

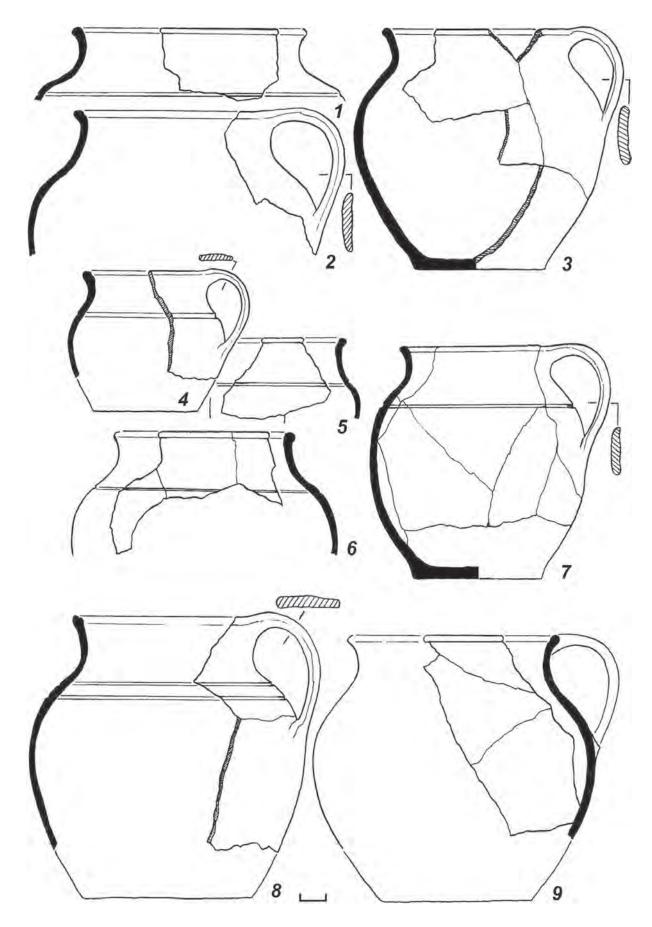

Рис. 107. Кухонные горшки типа 1 из археологических комплексов средневековой Сугдеи.

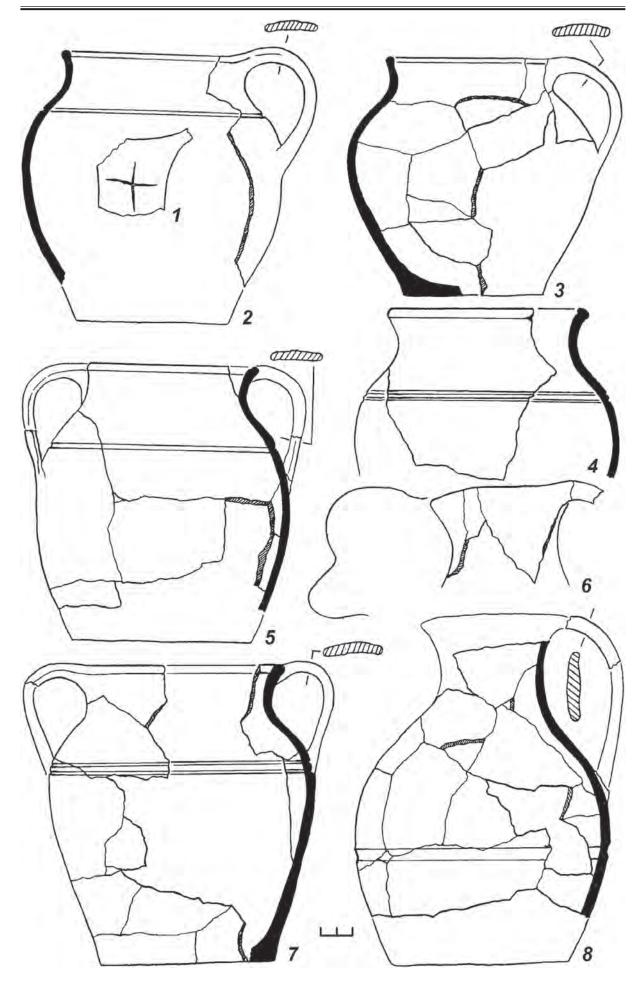

Рис. 108. Кухонные горшки типа 1 из археологических комплексов средневековой Сугдеи.

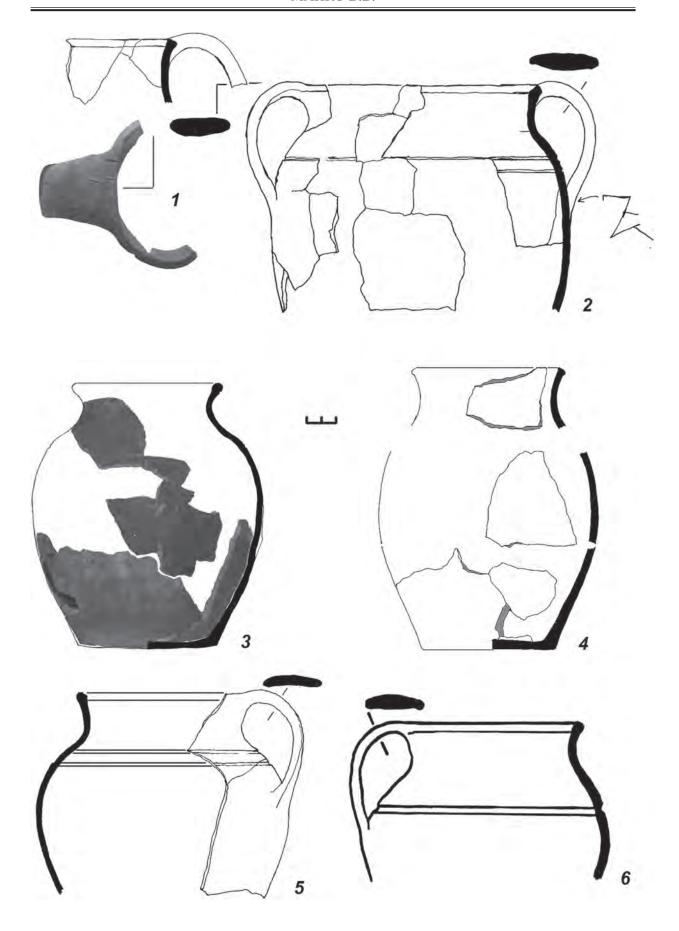

Рис. 109. Кухонные горшки типа 1.

1-4 — из заполнения жилых и хозяйственных сооружений на площади раскопа VI в портовой части Сугдеи; 5 — из материалов поселения «Крыло лебедя»; 6 — из раскопок средневекового Боспора.

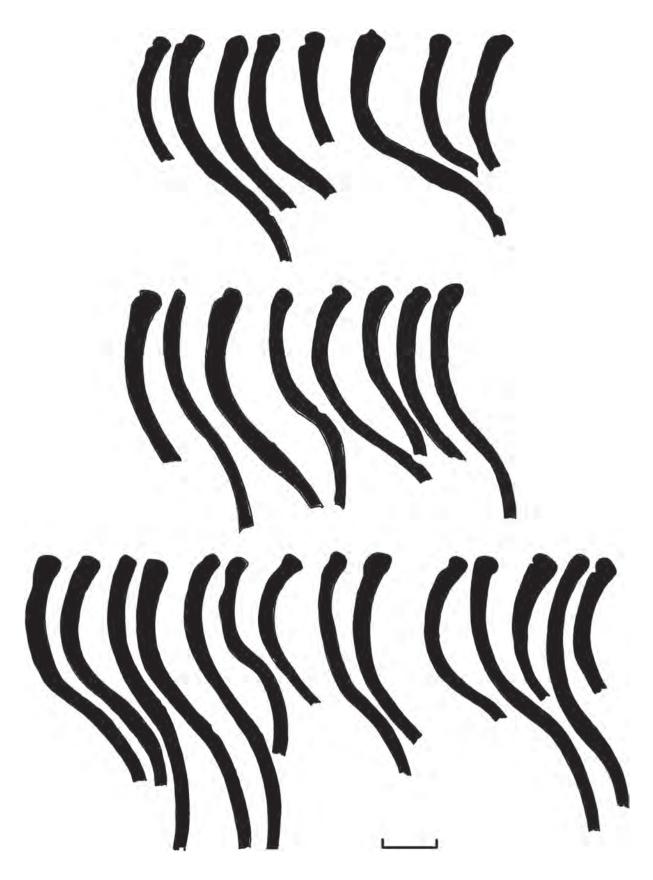

Рис. 110. Профилировка венчиков кухонных горшков типа 1 из археологических комплексов Сугдеи.

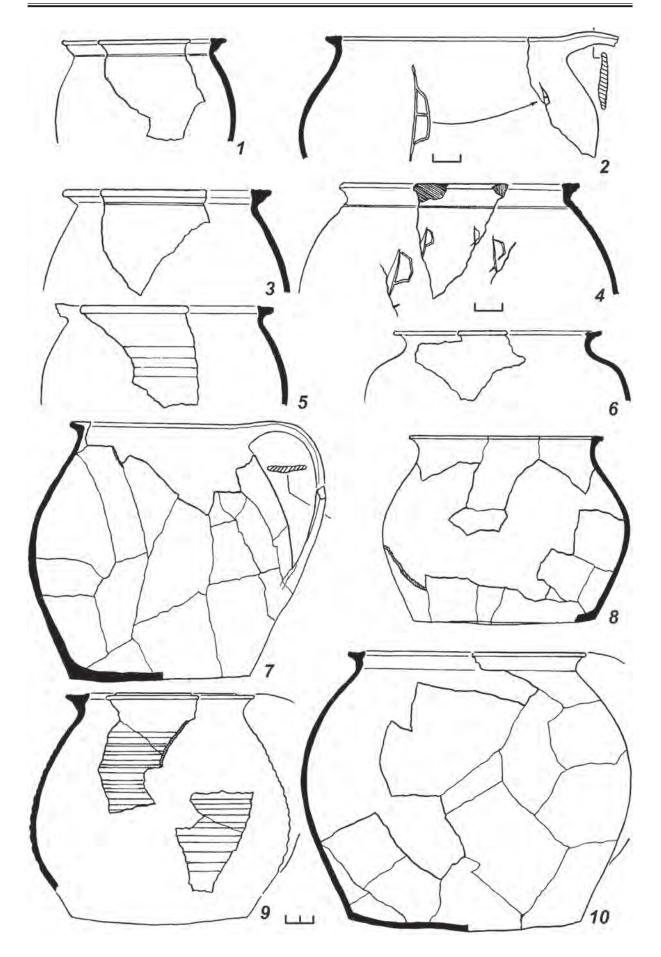

Рис. 111. Кухонные горшки типа 2 из археологических комплексов Сугдеи.

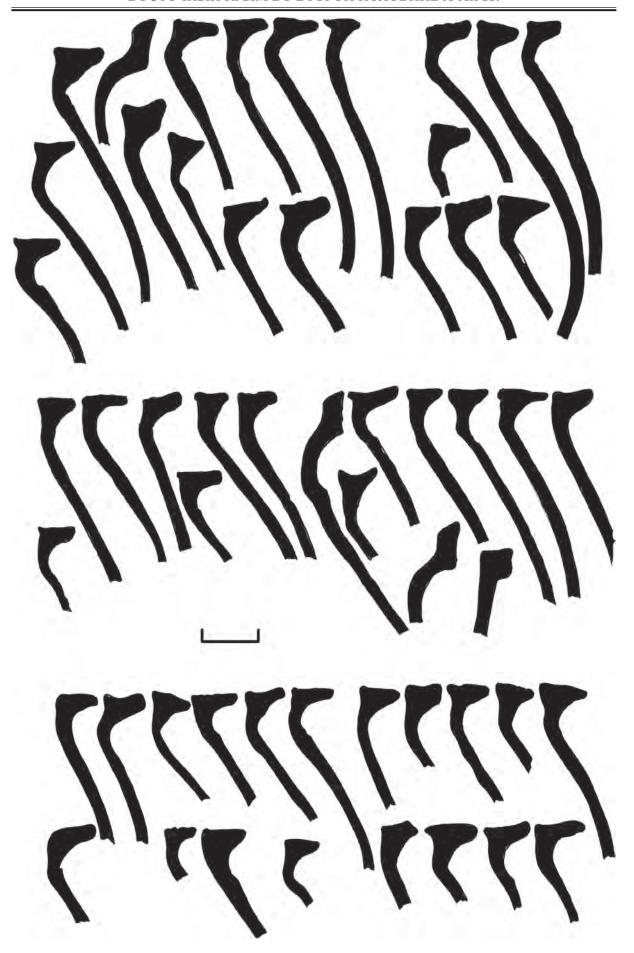

Рис. 112. Основные профили венчиков кухонных горшков типа 2 из археологических комплексов Сугдеи.

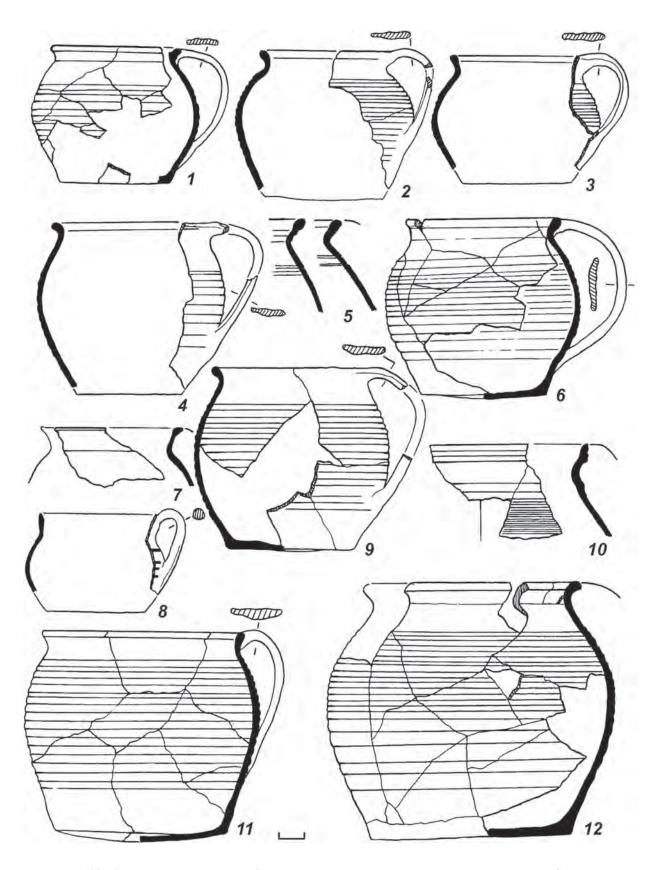

Рис. 113. Кухонные горшки типа 3 и их варианты из археологических комплексов Сугдеи.

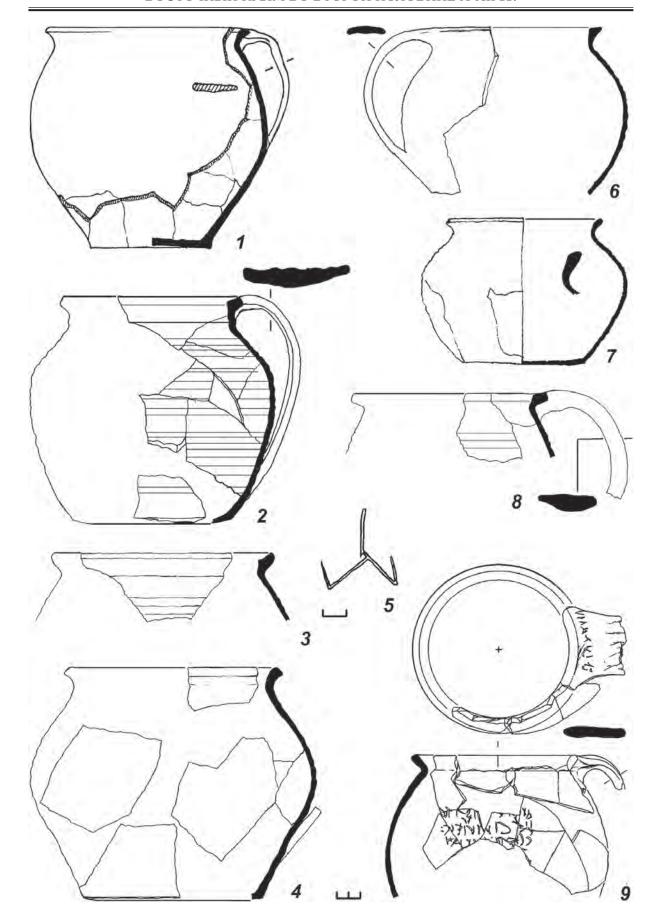

Рис. 114. Кухонные горшки типа 3.

1-5,8-из археологических комплексов Сугдеи; 6,7-из археологических комплексов торжища в Партенитах (по Е.А. Паршиной); 9 – из археологических исследований Партенитской базилики (по С.Б. Адаксиной, В.П. Кирилко и В.Л. Мыцу).

Рис. 115. Профилировки венчиков кухонных горшков типа 3, ойнахой и кувшинов из археологических комплексов Сугдеи.

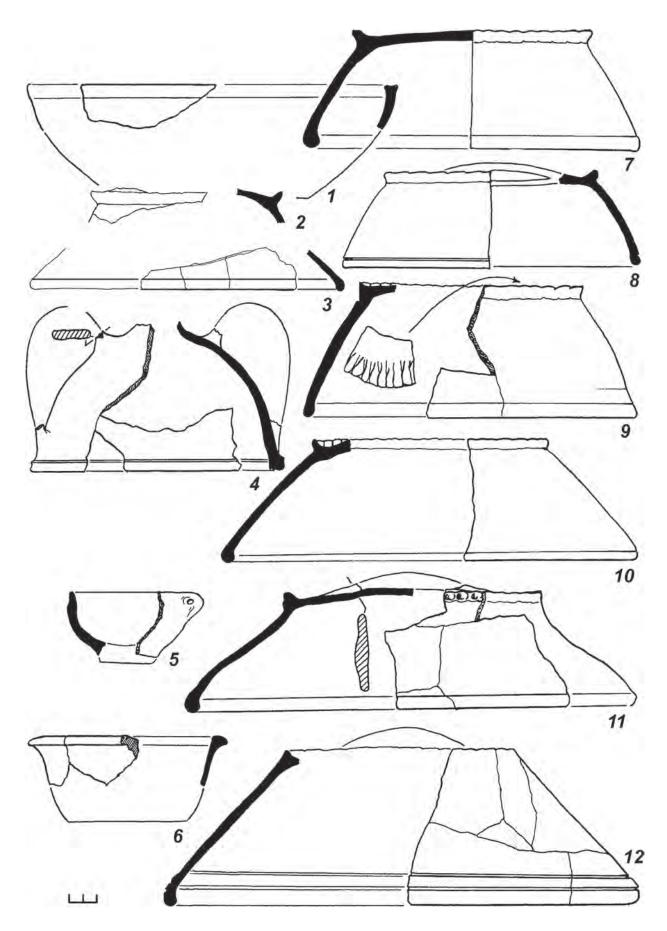

Рис. 116. Основные типы кухонных крышек и мисок из археологических комплексов Сугдеи.

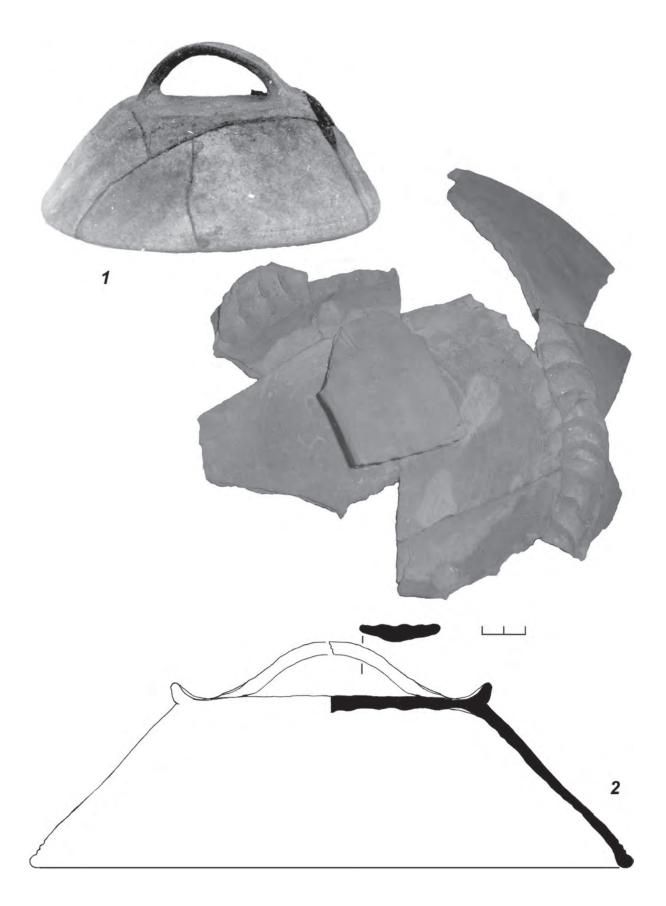

Рис. 117. Кухонные крышки из археологических исследований Сугдеи (2) и торжища в Партенитах (1).

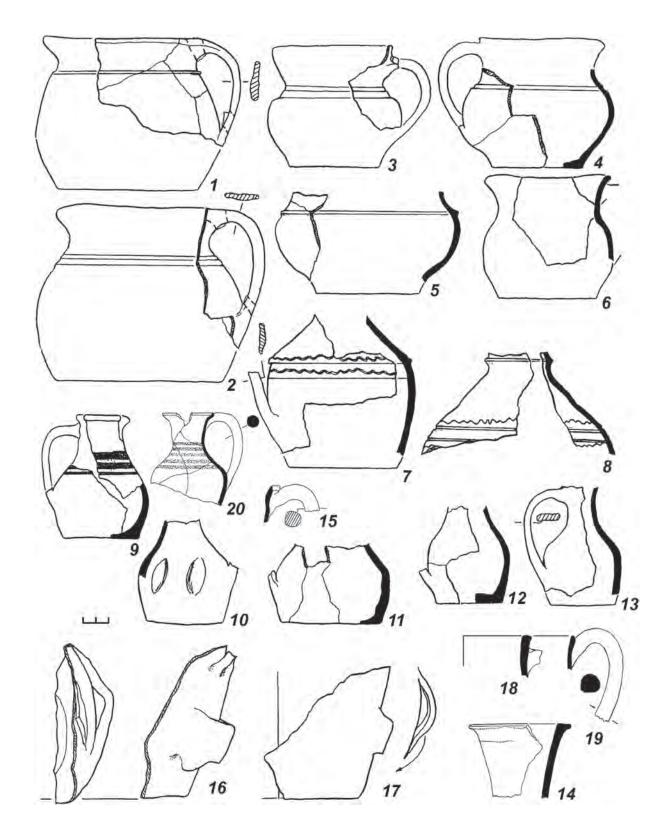

Рис. 118. Основные типы кухонных ойнахой и кувшинов из археологических комплексов Сугдеи и Алустона.

1-19 — Сугдея; 20 — Алустон.

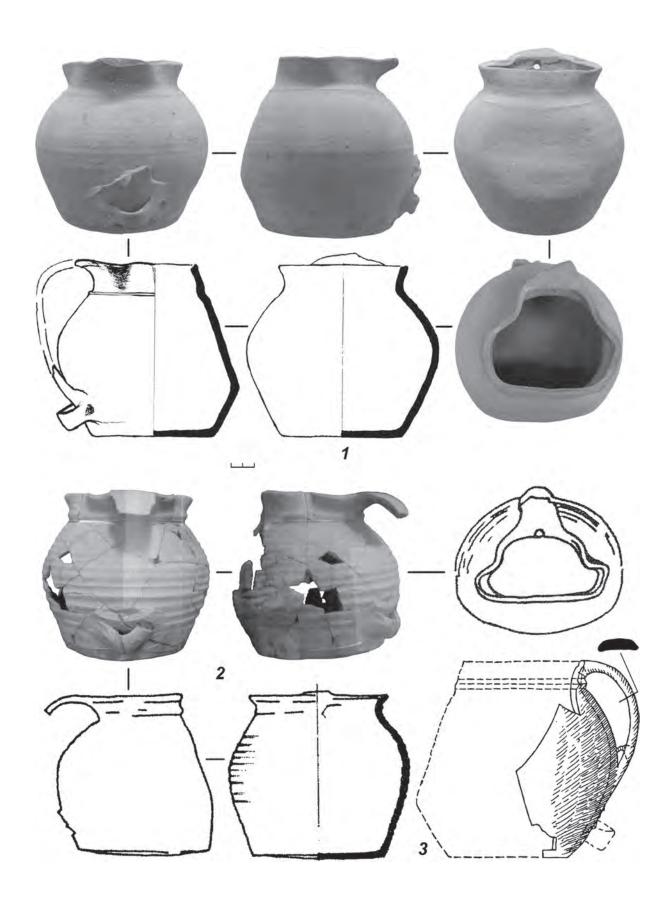

Рис. 119. Тонкостенные сплюснутые ойнахойи средневековой Таврики

1 — Новый Свет (по С.М. Зеленко); 2 — Партениты (по Е.А. Паршиной); 3 — поселение у с. Передовое Бахчисарайского района.

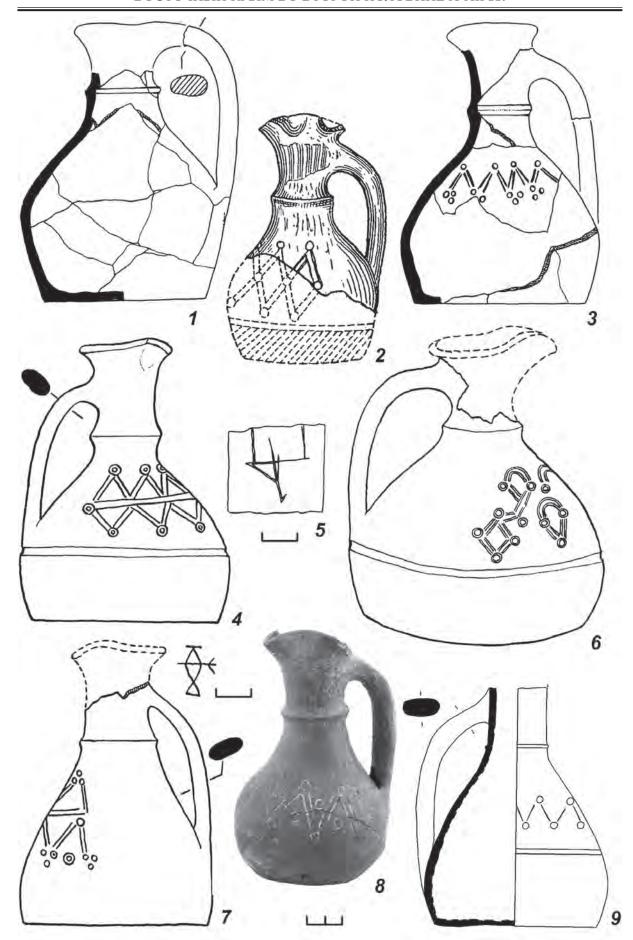

Рис. 120. Лощеные кувшины типа 1.

1,3,5 — Сугдея; 2 — Воинь; 4,6 — Саркел (по С.А. Плетневой); 7 — Херсонес (по И.А. Баранову); 8 — Несебр; 9 — некрополь «За Родину» Тамань.

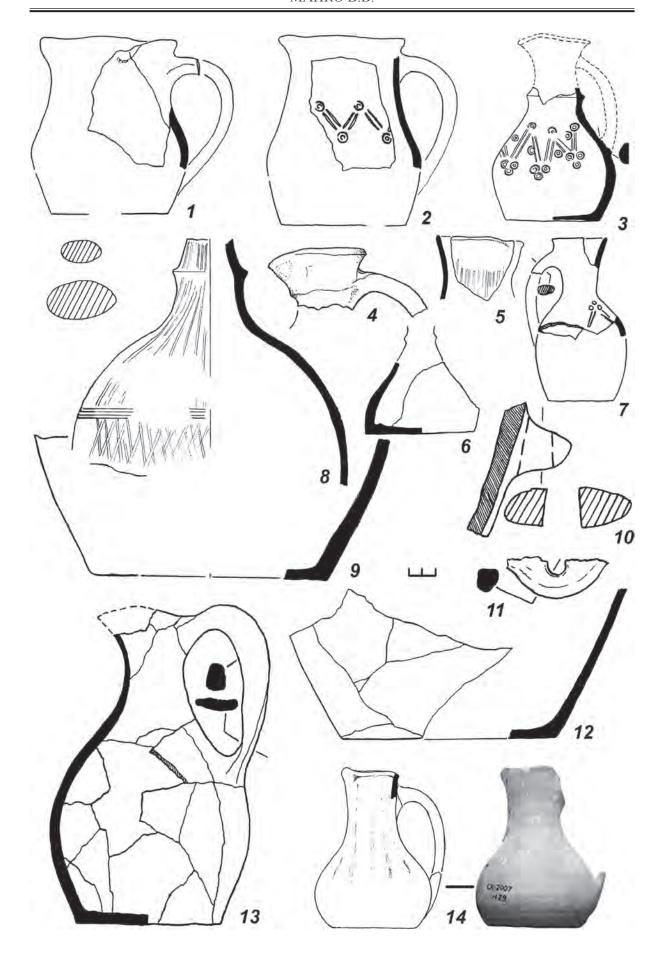

Рис. 121. Лощеные кувшины типов 2-4 из археологических комплексов Сугдеи и Боспора. 1,2,4-14 — Сугдея; 3 — Боспор (по А.И. Айбабину).

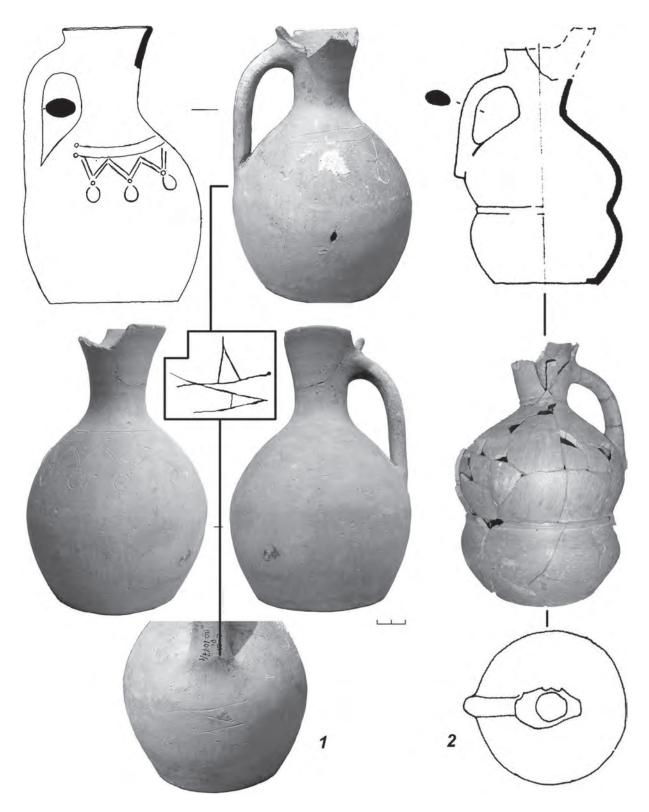

Рис. 122. Лощеные кувшины редких форм из археологических комплексов Сугдеи и Партенит. 1- Сугдея; 2- Партениты (по Е.А. Паршиной).

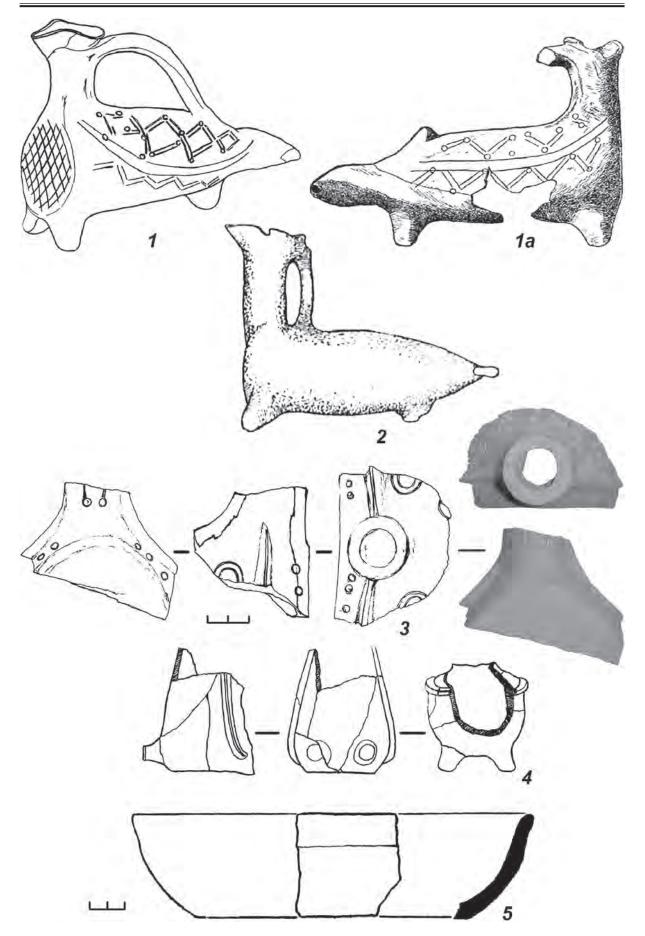

Рис. 123. Лощеные сосуды зооморфных форм и миска.

1 – правобережное Цимлянское городище (по Д.Л. Талису и М.А. Артамонову); 2 – Дузу-Кале (по А.А. Миллеру); 3-5 – Сугдея.

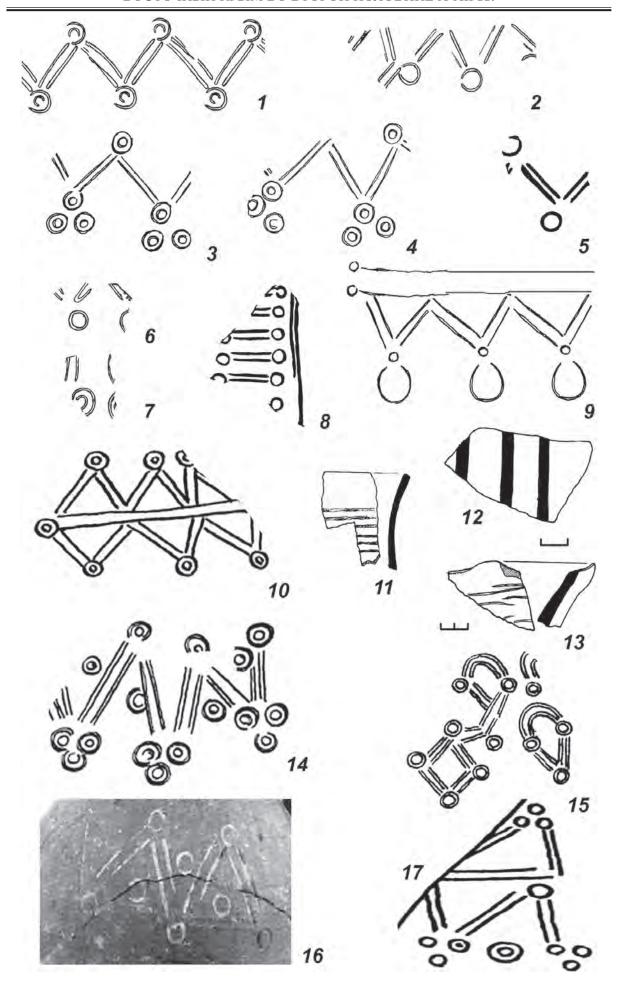

Рис. 124. Основные типы орнаментальных мотивов в виде сочетания кружков и линий лощеной керамики. $-391\,-$

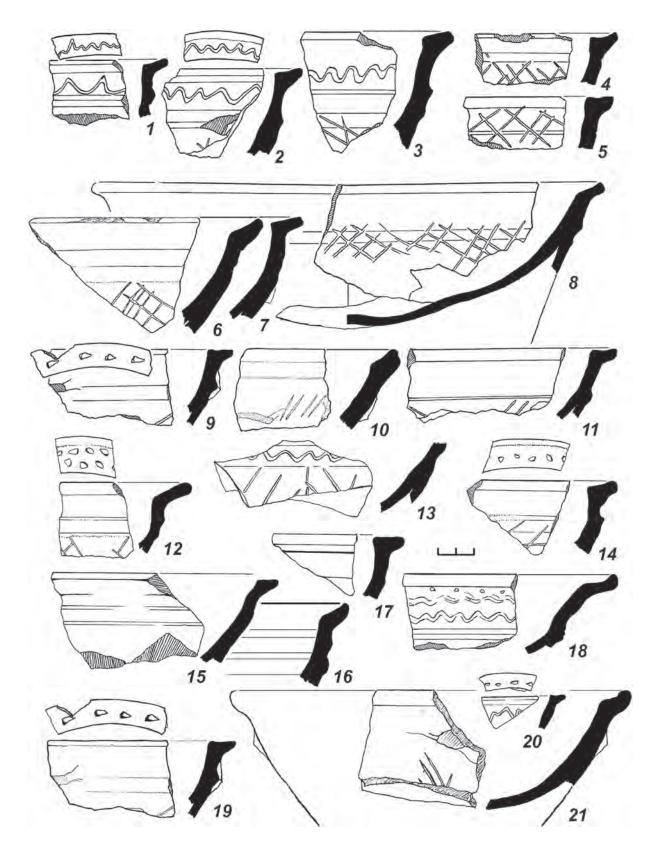

Рис. 125. Белоглиняная поливная керамика типа 1 из археологических комплексов Сугдеи.

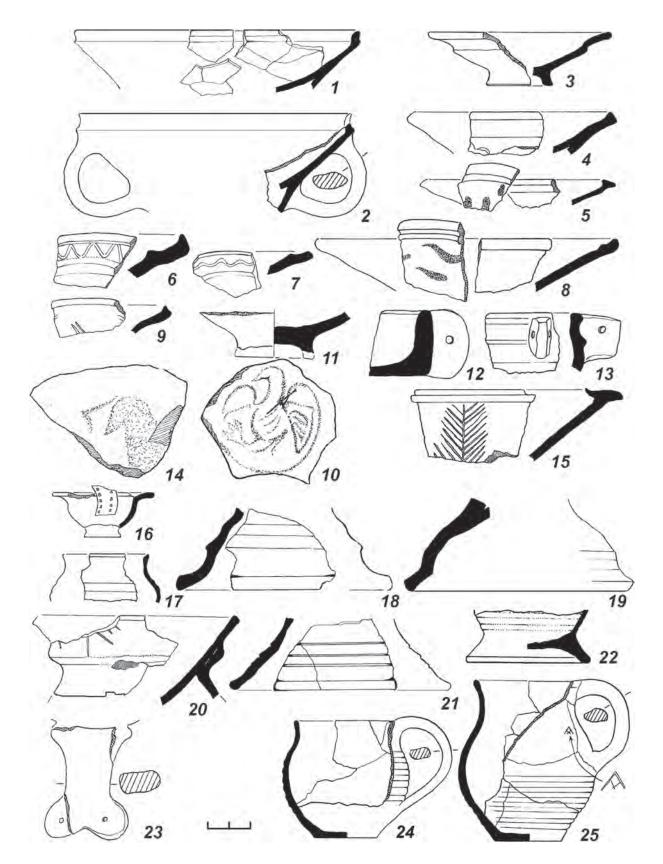

Рис. 126. Белоглиняная поливная керамика из археологических комплексов Сугдеи и подводных исследований близ мыса Плака.

1-24 — Сугдея; 25 — мыс Плака.

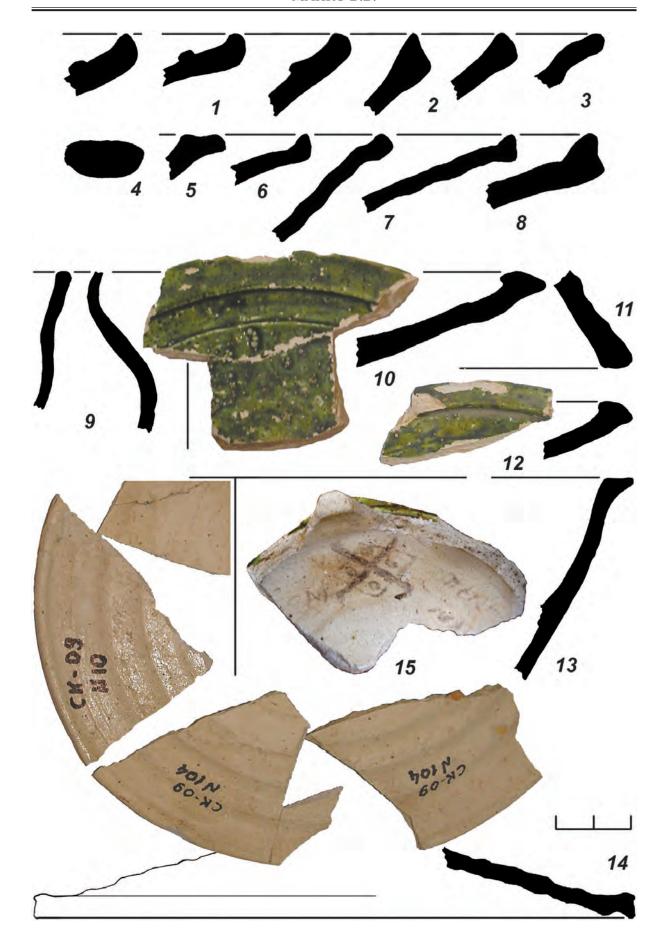

Рис. 127. Белоглиняная поливная керамика из заполнения жилых и хозяйственных построек на участке раскопа VI в портовой части Сугдеи и квартала I.

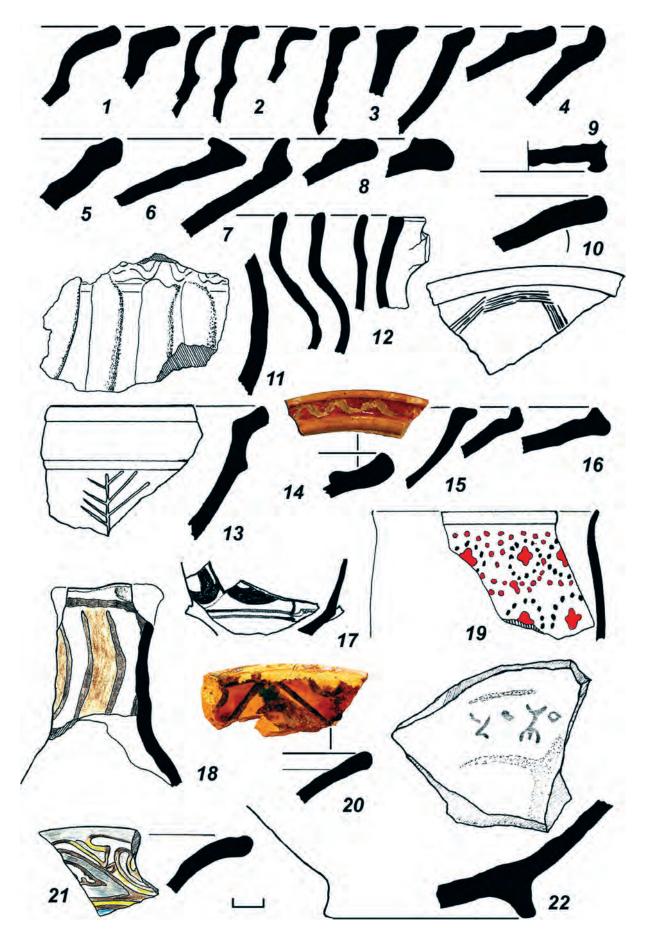

Рис. 128. Поливная и расписная белоглиняная керамика из археологических комплексов Сугдеи.

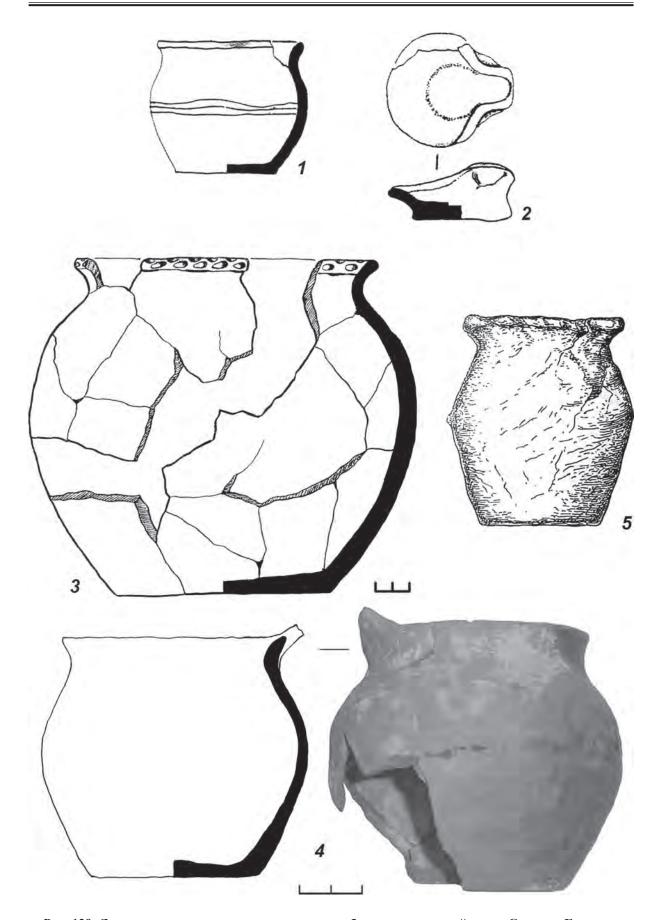

Рис. 129. Лепная керамика из заполнения жилых объектов в портовой части Сугдеи и Боспора. 1-3 – из заполнения помещения б и с уровня вымостки на участке раскопа V; 4 – из заполнения жилого дома на участке раскопа VI; 5 – Боспор из печи дома № 1 (по Т.И. Макаровой).

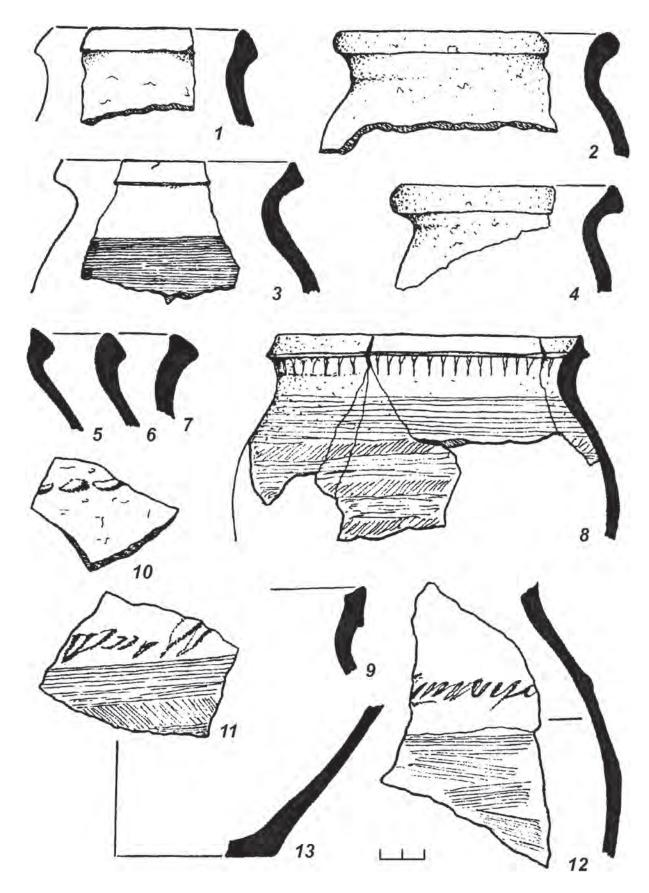

Рис. 130. Лепная орнаментированная керамика кочевнического облика из заполнения дома 2 на участке раскопа III в портовой части Сугдеи.

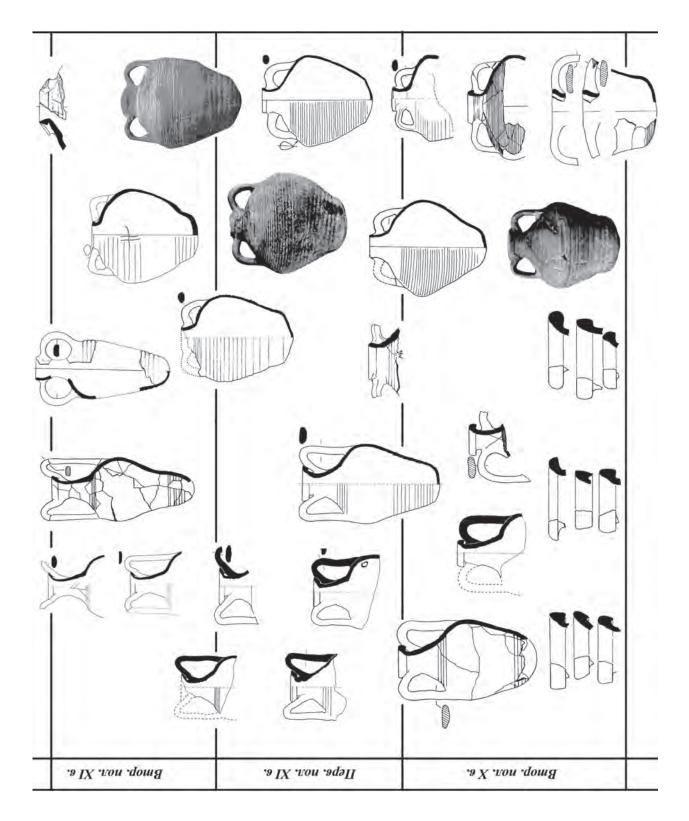

Рис. 131. Основные типы амфор в археологических комплексах юго-восточного Крыма X-XII вв.

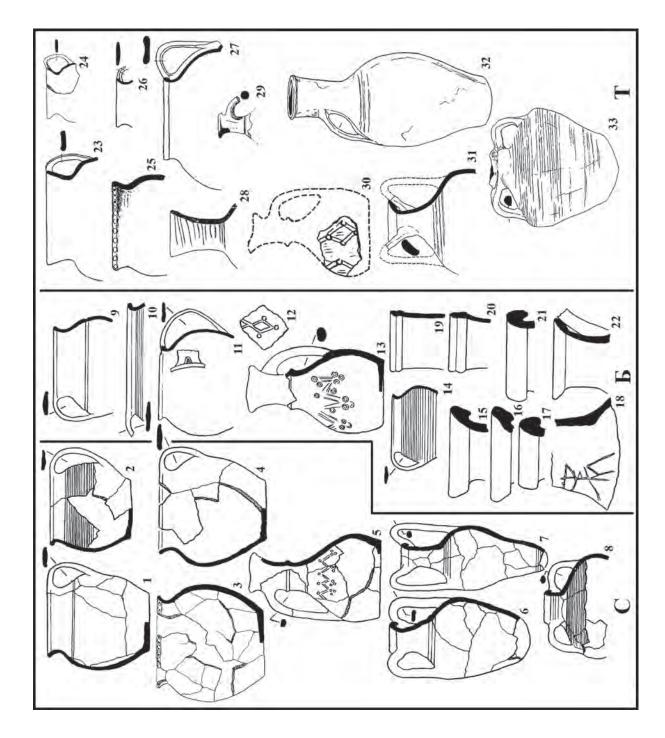

Рис. 132. Сравнительная таблица основных составляющих керамических комплексов Сугдеи, Боспора и Тмутаракани.

С – Сугдея; Б – Боспор (по А.И. Айбабину и А.В. Сазанову); Т – Тмутаракань (по С.А. Плетневой).

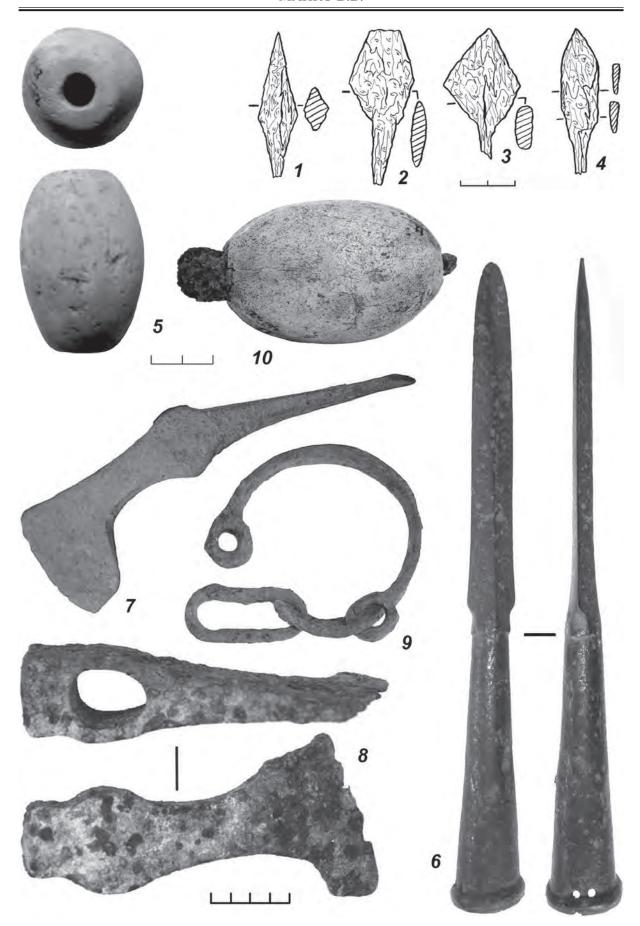

Рис. 133. Предметы вооружения и конского снпаряжения из археологических комплексов юговосточного Крыма и их аналогии.

1-5 – Сугдея; 6-9 – поселение у с. Русское; 10 – Херсонес.

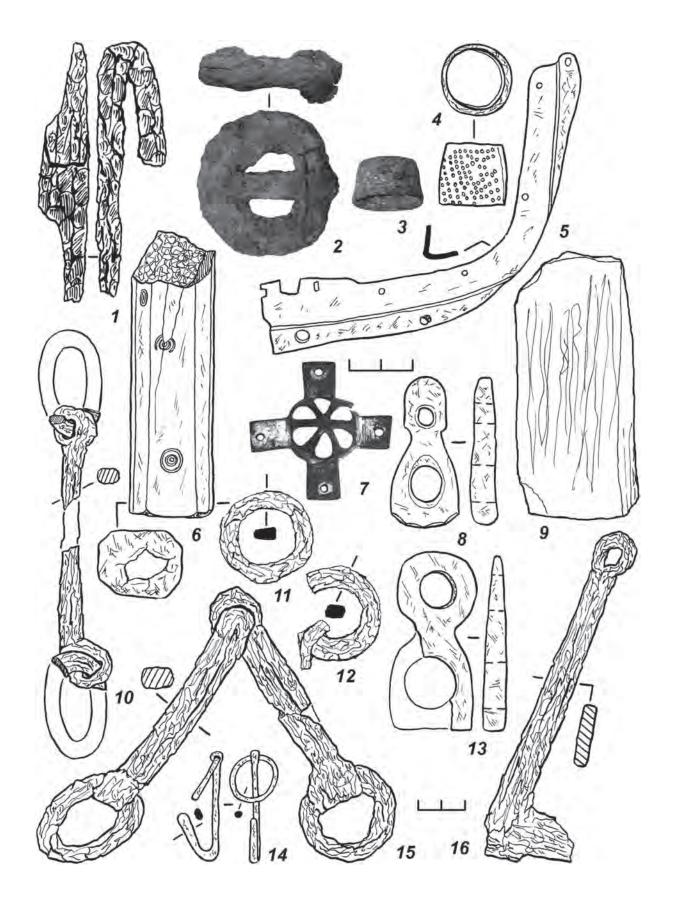

Рис. 134. Элементы конской сбруи и снаряжения из археологических комплексов восточного Крыма.

1-6,8-16 — Сугдея; 7 — поселение у с. Русское. 1,7,9-11,13,14 — железо; 2-5 — бронза; 6,8,12 — кость.

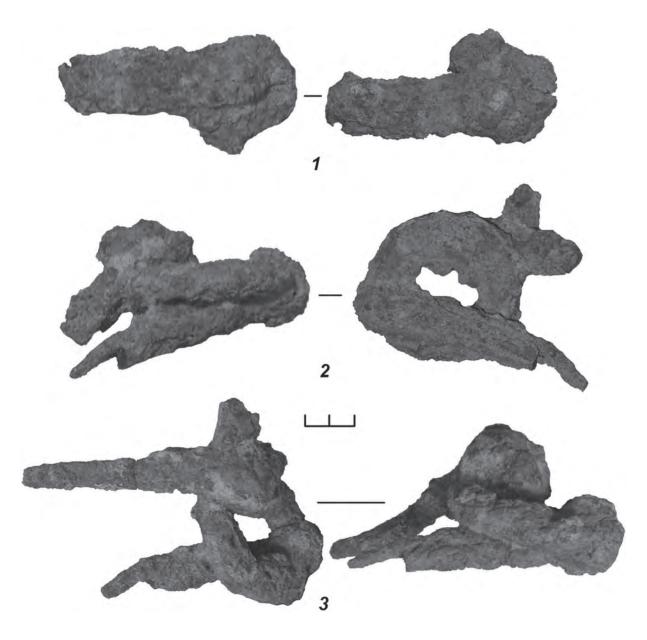

Рис. 135. Ремесленные и бытовые изделия из слоя на полу полуподвального помещения в портовой части Сугдеи.

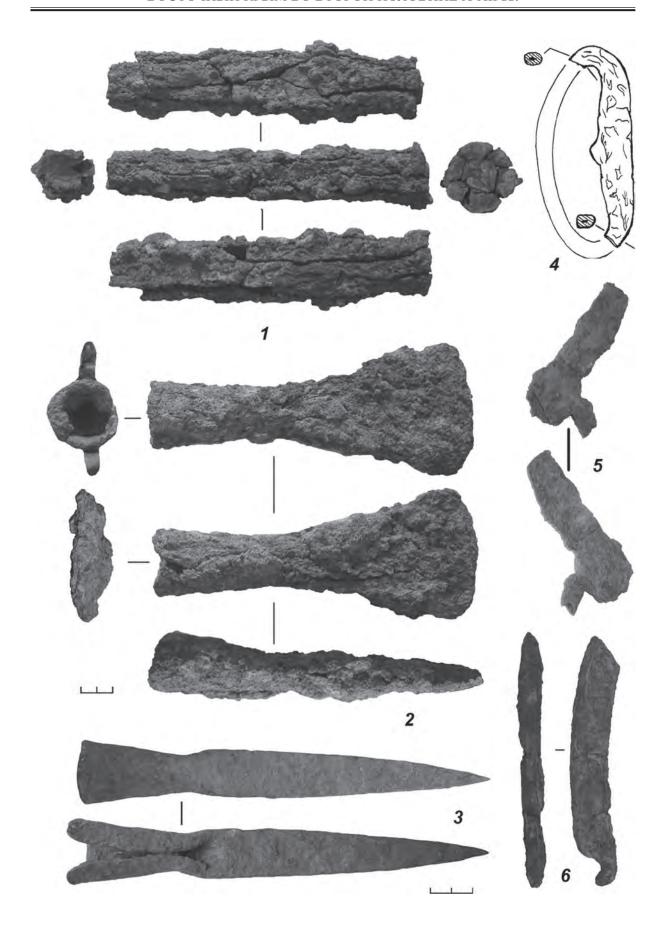

Рис. 136. Сельскохозяйственные орудия труда, ремесленные изделия и бытовые предметы восточного Крыма.

1,2 – портовая часть Сугдеи; 3,6 – поселение у с. Русское; 4,5 – зольник Сугдеи.

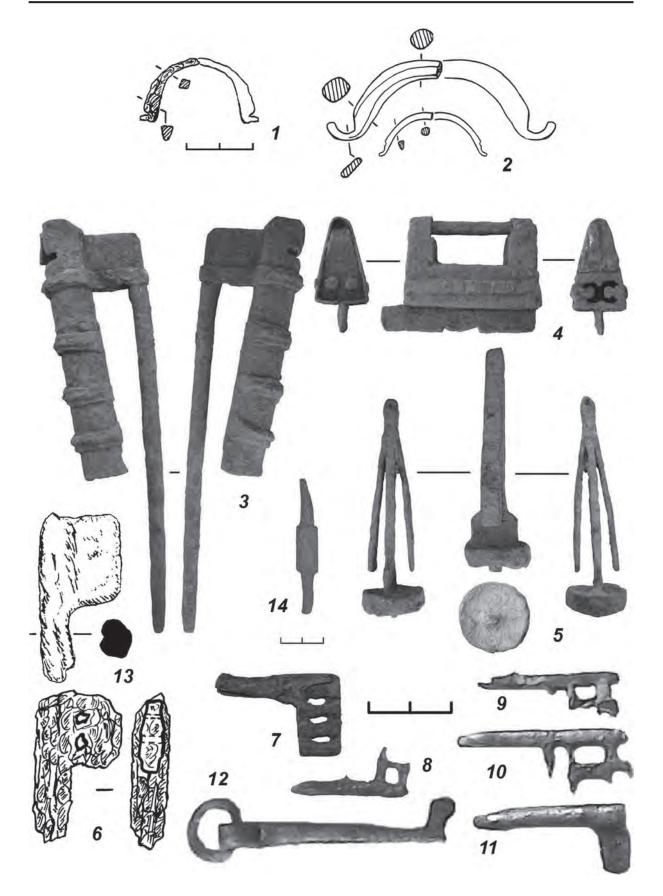

Рис. 137. Бытовые изделия из материалов поселения у с. Русское и археологических комплексов Сугдеи.

1,2,6 — Судак, зольник; 3-5 — с. Русское; 7 — Судак, портовая часть; 8 — подводные исследования 2007 г. (к.о.38); 9-12 — подводные исследования (№ КБ-122); 13 — Судак, квартал I.

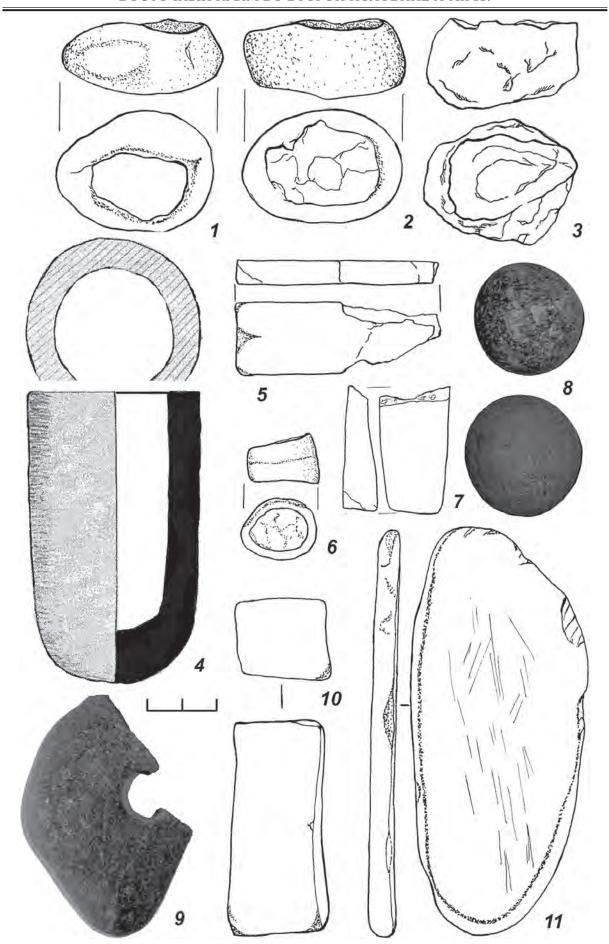

Рис. 138. Ремесленные тигли, оселки, грузило и камни для пращи из археологических комплексов Сугдеи.

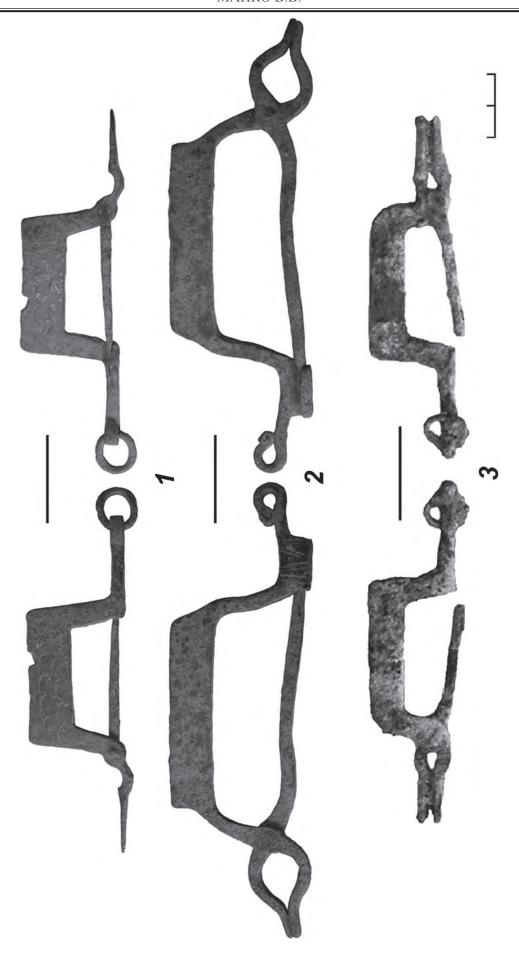

Рис. 139. Железные фибулы-кресала из материалов поселений у с. Русское и Бахчисарая. 1,2 – поселение у с. Русское; 3 – Бахчисарай.

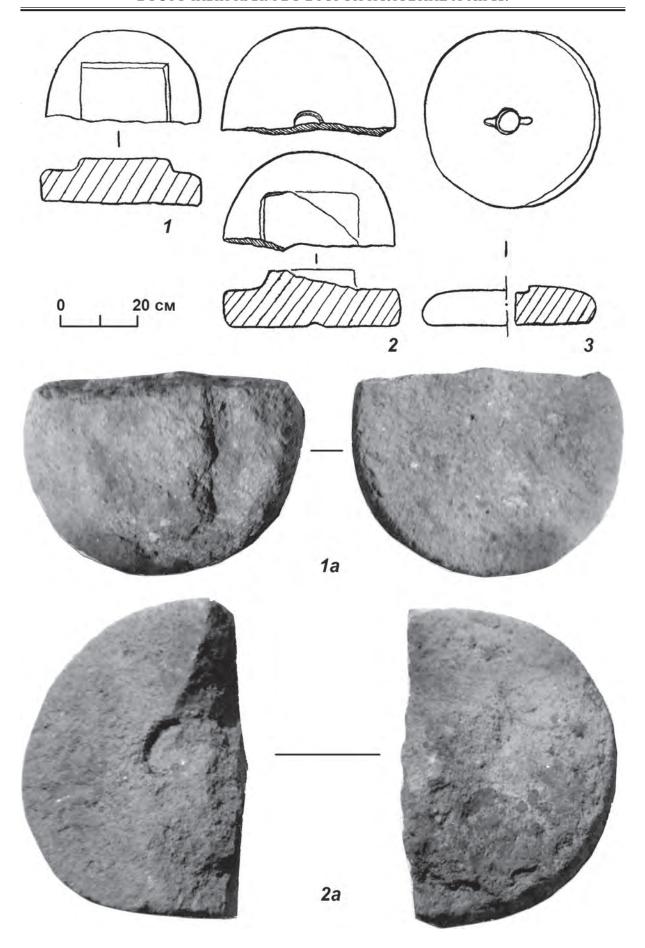

Рис. 140. Каменные гончарные круги и каменный жернов из археологических комплексов на участке раскопа V портовой части Сугдеи.

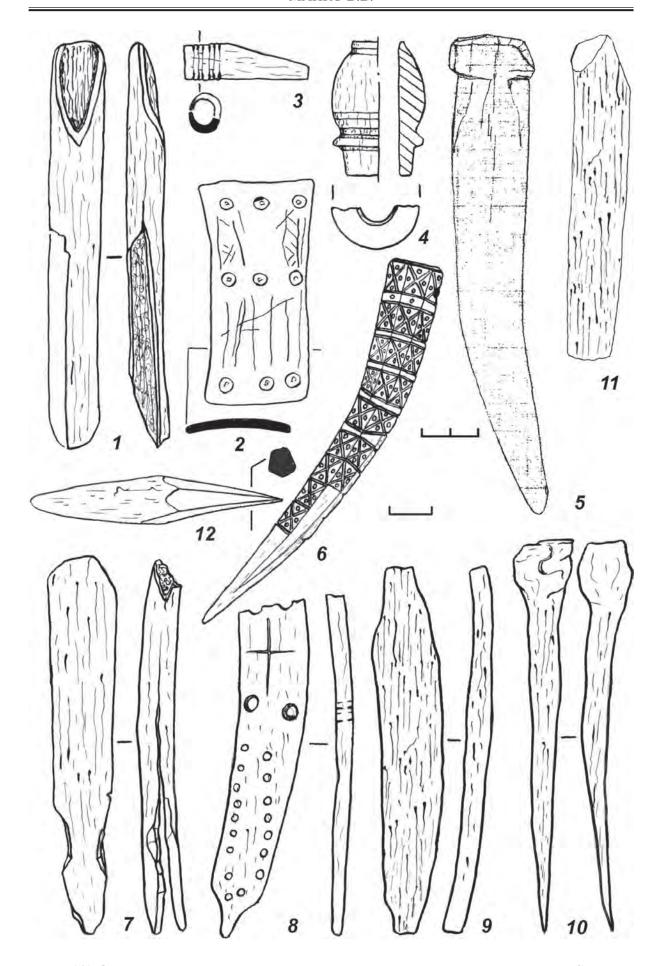

Рис. 141. Орудия труда, навершия и накладки из кости из археологических комплексов Сугдеи.

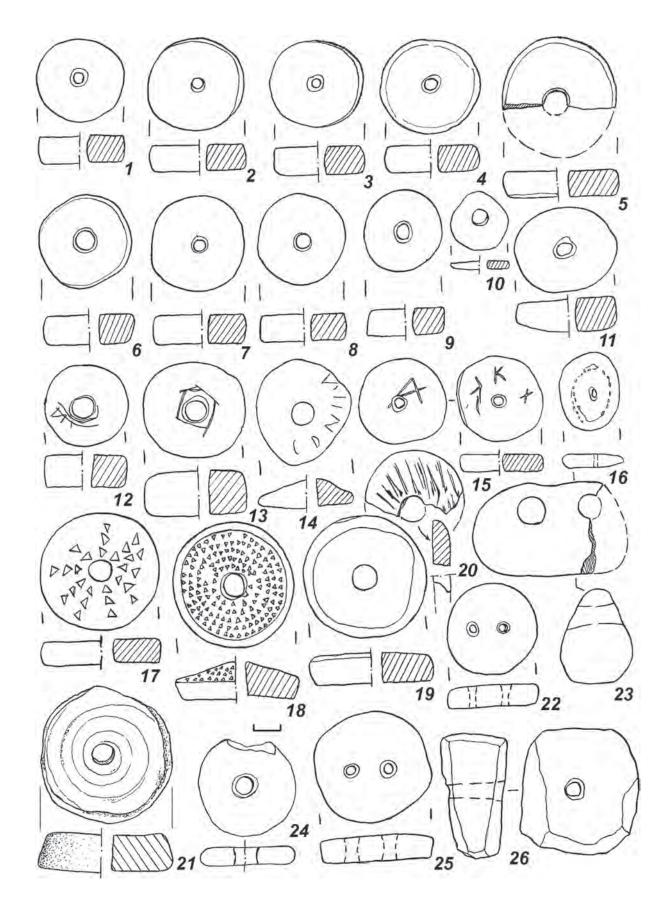

Рис. 142. Прясла из археологических комплексов Сугдеи.

1-9,11-15,17-26 — глина; 10,16 — камень.

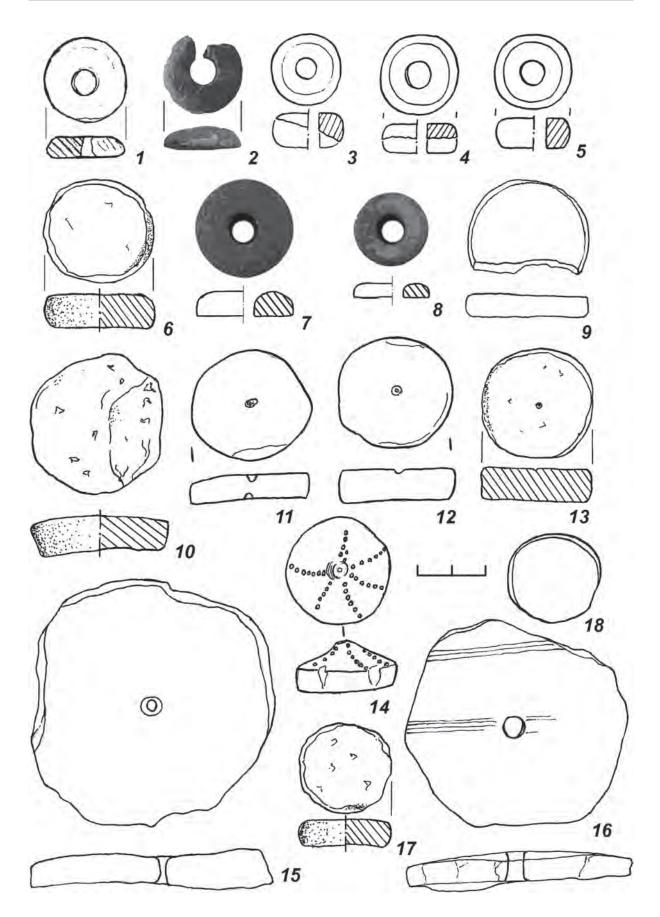

Рис. 143. Прясла, заготовки для них и крышки из археологических комплексов Сугдеи. 1-5,7,8 — овручский пирофиллит; 6,10-18 — глина; 9 — стенка поливного белоглиняного сосуда.

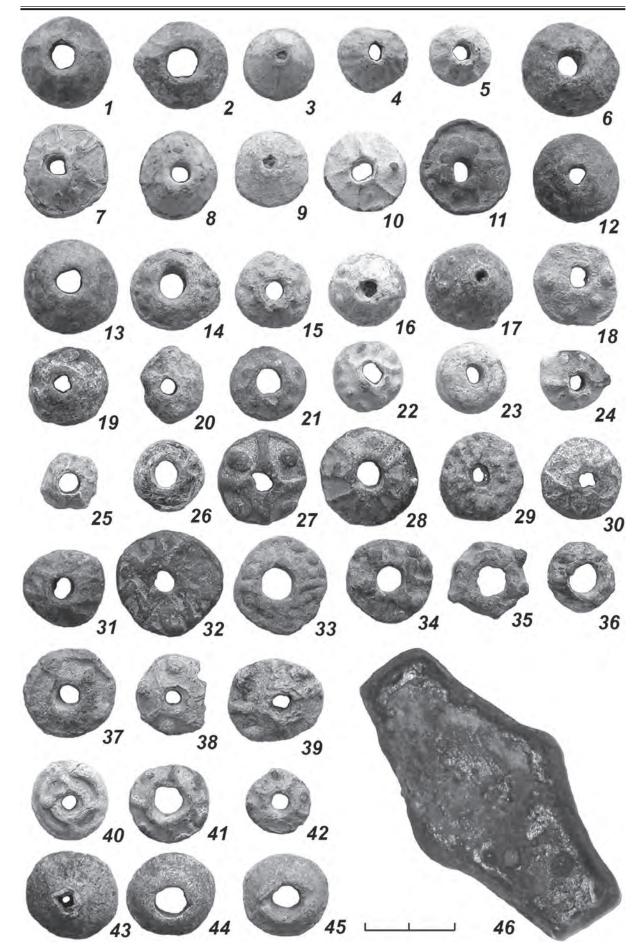

Рис. 144. Втульчатые и конические свинцовые орнаментированные кольца из подводных исследований в Судакской бухте (1-57) (по В.В. Булгакову и В.И. Булгаковой). Серебряная гривна киевского типа (58).

Рис. 145. Предметы жизнедеятельности порта Сугдеи и византийская мелкая свинцовая пластика. 1 - ($\mbox{N}_{\mbox{E}}$ 6 - ($\mbox{N}_{\mbox{E}}$ 6

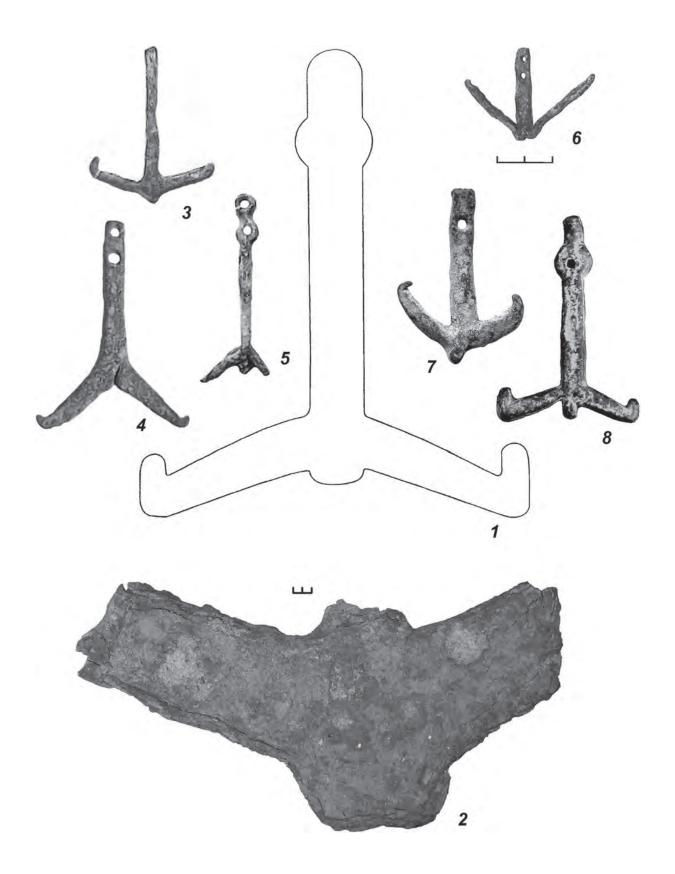

Рис. 146. Византийские железные якоря юго-восточного Крыма и свинцовые вотивные якоря.

1 – кораблекрушение у мыса Меганом; 2 – раскоп VII в портовой части Сугдеи; 3 – (№КБ-64). 4 - (№КБ-77). 5 - (№КБ-66). 6 – Подводные исследования 2007 г. (к.о. 9). 7 – Подводные работы В.И. Булгаковой (к.о. 856). 8 – Подводные исследования 2005 г. (к.о. 6).

Рис. 146а. Застежки книжных окладов средневековой Сугдеи.

1 — раскоп VII в портовой части Сугдеи; 2,5-8,10-31,33,34 — подводные исследования; 3,4,35 — подъемный материал с территории средневекового города; 32 — раскоп VI в портовой части Сугдеи. (21-31,33 — по В.В. и В.И. Булгаковым).

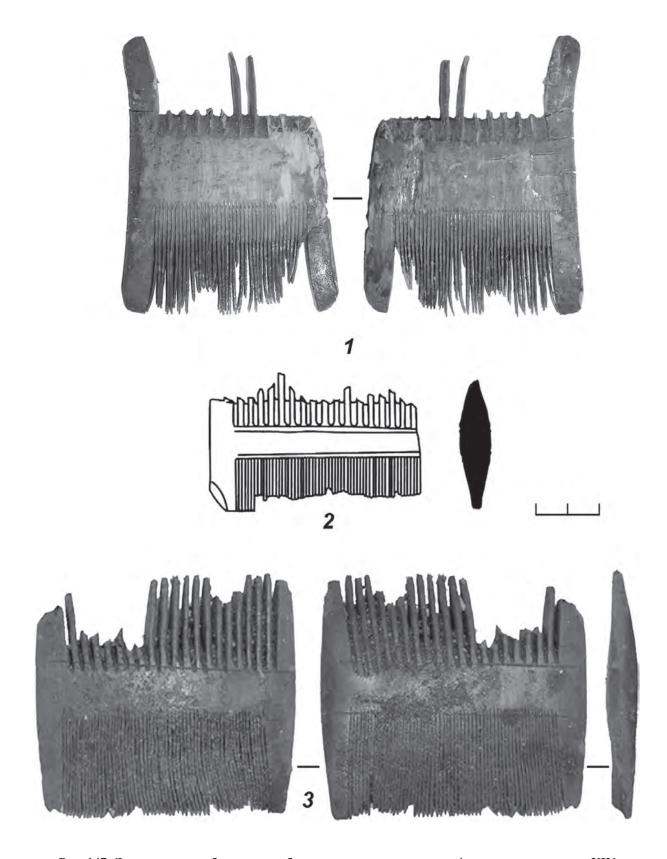

Рис. 147. Деревянные гребни из погребального инвентаря склепа 4 на участке куртины XIV Судакской крепости (1) и подводных исследований в бухте пос. Новый Свет (2,3) (по С.М. Зеленко).

Рис. 148. Астрагалы игральные, костяное орудие и костяная шахматная фигура из археологических комплексов Сугдеи.

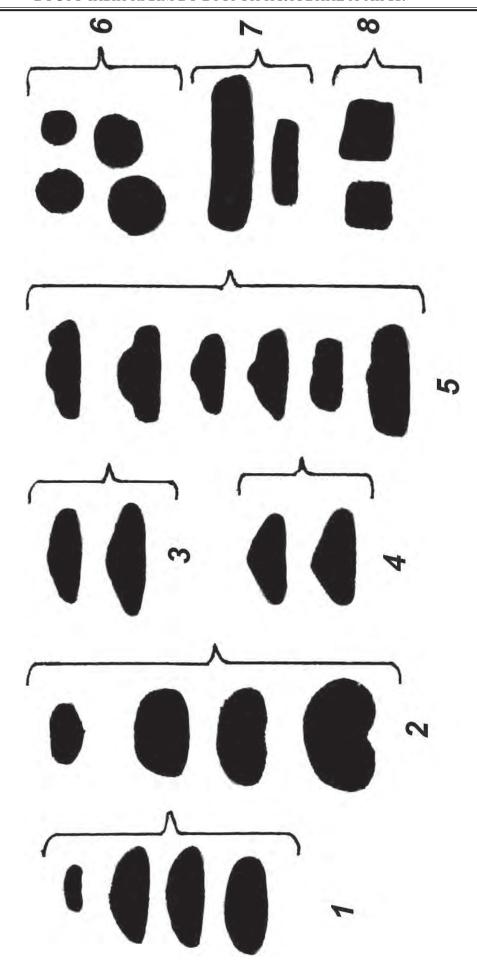

Рис. 149. Основные типы профилей стеклянных браслетов из материалов зольника Сугдеи.

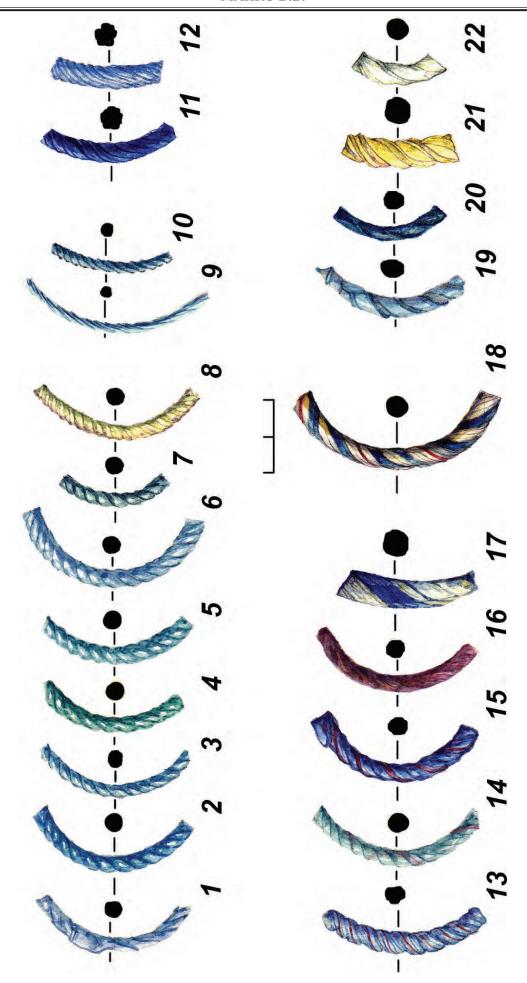

Рис. 150. Фрагменты стеклянных витых браслетов типа 1 из материалов зольника Сугдеи.

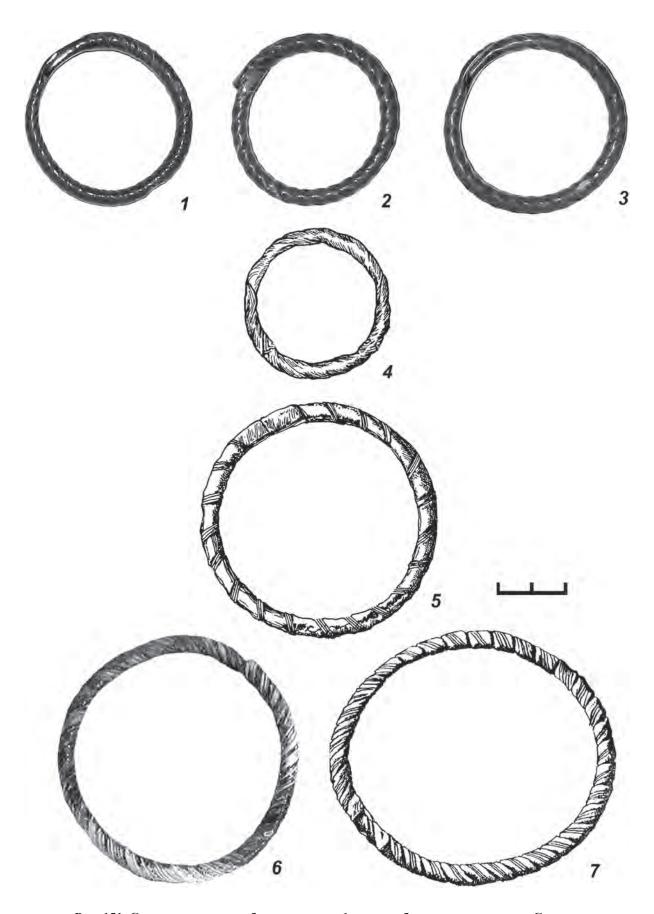

Рис. 151. Стеклянные витые браслеты типа 1 из погребальных комплексов Сугдеи.

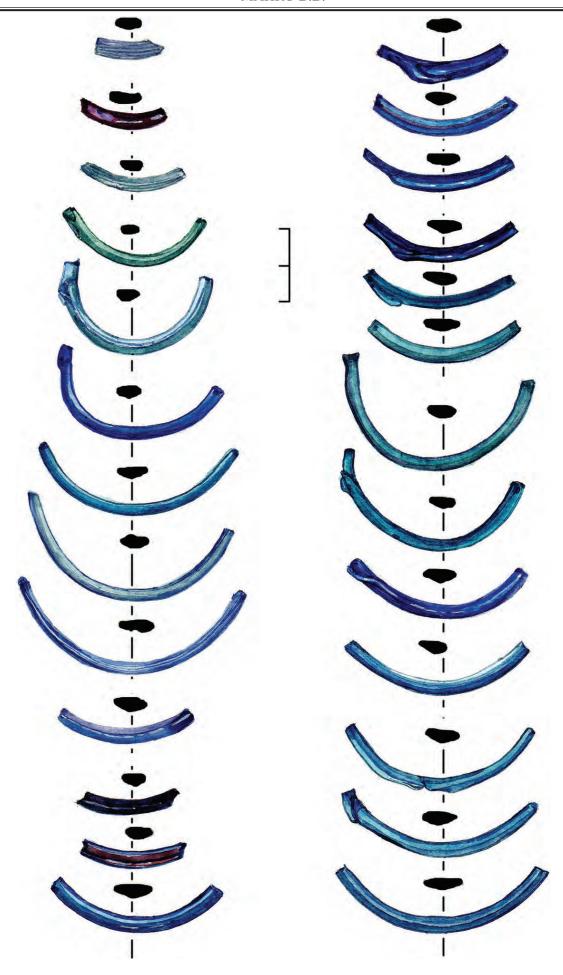

Рис. 152. Фрагменты стеклянных профилированных браслетов типа 2 из материалов зольника Сугдеи.

Рис. 153. Основные орнаментальные мотивы на стеклянных браслетах из материалов зольника Сугдеи и Боспора.

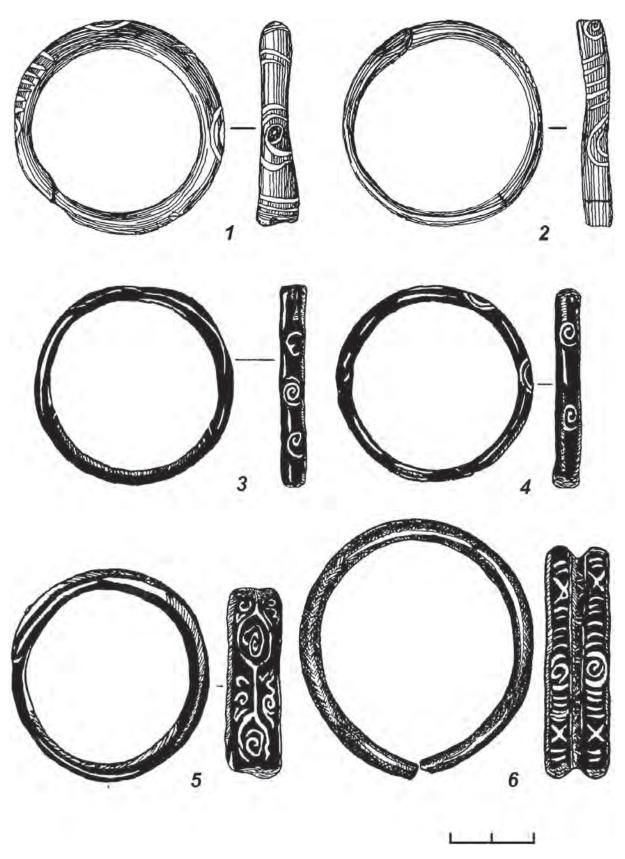

Рис. 154. Основные орнаментальные мотивы на стеклянных браслетах из материалов погребальных комплексов Сугдеи.

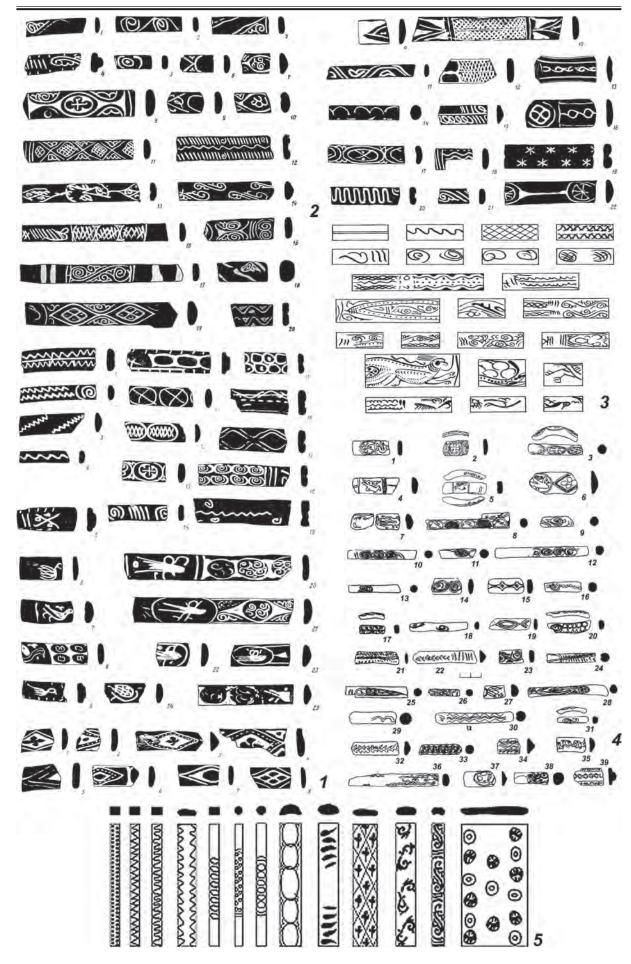

Рис. 155. Основные орнаментальные мотивы на стеклянных браслетах X-XI вв.

(1,2- по 3. А. Львовой, 3- по B. Borisov, 4- по G. Köroğly, 5- по M. Маноловой-Войковой).

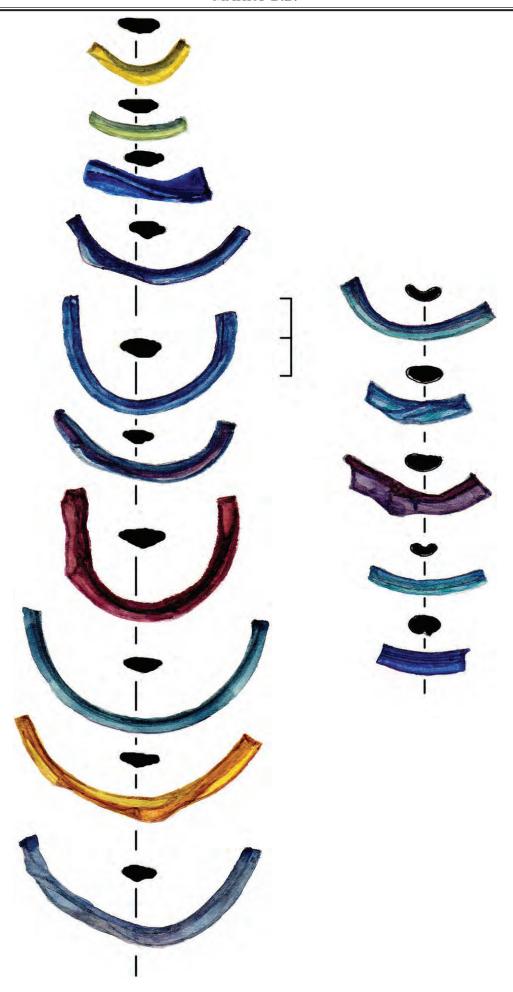

Рис. 156. Фрагменты стеклянных браслетов типа 2 из материалов зольника Сугдеи.

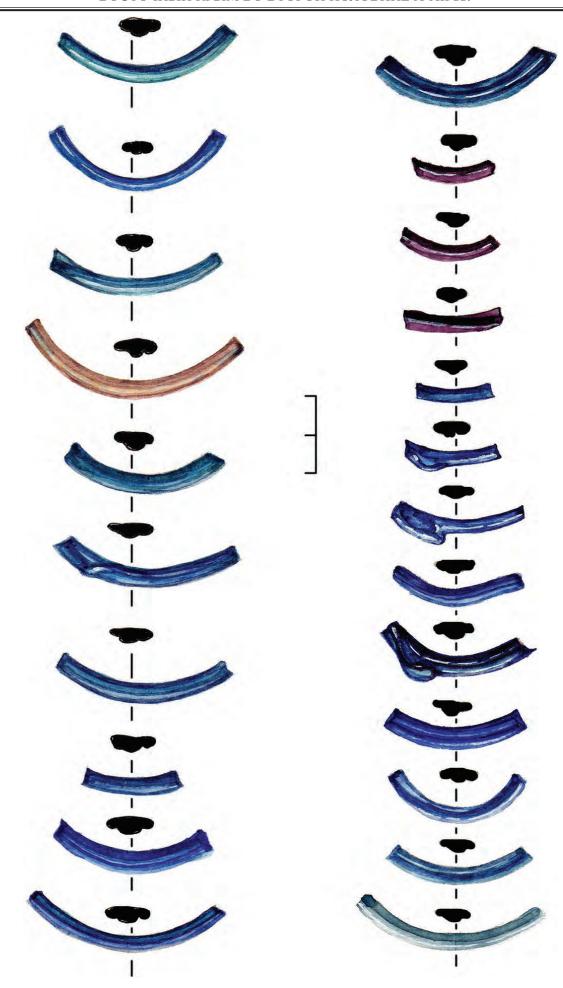

Рис. 157. Фрагменты стеклянных браслетов типа 3 из материалов зольника Сугдеи.

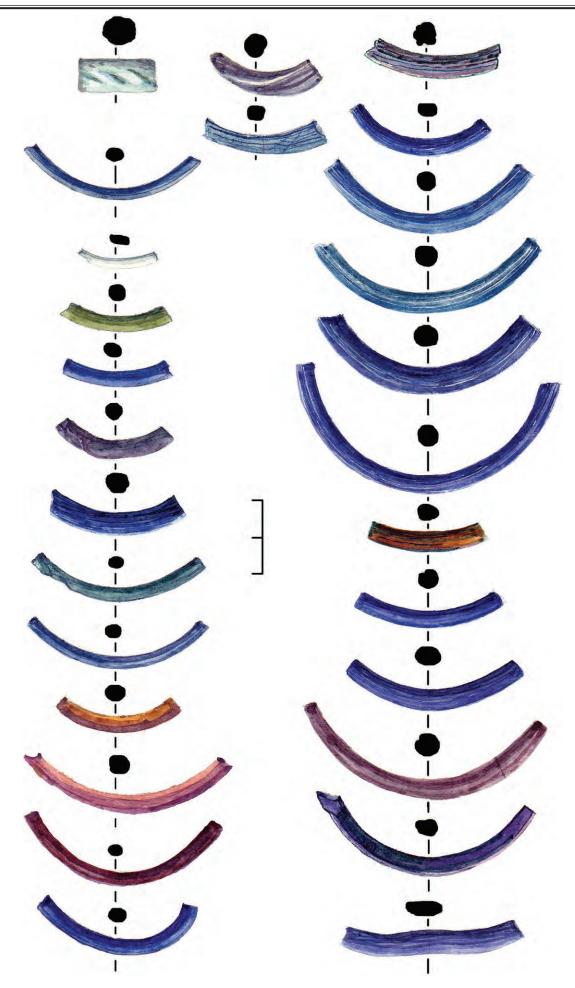

Рис. 158. Фрагменты стеклянных браслетов типа 4 из материалов зольника Сугдеи.

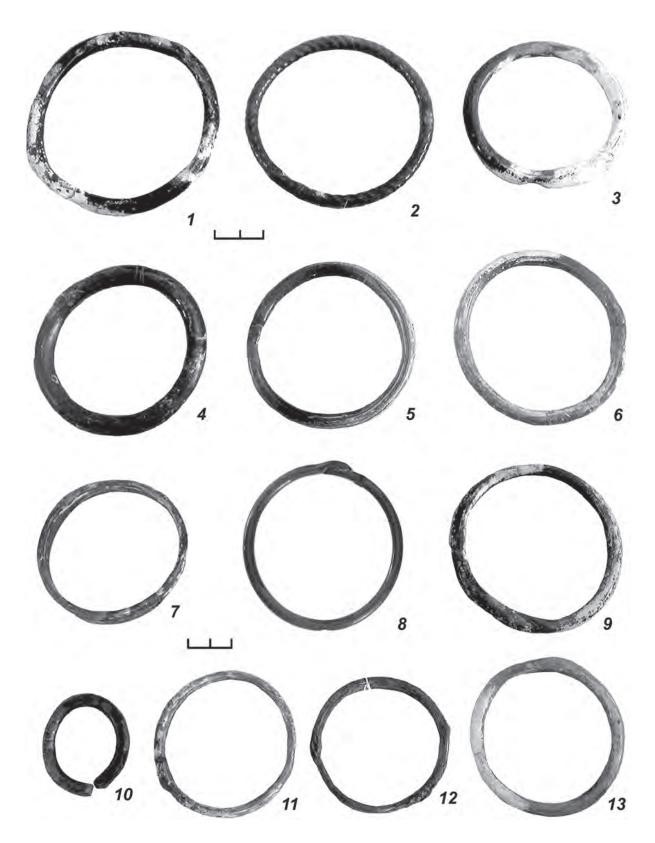

Рис. 159. Стеклянные браслеты типов 2-4 из погребальных комплексов Сугдеи.

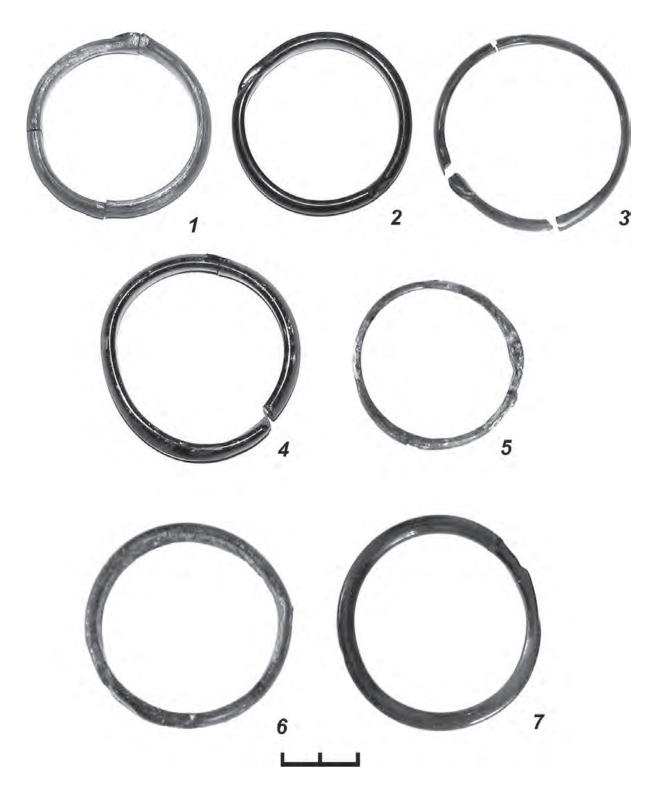

Рис. 160. Стеклянные браслеты типов 2-4 из погребальных комплексов Сугдеи.

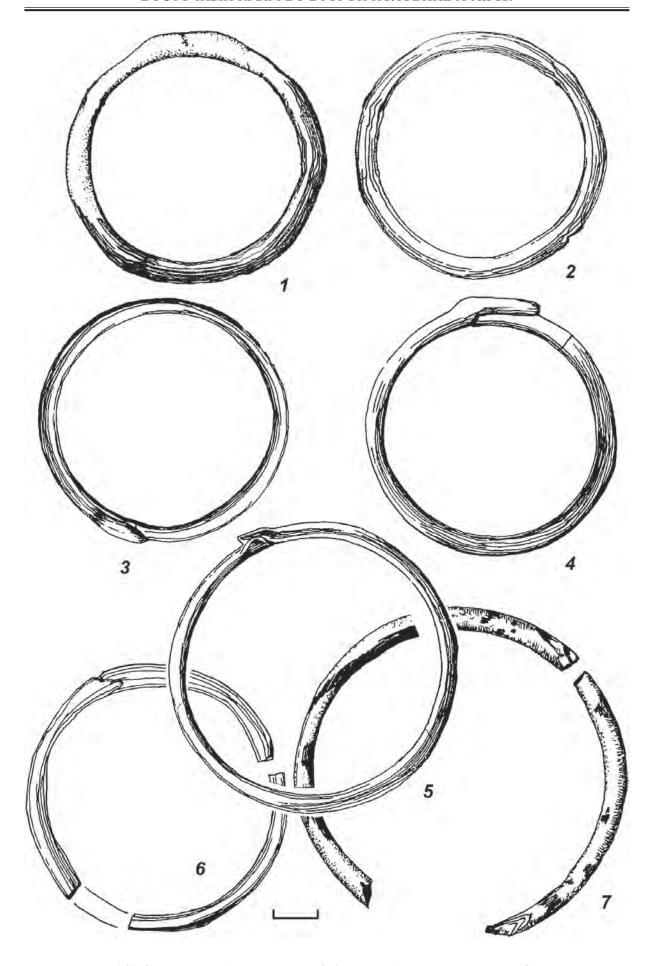

Рис. 161. Стеклянные браслеты типов 2-4 из погребальных комплексов Сугдеи.

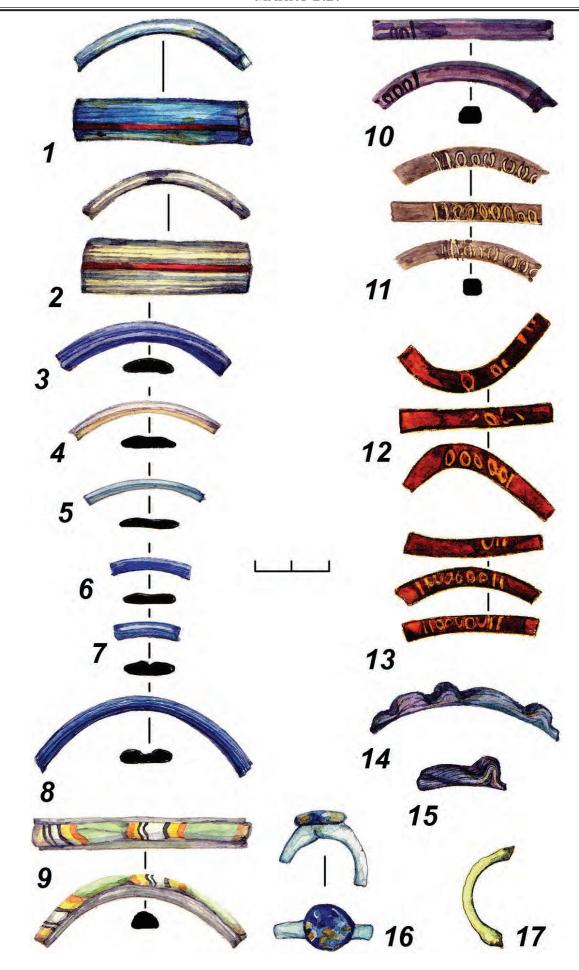

Рис. 162. Фрагменты стеклянных браслетов типов 5-8 и стеклянные перстни из материалов зольника Сугдеи.

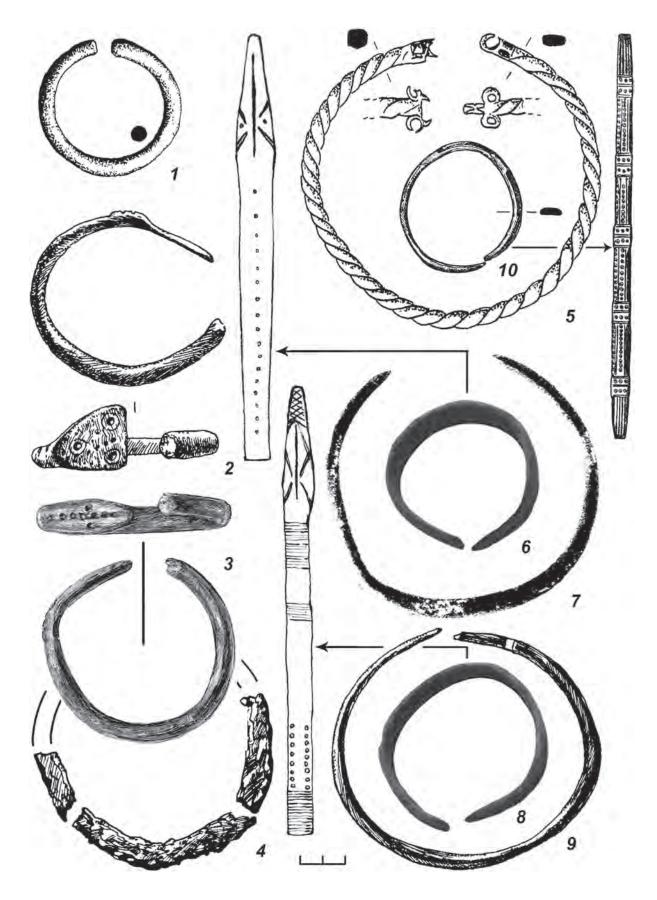

Рис. 163. Бронзовые и железный браслет из погребальных комплексов Сугдеи и Эски-Кермена. 1-9 — Сугдея; 10 — Эски-Кермен.

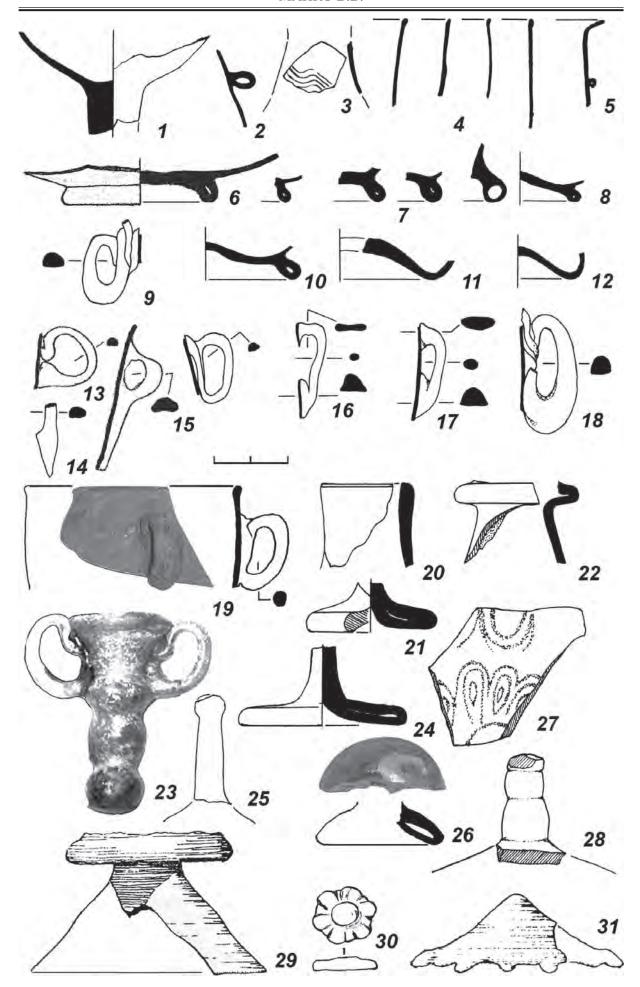

Рис. 164. Фрагменты стеклянных сосудов из археологических комплексов Сугдеи.

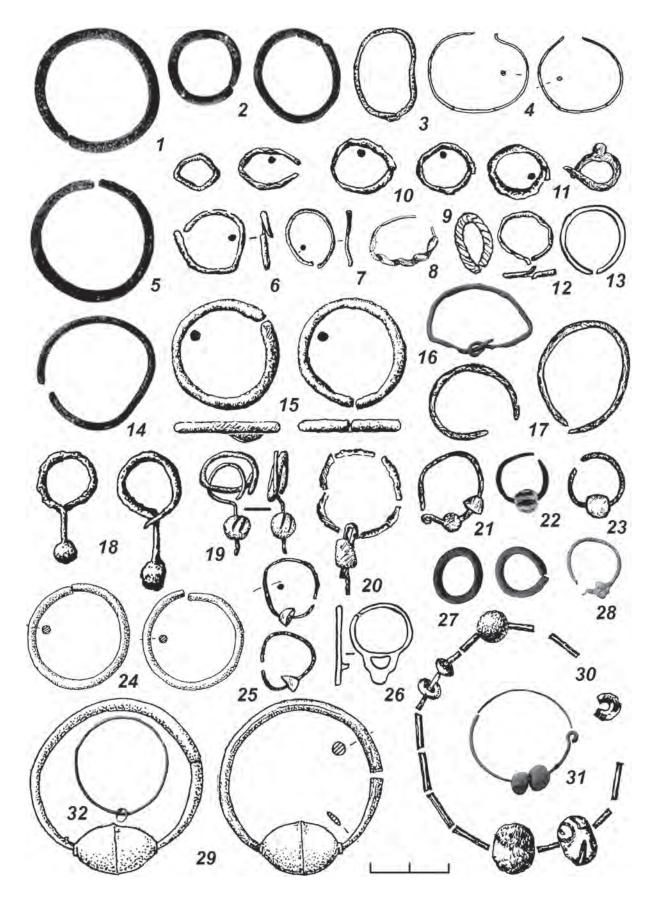

Рис. 165. Основные типы серег из археологических комплексов Сугдеи и Боспора. 1-31 – Сугдея; 32 — некрополь храма Иоанна Предтечи, м. 33.

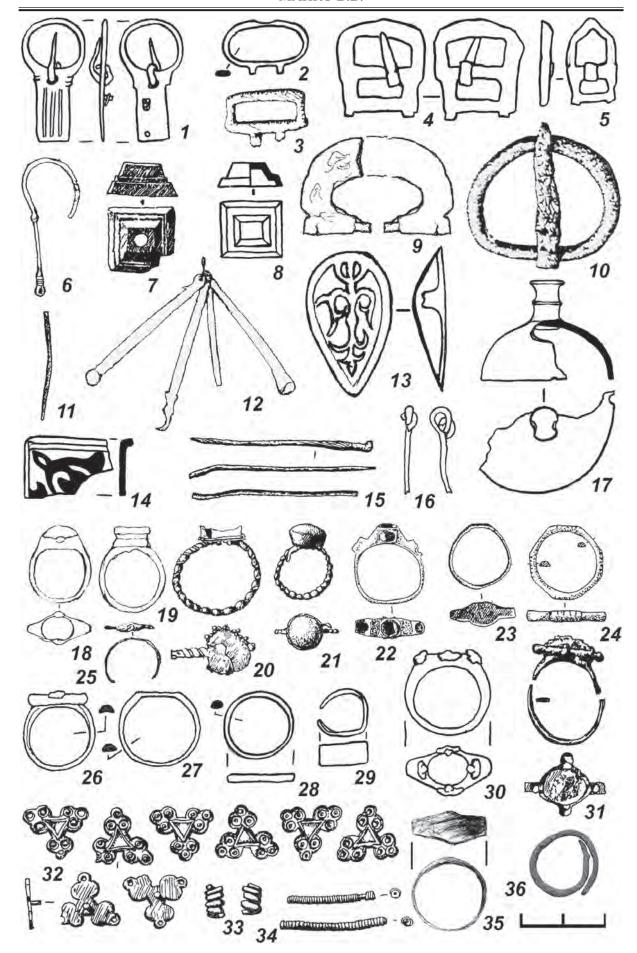

Рис. 166. Элементы средневекового костюма, перстни, кольца, медальон и накладки из археологических комплексов Сугдеи.

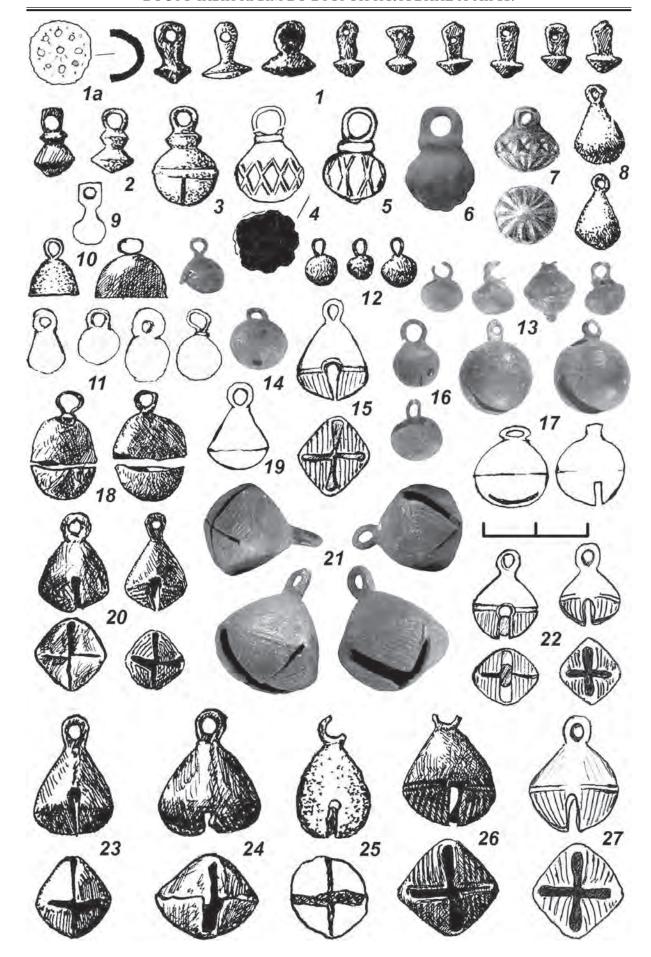

Рис. 167. Основные типы пуговиц-подвесок и бубенчиков с крестообразной щелью из археологических комплексов Сугдеи.

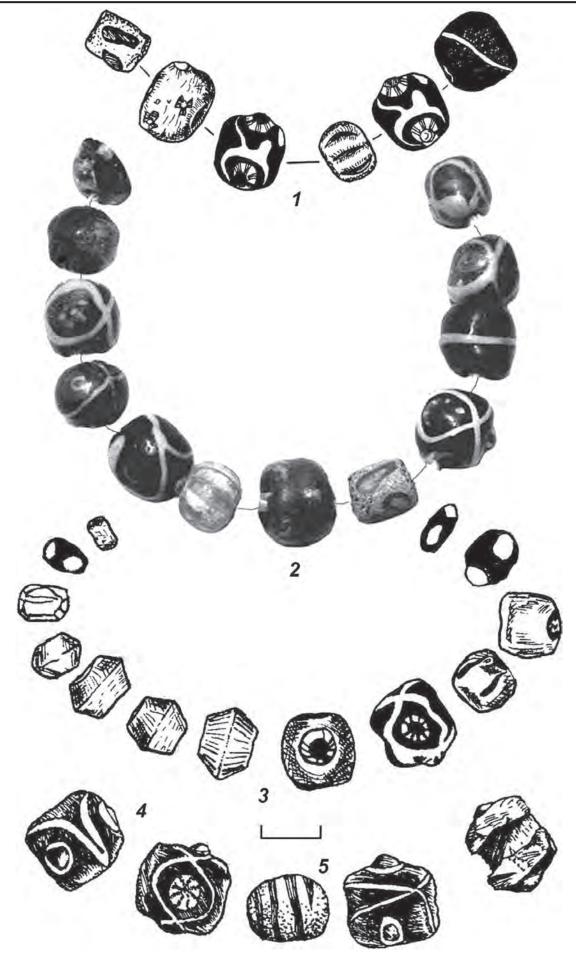

Рис. 168. Ожерелья первого хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

Рис. 169. Ожерелья первого хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

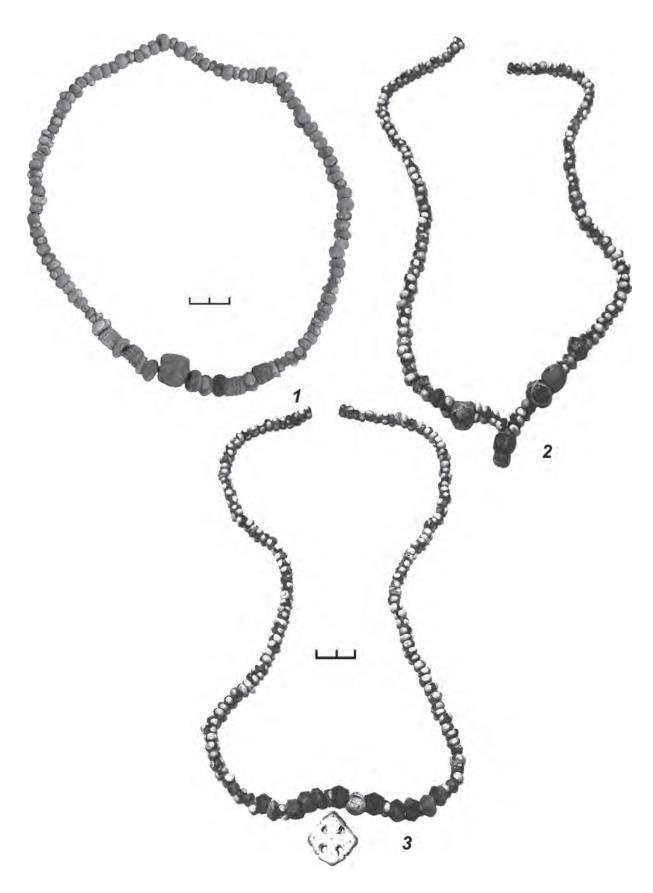

Рис. 170. Ожерелья второго хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

Рис. 171. Ожерелья первой и второй хронологической группы из погребальных комплексов Сугдеи.

Рис. 172. Ожерелье второго хронологического типа из заполнения погребения 245 некрополя Судак-II.

Рис. 173. Ожерелья третьего хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

Рис. 174. Ожерелья третьего хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

Рис. 175. Ожерелья третьего хронологического типа из погребальных комплексов средневековой Сугдеи.

Рис. 176. Ожерелья разных хронологических типов из погребений некрополя храма Иоанна Предтечи на Боспоре.

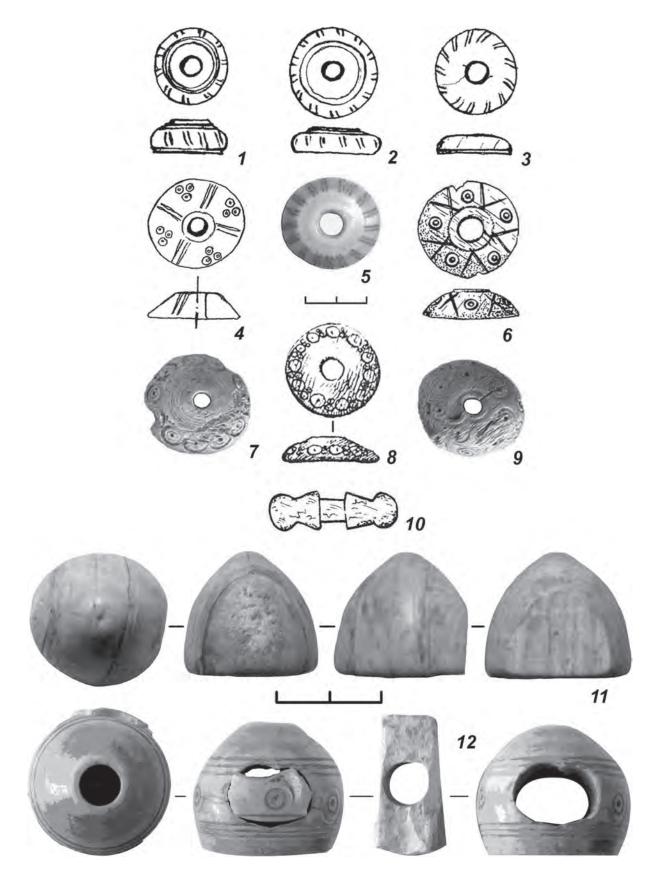

Рис. 177. Костяные застежки, пуговица и составное костяное изделие из погребальных и жилищнохозяйственных комплексов Сугдеи и их аналогии.

1-12 — Сугдея.

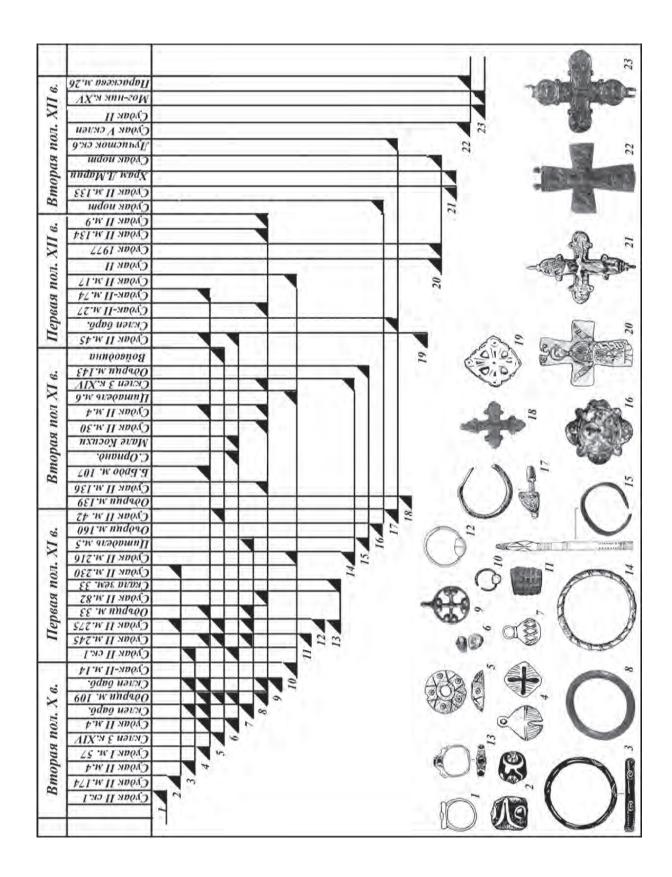

Рис. 178. Корреляционная таблица основных хронологических индикаторов памятников юго-восточного Крыма второй половины X-XII вв.

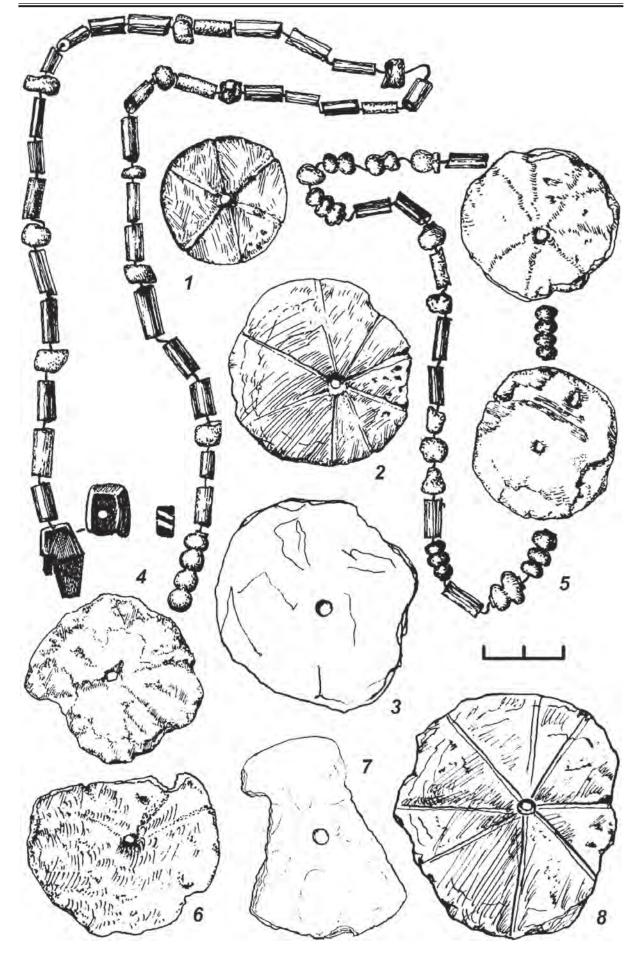

Рис. 179. Перламутровые орнаментированные пуговицы, в том числе в составе ожерелий, из погребальных комплексов Сугдеи.

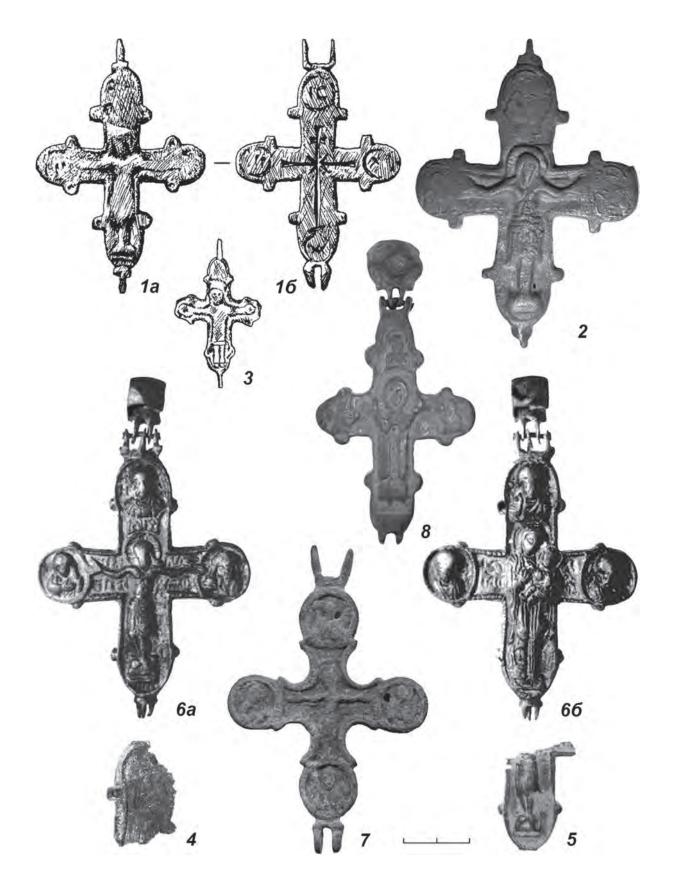

Рис. 180. Энколпионы древнерусского производства из комплексов юго-восточного Крыма. 1-7 – Сугдея; 8 – поселение у с. Русское.

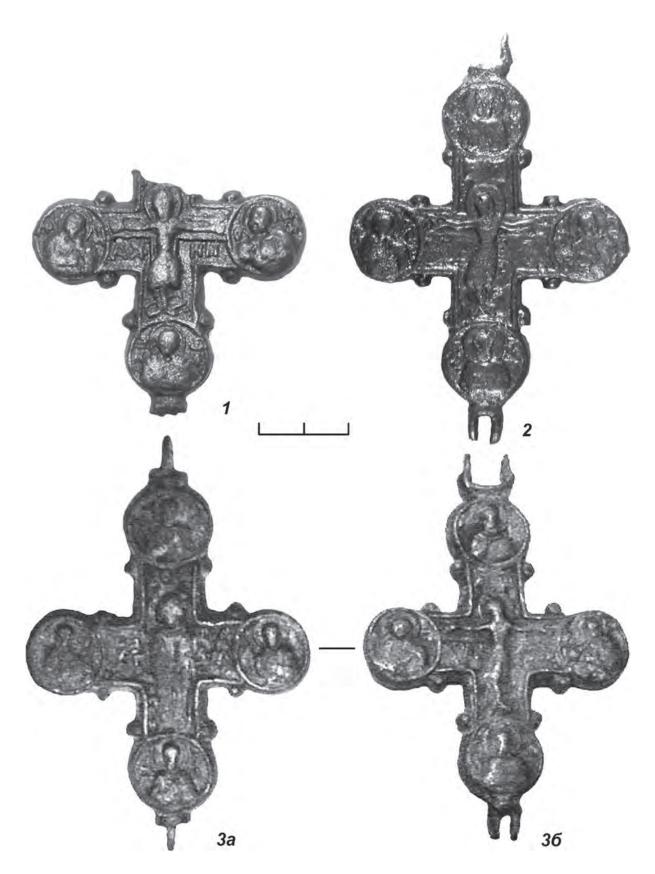

Рис. 181. Энколпионы киевского производства из комплексов Сугдеи.

Рис. 182. Энколпионы византийского производства из комплексов юго-восточного Крыма. 1-5- Сугдея; 6- урочище Кизил-Таш.

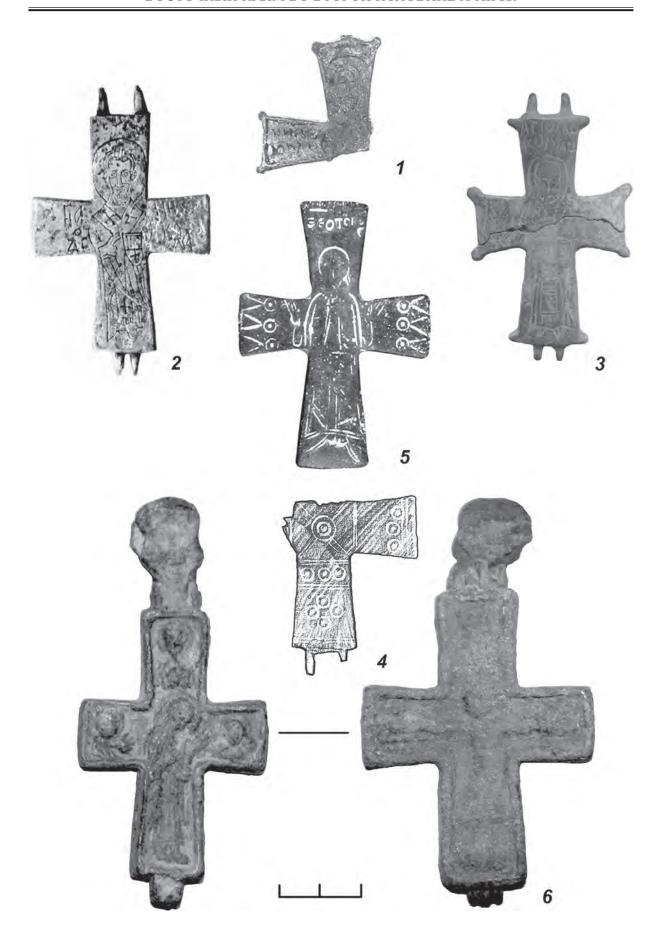

Рис. 183. Болгарские и византийские энколпионы восточного Крыма.

1,2 — Сугдея; 3,6 — поселение у с. Русское; 4 — поселение в с. Дачное; 5 — некрополь Бакаташ.

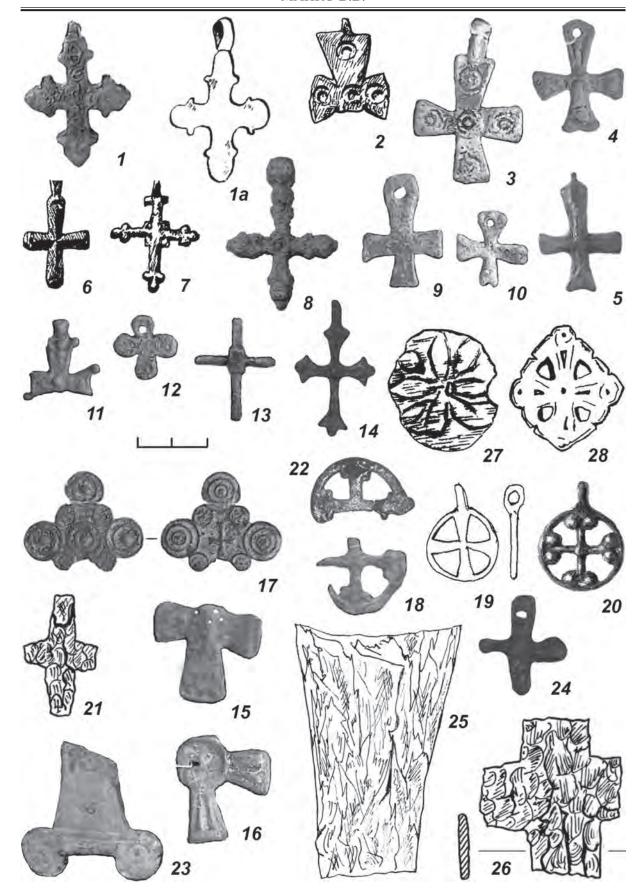

Рис. 184. Кресты-тельники, процессионные и свинцовые кресты-пломбы из археологических комплексов Сугдеи и подводных исследований в Судакской бухте.

1 - (№ КБ-97); 2,6,7,27,28 — некрополь Судак-II; 3 - (КБ-114А); 4 - (№ КБ- 3-9); 5 - (№ КБ — 3-2); 8 — некрополь Судак-IX; 9 - (№ КБ — 1-1); 10 - (№ КБ — 1-7); 11 - (№ КБ-11); 12 - (№ КБ — 1-8); 13 - (№ КБ-16); 14 — подводные исследования 2006 г. (к.о. 11); 15 - (№ КБ-3); 16 - (№ КБ-2); 17 - (КБ — 3-10); 18 - (№ КБ-16); 19-Судак, куртина XV; 20 — склеп Барбакан; 21 — Судак, зольник; 22 — подводные исследования 2007 г. (к.о. № 15); 23 - подводные исследования 2006 г. (к.о. № 16); 24-(№КБ-1-11); 25,26 — Судак, портовая часть. — 452 —

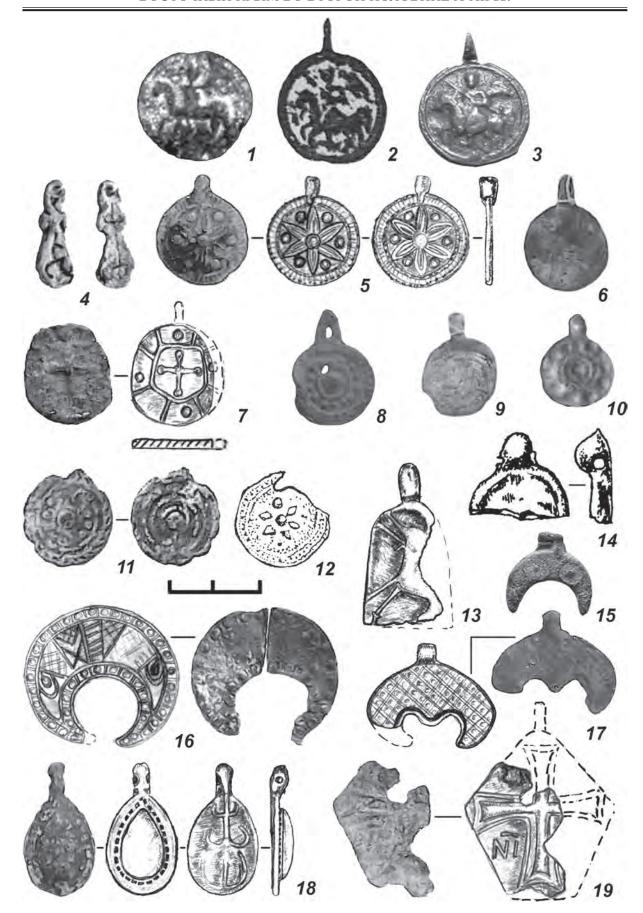

Рис. 185. Мелкая византийская свинцовая пластика. Христианские медальоны.

1- подводные исследования в Судаке 2005 г. (к.о. № 15); 2-Киевская обл. из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко; 3 — Одесский музей нумизматики; 4 — (№КБ-137); 5 — (№КБ-115); 6,9 - (№КБ-101); 7 - (№КБ-111); 8 — Судак 1878 г.; 10 - (№КБ-136); 11 — (№КБ-117); 12 — Одырци; 13 - (№КБ-113); 14- некрополь Судак-ІІ; 15 — Подводные исследования В.И. Булгаковой;16 - (№КБ-98); 17 - (№КБ-99); 18 - (№КБ-112); 19 - (№КБ-110). — 453 —

Рис. 186. Стеклянная гемма Сугдеи и ее аналогия.

¹ — Сугдея (по Н.Н. Мурзакевичу); 2 — из собрания Лувра; 3 — из собрания Гамбургского музея (по В.П. Даркевичу).

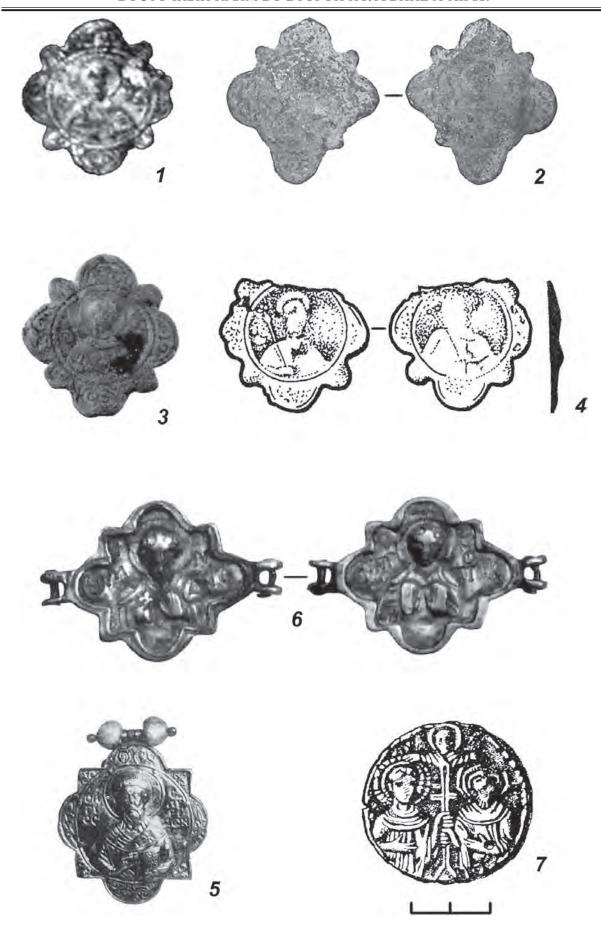
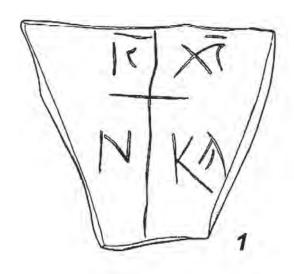
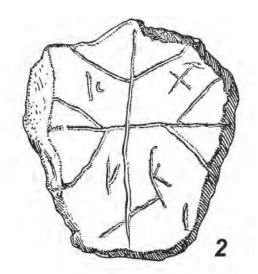

Рис. 187. Христианские медальоны и их аналогии.

1,2 — Судак, подводные исследования 2005 г. (к.о. № 16) и 2009 г.; 3 — Болгария, коллекция Мюнхенского музея; 4 — Одърци м. 160 (по Л. Дончевой-Петковой); 5 — Государственная оружейная палата; 6 — из коллекции собора Сан-Марко в Венеции; 7 — Судак-1985, участок башни № 3 (по И.А. Баранову). 1-4 — свинец; 5,6 - серебро; 7 — бронза. -455 -

ш

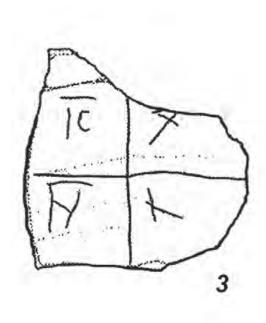

Рис. 188. Черепица и фрагменты амфор с прочерченным крестом и христианской формулой IC XC NI KA средневековой Таврики.

1 – Эски-Кермен; 2 – с. Гончарное; 3 – Аю-Даг; 4 – Сугдея, некрополь Судак-IX.

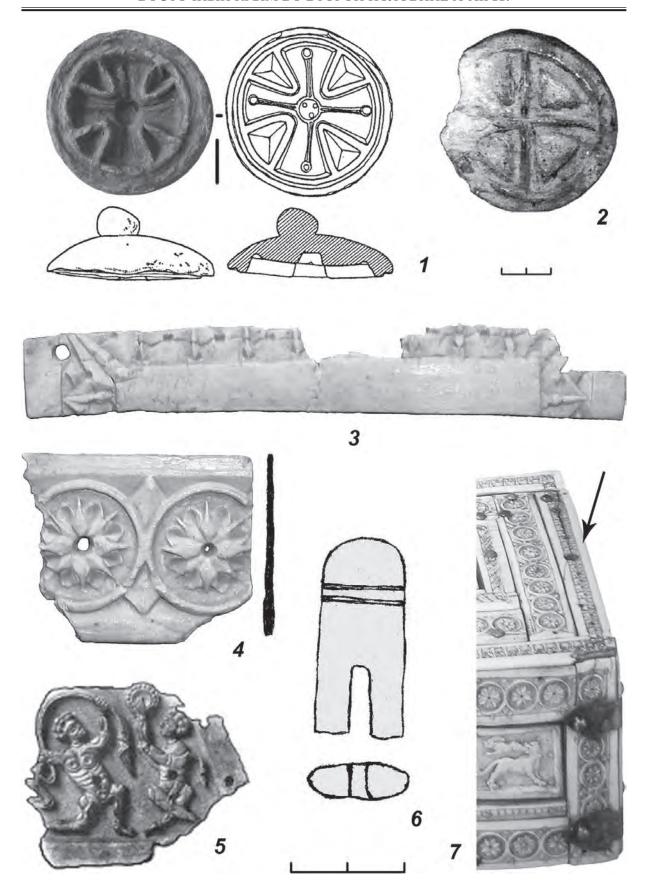

Рис. 189. Мелкая византийская свинцовая пластика. Изделия из глины, бронзы и слоновой кости. 1 — подводные исследования близ пос. Карасан на южном берегу Крыма (по Э. Ястржебовской,

В.Е. Герасимову); 2 – Бакаташ-II (по В.Д. Гукину); 3,4,6 – Судак-1982 (раскопки И.А. Баранова), ремесленное помещение; 5 – Судак 1929 (по В.П. Даркевичу); 7 – Северная Адриатика (по The Glory of Byzantium). 1,2 – глина; 3-7 – слоновая кость.

Рис. 190. Фрагменты стеатитовых икон из материалов средневековой Сугдеи.

1 – из частной коллекции; 2 – из культурного слоя на площади барбакана; 3 – портовая часть, культурный слой; 4 – случайная находка возле квартала I.

Рис. 191. Медное кадило из погребального инвентаря некрополя храма Параскевы.

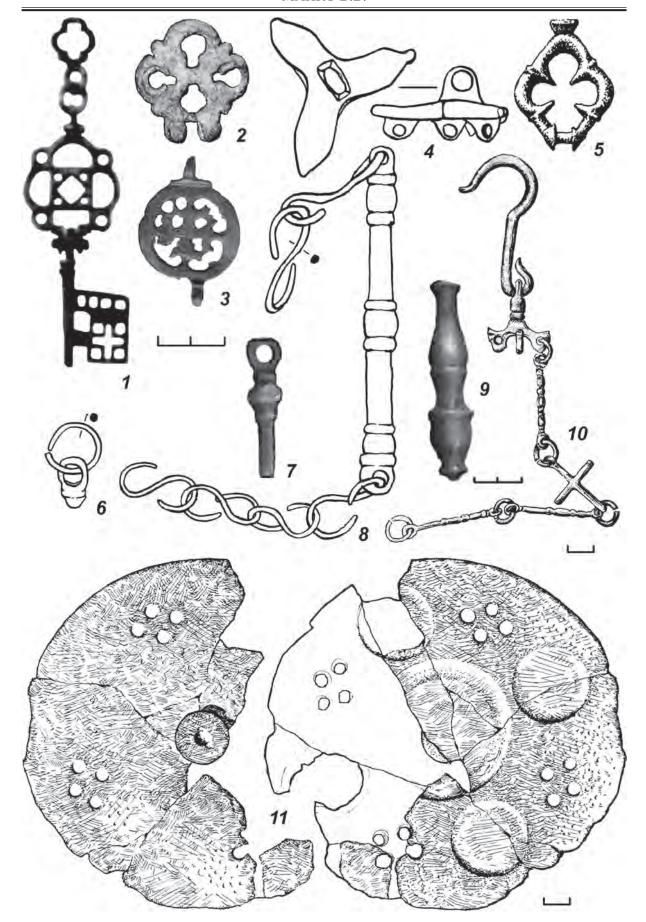

Рис. 192. Элементы церковной утвари из археологических комплексов Сугдеи.

1 — из коллекции Мюнхенского музея; 2 — подводные исследования 2005 г. (к.о. 9); 3 —Сугдея (№КБ-126); 4,6,8 — Судак 1991, зольник; 5,11 — некоропль Судак-II. 7,9 — подводные исследования Сугдеи (№КБ-139); 10 — Судак, сборы Н. Мурзакевича 1878 г.

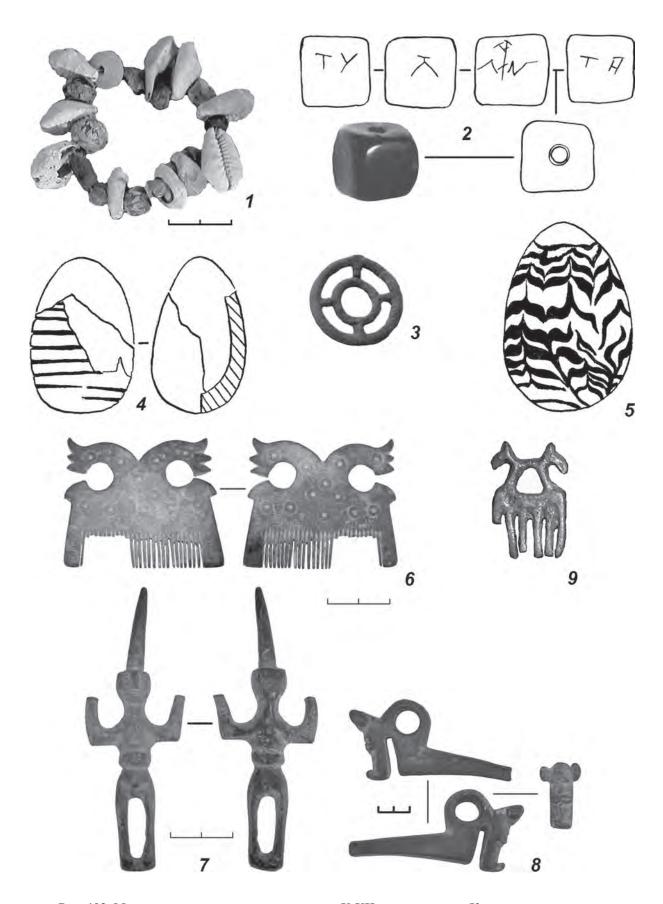

Рис. 193. Магические и ритуальные предметы X-XII вв. восточного Крыма и их аналогии.

1-5 – Сугдея; 6-8 – поселение у с. Голованевка и Красноселовка; 9 - Липлявский некрополь.

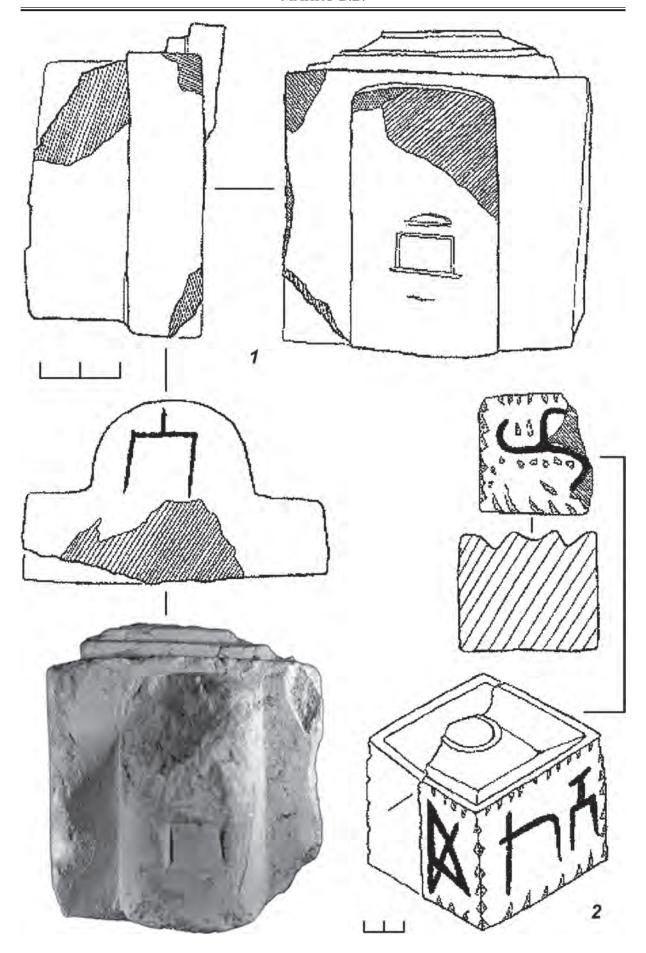

Рис. 194. Глиняные изделия, напоминающие реликварии или подсвечники.

1 – портовая часть Сугдеи; 2 – поселение у с. Морское в юго-восточном Крыму.

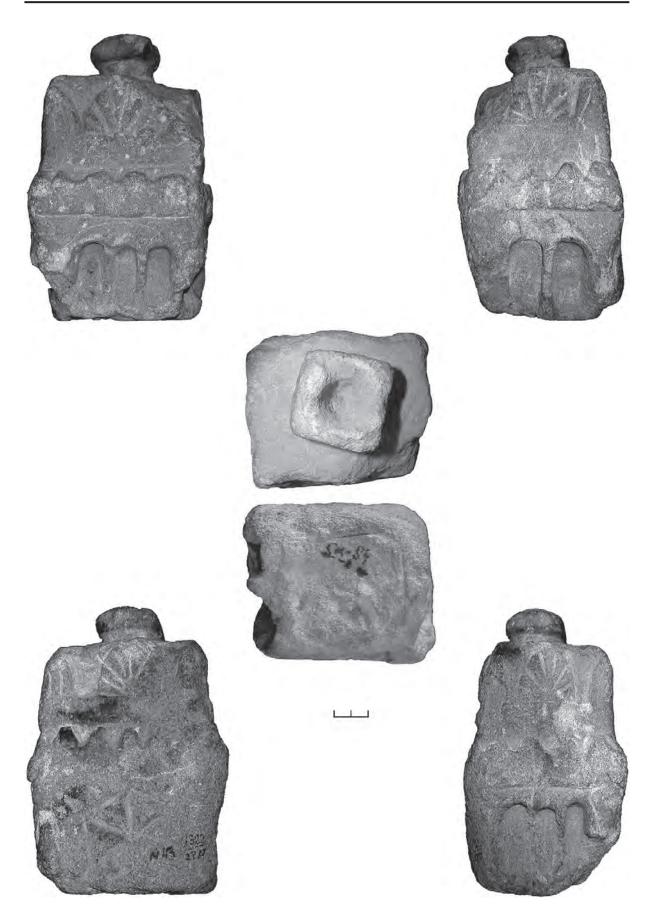

Рис. 195. Каменный подсвечник в виде модели здания из переотложенных горизонтов в раскопках храма Девы Марии в Сугдее.

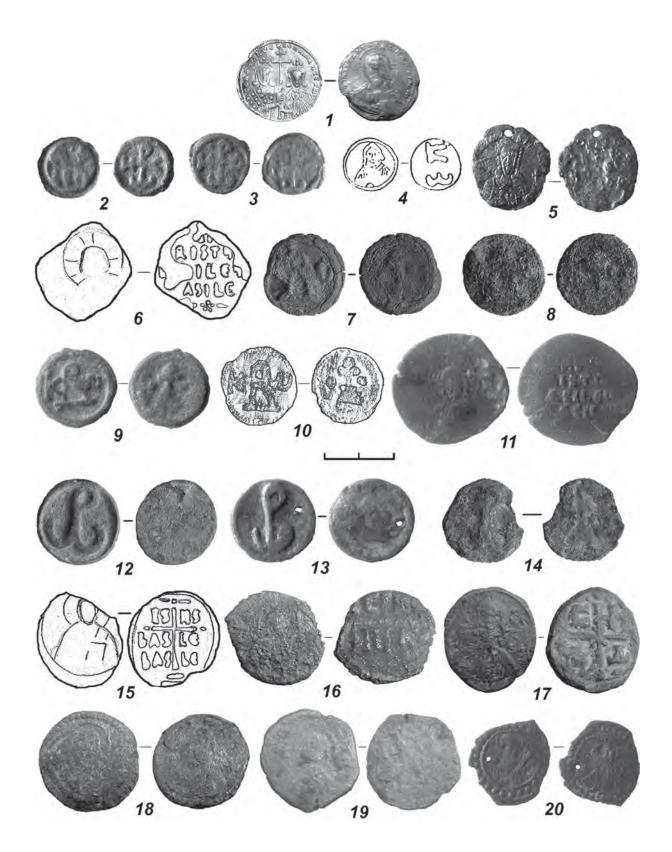

Рис. 196. Херсоно-византийские и византийские монеты средневековой Сугдеи.

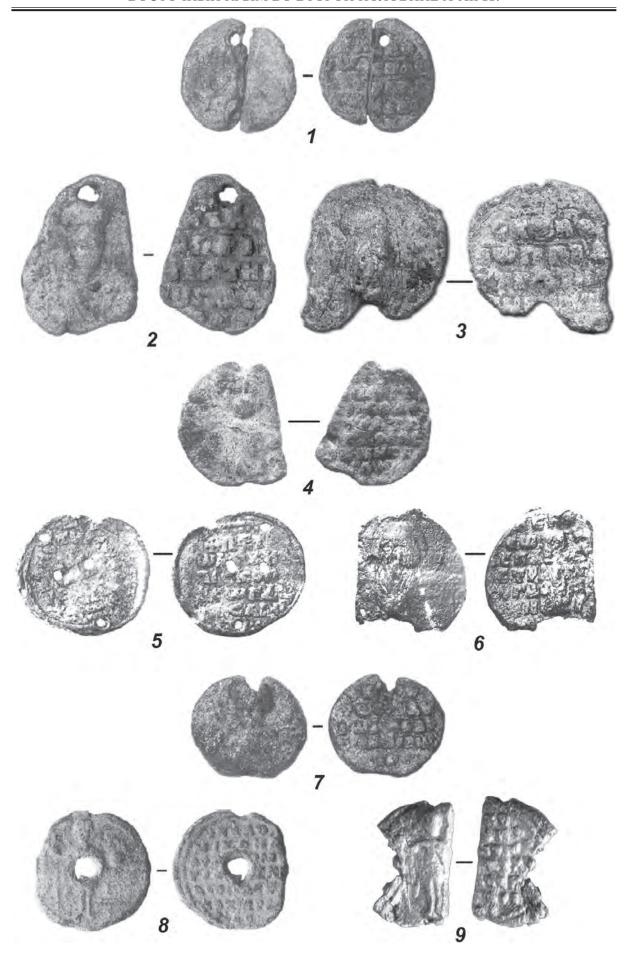

Рис. 197. Свинцовые моливдовулы стратигов Сугдеи и Тмутараканских князей из подводных исследований в Судакской бухте.